

РАЗВИТІЕ ПОСТОЯННЫХЪ РЕГУЛЯРНЫХЪ АРМІИ

и

СОСТОЯНІЕ ВОЕННАГО ИСКУССТВА

въ

ВѢКЪ ЛЮДОВИКА XIV И ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА

Генераль-Маіоръ ПУЗЫРЕВСКІЙ.

Издано при содѣйствіи Николаевской академіи Генеральнаго штаба.

С.-Петербургъ.

Типографія В. С. Балашева, Екаторинин. кав., д. 78.

1889.

Екатеринославскій кан., л. 78.
№ 2805.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
Предисловіе	I
Введеніе	1
Способы набора войскъ	3
Содержаніе и продовольствіе войскъ въ мирное и военное время	30
Военныя учрежденія для управленія арміями; военная іерархія	43
Военно-уголовное судопроизводство; наказанія	58
Награды; призравніе инвалидовъ	63
Тактическое устройство войскъ:	
а) пѣхота	65
б) кавалерія	79
в) артиллерія	95
Составъ арміи и совокупное расположеніе и дѣйствіе въ бою различныхъ родовъ войскъ	112
Инженерное искусство	130
Духъ и дисциплина войскъ	144
Строевое и полевое обученіе войскъ	148
Характеръ столкновеній:	
Очеркъ дѣйствій Тюрення въ 1674 г.	157
Кампанія 1675 г. въ Эльзасѣ	175
Рохштедское сраженіе 1704 г.	181
Образъ веденія войны въ концѣ XVII и началѣ XVIII столѣтій въ западной Европѣ. Важность значенія крѣпостей, укрѣпленныхъ пунктовъ и лагерей. Общій характеръ наступательныхъ и оборонительныхъ войнъ	195
Замѣчательнѣйшія военныя дѣйствія въ продолженіи войны за наслѣдство испанскаго престола	204
Кампанія 1701 года въ Италіи	210
Кампанія 1702 года въ Италіи	229
Кампанія 1706 года въ Италіи	255
Стратегическія соображенія Визяра при Дененѣ въ 1712 г.	267
Петръ Великій въ борьбѣ съ Карломъ XII. Полтавское сраженіе	280
Заключеніе	313
Приложеніе. Очеркъ военной литературы первой половины XVIII ст. въ главнѣйшихъ ея представителяхъ	319
Примѣчанія	341
Опечатки	348

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мною была издана „Исторія военнаго искусства въ средніе вѣка“, обнимающая время отъ паденія Западной Римской имперіи до Густава Адольфа. Еще ранѣе я напечаталъ записки (предназначенныя исключительно для офицеровъ, обучающихся въ Николаевской академіи генеральнаго штаба), заключающія въ себѣ очеркъ состоянія военнаго искусства въ эпоху Густава Адольфа. Такимъ образомъ, настоящій трудъ составляетъ продолженіе предшествующихъ моихъ работъ по этому-же предмету, будучи вмѣстѣ съ тѣмъ отдѣльнымъ цѣлымъ, такъ какъ охватываетъ весьма выпуклую эпоху въ исторіи военнаго искусства, когда постоянныя регулярныя арміи и методическій образъ веденія войны утвердились повсюду въ западной Европѣ, а на востокѣ ея появилось могущественное государство, не только усвоившее себѣ съ чрезвычайной быстротой западно-европейскій опытъ, но и давшее замѣтные толчки дальнѣйшему развитію военнаго искусства. Можно сказать безъ ошибки, что основанія всѣхъ нынѣшнихъ военно-административныхъ порядковъ находятся въ тѣсной связи съ началами, установленными въ разсматриваемую эпоху, или составляютъ лишь ихъ логическое послѣдствіе,—а отсюда важное самостоятельное значеніе этой эпохи въ исторіи военнаго дѣла. Первоначально, при чтеніи мною въ академіи лекцій по исторіи военнаго искусства въ вѣкъ Людовика XIV, основаніемъ мнѣ служили записки, составленныя покойнымъ профессоромъ, предшественникомъ моимъ по кафедрѣ, Афанасіемъ Евлампіевичемъ, Станкевичемъ. Записки эти, по состоянію тогдашней военной литературы, были обработаны превосходно, и могли-бы, сдѣлавшись общимъ достояніемъ, занять почетное мѣсто въ ряду лучшихъ научныхъ ра-

боть по этому предмету. Тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе появленія на западѣ новыхъ трудовъ по данному предмету, я, еще при жизни А. Е. Станкевича и съ его разрѣшенія, переиздалъ упомянутый записки съ довольно существенными передѣлками, дополненіями и сокращеніями. Между тѣмъ съ теченіемъ времени западно-европейская военно-историческая литература замѣчательно обогатилась новыми изслѣдованіями, представившими не только новый богатый фактической матеріалъ, но и давшими отчасти совершенно новое освѣщеніе установленнымъ издавна фактамъ. Такъ весьма много интереснаго мы находимъ: у французскихъ авторовъ—по исторіи военно-административныхъ учреждений, а у немецкихъ въ изложеніи походовъ Тюрениа и въ особенности въ описаніи кампаній Евгенія Савойскаго. Издаваемое австрійскимъ генеральнымъ штабомъ, столь-же капитальное по достоинствамъ какъ и колоссальное по объему, сочиненіе, заключающее въ себѣ, основанное на подробной разработкѣ обширѣйшаго архивнаго матеріала, описаніе „Походовъ Евгенія Савойскаго“, представляетъ многія событія, особенно кампаніи 1701 и 1702 г., въ рѣзко видоизмѣненномъ свѣтѣ. Читая, наиримѣръ, описаніе сраженія при Люцарѣ въ сочиненіи австрійскаго генеральнаго штаба мы просто не узнаемъ этого боя, картина котораго у насъ сложилась на основаніи прежнихъ неполныхъ источниковъ. Такимъ образомъ, эти походы пришлось изложить совершенно заново. Далѣе, рѣшаясь выступить съ моимъ трудомъ за предѣлы стѣнъ академіи, я не могъ не дать параллельнаго очерка состоянія военнаго искусства въ Россіи, хотя это не входитъ въ кругъ моего академическаго преподаванія и лежитъ на обязанности другаго профессора. Я не имѣлъ никакой возможности изслѣдовать русское военное искусство исключительно по „первымъ“ источникамъ и пользовался таковыми, къ сожалѣнію, лишь въ относительно слабой степени. Считаю только себя въ правѣ заявить, что я основывался на лучшихъ изъ обработанныхъ трудовъ, нерѣдко весьма спеціальныхъ по своему содержанію и потому гораздо менѣе извѣстныхъ, чѣмъ они этого заслуживаютъ по своимъ научнымъ достоинствамъ. При такихъ условіяхъ я полагаю, что параллельное и систематическое сопоставленіе русскаго и западно-европейскаго военнаго искусства будетъ не лишено извѣстнаго интереса и быть можетъ читатели придутъ къ убѣжденію, что при подобномъ сопоставленіи первое (временъ Петра Великаго) только выигрываетъ... Во всякомъ случаѣ

я не могу упрекнуть себя въ томъ, что-бы я далъ мало мѣста русскому военному дѣлу,—скорѣе обратное.

Наконецъ, въ приложеніи я помѣстилъ очеркъ военной литературы, въ главнѣйшихъ ея представителяхъ, въ первой половинѣ XVIII столѣтія.

Источники и пособія, которыми я пользовался, указаны въ ссылкахъ. Кромѣ того считаю моимъ долгомъ упомянуть, что для очерка Морица Саксонскаго, какъ полководца и писателя, Н. Н. Сухотинъ любезно предоставилъ въ мое распоряженіе его неизданную рукопись, изъ которой я не мало черпалъ, а при изложеніи италіанскихъ кампаній 1701, 1702 и 1706 годовъ, я имѣлъ подъ рукою, охотно предложенныя мнѣ, письменныя работы, на заданную тему, моихъ бывшихъ слушателей, капитановъ: Фрейберга и Щербачева. Всѣмъ этимъ лицамъ приношу мою искреннюю благодарность.

Изданіе моего настоящаго труда могло осуществиться только при содѣйствіи начальника Николаевской академіи генеральнаго штаба Михаила Ивановича Драгомирова.

Не могу не замѣтить, съ сожалѣніемъ, что, вслѣдствіе моего отсутствія лѣтомъ изъ Петербурга, въ нѣкоторыхъ планахъ и картахъ, сработанныхъ въ это время и не скорректированныхъ мною, вкрались ошибки, подчасъ весьма грубыя.

А. Пузыревскій.

30 декабря 1888 г.

С.-Петербургъ.

Начало постоянныхъ регулярныхъ армій и состояніе военного искусства въ вѣкъ Людовика XIV и Петра Великаго.

Съ восшествіемъ на престолъ Людовика XIV начинается преобладаніе Франціи на континентѣ, что обусловливалось какъ сильнымъ внутреннимъ развитіемъ государства, личными качествами государя, такъ и относительною слабостью сосѣднихъ державъ, въ конецъ истощенныхъ Тридцатилѣтней войной. Власть королевская поставлена была на такой высокой пьедесталь, что Людовикъ XIV могъ сказать: *L'état c'est moi*. Средства, которыми располагало правительство, были огромны: благодаря Кольберу государственная казна была полна: доходы, хотя довольно тяжело ложившіеся преимущественно на классъ земледѣльческій, позволяли содержать многочисленную армію, завести сильный флотъ, уступавшій по численности судовъ развѣ одному голландскому.

Въ войнахъ, веденныхъ Ришелье и Мазарини, образовались талантливые полководцы, не разъ водившіе полки къ побѣдамъ, и такъ какъ войны эти ведены были одновременно въ Германіи, Испаніи и Фландріи, то необходимость заставляла держать многочисленную армію. При вступленіи на престолъ Людовика XIV въ ней считалось подъ ружьемъ 120 т. Такой многочисленной постоянной арміи Европа не видала съ паденія Западной Римской Имперіи. На ряду съ этими общими причинами, развитію военного дѣла во Франціи содѣйствуютъ многія другія благопріятныя обстоятельства и прежде всего цѣлый рядъ талантливыхъ дѣятелей, начиная съ Генриха IV. Этотъ государь самъ много сдѣлалъ для организаціи вооруженныхъ силъ страны; его дѣло перешло въ руки геніальнаго, твердаго Ришелье, который тщательно совершенствовалъ военныя учрежденія государства, и хотя дѣло было нѣсколько испорчено итальянцемъ—авантюристомъ Мазарини, но затѣмъ Ле-Телье и особенно сынъ его, знаменитый Лувуа, приняли цѣлый рядъ мѣръ по всеѣмъ отраслямъ военного управленія и дали прочныя учрежденія, создавшія новый порядокъ вещей во французской арміи. Въ теченіе почти полутора столѣтія дѣло велось въ одномъ направленіи, и это постоянство учреждений, постепенно совершенствуемыхъ, создало прочный порядокъ и

традиция, обуславливавшая, между прочимъ, преобладаніе Франціи при Людовикѣ XIV.

Избытокъ матеріальныхъ и нравственныхъ силъ въ государствѣ и слабость сосѣдей, при свойствахъ личнаго характера честолюбиваго короля, не могли не вскружить голову, мечтавшую играть въ Европѣ роль Карла Великаго. И вотъ начинается рядъ войнъ, наводнившихъ кровью Европу, возвысившихъ Францію до апогея величія и славы, давшихъ ей не только матеріальное, но и нравственное первенство среди сосѣдей; но чрезмѣрное форсированіе этихъ силъ, стеченіе неблагоприятныхъ обстоятельствъ внутреннихъ и вѣшнихъ произвели реакцію, и Франція, такъ быстро возвысившаяся на степень первенствующей державы въ мірѣ, такъ же быстро падаетъ, казна истощается, цвѣтъ ея населенія погибаетъ въ непрерывныхъ войнахъ, все классы страдаютъ, государственные люди ея сходятъ въ могилу и великолѣпный ея король, предписывавшій законы Европѣ, униженно проситъ о мирѣ неумолимыхъ своихъ противниковъ.

Чтобы вести войны со всею Европою Людовику уже недостаточна была его и безъ того многочисленная 120 т. армія, и численность ея начинаетъ быстро возрастать; въ эпоху Нимвегенскаго мира, она считается уже въ своихъ рядахъ до 150 т. челов., а въ войну за наслѣдство испанскаго престола она достигаетъ до колоссальной цифры 350 т. человекъ. Конечно, это отразилось и на государствахъ участвовавшихъ въ борьбѣ: вездѣ числительная сила армій увеличивалась въ огромной прогрессив. Пруссія, при незначительной своей территоріи, имѣла при отцѣ Фридриха Великаго до 70 т. войскъ, небольшое государство Савойское въ началѣ XVIII столѣтія располагало арміею въ 30 т. Такое развитіе вооруженныхъ силъ совершенно измѣнило все дотошное существовавшее понятіе о военной системѣ; а открытія и усовершенствованія въ технику оружія отразились на тактическомъ составѣ войскъ и на дѣйствіяхъ ихъ въ бою. Въ періодъ до появленія на политической сценѣ Фридриха Великаго, военное искусство вылилось въ формы, весьма отличныя отъ прежнихъ. Веденіе войны сдѣлалось предметомъ теоретическаго изученія; вмѣстѣ съ тѣмъ стратегическое искусство въ практическомъ его осуществленіи утрачиваетъ прежній свой характеръ рѣшительности, цѣли дѣйствій ограничиваются вслѣдствіе системы продовольствія войскъ, важность крѣпостей отражается на успѣхахъ въ инженерномъ дѣлѣ, которое съ появленіемъ Вобана на военномъ поприщѣ далеко пошло впередъ. Но въ то самое время, когда чрезмѣрное могущество Франціи быстро пошатнулось и страна стремительно склонилась почти къ полному упадку, въ восточной Европѣ выступаетъ на всемірно-историческое поприще великое государство, двинутое съ сверхъестественною силою на путь европейскаго прогресса своимъ гениальнымъ государемъ—императоромъ Петромъ Великимъ. Рѣшительное появленіе Россіи среди западно-европейскихъ государствъ рѣзко измѣняетъ все

политическія отношенія между ними, и система европейской политики принимаетъ новый характеръ и направленіе. Россія сразу выступаетъ во всеоружіи ея военнаго могущества, созданнаго хотя по европейскимъ образцамъ, но въ значительной степени на національныхъ началахъ. Продолжительная вооруженная борьба, веденная Петромъ, выясняетъ практическое достоинство новыхъ учреждений, причемъ военныя дарованія Петра Великаго проявляются въ такихъ формахъ, которыя отмѣчаютъ собою ступени въ самостоятельномъ прогрессивномъ развитіи русскаго военнаго искусства. Россія даетъ образцы, признаваемые поучительными и для западно-европейскихъ армій. Такимъ образомъ съ точки зрѣнія исторіи развитія военнаго искусства разсматриваемую эпоху мы можемъ назвать *вѣкомъ Людовика XIV и Петра Великаго*.

Способы набора войскъ.

Тридцатилѣтняя война, истощивъ въ концѣ Европу, показала всю невыгоду тогдашней системы вооруженныхъ силъ, состоявшихъ, какъ извѣстно, изъ наемныхъ войскъ. Такой составъ армій не представлялъ надежной гарантіи для достиженія правительственныхъ цѣлей, потому что въ подобныхъ войнахъ не могло существовать нравственныхъ качествъ (чувства долга, преданности отечеству), составляющихъ главную силу армій; кромѣ того, большая или меньшая плата заставляла ихъ переходить отъ одного знамени къ другому, что тяжелымъ бременемъ падало на государство, истощая въ концѣ его финансы; а такъ какъ правительства часто были не въ состояніи выплатить исправно жалованья наемнымъ своимъ дружинамъ, то и принуждаемы были отдавать цѣлыя страны и города на разграбленіе. При подобныхъ недостаткахъ системы наемныхъ войскъ она становилась уже окончательно несостоятельною, когда, по ходу политическихъ обстоятельствъ, для достиженія положенныхъ цѣлей потребовались многочисленныя арміи *).

Правительства повсюду стали переходить къ системѣ войскъ національныхъ и постоянныхъ.

Извѣстно, что во Франціи постоянныя войска являлись еще въ царствованіе Карла VII, учредившаго ордонансовыя роты; но послѣ его смерти Людовикъ XI перешелъ опять къ системѣ войскъ наемныхъ.

Затѣмъ указъ, 1543 г., кор. Франсуа I, предписавшаго набирать армію преимущественно изъ *нищихъ, бродягъ, бездомныхъ*, никакъ не можетъ быть разсматриваемъ, какъ начало постоянного рекрутскаго

*) Еще извѣстный Роганъ въ своемъ сочиненіи: «Le parfait capitaine» высказалъ мысль, что «наборъ солдатъ есть лучшее средство для формированія армій, нежели вербовка охотниковъ, въ ряды которыхъ идутъ все мошенники и негодяи, способные жить только воровствомъ» (стр. 143).

набора. Армия, набранная из такого рода людей, представляла еще меньше гарантій ко внутренней и внешней безопасности государства, нежели войска наемныя. Вооруженныя силы Франціи большею частью состояли изъ войскъ наемныхъ (пѣхота валонская, нѣмецкая кавалерія и итальянскіе инженеры), какъ и въ большей части другихъ государствъ. Ришелье первый подалъ идею о постоянномъ національномъ резервѣ, который долженъ былъ простираться до 60.000 человекъ. Указомъ 1636 года повелѣно было брать въ военную службу людей всѣхъ званій, годныхъ къ ней. Единственный наборъ, сдѣланный при Ришелье, когда испанцы угрожали столицѣ, состоялъ изъ 3000 рекрутъ изъ города Парижа⁽¹⁾. Потомъ идея Ришелье была совершенно оставлена. Франція опять перешла къ системѣ наемныхъ войскъ. Люди набирались посредствомъ вербовки, которая производилась слѣдующимъ образомъ: рота, тогдашняя административная единица, была собственностью капитана: какъ роты, такъ и полки продавались, и купившіе ихъ могли лишиться этой собственности только по рѣшенію короля; опасаясь такой случайности, они, разумѣется, стремились всевозможными²⁾ злоупотребленіями поскорѣе возратить затраченный капиталъ⁽²⁾. Ротный командиръ, въ качествѣ владѣльца роты, самъ занимался ея комплектованіемъ. Кроме того, что онъ заставлялъ вступать въ ея ряды своихъ вассаловъ, онъ обыкновенно посылалъ въ города такъ называемыхъ наборщиковъ (*recruteurs*), унтеръ-офицеровъ на жалованьи, «*roue u faire des hommes*», какъ говорилось въ то время. Тщетно король грозилъ тюрьмою и другими наказаніями за насильственную вербовку,— злоупотребленія при такомъ способѣ набора войскъ были неизбѣжны.

Наборщики прибѣгали къ обманамъ, поднаиванію, часто къ насиліямъ, чтобы достать рекрутъ. Срокъ службы для завербованныхъ людей былъ точно опредѣленъ въ 1666 г., а именно 4 года⁽³⁾.

Злоупотребленія при подобномъ способѣ набора, дурныя качества войскъ, дороговизна ихъ содержанія и въ особенности необходимость содержать многочисленныя арміи, заставили Людовика XIV вернуться къ мысли кардинала Ришелье, къ его идеѣ національнаго рекрутскаго набора. Указомъ 29-го ноября 1688 г. было положено начало прочному образованію провинціальной милиціи, которая съ этого времени организуется въ полки и дѣйствуетъ или самостоятельно или придается къ дѣйствующимъ частямъ, причемъ остается на службѣ въ теченіи цѣлыхъ кампаній. Согласно вышеупомянутаго ординанса приказано было набрать 25050 чел. для сформированія 30 пѣхотныхъ полковъ. Люди набирались въ губернаторствахъ въ возрастѣ отъ 20 до 40 лѣтъ. Въ губернаторствахъ интенданты распредѣляли контингентъ между

¹⁾ Лувуа установилъ таксу на всѣ части; такъ «старый» полкъ продавался за 75000 ливровъ, простые за 30—40 тысячъ ливровъ⁽²⁾ и т. п.

приходами, каждый изъ которыхъ долженъ былъ выставить одного рекрута³⁾. Въ каждомъ участкѣ, послѣ обѣдн, большинствомъ голосовъ населенія, выбирался рекрутъ изъ числа лицъ, подлежащихъ набору. Списокъ кандидатовъ на офицерскія должности представлялся губернаторомъ королю, который и дѣлалъ соответствующія назначенія. Люди ближайшихъ между собой приходовъ образовали роты, офицерами въ которые назначались тоже по возможности лица (преимущественно оставные военные), живущія въ данномъ участкѣ. Роты должны были еженедѣльно собираться для необходимыхъ упражненій, причемъ милиціонеры могли отлучаться изъ своихъ приходовъ только съ разрѣшенія подлежащихъ властей. Во время войны роты соединялись въ полки. Продолжительность службы опредѣлена была въ два года. Милиціонеры обязаны были имѣть хорошую одежду, а изъ оружія—мушкетъ и саблю; доставленіе всего этого, а равно жалованья милиціонерамъ лежало, на обязанности приходовъ, а во время войны относилось на чрезвычайный государственный кредитъ. Численность ротъ была опредѣлена въ 50 чел., а число ротъ въ полку первоначально простиралось отъ 10 до 20. Таковы были основанія ординанса 29-го ноября 1688 г.; но они вскорѣ были отчасти измѣнены. Такъ, въ 1691 году признано было необходимымъ выбирать рекрутъ изъ числа подлежащихъ лицъ посредствомъ жребія и т. п.

Войска эти употреблялись первоначально для защиты береговъ, крѣпостей и т. п., хотя они дѣйствовали также и въ открытомъ полѣ. Послѣ Ресвикскаго мира, 1697, милиціонныя полки были распущены. Но уже въ 1701 г., по случаю открытія войны за испанское наслѣдство, объявленъ былъ наборъ 33350 милиціонеровъ: съ этого времени и до Утрехтскаго мира (1712 г.) производился ежегодный призывъ милиціонеровъ.

Данная первоначально Лувуа организація милиціи была видоизмѣнена въ томъ смыслѣ, что милиціонныя баталіоны (13 ротъ по 45 ч.) стали придавать къ дѣйствующимъ частямъ, въ качествѣ вторыхъ или гарнизонныхъ баталіоновъ, причемъ, впрочемъ, изъ нихъ брали людей на пополненіе полковъ дѣйствовавшихъ на театрѣ войны. Срокъ службы милиціонера хотя оставленъ двухгодичный, но это только въ мирное время, въ военное-же они обязаны были оставаться въ рядахъ до окончанія кампаніи, такъ что люди поставленные приходами въ 1701 г. были удержаны подъ знаменами до 1714 г. Это обстоятельство, въ связи съ неравномѣрностью распредѣленія повинности, породило въ населеніи отвращеніе къ службѣ въ милиціи. Дальнѣйшее развитіе разсматриваемое учрежденіе получило при Людовикѣ XV въ ординансѣ отъ 1726 г.

³⁾ Впослѣдствіи рекрутъ выставляли отъ участка, платившаго 2000 ливровъ податей.

На милицію стали смотрѣть не только какъ на вспомогательную силу для дѣйствующей арміи, но и какъ на *національный пѣхотный резервъ*. Въ мирное время этотъ резервъ имѣлъ свои кадры и собирался для упражненій.

Съ 1742 г. приказано было набирать людей не только въ деревняхъ, но преимущественно въ городахъ. Срокъ службы назначенъ былъ въ 5 лѣтъ (впослѣдствіи 6 л.); офицерами назначались отставные, а также выпускаемые изъ кадетскихъ ротъ (*compagnies de cadets*). Недостатокъ хорошихъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ (кадръ) милиціи имѣлъ весьма гибельныя послѣдствія на ея боевыя достоинства. Только путемъ продолжительнаго боеваго опыта милиціонеры прибрѣтали тѣ свойства, которыя дѣлали ихъ полезною помощью полевымъ войскамъ. Численность милиціи въ 1733 г. простиралась до 84000 чел., а во время войны за австрійское наслѣдство доходила до 145000 чел. Число баталіоновъ доходило до 120 и даже нѣсколько болѣе, силою каждый отъ 600 до 720 чел.; баталіоны соединялись въ военное время по 2 по 3 и образовали полки; нѣкоторые же оставались отдѣльными. Лучшіе люди милиціи отбирались для образованія гренадерскихъ ротъ, которыя затѣмъ соединялись въ отдѣльные баталіоны и образовали пользовавшіяся отличной боевой репутаціей части такъ называемыхъ «королевскихъ гренадеровъ». Со времени войны за австрійское наслѣдство кромѣ этой милиціи имѣлись еще частныя ополченія городовъ (Парижа) и провинцій (Лотарингская), предназначавшіяся для мѣстной службы (*).

Такимъ образомъ Франція постепенно перешла къ системѣ постоянныхъ національныхъ войскъ, хотя и вербовка и наймъ существуютъ въ ней почти до самой французской революціи.

Сходныя причины произвели соответственную реформу въ системѣ вооруженныхъ силъ *Германіи*. Необходимость постоянной національной арміи, какъ органа охраняющаго внѣшнюю безопасность государства и способствующаго къ процвѣтанію внутренняго благосостоянія, выражалась во мнѣніи многихъ современныхъ германскихъ писателей. Такъ, Монтекукули ссылается на императора Льва, сказавшаго, что для прочнаго существованія государства необходимы въ особенности земледѣліе и національное войско (милиція). Въ своихъ мемуарахъ онъ говоритъ:

*) Старинное дворянское ополченіе (*arrière ban*) было создано во Франціи послѣдній разъ въ 1674 г.; но этотъ призывъ имѣлъ преимущественно характеръ демонстраціи, и король прибрѣталъ право сказать Европѣ, что созвалъ подъ знамена все свое дворянство. Но лучшая въ военномъ отношеніи часть послѣдняго уже находилась на службѣ, а остальная кѣмъ всего расположена была вліять изъ ноженъ заржавѣвшіе дѣдовскіе мечи. По распусканіи этого ополченія начальствовавшій имъ маршалъ Креки замѣтилъ: «я надѣюсь, что король никогда не будетъ имѣть надобности въ призывѣ своего дворянства, т. к. оно совершенно негодно для дѣла» (*).

«Если процвѣтаетъ оружіе, то подъ его охраною процвѣтаютъ торговля и все государство; тамъ-же, гдѣ оно въ упадкѣ — нѣтъ ни здоровья, ни достоинства, ни дѣятельности. Не слѣдуетъ ошибочно думать, что, оставаясь спокойными, вы сами будете наслаждаться спокойствіемъ; напротивъ: кто не беспокоитъ — самъ будетъ беспокоимъ. Величіе государства не можетъ существовать безъ поддержки оружія; если оно (государство) не наноситъ ударовъ, то само ихъ терпитъ: при отсутствіи внѣшнихъ дѣлъ, оно имѣетъ внутреннія. Ни одна вещь подъ солнцемъ не можетъ оставаться неизмѣнной и неподвижной — это всеобщій законъ; нужно возвышаться или падать, расти или опускаться. Блескъ оружія, которое желаетъ только сохранять, а не прибрѣтать, меркнетъ — оно сперва теряетъ свою славу, а затѣмъ и силу».

Отсюда онъ выводитъ *политическую* и *административную* необходимость постоянныхъ войскъ; *политическую*, чтобы заслужить боязнь и уваженіе сосѣдей и чтобъ быть ко всему готовымъ, пользуясь мгновенно благоприятными обстоятельствами; *административную*, — потому что старыя національные солдаты составляютъ *истинную* и *никогда не умирающую армію*; истинную, — потому что они окурены порохомъ, испытаны въ войнѣ; не *умирающую*, — потому что ее никогда не распускаютъ, возобновляя безпрестанно.

Армію, достаточную для обезпеченія внѣшней безопасности Австріи въ то время, Монтекукули считалъ въ 30 т. человекъ: 20 т. пѣхоты, 2 т. драгунъ, 1700 кавалеріи тяжелой и 3 т. легкой (остальное артиллерія), — слѣдовательно кавалеріи $\frac{1}{4}$ противъ пѣхоты.

Конечно, содержаніе и обученіе людей должно быть таково, чтобы уничтожить все лишнее, заниматься только необходимымъ. Солдату не нужно знать всей тактики Арріана, всѣхъ тонкостей фехтованія, всѣхъ приемовъ пикой или мушкетомъ, всевозможныхъ вольтовъ на лошади, всѣхъ фигуръ уставовъ греческихъ; достаточно знать самые простые, естественные, — чѣмъ они проще, тѣмъ полезнѣе (*).

Во второй половинѣ XVII столѣтія имперская армія состояла уже изъ войскъ постоянныхъ и отличалась прочнымъ устройствомъ. Вербовка была обыкновеннымъ средствомъ для комплектированія арміи въ Австріи, но съ 1722 г. производится правильный рекрутскій наборъ, для чего въ этомъ году изданъ рекрутскій уставъ.

Венгрія, обязанная выставить дворянскій инсуреціонный корпусъ, съ 1715 года должна была давать на службу Австріи постоянные полевые полки (*). Еще Фердинандъ I (1564) населилъ пограничныя съ Турціею страны славянами, кроатами, съ обязанностью охранять австрійскіе предѣлы. Кроаты служили со славою въ имперскихъ войскахъ. Леопольдъ I, присоединивъ къ нимъ и Славонію (1587), далъ границѣ въ 1702 г. правильное военное устройство, остававшееся безъ измѣненія долгое время. Пограничныя войска давали Австріи превосходную пѣхоту; пандуры появляются въ австрійскихъ войскахъ впервые

въ войну за наслѣдство испанскаго престола ^(*). Вообще войска австрійскія были самаго пестраго состава, но въ то время, когда національные интересы разноплеменнаго государства не выражались съ достаточною силою, а во главѣ арміи стояли такіе полководцы, какъ Монтекукули и Евгений Савойскій, всѣ силы направлялись къ достиженію государственныхъ цѣлей съ рѣдкимъ единодушіемъ.

Военная система другихъ государствъ Германіи во всемъ почти согласовалась съ имперскою ^(*). Съ конца XVII столѣтія начинаютъ возвышаться *Бранденбургъ*, благодаря великому курфюрсту Фридриху-Вильгельму, образовавшему сильную армію, дававшую ему средства принять дѣятельное и славное участіе въ дѣлахъ Европы.

Первые бранденбургскіе курфюрсты не имѣли постоянныхъ регулярныхъ войскъ и содержали только небольшой гвардейскій конвой и нѣсколько ротъ ландбехтовъ, составлявшихъ гарнизонъ въ замкахъ; въ случаѣ же войны обращались къ наемникамъ и собирали ополченіе. Великій курфюрстъ Фридрихъ-Вильгельмъ (1640—1680), сознававшій необходимость образованія сильной арміи, обратилъ вниманіе на это дѣло и достигъ столь успѣшныхъ результатовъ, что въ 1672 г. могъ уже выставить 26,000 чел., съ которыми совершилъ славную кампанію въ Пруссію и Померанію. Въ видахъ усиленія національной обороны онъ старался образовать въ своей странѣ запасъ обученныхъ солдатъ. Для вербовки каждый полкъ имѣлъ свой округъ (мѣстная вербовка) и назывался внутреннимъ (мѣстнымъ) полкомъ. Люди могли быть увольняемы въ свои округа, но съ тѣмъ, чтобы являться по первому требованію. Въ случаѣ надобности войска вербовались изъ иностранцевъ, а затѣмъ, съ устраненіемъ обстоятельствъ, вызвавшихъ вербовку, распускались, но кадры ихъ оставались и назывались «вольными ротами», а при расположеніи въ крѣпостяхъ «гарнизонными ротами». Этотъ же курфюрстъ, послѣ Вестфальскаго мира, на вербовалъ себя въ Австрію сотрудиновъ изъ числа распущенныхъ офицеровъ, составившихъ при курфюрствѣ, въ лицѣ лучшихъ ихъ представителей, военный совѣтъ, преобразовавшій прусскую армію.

Эта тщательно обученная армія въ такой степени отличилась въ послѣдующее царствованіе, что, послѣ сраженія при Туринѣ, пр. Евгений Савойскій могъ свидѣтельствовать: «Я долженъ согласиться, что храбростью и особенно сохраненіемъ порядка прусскія войска превзошли мои». Наслѣдникъ великаго курфюрста, возведенный въ 1701 г. императоромъ Леопольдомъ «безъ особыхъ размышленій», въ королевскій санъ подъ именемъ Фридриха I, заботился о системѣ народнаго воору-

^(*) Особенно сильнымъ между ними была Саксонія, при повелѣніи своемъ курфюрствѣ Иоаннъ-Георгъ III (1695), и Баварія при Максимѣ-Эмануэлѣ (1726), участвовавшимъ въ защитѣ Вѣны противъ турокъ въ 1683 г.

женія и развилъ ландмилицію. Миліціонеры собирались одинъ разъ въ недѣлю (кромѣ времени жатвы), обучались своими офицерами, а затѣмъ распускались. Срокъ службы въ ландмилиціи былъ опредѣленъ въ 5 лѣтъ. Хотя милиція не была испытана въ бою, но учрежденіе ея способствовало поднятію военнаго духа населенія. Второй король Пруссіи, Фридрихъ-Вильгельмъ (1713—1740), грубый въ семьѣ, бережливый въ деньгахъ, мелочный въ военномъ дѣлѣ, этотъ «король-серѣпантъ», обратилъ все свое вниманіе на скопленіе денежныхъ средствъ, необходимыхъ для образованія сильной арміи и быстрой ея мобилизаціи. Онъ не останавливался ни передъ какими жертвами для увеличенія своихъ силъ, итая при этомъ странное пристрастіе къ людямъ и лошадамъ-гигантамъ. Обученіе и дисциплина войскъ были доведены до совершенства. Умирая онъ оставилъ своему наслѣднику армію въ 69,000 чел., въ томъ числѣ 26,000 иностранцевъ, на вербованныхъ въ различныхъ странахъ.

Внутри страны, вслѣдствіе постоянныхъ споровъ между ротами и полками относительно права выбора рекрутъ, король, указомъ 1733 года, раздѣлилъ территорію, причемъ каждый изъ полковъ набиралъ рекрутъ исключительно изъ назначеннаго ему округа. Хотя при этомъ по закону существовала только «добровольная вербовка» и даже одинъ изъ самыхъ видныхъ нѣмецкихъ писателей той эпохи, саксонской службы подполковникъ ф. Флемингъ, въ принципѣ не одобряетъ обязательной воинской повинности (имѣя для нея особенное названіе — «усиленная» или «чрезвычайная» вербовка, которая по его же описанію производилась со всевозможными насиліями), но одной добровольной вербовки было совершенно недостаточно, а потому правительству приходилось смотрѣть сквозь пальцы на тѣ возмутительныя насилія, которыя производились вербовщиками. Однимъ словомъ, избѣгали слова «обязательная повинность», а на самомъ дѣлѣ перѣдко къ ней прибѣгали, но, вопреки закону, безъ всякаго регулированія и обезпеченія личныхъ правъ ⁽¹⁰⁾.

Англія, благодаря счастливому своему географическому положенію и особымъ условіямъ внутренняго быта страны, представляла совершенно другія явленія. При возстановленіи Стюартовъ въ Англіи извѣтна была только милиція и никакихъ другихъ вооруженныхъ силъ не признавалось. Всякій англичанинъ, имѣвшій 500 ф. стерл. дохода или 6000 ф. капитала, долженъ былъ выставить, снарядить и содержать одного кавалериста. Имѣвшій 50 ф. дохода или капиталъ въ 600 ф. — выставлялъ и содержалъ пикинера или мушкетера. Всего такимъ образомъ выставлялось 130,000 чел. Начальствованіе милиціей принадлежало королю и намѣстникамъ, которые назначали мѣста сбора милиціи для смотровъ и ученій (не болѣе 14 дней въ году). Содержаніе милиціи падало на счетъ правительства только въ случаѣ похода противъ непріятеля. Съ военной точки зрѣнія подобная милиція не имѣла почти никакого значенія и возбуждала презрительныя насмѣшки со стороны даже такихъ національныхъ поэтовъ, какъ Драйденъ, называвшій ее «тяжелымъ

временем во время мира, жалкой защитой во время войны». Тѣмъ не менѣе, открыто наизъстъ на это учрежденіе не рѣшался въ парламентѣ ни одинъ гражданинъ.

Король Карлъ II, желая имѣть при себѣ вѣрную стражу, учредилъ «тѣлохранителей» (*gardes du corps*), число которыхъ постепенно увеличивалось, и подъ конецъ его царствованія они, вмѣстѣ съ отозваннымъ гарнизономъ Танжера (2 п. пѣхоты и 1 п. кавалеріи), составили ядро постоянной англійской арміи. Къ 1685 году численность арміи простиралась до 8700 чел. Кромѣ этихъ войскъ англійское правительство имѣло наемниковъ, сражавшихся за его интересы на континентѣ Европы. При Іаковѣ II силы постоянной англійской арміи постепенно увеличивались до 20,000 чел., съ военнымъ бюджетомъ уже болѣе 600,000 ф. стерл. Въ случаѣ надобности вооруженныя силы страны увеличивались отрядами шотландскихъ горцевъ, отличавшихся проворствомъ, ловкостью, мѣткостью стрѣльбы и безпрекословно подчинявшихся своимъ вождямъ, которые однако далеко не считали обязательными для себя приказанія англійскихъ генераловъ. Тѣмъ не менѣе иногда англійскому правительству удавалось даже отправлять шотландцевъ на континентъ и, напримѣръ, 1-й шотландскій полкъ съ блескомъ участвовалъ въ сраженіи при Фонтенуа. ⁽¹¹⁾

Швеція, имѣла небольшое постоянное войско еще съ конца XVI столѣтія. Высокій нравственный элементъ его давалъ Густаву Адольфу много шансовъ успѣха передъ противниками.—Карлу XI удалось окончательно развить шведскую національную систему, когда онъ рѣшился отказаться отъ наемниковъ, обходившихся слишкомъ дорого казнѣ. Онъ сохранилъ существовавшее издавна народное ополченіе и постоянную королевскую гвардію (изъ туземцевъ) съ нѣкоторыми частями спеціальнаго назначенія, долженствовавшими оставаться въ своемъ составѣ въ мирное время и содержимыми на собираемыя подати. Но затѣмъ онъ развилъ національное учрежденіе такъ называемой *индальмы*. Всѣ владѣнія, обязанныя поставлять солдатъ, были раздѣлены на роты (для каваларіи—рюсталь), каждая изъ которыхъ должна была ставить одного солдата. Это дѣленіе было окончено въ 1682 г. и соответствующія положенія получили названіе *indelting Werket*. Рота заключала въ себѣ опредѣленный участокъ земли, владѣтели котораго обязаны были поставить одного пѣхотинца. Съ этою цѣлью они выбирали соответственный участокъ земли съ полевыми, лѣсными и луговыми угодьями и строили на немъ небольшую ферму. Устроенное такимъ образомъ имѣніе называлось *торномъ* и назначалось для содержанія одного солдата, который въ обработкѣ этой земли находилъ средства существованія для себя и своей семьи. Рота снабжала его достаточнымъ количествомъ земледѣльческихъ орудій, которыя обновлялись въ опредѣленное время, и двумя четвериками сѣмянъ въ годъ. При неурожаехъ рота снабжала своего солдата извѣстнымъ числомъ ржи. Пра-

вительство давало ему вооруженіе и снаряженіе, а рота одежду и жалованье за время учебнаго сбора; въ военное-же время жалованье уплачивалось правительствомъ, но за то рота содержала торпъ и имѣла печеніе о семьѣ солдата. По прослуженіи 30 лѣтъ, солдатъ индальты пользовался пенсіей (10—25 р. въ годъ), а рота оказывала ему вспоможеніе предоставленіемъ какой либо работы или же снабженіемъ припасами въ натурѣ; рота же обязана была замѣстить убитаго, уволеннаго или состоящаго на пенсіи солдата, причѣмъ окончательный пріемъ на службу такого нижняго чина опредѣлялся полковымъ командиромъ. При помощи такого контингента Карлъ XII велъ свои войны, причѣмъ такъ былъ имъ доволенъ, что по возвращеніи изъ Турціи прилагалъ всѣ старанія, чтобы оставить неприкосновеннымъ это учрежденіе его отца *).

Торпы провинцій образовали полкъ, уѣзда—баталіонъ, нѣсколькихъ селеній—роту. Торпы болѣе доходныя (отъ сотенъ до тысячъ рублей) были назначаемы унтеръ-офицерамъ и офицерамъ разныхъ чиновъ, причѣмъ важнымъ подспорьемъ послужили государственныя земли, на которыхъ Карлъ XI приказалъ выстроить помѣщенія для этихъ чиновъ. Владѣльцы государственныхъ имѣній, *rusthalen*, выставляли кавалерістовъ. Послѣдніе въ добавокъ къ торпу и проч. получали еще и коня отъ владѣльца имѣнія, который тоже могъ пользоваться этимъ конемъ, но не для упряжи. Лошади осматривались особыми ремонтными коммисіями изъ полковыхъ командировъ и губернаторовъ, а затѣмъ особыми инспекторами кавалеріи ⁽¹²⁾.

Въ Турціи янычары составляли давно уже постоянное пѣхотное войско, силою въ 50,000 чел.; кромѣ того страны, подвластныя Турціи, выставляли для войны сильныя контингенты (крымскіе ханы), увеличившіеся добровольно вступавшими на службу жителями горныхъ странъ Албаніи и Босніи, изъ которыхъ воинственностью особенно отличались арнауты. Кавалерія состояла изъ мѣстныхъ владѣльцевъ пограничныхъ жителей и беспорядочныхъ сконичъ платившихъ дань Турціи владѣльцевъ; она была многочисленна и отличалась необыкновеннымъ пыломъ своихъ нападений. Многочисленная артилерія (тончи) сопровождала войска въ походѣ. Кромѣ того имѣлся особый минный корпусъ, такъ называемый «мусселімъ», для постройки дорогъ и укрѣпленій ⁽¹³⁾.

* Замѣчательно, что остатки арміи Карла XII, по возвращеніи на родину, своими разсказами о его подвигахъ сдѣлали его народнымъ героемъ, несмотря на то, что онъ погубилъ свою страну. И въ то же время великій Густавъ Адольфъ извѣстенъ Швеціи почти только по книгамъ, ибо его наемники, переходившіе изъ одного лагеря въ другой, не могли упрочить въ народномъ сознаніи образъ великаго короля.

Въ *Польшу*, вельдствие уаадка королевской власти, пала и организація вооруженной силы, основную часть которой составляло дворянство. Съ отпаденіемъ Малороссіи и казаковъ въ Польшу учреждены были въ 1670 г. уланы по татарскому образцу, предназначавшіеся для охранительной службы. Вскорѣ затѣмъ была учреждена такъ называемая «народова» кавалерія, изъ четырехъ бригадъ, по 6 эскадроновъ «товарищей» въ каждой, съ вооруженными слугами. Войска дѣлились на польскія и литовскія, причеиъ въ составѣ послѣднихъ не было вовсе пѣхоты, а въ составѣ первыхъ на ряду съ прежними пѣхотными частями, устроенны были фузилерные полки (14).

Такимъ образомъ мы видимъ, что въ концѣ XVII и началѣ XVIII вв. большая часть государствъ Еяройи перешла къ системѣ войскъ постоянныхъ, главною причиною чего было неумѣрное увеличеніе числительной силы арміи, вельдствие самого хода политическихъ событий, для чего прежняя система наемныхъ войскъ, при ея дороговизнѣ и ненадежности для достиженія политическихъ цѣлей, становилась уже не состоятельною.

Обратимся теперь къ нашему отечеству.

Въ московскій періодъ русской исторіи у насъ постепенно образовалась *помѣстная система* организаціи вооруженныхъ силъ, причеиъ самое слово *помѣстье* входитъ въ употребленіе при Іоаннѣ III и означаетъ такое земельное владѣніе, которое отдавалось *собственникамъ* во *временное пользованіе* подъ условіемъ службы во всю жизнь. Сыновья помѣщиковъ, достигнувъ совершеннолѣтія, верстались также помѣстьями. Но еще гораздо ранѣе, въ дружинный періодъ исторіи нашего отечества, и въ особенности съ XII вѣка, высшимъ членамъ дружины, т. е. боярамъ, были раздаваемы князьями земли съ *наследственными* правами подъ именемъ *воицинь*. Съ теченіемъ времени эти лица сдѣлались богатѣйшими землевладѣльцами и положили у насъ основаніе родовой аристократіи (15). Такимъ образомъ постепенно на ряду съ немногочисленными вотчинниками явился многочисленный классъ людей, пользовавшихся землею, полновластныхъ хозяевъ ея во время этого пользованія. Но вотчинники стали тоже брать помѣстья, и такимъ образомъ земля явилась предназначеною для непомѣщенія военныхъ людей, а помѣщики главными владѣльцами (16). Съ теченіемъ времени, вельдствие частыхъ переходовъ помѣстій между членами одного и того-же рода, явилось затрудненіе въ отличіи вотчинныхъ владѣній отъ помѣстныхъ, и наконецъ указомъ Петра Великаго о единонаслѣдіи (1714 г.) все помѣстья обращены въ вотчины.

Такимъ образомъ основаніемъ русскихъ вооруженныхъ силъ въ XIII ст. является сословіе вотчинниковъ и помѣщиковъ, которые образовали изъ себя два разряда служилыхъ людей: *дворянъ* и *дѣтей боярскихъ*. Названіе дворянъ въ первый разъ встрѣчается въ 1566 г. Дворяне постепенно при-

обрѣли все большее и большее значеніе и составили высшее служебное сословіе, къ которому принадлежали также все знаменитыя фамиліи и изъ котораго выбирались высшіе государственные чины. Сначала впрочемъ бояре и дѣти боярскіе *) сохраняли относительно дворянъ свое самостоятельное первенствующее положеніе дружинниковъ; но потомъ, съ возвышеніемъ государя и его двора, дворянннъ беретъ верхъ надъ сыномъ боярскимъ, и послѣднимъ именемъ уже означаетъ лишь низшій классъ военныхъ людей. Съ исчезновеніемъ дружинныхъ отношеній, выступаетъ во всей силѣ понятіе службы государю, и является для военныхъ людей названіе *служилые люди*. (18).

Кромѣ дворянъ и дѣтей боярскихъ къ разряду помѣстныхъ войскъ еще принадлежали: новокрещенные, мурзы и татары—потомки знатнѣйшихъ родовъ покоренныхъ царствъ: Казанскаго, Астраханскаго и др. Подобно дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, они во время похода являлись на службу со своимъ вооруженіемъ на коняхъ и со свитою ратныхъ вооруженныхъ людей.

Другой элементъ нашихъ старинныхъ вооруженныхъ силъ составляли *даточные люди*—конные и пѣшіе—набираемые только во время войны изъ тяглыхъ, а иногда и нетяглыхъ посадскихъ людей и крестьянъ. Это было *земское ополченіе*, собираемое или со всего государства или изъ нѣкоторыхъ лишь мѣстностей съ извѣстнаго количества земли, или наконецъ опредѣленнаго числа дворовъ. Они получали лошадей, вооруженіе и все содержаніе отъ тѣхъ волостей и городовъ, отъ которыхъ набирались, и оставались на службѣ столько времени, сколько

*) Дворяне дѣлились на *московскихъ, жилищныхъ и городовыхъ*. Московскіе дворяне принадлежали къ первому разряду войскъ и имѣли съ жилищными составляли государевъ полкъ—пѣхоту въ родѣ гвардіи,—сопровождаяшій государя на войну или иногда состоявшій въ походѣ при походахъ; въ мирное время онъ участвовалъ въ разныхъ церемоніяхъ и т. п., отличаясь блескомъ одежды, оружія и коней. Дворяне, принадлежавшіе къ государеву полку, чередовались на службѣ по полугоду. Не входившіе въ составъ государева полка московскіе дворяне принадлежали къ особому отряду дворянъ московскихъ, которые были выше городовыхъ дворянъ. *Жилцы* считались въ московскомъ чинѣ, и за свою службу получали особые помѣстные оклады и вотчины, одинаковыя съ московскими дворянами и такое-же жалованье (200 четвертей, 20 руб.). Учрежденіе ихъ относится къ половинѣ XVII столѣтія. *Городовые* дворяне (дѣлвшіеся на 3 разряда—выборныхъ, дворовыхъ и собственно городовыхъ) вѣроятно происходили отъ дружинъ удѣльныхъ князей; они жили въ своихъ городахъ, пользуясь меньшими правами, помѣстьями и окладами, нежели московскіе дворяне. Переходъ изъ одного разряда въ другой считался наградою, жалуемою обыкновенно за усердную службу. Дѣти боярскіе также какъ и дворяне дѣлились на выборныхъ, дворовыхъ и городовыхъ и имѣли одинаковыя съ дворянами оклады (100—150 четв.).

Кромѣ того имѣлся особый разрядъ боярскихъ дѣтей украинскихъ городовъ, которые равнялись съ городовыми казаками и имѣли помѣстнаго оклада по 50 четвертей (17).

требовали военных обстоятельств⁽¹⁹⁾. Само собою разумѣется, что нельзя было требовать отъ подобнаго ополченія военныхъ доблестей и дѣйствительной боевой годности, какъ ихъ не было и въ западно-европейскихъ ополченіяхъ того времени. Продолжительное господство монголовъ, а также развитіе культуры постепенно отучили население отъ оружія. Наряду съ этимъ даточные люди не получали никакого обученія, не имѣли никакой военной организаціи и свѣдущихъ отвѣтныхъ начальниковъ; а потому эта чрезвычайно многочисленная вооруженная сила представляла собою лишь несмѣтную неорганизованную толпу, лишенную сколько нибудь серьезныхъ военныхъ достоинствъ. Недостатки этихъ войскъ въ особенности обнаружались лишь по мѣрѣ выдвигенія Россіи на всемірно-историческое поприще и столкновенія ея съ западомъ. По словамъ Посошкова, пѣхота и кавалерія не умѣли владѣть своимъ оружіемъ, лошади были плохи, иной дворянинъ и зарядить пищаля не умѣлъ, не то что выстрѣлить съ толкомъ. О побѣдѣ мало думали, а хлопотали какъ-бы скорѣе домой. Многие говорили: «дай Богъ великому государю служить, а саблю изъ ноженъ не вынимать»⁽²⁰⁾. Конечно, трудно было ожидать чего нибудь отъ войскъ, собираемыхъ подобнымъ образомъ, необученныхъ, неорганизованныхъ и представлявшихъ лѣтописцу какъ согнанная рать «съ ослоны, съ топоры и съ рогатны»⁽²¹⁾. Московскіе цари, уже съ давнихъ временъ озабочиваясь этимъ великимъ государственнымъ дѣломъ, принимаютъ цѣлый рядъ послѣдовательныхъ мѣръ для улучшенія вооруженной силы, но къ сожалѣнію всѣ эти мѣры основаны были на невѣрныхъ началахъ и потому не дали ожидаемыхъ результатовъ. Вмѣсто того, чтобы, пользуясь неисчерпаемыми элементами вооруженной силы, подготовленной всею предшествовавшею нашею исторіею, дать лишь ей правильную организацію, устройство и обученіе и такимъ образомъ создать войско, какъ выраженіе обще-государственнаго могущества, сдѣланы были попытки къ созданію *кастового военного устройства* и вооруженной силы, питаемой лишь случайными или ограниченными элементами, а потому и не выражающей вовсе собою всей оборонительной силы страны.

Иоаннъ IV въ безпрестанныхъ войнахъ съ Польшею и Швеціею не могъ не замѣтить важнаго недостатка въ устройствѣ русской пѣхоты и намѣревался устранить его заведеніемъ *стрѣльцовъ* (вѣроятно около 1550 г.), набравшихся изъ вольныхъ охочихъ людей, которые не состояли въ тягѣ. Вѣроятно съ самаго начала стрѣльцы были частью и конные. Они обаявались службою лично и съ семействами, и считались на службѣ до конца жизни или полной неспособности. Въ мирное время они составляли гарнизоны въ Москвѣ и въ другихъ городахъ, особенно пограничныхъ, отправляли различныя полицейскія должности, участвовали въ церемоніяхъ и т. п. Во время войны они присоединялись къ другимъ войскамъ.

Стрѣльцы пользовались различными преимуществами: каждый изъ

нихъ получалъ отъ казны особую землю и выстроенный казною домъ, гдѣ жилъ съ семействомъ и могъ заниматься разными промыслами. Онъ былъ свободенъ отъ всякихъ податей и службъ, обязательныхъ для прочихъ городскихъ жителей, причемъ освобождался даже и отъ торговыхъ пошлинъ, если торговалъ на сумму менѣе 50 руб. Сверхъ того стрѣльцы получали денежное жалованье (на одежду), провіантъ, а во время войны—подводы или деньги на подъемъ. Стрѣльцы раздѣлялись на *московскихъ* и *городовыхъ*, причемъ первые имѣли значительныя преимущества надъ послѣдними, какъ по окладамъ, такъ и по службѣ. Московскіе стрѣльцы несли службу по-недѣльно; въ городахъ сперва посылались на два года, а съ 1682 г.—выпросили право посылать ихъ не болѣе какъ на годъ. Всѣ вышеупомянутыя привилегіи дѣлали стрѣлецкую службу весьма лестною для бѣдныхъ жителей городовъ и селъ, страдавшихъ отъ обременительныхъ налоговъ, а потому недостатка въ охотникахъ служить въ этихъ войскахъ не было, и стрѣлецкіе головы принимали таковыхъ не иначе, какъ за круговую порукою старыхъ стрѣльцовъ⁽²²⁾. Имѣя много свободного времени для неслужебныхъ занятій и получая главную часть выгодъ не отъ правительства, а отъ своихъ промысловъ и наслѣдственныхъ привилегій, стрѣльцы стали дорожить ими болѣе, нежели расположеніемъ начальства, и постепенно сдѣлались отдѣльною кастою, бывшею не только ненадежнымъ орудіемъ въ рукахъ правительства, но часто враждебной ему, подобно турецкимъ янычарамъ. Опасность увеличивалась еще оттого, что стрѣльцы жили не разбѣянно въ деревняхъ, а въ городахъ сосредоточенно, въ особыхъ слободахъ. Хотя Алексѣй Михайловичъ и Федоръ Алексѣевичъ думали преобразовать ихъ и обучить по европейски, но такъ какъ эти мѣры противорѣчили ихъ интересамъ, то и не привились на практикѣ. Наконецъ страшные бунты стрѣльцовъ во время малолѣтства Петра Великаго окончательно ихъ обезславили и были причиною уничтоженія этого кастоваго войска⁽²³⁾.

Существовалъ также еще особый видъ національной вооруженной силы—*городовые казаки*, конные и пѣшіе. Сначала они избирались изъ вольныхъ петяглыхъ людей, большею частью изъ безземельныхъ батраковъ или такъ называемыхъ казаковъ. О нихъ упоминается еще при Василии Темномъ, и вѣроятно они сначала образованы были въ городахъ, лежавшихъ на татарской границѣ Россіи. За хорошую службу казаки стали получать помѣстныя земли съ обязанностию быть готовыми къ походу по первому требованію; земли имъ давались преимущественно въ пограничныхъ мѣстахъ, гдѣ нужны были люди для защиты отъ вѣшнихъ нападений и такимъ образомъ явились помѣстные казаки въ городахъ замосковскихъ, украинскихъ, понизовыхъ и мещерскихъ. Казаки жили на правахъ боярскихъ дѣтей и обязаны были являться на службу со своимъ оружіемъ и лошадьми, получая тогда определенное жалованье. Впрочемъ, не всѣ казаки были помѣщиками и

многіе изъ нихъ (во внутреннихъ городахъ) состояли на правахъ стрѣльцовъ, получая одинаково съ ними хлѣбное жалованье, пользуясь торговыми привилегіями и т. п.

Кромѣ того къ составу вооруженныхъ силъ принадлежали еще новокрещены: мурзы, князья татарскіе и казаки донскіе, волжскіе, терскіе, о которыхъ будетъ сказано ниже. Дворяне, дѣти боярскіе, новокрещены, мурзы, князья татарскіе и городовые казаки имѣли одинаковое устройство, состояли въ одномъ спискѣ Разряднаго приказа и принадлежали въ каждомъ городѣ къ городовому полку, нося по имени своего города одно названіе (тулянь, рязанцевъ, муровцевъ, и т. п. ⁽²⁴⁾).

Наконецъ прислугой при артиллерійскихъ орудіяхъ были пушкарки, затившики, плотники, кузнецы и гранатчики, которые жили по укрѣпленнымъ городамъ отдѣльными слободами, несли постоянную службу и состояли на содержаніи правительства; къ нимъ причислялись еще *воротники*, служившіе собственно караульными въ крѣпостяхъ и никогда не участвовавшіе въ походахъ. Всѣ эти люди получали отъ казны хлѣбное жалованье, имѣли въ городахъ или слободахъ свои дома, гдѣ жили съ семействами и занимались торговлею и другими промыслами, причемъ пользовались нѣкоторыми льготами. ⁽²⁵⁾

Для сбора войскъ, при объявленіи войны, государь посылалъ *обер-щиковъ* изъ знатныхъ и довѣренныхъ людей по всѣмъ городамъ, назначеннымъ участвовать въ походѣ, что опредѣлялось въ Разрядномъ приказѣ—высшемъ правительственномъ мѣстѣ по учету службы и наряду всѣхъ служилыхъ людей. Тамъ велись особыя книги службы городовъ и отдѣльных лицъ. По высылкѣ всѣхъ служилыхъ людей въ городъ, сборщикъ составлялъ разборные списки, въ которыхъ означалось сколько каждый беретъ съ собою людей и лошадей (боевыхъ и обозныхъ), а также заносились всѣ новики (съ 17—18 лѣтъ) особою статьею. Собранные люди отправлялись къ общему сборному пункту войска, гдѣ воевода осматривалъ ихъ по представленнымъ ему спискамъ, провѣрялъ ихъ прежнюю службу, оклады, распределялъ по статьямъ и опредѣлялъ жалованье, собирались также свѣдѣнія о неявившихся, «*нѣтяхъ*», и составлялись списки всѣмъ «*естямъ*» и «*нѣтямъ*», которые отсылались къ государю въ Разрядъ ⁽²⁶⁾.

При такомъ порядкѣ призыва и сбора войскъ, легко понять всю медленность организационной арміи и неудобство этого, когда война являлась внезапно. Если сюда прибавить и вышеупомянутые недостатки нашихъ старинныхъ войскъ, какъ боевой силы, то необходимость ихъ улучшенія будетъ очевидной. Устройство стрѣльцовъ и городовыхъ казаковъ, повидимому, всчерпаны были попытки къ самобытной реорганизационной войска. Мѣры эти, удовлетворивъ на время частнымъ потребностямъ и, въ окончательныхъ своихъ послѣдствіяхъ, приведя къ опаснымъ результатамъ, не были достаточны при новыхъ вѣдшихъ отно-

шеніяхъ и вызвали рядъ попытокъ *надрасательнаго* характера, попытокъ къ устройству войскъ по европейскому образцу.

Еще Борисъ Годуновъ охотно принималъ въ царскую службу всѣхъ способныхъ иностранцевъ; нѣкоторые изъ нихъ сами предлагали свои услуги, другихъ «приговаривали» наши послы за границу; наконецъ брали нѣкоторыхъ изъ плѣнниковъ, особенно ливонцевъ и поляковъ. Такъ возникла въ концѣ XVI столѣтія иноземная дружина въ 2500 человекъ, получавшихъ значительное содержаніе, денежныя и помѣстные оклады и состоявшихъ подъ начальствомъ своихъ капитановъ (Маржеретъ и др.). По воцареніи Шуйскаго иноземная дружина разсѣялась во всѣ стороны, а во время борьбы за свободу отечества вожди народнаго ополченія отклоняли всѣ вызовы иноземцевъ, желавшихъ вступить въ нашу службу, говоря, что они болѣе не нужны, что русскіе служить и бьются за вѣру и царство безъ жалованья и спасутъ отечество и безъ наемныхъ людей.

Въ началѣ царствованія Михаилъ Ѳедоровичъ слѣдовалъ тому же пути, но затѣмъ, видя все таки необходимость имѣть людей искусныхъ въ ратномъ дѣлѣ, собралъ разсѣянныхъ въ Россіи всѣхъ иноземцевъ «старога выѣзда» и образовалъ изъ нихъ нѣсколько ротъ, преимущественно изъ грековъ, сербовъ и валаховъ, подъ начальствомъ ротмистровъ ⁽²⁷⁾. Само собою разумѣется, что существованіе этихъ нѣсколькихъ ротъ не могло принести ни особеннаго вреда, ни особенной пользы, еслибы молодой царь, основываясь на опытѣ успѣшной борьбы народной силы, укрѣпилъ бы и развилъ систему національныхъ войскъ, давъ имъ правильную организационную и обученіе подъ руководствомъ опытныхъ военачальниковъ, частью уже имѣвшихъ въ нашихъ войскахъ, а частью для того вновь подготовленныхъ. Но вмѣсто того Михаилъ Ѳедоровичъ вступаетъ на ложный путь найма иностранныхъ бандъ и организационной кастового войска. Съ этою цѣлью, во 1-хъ, онъ отправилъ въ западныя государства двухъ полковниковъ нанять до 7000 «охочихъ нѣмцевъ» въ полномъ вооруженіи и на все время замышляемой войны съ Польшею; во 2-хъ, велѣлъ набрать у себя нѣсколько полковъ конныхъ и пѣшихъ изъ безпомѣстныхъ и малопомѣстныхъ дворянъ, дѣтей боярскихъ и другихъ вольныхъ людей и ввѣрилъ ихъ нѣмецкимъ офицерамъ для обученія ратному дѣлу. Первая мѣра, какъ и слѣдовало рассчитывать, не принесла ожидаемой пользы. Иноземныя банды, состоя изъ людей разныхъ націй, нисколько не привязанныя къ странѣ, въ которой служили, удерживались у знаменъ только корыстью и были имъ вѣрны лишь дотѣхъ поръ, пока это отвѣчало ихъ личнымъ расчетамъ *).

*) Достаточно въ этомъ отношеніи вспомнить поведеніе войскъ Де-ла-Гарди въ сраженіи подъ Клушинымъ, 1610 г., когда большая часть ихъ взбунтовалась противъ своего начальника и, во время самаго боя, перешла на сторону непріятеля.

Испытавъ неудачу съ наемными иноземцами, правительство тѣмъ ревностнѣе стало, черезъ пословъ и торговыхъ агентовъ, приговаривать за границею въ русскую службу способныхъ «начальныхъ» людей — полковниковъ, капитановъ, ротмистровъ, поручиковъ, прапорщиковъ и капрановъ, для обученія русскихъ войскъ иноземному строю. Эти мѣры въ особенности развиты были при Алексѣѣ Михайловичѣ. На зовъ откликнулось значительное число лицъ различныхъ національностей, и русскіе цари могли вполне устроить свои войска и обучать ихъ по иноземному образцу. Но, опять-таки, вмѣсто того, чтобы обратиться ко всеобщей земской силѣ и ее-то организовать и подготовить для вооруженной борьбы, принятая военная система уклонилась отъ этихъ широкихъ началъ и новая вооруженная сила обособляется отъ истинныхъ элементовъ народнаго могущества.

Еще при Михаилѣ Теодоровичѣ иноземцы «старого выѣзда» образовали полки подъ названіемъ *копейныхъ рейтарскихъ, драгунскихъ и солдатскихъ* *). Полки эти имѣли совершенно отдѣльное устройство отъ русскихъ силъ и состояли въ вѣдѣніи не Разряднаго, а Иноземнаго приказа. Въ службу эту, кромѣ иноземцевъ, набирались мелкопомѣстные дворяне, дѣти боярскіе, новокрещены, дѣти стрѣльцкихъ, казачьихъ и всякихъ вольныхъ людей, которые не въ службѣ, не въ тягѣ и не въ холоствѣ: въ солдаты же брали кромѣ того и изъ крестьянъ (кромѣ Сибири, Астрахани и Казани) изъ трехъ братьевъ одного, изъ 4-хъ двухъ.

Рейтары, состоя сперва изъ однихъ иностранцевъ, получали содержаніе и жалованье изъ Иноземнаго приказа, а во время похода для нихъ продовольствія назначались особыя волости, съ которыхъ они получали хлѣбъ и фуражъ. Затѣмъ нѣкоторымъ иноземцамъ (особенно старому выѣзду) стали давать помѣстья и вотчины, а другихъ начали отсылать на кормъ въ города — отсюда явились два разряда иноземцевъ: помѣстные и кормовые (38). Рейтары, какъ начальныя, такъ и рядовыя, проживали въ своихъ помѣстьяхъ, и не болѣе одного мѣсяца въ году, обыкновенно осенью, послѣ уборки хлѣба, занимались ратнымъ ученіемъ, по особому предписанію правительства. Полковникъ пріѣзжалъ въ городъ, въ уѣздѣ котораго былъ его полкъ, собиралъ людей, осматривалъ ихъ, и, раздавъ по фунту пороха на человѣка, обучалъ строю, а затѣмъ по окончаніи сбора, предупредивъ о всегдашней боевой готовности, распускалъ людей (39).

Драгуны вели службу конную и пѣшую (преимущественно на украинской границѣ). Они получали опредѣленное жалованье (3 р. въ годъ),

) Изъ копейничковъ составлялись иногда особыя полки, подъ названіемъ копейныхъ ротъ гусарскаго строя. Драгуны образовали мало полковъ и придавались командами къ рейтарскимъ полкамъ ().

съ кормовыми; лошади, оружіе и ратная сбруя выдавались отъ казны. По окончаніи похода драгуны распускались по домамъ, а лошади со сбруею и сѣдлами отсылались по разнымъ областямъ на кормъ жителямъ (по одной лошади на 4 двора) (41); оружіе же хранилось у воеводъ или въ монастыряхъ. При Алексѣѣ Михайловичѣ драгуны были сравнены въ правахъ своихъ съ городскими стрѣльцами и получили осѣдлость преимущественно на Украинѣ; каждому драгуну было отведено по 25 четв. земли, которую онъ воздѣлывалъ и съ нея несъ свою службу (42). Вообще драгуны были близки къ русскимъ служилымъ людямъ — состояли почти на одинаковыхъ правахъ съ стрѣльцами и казаками, имѣли право торговать въ городахъ и заниматься разными промыслами, съ тѣми же преимуществами, какъ и стрѣльцы (43).

Солдатскіе полки (поселенные преимущественно на шведской границѣ), вначалѣ дѣлились на нѣмецкіе и русскіе, а впоследствии, когда ихъ стали приравнивать къ стрѣльцамъ, явились полки московскіе городовые и выборные. Солдаты (или желдаки) жили въ Москвѣ и по городамъ въ особыхъ слободахъ, извѣстныхъ еще и теперь подъ названіемъ солдатскихъ. Все они, какъ русскіе, такъ и иноземные, зависѣли отъ Иноземнаго приказа и оттуда получали (по-мѣсячно) жалованье и кормовыя по такимъ же окладамъ, какъ и драгуны. Оружіе, порохъ и свинець солдаты получали отъ казны. Вообще по устройству солдаты много сходствовали со стрѣльцами, но пользовались меньшими привилегіями, имѣли лучшихъ начальниковъ и болѣе обучались ратному дѣлу, хотя корыстолюбіе начальниковъ не всегда дѣлало ихъ добрыми соседями мирныхъ гражданъ (44).

Всеми поступившимъ въ рейтарскіе или солдатскіе полки, равно какъ и записаннымъ въ городовые полки, велись подробные списки въ Разрядномъ приказѣ и у областныхъ воеводъ. Для повѣрки личнаго состава и вооруженія ротныхъ людей посылались время отъ времени въ области особыя чиновники, называвшіеся *разборщиками*; они же записывали новичковъ въ соответствующій родъ службы, смотря по имуществу каждаго (45).

Такимъ образомъ, окончательная форма нашихъ вооруженныхъ силъ представляется въ видѣ *системы мѣстныхъ поселенныхъ войскъ*, стрѣльцкихъ, солдатскихъ и рейтарскихъ, находившихся на постоянномъ содержаніи у правительства.

Тѣмъ не менѣе вполне *регулярными* войсками ихъ нельзя было назвать ни по степени ихъ обученія, ни по характеру ихъ службы и занятій въ мирное время. Учебныя сборы войскъ были весьма непродолжительны; полковники и ротмистры не имѣли хорошихъ помощниковъ въ этомъ дѣлѣ; переведенный при Алексѣѣ Михайловичѣ съ нѣмецкаго уставъ (Ученіе и хитрость ратнаго строя) былъ слишкомъ сложенъ, во многомъ неисполнимъ, что, при малограмотности народа

и плохомъ званіи учителямъ русскаго языка, не могло дать сколько-нибудь удовлетворительныхъ результатовъ.

Дисциплина была также неудовлетворительна, какъ вслѣдствіе краткости пребыванія людей подъ знаменами, такъ и по недостатку спеціально-военныхъ законоположеній; существованіе мѣстничества было также не малымъ препятствіемъ къ укорененію дисциплины въ войскахъ, гдѣ сынъ родовитаго боярина относился съ глубочайшимъ презрѣніемъ къ еретичу-иѣмцу. Вооруженіе войскъ, снаряжавшихся въ большей своей части на собственный счетъ, было разнообразно и малоудовлетворительно. Наконецъ, самый характеръ занятій людей въ мирное время—землепашество, промыслы, торговля,—обеспечивавшихъ въ извѣстной мѣрѣ ихъ существованіе, вовсе не подготовлялъ ихъ въ военномъ отношеніи. Собрать эту массу людей для похода было не легко, не смотря на самыя строгіе указы. Даже иноземцы, голодною толпою прибывавшіе къ намъ, заживались въ ново пожалованныхъ имѣньяхъ, нерѣдко засиживались въ своей деревнѣ до третьяго «нѣта», послѣ чего, наказанные въ третій разъ батогами, они высылались за границу (36).

Всѣ нечисленныя выше войска въ послѣдній годъ царствованія Феодора Алексѣевича распредѣлялись на 9 разрядовъ или корпусовъ, которые именовались по мѣстамъ, гдѣ были расположены полки.

Всего считалось 38 солдатскихъ полковъ (поселенныхъ преимущественно на шведской границѣ), численностью въ 61 т. чел., 21 стрѣлецкій полкъ, всего 20 т. чел.; рейтаръ и конейщниковъ 29 т. и дворянъ и дѣтей боярскихъ 31 т., или же 81000 пѣхоты и 60000 кавалеріи всего 141000 чел. Эта цифра значительно увеличилась сборомъ даточныхъ людей и присоединеніемъ многочисленныхъ отрядовъ донскихъ, малороссійскихъ и др. казаковъ (37).

Недостатки не только нашихъ старинныхъ ополченій, но и полковъ иноземнаго строя обнаружались ясно во время смуты въ малолѣтство Петра, когда въ виду ихъ развивались крамолы стрѣльцовъ и когда начальники ихъ играли двусмысленную роль, выжидая, которая сторона возьметъ верхъ. Однимъ словомъ весь ходъ событій и развитія военного дѣла указывалъ на необходимость созданія *постояннаго регулярнаго войска*, и слава этого великаго учрежденія въ Россіи принадлежитъ Петру I.

Еще ювошей онъ окружилъ себя дружиной, такъ называемыми *потѣшными*, набравшимися, по охотѣ, изъ конюховъ, иноземцевъ, дѣтей дворянъ и т. п. Команда эта вооружалась и обучалась по европейскому образцу. Государь самъ записался въ нее солдатомъ и несъ всѣ обязанности рядоваго: спалъ съ другими въ палаткѣ, ѣлъ солдатскую пищу, стоялъ въ очередь на часахъ и т. п. Царь не только изучалъ иностранный воинскій уставъ, но и упрощалъ его, выбрасывая все излишнее (38). Между тѣмъ число потѣшныхъ постепенно увеличивалось и въ 1691 году изъ нихъ сформированы были Преображенскій и Семе-

новскій полки. Въ то же время укомплектованъ былъ Бутырскій Гордоновъ полкъ, а Лефорть сформировалъ полкъ частью изъ иноземцевъ, частью изъ русскихъ. Однако главная часть арміи, участвовавшей въ Азовскихъ походахъ 1695 и 1696 г.г., состояла по прежнему изъ стрѣлецкихъ и солдатскихъ полковъ и конныхъ ополченій, дворянъ и дѣтей боярскихъ *). Стрѣлецкіе бунты вскорѣ убѣдили Петра въ негодности самыхъ элементовъ, изъ которыхъ была составлена масса нашихъ вооруженныхъ силъ. Вслѣдствіе этого въ 1698 году стрѣльцы были уничтожены, а большая часть солдатскихъ полковъ расформирована. Затѣмъ въ слѣдующемъ 1699 году, Петръ Великій, готовясь къ войнѣ со Швеціею, для сформированія новой арміи рѣшился обратиться къ развитію и лучшему устройству *стариннаго элемента нашихъ ратей, представлявшаго собою выраженіе земской силы цѣлаго народа, а не одного какою-либо сословія или военной касты*, а именно онъ обратился къ сбору *даточныхъ людей* (40). Изъ набранныхъ въ 1699 году 32000 чел. было сформировано 27 пѣхотныхъ и 2 драгунскихъ полка, распределенныхъ въ 3 дивизіи.

Въ послѣдующіе годы подобныя же наборы производились по мѣрѣ надобности постоянно увеличивавшейся нашей регулярной арміи, достигшей въ 1720 году численности въ 175,000 чел. Первоначально наборы производились также какъ и сборы даточныхъ людей, и даже распределеніе повинности по числу душъ началось только послѣ первой ревизіи, произведенной въ 1722 году, а до тѣхъ поръ повинность опредѣлялась по числу дворовъ. Въ указѣ 1705 года, собираемые даточные люди впервые названы *рекрутами* и съ тѣхъ поръ комплектованіе нашей арміи до новѣйшаго времени производилось посредствомъ *рекрутскихъ наборовъ*, причемъ *обязательная воинская повинность* является однимъ изъ основныхъ началъ нашего государственнаго устройства (41). Такимъ образомъ, въ этомъ дѣлѣ Россія значительно опередила западную Европу, гдѣ, какъ мы видѣли, основной, а частью и исключительный, элементъ вооруженныхъ силъ образовали наемныя войска. Хотя идея обязательности воинской повинности и начала пробуждаться въ умахъ нѣкоторыхъ писателей и военныхъ практиковъ, но на дѣлѣ она еще долго не осуществлялась, а если находила нѣкоторое частное примѣненіе, то лишь по отношенію къ войскамъ второстепеннаго назначенія, къ образованію

*) Во второмъ Азовскомъ походѣ участвовали 30 п. солдатскихъ (38,800 ч.); 13 п. стрѣлецкихъ (9,597); 6 п. малороссійскихъ (15,000 ч.); донск. казаковъ 5,000 ч.; калмыковъ 3,000 ч.; низовыхъ конныхъ стрѣльцовъ и инцихъ казаковъ 500 ч.; всего около 75 т. Солдатскіе и стрѣлецкіе полки раздѣлены были на три дивизіи; ратныхъ московскихъ конныхъ людей, изъ стольниковъ, стражничихъ, дворянъ и жильцовъ, было всего 3,816 ч., изъ нихъ 3,500 образовали 37 конныхъ ротъ подъ начальствомъ избранныхъ ими ротмистровъ, а остальные 316 исполняли обязанности завоеводчиковъ, есауловъ, дозорщиковъ и проч. (39).

такъ называемыхъ милицій или ополченій. Только съ революціи 1789 г. мы находимъ во Франціи, а затѣмъ и въ другихъ государствахъ широкое примѣненіе принципа общеобязательности воинской повинности, развитой и установленной у насъ еще Петромъ Великимъ. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что идея Петра Великаго въ практическомъ ея примѣненіи была постепенно ограничиваема его наслѣдниками, какъ мы это ниже увидимъ.

Принципъ защиты всей земли *всєю совокупностью земскихъ силъ* древле составлялъ основаніе обычного права всѣхъ славянскихъ и германскихъ народовъ въ первоначальномъ ихъ быту. Но съ основаніемъ новыхъ государствъ, съ водвореніемъ на западѣ феодальнаго порядка вещей, идея общеобязательности совершенно исчезла на западѣ и «право оружія» присвоилъ себѣ исключительно феодалъ завоеватель, сдѣлавшійся господиномъ покоренныхъ туземцевъ *). При образованіи же нашего государства принципъ общеобязательности воинской повинности остался во всей своей силѣ, и въ случаѣ опасности *даточные* люди отъ земли являлись на защиту земскихъ интересовъ. Такъ сохранилъ свой національный характеръ основной элементъ нашихъ вооруженныхъ силъ. Въ составъ созываемыхъ ополченій входили всѣ сословія, какъ крестьянство, такъ городскіе жители и дворянство. При этомъ, въ отличіе отъ запада, наши дворяне не были завоевателями, феодальными властелинами, по отношенію къ своимъ крестьянамъ, а лишь простыми помѣщиками, общественныя права и преимущества которыхъ вытекали исключительно изъ принятаго ими на себя обязательства нести общественную повинность въ видѣ военной службы. При первыхъ попыткахъ ввести у насъ регулярныя войска (стрѣльцы, рейтары, солдаты) по европейскому образцу, въ основу такого улучшенія была положена идея *кастоваго устройства* войскъ. Петръ же Великій, обратясь къ древнѣйшему и коренному элементу нашихъ вооруженныхъ силъ, распространилъ свои рекрутскіе наборы на всѣ сословія государства, за исключеніемъ дворянъ, которые и *безъ того обязаны были лично служить всю жизнь* или до полнаго истощенія ихъ силъ. Въ послѣдующія царствованія начали постепенно допускаться разныя льготы и изъятія по воинской повинности, какъ для отдѣльныхъ лицъ, такъ и для цѣлыхъ ихъ категорій или классовъ. Обусловливалось это главнѣйшимъ образомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что при образованіи нашей регулярной арміи, составленной изъ национальныхъ элементовъ, были приняты нѣкоторыя основанія, вполне умѣстная въ *вербованныхъ войскахъ*, но бесполезныя или явно противорѣчающія самому духу общенародной арміи; основанія эти: во первыхъ, *неограниченный по жизненному сроку службы* и, во—

*) Вопросъ этотъ подробно обследованъ въ моемъ трудѣ: «Исторія военного искусства въ средніе вѣка».

вторыхъ, *неразборчивость въ выборъ элементовъ*, допускаемыхъ въ ряды арміи. Хотя помѣщики, стрѣльцы и солдаты обязаны были тоже пожизненной службой, но за то призывались они на весьма короткое сравнительно время, чего во всякомъ случаѣ нельзя было сравнивать съ непрерывной пожизненной службой. Затѣмъ отдача бродягъ, людей порочныхъ и т. п. въ военную службу сначала выработалась какъ обычай въ самомъ населеніи, которому предоставлено было назначать на службу людей изъ своей среды, а затѣмъ этотъ обычай получилъ законодательную санкцію, причѣмъ отдавались въ рекруты нерѣдко преступники по судебнымъ приговорамъ, или по рѣшенію помѣщиковъ, наиболѣе негодные крестьяне и т. п. При такихъ условіяхъ, само собою разумѣется, военная служба представлялась повинностью чрезвычайно тяжелой, отъ которой всѣми силами стремились избавиться, какъ всѣ сословія поднявшіяся надъ низшими классами общества, такъ и отдѣльныя лица, которыя заслуживали покровительства или вниманія правительства.

Прежде всего было даровано при Аннѣ Иоанновнѣ, въ 1736 г., облегченіе дворянамъ, заключавшееся въ томъ, что одинъ изъ братьевъ могъ оставаться дома для веденія хозяйства, а для прочихъ срокъ службы ограничивался 25 годами; затѣмъ въ 1762 г., была дарована императоромъ Петромъ III грамота о вольности и свободѣ российскому дворянству (освобожденіе дворянъ отъ службы по достиженіи офицерскихъ чиновъ, съ сохраненіемъ за правительствомъ права призывать ихъ къ поголовной службѣ въ случаѣ особой государственной потребности). Анна же Иоанновна позволила покупать крестьянъ для поставки рекрутъ за купеческія общества, а Екатерина II уволила купечество вовсе отъ поставки рекрутъ, замѣнивъ эту повинность денежною.

Затѣмъ послѣдовали еще и нѣкоторыя другія изъятія, какъ сословнаго характера, такъ и по мѣстностямъ, о чемъ нѣтъ надобности говорить, а можно лишь упомянуть, что въ конечномъ результатѣ около 20% населенія имперіи были освобождены отъ рекрутской повинности или полностью или за денежный взносъ. (12)

Во всякомъ случаѣ въ эпоху Петра Великаго вопросъ о воинской повинности разрѣшенъ былъ у насъ на столь широкихъ и вѣрныхъ началахъ, какъ ни въ одномъ изъ западныхъ государствъ.

Казакъ. Въ составѣ вооруженныхъ силъ Россіи уже въ разсматриваемую эпоху казаки играли важную роль.

Время перваго появленія казаковъ не можетъ быть опредѣлено въ точности, и первыя свѣдѣнія о нихъ имѣются отъ времени Дмитрія Донскаго. Затѣмъ около половины XV столѣтія упоминаются рязанскіе и московскіе казаки—это собственно городовые.

Образованіе казаковъ на Руси происходило такимъ путемъ, что болѣе энергичскіе и предприимчивые люди шли на границу и за границу, въ «поле», сели-

исъ тамъ и принимали названіе казаковъ, замѣтованное у татаръ. При этомъ казаки, жившіе въ предѣлахъ Московскаго княжества, составляли пограничное войско, обязанное сторожевой, развѣдывательной и пограничной службой, а ушедшіе въ поле—жили вполне самостоятельно, нападая на враговъ, а иногда и на своихъ. Впоследствии, освободившись отъ татарскаго ига, Московское государство начинаетъ быстро расширять свои предѣлы на югъ и востокъ; а рядомъ съ этимъ вскорѣ Псковъ и Рязанская область теряютъ свою самостоятельность; наконецъ, присоединеніемъ Сѣверской области положенъ конецъ удѣламъ. Съ утратою Рязанскою областью своей самостоятельности, жизнь рязанскихъ казаковъ сдѣлалась стѣснительнѣе, нельзя уже было по прежнему своевольничать, а потому, вѣроятно, казаки эти съ частью населенія княжества и всѣми тѣми, кому жизнь въ Московскомъ государствѣ въ новыхъ условіяхъ была тягостна, ушли въ «поле», даже на Донъ и Терекъ, гдѣ и положено было основаніе новымъ казачьимъ общинамъ. Къ тому же въ 1502 г., Крымскій ханъ Менгли-Гирей разрушилъ Золотую орду и южныя степи стали доступнѣе для русскихъ поселенцевъ.

Для охраненія своихъ границъ отъ усилившагося новаго врага—татаръ—правительство учреждаетъ на болѣе вѣроятныхъ (въ зависимости отъ корма) путяхъ непріятельскаго вторженія особыя развѣды, «сторожи»—донецкія, путивльскія, епифанскія, мценскія, орловскія, шацкія и проч. Службу эту несли казаки, дѣти боярскія, и другіе ратные люди. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что со времени Дмитрія Донскаго южная граница государства лишь немного отодвинулась къ югу, но зато на востокъ и юго-востокъ она быстро расширилась; такъ въ 1552 г., съ паденіемъ Казани, русскіе быстро овладѣваютъ всѣмъ краемъ до Урала; затѣмъ съ устьевъ Волги они быстро переносятся къ Тереку, гдѣ уже въ 1577 году былъ заложенъ г. Терки при устьи р. Суужи. Всѣ эти мѣста наполняются казаками изъ пришлага, вольнаго люда, которые, ища еще большаго приволья, подъ предводительствомъ Ермака, въ 1582 году завоевываютъ Сибирское царство.

Такимъ образомъ во второй половинѣ XVI ст., кромѣ городовыхъ казаковъ, упоминаются уже цѣлыя казачьи войска: Донское, Гребенское, Терское, Волжское и Яицкое. Быстрому образованію казачьихъ войскъ способствовали: во первыхъ, расширеніе предѣловъ Россіи и занятіе обширныхъ незаселенныхъ пространствъ; во вторыхъ, тяжелое состояніе низшихъ классовъ въ Московскомъ государствѣ и, въ третьихъ, закрѣпощеніе крестьянъ. Последняя причина проявила свою силу лишь въ послѣдующее время. Прикрѣпленіе крестьянъ (1590 г.) породило массу недовольныхъ, бѣжавшихъ къ казакамъ, которые вскорѣ, съ появленіемъ самозванцевъ и паденіемъ законной власти, начинаютъ свободно хозяйничать въ всемъ русскомъ государствѣ. Михаилъ Феодоровичъ, со вступленіемъ на престолъ, тотчасъ занялся очищеніемъ государства отъ казаковъ и приведеніемъ ихъ въ подчиненіе себѣ. Донцы и другіе казаки скоро признали его власть и затѣмъ участвовали въ составѣ русскихъ вооруженныхъ силъ во время продолжительныхъ послѣдующихъ войнъ. Алексѣй Михайловичъ, пользуясь усиленіемъ государственной власти, еще болѣе твердою рукою держитъ казаковъ, число которыхъ значительно увеличивается, между прочимъ влѣдствіе религіозныхъ смутъ, вызванныхъ несправленіемъ старыхъ книгъ. Недовольные новыми порядками, казаки подъ предводительствомъ Разина, поднимаютъ бунтъ, съ трудомъ подавленный въ 1670 г., что не осталось безслѣднымъ въ порядкѣ отношенія московскихъ государей къ казакамъ, и уже въ 1671 г. донцы впервые прислагаютъ царю и повторяютъ затѣмъ это вслѣдъ за вступленіемъ на престолъ государей. Тѣмъ не менѣе положеніе казаковъ было особенное, и, по словамъ Котошихина, когда они пріѣзжали въ Москву, то «имъ честь бываетъ такова, какъ чужеземскимъ нарочитымъ людямъ».

Теперь обратимся къ другой важной, многочисленной отрасли казаковъ—къ малороссійскому казачеству.

При нашествіи монголовъ на Русь, какъ извѣстно, болѣе всего пострадало придиѣировье, составлявшее когда-то центръ русской жизни. Всѣ уцѣлѣвшіе сильные и зажиточные люди торопились покинуть обездоленную страну и стремились въ мѣста болѣе безопасныя, отдаленныя или лучше защищенныя центральной властью. На придиѣировской территоріи остаются лишь общинники, которые мало-по-малу выходятъ изъ своихъ убожищъ, заселяютъ прежнія села и возстановляютъ хотя отчасти свои общинныя права. Села, избавленные отъ бояръ, принимаютъ къ жизни городскія общины, а незначительное число бояръ остаются лишь владѣльцами земель, населенныхъ рабами. Общинники платятъ татарамъ дань, но сохраняютъ самоуправленіе. Такое состояніе продолжается до XIV столѣтія, когда юго-западная Русь подчиняется новому вліянію—литовскому. Литва выступаетъ на историческое поприще въ то время, когда германскіе крестоносцы, поселившись (XIII ст.) въ Пруссіи, начали предпринимать свои завоеванія и насильственное крещеніе народовъ, принадлежавшихъ къ литовскому племени. Эти событія дали толчекъ къ объединенію литовцевъ (Миндовецъ) и развитію определенныхъ феодальныхъ отношеній между княземъ и зависѣвшими отъ него начальниками мелкихъ племенъ. Последніе, получивъ отъ князя утвержденіе своихъ правъ, обязываются за это выставлять для войны определенное число вооруженныхъ людей. Такъ какъ борьба Литвы съ нѣмцами пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе значенія, то литовскіе князья стремятся расширить свои владѣнія, въ видахъ пріобрѣтенія свободныхъ земель, для раздачи ихъ ленникамъ и увеличенія такимъ образомъ своихъ вооруженныхъ силъ. Ослабленная политически Русь представляетъ наибольшую возможность для осуществленія такихъ стремленій. Захватываемыя литовцами русскія области раздаются въ ленъ русскимъ князьямъ, или родственникамъ приближенныхъ литовскихъ князей на вышеуказанныхъ условіяхъ. Съ овладѣніемъ Гедиминомъ въ 1320 г. всѣмъ придиѣировьемъ, Кіевомъ и частью Черниговской земли, а съномъ его Ольгердомъ остальною частью Черниговскаго и Сѣверскаго княжествъ, вся юго-западная Русь попала подъ владѣтельство Литвы. Во время этой борьбы боярскій элементъ, сопротивлявшійся Литвѣ, при равнодушіи прочаго населенія, почти совершенно исчезъ въ придиѣировской Русси, частью будучи истребленъ, а частью разбѣжавшись. Водворенное вмѣсто прежняго боярства литовское рыцарство обязывалось ленными отношеніями къ князю, а по отношенію къ населенію полученныхъ удѣловъ, довольствовалось платимою ему данью, не вмѣшиваясь во внутреннее его устройство. На собираемыя деньги литовскіе князья могли нанимать достаточное количество войскъ изъ мѣстныхъ жителей. Оставшіеся въ сторонѣ немногочисленные русскіе бояре были сильно ограничены въ своихъ правахъ и обязывались являться въ войско князя, защищать его замокъ, выставлять подводы, возить шесма и т. п. Вліяніе ихъ на общины совершенно исчезло (потомки ихъ впоследствии известны подъ именемъ *панцирныхъ* и *путныхъ*—почтовыхъ—бояръ). Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что на Волыни и въ западной Подоліи литовскіе князья встрѣтили болѣе сильное боярское сословіе и не могли его такъ ограничить въ правахъ, какъ въ другихъ русскихъ земляхъ. Когда же (1434—1454 гг.) Волынь и Подолія были присоединены къ Польшѣ, то русскіе бояре и литовскіе дружинники получили права польской шляхты, причемъ на этой территоріи общины были ими подавлены и низведены на уровень польскаго посполства. Наоборотъ страны на востокъ, какъ упомянуто уже, сохранили свое демократическое общинное устройство, чему способствовало и географическое положеніе этихъ земель, подверженныхъ постоянно татарскимъ набѣгамъ, причемъ жители постепенно привыкли сами отражать грозившую опасность. Такимъ образомъ, если шляхетскія привилегіи на Волыни и въ западной Подоліи привлекали туда

шляхту, то, наоборот, въ нижнихъ слояхъ населенія происходило обратное движеніе—на востокъ, въ привольныя придніпровскія страны, гдѣ общинники сохранили свои нормы жизни и находили защиту въ своихъ воинственныхъ собратахъ. Въ концѣ XV и началѣ XVI ст. придніпровскіе князья должны были, примѣняе къ обстоятельствамъ, войти въ нѣкоторыя сдѣлки съ общинниками. Эти князья, потомки Гедиминичей, способствуютъ юридическому и военному развитію общинъ, удерживая за собою только право верховной власти надъ ними во время мира и начальство надъ ихъ ополченіями во время войны, а также вотчинныя права надъ селами, населенными несвободными людьми. Историческіе слѣды этого устройства встрѣчаются уже въ началѣ XV ст. подъ чуждымъ, заимствованнымъ у татаръ, именемъ *казаковъ*; князья, предводительствующие ими, называются со времени Ружинскаго *гетманами*.

Евстафій Ружинскій первый далъ казакамъ правильное военное устройство. Въмѣсто существовавшаго неравномернаго дѣленія на курени и околицы, казаки были раздѣлены на 20 полковъ съ выборною старшиною и полнымъ правомъ самосуда; княжескіе старосты и намѣстники были устранены отъ вмѣшательства въ казачій дѣла. Эта реформа привлекла къ Ружинскому и тѣ казачкія общины, которыя въ стремленіяхъ къ подобной же реорганизациіи встрѣтили сопротивленіе со стороны своихъ князей. Король Сигизмундъ I подтвердилъ новую реформу и призналъ вѣчною собственностью тѣ земли казаковъ, на которыхъ они были поселены по обоимъ берегамъ Днѣпра. Послѣ смерти Ружинскаго выборное начало торжествуетъ среди казаковъ и въ гетманы выбираются не князья, а люди, выдающиеся личными заслугами. Такая прочная организація казачьихъ силъ оказалась весьма полезной въ виду послѣдовавшихъ событій. Въ 1569 году состоялась унія Литвы съ Польшею, причемъ литовское и русское дворянство было уравнено въ правахъ съ польскою шляхтою. Польскія юридическія отношенія признавали только три сословія: 1) шляхетское, пользовавшееся безграничными правами; 2) холопское, состоявшее въ полной зависимости отъ перваго, и 3) мѣщанское, созданное магдебургскимъ правомъ въ нѣкоторыхъ лишь городахъ. Такимъ образомъ, казачье общинное народонаселеніе не соответствовало ни одной изъ этихъ категорій. Съ мѣщанствомъ ни по своимъ занятіямъ, ни по своему мѣстопребыванію, казаки ничего общаго не имѣли; причислить казаковъ къ холопамъ — это значило попортить все ихъ права и вызвать на практикѣ величайшія затрудненія; наконецъ, допущеніе многочисленныхъ казаковъ къ шляхетскому сословію—было тоже невозможно, такъ какъ дворянство, дорожа своимъ привилегіями и опасаясь потерять свое значеніе, все болѣе и болѣе затрудняло доступъ въ свое сословіе. Король Сигизмундъ-Августъ началъ было раздавать шляхетскія права цѣлымъ селамъ вольныхъ общинниковъ въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ такія села были не особенно многочисленны (такъ образовались «околицы» со сложнымъ дворянскимъ населеніемъ въ сѣверной части Киевскаго и Волынскаго воеводства), но преемникъ его Стефанъ Баторій обратился къ совершенно другой мѣрѣ. Чтобы съ одной стороны не возбуждать шляхты введеніемъ въ ея составъ значительнаго числа казаковъ, а съ другой, чтобы разрознить силы послѣднихъ, онъ рѣшилъ изъ числа вѣхъ казаковъ, составлявшихъ при Ружинскомъ двадцать полковъ (т. е. по крайней мѣрѣ 40,000 семействъ), предоставить дворянскія права только 6,000 семействъ, такъ-называемыхъ *реестровыхъ казаковъ*. Эти послѣдніе, кромѣ дворянскихъ правъ, получали жалованье (деньги и сукно), право выбора старшинъ, самосудъ и т. д. Остальные же казаки должны были слиться съ крѣпостнымъ населеніемъ и поступить въ подданство тѣхъ пановъ, которымъ были подарены королемъ ихъ земли, или же поступить подъ управленіе королевскихъ старостъ въ качествѣ подданныхъ короля, отбиравшаго на себя ихъ земли. Мѣра эта никого не удовлетворила. Нереестровые казаки, не чувствуя за собою достаточныхъ

силъ, стали опираться на крѣпостное сословіе и вмѣстѣ съ нимъ подняли рядъ возстаній противъ польскаго правительства. Такимъ образомъ, главная причина этихъ возстаній лежала въ нарушеніи польскимъ правительствомъ и шляхтою *общиннаго устройства* казаковъ. Только впоследствии (при Конашевичѣ) къ этой главной причинѣ примѣшивается и другая—религіозныя притѣненія украинскаго народа.

Между тѣмъ, многіе изъ казаковъ бѣжали въ пустыя пограничныя степи, въ такъ-называемое *Запорожье*, гдѣ власть шляхты и королевскихъ урядниковъ были безсильны. Тамъ, въ этихъ привольныхъ мѣстахъ, еще со времени присоединенія Волыни и Подолія къ Польшѣ, собирались отряды выходцевъ, которые или по прошлой своей дѣятельности имѣли основаніе опасаться оставаться въ украинскіхъ поселеніяхъ, или же обладали предпримчивымъ характеромъ, вызывавшимъ ихъ на болѣе обширное поприще дѣятельности. Въ началѣ XVI столѣтія между ними пріобрѣлъ извѣстность Евстафій *Дашковичъ*, который задумалъ дать прочную организацію своимъ товарищамъ-бѣглецамъ. На сеймѣ въ Петроковѣ въ 1511 году онъ, въ виду татарскихъ набѣговъ на южно-русскія земли, предложилъ, какъ самое лучшее и дешевое средство,—признать запорожскихъ скитальцевъ войскомъ Рѣчи Посполитой и поручить имъ охраненіе границъ. Предложеніе это было принято, и Дашковичъ, возвратившись въ Запорожье, далъ ему устройство и организацію, состоявшія въ развитіи до возможнѣйшихъ предѣловъ общинныхъ началъ. При Дашковичѣ въ Запорожьи было не болѣе 2,000 чел., но число это увеличивается постепенно, соответственно стремленію поляковъ расширить свое право въ южно-русскихъ земляхъ. Все притѣняемое и угнетенное судьбой находятъ пріютъ въ Запорожьи, между которымъ и Украиной устанавливается самая тѣсная связь, а запорожцы принимаютъ самое дѣятельное участіе въ казачьихъ возстаніяхъ.

Запорожцы, усиливаясь непомѣрно, воевали не только съ Польшею и татарами, но, совершая морскіе походы, вносили свое оружіе въ отдаленныя турецкія провинціи, которыя предавали грабежу. Слава, пріобрѣтенная запорожцами, особенно подъ начальствомъ энергическаго и талантливаго атамана Конашевича Сагайдачнаго (начало XVII столѣтія), распространилась по всей Украинѣ, которая въ борьбѣ съ поляками сильно на нихъ опирается. Казачкіе отряды, вступающіе противъ поляковъ, принимаютъ и на Украинѣ имя запорожцевъ, и подъ названіемъ Запорожья выступаетъ вся недовольная Польшею южная Русь. Польское правительство энергически борется съ Запорожьемъ, но тщетно. Притомъ, выступая походомъ на Москву, оно само нуждается въ помощи казаковъ и обращается къ нимъ съ просьбами. Этимъ пользуется Сагайдачный, принимаетъ титулъ гетмана обоихъ береговъ Днѣпра и Запорожскаго, ставя такимъ образомъ свою власть выше власти атамановъ реестровыхъ и кошеваго, и объединяетъ все казачество. Стремясь возвратитъ казакамъ все ими утраченное, Сагайдачный указываетъ имъ болѣе обширные интересы для борьбы съ поляками, чѣмъ до тѣхъ поръ, а именно религіозныя и социальныя. При немъ впервые казаки берутъ на себя защиту церкви, а также открываютъ свои ряды для посольства, съ которымъ дѣлятся правами и на которое опираются при послѣдующихъ возстаніяхъ. Сагайдачный искалъ также связей съ соседними государствами — Турціей и Россіей.

Послѣ Конашевича притѣненія казаковъ и Украины возобновляются съ новою силою. Польское правительство задумывало даже полное уничтоженіе казаковъ. Хотя эта несообразная мѣра не была приведена въ исполненіе, тѣмъ не менѣе непрерывныя гоненія побудили православныхъ малороссіянъ бѣжать въ Московскую Русь, гдѣ они селились слободами на южной окраинѣ. Такъ въ 1640 г. упоминаются слободы подъ Ливнами, Мценскомъ, Воронежемъ, Курскомъ и пр. Въмѣстѣ съ крестьянами выходили и казаки со своимъ начальствомъ и уже

въ 1651 году изъ поселенныхъ «черкасъ» составлены казачьи полки: Сумскій, Изюмскій, Ахтырскій и Острогжскій, а черезъ два года еще Харьковскій.

Такимъ образомъ, къ началу XVII столѣтія на югѣ и юго-востогѣ Польши и Россіи появляются казачьи войска, земли которыхъ, соприкасаясь между собою, охватываютъ кольцою всю южную границу. При этомъ граница Московскаго государства со стороны Крыма и отъ набѣговъ заволжскихъ племенъ была охраняема, какъ сказано выше, «сторожами», высылаемыми изъ пограничныхъ городовъ, которые по географическому положенію можно раздѣлить на передніе (Алатырь-Темниковъ-Шацкъ-Рязекъ-Пронскъ-Новосиль-Мценскъ-Орель-Цутинь-Рильскъ) и задніе (Рязань-Тула-Серпуховъ). Сторожи передней линіи доходили до устья Вореклы, до Дона и даже Азова. Далеко впереди отъ границъ выдвинулись русскіе посты: въ низовьяхъ Дона-Донское войско, на Яикѣ и Терекѣ-Яицкое, Гребенское и Терское, а остатки дружины Ермака—проникали черезъ всю Сибирь. Что касается Польши, то тамъ на границахъ государства находимъ малороссійскіе казачьи полки, а впереди ихъ, тоже въ видѣ передового поста,—Запорожское войско (южнѣе нынѣшняго Екатеринослава).

Полки состояли изъ 8—15 сотенъ; во главѣ ихъ стояла полковая, а въ главѣ сотенъ—сотенная старшина.

Въ Малороссіи притѣсненія и возстанія продолжались; наконецъ, послѣ шестилѣтней (1648—1654) борьбы гетмана Богдана Хмельницкаго, государь Алексѣй Михайловичъ согласился принять Малороссію въ свое подданство. Гетманъ и прочая старшина присягнули православному царю, причемъ гетману предоставлены были обширныя права, ставившія его въ полунезависимое положеніе по отношенію къ русскому государю; такъ, напримѣръ, онъ могъ принимать чужеземныхъ пословъ, доносилъ о семъ царю, могъ награждать за заслуги недвижимымъ имуществомъ и т. п.

Старшина, т. е. полковники, есаулы, сотники, писаря, получили подтвержденіе ихъ привилегій. Число реестровыхъ казаковъ было опредѣлено въ 60,000 чел. Нельзя сказать чтобы такая организація казаковъ и характера отношеній ихъ къ государственной власти представляла собою прочныя основы для правильнаго развитія казачества, какъ составной вооруженной силы государства. Русскіе государя, съ постепеннымъ усиленіемъ центральной власти, не могли смотрѣть дружелюбно на полунезависимое положеніе малороссійскаго гетмана, который, въ свою очередь, въ своихъ правахъ находилъ основы и побужденія къ дальнѣйшему развитію этой независимости. Съ другой стороны старшина, замѣнивъ собою польскихъ поимщиковъ, являлась противникомъ расширенія гетманской власти, и въ тоже время утѣтала вышніе классы населенія: наконецъ, сами казаки являлись привилегированнымъ классомъ, жившимъ отчасти на счетъ крестьянъ. Пользуясь такою взаимною враждою, правительство, въ видахъ государственныхъ цѣлей, постепенно ограничивало власть и права какъ гетмана такъ и старшины, вводя при каждомъ избраніи гетмана нѣкоторыя ограничительныя статьи. Такъ сначала являлись царскіе воеводы въ разныхъ городахъ, затѣмъ гарнизоны, потомъ ограничивается и отнимается право сношенія съ иностранными дворами, уменьшается до 30,000 чел. число реестровыхъ казаковъ и, наконецъ, въ резиденціи гетмана, Батуринѣ, ставится стрѣлцкій полкъ. Котошихинъ хорошо опредѣляетъ въ данномъ случаѣ предусмотрительную политику московскихъ государей, говоря о пріѣзжающихъ старшинахъ: «а дается имъ жалованье и поденный кормъ для того, что еще учились они въ подданствѣ вновь, а гѣмъ-бы ихъ къ вѣчному подданству постоянно приманить, а какъ въ подданствѣ позастарѣютъ и имъ такой чести и жалованья убудеть.» Векомъ гетманы въ значительной степени утрачиваютъ свою власть.

Совершенно иное устройство имѣло запорожское войско. Всякій вступив-

шій туда давалъ обѣтъ воевать за христіанскую вѣру, ходить въ храмъ и исполнять положенныя посты и церковныя обряды. Всѣ запорожцы были равны, жили вмѣстѣ въ куреняхъ, имѣли самый простой общій столъ, подчинялись куреннымъ атаманамъ и, въ высшемъ порядкѣ,—кошевому атаману; женатые могли поступать въ «товарищество», но имъ воспрещалось, под страхомъ смертной казни, вводить женщинъ въ Сѣчь (Сичь), укрѣпленную столицу казачества. Запорожцы владѣли и окрестною страной, раздѣленною на «назани», гдѣ занимались сельскими промыслами, и такимъ образомъ представляли собою, съ одной стороны, передовую православно-христіанскій постъ для борьбы съ невѣрными, а съ другой—передовыхъ культурныхъ пионеровъ южныхъ степей. Такова была организація этого воинственнаго, полумонашескаго «шмарства». Хотя гетманы и считали запорожцевъ подчиненными себѣ, но это была власть номинальная, и запорожцы рѣшали свои походы собственною властью. Вообще Сѣчь была почти совершенно независима какъ отъ Польши, такъ и отъ Россіи, хотя по Андрусовскому перемирію (1667) считалась въ одновременномъ подчиненіи обоимъ правительствамъ.

При императорѣ Петрѣ Великомъ произошла существенная перемѣна какъ въ порядкѣ развитія казачьихъ войскъ, которое происходитъ уже не самостоятельно, а исключительно по усмотрѣнію правительства, такъ и въ отношеніяхъ правительственной власти къ казакамъ. Измѣни гетмановъ, жалобы старшинъ и казаковъ заставили центральное правительство вмѣшиваться все болѣе и болѣе во внутреннія дѣла Малороссіи. Однако выборный гетманъ Мазепа, пользовавшійся полнымъ довѣріемъ Петра I, открыто измѣняетъ ему при вторженіи Карла XII въ Россію въ 1708 году. Вслѣдствіе этого новый гетманъ (Скоронадскій), избранный по приказанію государя, пользуется своею властью только номинально. Въ 1722 году учреждается малороссійская коллегія, а по смерти Скоронадскаго назначенный гетманъ Полуботокъ вскорѣ умираетъ въ крѣпости. Когда же старшина просила объ избраніи гетмана, то Петръ отвѣчалъ: «слѣдуетъ прислать надежнаго человека, а пока учреждено правительство, и такъ до гетманскаго избранія не будетъ остановки, почему о семъ дѣлѣ докучать не надлежитъ». Что касается запорожцевъ, то вслѣдствіе ихъ измѣны Сѣчь была разорена до основанія, а бѣжавшіе послѣ Полтавскаго сраженія запорожцы поступили въ турецкое подданство и основали Сѣчь на Днѣпрѣ, около нынѣшняго города Алешки.

Число слободскихъ казаковъ грамотою 1700 г. было сокращено до 3500 чел., а послѣ Полтавскаго сраженія въ слободскихъ поселеніяхъ расположена была цѣлая пѣхотная дивизія. Положеніе Донскихъ казаковъ тоже измѣнилось. Такъ со взятіемъ Азова въ 1696 г. въ устьяхъ Дона явился оплотъ русской правительственной власти, причемъ казаки не могли производить своихъ посковъ на морѣ противъ турокъ и крымцевъ. Требования правительства о выдачѣ бѣглыхъ тоже возбуждали неудовольствія донцевъ, которые, наконецъ, подняли бунтъ подъ начальствомъ Булавина. Бунтъ былъ подавленъ, виновные жестоко наказаны, множество поселеній уничтожено, и часть земель отобрана у казаковъ. Наконецъ, съ 1723 года атаманы уже не выбираются казаками, а назначаются правительствомъ. Такимъ образомъ, казаки постепенно подчиняются центральной власти и составляютъ важный элементъ въ составѣ вооруженныхъ силъ государства.

Въ концѣ царствованія Петра Великаго считаютъ казаковъ: малороссійскихъ 60,000, донскихъ 14,000, яицкихъ 3,000, терскихъ (астраханскихъ) 1,800 и гребенскихъ 500, всего около 80,000; кромѣ того городовыхъ до 3,000 и слободскихъ 3,500 — итого болѣе 86,000; въ тоже время регулярной кавалеріи было всего 45,000 (44).

Содержаніе и продовольствіе войскъ въ мирное и военное время.

Важная реформа, послѣдовавшая въ системѣ набора вооруженныхъ силъ большей части европейскихъ государствъ, не могла не отразиться на измѣненіи идеи о содержаніи и продовольствіи армій. До XVI столѣтія порядокъ продовольствія войскъ отвѣчалъ системѣ образованія армій, которыя состояли изъ ополченій и наемныхъ войскъ; первыя снабжались реквизиціями, собираемыми тѣми лицами, которыя посылались для созыва ополченій; наемныя же войска довольствовались капитанами (ротными командирами), на что по контракту имъ отпускались извѣстныя суммы. Заботы правительства заключались въ томъ, чтобы на рынкахъ по пути движенія войскъ имѣлись достаточныя запасы продовольствія. Во время войны всѣ эти средства умножались добычей и грабежемъ. Съ увеличеніемъ армій такая система оказалась неуволнительной, и правительства должны были взять на себя заботы о томъ, чтобы войскамъ поставлялись припасы въ достаточномъ количествѣ. Тогда обратились къ системѣ подрядовъ. Сюли, наконецъ, ввѣрилъ снабженіе войскъ чинамъ, находившимся на государственной службѣ. Но вскорѣ финансовыя затрудненія заставили снова возвратиться къ реквизиціямъ⁽⁴³⁾. Такимъ образомъ, по прежнему вся забота начальства заключалась въ томъ, чтобы въ мирное или военное время въ пунктахъ нахождения войскъ собрано было на рынкахъ достаточное количество продовольствія всѣхъ видовъ, затѣмъ каждый солдатъ заботился лично о своей одеждѣ и бѣдѣ. Магазиновъ не существовало кромѣ арсеналовъ съ оружіемъ, выдаваемомъ правительствомъ солдатамъ; при недостаткѣ его капитанамъ выдавались деньги, и они уже сами заботились о вооруженіи ввѣренныхъ имъ частей.

Начальникъ отдѣльной части, капитанъ или полковой командиръ, былъ такимъ образомъ полнымъ, неограниченнымъ собственникомъ своей части; никакого контроля со стороны правительства не существовало. Оно ограничивалось только выдачею по числу показываемыхъ людей жалованья и другихъ предметовъ довольствія натурою или деньгами, устранивъ отъ себя дальнѣйшія попеченія объ устройствѣ солдатскаго быта. Иско какого рода злоупотребленія происходили изъ этого: капитаны старались всегда показывать по спискамъ большее количество людей, нежели было на самомъ дѣлѣ, и, съ другой стороны, не выдавали всего слѣдующаго солдату. Не получая должнаго отъ начальства, солдатъ вымѣщалъ это на жителяхъ. Грабежи и разбои сопровождали пребываніе войскъ въ краѣ и часто истощали его въ концѣ. Когда арміи были не многочисленны, то подобныя злоупотребленія не такимъ тяжелымъ бременемъ ложились на государство. При новой системѣ вооруженныхъ силъ, увеличивавшихся въ сильной прогрессивн, явилась необходимость контроля, чтобы выдаваемая въ большихъ

размѣрахъ суммы на содержаніе войскъ доходили до потребителей. Отсюда происхождение корпуса чиновъ военной администраціи во Франціи.

Въ каждой области Франціи имѣлся *интендантъ*, лицо политическое, облеченное финансовою, юридическою и административною властью; затѣмъ военный *коммисаръ*, лицо исключительно военное, вѣдавшее войсковую полицію, производившее войскамъ смотры по хозяйственной части и удовлетворявшее ихъ потребностямъ; наконецъ, военный *контролеръ*, чиновникъ по финансовой части. Всѣ эти элементы—органы центральной власти—претерпѣвали въ своемъ значеніи различныя измѣненія и переживали судьбы центральной власти, будучи съ нею тѣсно связаны: съ усиленіемъ ея ихъ значеніе тоже увеличивалось—и наоборотъ.

Военные коммисары сдѣлались вѣрнѣйшимъ орудіемъ Лувуа не только въ смыслѣ контрольномъ, но и какъ средство для развитія той военно-административной централизаціи, которую онъ проводилъ. Вскорѣ многіе изъ нихъ не ограничивались уже сферой своей дѣятельности, но даже вмѣшивались въ дѣла до нихъ не относившіяся, что возбуждало неудовольствія войскъ. Коммисары производили войскамъ *инспекторскіе смотры*. Въ военное время смотры эти производились во Франціи 3 раза въ году: въ маѣ, іюлѣ и сентябрѣ; внутри государства—каждый мѣсяць. Цѣль подобныхъ смотровъ заключалась главнымъ образомъ въ томъ, чтобы производить учетъ людей, находившихся на жалованьи. Коммисаръ повѣрялъ число людей, наблюдалъ чтобы они были извѣстнаго, положеннаго закономъ возраста, годны къ службѣ и пр. Въ случаѣ злоупотребленій онъ имѣлъ право людей негодныхъ къ службѣ отпирать домой, удерживая изъ жалованья капитановъ деньги на ихъ отправление; онъ повѣрялъ также состояніе, одежды, оружія и пр.

Подобное учрежденіе было большимъ шагомъ впередъ къ водворенію порядка въ администраціи; но часто учрежденіе хорошее по теоріи оказывается дурнымъ на практикѣ. Интересы коммисара нерѣдко сходились съ интересами капитана или полковника. Иногда капитанъ задобривалъ инспектирующаго его коммисара подарками—и все сходило благополучно. При добросовѣстности-же послѣдняго, капитанъ могъ легко его обмануть въ учетѣ людей, показавъ въ день смотра полное по спискамъ число людей, посредствомъ такъ называемыхъ *passee—volants*, т. е. нанятыхъ людей, которые находились дѣйствительно въ рядахъ только въ день инспекторскаго смотра. Пользуясь военнымъ временемъ, обыкновенно ихъ показывали убитыми въ сраженіи и затѣмъ они снова воскресали подъ другими именами. Также самое дѣлалось и въ кавалеріи относительно лошадей, одежды войскъ и пр.⁽⁴⁵⁾ Въ Германіи инспекторскіе смотры еще менѣе достигали цѣли, какъ увидимъ ниже⁽⁴⁶⁾.

Не смотря на всѣ старанія правительства, въ особенности во Франціи въ министерство Лувуа, ограничить злоупотребленія капитановъ и

вообще начальниковъ частей, зло пустило слишкомъ глубокіе корни. При существовавшей системѣ набора войскъ, когда большая половина ихъ составлялась еще вербовкою, по необходимости приходилось сквозь пальцы смотрѣть на злоупотребленія капитановъ, тѣмъ болѣе что мѣста ихъ и полковниковъ покупались. Рота или полкъ были цѣвностью, которую спекулировали люди богатые, стараясь на подчиненныхъ имъ солдатахъ собрать возможно большіе проценты съ потраченного на покупку капитана. Подобная система существовала во Франціи до министра Шуазеля, отнявшаго отъ капитановъ эту собственность, ограничивъ ихъ исключительно получаемымъ ими жалованьемъ, причемъ содержание и отчетность по суммамъ возложена была на особыхъ лицъ, такъ называемыхъ *квартирмейстеровъ* (*quartiers-maitres*). Къ тому же въ это время по всюду, и въ особенности во Франціи при Людовикѣ XIV, полки были арендами, отдававшимися любимцамъ. Какой нибудь *retit-maitre*, проигравшійся въ Парижѣ, ѣхалъ въ провинцію командовать полкомъ, чтобы поправить свои финансовыя обстоятельства, не имѣя никакого призванія къ военной службѣ*). Ясно къ какимъ результатамъ должна была привести подобная система замѣщенія начальническихъ мѣстъ.

Въ большей части германскихъ государствъ (въ земляхъ имперскихъ, бранденбургскихъ) въ мирное время оно лежало на сельскихъ обывателяхъ, обязанныхъ доставлять квартирующимъ у нихъ людямъ, кромѣ помѣщенія и отопленія, также и пищу.

Чтобы уничтожить злоупотребленія, сопряженные съ постоемъ войскъ, правительства стали поручать гражданскимъ властямъ сборъ продовольствія для войскъ и удовлетвореніе ихъ сообразно потребностямъ, по требованію воинскихъ начальниковъ. Отсюда происхожденіе довольствія войскъ изъ *магазиновъ*, получившее во Франціи полную силу еще при министрѣ Ле-Телье (предмественный Лувуа).

Еще въ 1577 году Генрихъ II учредилъ продовольственныхъ комиссаровъ (*commissaires aux vivres*) съ обязанностию устраивать магазины при прохожденіи войскъ, а также покупать или собирать реквизиціей все необходимое для довольствія крѣпостныхъ гарнизоновъ. Вскорѣ для поставщики продуктовъ обратились къ подрядчикамъ, но, замѣтивъ недостатки этой системы, Сюлли ввѣрилъ заботы о продовольствіи правительственнымъ чиновникамъ. Ришелье нѣсколькими ординансами (1627—1631 г.) упрочилъ эту систему, развивая тотъ прин-

ципъ, что заботы о продовольствіи войскъ, какъ въ мирное такъ и въ военное время, должны лежать на правительствѣ. Служба эта выполнялась въ каждой провинціи интендантскимъ совѣтникомъ по продовольственной и этапной частямъ, а въ каждомъ приходѣ — комиссаромъ, смотрителемъ магазина. Во главѣ этихъ чиновниковъ находился генераль-интендантъ. Въ тоже время въ арміяхъ это дѣло предоставлялось поставщикамъ (*munitionnaires*). Послѣ Ришелье описанная система приходитъ въ упадокъ. Замѣчательныя улучшенія въ этомъ дѣлѣ принадлежатъ Лувуа, «великому продовольствователю», какъ его называли. Лувуа возвратился къ системѣ Ришелье и озаботился объ обезпеченіи всѣхъ поставокъ для войскъ. Въ предѣлахъ государства онъ учредилъ магазины и устроилъ этапы, на каждомъ изъ которыхъ продукты доставлялись подрядчикомъ. При войскахъ имъ были учреждены подвижные магазины, снабжаемые тоже подрядчиками. Крѣпостные магазины снабжались прямыми покупками и реквизиціями⁽¹⁷⁾. Подобный способъ оказался столь выгоднымъ, что его стали употреблять въ военное время. Магазины, учрежденные въ тылу арміи, сдѣлались постепенно единственнымъ средствомъ для продовольствованія войскъ въ военное время, въ противоположность понятіямъ объ этомъ предметѣ въ эпоху 30-ти лѣтней войны, когда армія продовольствовалась исключительно грабежемъ, фуражировкою и контрибуціями. Учрежденія магазиновъ повело за собою увеличеніе числа обозовъ*) при воюющихъ арміяхъ, потому что кромѣ запаса хлѣба или сухарей, носимыхъ войсками при себѣ, необходимо было везти за ними по крайней мѣрѣ такой-же запасъ продовольствія и кромѣ того часть повозокъ должна была находиться въ постоянномъ слѣдованіи между магазинами и пекарнями, пекарнями и арміей и обратно. Можно себѣ представить какимъ тяжелымъ бременемъ стали обозы при значительно увеличившейся численности армій: стѣснивъ быстроту ихъ движеній, они вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнили совершенно понятіе объ образѣ веденія войны, какъ это мы увидимъ ниже.

Довольствіе войскъ мясомъ бывало двояко: правительство или выдавало деньги на мясныя порціи, или же гурты скота гонялись вслѣдъ за войсками. Лувуа, во избѣжаніе многихъ сопряженныхъ съ этими способами неудобствъ, хотѣлъ выдавать вмѣсто мяса сухой бульонъ, что, впрочемъ не осуществилось. Что касается до размѣровъ денежнаго довольствія войскъ, то оно было слѣдующее.

*) Не только армейскіе, но и войсковые обозы, вслѣдствіе распространенія раскопи, грабежей и самаго характера тогдашнихъ войнъ, были огромны. Такъ, напримеръ, въ одномъ, хотя быть можетъ и исключительномъ случаѣ, при эскадронѣ состояло 1200 обозныхъ и вьючныхъ лошадей. Въ борьбѣ съ этимъ зломъ иногда военачальники отдавали мѣшавшія порядку движенія повозки на разграбленіе своимъ собственнымъ войскамъ и только такимъ способомъ избавлялись отъ непопулярнаго обоза⁽¹⁸⁾.

*) Г-жа Севиньи приводитъ въ одномъ изъ своихъ писемъ разговоръ военнаго министра съ офицеромъ: «М. г. ваша рота въ очень плохомъ состояніи» — говоритъ министр. — М. г. я этого не знаю, отвѣчаетъ офицеръ. — Это надо знать; видѣли вы ее? Нѣтъ. — Надо-бы вамъ ее видѣть. — М. г. я отдамъ приказанія. — Слѣдовало бы ихъ отдать; нужно выбирать одно изъ двухъ: или быть придворнымъ, или исполнять свои обязанности.

По тарифу 1663, послужившему на долго основаніемъ для довольствія войскъ, жалованье определено слѣдующее: 1) въ *тыготъ* получали: капитанъ 75 ливровъ, поручикъ 30 ливровъ, прапорщикъ 22 ливра въ мѣсяць, солдатъ 5 су въ сутки; въ *кавалеріи*: капитанъ 180 ливровъ, поручикъ 90 ливровъ, корнетъ 60 ливровъ въ мѣсяць, рядовой, — 15 су въ сутки; въ драгунахъ жалованье было меньше, а въ тяжелой конницѣ гораздо больше нежели указанное выше для легкой конницы. Изъ жалованья нижнихъ чиновъ капитаны вычитывали на продовольствіе, ремонтъ, одежду и вооруженіе. Передъ войной правительство иногда выдавало безвозмездно нижнимъ чинамъ нѣкоторые предметы обмундирования. Жалованье нижнихъ чиновъ получали черезъ каждый мѣсяць, а офицеры по прошествіи 2-хъ мѣсяцевъ⁽⁴⁹⁾.

Такое жалованье оставалось во все время правленія Людовика XIV. Если мы примемъ въ расчетъ, что солдаты должны были на выдаваемыя имъ деньги содержать себя вполнѣ, то, при увеличившейся цѣнѣ на хлѣбъ и при измѣнившейся цѣнности денегъ въ войну за наследство испанскаго престола, слѣдовало сдѣлать измѣненіе въ жалованьи войскъ; по финансовымъ затрудненіямъ французскаго правительства не дозволяли этого исполнить и матеріальное благосостояніе войскъ много отъ этого страдало.

Разсматривая табели жалованья, можно замѣтить, что въ различныхъ родахъ кавалеріи оно было различно; содержаніе жандарма было самое большое и потомъ легкой кавалеріи и шеволежеровъ; причина заключалась въ старшинствѣ ихъ, въ исторіи давности существованія; привилегіи эти сохранялись почти до самой французской революціи. При Людовикѣ XV жалованье еще было уменьшено⁽⁵⁰⁾, но зато правительство снабжало солдатъ другими предметами довольствія; такъ нижние чины получаютъ деньги на одежду; дрова на 5 зимнихъ мѣсяцевъ отпускались или натурою или деньгами; оружіе и др. предметы обмундирования — натурою. Правительство заботится уже до того о нуждахъ военно-служащихъ, что табакъ и соль продавались имъ по уменьшеннымъ цѣнамъ.

Личный составъ чиновниковъ, которымъ поручено было храненіе и расходованіе денежныхъ суммъ, подъ конецъ царствованія Людовика XIV былъ чрезвычайно многочисленъ, онъ раздѣлялся на многія категоріи съ различными названіями и обязанностями (полковые казначеи существовали съ 1629 г., затѣмъ учреждены главные казначеи армій и т. п.)⁽⁵¹⁾. Всѣ эти чиновники дѣйствовали по приказамъ государственнаго секретаря и интенданта или военнаго министра.

Жалованье высшихъ чиновъ военной іерархіи было чрезвычайно значительно, принимая въ расчетъ тогдашнюю цѣнность денегъ. Такъ отъ Генриха II до Людовика XIV *маршалы Франціи* получали въ мирное время ежегодное содержаніе 12,000 ливровъ; въ военное время содержаніе ихъ увеличивалось въ значительныхъ размѣрахъ: они получали

въ мѣсяць, состоявшій изъ 45 дней, 8000 ливровъ, не считая фуража и вообще всего продовольствія. Король содержалъ на свой счетъ при каждомъ изъ нихъ секретаря, духовника (*aumoniers*), хирурга и капитана стражи, состоявшей изъ нѣсколькихъ всадниковъ. Генераль-лейтенанты (*lieutenants-généraux*) получали 2000 ливровъ въ 45 дней. *Maréchaux de camps* — 900 ливровъ въ тотъ же срокъ⁽⁵²⁾.

Въ военное время въ лагерныхъ сборахъ продовольствіе и фуражъ, какъ мы уже сказали выше, лежали на заботахъ правительства. Въ мирное время правительство также снабжало войска предметами довольствія изъ магазиновъ, удерживая однакожъ изъ ихъ жалованья за каждый раціонъ хлѣба. Раціонъ этотъ обыкновенно состоялъ изъ 24 унцій ($\frac{2}{3}$ пшеницы и $\frac{1}{3}$ ржи). Раціонъ фуража прежде былъ въ 20 ф. сѣна и 10 ф. соломы, но потомъ определенъ въ 15 ф. сѣна, 5 соломы и 3 *picotins* (гарнца) овса.

Количество офицерскихъ раціоновъ было пропорціонально свитѣ при нихъ состоявшей, которая въ то время была чрезвычайно значительна. Полковникъ имѣлъ 12 раціоновъ, изъ которыхъ 6 какъ капитанъ роты; подполковникъ 10, изъ которыхъ 6 какъ капитанъ; майоръ 6, капитанъ 6 и т. п.

Но, впрочемъ, не смотря на организаторскій гений Лувуа, на его многочисленныя указы, опредѣлявшіе во многихъ мелочахъ различныя отрасли военнаго хозяйства, полную законченность новая система содержанія постоянныхъ войскъ получила только предъ Семилѣтней войной.

Въ *Германіи*, послѣ неистовствъ 30-лѣтней войны, всѣ правительства тоже убѣдились въ необходимости учрежденія большаго порядка въ содержаніи войскъ. Чтобы избѣгнуть большихъ издержекъ признано было наиболѣе соответственнымъ уменьшить число вербованныхъ наемныхъ войскъ и содержать собственныя войска, набирая ихъ въ извѣстныхъ округахъ. Порядокъ содержанія войскъ при расквартированіи ихъ у жителей сначала заключался въ томъ, что солдату не отпускали денегъ, а онъ получалъ отъ хозяина обѣдъ, ужинъ и порцію-пива; правительство-же выдавало ему одежду и обувь въ натурѣ. Такъ какъ вскорѣ вошло въ обычай опредѣлять составъ солдатской порціи, то это повлекло за собою величайшія злоупотребленія войсковыхъ начальниковъ, приобрѣвшихъ вѣрное средство къ наживѣ при опредѣленіи числа и размѣра порцій. Частныя мѣры для противодѣйствія злу не имѣли успѣха пока съ развитіемъ государственнаго начала и усложненіемъ социальныхъ отношеній, не явились правильно функционирующія государственныя и общественныя управленія, имѣвшія вліяніе на измѣненіе внутреннихъ отношеній государства и на правильное распределеніе земскихъ повинностей. Съ этого времени во многихъ нѣмецкихъ государствахъ военное хозяйство раздѣлилось на два вида: 1) *жалованье, одежда и обувь*, опредѣленные штатами и табелями и отпускаемые войсковыми начальниками, и 2) *продовольствіе, фуражъ, квартирное довольствіе*, т. е.

такіе предметы, расходы на которые не покрывались изъ государственнаго казначейства, а относились къ повинностямъ жителей и потому были поручены завѣдыванію гражданскихъ управленій, независимыхъ отъ военныхъ. Этотъ порядокъ имѣлъ чрезвычайно благодѣтельное вліяніе на народное благосостояніе, но въ смыслѣ военнаго хозяйства результаты его не были особенно ощутительны. Войсковые начальники, лишившись многихъ доходовъ, чтобы вознаградить себя, стали увольнять на работы нижнихъ чиновъ, которые должны были за это уступать ротнымъ командирамъ свое жалованье. Этотъ обычай держался, часто съ вѣдома королей, до самой Семилѣтней войны. Слѣдуетъ замѣтить, что получаемые доходы служили иногда средствомъ полковому и ротному командиру оказывать помощь своимъ субалтернъ-офицерамъ, которые находили иногда у нихъ даровой обѣдъ или получали денежныя субсидіи. Такая же помощь оказывалась въ тяжкихъ случаяхъ унтеръ-офицерамъ и даже рядовымъ (больнымъ, женатымъ и пр.) Впрочемъ, все это было дѣломъ произвола. Такое хозяйство, конечно, несправедливо называлось ротнымъ,—оно было личнымъ хозяйствомъ ротнаго командира, который не былъ подчиненъ никакому контролю, кромѣ *смотровъ*, производившихся, по высочайшему повелѣнію, *разъ въ два года*, особыми *коммисіями*, состоявшими изъ одного военнаго и нѣсколькихъ гражданскихъ чиновъ. Передъ смотромъ полкъ извѣщался по крайней мѣрѣ за три недѣли, чтобы все было приготовлено ко дню смотра. Всѣ чины полка по одиночкѣ проходили передъ коммисіей, которая удостоверяла ихъ наличность, боевую способность, а также состояніе оружія и одежды. Эти смотры не достигали своей цѣли, такъ какъ, во первыхъ, производились слишкомъ поверхностно, а, во вторыхъ, о нихъ предвѣряли слишкомъ заблаговременно. Во всякомъ случаѣ смотры во французской арміи имѣли болѣе полезныя послѣдствія, какъ вслѣдствіе ихъ внезапности, такъ и болѣе строгости.

Вышеупомянутыя гражданскія управленія снабжали войска установленными предметами довольствія не вездѣ одинаково. Относительно продовольствія и фуража преобладало мнѣніе, что слѣдуетъ всегда имѣть достаточные запасы въ мѣстахъ потребленія, и потому необходимо было въ мирное время заготовлять такіе припасы, а въ случаѣ войны имѣть средства перевозить ихъ за арміею. Запасы прибрѣтались наличною покупкою, или посредствомъ подрядовъ и т. п.; къ общимъ же насильственнымъ сборамъ продуктовъ отъ жителей прибѣгали только во время войны или въ ожиданіи ея^{*)}. Какъ уже было замѣчено выше,

*) Уже въ то время предпочитали вмѣсто храненія высушенной ржи въ магазинахъ—перемалывать ее и закупоривать герметически въ деревянные бочки, причемъ она можетъ сохраняться невредимой цѣлыя столѣтія. Во время войны за баварское наслѣдство, прусская армія продовольствовалась мукою, закупоренною еще при первомъ королѣ.

продовольствіе войскъ во время войны стало производиться исключительно изъ магазиновъ, что имѣло весьма вредное вліяніе на характеръ военнаго искусства. Вообще тогдашніе стратеги полагали, что базисъ существуетъ только въ тылу армій и что искать его впереди не слѣдуетъ — крайность противоположная понятіямъ эпохи 30-лѣтней войны, когда базисъ искали исключительно впереди. Учрежденіе магазиновъ потребовало значительнаго числа чиновниковъ, которые, получая ограниченное содержаніе, прибѣгали для покрытія насущныхъ нуждъ къ злоупотребленіямъ. Лучшимъ же средствомъ для противодѣйствія послѣднимъ считали постоянныя наказанія. Въ конечномъ результатѣ вышло то, что честные люди уклонялись отъ столь непривлекательной службы и интендантское вѣдомство скоро прибрѣло въ Германіи столь же позорную извѣстность какъ и въ другихъ государствахъ.

Постоянная повинность вообще считалась обязательной для жителей; но только въ 1733 г. было издано въ Германіи первое подробное постановленіе, опредѣлявшее въ точности размѣръ квартирнаго довольствія всѣхъ чиновъ, съ извѣстнымъ вознагражденіемъ домовладѣльцевъ. Съ этого-же времени начинается размѣщеніе войскъ въ казармахъ. Въ общемъ кавалерію, въ видахъ дешевизны фуражнаго довольствія, размѣщали преимущественно въ селеніяхъ, а пѣхоту — въ городахъ. Но вскорѣ жители стали откупаться отъ содержанія кавалеріи (которой они давали общественныя пастбища, а сухой фуражъ продавали по установленной низкой таксѣ) и тогда ее перевели въ города⁽⁵⁴⁾.

Русскія земскія войска содержались въ мирное время на счетъ тѣхъ помѣстій, которыми они владѣли. Что же касается стрѣльцовъ и частей иноземнаго или новаго строя, то существованіе ихъ было обезпечено различными мѣрами, о которыхъ отчасти упомянуто выше.

Такъ, на примѣръ, стрѣльцы получали отъ казны землю и домъ, денежное жалованье на одежду и хлѣбный провіантъ, а въ случаѣ войны—подводы или деньги на подъемъ. Жалованье въ разныхъ городахъ полагалось различное (2—4 рубля и 5—12 четвертей ржи и т. п.), которое выдавалось помѣсячно.

Рейтары имѣли частью помѣстья, другіе же, равно какъ драгуны, получали жалованье и кормовыя деньги (напр. 3 р. жалованья и 7—8 денегъ на кормъ); кромѣ того, они пользовались разными торговыми привилегіями. Солдаты получали приблизительно такое же содержаніе, какъ и стрѣльцы⁽⁵⁵⁾.

Во время войны, одновременно съ объявленіемъ царскаго указа о походѣ, указывался всѣмъ помѣстнымъ людямъ и тотъ срокъ, на который каждый долженъ былъ запасаться. При этомъ достаточные люди получали вооруженіе, лошадей и содержаніе отъ тѣхъ городовъ и волостей, изъ которыхъ они набирались. Что касается стрѣльцовъ, рейтаръ, драгунъ, солдатъ и пр., то они довольствовались сами на счетъ получаемого ими жалованья. Впрочемъ, правительство не оставалось

вполнѣ безучастнымъ къ ихъ положенію. Такъ, съ объявленіемъ войны, изъ Москвы и другихъ городовъ набирались хлѣбники, пирожники, мясники, квасовары со всякими ихъ запасами и распредѣлялись человекъ по 50—70 на полкъ. При этомъ правительство обязывало ихъ все продукты, имъ принадлежащія, купленные и добытые на войнѣ, «продавати всякаго чину служилымъ людямъ не гораздо дорогою цѣною» (56). Кромѣ того, собирались во время войны съ патриаршихъ, монастырскихъ, помѣщичьихъ вотчинъ и крестьянскихъ дворовъ рожь, мука, сухари и толокно, по особому расчету, и направлялись въ порубежные города, на театръ войны; мясо-же и соль отправлялись изъ Москвы съ царскаго двора. Все эти припасы выдавались стрѣльцамъ, солдатамъ и драгунамъ помѣсячно, по указу за деньги, или даромъ, или взаймы. Боярамъ же, дворянамъ, дѣтямъ боярскимъ, казакамъ, обязаннымъ запасаться самимъ, царскихъ запасовъ не выдавалось, кромѣ случаевъ крайней нужды, когда имъ отпустились продукты въ долгъ. Иногда рейтарамъ и казакамъ при трудности продовольствія прибавлялось жалованье (57). Мы видимъ, что эти порядки были вовсе не хуже того, что существовало на Западѣ, причемъ, какъ наши, такъ и тамошнія войска, не были правильно обеспечены довольствіемъ.

Главное завѣдываніе всеми воинскими дѣлами, въ томъ числѣ и довольствіемъ людей, лежало на Разрядномъ и Иноземномъ приказахъ. Затѣмъ, при всякой крупной войнѣ, къ главнокомандующему (воевода) назначался изъ бояръ начальникъ раздачи денежнаго жалованья, имѣвшій товарища и дьяковъ и получавшій списки ратнымъ людямъ, отправлявшимся въ походъ; такое же лицо имѣлось для раздачи жалованья иноземному войску и всемъ людямъ нѣмецкаго строя. Къ начальнику раздачи денежнаго жалованья относились все окладчики городовъ *), съ росписями лицъ, размѣщенныхъ по статьямъ, для полученія денежнаго жалованья, причемъ въ росписяхъ означалось, какъ кто явится на службу коновъ, люденъ и оруженъ и какое за кѣмъ имѣется помѣстье. Начальникъ раздачи жалованья, по сказкамъ окладчиковъ, распредѣлялъ награды за усердіе въ службѣ и опредѣлялъ наказанія, и велъ всему этому списки, отправлявшіеся въ Разрядный приказъ, а оттуда препровождавшіеся главнокомандующему или начальникамъ полковъ и ратей, которые дѣлали по нимъ смотръ войску.

Жалованье выдавалось людямъ лично или самимъ начальникомъ, или дьякомъ воеводъ,—въ обоихъ случаяхъ при окладчикахъ. Для государева полка (гвардіи) былъ особый начальникъ раздачи жалованья. Во

*) Окладчики выбирались отъ каждаго города изъ лучшихъ дворянскихъ фамилій и уважаемыхъ лицъ. Они обязаны были распредѣлять людей по статьямъ и наблюдать, чтобы никто не покидалъ службы до окончанія похода и чтобы каждый былъ коновъ, люденъ и оруженъ, согласно со статьею, въ которую записанъ.

время продолжительныхъ войнъ еще учреждались особыя комисіи для довольствія войскъ деньгами и припасами. Начальникъ комисіи для сбора денегъ на жалованье ратнымъ людямъ былъ бояринъ, а при немъ два дьяка и канцелярія; они должны были разсылать сборщиковъ по городамъ, давая имъ указанія, какъ производить сборъ денегъ, согласно данному государемъ наказу, и вести счетъ собраннымъ деньгамъ.

Комисіи по сбору хлѣбныхъ и мясныхъ запасовъ должна была наблюдать за надлежащимъ сборомъ этихъ продуктовъ, за исправною доставкою ихъ къ указаннымъ мѣстамъ, за береженіемъ ихъ и доставкою ихъ къ войску, согласно счетамъ и книгамъ. Комисіи получала изъ Разряда списки съ указаніемъ сколько съ кого взять хлѣба и на какихъ подводахъ его отправлять (58).

Петръ великій, создавая регулярную армію, постепенно выработалъ систему ея довольствія всемъ необходимымъ. Первоначально практиковалось преимущественно натуральное довольствіе, т. е. продовольствіе войскъ отъ жителей, или сборъ у послѣднихъ провіанта, который на подводахъ, взятыхъ отъ земли, доставлялся въ войска. Области отдаленныя отъ театра войны обязаны были замѣнять натуральную повинность денежными взносами (59). При этомъ Петръ Великій опредѣлилъ всемъ безъ различія нижнимъ чинамъ одинаковый паекъ. Государь въ случаѣ надобности не отказывался пользоваться, какъ услугами подрядчиковъ, такъ и средствами страны въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Такъ въ первый Азовскій походъ (1695 г.) было заподряжено для войскъ кромѣ провіанта достаточное количество и другихъ продуктовъ *), съ доставкою въ казацкое урочище Панчинъ, откуда припасы сплавлялись внизъ по Дону до самого Азова. Впрочемъ, послѣ неудачной осады и возвращенія арміи назадъ, много людей погибло въ стѣняхъ отъ голода. Для слѣдующаго года были едѣланы еще большія приготовленія. Въ окрестностяхъ Воронежа построено было 30 галеръ и 1300 струговъ, подымавшихъ каждый до 200 четвертей хлѣба. Собранныя войска погрузили на нихъ хлѣбъ и все потребности. Собранныя поды Азовомъ 75000 армія, благодаря принятымъ мѣрамъ, довольствовалась исправно. Въ этотъ походъ у насъ впервые являются комисариатъ-генераль и генераль-провіантмейстеръ.

Въ Сѣверную войну продовольственные припасы заготовлялись и подвозились къ войскамъ различными способами; а при недостаткѣ этихъ источниковъ войска пользовались средствами страны. Припасы преимущественно доставлялись по наряду съ губерній и областей, не смотря на разстояніе и состояніе дорогъ, что, конечно, было раззорительно

*) 5000 вездеръ сбитню, по 45000 вездеръ укусу и вина, 20,000 соленыхъ осетровъ, 10000 пудовъ ветчины, 2000 пудовъ сала, 2500 пудовъ масла, 10,000 шукъ и судаковъ, 10,000 лещей и 2000 п. соли. Подрядчикамъ выдано впередъ 33000 руб. сер.

для жителей ⁽⁶⁰⁾. Выйдемъ нѣсколько ближе въ важнѣйшія мѣропріятія Петра Великаго. Въ 1707 г. Меншиковъ и фельдм. Шереметевъ, по совѣщаніи съ царскими министрами, опредѣлили снабжать войска на зимнихъ квартирахъ по системѣ, принятой для имперской арміи. Такъ положено было начало суточного довольствія войскъ по окладу *порціоновъ и раціоновъ* всѣмъ чинамъ отъ генерала до рядового включительно. Вскорѣ опредѣлено было имѣть въ арміи *коммисаровъ*. Между тѣмъ преобразованія и войны потребовали значительнаго увеличенія расходовъ въ то время, какъ доходы истощенной страны стали уменьшаться. Въ 1708 г. явился именной указъ о 8 губерніяхъ, начальникамъ которыхъ приказано заботиться о денежныхъ и всякихъ дѣлахъ и о правильномъ доставленіи въ Москву денегъ на содержаніе войскъ. Затѣмъ въ 1711 году приказано было полки распределить въ губерніяхъ, согласно утвержденнымъ въ этомъ году *штатамъ*, въ которыхъ опредѣлены оклады жалованья, порціоны и раціоны всѣмъ чинамъ, отпуски на ремонтъ оружія, лошадей, амуниціи, на содержаніе палатокъ и телѣгъ. Оклады иноземцамъ назначены гораздо выше нежели русскимъ. Снабженіе войскъ мундирною одеждою ^{*)}, военными припасами, лошадьми и провіантомъ возложено было на губерніи, къ которымъ приписаны были полки пѣхоты и драгунъ въ опредѣленномъ числѣ. Ближайшій надзоръ за правильнымъ обмундированіемъ и продовольствіемъ возложенъ на губернскихъ коммисаровъ, а высшій на главныхъ начальниковъ пѣхоты и кавалеріи. Главнымъ распорядителемъ по военному хозяйству въ государствѣ былъ генералъ-пленипотенціалъ—кригсъ-коммисаръ, которому подчинялись не только всѣ коммисары и приказы, но и органы правосудія. Такимъ образомъ, въ его лицѣ сосредоточивалась власть соответствующая нынѣшней министерской. Деньги на жалованье пѣхотѣ и конницѣ собирали со всего населенія, причемъ каждая изъ губерній распределена была на доли, по 5,536 дворовъ въ каждой изъ послѣднихъ. Порціоны на фуражъ (собираемые отъ жителей), нижніе чины получали натурою, а офицеры деньгами.

Съ учрежденіемъ вслѣдъ за тѣмъ, въ томъ же 1711 г., Сената, на него, между прочимъ, возложено распределеніе государственныхъ доходовъ на надобности арміи и высшій надзоръ за комплектованіемъ арміи рекрутами. Беспорядки же по продовольствію войскъ въ Прутскомъ походѣ заставили Петра завершить устройство военного хозяйства учрежденіемъ *военнаго коммисарства въ арміи* и изданіемъ регламента кригсъ-коммисару. Въ губерніяхъ приказано было выбрать коммисаровъ, по одному въ каждой, для осмотра въ полкахъ оружія, обмундированія и проч., а затѣмъ учреждено *военное коммисарство*, состоявшее изъ оберъ-кригсъ-коммисара и трехъ или четырехъ кригсъ-коммисаровъ съ назна-

^{*)} Для обезпеченія войскъ этою потребностью Петръ Великій основалъ суконныя фабрики.

ченіемъ послѣднихъ въ дивизіи. Военное коммисарство обязано было контролировать дѣйствія губернскихъ коммисаровъ, дѣлать росписи предметовъ довольствія и пр. Все это напоминаетъ намъ французскихъ военныхъ коммисаровъ и интендантовъ времени Людовика XIV. Что касается регламента кригсъ-коммисариату, то этою инструкціею опредѣлены были: порядокъ и правила снабженія войскъ денежнымъ и вещевымъ довольствіемъ, отвѣтственность за беспорядки и злоупотребленія и пр.

Этими реформами Петръ Великій далъ своей арміи въ нѣсколько лѣтъ все то, что «выработалъ вѣковой опытъ всей западной Европы». ⁽⁶¹⁾. Между тѣмъ развитіе законодательной дѣятельности Императора продолжалась безостановочно. Въ 1716 году былъ изданъ знаменитый «Уставъ Воинскій», представлявшій собою сборникъ постановленій по административной военно-юридической, и строевой частямъ. Затѣмъ учреждены были коллегии, получившія окончательное устройство въ 1719—1720 годахъ.

Въ *военной коллегіи* сосредоточилось высшее управленіе военно-сухопутными силами имперіи и ихъ хозяйствомъ. Реформы по устройству военного хозяйства, заимствованныя изъ иностранныхъ образцовъ, хотя были воиолнѣ необходимы для удовлетворенія потребностей новой арміи, тѣмъ не менѣе, далеко не дали тѣхъ результатовъ, какъ повидимому ожидалъ Петръ Великій, и въ этомъ отношеніи они привели къ тѣмъ же результатамъ, какъ и на западѣ. При значительномъ обремененіи народа новыми податями и тягостями, солдатъ не всегда былъ обезпеченъ въ его насущныхъ потребностяхъ; многое до него не доходило, или доходило не въ положенномъ размѣрѣ. Новые командиры полковъ такъ же мало стѣснялись злоупотребленіями, какъ и прежніе стрѣлцкіе головы, рейтарскіе и солдатскіе полковники. При взаимныхъ столкновеніяхъ контролирующей и распорядительной властей, права коммисаровъ были ограничены, и полковники, подъ вліяніемъ прусскихъ порядковъ, получили неограниченную власть не только въ распоряженіяхъ по хозяйственной части, но и въ военно-судномъ отношеніи. Вслѣдствіе такого порядка населеніе страдало и отъ безнаказанныхъ насилій начальствующихъ лицъ, и отъ грабительствъ голодныхъ солдатъ.

Артикулы и царскіе указы далеко не исполнялись, не смотря на тяжесть грозившаго за то наказанія.

Чѣмъ болѣе возрастала сила арміи (въ 1722—1725 гг. на довольствіи считалось 319,525 чел.,—въ томъ числѣ 210,500 чел. регулярныхъ войскъ и 21,939 чел. во флотѣ), тѣмъ болѣе требовалось средствъ на ея содержаніе и тѣмъ тяжелѣе оно ложилось на населеніе.

Съ другой стороны солдаты, не получая необходимаго довольствія и жалованья, терпя нужду и угнетаемые начальниками, дезертировали въ значительныхъ массахъ и нерѣдко предавались разбоймъ, такъ что пути подъ самой Москвой далеко не были безопасны. ⁽⁶²⁾. Такой по-

рядомъ вещей вовсе не слѣдуетъ объяснять борьбой старыхъ началъ съ новыми реформами, но недостатками самихъ реформъ, плохимъ экономическимъ состояніемъ страны, причѣмъ новыя потребности, заявлявшія себя сразу во всей полнотѣ, не соответствовали средствамъ государства и медленному ихъ развитію; далѣе—невысокимъ нравственнымъ уровнемъ тогдашняго общества и недостатками его общаго устройства. Во всякомъ случаѣ едва-ли наши порядки въ указанномъ отношеніи были хуже западно-европейскихъ, гдѣ мы отмѣтили уже соответственно цѣлый рядъ аналогичныхъ явленій.—

Вообще говоря, со времени введенія постоянныхъ армій, снабженіе войскъ обмундированіемъ^{*)}, оружіемъ, лошадьми, продовольствіемъ, при маломъ навыкѣ въ заготовленіяхъ, при безирестанныхъ войнахъ, требовало отъ государствъ огромныхъ издержекъ: правительство, истощая свои доходы на содержаніе, часто находилось въ совершенной невозможности удовлетворить всѣмъ необходимымъ ихъ потребностямъ.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о санитарномъ обезпеченіи войскъ. Въ феодальное время не существовало никакихъ военно-санитарныхъ учрежденій. Со времени же учрежденія національных милицій и увеличенія числа постоянно-содержимыхъ въ мирное время войскъ (Карль VII, Людовикъ XI), правительство должно было озаботиться о врачебной помощи войскамъ, но въ современныхъ уставахъ и указахъ нѣтъ никакихъ указаній относительно существованія подобныхъ учрежденій. Первымъ основателемъ госпиталей во Франціи считается Ришелье, который въ своемъ «политическомъ завѣщаніи» говоритъ, что французская пѣхота будетъ тогда лишь хорошо дисциплинирована, когда, между прочимъ, она будетъ имѣть госпитали повсюду за арміей. Уже въ 1629 г., въ каждомъ полку полагались хирурги; больныхъ лечили въ лагеряхъ или отправляли въ ближайшіе госпитали, учреждаемые въ городахъ. Но еще ранѣе того, а именно при Генрихѣ IV, есть указаніе на существованіе военныхъ госпиталей, а Сюлли упоминаетъ въ своихъ мемуарахъ, что при осадѣ Амьена въ 1597 г. былъ учрежденъ столь удоб-

*) Ришелье при осадѣ Ла-Рошели далъ французскимъ войскамъ впервые постоянную реформу; но она была потомъ оставлена. Затѣмъ послѣ Ахенскаго мира (1668 г.) нѣкоторые полковники приняли разные отличія для своихъ полковъ. Лувуа пошелъ на встрѣчу этимъ стремленіямъ, и уже въ 1670 г. французская пѣхота была одѣта однообразно; кавалерія приняла однообразную форму только въ 1690 году. Офицеры долго еще одѣвались по своему усмотрѣнію, и виѣ службы начали носить форменную одежду не ранѣе 1717 г. Въ австрійскихъ войскахъ форменная одежда введена въ первые въ 1690 г., но утвердилась окончательно только въ 1720 г. Она состояла изъ удобнаго длиннаго кафтана съ грудными лацканами, такой же почти длинной камзолу, штановъ телячьей кожи, башмаковъ съ чулками, шляпы, кожаныхъ перчатокъ, раницъ телячьей кожи и патронташа съ 40 патронами. Сабля носилась сначала черезъ плечо, а затѣмъ на поясной портупей.

Въ Пруссіи Великій курфюрстъ Фридрихъ-Вильгельмъ издалъ въ 1676 г. постановленіе объ одеждѣ войскъ. (62).

ный госпиталь, что даже многіе старшіе чины арміи охотно отправлялись туда лечиться. Въ эпоху Ришелье повидимому уже различали два вида госпиталей: подвижные, слѣдовавшіе за войсками, и мѣстные. Впрочемъ, прочной организаціи это дѣло не имѣло; госпиталей было мало—преимущественно лишь тамъ, гдѣ собирались массы войскъ—устраивались они случайно, имѣли часто только временное значеніе. Лувуа поставилъ это дѣло на прочную и широкую ногу. Содержаніе госпиталей предоставлялось подрядчикамъ, и только въ арміяхъ они заводились преимущественно на экономическія средства и находились въ вѣдѣніи директора.—Внутренняя служба въ госпиталяхъ была организована издавна весьма удовлетворительно. Еще Ле-Телье установилъ ее такъ прочно, что Лувуа могъ совершенствовать только подробности (1688). Наконецъ, всѣ отдѣльныя мѣропріятія и указанія были въ 1717 г. сведены въ одно положеніе столь соответственно выработанное, что всѣ его основныя начала сохранились во Франціи до настоящаго времени. Ими опредѣлялся порядокъ принятія людей, визитаціи, дисциплины въ госпиталяхъ и пр. (62).

Военныя учрежденія для управленія арміями; военная іерархія; система наградъ; военно-уголовное судопроизводство.

Въ старинныя времена король былъ дѣйствительнымъ главою арміи; но долгое время онъ облакалъ своею властью высшее военное званіе—коннетабля, вѣдавшаго всѣ вооруженныя силы страны. Въ 1626 г. Ришелье уничтожилъ это опасное для королевской власти званіе. Тѣмъ не менѣе король не могъ принять на себя непосредственное завѣдываніе вооруженною силою государства, и это лежало теперь на *генералъ-полковникъ пѣхоты* (*colonel-général de l'infanterie*). Лувуа уничтожилъ и это званіе въ 1661 г., и съ тѣхъ поръ дѣйствительнымъ главою арміи во Франціи сдѣлался *военный министръ*. Во время регенства была сдѣлана попытка замѣнить министра *военнымъ совѣтомъ*, но тутъ обнаружилось, что единство административнаго управленія столь-же важно, какъ и единство командованія, и потому совѣтъ просуществовалъ всего 3 года, замедляя рѣшеніе самыхъ простыхъ дѣлъ.—Само собою разумѣется, что новая форма вооруженныхъ силъ, измѣняя всѣ дотолѣ существовавшія понятія о способахъ довольствія войскъ, по необходимости должна была отразиться на самой системѣ военнаго управленія. Завѣдываніе арміями (числительность которыхъ и въ мирное время увеличивалась годъ отъ году) личнымъ составомъ ихъ, снабженіемъ всѣми родами довольствія, устройство крѣпостей для охраненія внѣшней безопасности государства, контроль и отчетность по всѣмъ отраслямъ военнаго хозяйства,—сдѣлались до того сложны, что потребовались прочныя учрежденія, безполезныя въ прежнее время, при системѣ войскъ наемныхъ, когда одно лицо, съ нѣсколькими чиновниками, могло вести всю

отчетность по довольствію войскъ, а правительство, заключивъ контрактъ съ полковникомъ, какъ съ подрядчикомъ, на поставку такого-то числа войскъ за известную сумму денегъ, отклоняло отъ себя затѣмъ все попеченія о нихъ. Со введеніемъ постоянныхъ армій являются уже военные органы, посредствомъ которыхъ правительство управляло всеѣмъ сложнымъ механизмомъ армій: во Франціи—*военное министерство*, въ Австріи *гофкригсратъ*. Нечего и говорить о пользѣ, которую принесли подобныя учрежденія; рядъ превосходныхъ административныхъ мѣръ Мишеля Ле-Телье, и въ особенности сына его знаменитаго Лувуа, далъ постоянной арміи прочную организацію, опредѣливъ кругъ власти начальствующихъ, отношеній къ нимъ подчиненныхъ; ввелъ строгую дисциплину, опредѣливъ точными регламентами снабженіе войскъ всеми родами довольствія; служба войскъ въ мирное и военное время опредѣлена данными имъ уставами. Но съ другой стороны нельзя пройти молчаніемъ и того гибельнаго вліянія, которое въ вѣкъ Людовика XIV чрезвычайная централизація военной власти имѣла на самый ходъ военныхъ дѣйствій, стѣсняя кругъ власти главнокомандующаго.

Пользуясь безграничнымъ довѣріемъ Людовика XIV, умѣвшаго чтить его таланты, Лувуа явился рѣшительнымъ деспотомъ въ управленіи своимъ министерствомъ. Никакія достоинства, способности, выказанныя на дѣлѣ, не давали право человѣку на возвышеніе въ военной іерархіи, если онъ шелъ противъ интересовъ Лувуа.

Если и явились даровитые полководцы, то воля ихъ была во всеѣмъ стѣсняема распоряженіями Лувуа. Въ его инструкціяхъ не только излагалась конечная цѣль компаніи, но и самая мѣра и даже время для ея достиженія. И вотъ мы видимъ, какъ слѣдствіе подобной системы, говорить Ру-Фазильякъ, *большія арміи, многочисленные штабы, сильныя парки, большіе обозы, большіе магазины, большіе склады фуража, большіе госпитали, однимъ словомъ—большія затрудненія, большія злоупотребленія, маленькія способности и большія пораженія.* (55)

Вотъ и причина, объясняющая почему война осады и оборонъ сдѣлалась общою въ вѣкъ Людовика XIV; здѣсь меньше нужно было способностей, когда подъ рукою геніальный Вобанъ, а матеріальная часть требуетъ только денегъ. Ту-же печальную знаменитость пріобрѣлъ и въ Австріи учрежденный Максимилианомъ I гофкригсратъ. Вильяр говаривалъ, что турки потому только побѣждаютъ имперцевъ, что не спрашиваютъ у своего двора какимъ образомъ дѣйствовать. Въ кампанію 1702 года въ Ломбардіи Вандомъ могъ-бы разбить осаждавшаго Мантую принца Евгенія, армія котораго была растянута на большомъ протяженіи, еслибы не имѣлъ приказанія отъ правительства выжидать прибытія къ войскамъ Филиппа V для начатія военныхъ дѣйствій. Мальборо-же весьма часто находился въ зависимости отъ голландскаго правительства, которое содержало его войска на своемъ жалованьи и имѣло при немъ своихъ комиссаровъ. Нечего и говорить объ австрійскихъ

арміяхъ—известно какое гибельное вліяніе оказывалъ гофкригсратъ на военные дѣйствія даже въ эпоху наполеоновскихъ войнъ. Какъ мы замѣтили выше, часто интриги возвышали человѣка въ званіе главнокомандующаго и напротивъ—прямота, честность, не боявшаяся говорить истину, закрывали талантливому человѣку мѣсто, которое онъ долженъ бы былъ занимать по праву; достаточно сказать о честномъ, но бездарномъ Вильруа, являвшемся столько разъ во главѣ армій, чтобъ нести за собою стыдъ и безславіе французскому оружію. Не имѣя талантливыхъ людей, или, лучше сказать, пренебегая ими, французское правительство должно было замѣнять качества полководца и войскъ количествомъ послѣднихъ. Тюреннь говорилъ, что одному лицу трудно управлять арміею свыше 50/т. человѣкъ. Въ войну за наследство испанскаго престола арміи доходять до громадной численности. Маркизъ де Кенси въ своей Военной исторіи Людовика XIV говоритъ, что въ 1672 въ рядахъ Французской арміи было 176.687 человѣкъ. Въ 1691 она доходила до 446.500 — цифра огромная относительно населенія страны. (56)

Не менѣе странное явленіе мы замѣчаемъ въ войскахъ разсматриваемаго періода, явленіе бывшее причиною многихъ неудачъ и заключавшееся въ раздѣленіи власти главнокомандующаго между нѣсколькими лицами. Казалось-бы, что опытъ пуническихъ войнъ могъ указать на весь вредъ подобной системы. Старая истина, что одинъ худой полководецъ лучше двухъ хорошихъ, какъ говаривалъ Тюреннь, должна-бы сознаваться ясно; а между тѣмъ мы видимъ, что въ войнахъ, веденныхъ нѣсколькими государствами, арміею, составленною изъ союзныхъ войскъ, командовали два полководца, съ равною властью, и командовали ими по переменно, какъ Мальборо и принцъ Баденскій, или же вмѣстѣ, какъ курфюрстъ Баварскій съ Вильяромъ или Марсенемъ, герцогъ Орлеанскій съ Марсенемъ. Конечно подобное раздѣленіе власти между лицами, не согласными ни въ цѣли дѣйствій ни въ мѣрахъ къ ея достиженію, влекло за собою уничтоженіе всякаго порядка и должно было гибельно отражаться на самомъ ходѣ кампаніи.

Военная іерархія. Между прочими ордонансами, Лувуа издалъ *ordre du tableau, табель о рангахъ*, опредѣлявшую военную іерархію, кругъ дѣйствій каждаго чина и порядокъ восхожденія изъ одного въ другой. Эта табель сравняла въ служебномъ отношеніи высшее дворянство съ низшимъ, что было важнымъ прогрессомъ для тогдашняго времени, сближая разные классы общества и выдвигая на высшее поприще общественной дѣятельности социальныя группы, оставшіяся въ тѣни. Ошибочно думать, что Людовикъ XIV установилъ тягостное господство дворянства и унижилъ народъ ради интересовъ привилегированнаго сословія. Лично онъ, не понятый своими ближайшими сотрудниками и наследниками, стремился къ тому, чтобы пользоваться дарованіями и талантами изъ какого-бы они сословія ни выходили, причемъ безоши-

бочно можно сказать, что въ его уже время началось господство средняго сословія, которое давало изъ своей среды министровъ, пословъ, флотоводцевъ и т. п. (67)

Обращаясь къ военной іерархіи, мы можемъ замѣтить, что правильно организованная система чиновъ должна удовлетворять двумъ главнымъ условіямъ: 1) чтобы она не была дѣломъ прихоти, *пустою традиціею*, а чтобы каждый чинъ имѣлъ особенный присвоенный ему кругъ занятій; 2) чтобы производство въ чины, основанное на *принципѣ старшинства*, въ тоже время способствовало выдвигенію наиболѣе *достоинѣйшихъ*. Въ вѣкъ Людовика XIV система эта была не вполне совершенна, въ особенности потому что производство въ чинахъ было дѣломъ произвола. Такъ какъ іерархическая лѣстница, существовавшая у французовъ, перешла въ большую часть европейскихъ армій, то мы рассмотримъ и вмѣстѣ покажемъ и самый порядокъ прохожденія воинскихъ чиновъ.

Король, по старому феодальному праву, существовавшему почти во всѣхъ государствахъ западной Европы, былъ главою арміи; принцы крови тоже принадлежали къ ней.

Затѣмъ во Франціи, какъ нѣкогда для Дюгеслена, для Тюрення учреждена была должность *maréchal général* (1600), съ властью высшею маршальскою. Маршальское достоинство существовало во Франціи еще съ XIII столѣтія. Въ средніе вѣка маршалъ обыкновенно командовалъ авангардомъ и исполнялъ генераль-квартирмейстерскія обязанности; сперва былъ одинъ маршалъ, а затѣмъ число ихъ увеличилось. Съ Франсуа I они назывались двоюродными братьями короля (*cousins*) (68). Людовикъ XIV въ 1705 далъ каждому изъ нихъ по голубой лентѣ (Св. Духа). Съ 1638 г. титулъ *lieutenant général* становится чиномъ. Въ военное время они командуютъ арміями; въ мирное время не имѣютъ никакого назначенія. Обязанность *maréchal de camp* первоначально соотвѣтствовала нынѣшней должности начальника штаба, потому-что они доставляли начальнику всѣ необходимыя свѣдѣнія и передавали его приказанія. Число ихъ значительно увеличилось при Людовикѣ XIV; имъ какъ и *lieut. généraux*, довѣрялось командованіе арміями, но только временное. (69)

Бригады, (учрежденные въ 1667 г. въ кавалеріи, а въ слѣд. году въ пѣхотѣ)—единственный военный генеральскій чинъ, имѣвшій опредѣленный кругъ дѣйствій, постоянное командованіе бригадою—самою крупною тактической единицею въ эту эпоху.

Полковники (*colonels*), *mestres de camp* въ кавалеріи—командиры полковъ.

Подполковники (*lieutenant-colonel*)—командующіе полками въ отсутствіи полковника. Такъ какъ званіе полковника въ вѣкъ Людовика XV было большею частью принадлежностью знатнаго рода, силы при дворѣ, бо-

гатства, то обыкновенно подполковники управляли въ дѣйствительности полками.

Маіоры (*majors*, прежніе *sergents-major* или *major capitaine*) командуютъ въ кавалеріи полкомъ за отсутствіемъ *mestre de camp*; въ пѣхотѣ они не могутъ, за исключеніемъ какого нибудь частного порученія, командовать чѣмъ бы то ни было. Съ 1686 г. обязанности ихъ тѣже, какъ и въ настоящее время во Франціи,—это былъ не чинъ, а административное званіе; маіоръ вѣдалъ расквартированіе, раздачу продовольствія, контроль хозяйства. У маіора былъ помощникъ *aide-major*, въ чинѣ поручика.

Капитаны командуютъ ротами, назначаютъ унтеръ-офицеровъ, но не могутъ лишить ихъ званія безъ суда, занимаются обученіемъ роты; старшій капитанъ командуетъ батальономъ съ властью подполковника.

Поручикъ (*lieutenant*) командуетъ ротою или эскадрономъ въ отсутствіи капитана; наблюдаетъ за унтеръ-офицерами и за сбереженіемъ и исправнымъ содержаніемъ оружія.

Подпоручикъ (*sous-lieutenant*), 3-й офицеръ въ ротѣ, существуетъ только съ 1668 г., когда уничтожены прапорщики въ каждой ротѣ. Обязанности его такія-же, какъ поручика.

Прапорщикъ (*enseigne*) носитъ ротное знамя. Съ 1668 г. ихъ оставлено по 2 въ полку. Въ кавалеріи прапорщикъ называется *корнетомъ* (*cornette*).

Унтеръ офицерскіе чины:

Сержанты (*sergents*), *maréchaux de logis* въ кавалеріи, старшіе унтеръ-офицеры; они занимаются перекличкою, обученіемъ и равненіемъ солдатъ. Каждый вечеръ одинъ сержантъ въ ротѣ получаетъ приказъ отъ маіора и передаетъ его капитану.

Капралы (*sarogaux*) начальствуютъ капральствами, разставляютъ часовыхъ.

Les anspessades или *appointes*—родъ первыхъ солдатъ (наши ефрейторы); получаютъ однимъ су меньше капраловъ и однимъ су больше жалованья, чѣмъ солдаты; они помощники капраловъ и въ военное время обыкновенно посылаются въ секретъ (*sentinelle perdue*).

Вотъ и вся іерархія, существовавшая въ арміяхъ Людовика XIV, а также въ арміяхъ прочихъ европейскихъ государствъ. Она бы выдержала критику, еслибъ прохожденіе этихъ чиновъ было правильно и поставлено въ тѣсную связь съ достоинствами и заслугами лица (70). *)

*) Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что относительная простота военной іерархіи съ теченіемъ времени значительно видоизмѣнилась. Въ XVIII столѣтіи число чиновъ значительно увеличилось подъ вліяніемъ различныхъ причинъ. Вообще производство, особенно въ пѣхотѣ, было медленно, да иначе и быть не могло, ибо, напримѣръ, 1 бригадиръ приходился на 2000 офицеровъ, и чина этого можно было достигнуть не ранѣе 60—70 лѣтняго возраста. Чтобы сколько нибудь удовлетворить офицеровъ въ ихъ стремленіи къ повышеніямъ, созданы были различные классы

Производство въ унтеръ-офицерскіе чины дѣлалось по назначенію капитана на вакансіи: выборъ могъ падать на солдата другой роты, по взаимнѣ ей нужно было отдать другого солдата. Производство въ различныя офицерскіе чины дѣлалось по назначенію короля, который, желая возвысить свое вліяніе въ арміи, отнялъ у высшихъ военныхъ властей право производить офицеровъ. Производство имъ учрежденное было смѣсью старшинства и милости въ связи съ финансовыми обстоятельствами. Такъ подпоручикъ производился въ чинъ поручика исключительно по старшинству; поручикъ же въ капитаны по деньгамъ, сколько бы онъ ни служилъ въ чинѣ, за исключеніемъ корпуса карабинеровъ, учрежденных Людовикомъ XIV, гдѣ запрещено было продавать капитанскій чинъ (72).

Маюрскій и подполковничій чинъ доставались по старшинству; полковничій—во всѣхъ родахъ оружія по милости и средствамъ лица. Чинъ бригадира получали старшіе полковники и точно такимъ же образомъ по старшинству чины *maréchal de camp* и *lieutenant-général*. Табель о рангахъ соблюдалась и въ назначеніи главнокомандующихъ арміями, съ рѣдкими исключеніями. Вредъ подобной системы сразу бросается въ глаза. Въ высшихъ военныхъ чинахъ, гдѣ-бы свободный выборъ могъ быть чрезвычайно полезенъ, давая ходъ талантамъ для занятія принадлежащихъ имъ по праву мѣстъ, правительство связывало себѣ руки учрежденнымъ имъ пагубнымъ старшинствомъ, родомъ нашего мѣстничества; напротивъ въ высшихъ чинахъ, гдѣ достоинства человѣка по роду его занятій исключительно опредѣляются его усердіемъ къ службѣ, производство по старшинству не существовало. Въ офицерскіе чины рѣдко производили изъ унтеръ-офицеровъ; прапорщики производились преимущественно изъ кадетъ (*cadets*), молодыхъ волонтеровъ изъ дворянъ, число которыхъ въ 1670 году было ограничено до двухъ на каждую роту. Что касается до штабныхъ лицъ, необходимыхъ при всякой хорошо организованной арміи, то и на эту часть обращено было вниманіе: но обязанности ихъ не были строго определены. Протекающія отсюда неудобства были устранены послѣ нидерландской войны, когда были учреждены *генеральные* или *главные штабы* (*état-majors généraux*). Согласно этому обязанности *генераль-квартиръ-маршала* были распространены, причемъ они вѣдали всемъ относящимся до расположенія, движенія, дѣйствія и внутренней службы войскъ. Въ

въ одномъ и томъ же чинѣ. Такъ, напримѣръ, въ артиллеріи существовало 4 класса капитанскаго чина. Такое увеличеніе бесполезныхъ чиновъ расширило сферу интригъ и вообще увидило значеніе высшихъ чиновъ; оно пробудило самолюбіе, но самолюбіе основанное не на заслугахъ, а на тщеславіи и, увеличивъ претензіи офицеровъ, усилило среди нихъ неудовольствіе и фрондерство. Однимъ словомъ, постепенно появились признаки характеризующіе собою времена упадка военнаго дѣла (Византія) (71).

эту должность назначался одинъ изъ лучшихъ *maréchal de camp*, а въ помощь ему—нѣсколько штабъ-офицеровъ подъ названіемъ помощниковъ (*aides maréchal des logis*). Все эти офицеры несли во время войны службу генеральнаго штаба въ арміи. Затѣмъ учреждены три *новыя штабныя званія*: маюръ-генерала пѣхоты (*major-général de l'infanterie*) и двухъ *генераль-квартиръ-маршаловъ*—для кавалеріи; обязанности всѣхъ этихъ чиновъ по своему роду оружія были тѣ же, что генераль-квартиръ-маршала по пѣлой арміи; но кромѣ того, маюръ-генералъ пѣхоты завѣдывалъ въ высшемъ отношеніи полицейско-судною частью арміи и ему подчинялся *генераль-полицеймейстеръ арміи* (*prévoit de la maréchaussée*; генераль-гевальтигеръ у нѣмцевъ). Эти лица имѣли помощниковъ. Въ такомъ видѣ генеральныя штабы французскихъ армій были только временныя, существовавшіе во время войны, что разумѣется имѣло неудобства въ смыслѣ формированія ихъ при приведеніи арміи на военное положеніе, недостаточнаго знакомства этихъ чиновъ со своимъ дѣломъ, недостаточнаго знакомства начальниковъ съ подчиненными и т. п. Вслѣдствіе этого въ разное время, при Людовикѣ XIV и его преемникахъ, были издаваемы уставы о службѣ кавалеріи и пѣхоты въ военное время, въ которыхъ съ точностью опредѣлялись, между прочимъ, и обязанности штабныхъ чиновъ. Согласно всемъ этимъ положеніямъ, къ штабамъ придавались еще особыя чины и команды, а именно: 1) *вожатые* (*guides*) изъ мѣстныхъ жителей и военныхъ, комплектуемые вербовкой. Они обязаны были сопровождать и охранять офицеровъ генеральнаго штаба во время рекогносцировокъ, а затѣмъ водить войска по осмотрѣннымъ путямъ. Во главѣ ихъ находился особый начальникъ—*капитанъ надъ вожатыми* (*capitaine des guides*), который обязанъ былъ имѣть еще достаточное число обыкновенныхъ проводниковъ; 2) *фурьеры* или маркеры (*fourriers ou marqueurs*), которые обязаны были отводить квартиры генералитету и штабамъ; 3) *штабныя войска или команды* (*troupes d'état-major*), которыя сперва наряжались отъ войскъ, а затѣмъ сформированы (въ Семилѣтнюю войну) въ видѣ особыхъ частей, и предназначались для конвоированія офицеровъ генеральнаго штаба, прокладыванія дорогъ и т. п. Онѣ состояли изъ пѣхоты и кавалеріи, причемъ люди снабжены были въ значительномъ количествѣ шанцевымъ инструментомъ (лопаты, кирки, топоры), а при частяхъ имѣлся обозъ съ нѣкоторыми матеріалами для постройки мостовъ, съ запаснымъ шанцевымъ инструментомъ и пр. Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть о слѣдующихъ чинахъ: 1) *военные комиссары*, о которыхъ уже сказано въ статьѣ о продовольствіи войскъ; 2) *губернаторы крѣпостей* и ихъ помощники, королевскіе лейтенанты (*lieutenants du roi*), учрежденные въ 1691 году; 3) *инженеръ-географы*. Маршалъ Вобанъ первый ввелъ въ употребленіе такъ называвшихся тогда *военныхъ географовъ* или *военныхъ топографовъ*, которые сначала выбирались въ полкахъ изъ числа искусныхъ рисовальщиковъ и чертежниковъ. Только съ 1696 года они начали составлять

особый корпусъ, а съ 1726 года получили названіе *инженеръ-географовъ лагерей и армій* (*ingénieurs-géographes des camps et armées*), и, состоя въ военное время при штабахъ армій, производили съѣмки полей сраженій, лагерей, занятыхъ земель и пр. Наконецъ въ министерство д'Аржансона, въ 1744 г., по соединеніи депо картъ и плановъ съ фортификационнымъ депо, инженеръ-географы получили прочное устройство, особый мундиръ и были подчинены военному министру *). Въ прочихъ европейскихъ арміяхъ іерархическое устройство и штабная служба были основаны на тѣхъ же приблизительно началахъ какъ и во французской арміи; въ нѣкоторыхъ же государствахъ, какъ напримѣръ въ Пруссіи (гдѣ эта часть получила правильное устройство еще при Великомъ курфюретѣ), въ Давіи (послужившей, равно какъ и Пруссія, во многомъ образцомъ для Петра Великаго при составленіи «табели о рангахъ») іерархическая организація въ арміи и штабная служба отличались еще большей законодательной точностью и опредѣленностью.

Не останавливаясь на этихъ системахъ, мы обратимся къ іерархическому устройству *русской арміи*. Какъ въ мирное такъ и въ военное время у насъ существовали постоянныя высшія правительственныя учрежденія, какъ-то: Разрядный, Иноземный и Пушкарскій приказы. *Разрядный приказъ* былъ главнымъ правительственнымъ мѣстомъ для всего русскаго войска: въ немъ распредѣлялись награды и жалованье служилымъ людямъ, а также помѣстные оклады, повышение въ чины и назначеніе службы. *Иноземный приказъ* распорядился веѣми служилыми людьми, состоявшими въ полкахъ иноземнаго строя, велъ счетъ ихъ службы и отсылалъ свои списки въ Разрядный приказъ. Отъ *Пушкарскаго приказа* зависѣли какъ люди, служившіе при нарядѣ, такъ и заготовленіе разнаго оружія, зелья, свинцу и пр.; кромѣ того, были еще и другіе приказы для завѣдыванія нѣкоторыми частными отраслями военнаго дѣла.

*) Кстати здѣсь замѣтить, что царствованіе Людовика XIV ознаменовалось также обширнымъ развитіемъ во Франціи *военной топографіи*. Еще Борень много сдѣлалъ въ этомъ отношеніи, работая въ штабѣ Тюренни, а также инженеръ-генералъ Болье издалъ нѣсколько плановъ сраженій и осадъ. Но со времени Вобана и особенно съ учрежденіемъ *dépôt de la guerre* (1688) топографія, руководимая маршаломъ Вобаномъ, сдѣлала обширные успѣхи, причемъ постепенно были сняты планы мѣстностей вокругъ построенныхъ или перестроенныхъ Вобаномъ крѣпостей. Между тѣмъ, Парижская академія со времени ея учрежденія (1666) собирала матеріалы для составленія карты Франціи. Для повѣрки ихъ Пикаръ (1670 г.) произвелъ намѣреніе дуги меридіана между Амьеномъ и Мальуазеномъ, которое, съ изданіемъ въ свѣтъ изслѣдованій Ньютона о фигурѣ земли, было продолжено къ сѣверу до Дюнкирхена и на югъ до Перпиньяна Лагиромъ и Кассини. Въ то-же время, многіе ученые и инженеръ-географы произвели съѣмки различныхъ областей Франціи и пограничныхъ государствъ. Только эти подготовительныя работы дали возможность въ 1750 г. Кассини предпринять изданіе обширной семитопографической (Кассиньевской) карты Франціи. До 1750 г. карты

Затѣмъ уже далѣе управленіе войсками въ мирное время рѣдко отличалось отъ такового-же въ военное.

Въ мирное время. По окончаніи похода веѣ дворяне, дѣти боярскіе, казаки, даточные люди, новокрещены, мурзы, рейтары и драгуны разѣзжались по своимъ помѣстьямъ, вотчинамъ—вообще обращались къ первобытному состоянію (даточнымъ людямъ служба даже не записывалась) и вѣдались исключительно гражданскими властями, причемъ только были на счету Разряднаго приказа, который вѣдалъ учетомъ и распорядкомъ ихъ службы. Веѣ служившіе въ конницѣ наемные *иноземцы* управлялись Иноземнымъ приказомъ и своими военными начальниками, которые жили съ ними; также управлялись и русскіе служившіе въ нѣмецкихъ полкахъ, если не обращались къ своему первобытному состоянію. Но *помѣстные* иноземцы зависѣли отъ намѣстниковъ той области, гдѣ они жили въ своихъ помѣстьяхъ и вотчинахъ. *Стрѣльцы* въ Москвѣ управлялись своимъ Стрѣлецкимъ приказомъ, а въ городахъ зависѣли отъ тамошнихъ воеводъ или намѣстниковъ и отъ своихъ головъ (съ 1681 г. у московскихъ стрѣльцовъ головы замѣнены полковниками и капитанами), которые ихъ судили и рядили вмѣстѣ съ намѣстниками. Каждый полкъ имѣлъ свою *съѣзжую избу*, гдѣ стрѣльцамъ чинились судъ и расправа, а также велась очередь службы. Служба стрѣльцовъ не прекращалась и въ мирное время: на нихъ лежали городскіе караулы, земская полиція и т. п., за тѣмъ наблюдали ближайшіе начальники, а старшіе производили смотры. *Солдаты* зависѣли отъ Иноземнаго приказа и въ мирное время тоже состояли на службѣ, управлялись своими полковниками. Впослѣдствіи солдаты уже, вѣроятно, не зависѣли отъ Иноземнаго приказа и составляли почти одинъ разрядъ со стрѣльцами, живя въ особыхъ слободахъ. *Артиллерійскіе и крѣпостные* служители, пушкарі, гранатчики, затинчики и пр. зависѣли отъ Пушкарскаго приказа, который былъ главнымъ мѣстомъ ихъ управленія. Они жили въ Москвѣ по особымъ слободамъ, а въ городахъ по крѣпостямъ, имѣя начальниками головъ, сотниковъ, старостъ, пятидесятниковъ и десятниковъ. У нихъ были также свои съѣзжія избы, гдѣ имѣлись особыя книги со списками ихъ семействъ и вообще веѣхъ проживающихъ въ слободахъ.

Въ военное время. Всякій воинъ, надѣвній оружіе, прекращалъ веѣ свои гражданскія отношенія и поступалъ въ распоряженіе своихъ военныхъ начальниковъ. Затѣмъ каждая дѣйствующая рать по мѣсту своего дѣйствія составляла особый разрядъ, напримѣръ: «Украинскій разрядъ», «Смоленскій разрядъ» и т. п. Каждый такой разрядъ (или армія) получалъ свой судъ, управу и свои судебныя мѣста—съѣзжія избы—со

составлялись безъ должнаго соблюденія требованій геодезіи и часто людьми не военными, такъ что онѣ далеко не отличались необходимой точностью и наглядностью (*).

своими судьями, дьяками и подьячими. Управление этими судебными мѣстами поручалось обыкновенно отъ государя или главнаго воеводы разнымъ воинскимъ начальникамъ, которые завѣдывали внутреннимъ устройствомъ и были чѣмъ-то въ родѣ полеваго штаба главнокомандующаго.

Каждая особая рать имѣла свои книги, въ которыхъ записывалась служба воиновъ и весь ходъ войны, а также всё операціи отрядовъ, входившихъ въ составъ этой рати и прикомандированныхъ къ ней. По окончаніи войны эти книги вмѣстѣ со всеми государевыми грамотами и списками людей, состоявшихъ на службѣ во время войны, представлялись въ Разрядный приказъ, который былъ главнымъ правительственнымъ мѣстомъ для войскъ, какъ въ мирное, такъ и въ военное время. При каждой рати имѣлся большой обозъ харчевниковъ и разныхъ торговыхъ и промышленныхъ людей, назначавшихся по распоряженію правительства.

Съ объявленіемъ войны назначался общій главнокомандующій, которому всегда придавали *товарища* (а иногда и нѣсколько). Последний могъ вмѣстѣ съ тѣмъ командовать и однимъ изъ полковъ. Придача товарища должно было парализовать, главнымъ образомъ недостатки мѣстничества, когда *главнымъ воеводой* приходилось назначать не достойнѣйшаго, а старшаго по породѣ. Отношенія воеводъ къ ихъ товарищамъ невозможно точно выяснитъ. Кромѣ того къ главнокомандующему назначались *два дьяка* для управленія письменными дѣлами по службѣ и вообще «для государевыхъ полковыхъ и всякихъ расправныхъ дѣлъ». Дьяки блюли цѣлостъ отпущенной къ войскамъ государственной казны, вели счета и раздавали жалованье людямъ, не принадлежавшимъ къ нѣмецкому строю.

Приказы воеводы разсылались за его и ихъ подписью; иногда-же дьяки командовали и войсковыми отрядами. О начальникахъ раздачи денежнаго жалованья уже упомянуто было выше. Слѣдующимъ лицомъ былъ начальникъ артиллеріи или *голова наряда*, которому придавался дьякъ почти на правахъ товарища. Далѣе слѣдовали начальники отдѣльно дѣйствовавшихъ полковъ и ратей, хотя и зависѣвшіе отъ главнокомандующаго, но получавшіе отъ государя особые наказы; наконецъ начальники полковъ, входившіе въ составъ главнаго войска. Главнокомандующій, равно какъ его товарищъ и начальники отдѣльныхъ ратей и полковъ, имѣли общее названіе *воеводы*, которое не было пожизненнымъ: по окончаніи войны воевода снова обращался въ боярина, окольничьяго, стольника и т. п.

Передъ отправленіемъ къ войску, главный воевода получалъ отъ государя *наказъ*, въ которомъ прописывалось: съ какимъ народомъ, за что вести войну и гдѣ собираться главному войску; гдѣ собираться и дѣйствовать отдѣльнымъ полкамъ, подѣ чьимъ начальствомъ и т. п.; кому быть начальникомъ наряда, завѣдывать государевою казною и хлѣб-

ными запасами; какихъ городовъ и строевъ служилымъ людямъ участвовать въ походѣ, причемъ изъ Разряднаго приказа и другихъ мѣстъ препровождались списки всемъ людямъ, опись наряду и т. д. Въ наказѣ же прописывался операціонный планъ войны, которымъ главнокомандующій не долженъ былъ стѣсняться, такъ какъ государь, возлагая веденіе войны на главнаго воеводу и его товарища, предоставлялъ имъ промышлять о ней какъ Богъ вразумитъ и обстоятельства укажутъ; наконецъ въ наказѣ излагались правила и наставленія какъ сносятся съ неприятелемъ и какъ относиться къ жителямъ театра войны.

Въ каждый *отдѣльный* полкъ или рать, назначались также по два воеводы, съ распределеніемъ кому завѣдывать какою частью войскъ, причемъ одинъ всегда былъ старшимъ, а другой назывался его товарищемъ. Воеводы отдѣльныхъ полковъ, пользуясь полною мочью и руководствуясь наказомъ государя, такимъ-же по содержанію какъ и главному воеводѣ, почти не зависѣли отъ главнокомандующаго, которому, впрочемъ, обязаны были доносить о своихъ дѣйствіяхъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ воеводы получали царскій наказъ быть «въ сходнѣхъ» съ воеводою большаго полка и тогда находились отъ него въ тѣсной зависимости. Въ такомъ случаѣ во всѣхъ отпискахъ воеводъ большаго полка прибавлялось, что всё рѣшенія и распоряженія были сдѣланы имъ и сходными воеводами.

Старинный порядокъ дѣленія арміи на большой, передовой и сторожевой полки, правую и лѣвую руку, постепенно исчезаетъ въ XVII столѣтіи.

Кромѣ того на время войны учреждались различныя комиссіи: для сбора ратныхъ даточныхъ людей, для сбора денегъ на жалованье, для сбора хлѣбныхъ и мясныхъ продуктовъ. Характеръ ихъ дѣятельности отчасти понятенъ самъ собою, отчасти же выясненъ выше. (74).

Войсковыми непосредственными начальниками были:

а) Въ *войскахъ русскаго строя: у дворянъ, дѣтей боярскихъ и пр.* Каждый городъ выставялъ особый конный полкъ, главными начальниками въ которомъ были *голова*, вѣроятно по отрядамъ, т. е. у дворянъ свой голова, у дѣтей боярскихъ свой и т. д. Общимъ же начальникомъ всего городского полка былъ *сборщикъ*. Сборщики выбирались изъ лучшихъ фамилій и разсылались изъ Москвы по городамъ. По сборѣ полковъ они, или сами приводили ихъ къ пункту сосредоточенія и сдавали главному воеводѣ, или-же отсылали ихъ подѣ начальствомъ *головъ*. По приводѣ полка сборщикъ переставалъ быть его начальникомъ, а воевода, осмотрѣвъ его, росписывалъ на три части: кому быть «въ подѣздахъ», кому въ «сотняхъ», а кому у «кошей» и назначалъ новыхъ *головъ* или оставлялъ прежнихъ. Далѣе слѣдовали *окладчики*, выбиравшіеся изъ лучшихъ фамилій въ городѣ и распределявшіе всѣхъ людей по статьямъ, наблюдая чтобы каждый оставался на службѣ и былъ коненъ, люденъ и оруженъ, сообразно той статьѣ, въ которую записанъ;

кромѣ названныхъ лицъ, были еще *судьи*, набираемые главными начальниками и завѣдывавшіе походными съѣзжими избами, въ которыхъ читались судъ и расправа, объявлялись царскія грамоты, приказанія главнокомандующаго и старшихъ начальниковъ и т. п.; при судьяхъ были *подъячіе* и походная канцелярія.

б) Начальниками *стрѣльцкихъ приказовъ* (полковъ) были *юловы*, которымъ подчинялись *пятисотники*, *сотники*, *пятидесятники* и *десятники*.

Впоследствии приказы переименованы въ *полки*, а старые чины замѣнены новыми: *полковникъ*, *подполковникъ*, *капитанъ*.

Полковникъ, командуя своимъ полкомъ, назначался изъ лучшихъ дворянъ, находившихся въ придворной службѣ. Слѣдующіе начальники назначались изъ стрѣльцовъ, причѣмъ пятисотники и сотники хотя не были изъ дворянъ, но получали помѣстья.

в) Въ *нѣмецкихъ полкахъ* конныхъ и пѣшихъ, состоявшихъ изъ иноземцевъ и русскихъ, начальствовали *полковники*, имѣвшіе право суда и расправы надъ своими подчиненными. При этомъ иноземные полковники всегда были подъ надзоромъ особыхъ русскихъ чиновниковъ, которые назначались правительствомъ въ качествѣ посредниковъ между русскими людьми и иноземцами; они принимали участіе во всѣхъ дѣлахъ того полка въ который назначались и имѣли въ своемъ вѣдѣніи порохъ, фитиль и пр. Съ увеличеніемъ числа иноземцевъ и полковъ иноземнаго строя, начальство надъ «выборными» полками поручалось *генераламъ*, а надъ простыми полковникамъ.

Затѣмъ въ полкахъ, дѣлившихся на роты, были: *маіоры*, *капитаны*, *ротмистры*, *поручики*, *фендрихи* (прапорщики), *сержанты*, *капралы*.

г) У *пушкарей*, *затинщиковъ* и *даточныхъ людей* были: *юловы*, *сотники*, *пятидесятники* и *десятники*. Они выбирались, по крайней мѣрѣ начиная съ сотниковъ, не изъ дворянъ.

Наконецъ, въ разныхъ приказахъ и полкахъ при воеводахъ и головахъ были *подъячіе* для письменныхъ дѣлъ и развозки приказаній, какъ на походѣ, такъ и въ бою. Они имѣли вооруженіе и были конными, раздѣляясь на три статьи, получая помѣстья за службу (75).

Въ общемъ управленіи войсками обезпечивало все главнѣйшія потребности арміи: важнѣйшіе его недостатки—*сложность* и *отсутствіе* должнаго единства—обуславливались: а) *сложностью системы* нашихъ вооруженныхъ силъ, причѣмъ составъ ихъ былъ чрезвычайно разнообразный, и б) *вліяніемъ мѣстныхъ понятий*, сильно укоренившихся въ обществѣ и трудно искоренявшихся даже энергическими правительственными мѣропріятіями.

Петръ Великій, создавая *регулярную постоянно содержимую въ мирное время армію*, далъ ей и все необходимые органы управленія, прилагаясь къ системамъ, развитымъ въ западно-европейскихъ войскахъ. Мы не будемъ останавливаться на подробностяхъ постепеннаго развитія

петровскихъ реформъ, а упомянемъ лишь о существеннѣйшихъ мѣрахъ. Для общаго завѣдыванія всеми вооруженными силами страны онъ ввелъ, по примѣру Швеціи, *коллеціальную систему управленія*. Въ 1718 году прежніе приказы были уничтожены, а вмѣсто нихъ учреждены коллегіи. Такъ образовались (окончательно въ 1719 г.) *Военная коллегія*, въ которой сосредоточилось управленіе всею сухопутною арміею. Она состояла изъ президента, нѣсколькихъ совѣтниковъ и ассесоровъ, прокуратора и разныхъ болѣе мелкихъ чиновниковъ. Руководствомъ для дѣлопроизводства всемъ коллегіямъ служилъ составленный самимъ Петромъ генеральный регламентъ. Коллегія, подъ энергическимъ руководствомъ самаго императора, работала дѣятельно. При другихъ-же обстоятельствахъ принятая организація высшаго органа военного управленія оказывалась далеко не соотвѣтственной, какъ это мы видѣли во Франціи при учрежденіи «Военнаго совѣта».

Что касается войскаго армейскаго управленія, то, согласно знаменитаго «Устава Военскаго» 1716 года, въ арміи полагались нижеслѣдующіе чины и званія: 1) генералисимусъ, 2) генераль-фельдмаршалъ, 3) генераль-фельдмаршалъ-лейтенантъ, 4) генераль-фельдцейхмейстеръ, 5) генераль отъ кавалеріи или инфантеріи, 6) генераль-кригсъ-коммисаръ, 7) генераль-лейтенантъ, 8) генераль-маіоръ, 9) бригадиръ, 10) оберъ-кригсъ-коммисаръ, 11) генераль-квартирмейстеръ, 12) генераль-аудиторъ, 13) генераль-адмираль-лейтенантъ, 14) генераль и флигель-адъютантъ, 15) оберъ-коммисаръ, 16) кригсъ-цальмейстеръ, 17) главный полевой священникъ, 18) главный инженеръ, 19) капитанъ надъ вожаками, 20) полевые; докторъ аптекаръ и цирюльникъ съ помощниками, 21) полевой почтмейстеръ, 22) штабъ-фурьеръ, 23) писарь, 24) фельдъ-куррьеръ; 25) генераль-гевальтигеръ или румормейстеръ, 26) фискаль, 27) генераль штабъ-профосъ. Обязанности всѣхъ этихъ чиновъ понятны отчасти изъ сказаннаго уже выше, отчасти по самому ихъ названію.

Съ болѣе большимъ интересомъ можно остановиться на *нишихъ офицерскихъ* чинахъ и правилахъ *производства*, т. е. на мѣрахъ, въ которыхъ Петръ Великій проявилъ обѣ стороны своего генія, какъ способность заимствованія, такъ и способность исполнѣ самостоятельной переработки позанимствованнаго. Мы уже видѣли, что при нашей старой системѣ вооруженныхъ силъ *войсковые* чины были: полковникъ (голова), полуполковникъ (пятисотникъ), капитанъ (сотникъ), поручикъ (пятидесятникъ), прапорщикъ (знаменосецъ), съ помощникомъ подпрапорщикомъ. Съ принятіемъ въ 1698 г. постоянного дѣленія полковъ на баталіоны былъ учрежденъ чинъ маіора; затѣмъ прибавлены чины, не имѣвшіе непосредственнаго отношенія къ должности; такъ съ 1703 года во всѣхъ войскахъ, кромѣ кавалеріи, учреждены *секундъ-поручики* или подпоручики, а затѣмъ въ Преображенскомъ и Семеновскомъ полкахъ чинъ *капитанъ-поручика* или штабъ-капитана; наконецъ, въ артиллеріи,

гдѣ не было прапорщиковъ, съ 1712 г. введенъ *штыкъ-юнкеръ*, который хотя и приравнялся къ прапорщикамъ, но не считался офицерскимъ чиномъ.

Такимъ образомъ, при Петрѣ I во всѣхъ родахъ оружія штабъ-офицерскіе чины были одинаковы: *полковникъ*, *подполковникъ*, *маіоръ*, а оберъ-офицерскіе различны: такъ въ пѣхотныхъ полкахъ по штату 1711 года были: *капитанъ*, *поручикъ*, *подпоручикъ*, *прапорщикъ*; противъ этого не имѣлось у драгунъ подпоручика, а въ артиллеріи прапорщика; въ гвардіи-же (по положенію 1716 г.) былъ лишній чинъ капитанъ-поручика.

Относительно *чинопроизводства* указомъ 1719 г. полагалось: 1) чтобы никого не производить изъ дворянъ и офицерскихъ дѣтей въ офицерскій чинъ, кто не прослужилъ въ гвардіи солдатомъ, за исключеніемъ тѣхъ, «которые изъ простыхъ станутъ выходить по полкамъ»; 2) никого не производить черезъ чинъ, а въ порядкѣ послѣдовательности и 3) для производства на ваканціи выбирать баллотированіемъ изъ двухъ или трехъ кандидатовъ. Такимъ образомъ, лица всѣхъ сословій проходили службу начиная съ солдата-рядового, и могли затѣмъ подниматься постепенно (проходя званія капрала, фурьера, подпрапорщика и сержанта) къ офицерскимъ чинамъ, причемъ производство въ первый офицерскій и въ первый штабъ-офицерскій чины дѣлалось баллотировкой всѣми офицерами той части, въ которой открывалась ваканція; производство же въ прочіе чины дѣлалось по старшинству службы въ чинѣ. Баллотировочные листы въ гвардіи утверждались самимъ государемъ, а въ арміи баллотировка производилась не иначе какъ въ присутствіи особаго члена отъ Военной коллегіи. Утвержденіе въ чинахъ предоставлено было до подполковника включительно фельдмаршаламъ, до капитана — полнымъ генераламъ (генераль-аншефамъ); объ утвержденныхъ чинахъ сообщалось въ Военную коллегію, которая и выдавала на нихъ патенты. Производство въ полковники и въ генеральскіе чины зависѣло непосредственно отъ государя.

Такимъ образомъ Петръ Великій впервые ввелъ производство *за отличіе*, притомъ въ важнѣйшіе фазисы іерархическаго чино-прохожденія. Самый способъ такого производства былъ безпримѣрнымъ. Затѣмъ слѣдуетъ упомянуть, что для образованія многочисленнаго офицерскаго корпуса Петръ обратилъ всю гвардію въ обширную школу для такой подготовки. Туда поступали всѣ дворянскія дѣти (только съ Анны Иоанновны, 1735 г., гвардія начинаетъ частью комплектоваться рекрутами) рядовыми и получали весьма серьезное образованіе (въ полковыхъ школахъ преподавались: арифметика, геометрія, артиллерія, архитектура, метеорологія, языки), а съ учрежденіемъ зъ послѣдующія царствованія кадетскаго корпуса и Московскаго университета дозволялось нижнимъ чинамъ гвардіи посѣщать тамъ лекціи, причемъ бывали примѣры, что за успѣхи въ наукахъ, по аттестаціи университетскаго начальства, гвардейцы повышались въ чинахъ.

Такимъ образомъ при Петрѣ Великомъ армія наша комплектовалась офицерами почти исключительно производствомъ нижнихъ чиновъ. Это назначеніе гвардіи выразилось въ табели о рангахъ (1722 г.), по которой, напримѣръ, чинъ подполковника гвардіи приравненъ къ чину бригадира арміи и полковника артиллеріи, чинъ маіора арміи — къ чину полковника арміи и подполковника артиллеріи. При этомъ офицеры гвардіи, назначаемые на высшія должности въ арміи, сохраняли обыкновенно свои гвардейскіе чины.

Послѣ Петра гвардія далеко не могла выполнить по существу той роли по отношенію къ арміи, которая предназначена была великимъ государемъ. Такъ векорѣ по разрѣшеніи Анной Иоанновной дворянству служить лишь 25 лѣтъ, дозволено было записывать ихъ дѣтей рядовыми въ гвардію по достиженіи 13—12 лѣтъ, съ тѣмъ, чтобы, оставаясь у родителей, они обучались необходимымъ наукамъ; впоследствии же такія дѣти записывались въ рядовые при самомъ рожденіи, а потому уже по достиженіи 25 лѣтъ или увольнялись домой, или если оставались на службѣ, то меньше думали объ ея интересахъ нежели объ удовольствіяхъ придворной жизни. Велѣдствіе измѣнившихся такимъ образомъ условій, выпускъ изъ гвардіи въ армію оберъ-офицеровъ прекратился. Въ этомъ уже отчасти утратилась и надобность, такъ какъ существовавшіе со 2-й половины XVIII столѣтія три кадетскихъ корпуса (Первый, Морской и артиллерійско-инженерный) снабжали до нѣкоторой степени армію офицерами. Впрочемъ, условія службы въ арміи были настолько хуже нежели въ гвардіи, что и кадеты предпочитали выходить унтеръ-офицерами въ гвардію нежели офицерами въ армію.

Этимъ стремленіемъ, т. е. желаніемъ по возможности дольше оставаться въ гвардіи, можетъ быть объяснено и увеличеніе чиновъ въ гвардіи; такъ кромѣ капитанъ-поручиковъ, уже въ 1731 году чинъ маіора раздѣленъ на два: *преміеръ-маіора* и *секундъ-маіора*. Баллотировка при производствѣ повела также за собою важныя практическія неудобства: помимо не малыхъ случаевъ «лицепріятія», «средства» и пр., явилась путаница и неудовольствія, велѣдствіе того, напримѣръ, что баллотировались обыкновенно лишь офицеры, состоявшіе на службѣ, а между тѣмъ, при той роли, которую играли офицеры въ прошломъ столѣтіи на всѣхъ поприщахъ государственной дѣятельности, многіе достойные офицеры не повышались въ чинахъ, и нельзя было не видѣть въ этомъ несправедливости. Такимъ образомъ, баллотировка исчезаетъ уже при Екатеринѣ и устанавливается производство *по старшинству*. Къ сожалѣнію не было принято никакой другой мѣры, которая давала бы средство отличать достойнѣйшихъ. Такъ или иначе, но ко времени императрицы Екатерины II система нашего чинопроизводства находилась въ хаотическомъ состояніи и только Павелъ первый установилъ нѣкоторый порядокъ въ этомъ дѣлѣ (76).

Военно-уголовное судопроизводство.

Свѣдѣнія о формѣ военного суда въ древнія времена вообще весьма ограничены; судъ въ дружинахъ феодальныхъ за преступленія противъ дисциплины производился обыкновенно свой собственннй и обыкновеннмъ наказаніемъ была смерть. (7) Филиппъ III во Франціи въ 1271 году учредилъ первые постоянные суды, *cours prévotales*, для суда какъ гражданскаго, такъ и военнаго. Но кромѣ того коннетабли и маршалы Франціи соединили между прочими правами и высшее правосудіе, но только надъ лицами дворянскаго происхожденія; до учрежденія въ 1355 году въ провинціяхъ *lieutenants des maréchaux de France*, *grand-prévôt* былъ какъ-бы королевскимъ прокуроромъ при маршальскомъ судѣ, съ обязанностию производить слѣдствіе и преслѣдовать преступленія. Онъ присутствовалъ при всѣхъ засѣданіяхъ и располагалъ, какъ для порядка въ судилищѣ, такъ и для стражи преступниковъ, ротою *archers*, называвшеюся *compagnie d'archers de la connétable*.

Въ 1534 году постановлено было, что за преступленія во время кампаній легионеры подвергаются суду назначаемаго въ каждую отдѣльную часть *prévôt*; наконецъ, въ 1665 году были учреждены въ крѣпостяхъ настоящіе военные суды *conseils de guerre*, изъ членовъ въ чинахъ полковника или капитана. (8) Указомъ 1688 года число лицъ въ военномъ судѣ положено не менѣе 7 изъ офицеровъ полка подсудимаго, председательствуемыхъ полковымъ командиромъ. Военные комиссары могли присутствовать въ этихъ судахъ для надзора за точнмъ исполненіемъ закона. Кодексомъ Людовика XIV устройство судовъ и форма судопроизводства опредѣлены точно; но формы этого суда были далеко не совершенны и только въ 1750 году учреждена была правильная процедура судопроизводства, измѣненная совершенно въ эпоху революціи. Въ военныхъ судахъ судопроизводство велось по инквизиціонной, т. е. слѣдственной и тайной формѣ въ соединеніи съ пыткой. Слѣдуетъ еще замѣтить, что французскій *prévôt* въ своей должности соединялъ обязанности полицейскія и судебныя, чѣмъ существенно отличался отъ аудитора шведскихъ, нѣмецкихъ и русскихъ войскъ, гдѣ профоссы или гезальтгеры были исключительно полицейскими органами.

Наказанія, присуждаемыя за преступленія, были чрезвычайно строги, хотя, съ ходомъ времени, въ законодательствахъ Людовика XIV и XV мы находимъ значительное смягченіе. Такъ тѣлесныя наказанія, кромѣ Пруссіи, какъ увидимъ ниже, употреблялись уже рѣже чѣмъ прежде и замѣнялись въ большей части случаевъ ссылкой на галеры. Наказаніе смертью за бѣгство съ поля сраженія, шпіонство и др. преступленія, изъ прежняго прохожденія чрезъ пики (*durch die Spiesse gehen*), еще съ Генриха III во Франціи, обращено въ разстрѣляніе. Но, впрочемъ, вѣшаніе, прожиганіе языка каленымъ желѣзомъ остаются еще отъ древнихъ временъ до революціи, когда изобрѣтеніе гильотины положило во Франціи конецъ пытаніямъ осужденнаго. На замѣну смотрѣли прежде гораздо легче, нежели въ настоящее время. При Карлѣ VII наказаніе, положенное за замѣну, состояло въ изгнаніи изъ службъ и въ запрещеніи употребленія оружія. Франсуа I, вообще болѣе строгій въ законодательствѣ, положилъ за замѣну начальникамъ рубить голову, солдатъ заковывали въ цѣпи и отиравали на общественныя работы. Впослѣдствіи при Людовикѣ XIV положена смертная казнь, вѣшаніе. Пьяницѣ ничего не давали пить кромѣ воды. У ландкнехтовъ пьянство преслѣдовалось строго, и даже существовалъ обычай произносить извѣстную формулу при казни преступника. Профосъ, уговаривая присутствующихъ принять къ сердцу участь товарища, совѣтовалъ въ особенности удерживаться отъ пьянства (*vous*

Vollsaufen), главнаго повода къ преступленіямъ. Въ Пруссіи по уставу солдатамъ и офицерамъ запрещено было вступать въ какіе бы то ни было разговоры съ пьяницами; когда тотъ протрезвлялся, то терпѣлъ двойное наказаніе за вину. Подлость, трусость наказывались преимущественно карою общественнаго мѣшья. Древніе германцы топили трусовъ или душили въ грязной топѣ. При Карлѣ Великомъ и Карлѣ Лысомъ трусъ, сбжавшій съ поля сраженія, лишался всѣхъ чиновъ и званій; законъ его обезчещивалъ. Въ вѣкъ рыцарства, трусъ рыцарь наказывался отнятіемъ герба и другихъ знаковъ достоинства, исключался изъ рыцарскаго стола, великій былъ вправѣ подойти и разрѣзать скатерть передъ нимъ—обычай, имѣвшій значеніе, что лицо передъ которымъ вырѣзано мѣсто скатерти, недостойно раздѣлать столъ съ честными людьми. Франсуа I наказывалъ трусость смертью, впослѣдствіи безчестіемъ. Людовикъ XIV издалъ нѣсколько строгихъ постановленій противъ дуелей, но отъ этого они не уменьшались, такъ что законъ смотрѣлъ на это сквозь пальцы. Преступленіе противъ дисциплины наказывалось тюрьмою, не болѣе 3-хъ мѣсяцевъ, иногда розгами.

Перейдемъ къ устройству военно-судебной части въ Россіи. Отсутствие постоянныхъ войскъ (за исключеніемъ стрѣльцовъ) въ до-петровскую эпоху главнымъ образомъ обуславливало собою у насъ и отсутствие спеціальнаго военно-судебнаго законодательства. Только при Михаилѣ Феодоровичѣ появившійся (начатый переводомъ съ нѣмецкаго еще при Шуйскомъ) «Уставъ ратныхъ, пушкарскихъ и другихъ дѣлъ», составляющій нѣчто въ родѣ военной энциклопедіи, заключалъ въ себѣ нѣсколько статей по предмету военно-судебнаго устройства. Согласно этимъ правиламъ, если государь не присутствовалъ въ арміи, высшая судебная власть принадлежала большому полковому воеводѣ и подъячимъ товарищамъ его или *подручнику*. Этому лицу непосредственно подчинялся *большой воинскій приставъ*, въ распоряженіи котораго имѣлось достаточное число людей, называвшихся *ярмами*, для поимки и задержанія въ войскахъ воровъ и злодѣевъ. Въ каждой части войска имѣлся также, для наблюденія порядка, свой *приставъ*, разбиравшій и судившій преступленія своихъ частей. Нарядъ (артилерія), какъ извѣстно, подчинялся большому или пушкарскому головѣ, который пользовался надъ своими людьми исключительными правами и имѣлъ особаго пристава съ *поддатными* (помощниками). Судъ и наказаніе по уголовнымъ дѣламъ онъ производилъ по докладу воеводѣ, а по «безголовнымъ» наказывалъ самъ. Изъ наказаній упоминается только одна смертная казнь, прилагавшаяся весьма часто; о другихъ же наказаніяхъ говорится общими словами: «по обстоятельствамъ дѣла наказать», или: «наказать по указу», «великое наказаніе безъ пощады» и т. п.

Съ образованіемъ у насъ войскъ по иностранному образцу, явилось не мало иноземцевъ, большею частью бродягъ, выброшенныхъ западною Европою, людей безъ чести и совѣсти, некавшихъ лишь наживы и не стѣнявшихъ никакими средствами на пути къ достиженію этой цѣли. Во всѣхъ полкахъ новаго формированія практиковался военный судъ, въ которомъ иноземцевъ судили и наказывали за всѣ преступленія по законамъ и по формѣ тѣхъ націй, изъ которыхъ преимущественно составлены были полки (законы цесарскихъ, саксонскихъ войскъ и пр.). Русскихъ же подвергали наказаніямъ примѣнительно къ нашимъ законамъ, причемъ приговоръ произносился непосредственно только за маловажныя преступленія; за болѣе же важныя виновные передавались русскимъ чиновникомъ изъ стольниковъ, стряпчихъ или дворянъ, которые вмѣстѣ съ дьяками состояли при нѣмецкихъ полкахъ и присутствовали въ судахъ. Эти лица наказывали такихъ преступниковъ по указу государя.

Царь Алексѣй Михайловичъ, совершивъ важныя преобразованія въ военномъ дѣлѣ, почти не коснулся военной юрисдикціи. Такъ въ важнѣйшемъ законода-

тельномъ памятникѣ его царствованія, Уложеніи 1649 г., очень мало дано мѣста специально военному законодательству. Только стрѣльцы и пушкарни, во всякихъ дѣлахъ, кромѣ разбоя и татбы съ полчищамъ, имѣли свой собственный судъ въ стрѣльцкомъ и пушкарскомъ приказахъ. Всѣ остальные ратные люди, собиравшіеся въ военное время, за всѣ преступленія, совершенныя въ мирное время, а равно стрѣльцы и пушкарни за татбу и разбой, подлежали общимъ судамъ, въ приказахъ: Разбойномъ (сыскномъ), Земскомъ, Разрядномъ и т. п. Во время сбора войскъ, судъ надъ ратными людьми принадлежалъ полковымъ воеводамъ и ихъ товарищамъ, или полковымъ судьямъ по назначенію воеводъ, или сотеннымъ головамъ. Въ Уложеніи не указано, кто были эти судьи и какъ была велика ихъ власть.

Для исполненія военно-полицейскихъ обязанностей въ полкахъ имѣлись пристава, которые обязаны были задерживать и приводить обвиняемыхъ въ преступленіяхъ и преступленіяхъ. Преступленія ратныхъ людей, которыя предусматривали какъ соборное Уложеніе, такъ предшествовавшія ему и послѣдующія узаконенія, заключались преимущественно въ самоуправствѣ и насиліяхъ, совершенныхъ ратными людьми, въ неявѣ на службу, въ бѣгствѣ съ нея и вообще во всякаго рода уклоненіяхъ отъ воинской службы.

Судъ надъ ратными людьми въ военное время былъ единоличный. Форма процесса, какъ въ военномъ судѣ такъ и въ приказахъ, была розыскная. Юридическій элементъ суда (за исключеніемъ маловажныхъ случаевъ, когда наказаніе налагалось властью начальниковъ), какъ въ войскахъ такъ и въ приказахъ, составляли *дьяки и подьячіе съ присякою*, т. е. присяжные. Они записывали показанія подсудимыхъ, отвѣчали за правильность процесса, наблюдали, чтобы не было потачки. Во многихъ случаяхъ употреблялась пытка—обыкновенная (внутъ) и усиленная (огонь и дыба).

Руководствомъ при наложеніи взысканій служилъ общій уголовный законъ по Уложенію и по указамъ, слишкомъ широкая общность опредѣленія которыхъ («безъ всякой пощады», «по разсмотрѣнію» и т. п.) давала значительный просторъ произволу. Наказанія представляли слѣдующую лѣстницу: 1) *смертельная казнь*, имѣвшая четыре вида: повѣшеніе, отсѣченіе головы на плахѣ, сожженіе (за богохульство, поджогъ) и заливаніе горла расплавленнымъ металломъ (за дѣланіе фальшивой монеты); 2) *отсѣченіе членовъ и вырываніе поздравей*; 3) *наказаніе кнутомъ* (торговая казнь); и 4) *наказаніе батогами*—наиболѣе легкое наказаніе, которому начальники могли подвергать даже безъ суда; 5) *отобраніе помѣстій и вотчинъ*; 6) конфискація имущества; 7) ссылка въ украинные города и Сибирь; 8) заключеніе въ тюрьму; 9) денежное взысканіе; 10) пониженіе по степени службы по разряднымъ спискамъ; 11) выдача головою обиженному; 12) вписаніе въ разрядныхъ книгахъ какого либо позорящаго качества; 13) убавка жалованья. (13).

Замѣчательно, что самыя тяжкія наказанія, назначаемыя Уложеніемъ за церковныя, государственныя и общественныя (куренье табаку) преступленія не имѣли мѣста, когда дѣло касалось преступленій ратныхъ людей и вообще служебныхъ; по Уложенію уклоненіе отъ службы, побѣги и т. п., наказывались батогами, кнутомъ, тюрьмою и т. п. Уложеніе игнорировало войско, какъ особое юридическое лицо. (14).

Петръ Великій, создавая регулярную армію, долженъ былъ выработать для нея и военное законодательство. Памятникомъ его гениальной дѣятельности въ этомъ отношеніи остался знаменитый Уставъ Воинскій 1716 г., сохранившій во всѣхъ существенныхъ чертахъ свою силу до шестидесятихъ годовъ текущаго столѣтія, т. е. до преобразования военно-судебныхъ учреждений.

Но еще за долго до изданія Устава Воинскаго 1716 г., въ войскахъ нашихъ усвоены были воинскіе артикулы и права, введенъ былъ правильный военный судъ,

подъ названіемъ фергеръ-кригерехта, и учреждены аудиторы. Всѣ подобнаго рода законодательные акты имѣли божье или жеиѣ отрывочный или частный характеръ. (15).

Учрежденный Петромъ военный судъ или кригерехтъ имѣлъ четыре вида:

1) *Высшій* или генеральный военный судъ для сужденія вышнихъ военныхъ чиновъ, важныхъ преступленій или преступленій, совершенныхъ цѣлыми частями. Судъ этотъ учреждался временно въ случаѣ надобности.

2) *Полковому кригерехту* или нижнему военному суду подлежали всѣ штабъ- и оберъ-офицеры и нижніе чины, за преступленія не имѣвшія важнаго государственнаго значенія, а также всѣ жалобы объ обидахъ и гражданскихъ несахъ между военно-служащими. Нижніе военные суды частью учреждались временно, въ случаѣ надобности, при комендантахъ, комендантахъ крѣпостей или при полкахъ (напр., на походѣ); но существовали и постоянные суды въ Москвѣ и Петербургѣ для рѣшенія дѣлъ по преступленіямъ отставныхъ и бѣглыхъ. Презусомъ въ нижнемъ судѣ могъ быть штабъ-офицеръ, а ассистентами: по два оберъ-офицера каждаго чина, по 2 сержанта и капрала и 2 или 4 рядовыхъ.

Юридическій элементъ всѣхъ военныхъ судовъ составляло аудиторское вѣдомство (генераль аудиторъ, его лейтенантъ, оберъ-аудиторъ и аудиторъ полковой).

3) *Скорорѣшительный судъ* отличался отъ нижняго не составомъ, а быстротою судебного процесса. Такой судъ учреждался лишь въ военное время, на походѣ, когда требовалось немедленное наказаніе, на самомъ мѣстѣ преступленія, въ предотвращеніе его опасныхъ послѣдствій.

4) *Судъ общества офицеровъ*. Придавая большое значеніе общественному мнѣнію офицеровъ, Петръ видѣлъ въ товарищескомъ судѣ лучшее средство для очищенія полковъ отъ офицеровъ непорядочнаго поведенія. Починъ дѣла въ офицерскихъ судахъ принадлежалъ, какъ кажется, начальству, или по крайней мѣрѣ имъ разрѣшался постановленія всѣхъ штабъ и оберъ офицеровъ представлялись по начальству въ Военную коллегію.

Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ допускались не только дисциплинарныя наказанія, но даже и смертная казнь безъ суда.

Кромѣ вышеупомянутыхъ нормальныхъ видовъ военного суда, военно-служащіе, въ извѣстныхъ случаяхъ, были подсудны множеству отдѣльных канцелярій, состоявшихъ подъ вѣдѣніемъ лицъ, пользовавшихся довѣріемъ государя, преимущественно изъ гвардейскихъ офицеровъ, и другимъ судебнымъ учреждениямъ. Съ учрежденіемъ Военной коллегіи, высшее завѣдываніе военно-судною частью было сосредоточено въ аудиторской палатѣ или новыѣ этой коллегіи, куда представлялись на конфирмацію сентенцій о смертныхъ винахъ и гдѣ составлялась военно-судная отчетность. Форма процесса была инквизиціонная или розыскная. Процессъ распадается на двѣ части—слѣдствіе (фергеръ) и самый судъ (кригерехтъ), т. е. обсужденіе добытыхъ слѣдствіемъ данныхъ и постановленіе по нимъ приговора. Существенная разница между тогдашнимъ и настоящимъ процессомъ заключалась въ томъ, что первая часть стараго процесса, совершенно замѣная предварительное слѣдствіе или розыскъ, воплиѣ отрицала свободу подсудимаго давать или не давать показанія, а равно и право свидѣтелей не отвѣчать на вопросы, могущіе обнаружить ихъ виновность. Въ случаѣ отказа виновнаго или свидѣтеля отвѣчать на вопросы, судъ обязанъ былъ вынуждать отвѣты великими мѣрами, въ томъ числѣ и пыткой. Затѣмъ при постановленіи приговора внутреннее убѣжденіе судей или степень проявленія злой воли обвиняемаго почти не имѣла значенія, въ особенности при собственномъ сознаніи. Наконецъ, въ дѣлахъ уголовныхъ подсудимый лишень былъ защиты, а самый процессъ гласности, т. е. всякой гарантіи правосудія. Адвокаты допускались только по гражданскимъ или совершенно неважнымъ уголовнымъ дѣламъ. Законодатель не имѣлъ къ нимъ довѣрія, го-

вора что адвокаты «своими непотребными пристрастными проводами судью болѣе утруждают и оное дѣло толь паче къ вѣщему пространству, нежели къ скорому приводить окончанію». На ряду съ этимъ замѣчательно указаніе великаго императора суду быть крайне осторожнымъ при обвиненіяхъ въ тяжкихъ преступленіяхъ, влекущихъ за собою смертную казнь: «*пожеже лучше естъ десять виновныхъ освободить, нежели одного невиннаго къ смерти приговорити*». — знаменитыя слова обыкновенно несправедливо приписываемыя Екатеринѣ II, именно часто какъ доказательство ея гуманности по сравненію съ яко-бы жестокостью Петра Великаго.

Въ дѣлахъ уголовныхъ на рѣшеніе нижняго суда въ вышней аппеляціи нѣтъ, но приговоръ представляется на утвержденіе фельдмаршала или командующаго генерала, который могъ усилить или убавить наказаніе. Наказанія, допущенныя для военно-служащихъ, Петръ Великій самъ раздѣлилъ на 5 категорій, а именно: 1) легкія тѣлесныя наказанія, 2) жестокія тѣлесныя наказанія, 3) наказанія смертныя, 4) легкія чести нарушенія и 5) тяжелыя чести нарушенія. Сюда же слѣдуетъ еще отнести взисканія имущественныя. *Смертная казнь* имѣла нѣсколько видовъ: колесованіе, четвертованіе, сожженіе, повѣшеніе, разстрѣліаніе и отсѣченіе головы.

Тяжелыя тѣлесныя наказанія заключались преимущественно въ разныхъ видахъ изувѣченій, прожженія языка, отсѣченія членовъ, наказанія шпичрутенномъ и кнутомъ. *Обыкновенныя тѣлесныя* наказанія — батоги, скованіе рукъ и ногъ, хожденіе по деревяннымъ кольямъ, вошеніе ружей и сѣдель и т. п. Эти наказанія являлись чѣмъ-то въ родѣ дисциплинарныхъ взисканій или «наказаній отъ своего офицера».

Позорящія наказанія были довольно различныя. Самымъ тяжелымъ изъ нихъ было шельмованіе, объявленіе *шельмомъ*, съ прибитіемъ имени осужденнаго къ висѣлицѣ, преломленіемъ шпаги надъ головой и объявленіемъ его воромъ.

При наличіи осужденнаго это наказаніе сопровождалось смертною казью; при отсутствіи его шельмованіе лишало осужденнаго вѣхъ правъ и отдавало его на жертву всякому, кто пожелаетъ его обидѣть, ограбить, и даже ранить, только не убить. Затѣмъ другими позорящими наказаніями были: полученіе пощечины отъ руки профоса передъ ротою; а для цѣлыхъ частей — лишеніе знаменъ и помѣщеніе за лагеремъ отдѣльно и т. п. Не касаясь другихъ менѣе тяжкихъ наказаній (денежныя взисканія, выговоры и т. п.) слѣдуетъ замѣтить, что вообще установленныя Петромъ наказанія отличались чрезвычайною строгостью, даже жестокостью; но мы уже знаемъ, что такая суровость вовсе не была исключительною особенностью русскаго военно-уголовнаго кодекса, составленнаго по лучшимъ иностраннымъ образцамъ, а была свойственна военно-уголовному законодательству наиболѣе образованныхъ странъ запада, какъ напр. Франціи. Жестокость эта обуславливалась духомъ времени, правами и тогдашними юридическими понятіями. Принципы: «око за око», а также «отсѣченіе и изверженіе соблазнающаго члена» господствовали въ понятіяхъ юристовъ, и законодатель имѣлъ въ виду не исправленіе преступника, а ищеніе ему и устрашеніе другихъ отъ караемаго преступленія.

Такимъ образомъ, не въ этомъ характерѣ жестокости слѣдуетъ искать недостатковъ знаменитаго «Устава». Важнѣйшимъ изъ нихъ была неопредѣленность мѣры, а иногда и рода наказанія, обозначаемаго лишь эпитетами: «жестокое», «строгое», «примѣрное» и пр. При недостаткѣ въ обществѣ образованія и неответственности юридического элемента судовъ, нерѣдко встрѣчается чрезвычайная неравномѣрность и какъ-бы случайность наказаній; однимъ словомъ произволу предоставленъ былъ широкій просторъ, которымъ могъ пользоваться конфирмующій приговоръ, а потому и значеніе коллегіальнаго суда утрачивалось на практикѣ. Затѣмъ предварительное, часто весьма продолжительное, заключеніе, а также пытка, бывшая лишь розыскнымъ средствомъ, вовсе не считались наказаніемъ. Наконецъ, нельзя не упомянуть о медленности дѣлопроизводства.

Во всякомъ случаѣ, оставаясь на исторической почвѣ при однихъ величайшаго законодательнаго памятника Петра, нельзя не сказать, что «Уставъ Военскій» былъ замѣчательнымъ явленіемъ и превосходилъ своими достоинствами вѣхъ современныя ему военные кодексы. Не будучи вовсе переводомъ какого нибудь изъ нихъ въ отдѣльности, онъ представлялъ такъ сказать сравнительный выводъ изъ вѣхъ ихъ, включалъ въ себя также часть отечественнаго законодательства и былъ самостоятельно обработанъ Императоромъ. Само собою разумѣетъ я, что суровость европейскаго законодательства не могла быть особенно смягчена у насъ при тогдашнемъ состояніи нашихъ нравовъ и при условіи напряженной реформаторской дѣятельности Петра, когда онъ вступилъ въ ожесточенную борьбу съ понятіями, традиціями и учрежденіями старинной Руси⁽⁸²⁾.

Награды; призрѣніе инвалидовъ.

Награды, какъ и наказанія, должны обуславливаться характеромъ каждаго народа и быть пропорціональны величинѣ и свойству дѣйствія. Мы знаемъ что у древнихъ награды были чрезвычайно почетны и просты; въ древней Греціи побѣдителя привѣтствовали на олимпійскихъ играхъ вѣнками, лаврами и дубомъ; на дѣтей убитыхъ воиновъ надѣвали при совершеннолѣтіи почетныя сабли; величайшею наградою Мильтіаду было то, что онъ нарисованъ былъ въ картинѣ изображавшей битву при Марафонѣ.

У римлянъ въ наградахъ было болѣе блеска; достаточно вспомнить о триумфѣхъ, устраивавшихся побѣдителямъ при возвращеніи ихъ въ Римъ. Въ эпоху великаго переселенія народовъ, храбрость награждалась болѣею долей въ добычѣ, большимъ участкомъ при раздѣлѣ захваченныхъ земель. Въ первое время монархія, желая поддержать свое значеніе, короли продолжали прежнюю раздачу земель и леновъ людямъ, въ которыхъ они нуждались, такъ что впоследствии сдѣлались бѣднѣе своихъ вассаловъ. Съ учрежденіемъ постоянныхъ армій, служба, преданность и личныя качества стали награждаться, кромѣ восхожденія по установленной іерархической лѣстницѣ, денежными наградами и учрежденіями орденами. Система подобныхъ наградъ основывается на характерѣ народовъ. Такъ въ которыхъ государства изобилуютъ орденами лентами, другія же скуны на нихъ.

Людовикъ XIV, учреждая орденъ св. Людовика, этимъ самымъ создавалъ могущественный рычагъ для возбужденія ревности къ службѣ. Во Франціи до него существовалъ уже орденъ св. Духа (St. Esprit), голубая лента, даваемый только принцамъ крови и высшимъ государственнымъ сановникамъ. Орденъ св. Людовика былъ исключительно военный; онъ раздѣлялся на 3 класса: большаго креста (grand-croix), командорскій и кавалерскій (chevalier). Право на крестъ имѣлъ всякій отличившійся, прослужившій безпорочно въ офицерскомъ чинѣ 10, впоследствии 20 лѣтъ. Для того, чтобы еще болѣе возбудить желаніе его заслужить, король подарилъ ордену 300 т. франковъ и такую же сумму ежегодной пенсіи, чтобы награждать пенсіономъ тѣхъ изъ кавалеровъ, которые отличались особенными заслугами и ограниченностью средствъ. Пенсіонъ положенъ былъ болѣе нежели достаточный. Но число кавалеровъ скоро превзошло назначенное королею, такъ что многіе получали ордена безъ пенсіоновъ. Къ преимуществамъ ордена относилось и то, что онъ давалъ дворянство.

Но самымъ знаменитымъ актомъ среди военныхъ учреждений короля, служить учрежденіе Дома Инвалидовъ для призрѣнія увѣчныхъ воиновъ, служившихъ честно отечеству. Еще Генрихъ IV имѣлъ подобную мысль, держа на свой счетъ многіхъ ветерановъ въ улицѣ Лурсинъ въ Парижѣ. Людовикъ XIII создалъ подобное же учрежденіе подъ именемъ командорства св. Людовика⁽⁸³⁾. Идея при-

зрѣнія людей, служившихъ родинѣ, такъ была естественна, что еще съ незапамятныхъ временъ ветераны имѣли преимущество предъ другими лицами занимать мѣста церковныхъ старостъ, въ особенности въ монастыряхъ, съ достаточно обезпеченнымъ содержаніемъ и съ легкой обязанностью выметать церкви и звонить въ колокола. Но эти мѣры общественной благотворительности оказывались не достаточноими: послѣ серіи непрерывныхъ войнъ, веденныхъ Людовикомъ XIV, число нуждавшихся въ призрѣніи изувѣченныхъ воиновъ было такъ велико, что тронутый страданіями ихъ, король издалъ указъ о постройкѣ въ Парижѣ *Hôtel Royal des Invalides*.

Людовикъ XIV щедро награждалъ домъ инвалидовъ большими вѣладами, подарилъ ему земли подъ постройки и до конца своей жизни заботился самъ о немъ, запрещая даже принимать вѣлады частныхъ лицъ *).

Древнѣйшими знаками отличій въ *Россіи* были золотыя гривны, цѣпи, кресты, деньги, булавы, доспѣхи и разнаго рода одежды, предпочтительно шубы. *Гривны* и *золотыя цѣпи* были у насъ древнѣйшими знаками отличій, начиная съ богатирскихъ временъ. Золотыя цѣпи считались важнѣйшимъ изъ наружныхъ отличій; ими, а равно и гривнами, крестами жаловались не только за военные подвиги, но и въ разныхъ торжественныхъ случаяхъ; получившіе такія награды назывались *златоносцами*. Повидимому съ XV столѣтія русскіе цари стали жаловать въ знакъ благоволенія или за отличія золотыми монетами, подъ названіемъ *золотыхъ денегъ* или *золотыхъ* (иногда лишь *золоченыхъ*). Это были обыкновенныя монеты русскія и иностранныя; иногда жаловались золотыя *корабелники* или *кораблники*, т. е. золотыя англійскія монеты, заключавшія въ себѣ два червонца и имѣвшія изображеніе корабля. Иногда всѣ эти монеты раздавались просто на память, а иногда какъ отличія для ношенія на рукавѣ, на шапкѣ или на груди. Еще въ 1696 году ихъ получили всѣ участвовавшіе въ покореніи Азова. *Булавы* получали иногда военачальники за оказанныя ими отличія. *Брони* или *доспѣхи* жаловались тоже за отличія (Ермаку Ивану Грозный послалъ двѣ брони). *Одежды* весьма часто давались въ видѣ награды—особенно жаловались кафтаны и шубы на собольяхъ, съ атласною, бархатною или нарчевою покрывшкою (Го-дунову Федору пожаловалъ шубу съ *своею плеча*). По учрежденіи Петромъ регулярной арміи, прежніе знаки отличій были замѣнены для войскъ новыми. Первымъ изъ таковыхъ были *нагрудные знаки*, пожалованные въ 1701 г. оберъ-офицерамъ Преображенскаго и Семёновскаго полковъ, за оказанное ими мужество въ Нарвскомъ сраженіи. За этимъ послѣдовали *медали*, выбитыя въ память различныхъ военныхъ успѣховъ, достигнутыхъ петровскою арміею (такъ за полтавскую побѣду офицеры получили золо-

*) Особыхъ специальныхъ заведеній для приготовления свѣдущихъ офицеровъ, при Людовикѣ XIV не существовало. Пруссія подала первый примѣръ въ этомъ. Великій курфюрстъ учредилъ 1-й кадетскій корпусъ въ Кольбергѣ (1653) и потомъ такой же въ Магдебургѣ. Оба они въ 1725 г., соединены въ Берлинскій кадетскій корпусъ. Во Франціи Лувуа, желая возвысить специальное образованіе молодыхъ людей, предназначенныхъ въ офицеры, учредилъ 9 кадетскихъ ротъ (*compagnies de cadets*), въ 1682 г., въ главнѣйшихъ крѣпостяхъ, куда принимались молодые люди, въ возрастѣ отъ 14 до 25 лѣтъ; они должны были 3 дня въ недѣлю изучать практическую службу и 3 дня теорію. Отличаясь распущенностью и плохими занятіями, роты эти вскорѣ были уничтожены; впоследствии (въ 1726 г.) онѣ снова были учреждены, но съ прежними результатами, а потому были закрыты. Только въ 1751 г., въ министерствѣ д'Аржансона, съ учрежденіемъ *Ecole militaire*, вопросъ о подготовкѣ офицеровъ былъ разрѣшенъ болѣе удовлетворительно. (**). Въ другихъ западныхъ государствахъ военныя школы получили правильную организацію тоже только около половины XVIII столѣтія.

ты, а нижніе чины серебряныя медали для ношенія въ кафтаныхъ петлицахъ). Медали имѣли обыкновенно на одной сторонѣ грудной портретъ Петра, а на другой соответствующее эмблематическое изображеніе и надпись. Знаками отличій для генеральства были: *украшенные алмазми портреты императора и трости*, а главнѣйшимъ *орденъ Св. Андрея Первозваннаго*, учрежденный въ 1699—это единственный орденъ временъ Петра Великаго (**).

Само собою разумѣется, что наградами за заслуги были еще денежныя и пожалованье помѣстьями.

Тактическое устройство войскъ.

а) Пѣхота.

Всѣ измѣненія происшедшія въ устройствѣ оружія отъ перваго несовершеннаго его вида до настоящей скорострѣлки, находятся въ тѣсной связи съ исторіею послѣдовательнаго измѣненія тактическаго устройства войскъ.

И дѣйствительно, какъ только изобрѣтенъ былъ порохъ и метательная его сила примѣнена къ оружію, и какъ только сознана была вся его польза, въ составѣ пѣхоты являются люди, вооруженные этимъ оружіемъ, и такъ какъ дѣйствіе его было слабо, то и число людей, вооруженныхъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, было весьма ограничено; вся сила пѣхоты заключалась почти исключительно въ ударѣ, а слѣдовательно требовалась глубокой строй. По мѣрѣ улучшеній техники оружія пропорція пикинеровъ и мушкетеровъ постепенно измѣняется въ пользу послѣднихъ, а вслѣдствіе этого, а также для удобства стрѣльбы и для того, чтобъ менѣе терять отъ выстрѣловъ и по другимъ причинамъ, строй утоняется.

Мы видимъ, что въ арміяхъ Густава Адольфа пропорція между тѣми и другими была $\frac{2}{3}$ мушкетеровъ на $\frac{1}{3}$ пикинеровъ. Причина медленнаго распространенія мушкетовъ, заключалась въ несовершенствѣ ихъ устройства. Они были такъ тяжелы, что для стрѣльбы изъ нихъ мушкетеръ носилъ при себѣ вилки, которыя служили и сошками и предохраняли отъ атакъ кавалеріи. Значительное облегченіе мушкетовъ повело къ тому, что еще въ 1626 году вилка была отброшена въ шведскихъ арміяхъ; еще большее значеніе получили мушкетеры, когда со введеніемъ замковъ уничтожились фитили, а изобрѣтеніе бумажныхъ патроновъ увеличило скорость заряданія пѣхоты. Но, впрочемъ, дѣйствительность огня была такъ мала отъ медленности заряданія, что въ сраженіи при Винцингенѣ, продолжавшемся отъ полудня до поздняго вечера, каждый мушкетеръ успѣлъ сдѣлать не болѣе семи выстрѣловъ; такимъ образомъ, присутствіе пикинеровъ въ составѣ арміи было существенно необходимымъ, хотя глубина строя уже значительно уменьшилась (у Густава Адольфа пѣхота строится уже въ 6 шеренгъ).

Въ 1640 году изобрѣтены въ Байонѣ штыки и вслѣдъ за тѣмъ ружья,

въ 1652 г.; но такъ какъ первые штыки были съ деревянными рукоятками въ 1 ф. длиною, владывавшимися въ стволъ, вслѣдствіе чего невозможно было одновременно производить пальбу и колоть, то пикинеры оставались еще во Франціи хотя въ незначительномъ числѣ.

Первые отбросили окончательно пики австрійцы въ 1684 году, замѣтивъ въ турецкихъ войнахъ, что турки страшатся болѣе огнестрѣльнаго дѣйствія пѣхоты (*). Когда во Франціи усовершенствованъ былъ штыкъ, придѣланною къ нему шейкою, австрійцы вооружили такимъ ружьемъ со штыкомъ всю пѣхоту; въ 1689 г. великій курфюрстъ Бранденбургскій послѣдовалъ ихъ примѣру и за тѣмъ тоже вооруженіе введено во всѣ европейскія арміи. Замѣчательно, что французы, которымъ принадлежитъ честь изобрѣтенія штыковъ, послѣдніе ввели ихъ у себя въ арміи. Въ 1688 году сдѣланы были первые опыты въ присутствіи Людовика XIV надъ штыкомъ съ шейкою, но опыты были неудачны: штыки дурно держались на мушкетахъ и вслѣдствіе того не были приняты. Но сами войска почувствовали выгоду подобнаго вооруженія и опыты войны подтвердили ее. Дѣйствительно, пикинеры были самымъ страдательнымъ войскомъ: не нанося никакого вреда неприятелю, они терпѣли сильно отъ его огня. Это такъ сознавалось войсками, что послѣ одержанной французами побѣды подъ Штейнкеркомъ въ 1692 году, въ 3-ю Нидерландскую войну, французская пѣхота побросала пики и вооружилась найденными на полѣ сраженія ружьями. Катина первый отбросилъ пики въ альпійскомъ походѣ 1690 года. Только въ 1703 году, послѣ долгаго спора между Вобаномъ и маіоромъ французскихъ гвардейцевъ д'Артаньяномъ, впоследствии маршаломъ Монтескье, Людовикъ XIV склонился на доводы перваго и уничтожилъ пикинеровъ, вооруживъ всю армію ружьемъ со штыкомъ (**), непосредственнымъ слѣдствіемъ чего было уменьшеніе глубины строя до 4-хъ шеренгъ. Нѣсколько времени спустя пѣхота французская обновила превосходно штыкъ въ сраженіи при Шпейерѣ въ 1703. Но пика долго еще находила горячихъ поклонниковъ въ рядахъ французовъ. Фоларъ и Морицъ Саксонскій, два глубокихъ военныхъ мыслителя, считали ее необходимою и главною принадлежностью пѣхоты для рукопашнаго дѣйствія, тогда какъ другая партія стояла за огнестрѣльное дѣйствіе; такъ какъ послѣдняя одержала верхъ, то результатомъ было утопленіе фронта, достигшее скоро 3-хъ шеренгъ.

Теперь же все вниманіе современниковъ обращено было не на ударъ

*) Съ отпѣной пики въ нѣкоторыхъ арміяхъ были приняты *ропатки*, состоявшія изъ горизонтальнаго бревна (12—15 ф.), имѣвшаго на концахъ отверстія для стоекъ, вложенныхъ крестообразно. Рогатки располагались впереди фронта и фланговъ футахъ въ 15—18. При нихъ находились носильщики, которые, исполнивъ свое дѣло, возвращались въ строй. Конечно, такое изобрѣтеніе не могло содѣйствовать подвижности войскъ (**).

пѣхоты и прорывъ линіи противника, а на то, чтобы сильнымъ огнемъ держать его отъ себя на почтительной дистанціи; ясно, что необходимымъ условіемъ для этого была быстрота заряжанія и пальбы, къ чему особенно способствовали изобрѣтенные Леопольдомъ Дессаускимъ желѣзные шомполы, введенные въ употребленіе въ 1730 году въ прусской арміи королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ I *). Съ другой стороны это исключительное предпочтеніе огнестрѣльнаго дѣйствія вредно отразилось на подвижности пѣхоты; кромѣ того, располагаясь для пальбы въ тонкихъ линіяхъ, она занимала большее пространство и должна была выбирать удобную для того позицію съ недоступными флангами и съ препятствіемъ впереди; самый переходъ изъ походнаго порядка въ боевой сдѣлался чрезвычайно медленъ.

Вслѣдствіе стремленія занимать недоступныя позиціи, сраженія становятся рѣдкими. Не имѣя возможности атаковать неприятеля съ фронта, противникъ прибѣгаетъ къ маневрамъ, къ дѣйствію на сообщенія, и, угрозой отнять магазины, заставляетъ оставлять крѣпкія позиціи. Такого происхожденія такъ называемой *позиціонной системы дѣйствій* и, какъ противодѣйствіе ей, *войны маневровъ, дѣйствій на сообщенія*.

Еще во время 30-лѣтней войны въ различныхъ арміяхъ при осадѣ и оборонѣ крѣпостей выбирали на время изъ полковъ солдатъ и обучали ихъ метанію ручныхъ гранатъ; людей этихъ называли *гренадерами*. Исполнивъ порученіе, они возвращались въ свои роты, гдѣ несли мушкетерскую службу. Въ 1667 году во Франціи учреждены изъ охотниковъ особая часть пѣхоты, имѣвшія тоже самое назначеніе и тоже названія *гренадерами*. Первоначально каждой ротѣ королевскаго полка придано было съ названной цѣлью по 4 человека испытанной храбрости и силы. Польза отъ этого учрежденія, обнаружившаяся во Фландрскую войну (1670 г.), заставила увеличить число гренадеръ до роты въ каждомъ полку, шедшей всюду впереди, а позднѣе учредили по ротѣ въ каждомъ батальонѣ. Гранаты носились гренадерами чрезъ плечо въ сумкѣ; кромѣ того люди имѣли легкіе топоры для рубки палисада (**).

Увеличеніе числа гренадерскихъ ротъ отклонило ихъ отъ первоначальнаго назначенія; впоследствии это были отборныя войска, вводившіяся въ дѣло въ чрезвычайныхъ случаяхъ. Вотъ почему Людовикъ XIV издалъ въ 1689 году указъ, по которому капитанъ гренадерской роты долженъ былъ имѣть не менѣе 45 лѣтъ; прочіе начальники не менѣе 40. Впоследствии гренадерскіе роты сводились въ батальоны и даже въ полки, отличавшіеся отъ прочей линейной пѣхоты тѣмъ, что по прежнему

*) Этотъ шомполь обнаружилъ всѣ свои преимущества въ сраженіи съ австрійцами при Мольвицѣ, и тогда окончательно создано ружье того образца, о которомъ Наполеонъ I сказалъ, что «это лучшее оружіе, изобрѣтенное человекомъ», и которое, по мнѣнію Морана (1829 г.), «было бы совершеннѣйшимъ, еслибы какой либо искусный механикъ придумалъ способъ заряжанія его съ казны» (**).

составлялись изъ отборныхъ войскъ. Въ Австріи гренандеры являются уже въ 1670 г. (по 8 въ ротѣ, а съ 1701 г. по 2 роты въ полку) ⁽⁹¹⁾ *).

Въ началѣ XVIII столѣтія съ повсемѣстною отмѣною пикъ, со введеніемъ ружья со штыкомъ, въ цѣлой Европѣ образовался уже одинъ родъ пѣхоты *линейной* (тяжелой), безъ предохранительнаго вооруженія; легкая же пѣхота—стрѣлки—оставалась лишь въ незначительномъ числѣ: во Франціи *franches compagnies*, въ Австріи кроаты. Одежду мушкетера составляла круглая шляпа, длинный кафтанъ, такого же цвѣта коротенькіе брюки, узкіе шерстяные чулки съ холстинными штиблетами, узкіе башмаки съ пряжками и черный галстухъ ⁽⁹²⁾. Вообще одежда отличалась удобствомъ, нисколько не стѣсняя солдата. Двѣ перевязки перекрещивались на груди: на одной носился патронташъ, на другой шпага. Въ сумѣ носилось только 10 патроновъ, 20 другихъ возились въ повозкахъ. Австрійскіе же солдаты носили по 40 патроновъ большаго калибра.

Основною единицею раздѣленія на части въ пѣхотѣ была *рота*, различнаго состава въ различныхъ арміяхъ. Во Франціи въ 1688 г. рота состояла изъ 53 человекъ ⁽⁹³⁾, считая въ томъ числѣ офицеровъ, а въ Германіи отъ 150 до 300 человекъ (въ Австріи каждая рота изъ 155 человекъ, гренандерская изъ 100). Нельзя не замѣтить, что численность ротъ во Франціи была чрезвычайно слаба (въ особенности если мы припомнимъ, что тамъ вербовка существуетъ почти до революціи), а слѣдовательно, во время кампаній отъ потерь въ сраженіяхъ, при затруднительности комплектованія, роты были чрезвычайно слабы. 17 ротъ (16 лин. и 1 гренанд.) во французской арміи, въ эпоху Тюрення, составляли батальонъ; но батальонъ дѣлается тактической единицею въ собственномъ смыслѣ съ Нимвегенскаго мира (1678). Съ 1692 г. до 1714 г., батальоны во Франціи состоятъ уже изъ 13 ротъ, силою каждая въ 50—60 чел.; а затѣмъ число ротъ увеличено до 15 (бат. 675 чел.); пѣхота уже строится въ 4 шеренги. Число полковъ быстро увеличивается въ продолженіе царствованія Людовика XIV: въ 1672 г. было всего 62 полка француз. и иностр. пѣхоты; въ 1701 г.—138, 1702—176, 1705—235, 1709—260, 1714—264 полка. Полки были различнаго состава. Самые старые 6 франц. полковъ назывались *vieux corps*; полки короля, королевскій, дофина, герцога Анжу и полкъ королевы состояли изъ 70 ротъ; другіе же полки изъ 33, 24, 20 и 17 ротъ (по 53

чел. каждая); полки такимъ образомъ состояли изъ 1, 2 и 3 батальоновъ. Кромѣ линейныхъ полковъ во Франціи существовалъ родъ гвардіи, *Maison militaire du roi*, состоявшій изъ пѣхоты и кавалеріи. Большая часть служащихъ въ немъ принадлежала къ старому дворянству; численность корпуса въ 1664 г. простиралась до 10 т. ⁽⁹⁴⁾. Въ ряды королевскаго военнаго дома выбирались люди, отличившіеся въ сраженіяхъ. Онъ рѣдко участвовалъ въ сраженіяхъ, но если это случалось, то всегда покрывалъ себя славою. Такъ въ сраженіи при Лезѣ (Leuse), въ 1691 году, маршалъ Люксамбургъ съ 28 эскадронами королевской гвардіи разбилъ на голову 75 эскадроновъ австрійскихъ такъ, что подвигъ этотъ былъ увѣковѣченъ медалью съ надписью: *Yirtus equitum praetorianorum* ⁽⁹⁵⁾.

Тюреннь ввелъ во французской арміи новую тактическую единицу—бригады, состоявшія изъ 2-хъ полковъ подъ начальствомъ бригадира. Впрочемъ, бригады у Тюрення были разнаго состава, принимая во вниманіе раздѣленіе ихъ на батальоны.

Отъ 2-хъ до 6-ти бригадъ въ военное время ввѣрялись начальству *Neutenant général* съ состоявшимъ при немъ *maréchal de camp*. Несмотря на увеличеніе впоследствии числа войскъ, высшей организационной единицею оставалась бригада, что повлекло за собою неудобства управленія и неповоротливость этихъ массъ. Только въ послѣдній годъ Семилѣтней войны были введены маршаломъ Броліо дивизіи ⁽⁹⁶⁾.

Въ Австріи послѣ 30 лѣтней войны и до 1695 г. полки состоятъ каждый изъ 2-хъ батальоновъ въ 5 ротъ, затѣмъ число ротъ въ полку увеличивается до 12, образующихъ 3 батальона; впоследствии еще прибавляется по одной ротѣ въ батальонѣ и двѣ гренандерскія роты на полкъ. Въ 1710 году въ имперской арміи было уже 40 такихъ полковъ.

Бранденбургская пѣхота имѣла полки 8 ротнаго состава (по 125 ч. въ каждой); основною тактической единицею былъ полуполкъ изъ 4-хъ ротъ. Первый король Пруссіи увеличилъ число ротъ въ полку до 10, по 145 ч. каждая, причемъ тактической единицею оставался полуполкъ изъ 4-хъ ротъ, дѣлившихся на 4 дивизіона или 8 взводовъ ⁽⁹⁸⁾.

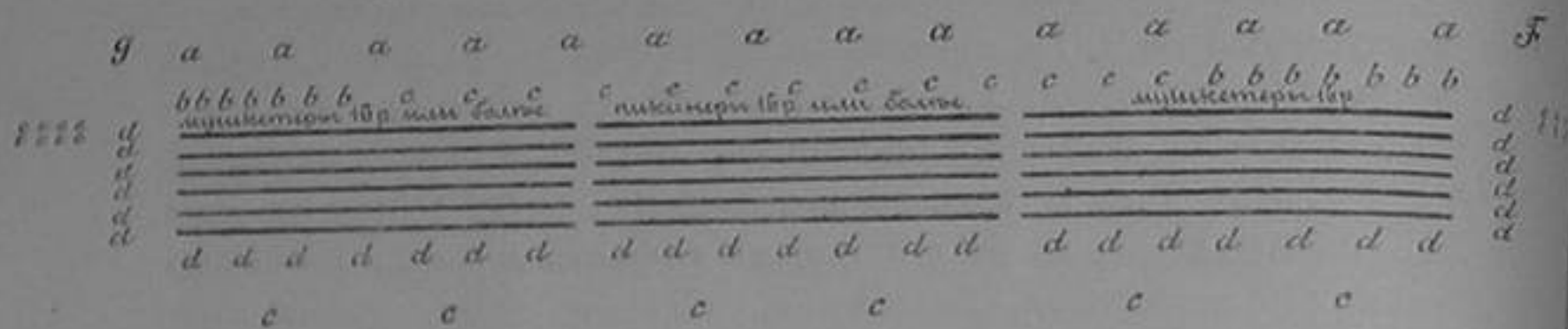
Теперь посмотримъ, какъ постепенное усовершенствованіе въ технику оружія отразилось на тактическомъ строѣ батальона, на расположеніи и дѣйствіи въ бою. Батальонъ Тюрення, какъ мы сказали, строился въ 6-ть шеренгъ, имѣя мушкетеровъ первыхъ по № ротъ правѣе, а послѣднихъ лѣвѣе пикинеровъ и состоялъ изъ $\frac{1}{3}$ пикинеровъ и $\frac{2}{3}$ мушкетеровъ; пикинеры строились въ срединѣ, мушкетеры по флангамъ, безъ интерваловъ между ними. Мѣста офицеровъ обозначаются на чертежѣ.

* При построеніи батальона его гренандерская рота становилась на правомъ флангѣ. Обучались метанію гранатъ, гренандеры закидывали огнестрѣльное оружіе за плечо такъ, что обѣ руки были свободны для метанія гранатъ. Слѣды такого употребленія гранатъ долго еще сохранялись, и по регламенту для прусской пѣхоты 1726 г.; при построеніи мушкетерами каре, гренандеры встрѣчали противника гранатами, затѣмъ спускались въ каре, и, по отбитіи атаки, выбѣгали въ его углы для преслѣдованія конницы гранатами ⁽⁹²⁾.

ПОСТРОЕНІЕ БАТАЛІОНА.

В

А.

А. Полковникъ.
 В. Подполковникъ.
 а а а Капитаны.
 б б б Поручики.
 с с с Подпоручики и прапорщики.

д д д Сержанты.
 е е е Барабанщики.
 ф Майоръ.
 г Полковникъ-майоръ (aide-major.)

Когда хотѣли построить каре, пикиверы занимали средину, а мушкетеры 4 наружныхъ фаса *). Вотъ рисунокъ ротнаго каре изъ 100 челов. (36 пикивероръ и 64 мушкетероръ) (100).

Батальоны строились на интервалахъ 50—60 ш. (по Пюйсегиору 30 ш.) и равнялись направо. Когда двигались къ неприятелю съ опущенными пиками, то офицеры входили въ строй такъ, что половина ихъ корпуса приходилась въ 1-й шеренгѣ.

Съ принятіемъ ружья со штыкомъ пѣхота строится въ 5 и потомъ въ 4 шеренги, такъ какъ штыки 5-й и 6-й шеренгъ не достигали линіи фронта. Въ Пруссіи въ 1730 г. Леопольдъ Дессаускій ввелъ построение

*) До конца XVII столѣтія все офицеры батальона были пѣшкомъ и имѣли пики въ рукахъ; но съ этого времени командиръ батальона и оба капитана, командовавшие мушкетерскими дивизионами, выѣзжали верхомъ (**).

въ 3 шеренги и удлинение фронта заставило дѣлить батальонъ на 4 дивизиона (101).

Вотъ какъ описываетъ современное построение батальона маршалъ Пюйсегиоръ въ своей Art de la guerre (102):

«Командиръ батальона противъ средины; первый капитанъ противъ праваго фланга, 2-й противъ лѣваго, часто съ ихъ ротами, но обыкновенно какъ почетныя мѣста, не имѣя подъ начальствомъ ни другой какой роты, ни извѣстнаго опредѣленнаго числа рядовъ, потому что, какъ только построены батальонъ, раздѣленіе на роты уничтожается. 3-й капитанъ сзади батальона за срединю, 4-й за правымъ флангомъ, 5-й за лѣв. флангомъ, каждый изъ нихъ имѣетъ возлѣ себя поручика и подпоручика; остальные офицеры располагаются по всему фронту, на равныхъ разстояніяхъ одинъ отъ другаго, безъ всякаго опредѣленнаго командованія».

Когда гренандеры были еще при батальонахъ, то они строились на правомъ флангѣ, а особый пикетъ изъ 50 фузилероръ на лѣвомъ флангѣ батальона. Разстояние между шеренгами въ 2 сажени (4 метра), но въ сраженіи шеренги смыкаются на 1 метръ и офицеры вступаютъ въ 1-ю шеренгу *). Разсматривая подобное построение, мы находимъ въ немъ огромные недостатки въ неопредѣленности командованія частями, вслѣдствіе дурнаго, ни на чемъ не основаннаго, распредѣленія офицероръ; если подобный батальонъ попадалъ подъ огонь неприятеля, то офицеры погибали въ значительной пропорціи противъ солдатъ и часто отъ собственнаго огня.

Замѣчательнымъ обычаемъ, существовавшимъ во французской арміи въ эту эпоху, было расположеніе полковъ по старшинству въ боевыхъ линіяхъ и въ лагерѣ что влекло за собою часто большія затрудненія. Такъ старшій полкъ имѣлъ право требовать идти въ головѣ колонны въ атаку, располагаться на лучшихъ квартирахъ и т. п.; въ составѣ полковъ нѣкоторыя части пользовались подобными же привилегіями **).

Регламентомъ 1670 Лувуа опредѣлялъ, что въ линіяхъ правое крыло или голову сперва занимаютъ французскіе полки, потомъ иностранные,

*) Только при Людовикѣ XV съ принятіемъ шага въ ногу, по предложенію маршала Морица Саксонскаго, перешли къ компактному расположенію пѣхоты и дистанціи между шеренгами уменьшились. Принятіе этого шага, дозволившее располагаться, двигаться и маневрировать съ сомкнутыми шеренгами, имѣло чрезвычайно важныя тактическія послѣдствія, дѣлавъ возможными быстрыя и точныя эволюціи. Послѣдствіемъ принятія этого шага было также принятіе и во Франціи трехшереножнаго строя (103).

**) При походномъ движеніи французскаго батальона мушкетерскій дивизионъ двигался обыкновенно въ головѣ, но въ Наварскомъ полку однажды (1665 г.) дивизионъ этотъ, двинутый противъ неприятеля, замаялся; тогда пикиверный дивизионъ бросился на противника и прогналъ его; съ этихъ поръ онъ сталъ пользоваться привилегіей располагаться впереди походной колонны.

каждый по старшинству. Но, не смотря на это, подобный порядок вещей велъ ко многимъ затрудненіямъ.

Въ австрійской арміи было такое же построение въ 6 шеренгъ и съ раздѣленіемъ сперва на пикинерные и мушкетерскіе дивизионы, но при этомъ каждый изъ дивизионовъ дѣлился на 2 эскадрона. Въ турецкихъ войнахъ, придавая большое значеніе огнестрѣльному дѣйствию, а потому вскорѣ австрійская армія переходитъ къ 4 шереножному строю⁽¹⁰⁴⁾.

Раздѣленіе батальона на дивизионы и взводы, введенное въ арміяхъ прочихъ европейскихъ государствъ, во Франціи долго было неизвѣстно. Батальонъ (3, 4, 12 ротъ) дѣлился на 2 крыла (*manches*—прав. и лѣв.), изъ которыхъ каждое на 2 полукрыла (*demimanches*), на два $\frac{1}{4}$ крыла (*quart de manches*), на два $\frac{1}{8}$ крыла (*demi quart de manches*); гренадерская рота располагалась на правомъ флангѣ и пикеть (отборные люди для сторожевой службы) на лѣвомъ.

У пруссаковъ батальонъ состоялъ изъ 4 дивизионовъ, а дивизионъ дѣлился на 2 взвода (*pelotons*). Интервалы между батальонами сокращены до мѣншихъ, такъ что они представляли сплошную линію. Великій курфюрстъ ввелъ правильную стрѣльбу взводами; войска его могли стрѣлять стоя на мѣстѣ и при очередномъ движеніи части. Такъ, при наступленіи линіи батальоновъ, расположенныхъ на интервалахъ въ 50—60 шагахъ, соотвѣтствующіе взводы выдвигались впередъ и производили пальбу въ то время, какъ вся линія подавлялась впередъ, затѣмъ выдвигались другіе взводы и т. д. При отступленіи подлежащіе взводы останавливались, поворачивались къ неприятелю, стрѣляли, а затѣмъ вступали въ линію и т. д. Эти улучшенія были причиною многихъ успѣховъ его надъ шведами и поляками. Послѣ опыта Гохштедтскаго сраженія, гдѣ Вильяръ въ 1703 году разбилъ Штирума и гдѣ прусская пѣхота аррьергарда при отступленіи удерживала правильнымъ огнемъ натиска побѣдителей, Швеція, Австрія, Германія, а за ними и Франція ввели въ своихъ войскахъ правильный огонь по примѣру Пруссіи. Во Франціи и Австріи долго существовалъ шереножный огонь, производившійся слѣдующимъ образомъ: 3 первыя шеренги становились на колѣни; 4-я стрѣляла черезъ головы; затѣмъ по выстрѣлѣ 4-й третья стрѣляла черезъ головы 1-й и 2-й, затѣмъ тоже исполняли 2-я и 3-я. Потомъ введена пальба батальономъ, превратившаяся вскорѣ въ пальбу рядами (бѣглый огонь)⁽¹⁰⁵⁾.

Такъ какъ умѣнье ходить въ ногу не было извѣстно, то для пальбы и эволюцій ряды и шеренги размыкались, а для натиска смыкались. Захожденіе по взводно явилось позднѣе въ прусской пѣхотѣ; для флангового движенія употребляли повороты и потомъ движеніе рядами. Съ того времени какъ ружейный огонь сдѣлался единственнымъ средствомъ для дѣйствія въ бою и введенъ исключительный строй въ длинныхъ развернутыхъ линіяхъ, пѣхота потеряла подвижность и способность къ натиску. Не смотря на горячую защиту глубокаго строя Фоларомъ, ко-

лонна его почти нигдѣ не употреблялась; атака колоннами считалась ошибкою противъ правилъ искусства, какъ напр. атака Тальяра при Шпейербахѣ въ 1703 г. (см. ниже), при Штейнкеркѣ 1692, Марсальи 1693 г. и, наконецъ, знаменитая колонна Монтескье въ сраженіи при Дененѣ въ 1712 г. Штыки не играли уже никакой роли, не смотря на то, что съ помощью ихъ одинъ эльзассскій полкъ въ 1706 году, послѣ сраженія при Рамильи, успѣлъ пробиться чрезъ многочисленную неприятельскую кавалерію и пройти около мили, отражая усиленные кавалерійскія атаки. Употребленіе ручныхъ гранатъ было обыкновенно въ полевой войнѣ при нападеніяхъ. Гренадеры становились съ ними въ углахъ каре; но въ 18 столѣтіи ихъ употребляютъ рѣже; точно также начинаютъ выходить изъ употребленія рогатки для защиты противъ кавалеріи, стѣснявшія движенія пѣхоты.

Для защиты отъ кавалерійскихъ атакъ пѣхота иногда строитъ пустыя каре (1703 при Гохштедтѣ, 1706 при Фрауштадтѣ). Для дѣйствій противъ турокъ австрійцы и русскіе строились въ огромныя каре; не рѣдко цѣлыя арміи, обставленныя рогатками, о которыхъ сказано выше, образовали одно каре⁽¹⁰⁶⁾.

Русская пѣхота. Стрѣльцы, какъ выше сказано, дѣлились на московскихъ и городовыхъ; а тѣ и другіе на *приказы* или *полки*. Московскіе считались по №, причеиъ повышеніе въ № было наградою; городскіе полки назывались по имени. Кромѣ того полки были стремянные и не стремянные. Городовые стрѣльцы образовали команды различной численности, опредѣляемой Стрѣлецкимъ приказомъ, причеиъ стрѣльцы каждаго города образовали особую часть и дѣлились на сотни; при значительной же численности они составляли приказъ или полкъ. Составъ и численность приказа была различна. Такъ составъ городовыхъ стрѣлецкихъ приказовъ былъ обыкновенно въ 5 сотенъ, всего 500 стрѣльцовъ подъ начальствомъ *голова*. Сотнями командовали сотники, затѣмъ были пятидесятники и десятники. Составъ московскихъ стрѣльцовъ увеличивался съ теченіемъ времени и встрѣчаются приказы въ 6, 7, 9, 10, 12 и 14 сотенъ, и тогда для помощи головы имѣлся *полулова* или *пятисотенный*. Впослѣдствіи приказы московскихъ стрѣльцовъ назывались полками. Стрѣльцы каждой отдѣльной части дѣлились на конейщиковъ и стрѣльцовъ, причеиъ первые были отборными людьми и въ приказахъ и полкахъ повидимому образовали первыя сотни; кромѣ того въ составъ каждаго приказа входила небольшая команда артиллеристовъ для прислуги при 5—10 легкихъ 2 ф. орудіяхъ, имѣвшихся при стрѣлецкихъ полкахъ (бронзовыя ищали). Каждый полкъ имѣлъ большое полковничье знамя, а многія сотни свои знамена—братскія. Кромѣ того каждый Московскій стрѣлецкій полкъ имѣлъ свой лазунгъ—яссакъ—имя, названіе⁽¹⁰⁷⁾ какого либо животнаго, воелкнѣ и т. п.

Полки отличались между собою цветом обуви и одежды *), главная часть которой, похожая на фезь, состояла из узкого кафтана, с широким отложным воротником; застегивались кафтаны на груди длинными шнурками. На головах носили сперва железные шлемы, а потом меховые шапки.

Оружие стрельцов состояло из ружья, бердыша, который в строю и бою втыкали передь собою, пищали, впоследствии мушкета, и, наконец, сабли. Конейные сотни были вооружены копьями и мечами. Патроны носились на бандельерѣ (109). Численность стрельцов в разное время была различна. Наибольшая цифра доходила до 50.000 чел., в том числе 5.000 конных (110) **).

Солдатские полки состояли сначала исключительно из иностранцев, а впоследствии имели лишь начальствующих лиц преимущественно из иностранцев. В 1633 году, при осаде Смоленска, кроме 4-х иностранных полков, было 6-ть русских солдатских полков, силою средним числом около 1.760 чел. каждый. В последних все нижние чины и часть капралов были русские, а остальные начальники иностранцы. Полк, как кажется, состоял из 8-ми рот (111). В последнее время, при Алексее Михайловиче, солдатские полки распадутся на *поселенные* и *непоселенные*. Поселение полков началось в 1649 г. и было окончено в следующем году. Военные колонии простирались вдоль шведской границы от Старой Руссы до Онеги. Это пространство Онежским озером делилось на два района: Старорусский и Олонецкий, причем в последнем вместе с солдатами поселены были

*) Форма одежды у всех стрельцов появилась около половины XVII столетия (108).

***) В 1625 г. было 12 приказов московских стрельцов, числ. 7587 чел.; 23 приказа и 95 команд городовых, численностью 20.785; в 1683 году 30 полков московских стрельцов—20.135 чел.; 30 приказов и множество отдельных команд городовых стрельцов,—около 37.000.

****) Состав роты (111):

Командир роты, капитан или полковник	1
поручик	1
прапорщик	1
пятидесятников (сержантов)	2—3
знаменщик	1
дозорщик над ружьями	1
капралов	7—8
набатчиков и свирельщиков (бараб.)	2—3
подъячий	1
рядовых	196—205

Полковой штаб состоял из полковника, большого полкового поручика, майора, или большого полкового сторожеставца, большого полкового околичьяго (квартирмейстера), полкового судьи и писаря, вагенмейстера (начальник полк. артиллерии), священника и профоса.

и драгуны. Все селения известной местности обязаны были солдатскою службою и образовали известное число поселенных войск. Организация полков выше указана, причем все они состояли из мушкетеров. Каждый поселенный полк состоял из 8—10 рот, числом каждая в 100 чел. Старшие начальствующие лица были иностранцы, а из младших — часть русских. Каждый полк имел свое знамя, музыку и орудия. Полки назывались или по именам командиров, или по местам поселения. Назначение этих войск было двоякое: местное — прикрывать нашу границу со Швецией от Пскова до Ледовитого океана, и общее — действовать в полк на других театрах войны. С первой целью, в мирное время, часть поселенных солдат находилась на пограничной службе, другая часть непосредственно занимала блокгаузы и укрепления, расположенные вдоль тысячеверстной границы, наконец, часть находилась в сосредоточенном расположении в Пскове, Старой Руссе, Новгороде и Олонце, в качестве резерва. Служба эта, сопряженная с удалением людей на многие десятки и сотни верст от их очагов, в пустынных местностях, где люди нередко подвергались нападениям и испытывали всякие лишения, была весьма тягостна. Кроме того они должны были собираться для учений сперва ежедневно, а впоследствии еженедельно на 1—2 дня. Во время войны часть солдат выводилась для участия в общих операциях, но с таким расчетом, чтобы на границе оставалось на всякий случай не менее $\frac{1}{4}$ солдат.

Каждым из вышеуказанных районов ведал воевода, руководствуясь данной ему инструкцией. Число поселенных солдат в разное время было различно, но вообще было незначительно (около 3000 человек).

Вследствие разбросанности их расположения, дурного состава офицеров и злоупотреблений последних, солдаты были посредственным боевым материалом.

Непоселенные солдатские полки (или новые) образовали милицию распределенную по известным городам и предназначавшуюся для общих целей войны. Повидимому часть полков находилась и в мирное время на службе. Полки делились на роты, число которых было сначала в каждом 8; позднее встречаются полки в 9, 10, 12 и более рот, но были и такие, в которых число их не превосходило 4—6. Начальствующие лица были, как выше указано (полковник, полуполковник и пр.), причем иногда полковник командовал двумя полками и даже различных родов оружия — пехотным и кавалерийским. Офицеры были как иностранцы, так и русские. Полки состояли из мушкетеров и пикинеров в отношении 2 : 1. Численность роты не была определена штатами, но обыкновенно сила каждой простиралась от 100 до 110 человек, но встречались и в 200 чел.; следовательно сила полка была от 700 до 2000 чел., при 6—8 ору-

дяхъ. Полки вазывались по именамъ ихъ командировъ или мѣсть расположенія. Численность новыхъ солдатскихъ полковъ была весьма различна; но по недостатку источниковъ нельзя опредѣлить ее даже приблизительно. Можно сказать, что въ послѣдній годъ царствованія Федора Алексѣевича въ 9-ти корпусахъ его арміи было всего 38 солдатскихъ полковъ.

Слѣдуетъ еще упомянуть о *Московскихъ выборныхъ полкахъ солдатскою строю*. Такихъ полковъ было два и учрежденіе ихъ можетъ быть отнесено къ 1640 году. Они носили названія своихъ командировъ, причемъ одинъ изъ нихъ вазывался еще *Московскимъ*, а другой *Бутырскимъ*. Что касается организаціи этихъ полковъ, то она отчасти была сходна съ организаціей сводныхъ солдатскихъ полковъ, а отчасти существенно отъ нея отличалась. Сходство заключалось въ составѣ и названіяхъ начальствующихъ лицъ, въ отношеніи мушкетеровъ къ пикинерамъ (2:1) и проч. Различіе же было въ составѣ и численности самыхъ полковъ и ихъ дѣленій. При самомъ началѣ каждый изъ выборныхъ полковъ состоялъ изъ 52 ротъ по 100 чел. въ каждой, а затѣмъ полки были усилены до 60 ротъ въ каждомъ. При такомъ значительномъ числѣ ротъ очевидно необходима была промежуточная организаціонная группа между ротой и полкомъ; она и явилась, но, по отсутствію соотвѣтствующаго термина въ русскомъ языкѣ, получила позже названіе полка, безъ прилагательнаго «выборный». Число такихъ малыхъ полковъ въ каждомъ Московскомъ выборномъ полку простиралось до 6, изъ 10 ротъ каждый (въ числѣ ихъ въпослѣдствіи 1 гренадерская рота); организація малыхъ полковъ была такая-же какъ и солдатскихъ. Каждый же изъ выборныхъ полковъ былъ подъ начальствомъ генерала, имѣя при себѣ необходимый штабъ; при полку имѣлась артиллерія—до 20 пушекъ 2 ф. калибра. Штабы обоихъ полковъ находились въ Москвѣ, но части ихъ были разселены сосредоточенно въ различныхъ пунктахъ государства. Люди выбирались изъ московскихъ стрѣльцовъ. Численность обоихъ полковъ простиралась до 12.000 чел., а иногда и больше⁽¹¹²⁾.

Что касается обученія солдатскихъ полковъ, то для упражненій, люди собирались ихъ начальниками отъ времени до времени, причемъ для руководства было при Алексѣѣ Михайловичѣ (1647) переведено сочиненіе Вальгаузена и издано подъ названіемъ «Ученіе и хитрость ратнаго строя пѣхотныхъ людей Московскаго государства». Сочиненіе это, будучи столько же уставомъ, сколько тактическимъ руководствомъ, едва ли могло привести особенную пользу, при сложности его правилъ и построений, малограмотности нашего народа и плохомъ знаніи русскаго языка большинства учителей нашихъ солдатъ *).

*) Сущность Вальгаузенаго устава изложена у Рюстова въ его «Исторіи пѣхоты».

Даточные люди собирались преимущественно въ сотни и назначались въ обозъ и т. п.

Солдаты имѣли слѣдующее вооруженіе: а) мушкетеры — *мушкетъ*, стрѣлявшій свинцовыми пулями по вѣсу 8—10 на фунтъ; мушкеты снабжены были вилкою; *сабля* на портупеѣ черезъ правое плечо; б) пикинеры — *пики* длиною въ 2 сажени и тяжелый *мечъ*; предохранительное оружіе — легкія латы на груди и спинѣ, желѣзный воротникъ, наручья и набедренники, желѣзные шлемы.

Для дѣйствія противъ кавалеріи пику поддерживали въ серединѣ, лѣвой рукой, а задній конецъ коня упирали въ землю⁽¹¹³⁾; въ правой рукѣ держали мечъ.

Въ пѣхотѣ, образованной *Петромъ Великимъ*, полки сначала раздѣлялись на 10 ротъ: 9 фузилерныхъ и 1 гренадерская, а съ 1708 г. полкъ нормальнаго состава былъ въ 2 баталіона, по 4 роты въ каждомъ, причемъ изъ 8 ротъ одна была гренадерская, а остальные—фузилерныя.

Численность роты по уставу 1716 года: 4 офицера, 2 сержанта, 1 каптенармусъ, 1 подираторщикъ, 6 капраловъ, 2 барабанщика (у гренадеръ 1 флейтщикъ) и 144 рядовыхъ; нестроевыхъ: 1 писарь и 1 фельдшеръ. Рота раздѣлялась на 4 плутонта (взвода). До 1706 года строй былъ шестшереножный, а съ этого времени, или съ 1708 года—4-шереножный. Въ каждой ротѣ имѣлось знамя.

Постоянная организація какъ въ мирное, такъ и въ военное время не шла далѣе полка; въ военное время въ пѣхотѣ и кавалеріи изъ 2—3 полковъ составлялись бригады, а изъ послѣднихъ—дивизіи (чего мы не видимъ на западѣ ранѣ Семилѣтней войны), состоявшія изъ одного рода оружія или изъ пѣхоты и кавалеріи.

Въ мирное время, для облегченія сношеній центральнаго управленія (Военной коллегіи) съ полками, войска тоже соединялись въ дивизіи, называвшіяся «генеральство».

Вооруженіе пѣхоты сначала состояло изъ ружей съ «багинетомъ», замѣненнымъ въ 1709 г. трехграннмъ штыкомъ.

Калибръ ружья былъ 0,78 дюйма, вѣсъ 14 ф.; но этотъ калибръ долго не устанавливался. Вѣсъ пули 8 золотниковъ; замокъ—ударнокремневый системы; патроны носились въ сумкахъ.

Сержанты имѣли алебарды, а прочіе нижніе чины шнаги. Въ 1720 году въ каждомъ полку оставалось еще по 150 пикинерныхъ коней, которыя употреблялись при караульной службѣ (въ 1730 г. пики сданы въ Украинскія крѣпости).

Пѣхота имѣла ранцы: на каждый полкъ полагались жестяныя водоносныя флаги и шанцевый инструментъ: 200 топоровъ, 288 желѣзныхъ лопатъ и 288 кирокъ и мотыгъ. Полковой обозъ состоялъ изъ 65 телѣгъ для перевозки разныхъ запасовъ и лагерныхъ палатокъ въ числѣ 208.

До 1705 г. въ строевомъ отношеніи войска Петра Великаго руковод-

ствовались «Краткимъ обыкновеннымъ ученьемъ въ строеніи пѣшихъ полковъ» 1702 г.; затѣмъ около 1706—1708 г. положенія эти были нѣсколько измѣнены. Тѣмъ не менѣе, Уставъ Военскій 1716 года не далъ ничего въ этомъ отношеніи новаго, а былъ какъ-бы систематической сводкой всѣхъ правилъ и указаній, данныхъ до его изданія.

Согласно «Краткаго обыкновеннаго ученья», главный строй пѣхоты былъ развернутый, въ 6 шеренгъ. Затѣмъ войска умѣли вздвигать шеренги и ряды—первое, для удобства стрѣльбы, а второе—для удобства движенія. Заряжаніе и стрѣльба производились безъ примкнутыхъ штыковъ. Стрѣльба была трехъ родовъ: «нидерфаленъ» (т. е. съ опусканіемъ на колѣни переднихъ пяти шеренгъ для послѣдовательной стрѣльбы шеренгами, начиная съ 6-й), плутонгами и залпами, для чего шеренги вздвигались (каждый рядъ нечетныхъ шеренгъ становился правѣе и лѣвѣе впереди стоявшаго ряда четной шеренги).

Всѣ эти построенія были просты въ исполненіи и вообще уставныя требованія были практичны въ противоположность тѣмъ сложнымъ, бесполезнымъ и запутаннымъ перестроеніемъ западно-европейскихъ эскерцицій, о которыхъ было выше говорено. Въ періодъ 1706—1708, строй былъ измѣненъ, т. е. вмѣсто 6-шереножнаго принятъ 4-шереножный, вѣдѣствіе чего измѣнились и нѣкоторыя уставныя указанія, какъ, на примѣръ, стрѣльба «нидерфаленъ» измѣнена въ стрѣльбу шеренгами и т. п.

Уставъ 1716 года ограничился такими же элементарными указаніями и особаго устава полкового ученья Петромъ не дано. Вообще уставъ, въ смыслѣ строевомъ, останавливается лишь на общихъ положеніяхъ. Въ развернутомъ строѣ роты становились справа на лѣво въ порядкѣ номеровъ, причемъ гренадеры не выдѣлялись. Для встрѣчи начальника и при наступленіи офицеры каждой роты были впереди фронта, но при обученіи приѣмамъ и при заряжаніи ружья *) офицеры и знамена уходили за фронтъ. Развернутый строй назначался какъ для стрѣльбы, такъ и для удара въ штыки; для движенія на незначительное разстояніе вздвигались ряды, а при маневрированіи—шеренги. Стрѣльба шеренгами, взводами и общимъ залпомъ производилась, какъ выше указано. Для отраженія кавалерійской атаки полкъ строилъ баталіонъ де каре, причемъ полкъ, за исключеніемъ гренадеръ, дѣлился на 4 части, строившія фронтъ на четыре стороны, а въ углахъ располагались гренадеры и пушки, буде такія имѣлись (114).

При полкахъ пѣхоты была и артиллерія. Въ 1723 году окончательно положено было имѣть по двѣ 3 ф. пушки на полкъ. Пушки эти назначались для усиленія огня пѣхоты и дѣйствовали непосредственно со своими полками (а полевая артиллерія располагалась на особыхъ по-

*) Замѣтимъ, что во время боя воспрещено было офицерамъ переходить изъ роты въ роту, чтобы съѣмъ конфузій не учинить.

зиціяхъ); впрочемъ, если полевой артиллеріи при войскахъ не было, то полковая могла быть сосредоточена въ батареи.

Въ послѣдующее время строевой уставъ былъ измѣненъ Минихомъ, но въ чемъ заключались эти измѣненія—нѣтъ свѣдѣній. Впрочемъ, миниховы правила имѣли силу лишь въ теченіи ограниченнаго промежутка времени (1732—1742), а затѣмъ Петровскій уставъ былъ восстановленъ.

Всего въ царствованіе Петра Великаго было 40 полковъ, въ томъ числѣ 2 гвардейскихъ, 5 гренадерскихъ и 33 фузилерныхъ.

б) Кавалерія.

Въ арміяхъ этого періода кавалерія по прежнему играетъ весьма важную роль, но какъ война принимаетъ характеръ осадной, а потомъ позиціонной, то, по важности въ составѣ армій, она начинаетъ уступать мѣсто пѣхотѣ.

Кавалерія была трехъ родовъ: *тяжелую* составляли кирасиры, *среднюю* драгуны и *легкую* гусары, карабинеры и шеволежеры.

Первоначально драгуны составляли пѣхоту посаженную на лошадей, причемъ въ 1659 году во французской арміи имѣлось всего 2 драгунскихъ полка, но уже въ 1690 году мы находимъ тамъ 43 такихъ полка. Хотя послѣ Риквикскаго мира (1698 г.) осталось ихъ только 14, подъ именемъ *quatorze vivs* (115), но примѣру Франціи послѣдовали всѣ прочія государства, увеличивъ число драгунскихъ полковъ. Съ увеличеніемъ ихъ числа, измѣнилась и самая цѣль ихъ употребленія; они перестали замѣнять пѣхоту и составили среднюю кавалерію, хотя, вооруженные ружьями со штыками, они употреблялись на войнѣ и въ пѣшемъ строѣ. Тюреннъ и другіе даровитые полководцы умѣли искусно пользоваться этимъ родомъ кавалеріи—пѣхоты, при недостаткѣ послѣдней. Такъ въ сраженіи при Энцигеймѣ (1674) спѣшенные драгуны овладѣли лѣсомъ, находившимся на лѣвомъ флангѣ расположенія имперцевъ, и захватили въ немъ 8 орудій. При Штаффардѣ въ 1693 году—не менѣе удачное употребленіе спѣшенныхъ драгунъ *). *Карабинеры* имѣли начало подобное *гренадерамъ* въ пѣхотѣ. Сперва (1679) въ каждой ротѣ кавалеріи избрано было по два солдата, изъ лучшихъ стрѣлковъ; они собирались въ головѣ эскадрона и передъ атакой производили пальбу (съ дальняго разстоянія) изъ нарѣзныхъ карабиновъ (винтовокъ), которыми были вооружены. Въ 1690 г. Людовикъ XIV, по представленію маршала Люксамбурга, велѣлъ сформировать по ротѣ, въ 30 ч., въ каждомъ изъ 107 кавалерійскихъ полковъ изъ самыхъ отборныхъ людей,

*) При спѣшиваніи драгуны сбавывали лошадей слѣва направо; въ каждой шеренгѣ оставалось на лошадяхъ лишь по одному драгуну на правомъ и лѣвомъ флангахъ и одинъ субалтернъ-офицеръ на полкѣ (116).

подъ начальствомъ опытныхъ офицеровъ, по условію имѣвшихъ не менѣе 35 лѣтъ отъ роду. Съ слѣдующаго года карабинеры сведены были вмѣстѣ и образовали бригаду легкой кавалеріи. Новоучрежденный корпусъ покрылъ себя такою славой въ кампанію слѣдующаго года, что Людовикъ XIV рѣшилъ образовать изъ нихъ особый полкъ подъ названіемъ *Royal-carabiniers*, инструкция которому написана была лично королемъ и даже начальство надъ нимъ поручено любимому сыну короля герцогу Мэню. Этотъ полкъ раздѣлялся на 5 бригадъ въ 4 эскадрона каждая; въ эскадронѣ по 4 роты (30 чел.), всего 2400 чел.; слѣдовательно онъ по силѣ равенъ былъ нѣсколькимъ полкамъ, а потому его постоянно дробили по разнымъ арміямъ ⁽¹¹⁷⁾.

Гусары впервые являются въ австрійскихъ арміяхъ въ 1688, а въ 1705 уже существовало 4 венгерскихъ гусарскихъ полка. Въ XVII столѣтіи многие дезертеры изъ нихъ состояли въ услуженіи у французскихъ офицеровъ. Въ 1692 г. маршалъ Люксамбургъ, пораженный ихъ воинственнымъ видомъ, собираетъ ихъ вмѣстѣ и употребляетъ для развѣдывательной службы и партизанской войны. Людовикъ XIV велѣлъ сформировать въ Эльзасѣ цѣлый гусарскій полкъ, уже участвовавшій въ кампаніи 1693 года; будучи распущенъ послѣ Риквикекаго мира, онъ снова былъ восстановленъ Вильямомъ. Какъ легкая кавалерія, гусары употреблялись для разсыпнаго дѣйствія, слѣдовали въ авангардѣ и аррьергардѣ, для аванпостной службы, сопровождали транспорты и т. п. ⁽¹¹⁸⁾. Оказывая такую пользу, гусары являются въ арміяхъ почти всѣхъ европейскихъ государствъ. Значеніе ихъ не скоро было понято даже такими боевыми людьми, какъ маршалъ Морицъ Саксонскій, а одинъ изъ современниковъ выражался такъ: «это собственно говоря разбойники на коняхъ и въ ихъ способѣ веденія боя нѣтъ ничего правильнаго (!), съ ними невозможно сражаться на мѣстѣ, ибо хотя бы они при атакѣ имѣли известный строй; но минутой спустя они, разсѣявшись, уже ускользаютъ, и въ то время, когда вы полагаете ихъ разсѣянными, вы ихъ видите снова появляющимися какъ и прежде». Но эти-то свойства и заставили впоследствии цѣнить гусаря ⁽¹¹⁹⁾.

Въ Австріи существовалъ особый родъ кавалеріи, такъ называемые *Венгерскіе панцирники*. Ихъ вооруженіе состояло изъ чернаго желѣзнаго шипака съ висячей отъ него кольчужой до плечъ; изъ кольчужной рубашки, закрывавшей всадника до ляжекъ, изъ круглаго щита, длинной тонкой пикі и высокихъ сапоговъ до колѣнъ ⁽¹²⁰⁾. Въ Швеціи кавалерію составляли рейтары (безъ предохранительнаго оружія) и драгуны; полкъ въ 6—8 ротъ.

Особымъ устройствомъ и характеромъ отличалась *польская* конница. Національная кавалерія поляковъ организовалась въ такъ называемыя «товарищества», состоявшія изъ дворянъ, какъ боеваго элемента, соединившихся въ числѣ 50—70 въ «хоругвь», причемъ всѣ дворяне образовали 1-ю шеренгу, а ихъ конные слуги 2-ю и 3-ю. Такой хоругвью

командовалъ номинально какой-нибудь магнатъ съ званіемъ ротмистра, а обыкновенно—поручикъ. Конница эта производила атаки въ бою, но развѣдывательной и сторожевой службы не несла. Затѣмъ существовали конейщики или отборная тяжелая конница съ предохранительнымъ оружіемъ съ головы до ногъ и съ пикою, какъ главнымъ оружіемъ, длиною въ 19 ф. Легкой конницей была такъ называемая *кваринная*, образованная въ 1562 г. на $\frac{1}{4}$ часть доходовъ съ королевскихъ староствъ. Она состояла изъ поляковъ, казаковъ, нѣмцевъ, валаховъ и пр., была организована въ хоругви, сводимыя въ полки, численностью въ 600—1000 коней. Конница эта назначалась для сторожевой, развѣдывательной, ординарческой и т. п. службы. Изъ національныхъ войскъ поляки еще имѣли драгунъ, устроенныхъ по западно-европейскому образцу ⁽¹²¹⁾.

У *турокъ* отличной легкой конницей (безъ предохранительнаго оружія) были *сиралляры*, умѣвшіе съ одинаковымъ искусствомъ сражаться какъ въ пѣшемъ, такъ и въ конномъ строю. Кромѣ того у нихъ были легкія конныя войска — *топракли*, а также вспомогательные конные контингенты, какъ, на примѣръ, татары и т. п. ⁽¹²²⁾.

Вооруженіе кавалеріи значительно облегчилось; лошади не покрывались уже латами, кирасы остались только у кирасиръ; австрійскіе кирасиры носятъ еще (до 1720 г.) каски съ забраломъ. Ника выходить изъ употребленія въ кавалеріи; холодное оружіе, самое употребительное, — обоюдоострые палаши съ желѣзною рукояткою; гусары носятъ кривую саблю. Главную роль въ кавалеріи играетъ *ошестрѣнное* оружіе. Драгуны вооружены ружьями со штыкомъ; вся остальная кавалерія — карабинами и пистолетами (у австрійцевъ по 2 пистолета въ кобурахъ). Разнообразія въ одеждѣ въ кавалеріи, какъ въ наше время, не существовало; только гусары отличались пестротой своего національнаго костюма, состоявшаго изъ куртки съ узкими рукавами, рейтузъ, входившихъ въ длинные сапоги, ментика и высокой мѣховой шапки. Къ особенностямъ въ снаряженіи французской кавалеріи относилось и то, что она носила напудренные парики съ косами (*peruques à la brigade*). Сѣдла въ большей части европейскихъ кавалерій употреблялись нѣмецкія, неловкія и тяжелыя. Относительное число различныхъ родовъ кавалеріи подвергалось различнымъ измѣненіямъ; такъ въ половинѣ XVII столѣтія средняя и легкая кавалерія составляли $\frac{1}{4}$ часть противъ тяжелой, а въ концѣ этого столѣтія средней было уже больше; но легкая, которую считали самою дурною, оставалась въ томъ же содержаніи ⁽¹²³⁾.

Основною административною единицею раздѣленія и въ кавалеріи была *рота*, состоявшая изъ двухъ корнетовъ или взводовъ. Въ различныхъ арміяхъ и въ разныхъ родахъ кавалеріи численность кавалерійской роты была различна. Составъ французской роты въ 1699 году былъ въ 48 чел. съ офицерами; австрійской — въ драгунахъ и кирасирахъ 76, въ карабинерахъ 94, въ гусарахъ 80 ⁽¹²⁴⁾.

Изъ ротъ составлялись эскадроны. Эскадронъ составлялъ въ бою, какъ баталіонъ въ пѣхотѣ, тактическую единицу. Во Франціи онъ имѣлъ отъ 2 до 4 ротъ, въ Австріи 2 роты. Такимъ образомъ, сила эскадрона была отъ 150 до 200 коней, въ Пруссіи 120. Въ 1711 въ Австріи въ каждомъ кирасирскомъ полку была образована карабинерная рота, а въ драгунскомъ-гренадерская, изъ отборныхъ людей ⁽¹²⁵⁾.

Изъ эскадроновъ составлялись полки. Полкъ въ кавалеріи имѣлъ не только хозяйственное, какъ въ пѣхотѣ, но и тактическое значеніе. Полки во Франціи составлялись изъ 2-хъ или 3-хъ эскадроновъ, въ Австріи кирасирскіе и драгунскіе изъ 6 эскадроновъ, гусарскіе изъ 5 эскадроновъ (10 ротъ). Такимъ образомъ, сила кавалерійскаго полка во Франціи была около 600 коней, въ Австріи отъ 800 до 1000 ⁽¹²⁶⁾.

Русская конница состояла прежде всего изъ дворянскихъ ополченій, во главѣ которыхъ были московскіе дворяне и жильцы, составлявшіе особый *Государевъ полкъ* въ родѣ гвардіи, сопровождавшій государя въ походѣ, а въ отсутствіи его иногда состоявшій при главномъ воеводѣ. Полкъ дѣлился на сотни: стольниковъ, стряпчихъ, дворянскія и жильцкія, во главѣ которыхъ были *юлозы* изъ важнѣйшихъ фамилій. Кромѣ того были *поручики* и *знаменщики*. Каждой изъ такихъ сотенъ было по нѣсколько. Въ 1682 г. государевъ полкъ вмѣсто сотенъ дѣлился на роты, численностью около 60 чел. Начальники ротъ уже назывались ротмистрами и поручиками; каждая 6 сотенъ образовали полкъ подъ начальствомъ старшаго ротмистра. Такъ исчезли прежнія названія, головъ, хорунжихъ, обозныхъ дозорщиковъ (вагенмейстеръ), заимщиковъ (квартирмейстеръ) и сторожеставцевъ (лагермейстеръ) ⁽¹²⁷⁾. Дворяне государева полка чередовались на службѣ въ Москвѣ. Не входившіе въ составъ государева полка московскіе дворяне образовали особый отрядъ ⁽¹²⁸⁾. По словамъ Флеттера, русскіе знатные всадники отличались блестящимъ роскошнымъ нарядомъ, превосходнымъ оружіемъ и отличными конями; они имѣли щегольскую броню булатную, на головѣ богатый стальной шлемъ; вооружены были саблями и лукомъ со стрѣлами (а впоследствии ружьями и пистолетами). Кромѣ того нѣкоторые имѣли портазаны и щиты. На плечахъ у нѣкоторыхъ были крылья. Способъ дѣйствій—сходный съ татарскимъ, т. е. свойственный всѣмъ естественнымъ конницамъ ⁽¹²⁹⁾. Всѣ движенія ихъ производились внѣ какого либо опредѣленнаго строя, и обученія не было. Численность московскихъ чиновъ была весьма различна; при Федорѣ Алексеѣвичѣ она достигаетъ 6097 чел. съ 11830 чел. ихъ свиты ⁽¹³⁰⁾.

Дворяне, дѣти боярскія, новокрещены, мурзы, татары и городовые казаки принадлежали въ каждомъ городѣ къ городовому полку. Такимъ образомъ, отрядъ cadaго города составлялъ обыкновенно особый полкъ, имѣвшій свое знамя, музыку, а впоследствии, какъ кажется, и по 5 пушекъ.

Каждый полкъ дѣлился по окладамъ на три статьи и сверхъ того

на *первую* и *вторую половины*, причемъ первая собиралась въ походъ при первой вѣсти о войнѣ, а вторая готовилась къ выступленію. Такимъ образомъ, въ мирное время городовые полки не имѣли никакихъ кадровъ и сборовъ и подчинялись мѣстному гражданскому начальству. По сборѣ же полка во время войны, воевода раздѣлялъ людей полка на три части: одну назначалъ въ *подъезды* (передовая служба), другую въ *сотни* (т. е. въ главныя силы), а третью къ *кошамъ* (обозу); каждой изъ этихъ частей назначался начальникъ. Люди, назначенныя въ сотни, дѣлились приблизительно по 100 чел., причемъ имѣлись и особыя, выборныя сотни. Оружіе служилыхъ людей городовыхъ полковъ, а отчасти и ихъ слугъ, составляли пищали, пистолеты, карабины, саадаки и сабли, по образцамъ и мѣрамъ, назначавшимися (вѣроятно только для дворянъ и дѣтей боярскихъ) въ государевомъ указѣ. Кромѣ того они имѣли предохранительное оружіе: кольчуги панцири, (бехтерцы) ⁽¹³¹⁾. Вообще оружіе было разнообразно, такъ какъ каждый вооружался на свой счетъ, но вообще метательное оружіе имѣло важное значеніе.

Конные стрѣльцы имѣли организацію приблизительно такую-же какъ и пѣшіе.

Рейтары *) и *копейщики*. Копейщиковъ можно разсматривать какъ отборную часть рейтаръ, съ которыми обыкновенно они соединялись въ одной части. Рейтарскій полкъ состоялъ изъ штаба и нѣсколькихъ ротъ—обыкновенно 10; но встрѣчаются полки въ 5, 12, 14 ротъ; въ 1679 г. въ войскахъ, выставленныхъ противъ турокъ и татаръ, было два рейтарскихъ полка по 26 ротъ въ каждомъ, раздѣленныхъ повидимому каждый на 2 группы по 13 ротъ. Штабъ 10 ротнаго полка состоялъ изъ 1 полковника, 1 подполковника, 1 маіора, 1 капитана — лейтенанта (командовавшій ротой полковника), 1 квартирмистра, 1 адъютанта и 1 вагенмейстера; въ полкахъ бѣльшей численности увеличивалось и число штабныхъ чиновъ. Къ полковому штабу принадлежали еще: писарь, барабанщикъ, трубачъ, а также канониры и гранатчики полковой артиллеріи. Въ ротѣ полагался ротмистръ, поручикъ и прапорщикъ (фенрихъ). Численность ротъ не была опредѣлена штатами. Люди жили въ мирное время по городамъ. Съ теченіемъ времени установлено было, что известная область должна была выставить опредѣленное число полковъ, люди которыхъ въ ней жили. При этомъ копейщики присоединялись къ первымъ рейтарскимъ полкамъ округа, образуя въ нихъ отборныя роты, между тѣмъ какъ прочіе полки состояли исключительно изъ рейтаръ.

Сила полковъ была различна: отъ 1000 до 2500 челов., иногда меньше или больше. Полкъ имѣлъ штандарты, по 1 на роту, и полковую артиллерию. Полки назывались по именамъ командировъ; но если полкъ весь выставился однимъ городомъ, то иногда носилъ его имя.

*) Это названіе впервые встрѣчается въ 1633 г.

Ежегодно, осенью послѣ уборки хлѣба, полковники собирали своихъ людей на мѣсяць для обученія, при этомъ на каждого человѣка отпускалось по 1 ф. пороха. Устава не существовало, но каждый полковникъ, по своему собственному способу, обучалъ дѣйствию оружіемъ, верховой ѣздѣ и пр. При Федорѣ Алексѣевичѣ было переведено сочиненіе Плювинеля о выѣздкѣ лошадей и верховой ѣздѣ («Ученіе како объѣзжати лошадей»), но осталось лишь въ рукописи и не было дано въ руководство войскамъ. Обучивъ людей, полковники, по царскому указу, отпускали ихъ, предупредивъ о томъ, чтобы они всегда были въ готовности къ царской службѣ. Число рейтарскихъ полковъ было въ разное время различно; такъ въ 1633 г. было всего одинъ полкъ (2700 чел.); въ 1672 г. было: 4 отдѣльныя роты копейщиковъ, 11 копейно-рейтарскихъ, 15 рейтарскихъ и 1 сборный (копейщики, рейтары, драгуны и казаки) полкъ; численность ихъ простиралась до 3684 копейщиковъ и 36091 рейтаръ. При Федорѣ и въ началѣ царствованія Петра было 27 рейтарскихъ полковъ, численностью около 40,000 чел., изъ которыхъ около 4000 копейщиковъ.

Гусары. Имя ихъ встрѣчается впервые въ 1634 году, когда нѣсколько сотъ ихъ вмѣстѣ съ рейтарами назначены были въ Украину для отраженія татаръ. Въ 1679 году нѣсколько гусарскихъ ротъ выставлено было противъ турокъ. Въ послѣдній разъ нѣсколько гусарскихъ ротъ участвовали въ Кожуховскомъ походѣ. Гусары повидимому не образовали особыхъ отдѣльныхъ частей, а придавались къ рейтарскимъ полкамъ. Это была не легкая, а тяжелая, по польскому образцу, конница.

Драгуны появились въ русской арміи одновременно съ рейтарами. Набираемые частью изъ иноземцевъ, они уже при самомъ началѣ ихъ формированія, комплектовались частью русскими, подъ начальствомъ иноземныхъ офицеровъ. Драгуны частью образовали особые полки, частью придавались къ рейтарскимъ полкамъ, образуя при нихъ отдѣльныя роты. При Алексѣѣ Михайловичѣ драгуны были поселены военными колоніями въ двухъ мѣстахъ—въ Украинѣ (1646) и на шведской границѣ (1648), причемъ въ послѣднемъ случаѣ они были перемѣшаны съ солдатами. Поселенные драгуны раздѣлялись на полки. Эти полки получили названіе *старыхъ* въ отличіе отъ сформированныхъ впоследствии драгунъ, образовавшихся частью отдѣльные полки, частью придававшихся къ рейтарскимъ. Въ Сибири даже были образованы драгуны, расселенные по городамъ и слободамъ.

Организація драгунскихъ полковъ была такая же какъ рейтарскихъ, только командиры ротъ назывались у нихъ капитанами. Полки состояли изъ 12 ротъ, неопредѣленной численности. Драгуны предназначались для конной и пѣшей службы, вслѣдствіе чего полки имѣли барабанщиковъ по пѣхотному и трубачей по кавалерійски; при полкахъ состояла также часть пушкарей.

Что касается численности драгунъ, то ихъ было всегда меньше рейтаръ, не превосходя никогда 11,500 чел. ⁽¹³²⁾.

Относительно *вооруженія* конницы иноземнаго строя слѣдуетъ замѣтить, что копейщики, рейтары и гусары образовали тяжелую конницу, по образцу западно-европейскихъ кирасиръ. Вначалѣ рейтары были вооружены мечами, мушкетами, затѣмъ карабинами и двумя пистолетами; они имѣли шлемы и латы. Каждый рейтаръ былъ снабженъ 1 ф. пороха и 2½ ф. свинца. Въ позднѣйшее время копейщики и гусары имѣли сабли, длинныя пики, а рейтары сабли, карабины и по 2 пистолета.

Драгуны были вооружены мушкетами съ вилками, саблями, короткими пиками, аллебардами и притроченными къ сѣдлу топорами; они имѣли шлемы съ наушниками и иногда панцыри; патроны носили въ бандельерѣ; поселенные драгуны имѣли такое же вооруженіе съ тою лишь разницею, что у нихъ имѣлись еще фитильныя ружья.

Одежда иноземныхъ полковъ была по образцу западно-европейскому, хотя каждый всадникъ одѣвался самъ на свой счетъ *).

Драгуны времени Петра Великаго. Петръ при самомъ формированіи регулярной арміи учредилъ 2 драгунскихъ полка, каждый въ 12 ротъ и численностью 1,239 чиновъ; но на самомъ дѣлѣ полки имѣли силу въ 1000 человѣкъ и раздѣлялись на 10 ротъ (драгунскихъ фузилерныхъ), къ которымъ въ 1705 году прибавлена еще одна гренадерская. Драгуны были устроены по шведскому образцу. Численность ихъ быстро увеличивалась; такъ по штатамъ 1711 и 1720 годовъ полагалось 33 полка, изъ которыхъ 3 *драгунскихъ гренадерскихъ*, состоявшихъ лишь изъ гренадерскихъ ротъ (съ гранатами) и 30 *драгунскихъ фузилерныхъ*, въ 9 фузилерныхъ и 1 гренадерская роты каждый **).

По двойственности боеваго назначенія драгунъ, они имѣли для пѣшаго боя ружье, а для коннаго—палашъ и пистолетъ; кромѣ того у всѣхъ нижнихъ чиновъ полагалось по 1 топору, лопатѣ или киркѣ при сѣдлѣ.

До 1708 года фузенъ были съ «багинетомъ», который носили вмѣсто шапки.

Одежда—кафтанъ синий съ бѣлымъ или краснымъ прикладомъ, камзолъ и штаны лосиные, шляпа треугольная ***).

*) Иностранецъ (Рейтенфельдъ), посѣщавшій Россію при Алексѣѣ Михайловичѣ, даетъ такой отзывъ о русской конницѣ: «войско российское, состоявшее изъ 60,000 конницы, превосходствомъ лошадей, богатствомъ и великолѣпіемъ оружія, одѣяній, конской сбруи и пазатокъ представляло прекраснѣйшее зрѣлище, которому подобнаго нигдѣ въ Европѣ найти невозможно».

***) По штатамъ, изданнымъ въ разное время, опредѣлялось—въ полку: штабъ офицеровъ 3; въ ротѣ: оберъ-офицеровъ 3, унт-офиц. 4, капраловъ (сфрейторовъ) 4, рядовыхъ 92; затѣмъ были еще музыканты и нестроевые. Общая численность роты 112 чел., а полка 1,253—1260 (по штатамъ 1720 и 1724 гг.).

****) На продовольствіе лошади полагалось на 6 мѣсяцевъ (6 лѣтнихъ на подножномъ корму)—овса 6 четвертей (2¼ гари въ сутки) и сѣна 15 пудовъ въ мѣсяць—т. е. дача нынѣшняго подъемнаго лошади. Амуничныхъ денегъ на человѣка 90 к.

Полки были, для содержания въ натурѣ, размѣщены по 8 учрежденнымъ губерніямъ⁽¹³⁴⁾, что было отмѣнено для полевыхъ регулярныхъ войскъ въ 1724 году и тогда они уже непремѣнныхъ квартиръ не имѣли.

Согласно Устава Военскаго 1716 г. драгуны строились въ конномъ строю въ 3 шеренги. Петръ Великій, давъ длинныя палаши своимъ драгунамъ, требовалъ, чтобы они дѣйствовали въ конномъ строю исключительно холоднымъ оружіемъ, атаковали подобно отважной конницѣ Карла XII.

Въ полевыхъ войскахъ по штатамъ Петра 1720 г. было 57,956 чел. пѣхоты и 36,333 чел. драгунъ, т. е. отношеніе 1,6:1. Такая значительная масса конницы соответствовала и состоянію военного искусства и характеру тѣхъ театровъ войны, гдѣ пришлось дѣйствовать арміи Петра, и кромѣ того тому обстоятельству, что существовало у насъ много войскъ не полевого назначенія, слабо обеспеченныхъ конницей.

Петръ Великій имѣлъ также желаніе завести *цусаръ* и въ 1707 г. приказано было сформировать изъ венгровъ, сербовъ, молдаванъ и валаховъ легко-конную команду въ 300 чел., подъ названіемъ «Волжской хоронгвы»; этотъ родъ конницы скоро увеличился, такъ что въ походѣ 1711 г. находилось 6 волжскихъ полковъ и 2 хоронгвы (сербская и польская). Затѣмъ они были распущены и оставлено только три пятисотенныя команды, которыя по окончаніи Сѣверной войны тоже были распущены. Вскорѣ однако Петръ пожелалъ снова сформировать гусарскіе полки изъ сербовъ по образцу австрійскихъ, а также намѣревался учредить регулярныя гусарскіе полки, но начало этому роду кавалеріи положено было только въ 1714 году, когда рѣшено было содержать 4 гусарскихъ полка, каждый изъ 963 чел. въ 10 ротахъ.

Для мѣстной гарнизонной службы были сформированы въ 1723 году 10 *ландмилицкихъ* полковъ, изъ числа которыхъ 4 регулярныхъ, въ драгунскомъ составѣ, и 6 иррегулярныхъ, а въ 1736 г. ландмилицкіе полки образовали особый корпусъ войскъ (20 пол.) подъ названіемъ «украинскаго».

Въ началѣ царствованія Анны Ивановны особая коммиссія по пересмотру состоянія арміи представила соображенія (развитія Минихомъ) о необходимости введенія *кирасиръ*, вслѣдствіе чего предположено было учредить 10 кирасирскихъ полковъ; но на первое время преобразовано было только 3 драгунскихъ полка въ кирасирскіе и только въ 1756 году присоединено къ нимъ еще 3 полка.

Слѣдуетъ еще упомянуть, что въ 1721 году, для спеціальнаго образованія офицеровъ, былъ сформированъ (изъ Кроншлотскаго драгунскаго полка) *Лейбъ-режиментъ*, состоявшій изъ однихъ дворянъ. Это спеціальное его назначеніе продолжалось до 1730 года, когда онъ былъ переименованъ въ л. гв. Конный полкъ⁽¹³⁵⁾.

Вообще отъ Петра до Елизаветы штатный составъ, строй кавалеріи,

ея одежда и снаряженіе почти совершенно не измѣнились, но составъ по родамъ кавалеріи значительно осложнился. Петръ довольствовался почти исключительно лишь драгунами, какъ регулярной кавалеріей, пригодной для всякаго рода службы и боевой дѣятельности; съ теченіемъ же времени у насъ уже появляются гусары, кирасиры... конница односторонняя и введенная лишь по слѣпому подражанію западу. Гениальная простота организаціи Петра Великаго уже не могла удовлетворить послѣдовавшихъ за нимъ мелочныхъ организаторовъ и методиковъ.

Относительно организаціи и военнаго устройства казаковъ можно сказать, что, не смотря на нѣкоторыя черты, оно отличалось существенно въ различныхъ войскахъ. Такъ *донцы* вели жизнь болѣе кочевую нежели осѣдлую, и за занятія земледѣліемъ полагалось даже виновныхъ «бить до смерти». Кормились охотой, рыболовствомъ и особенно военною добычею. Но съ ходомъ времени, къ концу XVII ст., число поселеній и городовъ значительно увеличилось; важнѣйшимъ изъ послѣднихъ былъ Черкасскъ — мѣсто пребыванія войскаго управленія и сбора войсковыхъ круговъ. Всѣ общественныя дѣла обсуждались и рѣшались общимъ совѣтомъ въ «войсковыхъ кругахъ», большинствомъ голосовъ. Войсковой атаманъ стоя во главѣ управленія, лично не имѣлъ особой власти.

Въ походѣ казаки снабжались только сухарями; вооружались пищалями, кобелями и саблями, получая порохъ, свинець и проч. отъ Московскаго правительства. Походы ихъ были морскіе и сухопутные, причемъ отряды дѣлились на сотни и пятидесятки, подъ начальствомъ есауловъ, сотниковъ и пятидесятниковъ и подъ главнымъ начальствомъ походныхъ атамановъ — всѣ эти лица выбирались передъ походомъ. Казаки образовали пѣхотныя и конныя части, одинаково искусно дѣйствуя въ томъ и другомъ строѣ. Нападенія они предпочитали производить ночью, внезапно, причемъ дѣйствовали *лавою* — длиннымъ разомкнутымъ строемъ, съ сомкнутыми поддержками, охватывая непріятеля съ фланговъ и тыла; за первую лавою слѣдовала другая и т. д., пока непріятель не былъ утомленъ и разстроенъ, послѣ чего уже дѣлался жертвой казаковъ. Если вмѣстѣ съ конницей дѣйствовала пѣхота, то она съ артиллеріей располагалась въ центрѣ боеваго порядка, а конныя части образовали крылья. Пѣхота при атакѣ стрѣляла залпами, а затѣмъ бросалась въ коня. Для переправы черезъ рѣки, казаки владѣли сѣдла и вьюки на «саляхъ» (связанные пучки камыша), которые привязывали къ хвостамъ лошадей, а сами, держась за гривы послѣднихъ, переплывали вмѣстѣ съ ними. Если непріятель внезапно нападалъ на казаковъ и окружалъ ихъ, то они свѣшивались, собирались въ кучи и отстрѣливались изъ-за лошадей и изъ пущекъ.

Морскіе походы предпринимались на небольшихъ, легкихъ «бударахъ», на которыхъ казаки смѣло пускались въ Черное море, нападали на большіе корабли съ пушками, брали ихъ на абордажъ, разоряли прибрежныя города и поселенія и возвращались часто съ большою добычею.

Въ сношеніяхъ между собою были честны и гнушались воровствомъ; храбрость считали первою добродѣтью, а измѣну, трусость, убійство между собою карали «сажаніемъ въ воду», т. е. потопленіемъ.

Малороссійскіе казаки, со времени Богдана Хмельницкаго, имѣли слѣдующее устройство. Все войско состояло изъ 34 полковъ, каждый изъ которыхъ, составляя особый округъ, носилъ названіе главнаго города или особенно замѣчательнаго мѣста. Въ полковомъ городѣ имѣли пребываніе полковникъ, старшины и полковая канцелярія. Число сотенъ въ полкахъ было неодинаковое, причемъ каждая сотня носила названіе города или мѣстечка, въ которомъ была расположена ея сотенная квартира, и заключала въ себѣ нѣсколько селъ и деревень,

раздѣленныхъ на *курени*. Въ каждомъ изъ куреней находилось нѣсколько *выборныхъ* казаковъ и ихъ *подпомощниковъ*; первыми назывались тѣ казаки, которые имѣли собственную «муницию», т. е. одежду, снаряженіе и вооруженіе; вторыхъ же составляли бѣдные казаки, снаряжавшіеся на службу такимъ же образомъ съ помощью трехъ или болѣе дворовъ каждый. Число выборныхъ и подпомощниковъ въ сотняхъ было неодинаково: первыхъ 100—200 и болѣе; вторыхъ—до 1000 и болѣе. Сначала выборнымъ казакамъ производилось годовое жалованье, но впоследствии внутри границъ они обязаны были служить на собственномъ иждивеніи, а за границею получали продовольствіе и фуражъ.

Въ мирное время выборные казаки содержали кордоны на границѣ, а подпомощники исправляли пѣшую и конную внутреннюю службу и находились при сотенныхъ и полковыхъ квартирахъ для посылокъ. Главная и полковая артиллерія снабжалась прислугой изъ казаковъ.

Изъ вольныхъ охотчихъ людей содержались *огочеконные* или *компанейскіе* полки (сначала 5, а потомъ 3 пятисотеннаго состава). Кромѣ конныхъ казачьихъ полковъ были и пѣшіе, извѣстные подъ названіемъ *сердюковъ*; набирались они, по видимому, не только изъ казаковъ, но и изъ другихъ свободныхъ людей и получали жалованье. Для охраненія гетманскаго знамени («вадворная корога») находилась особая конная стража, содержимая на счетъ войскового скарба. Такимъ образомъ, въ XVII ст. малороссійское войско имѣло болѣе правильное и выработанное устройство нежели донскіе казаки. Весьма своеобразное устройство имѣли *запорожскіе казаки*, образовавшіе двѣ различныя общины: запорожскую или Сѣчь и хутора или зимовники. Въ сѣчи жили только холостые казаки, занимавшіеся преимущественно войною, а въ хуторахъ семейные, извѣстные подъ названіемъ украинскихъ, имѣвшіе устройство почти такое, какъ и малороссійскіе казаки, чѣмъ рѣзко отличались отъ сѣчевиковъ. Послѣдніе пополнялись изъ Россіи, Малороссіи, Польши, Германіи, Франціи, Италіи, даже Турціи и Крыма, лишь бы такой выходецъ исповѣдывалъ православную вѣру. Въ «Сѣчи» устроено было 38 куреней, а въ ея, въ послѣднее время, 8 паланокъ или военныхъ круговъ—четыре по лѣвую и четыре—по правую сторону Днѣпра, съ нѣсколькими тысячами зимовниковъ. Курени (жилища, отъ слова курить или дымить), выбирали каждый своего *куреннаго атамана*. Главное начальство, а также предводительство въ походахъ принадлежало становому или «*кошевому*» атаману, избираемому всѣми запорожцами и въ отсутствіи котораго въ Сѣчи оставались «наказные» атаманы. Кромѣ атамановъ были старшины, войсковые: судья, писарь, есауль, подписарь, подьесауль, доубынь или литавщикъ (призывавшій на «раду» или совѣтъ); артиллеріею начальствовали «пушкаръ». Главными походами запорожцевъ были рѣчные и морскіе, когда они на выстроенныхъ ими утлыхъ ладьяхъ или чайкахъ (длиною 60 ф., шириною до 12 ф., глубиною 12 ф.), вооруженныхъ фальконетами, отрядами въ 4—5 т. чел. смѣло пробирались, не смотря на турецкую стражу, и пускались по открытому морю къ берегамъ Анатоліи или Европейской Турціи, производили тамъ грабежи и опустошенія и затѣмъ возвращались съ несмѣтною добычею въ Сѣчь. Неудачи, которыя они иногда терпѣли—чаще отъ стихій природы, нежели отъ врага—никогда не останавливали ихъ смѣлыхъ предпріятій. Запорожцы также воевали на сухомъ пути, какъ конными, такъ и пѣшими, причемъ, владѣя отлично пищалями, отличались особенно при оборонѣ таборовъ, когда сотня запорожцевъ смѣло отбивалась отъ тысячи поляковъ и татаръ. Въ открытомъ полѣ они не отличались такою стойкостью. Двигаясь по степи, казаки переходили ее въ таборѣ, т. е. между двумя рядами телѣгъ, замыкаемыхъ спереди и сзади 8—10 повозками; сами же съ дротиками, пищалями и косами, шли посреди табора, имѣя лучшихъ всадниковъ внѣ его. Кромѣ того во всѣ четыре стороны, вереты на двѣ, высылалось по казаку для наблюденія. По словамъ Боплана казаки отли-

чались крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, легко переносили голодъ и холодъ, зной и жажду, на войнѣ были неутомимы, отважны и храбры, чрезвычайно мало дорожа жизнью. Въ мирное время главнымъ занятіемъ ихъ были охота и рыбная ловля, но между ними имѣлись и отличные ремесленники.

Иногда нѣкоторые изъ сѣчевиковъ увольнялись въ зимовники, гдѣ часть ихъ составляла стражу и защиту «паланокъ», а другіе, освобожденные отъ «товарищества» и ставъ «осадчими» (осѣдлыми), занимались хлѣбопашествомъ и проч. Ихъ называли «посполитыми людьми» или городскими казаками. Но они продолжали состоять въ вѣдѣніи войскового товарищества, внося въ Сѣчь небольшой оброкъ и участвуя въ разныхъ общественныхъ повинностяхъ. Если же запорожець совершенно покидалъ войско, то получалъ свидѣтельство объ увольненіи его «изъ коша войска Запорожекаго низоваго» и тогда совершенно освобождался отъ всякой къ нему завѣсности (135).

Вообще въ технику снаряженія кавалеріи было весьма мало усовершенствованъ, вотъ причина что и образъ ея дѣйствія въ бою остался почти тотъ-же. А такъ какъ понятія объ употребленіи пѣхоты, съ быстрымъ улучшеніемъ ея техники, сдѣлало значительные шаги впередъ, то кавалерія постепенно теряетъ болѣе и болѣе свое значеніе до реформъ, произведенныхъ въ ней Фридрихомъ.

Въ вѣкъ Людовика XIV и даже до 1776 г. нормальнымъ строемъ кавалеріи былъ трехшереножный, причемъ 3-я шеренга назначалась для разсыпнаго дѣйствія и для дѣйствія на фланги. Дистанціи между шеренгами доходили до 6 шаговъ. Интервалы между эскадронами были различны и иногда равнялись протяженію фронта, хотя Пюйсежуръ полагаетъ ихъ всего въ $\frac{1}{4}$ фронта.

По французскому уставу командиръ эскадрона становился противъ середины его, имѣя крупъ лошади въ 1-й шеренгѣ. Субалтернъ-офицеры становились на флангахъ ротъ, ровнясь съ 1-й шеренгой. Два штабс-ротмистра располагались такъ, чтобы правѣ или лѣвѣ ихъ находилось по крайней мѣрѣ по 4 ряда. У австрійцевъ карабинерныя и конногренадерскія роты располагались на одномъ или на обоихъ флангахъ полка. Повороты дѣлались заѣздами по 4 во французской арміи (136) и по 3 въ прусской. Движеніе производилось часто въ шахматномъ порядкѣ.

Пальба въ кавалеріи производилась уже не такъ какъ прежде, т. е. шеренгами съ послѣдовательной ихъ смѣной, а всѣ три шеренги стрѣляли вмѣстѣ и затѣмъ шли въ атаку рысью; иногда, сближаясь шагъ съ нисолоетомъ въ рукахъ и, выстрѣливъ, брались за палаши и сабли. Гусары дѣйствовали по казацки, располагаясь на флангахъ регулярной кавалеріи. При спѣшваніи, по австрійскому уставу, въ каждомъ взводѣ драгунъ оставались не болѣе 3—4 человекъ, причемъ лошади батовались. Драгуны тщательно обучались стрѣльбѣ и нерѣдко въ этомъ искусствѣ превосходили пѣхоту. Иногда спѣшивались не только драгуны, но и кирасиры. Противъ турокъ и татаръ, австрійскіе кавалеріи

лерійскіе полки строили *конное каре* и производили пальбу полусеренгами съ фасовъ (127).

Не смотря на уставы XVII и XVIII столѣтій, протесты многихъ военныхъ людей, съ успѣхомъ дѣйствовавшихъ съ кавалеріею исключительно ударомъ, и на Карла XII, приучившаго кавалерію къ атакамъ холоднымъ оружіемъ, въ европейскихъ арміяхъ до Фридриха II оставались при убѣжденіи, что кавалерія главнымъ образомъ должна дѣйствовать огнестрѣльнымъ оружіемъ; атаки же холоднымъ оружіемъ—дѣло второстепенное. Въ западной Европѣ только французская кавалерія, и въ особенности лучшая ея часть—кавалерія «королевскаго военнаго дома», сохранила любовь и смѣлость къ пылкимъ атакамъ. (128) Но вообще нужно замѣтить, что кавалерія западно-европейскихъ народовъ далеко уступала восточнымъ, венгерской, польской, русской и особенно шведской, не полагавшимся на огнестрѣльное оружіе и дѣйствовавшихъ энергически холоднымъ.

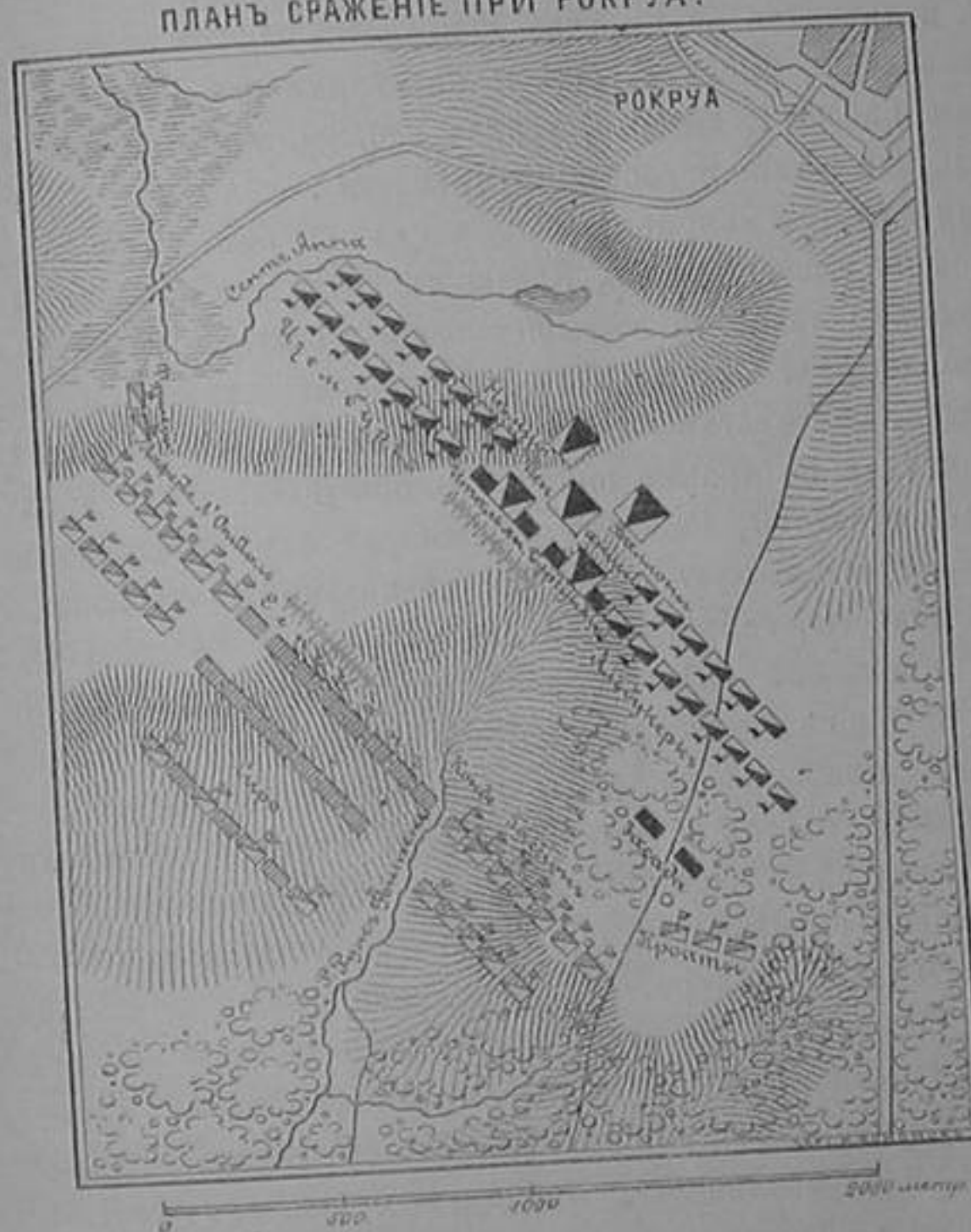
Карль XII обращалъ самое тщательное вниманіе на свою кавалерію, искусно пользовался ею въ дѣлахъ и проложилъ путь для улучшеній, сдѣланныхъ впоследствии Фридрихомъ Великимъ и Зейдлицемъ. Пылкій характеръ Карла XII побуждалъ его бросаться въ атаку во всю прыть коней. Его необузданная энергія не могла допустить медленнаго вѣлаго наступленія, сопровождаемаго медленной, методичной стрѣльбой изъ карабиновъ и пистолетовъ. Атака въ штыки пѣхотою и съ саблею на голо кавалеріею—таковъ былъ его идеаль. Онъ безусловно воспретилъ своей конницѣ носить какое-бы то ни было предохранительное оружіе, чтобы тѣмъ самымъ дать ей возможную подвижность и выносливость; точно также строгойше было воспрещено употребленіе огнестрѣльнаго оружія въ конномъ строю. Онъ водилъ свою конницу съ мечемъ въ рукѣ противъ кавалеріи, пѣхоты и окоповъ, прокладывая себѣ путь черезъ всевозможныя препятствія. Его пылкій духъ съ особенной энергіей проявлялся при преслѣдованіи разбитаго непріятели. Такъ, на примѣръ, онъ преслѣдовалъ отступавшихъ, подъ начальствомъ Шуленбурга, саксонцевъ впродолженіи 9 дней, почти не разсѣдывая лошадей и, настигнувъ ихъ при Саницѣ, смѣло повелъ атаку 2 полками на 10 тыс. саксонцевъ, проскакавъ черезъ пѣхоту, которая, спасаясь отъ его залета, бросилась на землю, угнавъ непріятельскую конницу съ поля сраженія, а затѣмъ возвратился, чтобы напасть на пѣхоту и артиллерію, которыя едва спаслись, пользуясь наступившей темнотою, подъ покровомъ которой порешили границу. Бой происходилъ исключительно на палашахъ. Карль XII обучалъ свою конницу маневрированію съ такою быстротою, которая до него была неизвѣстна. Говорятъ, что въ 1707 г. онъ заѣздилъ 2-хъ коней на полковомъ смотру—ясно какой онъ требовалъ подвижности отъ своей конницы (129).

Тѣмъ не менѣе примѣръ Карла XII нашелъ подражателя только въ Петрѣ Великомъ; въ прочихъ же западно-европейскихъ государствахъ

конница оставалась при усвоенномъ ею ложномъ способѣ дѣйствій. Только позже маршалъ Морицъ Саксонскій сталъ развивать болѣе правильный взглядъ на дѣйствія конницы въ бою, говоря (*Mes rêveries*), что кавалерія стрѣляющая съ коня будетъ разбита той, которая дѣйствуетъ холоднымъ оружіемъ. Атаку, по его мнѣнію, слѣдуетъ производить такъ: начавъ движеніе рысью, постепенно усиливать алжуръ, а затѣмъ въ 20 шагахъ отъ непріятели, по крику офицера: «ко мнѣ» — бросаться во весь опоръ въ сабли—движеніе это подобно молніи; такія упражненія должны производиться возможно чаще. Далѣе онъ прибавляетъ, что «эскадронъ, который не можетъ пройти во весь опоръ, съ сохраненіемъ сомкнутости. 2000 ш., не годенъ для войны».

Въ заключеніе рассмотримъ сраженіе при *Рокруа*, произошедшее 10 мая 1643 г., т. е. въ самомъ началѣ изслѣдуемой эпохи. Оно по-

ПЛАНЪ СРАЖЕНІЕ ПРИ РОКРУА.

служить намъ не характеристикой дѣйствій конницы въ вѣкъ Людовика XIV, а напротивъ—масштабомъ для оцѣнки того, въ какой мѣрѣ конница уклонилась въ эту эпоху отъ правильного пути ея боеваго совершенствованія, не смотря на столь блестящіе и свѣжіе образцы, какъ сраженіе при Рокруа.

Сражение это, въ которомъ необыкновенныя дарованія Конде нашли самое широкое приложеніе, принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ кавалерійскихъ битвъ всѣхъ временъ: въ немъ конница не ограничивается, какъ обыкновенно, лишь безплодными въ общемъ результатѣ схватками съ противопоставленной ей кавалеріей, а, одержавъ верхъ, бросается на обнаженный флангъ и тылъ пѣхоты, подготавливая и довершая окончательно разгромъ непріятеля. Такъ дѣйствовала обыкновенно конница величайшаго полководца—кавалериста Аннибала и другихъ знаменитыхъ вождей кавалеріи.

Испанская армія, состоявшая изъ 20 т. пѣх. и 8 т. конницы, подъ начальствомъ Дона Франциско де-Меласа открыла кампанію 1643 г. осадю Рокруа. Людовикъ XIII передъ своею кончиною поручилъ оборону сѣверной границы молодому герцогу Ангіенскому, принцу Конде. Прибывъ по назначенію, принцъ составилъ планъ для энергическихъ дѣйствій и двинулся на выручку Рокруа, съ собранными имъ 16 т. пѣх. и 7 т. кавалеріи, выславъ впередъ авангардъ изъ 2 т. коней подъ начальствомъ Гассіона, который успѣлъ собрать необходимыя свѣдѣнія о непріятельской арміи и состояніи крѣпости.

18 мая французская армія, въ числѣ 18 бат. и 32 эск., оставивъ позади обозы, выступила изъ Бассю къ Рокруа и около 8 ч. утра достигла подошвы лѣсистой возвышенности, доступны къ которой непріятель не наблюдалъ. Отсюда вели двѣ дороги: лѣвая—болотистая, правая—твердая. Армія остановилась на привалѣ, а Гассіонъ съ 1500 всадниковъ двинулся по правой дорогѣ. Выдвинувшись изъ лѣса и замѣтя непріятельскія ведеты, Гассіонъ опрокинулъ ихъ, прогналъ и увидѣлъ, наконецъ, непріятельскую армію въ нѣсколькихъ лагеряхъ. Получивъ объ этомъ извѣстіе, герцогъ двинулся на помощь Гассіону съ 2 т. всадниковъ и приказалъ спѣшить всей арміи, для перестроенія которой въ боевой порядокъ, подъ прикрытіемъ выдвинутой кавалеріи и части мушкетеровъ, приказалъ поставить жалонеровъ. Нѣсколько группъ легкихъ всадниковъ съ той и другой стороны открыли безплодную перестрѣлку. Между тѣмъ французская армія перестроилась постепенно въ боевой порядокъ слѣдующимъ образомъ: 15 баталіоновъ (800—900 чел. каждый) составляли центръ, 23 эскадрона (ок. 200 чел. каждый)—крылья для обезпеченія фланговъ, три эскадрона были поставлены уступомъ впереди праваго крыла, а два—противъ лѣваго; 12 орудій расположились въ одной батарее впереди пѣхоты; резервъ составленъ былъ изъ 3 батал. и 4 эскадроновъ. Конницею праваго крыла командовалъ Гассіонъ, лѣваго—Лаферте; резервомъ Сиро. Самъ герцогъ назначилъ себѣ мѣсто между пѣхотою и конницею праваго фланга, а маршалъ Л'Опиталь занялъ соответствующее на лѣвомъ.

Мѣстность поля сраженія представляла открытую поляну, исключая праваго фланга французовъ, гдѣ было нѣсколько перелѣсковъ, соединившихся съ большимъ лѣсомъ, доходившимъ до Мааса.

Испанская армія, силою 26—28 тыс., построилась тыломъ къ Рокруа, параллельно французской и въ разстояніи 1300—1400 ш. отъ нея. Расположеніе обѣихъ армій пересѣкалось въ серединѣ небольшой долиной, въ которой беретъ начало ручей Ружь-Фонтенъ. Въ центрѣ испанской арміи стала пѣхота, построенная въ 5 большихъ терцій въ 2 линіи. 105 конетовъ конницы, соединенные въ эскадроны, распределены были по флангамъ: 15 эск., подъ начальствомъ герцога д'Альбукерка, составили лѣвое крыло, 14 эскадр. графа Изембурга—правое; 18 большихъ орудій стали въ одной батарее впереди пѣхоты. Мелосъ, ставъ на правомъ флангѣ, приказалъ артиллеріи открыть огонь и не двигался впередъ. Послѣ часовой канонады, потерявъ отъ большихъ испанскихъ орудій нѣсколько сотъ человекъ, герц. Ангіенскій рѣшился начать атаку своимъ правымъ флангомъ и уже отдалъ воотвѣтствующія приказанія Гассіону, какъ вдругъ замѣтилъ замѣшательство на своемъ лѣвомъ флангѣ. Оказалось, что маршалъ Л'Опиталь, чтобы вступить скорѣе въ связь съ Рокруа, приказалъ Лаферте съ его конницей двинуться въ этомъ направленіи. Лаферте тотчасъ-же направился съ большею частью своей кавалеріи вокругъ пруда и далѣе къ Рокруа, но былъ атакованъ испанцами и съ большими потерями въ полномъ безпорядкѣ отброшенъ назадъ. Къ счастью французовъ Изембургъ не преслѣдовалъ Лаферте, а спокойно возвратился на свое мѣсто въ боевомъ порядкѣ. Съ наступленіемъ сумерекъ артиллерійская канонада прекратилась и бой затихъ; войска стали биваками на занятыхъ въ боевомъ порядкѣ мѣстахъ.

Ночью дезертиръ сообщилъ, что на слѣдующій день ожидается прибытіе подкрѣпленій и тогда предполагается атаковать французовъ, причемъ впереди лѣваго фланга испанцевъ, въ лѣсу, расположено 1000 мушкетеровъ въ засадѣ. Получивъ эти свѣдѣнія, герцогъ Ангіенскій приказалъ немедленно сдѣлать печальное нападеніе на засаду, что и было исполнено съ полнымъ успѣхомъ. Мушкетеры захвачены въ плѣнъ или истреблены до послѣдняго человека. На 19-е число приказано было Л'Опиталю съ лѣвымъ флангомъ войскъ поддерживать демонстративный бой, а самъ герцогъ долженъ былъ вести рѣшительную атаку своимъ правымъ флангомъ. Въ 3 ч. утра конница праваго крыла французовъ двинулась впередъ: Гассіонъ съ 7 эскадронами правѣе, въ обходъ лѣваго фланга испанцевъ, а герцогъ съ 8 эск. лѣвѣе. Ничего не зная о катастрофѣ постигшей засаду и увѣренные въ полной своей безопасности, испанскіе эскадроны едва успѣли сѣсть на коней, какъ показались французы Гассіона. Альбукеркъ сдѣлалъ перемѣну фронта на лѣво, но Конде ударилъ ему мгновенно въ правый флангъ и, послѣ непродолжительнаго сопротивленія, первая линія испанскихъ эскадроновъ была частью уничтожена, частью разсѣяна; вторая линія пыталась поправить дѣло, но была тоже опрокинута и разсѣяна.

Во время описанныхъ событій, въ центрѣ и на лѣвомъ флангѣ французовъ загорѣлся постепенно бой между мушкетерами и артиллеріей.

Лаферте выстроилъ свои эскадроны и, замѣтивъ отсутствіе непріятельской конницы лѣваго фланга (которая была отведена Изембургомъ назадъ), снова, вопреки приказанія, перевелъ свои эскадроны черезъ болото и двинулся противъ якобы открытаго фланга пѣхоты; но въ это время неожиданно появляется Изембургъ, атакуетъ Лаферте, опрокидываетъ и рѣшительно преслѣдуетъ. Часть нѣмецкихъ эскадроновъ завалась преслѣдованіемъ, но другую часть Изембургъ успѣваетъ собрать и несетъ съ ними на пѣхоту—мушкетеры опрокинуты и разсѣяны, а атакованная нѣмцами батарея попадаетъ вся въ ихъ руки. Л'Опиталь схватываетъ нѣсколько баталіоновъ и небольшое число конницы и ведетъ ихъ на батарею, успѣвая отбить одно орудіе. Но въ это время со стороны испанцевъ подоспѣла для атаки французскаго центра итальянская пѣхота; огонь всѣхъ 30 орудій направленъ противъ французовъ; 1-я ихъ линія начала отступать все быстрее и быстрее, такъ что Изембургъ сталъ уже подходить къ резерву Сиро. Такимъ образомъ, лѣвый флангъ французовъ былъ разбитъ, центръ отступилъ, вся артиллерія взята въ плѣнъ, Л'Опиталь раненъ, Лаферте въ плѣну... Между тѣмъ Конде, уничтоживъ Альбукерка и желая дать себѣ отчетъ въ положеніи дѣла, вскорѣ по многимъ признакамъ долженъ былъ убѣдиться въ критическомъ положеніи его лѣваго фланга и центра. Медлить было некогда. Оставивъ Гассіона съ нѣсколькими эскадронами для наблюденія за правымъ флангомъ, Конде съ остальными понесся противъ непріятельской пѣхоты, которая ничего не знала о пораженіи, понесенномъ Альбукеркомъ, и все вниманіе обратила впередъ на поддержку побѣдоносно наступавшихъ итальянцевъ. Конде внезапно и стремительно атаковалъ пѣхоту въ тылъ: часть ея бросилась влѣво, но наткнулась на Гассіона и кроатовъ и атакована ими, а другая въ безпорядкѣ побѣжала вправо. Въ тоже время и Сиро удержалъ свой резервъ отъ отступленія и приказалъ своимъ жандармамъ атаковать Изембурга, который былъ ими остановленъ. Видя стойкость Сиро, нѣкоторые изъ отступавшихъ французскихъ баталіоновъ остановились и пристроились къ резерву. Затѣмъ внезапное появленіе Конде во главѣ его побѣдоносныхъ эскадроновъ произвело чрезвычайное впечатлѣніе; Сиро, пользуясь этимъ, устраиваетъ 8 баталіоновъ и ведетъ ихъ на встрѣчу своему полководцу. Итальянцы, атакованные въ тоже время съ фланговъ конницею, начинаютъ безпорядочно отступать. Осталась одна терція испанцевъ, которая, потерявъ своихъ мушкетеровъ и своего начальника, стала медленно отступать, прикрывая и собирая вокругъ себя разбитыя части. Изембургъ тоже сталъ собирать тѣ эскадроны, которые еще могли принять участіе въ бою. Но въ это время собралась также часть шево-лежеровъ Лаферте. Взятый въ тиски ими совмѣстно съ эскадронами герцога Ангіенскаго, Изембургъ былъ совершенно разбитъ. Изъ всей арміи Мелоса осталась только одна испанская терція, построенная продолговатый четвероугольникъ и принимавшая въ свои ряды

остатки разбитой пѣхоты. Устроивъ свои баталіоны и эскадроны, Конде повелъ атаку. Какъ только французская конница приблизилась на хорошей выстрѣль, ряды испанцевъ разомкнулись, открывъ 18 жерлъ орудій; мушкетеры открыли огонь; масса картечи и пуль разстроила ряды храброй французской конницы. Нѣсколько разъ повторялись эти губительныя атаки. Наконецъ, Конде выдвигаетъ 4 орудія, изъ которыхъ можно было еще дѣйствовать; орудіямъ приказано было обстрѣлять каре, пѣхотѣ приготовиться къ атакѣ съ фронта; легкой конницѣ пристроиться слѣва, а Гассіону—ударить непріятелю въ тылъ.

Послѣдовавшая ожесточенная атака окончилась для французовъ полнымъ успѣхомъ. Испанцы лишились при Рокруа 8 т. убит., 6 т. плѣнныхъ, 24 орудій, множество знаменъ, штандартовъ и пр. Французы потеряли 2000 убитыми и значительное число ранеными. Крѣпость Рокруа была спасена.—Не много сраженій представляетъ военная исторія, въ которыхъ конница была бы съ такимъ искусствомъ употреблена, какъ французская при Рокруа, рѣшенномъ ея чрезвычайной энергіей, быстротой эволюцій и умѣлымъ направленіемъ. Только въ концѣ разсматриваемаго періода, у Карла XII и Петра Великаго встрѣчаемъ конницу, дѣйствующую столь-же энергически, искусно и въ истинно кавалерійскомъ духѣ (140).

в) Артиллерія.

Идеи Густава Адольфа объ употребленіи артиллеріи, какъ рода оружія, подготовляющаго и развивающаго успѣхъ дѣйствій пѣхоты и кавалеріи въ бою, были совершенно забыты; причиною того была малая подвижность орудій, составлявшихъ настоящее бремя для армій, отъ котораго желали по возможности освободиться. На этотъ родъ оружія мало было обращено вниманіе тогдашнихъ военныхъ людей; но въ концѣ XVII и началѣ XVIII столѣтій, и въ особенности въ срединѣ послѣдняго, многія преобразованія въ технической и въ особенноти въ матеріальной части, увеличили ея значеніе и мы уже видимъ, что она играетъ весьма важную роль, оказывая сильное вліяніе на успѣхъ дѣйствій въ бою.

Въ эпоху Тюрення, въ началѣ разсматриваемаго нами періода, артиллерія въ европейскихъ арміяхъ отличалась необыкновеннымъ разнообразіемъ калибровъ и величиною ихъ, лишавшею ея подвижности и потому возможности употребленія въ бою; раздѣленія на полевую, осадную и крѣпостную еще не существовало. Такъ во французской артиллеріи мы встрѣчаемъ въ полевой войнѣ 36 ф., 24 ф., 16, 12, 8 и 4 фунтовыя пушки; съ употребленіемъ гаубицъ французы познакомились только въ сраженіи при Неервинденѣ, гдѣ они захватили нѣсколько у австрійцевъ. Калибры и роды оружія у послѣднихъ были еще разнообразнѣе. Такъ у нихъ существовали еще въ концѣ XVII ст. длинныя и тяже-

лая полевая плавни и *фальконеты* 16, 8, 4 и 2 ф., *картауны* 24, 12, 6 и 3 ф., *лаубины*, стрѣлявшія отъ 48 до 12 ф. гранатами, каменными ядрами и картечью, *органныя орудія* (*Orgelgeschütze*), состоявшія изъ многихъ стволовъ, до 50 даже, на одномъ станкѣ; въ большемъ употребленіи бы *цѣпными ядра* (141). Вообще не существовало еще никакихъ правильныхъ понятій объ отношеніи вѣса орудій къ вѣсу снаряда, заряда къ вѣсу снаряда; не было никакихъ постоянныхъ научныхъ правилъ для приѣмки орудій и снарядовъ.

Лафеты были тяжелы и неповоротливы; подъемныхъ механизмовъ еще не существовало. Прислугу при орудіяхъ составлялъ особый цехъ пушкарей, безъ всякаго привилегіаго устройства, со многими правами и привилегіями. Перевозка орудій дѣлалась наемными лошадьми, для чего правительство обыкновенно заключало контракты съ подрядчиками на поставку известнаго числа лошадей предъ началомъ кампаніи. Подобная система вела ко множеству затрудненій, организація артиллеріи требовала продолжительнаго времени, а потому артиллерія выступала въ походъ позднее другихъ родовъ войскъ и часто опаздывала въ сраженіе, не была способна къ маневрированію и часто случалось, что наемные фурлейты, не привыкшіе къ огню, бѣжали съ поля сраженія, и въ случаѣ если пѣхота и кавалерія бывали сбиты, то артиллерія доставалась въ руки непріятеля. По малой своей подвижности она не иначе передвигалась въ бою, какъ на лямкахъ. Потому то обороняющійся и имѣлъ въ этомъ отношеніи выгоды передъ наступающимъ, что могъ располагать большимъ количествомъ артиллеріи. Нечего и говорить, что кавалеріи никогда не придавалась орудій (142).

Въ прикрытіе къ артиллеріи назначались всегда отборныя войска; во Франціи это была привилегія швейцарцевъ, по тогдашнимъ понятіямъ лучшей пѣхотѣ въ Европѣ. Артиллерія, раздѣлявшаяся на бригады, располагалась обыкновенно такимъ образомъ, что самыя тяжелыя орудія помѣщались въ центрѣ пѣхоты, легкія по флангамъ; передки и зарядные ящики—за боевыми линіями и по преимуществу за закрытіями.

Людовику XIV принадлежитъ честь многихъ важныхъ усовершенствованій въ матеріальной части артиллеріи. Въ первой половинѣ XVII ст. артиллерія еще не была родомъ оружія въ собственномъ смыслѣ слова. Всѣ должности были временныя и все носило характеръ случайности; званіе артиллерійскаго офицера не заключало въ себѣ ничего военнаго. Артиллерійскихъ войскъ не существовало: прикрытіе орудій и ихъ защита ввѣрялись отборнымъ частямъ пѣхоты. Перевозка орудій и припасовъ поручалась частнымъ предпринимателямъ. Эта система не могла не обратить на себя вниманіе Лувуа и онъ въ 1671 г. сформировалъ роту *канонировъ*, а затѣмъ векорѣ прибавилъ къ нимъ роту *саперъ* и двѣ роты *рабочихъ*—такъ создается знаменитый полкъ, назначавшійся исключительно для службы при артиллеріи. Такъ какъ онъ пер-

вый изъ всей пѣхоты вооруженъ былъ вмѣсто прежняго мушкета ружьемъ со штыкомъ, то и названъ *фузилернымъ полкомъ короля* (*régiment des fusiliers du roi*) *). Численность его быстро увеличивалась и въ 1677 году онъ состоялъ уже изъ 41 роты, образовавшихъ 6 баталіоновъ. Преобразованный въ 1693 г., онъ получилъ названіе королевскаго артиллерійскаго полка (*régiment royal d'artillerie*) силою съ офицерами болѣе 5000 чел., назначавшихся для прислуги при пушкахъ и гаубицахъ; для дѣйствія изъ мортиръ въ 1864 г. сформированъ былъ *королевскій бомбардирскій полкъ* (*régiment royal des bombardiers*) (143) численностью около 1200 чел.

Первоначально служба *régiment royal des fusiliers* заключалась частью въ прикрытіи орудій, частью въ охраненіи наемныхъ фурлейтовъ; во потомъ онъ образовалъ собою личный составъ артиллеріи. *Régiment royal d'artillerie* пользовался многими преимуществами и между прочимъ былъ *à prévôté*, т. е. пользовался правомъ собственнаго суда, тогда какъ другіе полки подчинены были суду *grand prévôt de l'armée*. Число артиллеріи въ арміяхъ королевскихъ значительно увеличивается; въ сраженіи при Флерусѣ дѣйствуетъ уже 100 ор., при Мальплаке 80 ор.

Для доставленія матеріальной части артиллеріи образованы были во Франціи многіе арсеналы, помѣщавшіеся преимущественно по крѣпостямъ (144).

Къ концу царствованія Людовика XIV артиллерійскій корпусъ имѣлъ полное правильное устройство.

Для теоретическаго образованія учреждены были артиллерійскія школы, первыя въ Дуэ въ 1674 и въ Монтебанѣ.

Техника артиллерійская сдѣлала не малый шагъ впередъ. Кегорномъ изобрѣтены маленькія мортирки, подъ его именемъ вошедшія въ употребленіе въ полевой войнѣ; рикошетные выстрѣлы изобрѣтены Вобаномъ при осадѣ Ата 1697 г.; картечь замѣнила бросаніе камней изъ гаубицъ. При отливкѣ орудій употребляютъ въ надлежащей пропорціи мѣдь, олово и латунь, причемъ отливка производится съ готовымъ каналомъ. Георгія баллистики получаетъ основанія, благодаря открытію Галилеемъ законовъ дѣйствія тяжести и составленія движеній. Блондель, пользуясь этими открытіями, составилъ правила для стрѣльбы бомбами; по практики предпочитали эмпирическіе выводы заключеніямъ нарождавшейся теоріи. Между тѣмъ незнакомство съ теоріею движенія снарядовъ было вредно для практики. Такъ С. Реми, описавшій подробно все, относившееся до французской артиллеріи его времени, указываетъ только два способа при-

* Механизмъ названный *fusil*, т. е. огниво, далъ свое названіе новому роду оружія. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что самъ Людовикъ XIV сначала строго запрещалъ употребленіе новаго оружія на войнѣ и даже грозилъ смертною казнью тѣмъ солдатамъ, которые предпочтутъ ружье мушкету.

цѣливанія: по тѣлу орудія и подъ угломъ въ 45° . Въ самомъ концѣ разсматриваемаго періода Белидоръ издалъ таблицы, въ которыхъ были показаны дальности бомбъ при различныхъ зарядахъ и углахъ возвышенія мортиръ.

Полигоны для практическаго образованія артиллеріи были устроены въ началѣ XVIII ст. Названіе ихъ обуславливалось тѣмъ, что на избранномъ мѣстѣ возводили фортификаціонную постройку, фронтъ которой имѣлъ видъ полигона.

Не смотря на разстройство матеріальной части артиллеріи послѣ смутнаго времени, уже въ половинѣ XVII стол. въ Россіи (безъ Москвы и др. мѣстъ) имѣлось до 2730 орудій, что показываетъ какими обширными средствами до—петровская Русь располагала для обезпеченія своей артиллеріи матеріальною частью. Положительныхъ правилъ относительно назначенія калибровъ и конструкціи орудій не существовало — все зависѣло отъ произвола мастера. Поэтому родовъ орудій и калибровъ было чрезвычайно много. Можно впрочемъ отличить четыре главные типа орудій древней нашей артиллеріи: 1) типъ *пищалей* для прицѣльной стрѣльбы, 2) типъ пушекъ *верховыхъ* или *можжиръ* (т. е. мортиръ) для навѣснаго дѣйствія, 3) дробовые *тюфяки* и пушки для стрѣльбы дробомъ, т. е. картечью и 4) *ораны*, т. е. скорострѣльные орудія для непрерывной учащенной стрѣльбы. Впрочемъ на практикѣ не было иногда существеннаго отличія между орудіями той и другой категоріи. Всѣ эти орудія, при всей затѣйливости ихъ отдѣлки, были неуклюжи и тяжелы. Орудія изготовлялись изъ желѣза, чугуна и бронзы.

Что касается нарѣзныхъ орудій, то хотя нѣмцы и англичане оспариваютъ другъ у друга честь этого изобрѣтенія, но по всей справедливости оно принадлежитъ Россіи. Мы владѣемъ образцами въ этомъ родѣ относящимися къ началу и половинѣ XVII столѣтія, а древнѣйшіе образцы западно-европейскіе не выходятъ ранѣе конца XVII столѣтія. Точно также впервые въ Россіи появилось сочиненіе, въ которомъ высказанъ и развитъ былъ правильный взглядъ на значеніе опредѣленнаго вращательнаго движенія въ воздухѣ выстрѣленныхъ снарядовъ. Трудъ этотъ принадлежитъ профессору С.-Петербургской академіи наукъ Югану-Георгу Лейтману, который въ 1728—1729 г. представилъ на латинскомъ языкѣ двѣ записки, заключающія въ себѣ ученый трактатъ о нарѣзныхъ ружьяхъ и продолговатыхъ снарядахъ. Идея опередила время, какъ и въ вопросѣ о сзадизаряжающихся ружьяхъ, и не получила надлежащаго развитія⁽¹¹⁵⁾.

Снаряды *сплошные*: ядра каменные, желѣзные, чугуныя, свинцовыя и дробь (картечь). Каменные ядра появились ранѣе другихъ и оставались въ употребленіи еще въ XVII столѣтіи (въ особенности для мортиръ). *Жельзные* и *чугунныя* ядра были весьма разнообразны, начиная отъ небольшой пули и кончая 24 ф.

Стрѣльба раскаленными металлическими снарядами была также известна намъ въ древности (напр. подъ Ревелемъ въ 1550 г.)^{*}.

Употребленіе картечи известно съ глубокой древности даже до изобрѣтенія огнестрѣльных орудій; она была въ видѣ каменной картечи и дроба изъ рубленныхъ кусковъ желѣза, свинца и т. п. Но еще въ XVI ст. у насъ было известно употребленіе настоящей картечи, т. е. собраніе пуль, заключенныхъ въ металлическую оболочку.

Разрывные снаряды—гранаты встрѣчаются у насъ около половины XVII столѣтія, причемъ калибръ ихъ поражалъ иностранцевъ, утверждавшихъ, что такихъ большихъ снарядовъ они не видѣли въ своихъ странахъ. *Зажигательные* снаряды у насъ уже употреблялись въ началѣ XVI столѣтія. Конструкція ихъ была сходна съ западно-европейской. Наконецъ *свѣтящіеся* снаряды известны намъ не въ остаткахъ старины, а только по описаніямъ въ старинныхъ артиллерійскихъ сочиненіяхъ.

Что касается *личнаго состава* артиллеріи, то со временъ Іоанна Грознаго сословіе пушкарей является привилегированнымъ съ известными правами. Кромѣ службы при орудіяхъ пушкари занимались развозкой пороха, употреблялись на различныя посылки, служили писарями въ съѣзжихъ избахъ, а также занимались различными ремеслами. Непосредственно при нарядѣ (артиллеріи) служили еще затянщики при пищаляхъ (малокалиберныя орудія, стрѣлявшія пулями; названіе ихъ производятъ отъ слова «тынъ»), воротники—оберегавшіе городскія ворота, кузнецы, гранатчики, плотники и сторожа съ рассыльщиками. Искусство свое пушкари повидимому усваивали наслѣдственнымъ путемъ, на службѣ. Сохранились извѣстія, что уже при Іоаннѣ Грозномъ ежегодно въ Москвѣ производился смотръ пушкарямъ; очевидецъ одного изъ подобныхъ смотровъ, англичанинъ Дженкинсонъ, такъ описываетъ произведенную стрѣльбу: «за нѣсколько дней до смотра въ полѣ, за предмѣстьемъ Москвы, было установлено два прочныхъ деревянныхъ набитыхъ землею сруба, до 30 футовъ толщиною, передъ которыми находилось 2 бѣлыхъ мишени; царю со свитою было также устроено особое помѣщеніе, откуда можно было слѣдить за результатами дѣйствія снарядовъ. Вся паличная артиллерія, находившаяся въ Москвѣ, была вывезена на мѣсто стрѣльбы, установлена передъ срубами и наведена на нихъ, а затѣмъ 12 декабря былъ произведенъ и самый смотръ. Послѣ окончанія стрѣльбы пищальниками, т. е. ружейной, наступила очередь артиллеріи. Орудія сдѣлали залпъ греческимъ огнемъ (зажигательными снарядами?), что представляло очень эффектный видъ, и начали дѣйствовать по деревяннымъ срубамъ; сперва стрѣляли пушки малыхъ калибровъ, такъ что

^{*} Что, впрочемъ, не мѣшало Ивану Грозному за употребленіе этихъ же снарядовъ Баторіемъ писать ему: «воюешь не мечемъ, а предательствомъ» и называть этотъ снарядъ «изобрѣтеніемъ новымъ и безчеловѣчнымъ».

въ теченіи первой очереди огонь прошелъ по всей линіи, постепенно переходя все къ большимъ и большимъ орудіямъ; потомъ послѣдовала перерывъ для новаго заряженія и произведена была тѣмъ же порядкомъ вторая очередь; къ концу третьей оба сруба не существовали, хотя и были очень крѣпко сдѣланы». Конечно, поучительность подобной стрѣльбы была не особенно велика, но извѣстно, что еще относительно очень недавно способ производства практической стрѣльбы въ артиллеріи по существу не многимъ отличался отъ вышеописаннаго. Во всякомъ случаѣ сила дѣйствія артиллеріи была весьма значительна, если принять въ соображеніе, что былъ совершенно сбитъ срубъ около 4 сажень въ поперечникѣ, набитый землею. Въ послѣдующее время практическая стрѣльба артиллеріи тоже производилась, а отъ 1672 года сохранился документъ съ описаніемъ стрѣльбы такой же, какъ выше сообщено. Изъ этого описанія видно, что на стрѣльбѣ участвовали, какъ осадная, такъ и полевая артиллерія, а самая стрѣльба производилась отдѣльно сплошными и разрывными снарядами.

Что касается организациіи нашей древней артиллеріи, то прежде всего встрѣчаемъ раздѣленіе орудій, по ихъ боевому назначенію, на крѣпостныя, осадныя и полковыя (полевые). Русская осадная артиллерія, бывшая съ Шейномъ подъ Смоленскомъ (1632—1634 г.), возбуждала удивленіе иностранцевъ неслыханными размѣрами орудій.

Относительно *полковыхъ орудій*, слѣдуетъ упомянуть, что терминъ этотъ часто встрѣчается еще въ XVI столѣтіи, но неизвѣстно подразумевались ли подъ ними лишь просто легкія орудія или такія, которыя принадлежали непосредственно полкамъ.

Съ половины XVII столѣтія роль полковыхъ орудій опредѣляется уже въ непосредственномъ значеніи этого слова, и мы знаемъ, что полки новообразованной конницы, а равно и солдатскіе, имѣли свою полковую артиллерію. Сверхъ того при такъ называвшемся разрядномъ шатрѣ, или при начальникѣ корпуса, состояло около 10 орудій 6 и 8 ф. калибра, что называлось большимъ полковымъ нарядомъ. Въ виду этого вообще трудно рѣшить окончательно вопросъ была-ли полковая артиллерія впервые организована Густавомъ Адольфомъ и не появилась-ли она раньше у насъ (146).

Еще въ концѣ XVI стол. Флетчеръ писалъ: «ни одинъ изъ христіанскихъ государей не имѣетъ такого хорошаго запаса военныхъ снарядовъ какъ русскій царь, чему отчасти можетъ служить подтвержденіемъ Оружейная палата въ Москвѣ, гдѣ стоятъ въ огромномъ количествѣ всякаго рода пушки, всѣ литыя изъ мѣди и весьма красивыя.... Русскій солдатъ, по общему мнѣнію, лучше защищается въ крѣпости, нежели сражается въ открытомъ полѣ. Это замѣчено во всѣхъ войнахъ, и именно при осадѣ Пскова, гдѣ польскій король, Стефанъ Баторій, былъ отраженъ со всею его арміею, состоявшею изъ 100,000 челов., и вынужденъ, наконецъ, снять осаду» (147). При осадѣ Вендена въ 1578 г.,

когда, въ виду подошедшей къ неприятелю помощи, воеводы рѣшили отступить изъ своего укрѣпленнаго лагеря и бросить орудія,—не всѣ послѣдовали ихъ примѣру. Московскіе пушкаріи, съ горстью другихъ храбрецовъ, рѣшились остаться у своихъ орудій и встрѣтить неприятеля съ оружіемъ въ рукахъ; когда же на другой день литовцы и шведы ворвались въ укрѣпленіе, то пушкаріи, на глазахъ торжествовавшаго врага, повѣсили на своихъ собственныхъ пушкахъ (148) Послѣдующія времена представляютъ намъ не мало примѣровъ, указывающихъ, что наши пушкаріи превосходили въ то время западно-европейскихъ наемниковъ—ремесленниковъ своею нравственною доблестью.

Петръ Великій, преобразовывая русскую армію, не могъ оставить безъ вниманія и такой важной ея составной части, какъ артиллерія. По обыкновенію онъ началъ самъ съ изученія дѣла во всѣхъ его подробностяхъ. Первоначальныя свѣдѣнія онъ пріобрѣлъ еще въ дѣтствѣ, при забавахъ съ пушками, а затѣмъ подъ руководствомъ Франца Тиммермана. Но этими элементарными, отрывочными знаніями онъ не могъ довольствоваться и усердно продолжалъ занятія за границей, получивъ, наконецъ, въ 1698 году, въ Кенигсбергѣ, отъ бранденбургскаго подполковника свидѣтельство, что, обучаясь ежедневно теоріи и практикѣ артиллерійскаго дѣла, пріобрѣлъ такія свѣдѣнія, что «вездѣ за исправнаго, осторожнаго, благоискуснаго и безстрашнаго огнестрѣльнаго мастера и художника признаваемъ и почитаемъ быть можетъ». На ряду съ этимъ были отпращены молодые люди для изученія артиллерійскаго искусства (въ томъ числѣ и будущій первый русскій фельдцейхмейстеръ, царевичъ Александръ Арчиловичъ Имеретинскій). Такимъ образомъ, къ началу XVIII стол. у насъ обнаруживаются стремленія къ усовершенствованію и развитію артиллерійскаго дѣла. Петръ взялся за дѣло самымъ рациональнымъ способомъ: прежде всего съ тщательнаго изученія дѣла и выработалъ себѣ правильный взглядъ на артиллерію, вѣрныя идеи относительно ея устройства; но поставленныя имъ требованія далеко не выполнялись или выполнялись съ вредными отступленіями, уклоняя развитіе артиллеріи по ложному пути. Нарвскій погромъ 1700 года далъ только возможность радикальнаго преобразования матеріальной части, но не онъ его вызвалъ—необходимость такого преобразования сознавалась еще ранѣе. Главнымъ сотрудникомъ Петру, весьма энергичнымъ, но не особенно искреннимъ, былъ думный дьякъ Андрей Виніусъ, получившій послѣ плѣна подъ Нарвой кн. Имеретинскаго титулъ «надзирателя артиллеріи». Дѣло въ его рукахъ подвигалось быстро; матеріаль, въ видѣ старой колокольной и пушечной мѣди, подвозился въ Москву не только въ достаткѣ, но и съ избыткомъ, и менѣе чѣмъ въ годъ отлито 300 пушекъ, мортиръ и гаубицъ; а именно: пушки 24 ф., 18 ф., 12 ф., 6 ф., 3 ф.; гаубицы 1 пуд., 1/2 пуд.; мортиры 9 пуд., 1 пуд. Въ терминологіи новыхъ орудій происходитъ измѣненіе: они получаютъ названія по калибрамъ, а прежнія собственныя имена орудій исчезаютъ. Это, конечно,

выражало собою идею установления известных норм для калибров орудий, т. е. ограничивало прежний произвол мастеров, действовавших по своему усмотрению. Вообще Петр много стремился к укрощению и установлению единообразия в материальной части его артиллерии; так он издавал строгие указы, чтобы изготовляемые предметы «ни чертою болѣе или менѣе назначеннаго были», ограничено было число калибров и составлена в 1707 г. генераль-фельдцейхмейстером Брюссом артиллерийская шкала*). Но на практикѣ предписанія Петра далеко строго не соблюдались и орудія облегалась, утяжелялись, укорачивались или удлинялись безъ всякой связи съ результатами опытовъ. Точно также Петръ чрезвычайно заботился «о скоромъ вожденіи пушекъ», т. е. о подвижности артиллеріи, но этого трудно было достигнуть вслѣдствіе прежде всего того произвола въ конструкціи орудій, который, какъ упомянуто, существовалъ на практикѣ; кромѣ того лафеты были весьма несовершенны, оглобальной системы. При такихъ условіяхъ понятно донесеніе Голицына въ 1705 г., что: «артиллерію невозможно съ мѣста сдвинуть, потому что всѣ станки и телѣги очень дурно сдѣланы и желѣзомъ дурно окованы, очень стары и негодны». Петру приходилось упрекать Шереметева, что онъ сражается «старымъ обычаемъ», т. е., бросая позади оставшую артиллерію, что приводитъ иногда къ неудачѣ, а между тѣмъ нашъ полководецъ не могъ справиться съ неподвижностью своей артиллеріи, которая не поддавалась «скорому вожденію».

Полевая артиллерія описываемаго времени представляла «движимый арсеналъ и магазинъ войска», что отчасти указываетъ степень ея удобоподвижности. Этотъ «магазинъ» заключалъ въ себѣ множество телѣгъ, роспусковъ, ящиковъ и разнообразныхъ орудій. Хотя калибры полевыхъ орудій часто измѣнялись, но можно принять нормальными слѣдующіе: пушки 12 ф., 8 ф., 6 ф. и 3 ф.; гаубицы 1 пуд. и 1/2 пуд.; мортиры 2 пуд., 1 пуд. и 6 ф. При этомъ, напримѣръ, 12 ф. пушка съ лафетомъ и передкомъ вѣсила 149 пуд. и перевозилась 15-ю лошадьми. Горизонтальный выстрѣлъ изъ полевыхъ пушекъ—100—180 саж., а элевационный изъ мортиръ, при углѣ возвышенія въ 45°,—800—840 саж.

Изъ полевой артиллеріи слѣдуетъ выдѣлать полковую, 3-хъ фунт. калибра. Лафетъ этихъ пушекъ состоялъ изъ деревянной оси, двухъ колесъ и 2-хъ станивъ съ оглоблями. Для передвиженія орудій впрягали одну лошадь въ оглобли, другую на пристяжку. На оси лафета

*) За основаніе для вычисленія всѣхъ калибровъ принято чугунное ядро, діаметромъ въ 2 англійскихъ дюйма, и названо фунтовымъ, такъ какъ дѣйствительно вѣсило 1 ф., но не обыкновенный, а нюрнбергскій, превышавшій обыкновенный на 19 зол. Брюссъ имѣлъ однако не точный нюрнбергскій масштабъ, а нѣсколько его увеличилъ, что впоследствии на практикѣ привело къ путаницѣ.

между станинами и колесами помещали доску, на которую ставили 2 шестифунтовые мортиры, назначенныя для бросанія гранатъ въ полевые укрѣпленія и деревни. Кромѣ этихъ орудій были 1/2 пуд. длинныя гаубицы, въ 10 калибровъ длины, съ конической камерой, т. е. имѣли большое сходство съ единорогами, изобрѣтеніе которыхъ приписывалъ себѣ Шуваловъ. Къ пушкамъ Петръ далъ 2-хъ-колесные зарядные ящики. Есть свѣдѣнія, что прислуга длинныхъ гаубицъ была посажена на лошадей и что въ сраженіяхъ при Гуммельсгофѣ (1702) и при Лѣсномъ (1708) и при драгунскихъ полкахъ употреблялась уже конная артиллерія⁽¹⁴⁹⁾.

Осадные калибры были: пушки 24 ф. и 18 ф.; мортиры 9 пуд., 5 пуд. и 3 пуд. Артиллерія эта была чрезмѣрно тяжела и, напримѣръ, чудовищная, едвали правильно введенная въ систему, 9 пуд. мортира вѣсила со станкомъ болѣе 300 пуд.

Наконецъ, гарнизонная или крѣпостная артиллерія заключала въ себѣ довольно разнообразныя калибры пушекъ, мортиръ и гаубицъ.

Послѣ Петра Великаго въ развитіи артиллерійскаго дѣла наступилъ періодъ полнаго затишья до временъ генераль-фельдцейхмейстера гр. Шувалова. Все ограничивалось одною внѣшностью; производились смотры практической стрѣльбы, имѣвшіе характеръ по преимуществу потѣхи, и даже сенатъ забавлялся понеченіями объ артиллеріи, разсылая при указахъ наивныя «записныя книжки пушечнаго и мартельного ученія»⁽¹⁵⁰⁾.

Гораздо болѣе важныхъ результатовъ достигъ Петръ въ организаціи лично состава артиллеріи и необходимыхъ техническихъ учреждений.

Прежде всего онъ около 1696 г. организовалъ изъ товарищей его дѣтскихъ игръ, «потѣшныхъ», *бомбардирскую роту* и былъ самъ въ ней капитаномъ. Рота эта, числясь при Преображенскомъ и Семеновскомъ полкахъ, имѣла преимущественно учебный характеръ. Настоящее же начало регулярной артиллеріи было положено въ 1700 году учрежденіемъ *артиллерійскаго полка*, который въ 1712 году получилъ свой штатъ (или анштальдъ, по тогдашней терминологіи). По штату было положено имѣть въ артиллеріи 8 ротъ, число которыхъ впоследствии было увеличено до 30. Перевозка артиллеріи составляла земскую повинность⁽¹⁵¹⁾. Управленіе артиллеріи сосредоточивалось въ лицѣ генераль-фельдцейхмейстера и производилось черезъ посредство Приказа артиллеріи или главной артиллеріи, переформированнаго изъ Пушкарскаго приказа въ началѣ 1701 г.⁽¹⁵²⁾

Петръ Великій построилъ два пороховыхъ завода: С. Петербургскій (на Аптекарскомъ островѣ) и Охтенскій, Тульскій оружейный, нѣсколько

*) Гдѣ, напримѣръ, въ параграфѣ о мартельномъ ученіи, сообщаются между прочимъ такія свѣдѣнія, что въ аршинѣ 16 вер., а въ сажени 48; или дается софѣтъ «пушки и мортиры держать въ удобномъ мѣстѣ».

чугунно-литейных и стальных, пушечных и оружейных дворов и т. п. (151). Для подготовительного образования артиллеристов и других специалистов существовали школы: навигаторская и инженерная в Москве, а затем инженерная в Петербурге; кроме того в Москве, при Пушкарском приказе, были верхняя и нижняя школы; лучшие воспитанники этих школ поступали в бомбардирскую роту, а другие в артиллерийский полк. Там производились непрерывные учения и Петр сам следил за образованием каждого бомбардира. (152),

Практическая стрельба производилась по видимому лишь крепостной и осадной артиллерией; полевая же артиллерия, стрелявшая только прицельно, не нуждалась в практике; полковые артиллеристы проходили курс практической стрельбы, подготовляясь в школе при бомбардирской ротѣ. Самые приемы практической стрельбы мало отличались от вышеописанных, но при Петре место падения сварада наносилось на чертеж под номером, и имя каждого наводчика вносилось под таким же номером в особый список. Стрельба прицельная производилась в мишени определенных размеров, а для навѣсной устраивался штершанец с внутренним поперечником в 20 сажень. Судя по сохранившимся данным, стрельба была меткою (прицельная стрельба 80% с дистанции 130 саж., а навѣсная около 90% с дистанции 210 с.) (153). После Петра практическая стрельба утрачивает всякую поучительность и приобретает характер простой формальности; «обучение чинится без всякаго присмотра, только бы служители по силе указов учены были» (154)

О ручном огнестрельном оружии уже было сказано в своем месте, но, ввиду малой научной разработки предмета, мы позволим себе представить здесь систематическую сводку сведений об усовершенствовании этого оружия у нас в России. С первых годов XVII столетия заметно начинается распространение ударно-кремневого ружья. Это ружье с усовершенствованием огнива, которое, наконец, стало отрываться само собою полку при падении (половина XVII ст.), сохранило почти неизменно свою конструкцию в течение весьма продолжительного времени—до изобретения ударных ружей. Древняя Русь знала также ружья, заряжающиеся с казенной части, весьма быстро усвоив эту западно-европейскую новинку. Устройство наших ружей этого рода ни в чем не уступало западным и при этом преследовалась та же цель, т. е. ускорение заряжания и не обращено было внимание на форевирование пули. Недостатки тоже были общие—скорая порча оружия, вследствие прорыва газов,—с чем удалось справиться лишь современной нам техникой; точно также весьма рано появляются у нас *карманные ружья*, сперва с прямыми дорожками (для того, чтобы пуля, плотно входя в ствол, лучше очищала нагар), а затем и со спиральными нарезками для сообщения пули вращательного движения. Наконец, у нас также как и на западе были попытки устройства повторительного оружия и образцы этого рода работы московских мастеров сохранились у нас от XVII ст. (ружье-револьвер и магазинное ружье с десяти выстрѣлами).

Все различные виды упомянутого оружия носили название *пищалей*, подобно тому как также назывались и артиллерийские орудия. Пищали получали особые наименования, в зависимости от наружного вида, конструкции, способа носки и

т. п. Так существовали пищали *водомерки* (короткая), *заземная* (с приспособом для ношения за плечом), *перевертная двойная* (двухствольная) и т. п.; они же носили название *ручница*, *самондлога*. В XVII столетии существовали и *мушкетеры*, появившиеся вместе с иноземными войсками.

Какую боевую роль играло в то время огнестрельное оружие и в особенности как подготовлялись воители в искусстве стрельбы трудно дать сколько-нибудь точный ответ. Известно лишь, что в Москве ежегодно производились смотры стрельбы. Один из старинных смотров описал английский путешественник Дженкинсон. По его словам стрельба производилась в декабре 1557 г. Вместо мишени была устроена ледяная гора в 6 ф. вышиной и около 90 саж. длины, толщиной в 2 ф. Для помѣщения стрѣлков перед гору были устроены водосток длиною в 150 ш. В день смотра Иван Грозный прибыл верхом в богатой одежде, предшествуемый свитой, впереди которой следовала 5000 пехотников, построенных в глубокую колонну по 5 чел. по фронту, и в каждой пищали в правой руке, а фитиль в левой. Когда царь занял свое место, пехотники направились к подножию и, выстроившись там, открыли огонь по ледяному валу, что и продолжали до тех пор пока последний не был окончательно разбит пулями. Само собою разумеется, что подобный смотр не мог представить никаких данных для оценки искусства стрельбы.

Иноземцы, поступавшие на нашу службу в XVII ст., подвергались известному испытанию в умении владеть оружием (*), но не все оказывались достаточно искусными: бывали такие, что «стрѣляли и застрѣлили (конечно неумышленно) трех человек... За такую солдатскую примету и штурмовать не умѣли, по смотру худъ добръ» (1653 г.). По словам Посошкова, в конце XVII ст. искусство стрельбы находилось на весьма низком уровне. Для доказательства этого он между прочим приводит такой, по его мнению, убедительный факт, что под Азовом турки набѣжали на один полк и солдаты, по приказанию полковника, «по немецки все одним разом выжили и всея полкомъ не убили и 10 человек». Непременно в таких условиях был произведен зачет, а потому и судить по такому факту об искусстве стрельбы нет никакой возможности. И в наше время при ошибочном несколько определенении дистанции или неверной цели впереди лежащей местности—что так возможно в бою—весь зачет может легко перелететь через головы или не долететь до наступающего. Вообще на односторонние показания Посошкова, этого бессимптомного петровских времен, можно полагаться лишь с крайней осторожностью. Есть, например, сведения, относящиеся правда к началу XVII ст., что «русские приобрели в употреблении ручного огнестрельного оружия такой навык и такое искусство, что не уступают иноземцам». (Петрей) (157).

Вооружение ручным оружием нашей армии при Петре Великом резко отличается от предшествующей эпохи как своим характером, так и по преимуществу упрощением. До Петра преобладало холодное и предохранительное оружие, бывшее чрезвычайно разнообразным; с Петра же исчезают из употребления все виды предохранительных доспехов, вводится нормальные образцы оружия холодного и получает преобладающее значение огнестрельное. Первые сведения о начальном развитии огнестрельного оружия имеются не ранее 1715 года, когда указом определен был калибр ружья в 0,78 д., пистолетов 0,68 д.; все ружья были 14 ф., все круглой пули для пехотного ружья 8 зол., а драгунского и пистолета 6 зол., заряда 3 1/2 и 2 золотника. Треугольный штык

*) «Выходили с мушкетомъ и с пиками, с капитанскою и солдатскою, и стрѣляли или мушкетомъ и штурмовали шкеною и шагаю разными штуками и по смотру добръ добръ».

замѣнили собою въ 1709 г. «багинетъ». Нарѣзные ступера видѣлись, въ значительномъ количествѣ, на Тульскомъ заводѣ и по свидѣніямъ 1740 года показаны для употребленія въ крѣпостяхъ. Теоретическая разработка вопроса, какъ было уже замѣчено, о нарѣзномъ оружій динута была далеко впередъ Лейтманомъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ проектировалъ стволъ такой конструкции, что, не имѣя нарѣзовъ, все таки сообщалъ пулѣ правильное вращательное движеніе. Для этого сѣченію ствола давалась овальная форма, причемъ овалъ этотъ, начиная отъ дула, постепенно поворачивался въ одну сторону къ казні, образуя какъ бы спираль (въ нашъ вѣкъ эта идея разработана на практикѣ въ Ланкастерскомъ и Витвортовскомъ оружій).

Кромѣ того имѣлись еще мушкетеры и крѣпостныя ружья (калибръ 0,86—1 д.) для употребленія въ крѣпостяхъ, карабины (кал. 0,68), какъ вооруженіе кирасиръ (съ 1731 г.); ручныя mortarки, состоявшія изъ весьма короткаго ствола съ котлообразнымъ раструбомъ въ дулѣ, для помѣщенія ручной гранаты, — назначеніе этого оружій не выяснено⁽¹⁵⁸⁾. Относительно холоднаго и предохранительнаго оружій мы ограничимся лишь краткими замѣтками. До XVII стол. почти все наше предохранительное оружій было заимствовано съ востока^{*}, хотя не выходили изъ употребленія и прежніе доспѣхи, чисто кольчатые какъ панцырь и кольчуга.

^{*} *Предохранительное оружій:* а) *головной уборъ:* *шишакъ*—родъ шлема, оканчивающійся сверху тонкой трубкой, шишомъ, съ яблокомъ на верху; *мисюрка*—низкій головной уборъ въ видѣ выпуклаго кружка съ сѣткой; *ерихонка* похожа на шишакъ, но съ наушниками и козырьками заднимъ и переднимъ, причемъ черезъ послѣдній проходила носовая стрѣлка; б) *доспѣхи:* *бахтерецъ*—длинная почти до колѣнъ (иногда лишь до плеча) кольчужная рубаха съ разрѣзомъ спереди отъ шеи до низа или на лѣвомъ боку и тогда безъ рукавовъ; части, покрывавшія грудь, спину и бока, изъ рядовъ продолговатыхъ, металлическихъ пластинокъ, соединявшихся кольцами; *байдана, бандана, или бодана*—кольчужная рубаха изъ болѣе крупныхъ плоскихъ колець; рукава до локтей; *юшманъ* или *юшманъ* сходенъ съ бахтерцомъ и состоялъ изъ кольчужной рубахи съ набранными на груди, спинѣ и бокахъ круглыми и мелкими пластинками, но иной формы и иначе расположенными тѣмъ на бахтерцѣ; *кулакъ*—доспѣхъ изъ металлическихъ бляхъ, набравшихся каждая отдѣльно на кожѣ, сукнѣ и бархатѣ, иногда сверху покрывался матеріей; имѣлся вырѣзь для продѣванія головы и разрѣзь съ боку, иногда съ желѣзными рукавами и мѣдной опушкой (соотв. запад. бригадинѣ); *тепелай*—достояніе бѣдняковъ—длиннопольный распахнутой кафтанъ съ очень высокимъ стоячимъ воротникомъ, на чрезвычайно толстой простеганой подбивкѣ, въ которую часто шивали обрывки кольчугъ, желѣзныхъ листовъ и т. п.; *батаревники* или *бутурлыки*—желѣзные напояники, защищавшіе ногу отъ колѣнъ до пятокъ, изъ трехъ выпуклыхъ соединенныхъ кольцами пластинъ.

Холодное оружій: *кончаръ*, длинная шпага съ тонкимъ граненымъ остриемъ; *булава*—эмблема власти—железъ съ шаромъ на концѣ; *будыханъ*, тоже булава, только съ яблокомъ, посаженнымъ гвоздями; *копья*; *кистень*—короткая палка, съ петлею на одномъ концѣ для продѣванія руки и съ металлическимъ грузомъ на другомъ. *Метательное оружій:* *лука* съ принадлежностями; кайдалики—вѣроятно стрѣлы съ плоскими лезвиями; *томары*—стрѣлы затупленные или совсѣмъ безъ металлическаго наконечника; *северги*—особый видъ стрѣлъ, у которыхъ наконечники имѣли долы; *колчанъ*—твердый или мягкій мѣшокъ для помѣщенія стрѣлъ; *тохтуй*—особый чохолъ, надѣвавшійся на колчанъ для предохраненія его отъ сырости. Все описанное вооруженіе, т. е. лука съ принадлежностями, имѣло общее названіе—*саадакъ, саадакъ, сайдакъ*. Наконецъ слѣдуетъ упомянуть *джидъ* и *джеридъ*—метательныя копья.

Въ холодномъ и метательномъ оружій слѣды подобнаго вліянія тоже ясны. Съ XVII же столѣтія западный элементъ начинаетъ замѣтно обнаруживаться въ составѣ нашего вооруженія, появляются доспѣхи сплошные: зеркала и латы, хотя въ ограниченномъ числѣ, составляя предметъ снаряженія людей знатныхъ и царственныхъ особъ, кромѣ грубыхъ латъ употреблявшихся наемными чужеземцами. Въ холодномъ оружій на ряду съ новыми терминами, какъ аллебарда, протазань, бандельеръ и пр., встрѣчаются бердыши, рогатны, совины, кончары (кончаръ—длинная шпага, оканчивавшаяся остриемъ)⁽¹⁵⁹⁾. При Петрѣ Великомъ, въ штатныхъ табеляхъ 1711 г., встрѣчается только два типа боеваго холоднаго оружій—*шпата* для пѣхоты и *палашъ* для драгунъ. Позже однако встрѣчаются еще *тесахъ* (вооружены въ 1756 г. полки observationalнаго корпуса), *сабля* и *полусабля* (сабли у гусаръ, а полусабли при Аниѣ Ивановичѣ у нестроевыхъ). Кромѣ того оставалось еще въ употребленіи оружій почетное: *протазаны, эспонтоны* и *аллебарды*^{*}.

Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть о *копьяхъ*, которыя табелями (напр. 1720 года) раздѣлялись на пикиерныя и рогаточныя (для устройства рогатокъ передъ фронтомъ пѣхоты). Пикиерными копьями иногда, во время войны, вооружалась передняя шеренга пѣхоты, а въ мирное время употреблялись при отправленіи караульной службы. Съ 1724 года копыя содержатся уже не въ войскахъ, а въ складахъ на случай надобности.

Наконецъ, изъ предохранительнаго оружій въ это время приняты были только *кирасы* для учрежденныхъ въ 1731 г. кирасиръ; кирасы состояли изъ нагрудныхъ желѣзныхъ вороненныхъ латъ.⁽¹⁶⁰⁾

Но не смотря на всѣ успѣхи въ теоріи и практикѣ, практика артиллеріи находилась еще въ младенческомъ состояніи, хотя къ лучшему уже сдѣланъ былъ большой шагъ впередъ. При значительномъ облегченіи вѣса орудій, они оказываютъ уже большее вліяніе на исходъ сраженій. Въ особенности Евгений Савойскій отличался искусствомъ употребленія артиллеріи, которая слѣдуетъ у него всегда впереди линій, подготавливая успѣхъ дѣйствій пѣхотѣ и кавалеріи. Для того-чтобы показать какъ онъ умѣлъ искусно распоряжаться ею и вообще какъ исполнялись дѣйствія этого рода оружій въ бою со времени Тюренна, мы приведемъ примѣръ—сраженіе при Мальпакѣ въ 1709 г., гдѣ Вильяръ былъ разбитъ или лучше сказать принужденъ къ отступленію соединенною арміею Евгенія и Мальборо.

Желая помочь обложенному арміею Мальборо и слабо снабженному гарнизономъ и продовольствіемъ Монсу, Вильяръ съ 81 т. войскъ (120 бат., 260 эскадроновъ, 80 орудій), направился къ этому пункту, желая разбить Евгенія прикрывавшаго осаду. Но, выходя изъ дефиле между Ланьерскимъ и Сарскимъ (Тенберскимъ) лѣсомъ, Вильяръ наткнулся на всю союзную армію числомъ въ 117 т. (162 бат., 300 эск. съ 120 оруд.)⁽¹⁶¹⁾, занявшую выходы изъ дефиле, деревни Онуа, Бларенъ, и поставившую сильныя противъ него батареи. Вильяръ немедленно

^{*} Протазаны носили офицеры, а аллебарды начальники изъ нижнихъ чиновъ. Первые въ 1731 году уничтожены и замѣнены эспонтонами, которые въ свою очередь отмѣнены въ 1746 г., и взамѣнъ ихъ штабъ-и оберъ-офицерамъ даны фузеи со штыками.

но рѣшился принять оборонительное сраженіе, надѣясь на мѣстныя выгоды своей позиціи, которую онъ тотчасъ же началъ усиливать заѣлками и укрѣпленіями. Позиція эта представляла равнину, версты въ 2

шириною, между двумя лѣсами незначительной длины и удобопроходимыми. Вильяръ полагалъ занять центромъ боеваго порядка равнину поперегъ 2 дорогъ, ведущихъ изъ Баве въ Монсъ, подавъ его назадъ, а фланги выдвинуть въ Теньберскій и Ланьерскій лѣса, чтобы обстрѣливать все пространство впереди центра перекрестнымъ огнемъ. Такимъ образомъ позиція его представляла бастионный фронтъ, съ короткими флангами, доступъ къ которымъ затрудненъ былъ заѣлками и многими рѣчками, текущими въ Овно; полевые укрѣпленія набросаны были предъ центромъ и за лѣсомъ. Войска были расположены слѣдующимъ обра-

зомъ: 50 баталіоновъ, подъ начальствомъ маршала Буффлера, прибывшаго водоитеромъ на поле сраженія—въ правомъ лѣсу, въ двѣ линіи; 6 баталіоновъ въ маленькомъ промежуточномъ лѣскѣ впереди центра; 40 бат. въ центрѣ; 22 бат. (три бригады) въ лѣвомъ лѣсу, а за нимъ еще 12 батал. Наконецъ общій резервъ за центромъ составляла кавалерія, и главнымъ образомъ Maison du roi; остальная часть конницы—за лѣвымъ флангомъ; артиллерія искусно расположена въ линіяхъ, чтобы перекрестнымъ огнемъ обстрѣливать всю впередилежащую мѣстность.

Обрекогносцировавъ позицію, союзники, надѣясь на свое численное превосходство, отложили атаку до 11 сентября, когда къ нимъ должны были присоединиться 23 баталіона изъ Турна. Планъ ихъ былъ: угрожая правому крылу и центру французовъ, овладѣть лѣвымъ ихъ флангомъ, атаку котораго принялъ на себя принцъ Евгенийъ. При этомъ пѣхота Мальборо должна была атаковать лѣвый лѣсъ, а кавалерія поддерживать ее. По диспозиціи, отданной Евгениемъ для его арміи, австрійская пѣхота должна была двинуться въ 3-хъ линіяхъ и наступать въ пространствѣ отъ праваго фланга Мальборо до крайняго лѣваго фланга неприятеля; кавалерія обоихъ крыльевъ Евгения, сосредоточившись въ 2 колонны, должна была наступать правѣе кавалеріи Мальборо, чтобы овладѣть равниной, когда французы будутъ выброшены изъ лѣсу.

11-го сентября Евгенийъ, покровительствуемый туманомъ, подвигался сначала впередъ параллельно фронту Вильяра, затѣмъ лѣвое его крыло сдѣлало захожденіе лѣвымъ флангомъ впередъ, чтобы взять съ двухъ фасовъ засѣки лѣваго французскаго крыла. Первая атака 36 баталіоновъ Шуленбурга была остановлена огнемъ французовъ; тоже повторилось съ двумя послѣдующими атаками. Тогда батарея въ 35 орудій быстро вынеслась впередъ и покрыла лѣсъ и его защитниковъ градомъ снарядовъ. Но такъ какъ зашедшее правое крыло Евгения подвергалось продольному огню французскаго центра, то онъ выдвинулъ противъ послѣдняго другую батарею въ 40 орудій, поставивъ въ прикрытіи большія массы кавалеріи. Въ тоже время массы его пѣхоты (Шуленбургъ, Лоттумъ) обходили лѣвое французское крыло по дорогѣ въ Бланжійскомъ лѣсу. Дѣйствіе артиллеріи Евгения было превосходно, и французы, оказывавшіе рѣшительное сопротивленіе, должны были къ полудню, вслѣдствіе охвата ихъ крайняго лѣваго фланга и взятія съ тыла засѣкъ, отступить къ внутренней опушкѣ лѣса. Но присутствіе духа и находчивость талантливаго Вильяра даетъ временно другой оборотъ дѣлу; схвативъ 18 бат. изъ центра и 12 батал. изъ резерва лѣваго крыла, онъ всего съ 30 баталіонами не даетъ сформироваться войскамъ Евгения, дебушировавшимъ въ безпорядкѣ изъ лѣсу, стремительною атакою вгонаетъ ихъ въ лѣсъ и снова овладѣлъ имъ. Къ несчастью для французовъ, при этой блестящей атакѣ Вильяръ былъ раненъ въ колѣно и принужденъ удалиться съ поля сраженія, равно какъ и генераль Альберготи, командовавшій подъ его начальствомъ. Такъ какъ для по-

но оло
двѣ

слѣдней атаки были взяты 18 баталіоновъ изъ лѣвой половины центра, то она осталась совершенно обнаженною отъ войскъ и отдѣленною значительнымъ промежуткомъ отъ выдвинувшихъ побѣдоносно войскъ лѣваго крыла. Воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, Евгенийъ врѣзался въ промежутокъ со всею имѣвшеюся подъ рукою пѣхотою, овладѣлъ съ тылу внутреннею опушкою Теньерскаго лѣса и, выдвинувъ орудія, началъ громить продольно французскій центръ и лѣвое крыло.

Въ то время какъ это происходило, Мальборо (который долженъ былъ начать атаку голландской пѣхотой получасомъ позже Евгения), вопреки диспозиціи, рѣшился стремительно атаковать правое крыло французовъ. Здѣсь также замѣчательно дѣйствіе французской артиллеріи, поставленной са засѣлками Ланьерскаго лѣса. Принцъ Оранскій стремительно выбилъ французовъ изъ передовыхъ позицій, но затѣмъ, встрѣченный на самой близкой дистанціи густою картечью, былъ остановленъ, причемъ плотныя массы его пѣхоты сразу потеряли до 2000 челов. Повторенныя неоднократно въ теченіи 5 часовъ атаки Мальборо тоже были отбиты съ успѣхомъ; наконецъ голландцы остановились, но не сдѣлали шагу назадъ. Тогда 4 французскія бригады вышли стремительно изъ ретраншаментовъ, ударили въ штыки, смяли непріятельскія линіи и, захвативъ 12 орудій и 9 знаменъ, снова вернулись въ окопы.

Мальборо, прикрываясь кавалеріей, отвелъ разстроенныя войска назадъ. Тѣмъ не менѣе успѣхъ праваго фланга союзниковъ заставилъ лѣвое крыло французовъ отступить изъ Теньерскаго лѣса. Тогда Евгенийъ двинулъ впередъ свою пѣхоту, поддержанную частью англійской и 20-ю эскадронами кавалеріи, и занялъ оставленные французами ретраншаменты. Проведя черезъ пѣхотные интервалы кавалерію, онъ бросилъ ее по двумъ направленіямъ: одну въ тылъ праваго французскаго крыла, другую прямо; первая имѣла успѣхъ, вторая была отброшена храброю кавалеріей *Maison du roi*, которая, въ свою очередь, въ запальчивости преслѣдованія, попала подъ огонь пѣхоты и должна была отойти назадъ; той-же участи подверглась затѣмъ и преслѣдовавшая французовъ австрійская кавалерія. Между тѣмъ Мальборо ввелъ въ дѣло все свои резервы, и Буффлеръ, видя лѣвый флангъ отступающимъ, сталъ тоже отходить въ полномъ порядкѣ, прикрываясь отважными атаками кавалеріи (жапдармы). Крылья французской арміи отступили эксцентрически — на Валансьенъ и Кенуа. Сраженіе было проиграно французами потому только, что поле битвы осталось за противниками; потери ихъ (11 т.) были незначительны въ сравненіи съ австрійцами (потерявшими 22,939), такъ что эта битва была славна для французовъ столь-же какъ и для союзниковъ (1692).

Изъ этого сраженія мы можемъ видѣть характеръ современныхъ столкновеній, образъ дѣйствія пѣхоты и кавалеріи и главное то дѣятельное участіе, которое артиллерія начинаетъ принимать въ бою. Здѣсь съ обѣихъ сторонъ участвовало въ битвѣ уже 200 орудій; примѣръ еще

бывшаго сосредоточенія массъ артиллеріи можетъ представить сраженіе при Петервардейнѣ въ 1691 г., гдѣ сосредоточена была батарея въ 80 орудій.

Но наибольшихъ успѣховъ достигла артиллерія во Франціи при генераль-фельдцейхмейстерѣ Вальерѣ (1732 г.). Калибръ былъ окончательно принятъ за мѣру для опредѣленія всѣхъ частей орудія (даже фризовъ). Расположеніе цапфъ давало перевѣсъ казенной части надъ дульной въ $\frac{1}{3}$ вѣса орудія. Въмѣсто множества употреблявшихся до сихъ поръ калибровъ приняты 4 ф. 8, 12, 16 и 24 ф. пушки; артиллерія раздѣлена на полевую и осадную, къ которой причислены 2 послѣднихъ калибра; зарядъ для орудій большихъ калибровъ назначенъ въ $\frac{1}{3}$, для малыхъ въ $\frac{2}{3}$ вѣса снаряда; *) вѣсъ орудій былъ отъ 220 (24 ф.) до 280 (4 ф.) ядеръ; мортиры приняты 12 и 8 дюйм. 3 линіи, камнеметы 15 д.; гуабицы 8 дюйм. начали отливаться съ 1749 года; даны правила для приѣмки орудій. Но при столькихъ улучшеніяхъ въ конструкціи орудій вовсе не были улучшены лафеты (двухстанинные съ передками и оглоблями; у нѣмцевъ съ дышлами), которые оставались тяжелыми и неповоротливыми, а потому артиллерія лишена была подвижности и не могла постоянно содѣйствовать прочимъ родамъ войскъ. Шведы ввели у себя 4 ф. пушки значительно легче французскихъ того же калибра (относительный вѣсъ 150); это орудіе было положено на лафетъ весьма удобный для прицѣливанія; подъемный винтъ подпиралъ казенную часть орудія и служилъ для быстраго измѣненія его возвышенія. Во время похода ящикъ съ зарядами помѣщался между станинами лафета. Передокъ былъ съ дышломъ, а не съ оглоблями. Эти подвижныя орудія, назначенныя для сопровожденія пѣхотныхъ полковъ, представляли идею специальной полевой артиллеріи. Они испытывались въ Франціи, но по рутинѣ были отвергнуты. При приготовленіи пороха, селитра подвергалась улучшенной рафинировкѣ; составъ пороха—75 ч. селитры, 12,5 ч. угля и 12,5 сѣры. Порохъ стали пробовать между прочимъ и *пробною мортиркою*, что давало возможность получать болѣе однообразно-дѣйствующій порохъ.

Артиллерія двигалась за арміею паркомъ, раздѣлявшимся на 3 бригады, которыя вовсе не имѣли нынѣшняго значенія, а каждая изъ нихъ составляла просто $\frac{1}{3}$ всего парка. Одна бригада состояла только изъ тяжелыхъ, а другія двѣ изъ легкихъ орудій; первая назначалась для центральной батареи и для осадъ, а прочія для фланговыхъ батарей.

Передъ вступленіемъ въ бой паркъ подвозился на разстояніе больше пушечнаго отъ непріятельской позиціи; тамъ отпрягали лошадей, придавали на орудіе по 12 ч. прислуги, раздавали имъ принадлежности

*) Французскіе артиллеристы, полагая что изготовленіе зарядовъ въ картузахъ повлечетъ за собою быструю ихъ растрату, долго сопротивлялись ихъ введенію и картузы были приняты только въ половинѣ XVIII столѣтія.

и снаряды по 20—25 на орудіе, и орудія на канатахъ двигались на позицію; проводники же, лошади и запасные лафеты оставались на мѣстѣ и въ нихъ пристраивались крѣпкіе караулы. Передвиженія орудій во время боя почти не существовало; резерва ей не имѣлось. Изъ современныхъ сочиненій по артиллеріи замѣчательнъ трудъ С. Реми: «Mémoires d'artillerie», отличающийся изяществомъ и ясностью изложенія, но не самостоятельный въ научномъ отношеніи и дающій мало выводовъ (163).

Составъ армій и совокупное расположеніе и дѣйствіе въ бою различныхъ родовъ войскъ.

Въ составѣ армій по родамъ оружія противъ предшествовавшаго періода мы находимъ значительныя измѣненія. Причиной этого были успѣхи въ техникѣ, а вслѣдствіе этого и новыя развившіяся понятія объ лучшемъ употребленіи каждаго изъ родовъ войскъ. Преобладаніе кавалеріи въ составѣ армій въ эпоху Густава Адольфа обуславливалось дурнымъ устройствомъ пѣхоты, находившейся въ переходномъ состояніи между старою системою ея вооруженія пиками и начавшимъ болѣе и болѣе входить въ употребленіе огнестрѣльнымъ оружіемъ, а также и тяжестью и малоподвижностью орудій. По этимъ причинамъ и въ началѣ разсматриваемаго нами періода въ войнахъ Тюрении кавалерія была въ полтора раза болѣе пѣхоты.

Разсматривая въ отдѣльности тактическое устройство каждаго рода войскъ, мы видѣли какіе неравномѣрные шаги сдѣлали они въ вѣкъ Людовика XIV. Въ то время какъ пѣхота, отбросивъ мушкетъ и пику, вооружилась ружьемъ со штыкомъ и, такимъ образомъ, сосредоточила въ себѣ наступательную и оборонительную силу и приобрѣла, благодаря многимъ тактическимъ усовершенствованіямъ, болѣе подвижности,—кавалерія продолжала еще атаковать рысью и противно свойствамъ своимъ полагала всю силу въ огнестрѣльномъ дѣйствіи, а не въ ударѣ. Артиллерія, при всѣхъ успѣхахъ въ техникѣ, не имѣла еще правильнаго тактического устройства, была мало подвижна. Такимъ образомъ, силою самыхъ обстоятельствъ, возвысилось значеніе пѣхоты передъ другими родами войскъ, чему способствовали и теоретическіе выводы лучшихъ тогдашнихъ писателей, полагавшихъ уже, согласно преданіямъ классической древности, что пѣхота, по многимъ качествамъ, должна составлять главную основу въ устройствѣ всякой арміи. Еще современникъ Генриха IV, одинъ изъ лучшихъ военныхъ писателей эпохи, герцогъ де Роганъ, авторъ «Guerre de montagne», имѣющей много интереса и въ наше время, опередивъ значительно свой вѣкъ понятіями о военномъ дѣлѣ, даетъ пѣхотѣ преобладаніе въ составѣ армій. По его мнѣнію, кавалерія должна составлять только $\frac{1}{4}$, а въ пересѣченныхъ странахъ даже $\frac{1}{6}$ долю противъ пѣхоты (164). Впрочемъ, на практикѣ

отношеніе кавалеріи къ пѣхотѣ измѣнялось въ зависимости отъ различныхъ обстоятельствъ. Въ концѣ разсматриваемаго періода (1740 г.) коммиссія, собранная при австрійскомъ гофкригератѣ, высказалась, что армія должна состоять на $\frac{2}{3}$ изъ пѣхоты и на $\frac{1}{3}$ изъ кавалеріи (165).

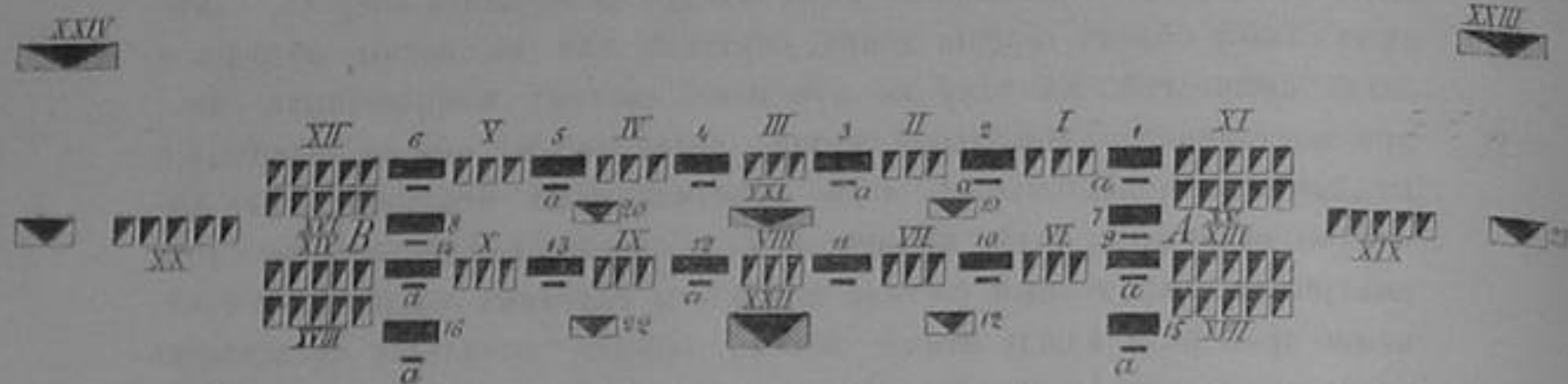
Возвышенію пѣхоты способствовалъ и характеръ войны вѣка Людовика XIV, когда инженерное дѣло, быстро двинувшись впередъ, измѣнило самый образъ веденія войны, обративъ ихъ въ войны обороны и осады крѣпостей. Къ тому же при новой системѣ вооруженныхъ силъ, при постоянной національной арміи, когда заботы объ ея содержаніи падаютъ на правительства, и въ экономическомъ отношеніи было выгоднѣе содержать болѣе пѣхоты, нежели кавалеріи. Дѣйствительно, разсматривая современный составъ армій, мы находимъ совершенное измѣненіе пропорцій между этими родами оружія; кавалерія составляетъ половину и даже $\frac{1}{4}$ противъ общаго числа пѣхоты; во Франціи въ 1672 г., кромѣ Королевскаго дома, пѣхоты было 134413, кавалеріи 30593, слѣдовательно пѣхоты въ $4\frac{1}{2}$ раза болѣе. Предъ войною за наследство испанскаго престола (1701 г.) въ арміи императора было всего подъ ружьемъ 86 т., изъ нихъ 57 т. пѣхоты и 29 т. кавалеріи, слѣдовательно кавалеріи на половину менѣе противъ пѣхоты (Duvivier).

Количество артиллеріи при войскахъ тоже увеличивается, такъ что отношеніе ея къ прочимъ родамъ войскъ возрастаетъ и на 1 т. чел. полагается отъ 1 до 2-хъ орудій.

По окончаніи 30 лѣтней войны, войска строились обыкновенно въ боевой порядокъ такимъ образомъ, что пѣхота находилась въ срединѣ, въ двухъ тонкихъ линіяхъ (дистанція до 350 ш), а кавалерія по флангамъ, тоже въ двѣ линіи. Интервалы между баталіонами и эскадронами равны были протяженію фронта частей, но затѣмъ уменьшены въ 50—60 ш., такъ какъ не требовалось, чтобы баталіоны 2-й линіи проходили сквозь первую, а только чтобы эскадроны могли пройти между содѣльными баталіонами; въ этомъ уже сказалось вліяніе идеи перемѣшиванія пѣхоты съ кавалеріею. Мушкетерскіе взводы часто располагались между эскадронами. Случалось, что третья масса составляла 3-ю линію и располагалась позади въ 500—600 ш., образуя нѣчто въ родѣ резерва, но такой резервъ былъ слабъ и по составу и по численности. Фланги боеваго порядка старались прижкнуть къ рѣкамъ, лѣсамъ, укрѣпленнымъ селеніямъ и т. п. (166).

Затѣмъ въ тактическомъ искусствѣ развивается все болѣе и болѣе преобладаніе *огнестрѣльнаго* элемента, который, совершенствуясь, постепенно вытѣсняетъ употребленіе холоднаго оружія, такъ что пѣхота, кавалерія и артиллерія дѣйствуютъ преимущественно пальбою. При переходѣ къ тонкому строю фронтъ боеваго порядка значительно удлинился противъ прежняго, а потому, при расположеніи конницы на флангахъ, послѣдняя оказывала уже меньше поддержки пѣхотѣ, особенно

если вспомним, что въ прежнемъ боевомъ порядкѣ (напр. у Густава Адольфа) не вся конница помѣщалась на флангахъ, а часть ея располагалась за серединою каждой линіи пѣхоты. При такихъ условіяхъ постепенно назрѣла идея перемѣшиванія пѣхоты съ кавалеріею. Самымъ авторитетнымъ и талантливымъ сторонникомъ ея былъ Монтекукули.

Предложенный имъ боевой порядокъ былъ слѣдующій: пѣхота образовала центръ боевого порядка, причемъ располагалась въ 2 линіи съ значительными интервалами между баталіонами, такъ чтобы можно было помѣстить въ нихъ кавалерію. За серединою каждого баталіона, т. е. за его пикетирнымъ дивизиономъ, помѣщались 2 взвода мушкетеровъ, выдѣленныхъ изъ ротъ, которые должны были, по возможности пользоваться мѣстными возвышеніями, всакаявая на повозки и т. п., стрѣлять поверхъ баталіона, или же употреблялись для другой службы. Въ интервалахъ между баталіонами 1-й и 2-й линій помѣщаются по 3 эскадрона кавалеріи; на наружномъ крылѣ каждой линіи—по 5 эскадроновъ, а за ними, въ видѣ резерва, еще по 5 эскадроновъ. Для охраненія фланговъ позади фланговыхъ баталіоновъ каждой линіи находилось по одному баталіону пѣхоты; для той же цѣли располагалось еще на флангахъ, противъ промежутка между двумя линіями, по 5 эскадроновъ. Между эскадронами, преимущественно на крыльяхъ, помѣщались мушкетерскіе взводы. Пѣхота строилась въ 6 шеренгъ, кавалерія въ 3 шеренги.

Кроатовъ и легкую конницу Монтекукули дѣлилъ на четыре части; изъ нихъ двѣ располагалъ за серединою 1-й и 2-й линій пѣхоты, а двѣ другія помѣщалъ нѣсколько впереди оконечностей боевого порядка; драгунъ онъ помѣщалъ частью за 1-й и 2-й линіями пѣхоты, а частью на наружныхъ флангахъ тѣхъ крайнихъ эскадроновъ, которые стояли противъ промежутка между 1-й и 2-й линіями. Артиллерія распределялась по всей позиціи: тяжелая въ сторонѣ и впереди пѣхоты, а легкая между эскадронами и мушкетерскими взводами. Разстояніе между обѣими линіями простиралось до 300 ш., причемъ полагалось, что опрокинутая 1-я линія не можетъ тотчасъ увлечь за собою и вторую. Силу этого боевого порядка Монтекукули видѣлъ въ томъ, что каждая его часть, состоя изъ всѣхъ родовъ оружія, пріобрѣтала большую твердость и устойчивость, а слѣдовательно и весь боевой порядокъ отличался тѣми же свойствами. Нетрудно догадаться, что Монтекукули пред-

почиталъ выжидать непріятельскую атаку на выгодной позиціи, противопоставляя ему сильный огонь, обезпеченный твердостью и непроницаемостью всего боевого порядка. Атаковать же онъ полагалъ только непріятеля, находящагося на невыгодной позиціи, причемъ боевой порядокъ сохранялъ тотъ же составъ какъ и при оборонѣ. Основная идея его атаки заключалась въ томъ, чтобы *двинуть впередъ линію огня*, сохраняя общую связь боевого порядка, и въ этихъ видахъ кавалерія не должна была производить одновременной атаки, что лишало ее окончательно основныхъ ея боевыхъ свойствъ, причемъ даже разбитый непріятель преслѣдовался только легкой конницей. Этой послѣдней Монтекукули не придавалъ особаго значенія, а главное достоинство тяжелой конницы видѣлъ не въ способности къ наступательнымъ дѣйствіямъ, а въ умѣнн давать отпоръ удару—отсюда понятно, что онъ дозволяетъ во время боя своей тяжелой конницѣ производить атаки только частями, не далѣе какъ на 60—100 шаговъ, противъ непріятельской кавалеріи, атакующей соеднѣн баталіонъ.

Не одинъ Монтекукули стоялъ за перемѣшиваніе кавалеріи съ пѣхотой; этимъ же средствомъ пользовались шведы противъ многочисленной и стремительной польской конницы, какъ напр. въ сраженіи при Чарновѣ въ 1655 г.

Пюйсежуръ тоже перемѣшиваетъ въ боевыхъ линіяхъ пѣхоту съ кавалеріею, располагая по перемѣнно эскадронъ кавалеріи и баталіонъ пѣхоты, на томъ основаніи, что крылья непріятельской линіи, состоящія только изъ кавалеріи, не рѣшатся атаковать эскадроны, перемѣшанные съ пѣхотою. Такимъ образомъ, желали предохранить кавалерію отъ непріятельскихъ атакъ, забывая, что она сама есть наступательный родъ оружія.

Въ концѣ XVII столѣтія отступленія отъ общихъ пріемовъ употребленія конницы встрѣчаются рѣдко, какъ напримѣръ въ сраженіи при Фербеллиѣ (1675 г.), гдѣ курфюрстъ Бранденбургскій разбилъ шведскую пѣхоту.

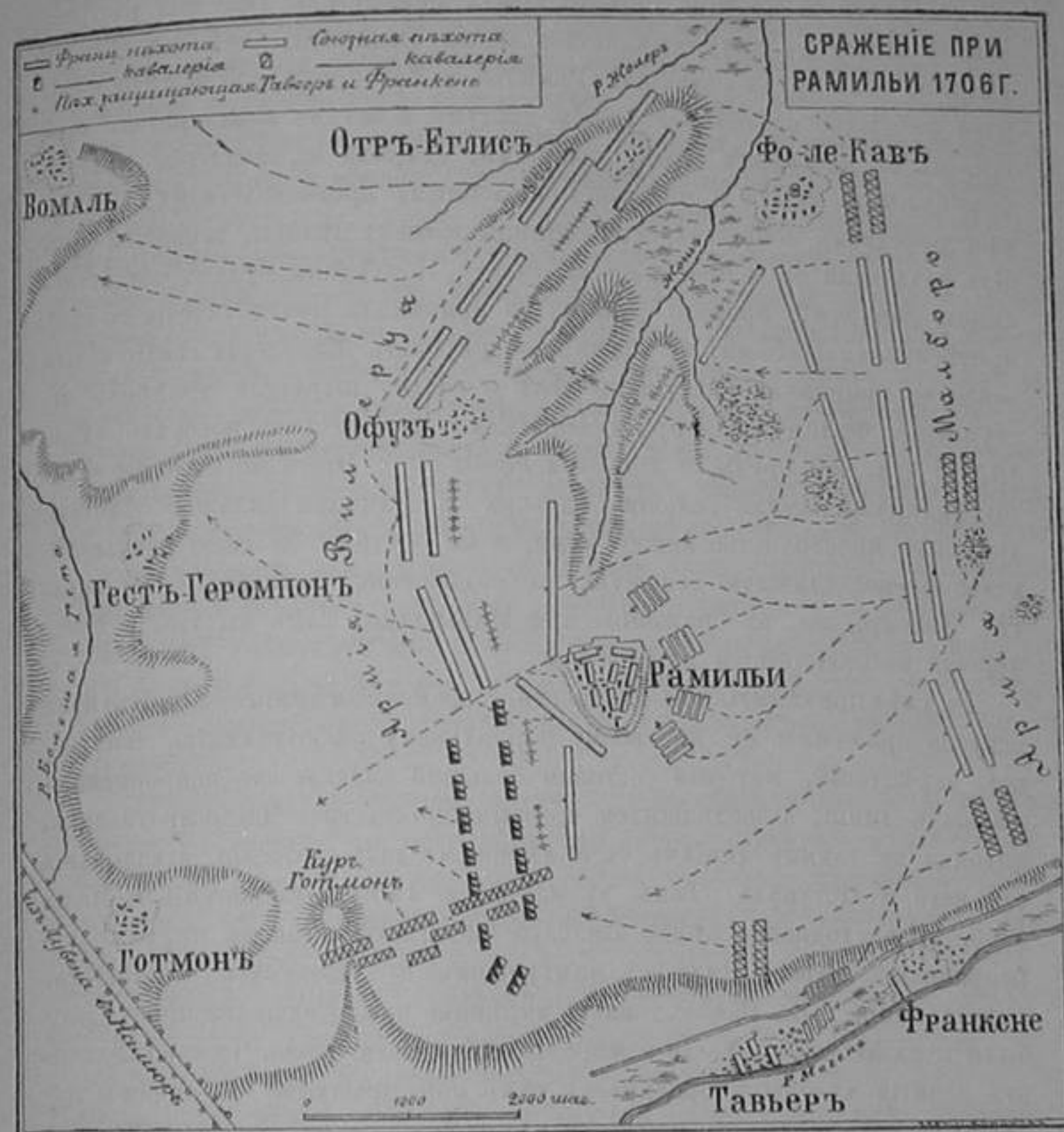
Примѣромъ употребленія вышеописаннаго боевого порядка служитъ сраженіе при Сенъ-Готардѣ, въ Венгріи, данное Монтекукули туркамъ въ 1664 г. Въ диспозиціи отдано было приказаніе, при наступленіи кавалеріи не отдѣляться отъ пѣхоты и не производить атакъ на непріятеля, удаленнаго на разстояніе, превосходящее 300 шаговъ, и въ случаѣ удачи не преслѣдовать разбитаго непріятеля. Подобнаго рода тактика могла быть съ успѣхомъ употреблена противъ турокъ, имѣвшихъ преимущественно нерегулярную конницу, атаки которой не могли быть успѣшны противъ такого большого каре, еще издали ослаблявшаго ее своимъ огнемъ. Желаніе примѣнять подобный боевой порядокъ, въ подражаніе Монтекукули, на другихъ театрахъ войны, при другой обстановкѣ, вело иногда къ пораженіямъ. Такъ въ сраженіи при Альманцѣ, въ 1707 году, лордъ Галлоуэй (Galloway) расположилъ свою 33/т. армію

въ 2 линіи, поставивъ въ перемежку между каждымъ 5 баталіонами по 5 эскадроновъ, и въ такомъ боевомъ порядкѣ двинулся на Бервика, расположеннаго, съ равносильною арміею, въ обыкновенномъ, нормальномъ боевомъ порядкѣ: пѣхота въ центрѣ, кавалерія по флангамъ. При движеніи впередъ кавалерія естественно опередила пѣхоту, оставивъ въ боевой линіи значительные интервалы. Кавалерія Бервика, послѣ нѣсколькихъ удачныхъ атакъ, смяла англійскую, набросила ее при прослѣдованіи на пѣхоту и пронеслась въ ея интервалы въ то время, какъ французско-испанская пѣхота напала съ фронта и довершила пораженіе противника.—

Съ изобрѣтеніемъ штыка и распространеніемъ его, тактика измѣнилась, получила возможность соединить въ пѣхотѣ дѣйствіе холоднымъ и огнестрѣльнымъ оружіемъ. Кавалерія отдѣлилась отъ пѣхоты и сосредоточилась на флангахъ, хотя все еще не имѣла самостоятельности и элементъ огнестрѣльный въ ней преобладалъ. Такимъ образомъ, для боя войска стали располагаться въ 2 линіи въ шахматномъ порядкѣ, имѣя интервалы равныя частямъ: пѣхота въ центрѣ, кавалерія по флангамъ; иногда же и въ большемъ числѣ линій, иногда и въ одну линію.

Резерва въ собственномъ смыслѣ (даже какъ части войскъ, назначающихся для смѣны разстроенныхъ линій и для всевозможныхъ случайностей) не существовало; иногда только отдѣляли часть кавалеріи, составлявшей какъ бы 3-ю линію. Впрочемъ Тюреннь и нѣкоторые другіе полководцы иногда ставили въ резервъ и пѣхоту. Артиллерию дробили по всему протяженію линіи по орудіямъ (нѣсколько не оставляя въ резервѣ), отчего, при неудачѣ 1-й боевой линіи, артиллерія часто доставалась въ руки неприятеля. Въ послѣдствіи однакоже начали собирать орудія и ставить ихъ на болѣе выгодныхъ мѣстахъ между частями пѣхоты. Обозы ставились за линіями, но замѣчательно, что Вильруа помѣстилъ ихъ, въ сраженіи при Рамилы, между боевыми линіями. Примѣненія къ мѣстности при расположеніи вовсе не существовало, въ особенности если арміею командовали бездарные полководцы, что случалось весьма часто; оправданіемъ въ пораженіи вслѣдствіе этого служило слѣдованіе нормальному боевому порядку. Позицію обыкновенно старались занять за какимъ нибудь мѣстнымъ препятствіемъ, рѣкою или оврагомъ, избѣгая занятія селеній, лѣсовъ, какъ разстроивающихъ общій боевой порядокъ. Такъ въ сраженіи при Рамилы, въ 1706 году, Вильруа расположилъ свою 62 т. армію (74 б., 128 эск. и 130 ор.) нѣсколько не примѣняясь къ свойствамъ весьма выгодной позиціи. На командующихъ высотахъ р. Жоша расположилось лѣвое крыло французовъ, отъ Отръ-Эглиза до Офуза, а центръ отъ Офуза до Рамилы. Изъ пунктовъ впередъ позиціи занято было только с. Рамилы 20 баталіонами плохихъ войскъ, иностранцевъ, набранныхъ частью даже между плѣнными. Между Офузомъ и Отръ-Эглизомъ собрано было около 60 орудій. На крайнемъ лѣвомъ флангѣ

стало 20 эскадроновъ въ оврагѣ за болотисто-лѣсистой рѣчкой; остальная кавалерія и пять баталіоновъ пѣхоты заняли двухверстное пространство между Рамилы и Тавьеромъ, причѣмъ 100 эскадроновъ кон-

ницы расположились въ 2-хъ линіяхъ за высотой Готмонъ. Только съ приближеніемъ неприятеля были выдвинуты въ линіи 6 эскадроновъ; 5 полковъ драгунъ поставлены за правымъ флангомъ, а два баталіона пѣхоты заняли Тавьеръ, имѣя за собою въ резервѣ 3 баталіона; однимъ словомъ, войска были расположены такъ, какъ бы ихъ ставилъ самъ неприятель для возможно легкой побѣды. Забыли даже продѣлать проходы въ заборахъ для удобства передвиженія войскъ, такъ что каждая часть, будучи заключена въ ограду, не могла ни подать, ни получить своевременно помощи. Мальборо, приблизившись съ своею арміею, силою около 60,000 чел. (73 бат., 123 эск., 120 ор.), расположился первоначально въ обыкновенномъ нормальномъ боевомъ порядкѣ параллельно

фронту неприятельской, но, осморѣвъ расположеніе французовъ и оцѣнивъ значеніе высоты Готмонъ, господствовавшей надъ окрестной мѣстностью, рѣшился воспользоваться ошибками Вильяра. Станувъ всю армію въ нѣсколько линій противъ праваго крыла французовъ (на что употреблено 5 часовъ въ виду бездѣйствовавшаго Вильяра), онъ овладѣлъ съ пѣхотою безъ труда селеніями Рамилы и Тавьеромъ, для защиты котораго послѣшно спѣшились 14 эск. драгунъ, и затѣмъ кавалерія его прорвалась въ интервалѣ между селеніями, ударила на кавалерію праваго французскаго крыла и, пользуясь численнымъ превосходствомъ, а также разстройствомъ неприятельской конницы (огнемъ пѣхоты, занявшей селенія), раздавила ее и бросилась на пѣхоту. Последняя, будучи свидѣтельницею пораженія праваго фланга, не принимала почти участія въ дѣлѣ и, стѣсненная обозами, не могла маневрировать. Кавалерія лѣваго крыла вовсе не принимала участія въ дѣлѣ и только пыталась прикрыть отступление. Французская армія обратилась въ бѣгство, потерявъ около 15,000 чел., 50 орудій и все свои обозы (1762). Этого не было бы если бы французы заняли селенія Тавьеръ и Рамилы сильною пѣхотою, укрѣпивъ пространство между ними, и не осудили бы свою кавалерію, вдвое превосходившую союзную, на бездѣйствіе, поставивъ ее въ оврагѣ. Вильяръ же, въ сраженіи при Мальплаке, какъ мы уже видѣли, хорошо воспользовался мѣстностью.

Не умѣя примѣняться къ мѣстности, современныя арміи однакожь умѣли искусно примѣнять ее къ своему нормальному расположенію, построивъ укрѣпленій, которыя состояли большей частью изъ непрерывныхъ цѣпныхъ линій, возводившихся чрезвычайно быстро. Часто противникъ, подойдя къ такимъ линіямъ съ намѣреніемъ дать сраженіе, отказывался отъ него и отступалъ. Такъ, въ кампанію 1709 года Евгенийъ и Мальборо, превосходившіе армію Вильяра численностью въ 1½ раза, переправились черезъ Дилъ съ намѣреніемъ его атаковать; но Вильяръ занялъ линіи у La Bassée, сильно укрѣпивъ ихъ. Союзники принуждены были отказаться отъ своего намѣренія и обложили Турнэ. Частое уклоненіе отъ занятія мѣстныхъ предметовъ тѣмъ поразительнѣе со стороны тогдашнихъ тактиковъ, что примѣры удачной обороны селеній отдѣльныхъ строеній должны были бы сильно заявлять о пользѣ подобныхъ предметовъ, какъ твердыхъ пунктовъ въ боевыхъ линіяхъ. Такъ, на примѣръ, въ сраженіи при Неервинденѣ 1693 г., селеніе это, находившееся на оконечности праваго фланга, занятое пѣхотою принца Оранскаго, десять часовъ держалось противъ нѣсколькихъ усиленныхъ атакъ Люксамбурга. Въ итальянскую кампанію 1705 года, Евгенийъ Савойскій стоялъ въ лагерѣ при Гровароло; 4 роты французскихъ (около 200 чел.) держались въ каменной фермѣ Боллина цѣлыя сутки (съ цѣлью воспрепятствовать неприятельскимъ фуражирамъ) противъ десятикратно превосходнаго неприятеля и заставили его отступить (несмотря на то, что дворъ фермы былъ уже занятъ имперцами), благодаря гренадерамъ, запершимся въ голу-

бятнѣ, какъ въ послѣднемъ редюнтѣ (1762). Это пренебреженіе къ занятію мѣстныхъ предметовъ явилось какъ неизбежное слѣдствіе стремленія сохранить правильный нормальный порядокъ, при получавшей все болѣе и болѣе права гражданства мысли объ исключительномъ дѣйствіи пѣхоты огнестрѣльнымъ оружіемъ. Даровитые военные люди—Фоларъ, послѣдователь его Мениль Дюранъ—при всѣхъ своихъ увлеченіяхъ, совершенно были правы, защищая строй глубокой, потому что исключительное послѣдованіе тонкимъ линіямъ окончательно лишало армію подвижности. Таже тактика, уже доведенная до крайности, перешла и въ школу Фридриха, гдѣ, впрочемъ, этотъ недостатокъ примѣненія къ мѣстности, замѣнялся доведенною до тонкости быстротою эволюцій и вообще движеній. Часто однакоже причиною дурнаго расположенія войскъ были условія, вовсе отъ полководца не зависящія. Такъ, во французской арміи, при расположеніи ея въ лагерѣ и на полѣ сраженія, существовалъ родъ мѣстничества, расположенія полковъ по старшинству; тоже самое наблюдалось при расположеніи двухъ союзныхъ армій: на примѣръ, имперцы занимали всегда правое почетное крыло, союзники лѣвое, но притомъ такъ, что союзники не смѣшивались между собою, а каждая армія строилась въ нормальный боевой порядокъ, что вело часто къ пораженіямъ. Такъ, въ сраженіи при Гохштедтѣ въ 1704 г., союзная баварско-французская армія расположилась для боя каждая отдѣльно, вслѣдствіе чего центръ позиціи занять былъ кавалеріей и ея пораженіе рѣшило участь сраженія.

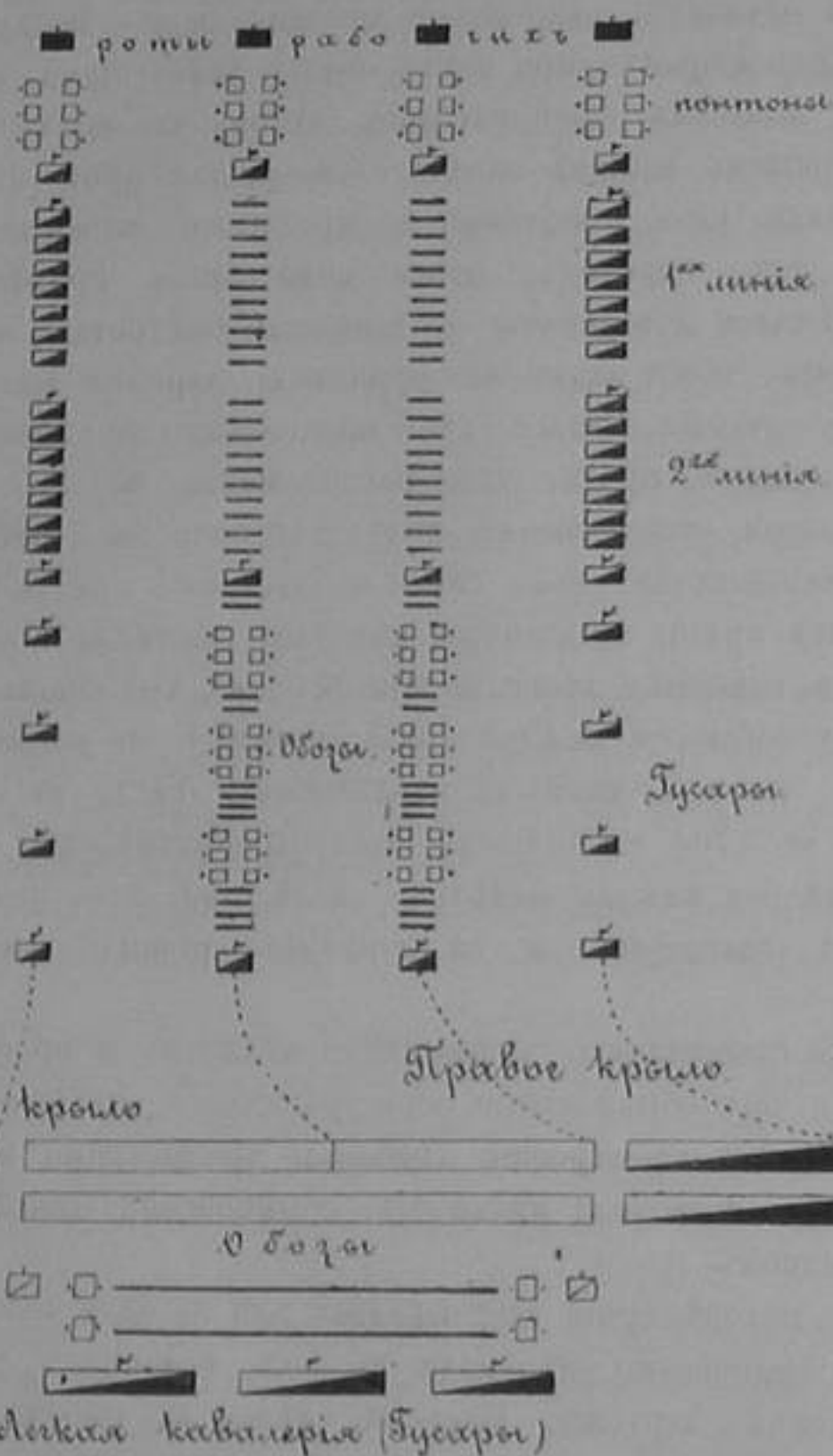
Походныя движенія совершались чрезвычайно медленно и производились колоннами, для чего обыкновенно перестраивались изъ боевыхъ линій. Но такъ какъ это перестроеніе требовало чрезвычайно много времени, то, гдѣ только позволяла мѣстность, обыкновенно двигались цѣлымъ боевымъ порядкомъ.

При слѣдованіи въ походѣ армія свертывалась или въ одну колонну, или въ нѣсколько. Обыкновенно слѣдовали въ 4-хъ колоннахъ, какъ показано на прилагаемомъ чертежѣ. Впереди слѣдовали рабочіе для исправленія дорогъ, за ними въ каждой колоннѣ отдѣленіе понтоннаго парка; въ двухъ среднихъ колоннахъ пѣхота, имѣя 1-ю боевую линію впереди, 2-ю сзади; въ 2-хъ крайнихъ—кавалерія, въ томъ же порядкѣ. Обозы слѣдовали за пѣхотою въ порядкѣ построения своихъ частей справа на лѣво*). Иногда же движеніе совершалось въ 5 колоннахъ: артиллерія въ средней, двѣ ближайшія къ ней колонны изъ пѣхоты и двѣ даль-

*) Обозъ каждой части двигался подъ начальствомъ профоса. У австрийцевъ въ головѣ его ѣхала старѣйшая солдатская жена со значкомъ профоса, за ней слѣдовали другія солдатскія жены и дѣти, обозная прислуга съ багажемъ и заводными лошадьми, наконецъ, маркитантскій обозъ, подъ начальствомъ вагенмейстера (1779).

нѣйшія изъ кавалеріи *). Въ такомъ порядкѣ Люксамбургъ подошелъ къ позиціи занятой Вальдекомъ у Флеруса. Впереди арміи, при движе-

ПОХОДНЫЯ ДВИЖЕНІЯ.

СЛѢДОВАНІЕ АВАНГАРДА.

ніи ихъ впередъ, слѣдовали авангарды, составившіеся изъ отборныхъ войскъ. Порядокъ слѣдованія авангарда былъ слѣдующій: впереди драгуны съ поддерживавшими ихъ ротами гренадеръ, затѣмъ сводные батальоны гренадеръ, полкъ драгунъ, полкъ линейной пѣхоты и, наконецъ, обозы съ лагерными принадлежностями (палатками), безъ которыхъ войска не могли обходиться.

*) Фоларъ позагалъ, что, двигаясь для боя, «необходимо по возможности увеличивать число колоннъ для быстрого перестроенія въ боевой порядокъ; тогда необходимо и артиллерию распределять въ нѣсколько колоннъ и даже выдѣлить часть ея бригадъ передъ головы пѣхотныхъ колоннъ, чтобы артиллерія могла своевременно занять мѣсто въ боевой линіи».

Расположеніе на бивуакахъ еще не было въ употребленіи, войска не только на дневкахъ, но и на каждомъ ночлегѣ, за неизмѣнимъ строемъ, располагались въ палаткахъ. Въ прикрытіе къ обозамъ назначалась всегда легкая кавалерія, на которую всегда смотрѣли съ пренебреженіемъ. При отступленіи порядокъ измѣнялся: пѣхота слѣдовала во всѣхъ колоннахъ впереди; кавалерія прикрывала ее маршъ *). Мѣры охраненія походныхъ движеній были чрезвычайно слабы. Впрочемъ, это не имѣло большихъ невыгодъ, потому что противникъ слѣдовалъ въ томъ же порядкѣ, тѣмъ болѣе, что, какъ мы сейчасъ сказали, вообще не умѣли употреблять легкую кавалерію, сообразно ея значенію. Пѣхота и кавалерія слѣдовали во взводныхъ колоннахъ, слѣдовательно фронтъ равнялся отъ 18 до 24 рядовъ. Для того, чтобы построить боевой порядокъ изъ походныхъ колоннъ, лицомъ въ ту сторону, въ которую двигались, надобно было прежде сдѣлать захожденіе колоннами, выстроить колонну за колонною и, наконецъ, произвести захожденіе повзводно.

*) Нѣкоторыя интересныя подробности относительно походныхъ движеній вст рѣчаются въ инструкціи, данной войскамъ въ Нидерландскую войну (1672 г.): «Войскамъ двигаться, на сколько окажется возможнымъ, въ 3-хъ линіяхъ; большей части артиллеріи и обозамъ находится всегда въ серединѣ, причемъ хорошо, если между колоннами будетъ поддерживаться связь; если неприятель находится слѣва или справа, то необходимо имѣть съ той стороны кавалерійскіе или драгунскіе отряды, которые выдвигаются къ авангарду или флангамъ, чтобы оказать первое сопротивленіе, если неприятель покажетъ видъ атаки».

Если правѣе или лѣвѣе арміи имѣется рѣка или большой лѣсъ, недоступные для неприятеля, то на этомъ флангѣ удобно помѣстить артиллерию и обозы, а на противоположномъ сосредоточить войсковыя колонны. Когда неприятель удаленъ на нѣсколько переходовъ и страна бѣдна запасами, то колонны можно вести по дорогамъ болѣе между собою удаленнымъ, подъ руководствомъ и отвѣтственностью лагерныхъ маршаловъ (magésbaux de camp), которые приводятъ ихъ въ назначенный часъ въ пунктъ сосредоточенія, удаленному никакъ не болѣе сутокаго перехода.

Лагерные маршалы принимаютъ надлежащія мѣры для движенія колоннъ сообразно характеру страны, рекогносцируютъ дороги и другіе пути, чтобы никакая непредвидѣнная случайность не могла задержать движенія войскъ, ибо нѣтъ ничего труднѣе на войнѣ, какъ соединеніе нѣсколькихъ отрядовъ въ одномъ пунктѣ одновременно.

Каждый вечеръ вагенмейстеръ долженъ получить приказаніе квартирнаго маршала (magéschal des logis) отправиться въ надлежащее время, чтобы исправить дороги на сколько это необходимо, собрать гидовъ (вожатыхъ) и обозы вокругъ своего значка (fanion), а затѣмъ пропустить мимо себя обозы въ послѣдовательномъ порядкѣ: авангарда, главныхъ силъ и арьергарда. Капитанъ надъ вожатыми никогда не долженъ упускать изъ виду заирать въ городахъ и общинахъ людей хорошо знающихъ страну, требовать у нихъ именемъ короля говорить одну истину, угрожая, что малѣйшая ложь будетъ имъ стоить жизни.

Если страна пересѣченная дефиле и лѣсами—проходить дефиле, имѣя между своими батальонами часть эскадроновъ, и, развернувшись вправо и лѣво отъ дефиле, останавливаться тамъ, чтобы содѣйствовать прохожденію кавалеріи и артиллеріи (171).

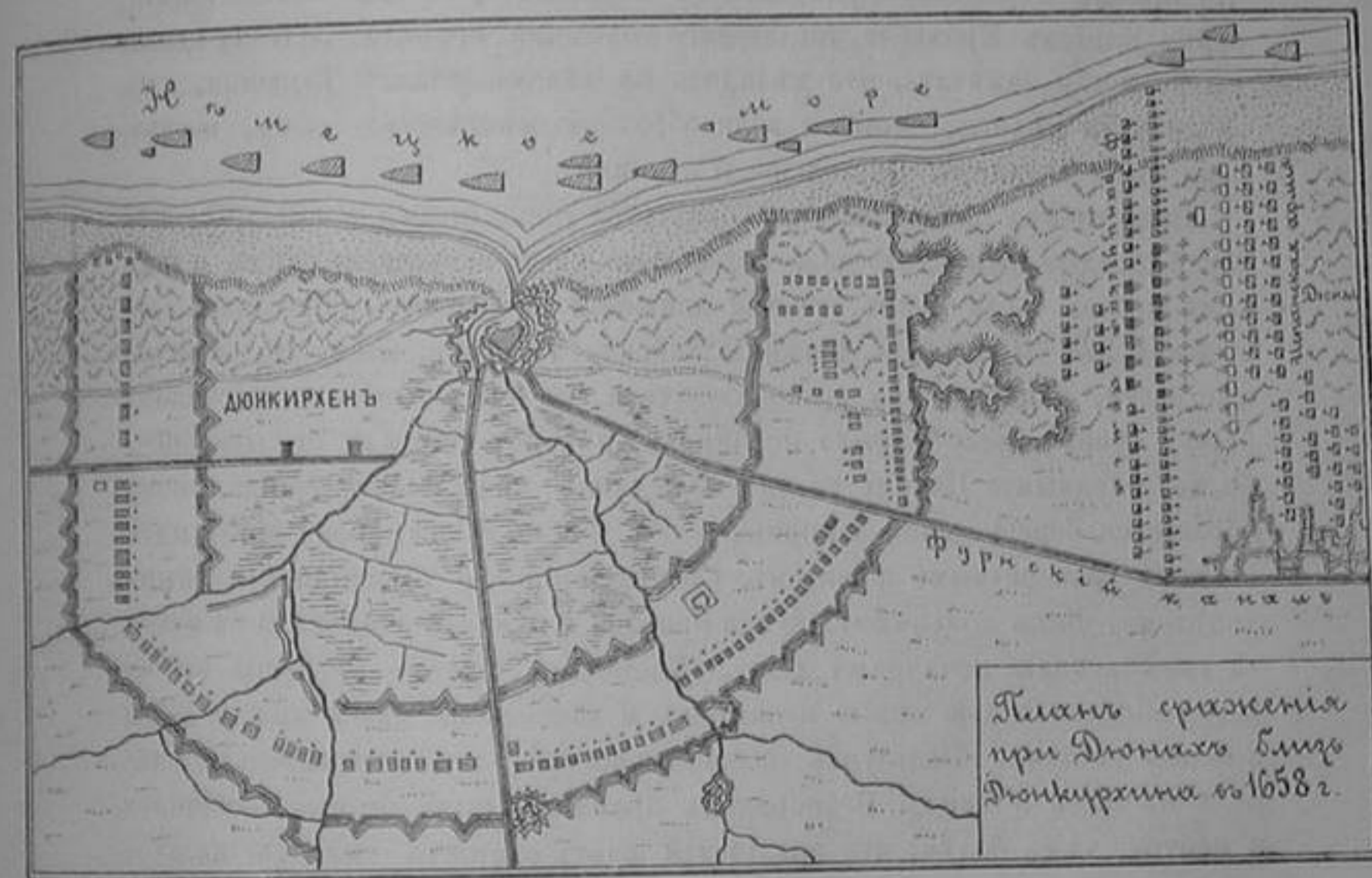
Такого рода передвижения и построения представляли большія затруднения и предприимчивый противник мог воспользоваться этимъ съ большою выгодною. Примѣръ этого можетъ представить сраженіе при Шпейербахѣ. Въ кампанію 1703 года, въ то время какъ Вильяръ дѣйствовалъ на Дуваѣ, для прикрытія тыла его на Рейнѣ оставался маршалъ Тальяръ. Послѣдній обложилъ въ октябрѣ крѣпость Ландау. Принцъ Гессенскій рѣшился заставить его снять осаду и съ этою цѣлью переправился съ 29-ю баталіонами и 54-мя эскадронами (24 т. чел.) чрезъ Рейнъ ниже Шпейера, двинулся на Ландау, въ намѣреніи заставить Тальяра въ располхъ въ его линіяхъ и съ помощью гарнизона крѣпости раздавить его численнымъ превосходствомъ. Но Тальяръ, узнавъ о намѣреніи противника, рѣшился предупредить его и разбить на маршѣ. Оставивъ въ траншеяхъ часть войскъ для продолженія осады, онъ съ 28-ю баталіонами и 62-мя эскадронами (20 т. чел.) скрытно двинулся противъ принца Гессенскаго и засталъ его на переправѣ черезъ ручей Шпейербахъ. Чтобы не позволить ему выстроить боеваго порядка изъ походныхъ колоннъ и вообще воспользоваться безпорядкомъ у противника, происшедшимъ вслѣдствіе переправы, Тальяръ атаковалъ его въ походныхъ колоннахъ, смаялъ дружнымъ ударомъ въ штыки непріятельскую пѣхоту и, развернувъ кавалерію вправо и влѣво, ударилъ ею на фланговые колонны. Слѣдствіемъ этой смѣлости было полное пораженіе принца Гессенскаго, который потерялъ 5,500 убитыми, 3,500 плѣнными, 28 знаменъ, 33 штандарта и артиллерію. Французы потеряли нѣсколько человекъ убитыми, такъ что Тальяръ могъ справедливо донести Людовику XIV, что его армія взяла болѣе знаменъ, чѣмъ потеряла рядовыхъ (173).

Вообще походныя движенія войскъ въ нѣсколькихъ колоннахъ были еще тѣмъ труднѣе, что приходилось для параллельнаго слѣдованія прокладывать новыя дороги; но такъ какъ проложеніе новыхъ путей могло открыть непріятелю направленіе движенія арміи, то часто, чтобы его обмануть, прокладывали путь по ложнымъ направленіямъ, что еще болѣе затрудняло работу.

Бой обыкновенно начинался сближеніемъ противныхъ сторонъ на дистанцію пушечнаго огня, затѣмъ долго пристрѣливались и потомъ производили атаки, болшею частью по всему фронту, равно раздѣленными силами. Характеръ боя заключался въ параллельномъ столкновеніи противниковъ, — причиною чего была малая подвижность армій, неспособность ихъ къ эволюціямъ. Партизанами подобнаго способа дѣйствій были многіе военно-ученые люди тогдашняго времени и въ особенности Фекьеръ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ ученыхъ генераловъ эпохи. Вездѣ онъ проводилъ одну и ту же идею, что для успѣха необходимо *se deployer et se choquer de tout son front*. Непонятно какъ онъ могъ упорно защищать такую идею, которая отодвигала военное искусство къ самому первобытному его состоянію. Ясно, что при параллельномъ столкно-

веніи искусство полководца не имѣетъ мѣста; успѣхъ будетъ основываться или-исключительно на перевѣсѣ въ силахъ или же на нравственныхъ качествахъ войскъ. Странно какъ Фекьеръ, изучая древнихъ, не замѣтилъ, что первый шагъ впередъ, сдѣланный въ военномъ искусствѣ, заключался именно въ томъ, чтобы противопоставить силѣ искусство, въ умѣннѣи найти слабое мѣсто въ расположеніи противника, въ атакѣ сосредоточенными силами. Отъ сраженія при Левктрахъ, гдѣ впервые употребленъ облическій фронтъ, во веѣхъ битвахъ Александра: при Граникѣ, Иссеѣ, Арбеллахъ, въ римскихъ войнахъ—вездѣ употреблялся этотъ способъ дѣйствій, доставившій возможность уравнивать искусствомъ перевѣсѣ въ силахъ. Единственнымъ средствомъ для оправданія Фекьера можетъ служить современная тактика, считавшая верхомъ искусства исключительное преобладаніе огнестрѣльнаго дѣйствія, для чего требовались длинныя линіи, длинная позиція.

Впрочемъ, и въ эту эпоху мы находимъ нѣсколько превосходныхъ примѣровъ фланговыхъ атакъ. Такъ мы видѣли, что въ сраженіи при Рамильи Мальборо повелъ атаку на флангъ Вильруа, слѣдствіемъ чего было полное пораженіе французской арміи. Тотъ же маневръ еще ранѣе былъ употребленъ Тюреннемъ въ сраженіи при Дюнахъ въ 1658 г. и Люксамбургомъ при Флерусѣ въ 1690 г.

Въ войну Фронды, въ 1658 г., Тюреннъ обложилъ Дюнкирхенъ и построилъ вокругъ него контрвалаціонныя и циркувалаціонныя линіи. Испанская армія Донъ-Жуана австрійскаго двинулась противъ него

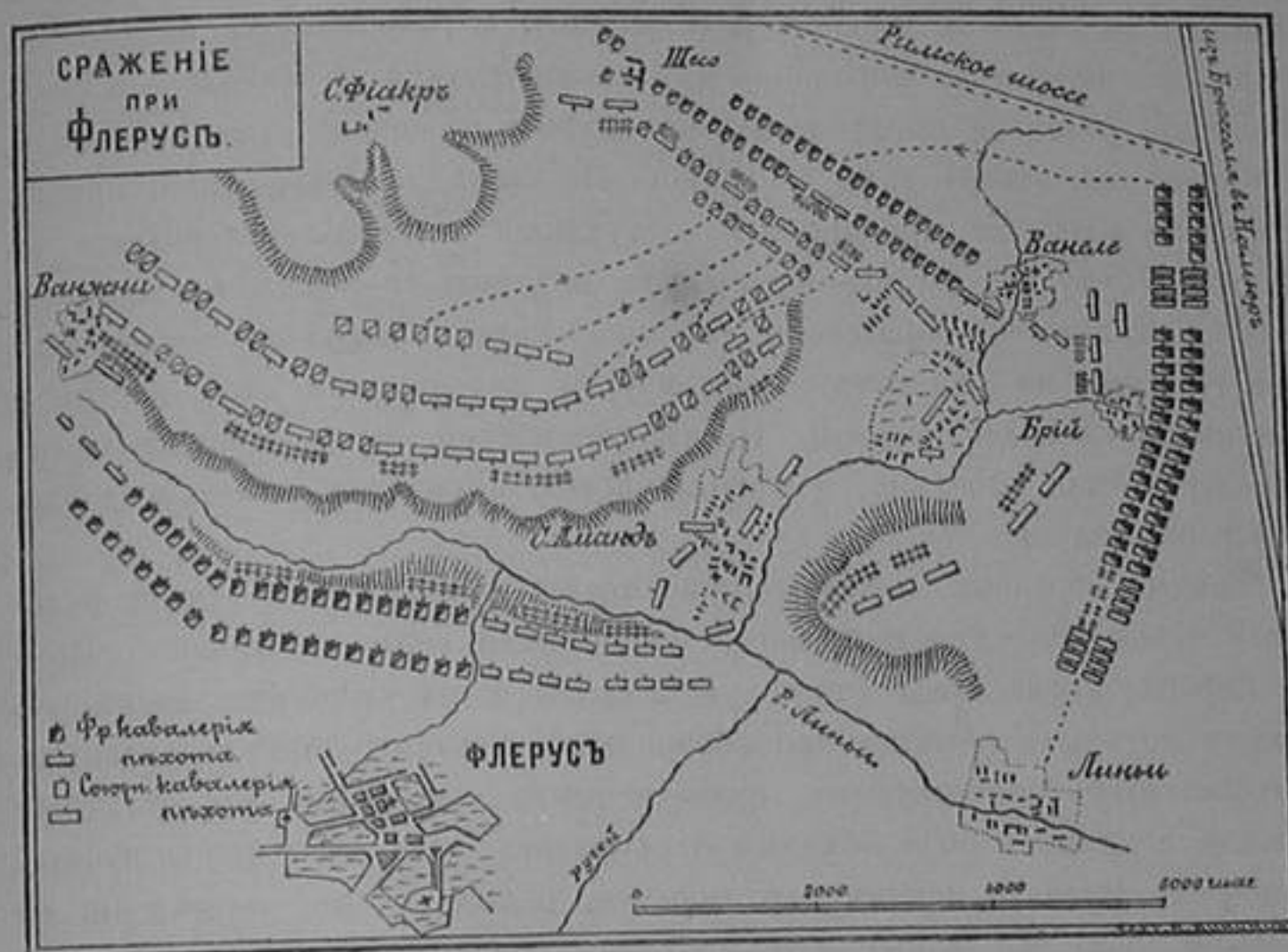
изъ Голландіи съ цѣлью заставить его снять осаду. Испанцы, въ числѣ 14 т. (8 т. кав.), заняли позицію противъ линій и заранѣе рассчитывали на побѣду, надѣясь на невыгодное положеніе Тюрення между ихъ арміею и осажденнымъ городомъ. Въ центрѣ позиціи они укрѣпили одну изъ самыхъ высокихъ дюнъ, бывшую ключемъ позиціи; за нею расположилась пѣхота во 2-й линіи, имѣя часть кавалеріи въ 3-й. На равнинѣ между Дюнами и Фурискимъ каналомъ расположилась кавалерія подъ начальствомъ Конде (тогда изгнанника изъ Франціи). Не составивъ опредѣленнаго плана дѣйствій, испанцы простояли цѣлый день, ничего не предпринимая. Въ это время взятъ былъ французами въ плѣнъ одинъ испанскій пажъ и приведенъ къ Тюренню. На допросѣ, между прочимъ, онъ сообщилъ, не придавая этому никакой важности, что испанцы ожидаютъ большую часть артиллеріи только дня черезъ 2 или 3. Тюреннь заставилъ повторить 2 раза показаніе и потомъ снова спокойно заснулъ, рѣшивъ на завтра атаковать непріятеля, до прибытія его артиллеріи. На слѣдующій день Тюреннь вышелъ изъ линій въ боевомъ порядкѣ, имѣя кавалерію на правомъ флангѣ, но двигался такъ медленно, что 1 верста пройдена была имъ въ 3 часа. Цѣль этой медленности заключалась въ слѣдующемъ: въ то время какъ испанцы занимали позицію былъ морской приливъ, такъ что правый ихъ флангъ упирался въ море, которое было занято англійскимъ флотомъ Кромвеля, тогдашняго союзника Франціи; поэтому испанцы не могли замѣчать, что дѣлалось на лѣвомъ флангѣ Тюрення, гдѣ, за линіями пѣхоты, скрытая волнообразною мѣстностью дюнъ, поставлена была кавалерія Кастельно (Castelnau).

При отливѣ у подножія дюнъ образуется узкая полоса земли, имѣющей такой твердый грунтъ, что даже колесо повозки не оставляетъ слѣда, и такъ какъ песокъ тогда мокръ, то при движеніи не бываетъ даже пыли, которая могла бы открыть движеніе войскъ. Тюреннь, зная это свойство мѣстности, рѣшился имъ воспользоваться, съ тѣмъ чтобы по песчаному берегу обойти правое крыло испанцевъ, которые считали его совершенно недоступнымъ. Потому то онъ и медлил движеніемъ, ожидая пока образуется берегъ такой ширины, чтобъ 2 или 3 эскадрона могли идти по немъ развернутымъ фронтомъ. Соображенія его увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Какъ только англійская бригада Кромвеля атаковала съ фронта укрѣпленную испанцами дюну, Кастельно быстро пропесся по берегу, обсекалъ 1-ю линію испанцевъ и взнесся на дюны между 1-й и 2-й ихъ линіями. Пользуясь неожиданностью, онъ стремительно ударилъ на нихъ и смялъ. Беспорядокъ праваго крыла быстро сообщился и центру, тѣмъ болѣе, что англійскій флотъ открылъ сильную пальбу.

Одинъ Конде на лѣвомъ испанскомъ флангѣ держался превосходно, нѣсколько разъ сбилъ и смялъ французскую кавалерію и былъ бы въ Дюнкирхенѣ, еслибъ Тюреннь не поспѣшилъ къ своему правому флангу. Отступленіе центра и праваго крыла заставили и Конде участвовать въ

пораженіи. Побѣда Тюрення была полная: 4000 чел. взято (172) въ плѣнъ и вскорѣ Дюнкирхенъ сдался.

Въ 3-ю Нидерландскую войну, въ 1690 г., арміею, расположенною во Фландріи, командовалъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ полководцевъ эпохи, Люксамбургъ, отличавшійся необыкновенною быстротою тактическихъ соображеній, искусствомъ маневрированія большими массами и рѣшительностью искать бой, когда, при тогдашней системѣ войнъ и осадъ, всё отъ него болѣе или менѣе уклонялось. Всѣ сраженія, данныя Люксамбургомъ, имъ выиграны, но онъ никогда не умѣлъ воспользоваться побѣдою.

Испанская армія принца Вальдека, силою въ 37 т. ч. (38 бат., 38 эск., 50 ор.), заняла довольно крѣпкую позицію близъ Флеруса; правый флангъ упирался въ селеніи Ванжени, лѣвый въ с. Аманъ, фронтъ прикрытъ былъ ручьемъ, текущимъ въ глубокомъ руслѣ. Артиллерія была выгодно поставлена передъ фронтомъ первой линіи; но неудобства позиціи заключались въ томъ, что лѣвое крыло могло быть обойдено. Когда французская армія, силою въ 39000 чел. (37 бат., 80 эскад., 70 оруд.), въ 5 колоннахъ (двѣ внѣшнія изъ кавалеріи, слѣдующія двѣ пѣхотныя и средняя изъ артиллеріи) приблизилась къ этой позиціи, Люксамбургъ, обрекогносцировавъ ее, рѣшился обойти непріятеля: 6 батал. французовъ заняли Флерусъ; въ тоже время пѣхота окаймилъ ручей, текущій отъ этой деревни къ Линьи, а кавалерія лѣваго фланга развернулась по обѣ стороны Флеруса. Три батареи, по 10 орудій каждая, расположились впереди этой линіи. Все наводило на мысль о фронтальной атакѣ. Между

тѣмъ Люксамбургъ лично сталъ во главѣ войскъ праваго фланга, оставшихся въ колоннахъ, и двинулся на линіи противъ лѣваго фланга непріятеля, прикрываясь высокими хлѣбами на пашняхъ и складками мѣстности. Противникъ, замѣтя, наконецъ, обходъ, выдвинулъ часть своей 2-й линіи подъ острымъ угломъ къ лѣвому флангу и поддержалъ ихъ изъ резерва. Люксамбургъ, предвидѣвшій возможность разрыва между своимъ обходившимъ правымъ флангомъ и центромъ, послалъ изъ 2-й линіи къ Ванеле и с. Аману 9 баталіоновъ; кромѣ того 30 орудій направили свой огонь на непріятельскій флангъ и уступъ. Высланная Вальдекомъ на лѣвый флангъ кавалерія была мгновенно опрокинута и разсыяна французами. Между тѣмъ въ это время центръ и лѣвый флангъ французовъ были въ свою очередь разбиты и опрокинуты назадъ; но Вальдекъ, потерпѣвъ поражение на лѣвомъ флангѣ и опасаясь за сообщенія, не рѣшился преслѣдовать французовъ на своемъ правомъ флангѣ, а потому они вскорѣ тамъ собрались. Не выжидая новой атаки, принцъ Вальдекъ рѣшился предпринять отступление и сталъ стягиваться къ центру. Тогда оба фланга французовъ подались впередъ. 14 непріятельскихъ баталіоновъ образовали огромное каре; нѣсколько эскадроновъ пристроились на флангахъ; Люксамбургъ пододвинулъ свои войска и выставилъ нѣсколько орудій. Послѣ двукратной атаки непріятельская кавалерія была разсыяна, а пѣхота частью истреблена, частью сдалась или разбѣжалась⁽¹⁷⁴⁾.

Такимъ образомъ, побѣдою Люксамбургъ обязанъ былъ своей фланговой атакѣ. Впослѣдствіи, когда позиціонная война сдѣлалась общою въ Европѣ, когда арміи стали располагаться на крѣпкихъ позиціяхъ, фронтъ которыхъ обыкновенно обезпечивался какимъ нибудь сильнымъ естественнымъ препятствіемъ, единственнымъ средствомъ для овладѣнія такими позиціями былъ обходъ ихъ съ фланга, какъ слабѣйшаго пункта. Фридрихъ Великій понялъ эту простую истину и на примѣненіи ея основана была вся тайна его побѣдъ, удивлявшихъ современниковъ. Преслѣдованіе разбитаго непріятеля производилось чрезвычайно слабо и нерѣдко даже способствовало отступленію, держась пословицы: *Il faut faire un pont d'or à l'ennemi qui se retire*. Оступающая армія большею частью двигалась линіи черезъ линію.

Военныя дѣйствія продолжались обыкновенно только въ хорошее время года, а затѣмъ арміи располагались по квартирамъ. По словамъ Фридриха II «войну начинаютъ весной, а осенью занимаютъ зимнія квартиры»—правило, допускавшее нерѣдкія исключенія, особенно для отдѣльныхъ операций, какъ, на примѣръ, нечаянное нападеніе на непріятельское квартирное расположеніе, захватъ крѣпости и т. п. Такія предпріятія тѣмъ чаще удавались, что войска, въ видахъ удобства продовольствія, занимали широкія квартиры. Для охраненія послѣднихъ принимались соотвѣтствующія мѣры. О характерѣ послѣднихъ даютъ понятія распоряженія Тюренни въ 1673 году. Разбивъ императорско-

бранденбургскую армію и прогнавъ непріятеля за Рейль, Тюренни занялъ квартиры въ земляхъ епископа Мюнстерскаго. Для обезпеченія своего расположенія, онъ на передовомъ фронтѣ послѣдняго занялъ пѣхотою и кавалеріею все города и прочно въ нихъ утвердился; къ каждому изъ таковыхъ былъ приписанъ окрестный районъ для сбора и покупки продовольствія. Тюренни назначилъ общій сборный пунктъ, гдѣ выбралъ тщательно обреченогносцированную позицію; войска должны были, въ видахъ скорѣйшаго сосредоточенія, изучить пути, ведущіе къ этой позиціи отъ мѣстъ ихъ квартированія (Фекьеръ).

При расположеніи въ палаткахъ, войска становились какъ въ боевомъ порядкѣ—въ 2 линіи, причемъ баталіоны и эскадроны второй линіи располагались противъ интерваловъ 1-й; офицеры часто помѣщались въ ближайшихъ селеніяхъ. Для обезпеченія войскъ высылали у французовъ впередъ цѣль пѣхотныхъ полевыхъ карауловъ, силою около 50 челов. каждый, прикрывая ихъ выдвинутыми впередъ кавалерійскими авангардами. Еще далѣе впередъ выдвигалась легкая кавалерія и партизанскіе отряды для развѣдокъ, занятія дефиле, перехвата дезертировъ и т. п. Расположеніе главныхъ силъ прикрывалось часто ретраншаментами, хотя Тюренни, Конде, Люксамбургъ никогда къ этому не прибѣгали^{*}). Лагери отличались большою правильностью, прорѣзывались продольно и перпендикулярно улицами и т. п.⁽¹⁷⁶⁾.

Для лучшаго выполненія развѣдывательной службы въ австрійской арміи, Евгенийъ Савойскій образовалъ при каждомъ конномъ полку особую роту «Тгирр» изъ отборныхъ людей, назначеніе которыхъ заключалось въ противодѣйствіи непріятельскимъ развѣдывательнымъ партіямъ, производствѣ набѣговъ и въ непосредственномъ наблюденіи непріятельскихъ главныхъ силъ. Иногда эти «Тгирр» соединялись вмѣстѣ и образовали значительные отряды (до 4—5 тысячъ коней) подъ начальствомъ особаго генерала, съ тою цѣлью, чтобы, занявъ вблизи непріятельскаго лагеря выгодную позицію, наблюдать противника, препятствовать его движеніямъ и прикрывать движенія своихъ войскъ⁽¹⁷⁷⁾.

Намъ остается теперь сказать о тактическомъ искусствѣ *русскихъ войскъ*. Вопросъ о боевыхъ порядкахъ въ эпоху предшествовавшую Петру недостаточено разработанъ. Подъ вліяніемъ господствовавшего въ нашей военной литературѣ отрицательнаго отношенія къ до—петровскому военному искусству (что обуславливалось главнымъ образомъ недостаточнымъ знакомствомъ съ дѣломъ), разсматриваемый вопросъ не считался достой-

^{*}) Въ австрійской арміи для охраненія лагеря высылались на незначительное разстояніе полевые караулы силою въ 200—300 всадниковъ, подъ общимъ начальствомъ обервахтмейстера; отъ нихъ на ночь выставлялись посты изъ капрала и 5—6 нижнихъ чиновъ. При сближеніи съ непріятелемъ высылались еще впередъ на 1—2 часа разстоянія «форпосты» изъ 50—300 всадниковъ; каждый изъ этихъ постовъ связывался съ сосѣднимъ посредствомъ «партій», высылавъ впередъ по дорогамъ развѣзды и выставлялъ ведеты (1—2 всадника)⁽¹⁷⁵⁾

нымъ изслѣдованію и потому имѣются о немъ лишь самыя поверхностныя свѣдѣнія.

Собранныя на указанныя мѣста войска вмѣстѣ съ огнестрѣльнымъ парядомъ поступали подъ главное начальство *воеводы большаго полку*. Отъ этаго большаго полку отдѣлялось часть войскъ въ *передовой полкъ* (авангардъ) и часть въ *сторожевой полкъ* (арьергардъ или резервъ арміи), которыми командовали особые воеводы, подчиненные воеводѣ большаго полку. Въ общемъ боевомъ порядкѣ пѣхота, образовавшая центръ, дѣйствовала повидимому пассивно и прикрывалась иногда гуляй городомъ. Активная дѣятельность принадлежала крыльямъ, гдѣ расположена была конница. Последняя дѣйствовала по иррегулярному способу и въ случаѣ неудачи укрывалась за гуляй городомъ (178).

Относительно общаго боеваго порядка въ Уставѣ Военскомъ говорится, что вблизи непріятеля, въ предвидѣніи столкновенія съ нимъ, войска двигаются по «ордеру баталіи, а пушки передъ корпусомъ баталіи съ нѣсколькими ящиками раздѣлены быть имѣютъ; кавалерія двигается обыкновенно по обомъ крыльямъ, а все войска въ двѣ линіи съ резервомъ». Затѣмъ объясняется, что на это положительныхъ правилъ нѣтъ, что «сіе все зависитъ отъ осторожности, искусства и храбрости генерала», который долженъ знать характеръ мѣстности, силы непріятеля и его «обыкновеніе» и сообразно этому «свое дѣло управлять надлежитъ».

Кромѣ Устава Военскаго существуютъ еще нѣкоторые другіе матеріалы, дающіе возможность придти по рассматриваемому вопросу къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) число боевыхъ линій бывало и болѣе двухъ; съ другой стороны есть случаи, когда все войска строились въ одну линію. Такъ въ 1706 году Петръ указывалъ Брюсу, что если мѣсто не позволитъ расположить войска по ордеру баталіи, то становились-бы: «позади одинъ другаго во столько линій, сколько ширина позволитъ». Въ первый періодъ боя подъ Лѣсной, до прибытія подкрѣпленій, Петръ расположилъ войска въ одну линію; 2) войскамъ указывалась необходимость взаимной выручки въ бою: «но крѣпко смотрѣть чтобъ, другъ друга секундовать», и если непріятель двинется противъ одного крыла, то другое должно было атаковать противника съ тылу и во флангѣ; 3) до Фридрихштадтскаго боя кавалерія строилась на флангахъ боеваго порядка въ колоннахъ; впоследствии, въ видахъ большей готовности конницы къ атакѣ, Петръ установилъ развернутый строй для боевой ея линіи, въ резервъ-же она строилась въ колоннахъ; 4) резервъ по Уставу Военскому долженъ прикрывать крылья артиллеріи и служить для помощи тамъ, гдѣ наиболѣе вѣроятенъ ударъ противника; 5) для обезпеченія фланговъ тонкихъ боевыхъ линій кромѣ кавалеріи Петръ пользовался какъ гренадерами, такъ и частными поддержками между линіями, подобно тому, какъ это рекомендовалъ и самъ практиковалъ Монтекукули; 6) относительно дѣятельности кавалеріи въ «регулахъ», данныхъ передъ

Фридрихштадтскимъ боемъ, указывалось, чтобы кавалерія не слишкомъ гвзлась за непріятелемъ, но, разбивъ его, собиралась въ эскадроны и двигалась въ порядкѣ; для преслѣдованія слѣдуетъ ограничиться высылкой лишь небольшихъ частей. Затѣмъ встрѣчается весьма важное указаніе, что, прогнавъ непріятельскую кавалерію, конница должна немедленно искать непріятельскую пѣхоту и атаковать ее во флангъ и тылъ (179).

Все распоряженія по исполненію маршей съ развѣдками, охраненію войскъ въ лагеряхъ и на квартирахъ исходили отъ генераль-квартирмейстера (имѣвшаго помощника, а въ каждой дивизіи по одному обер-квартирмейстеру). Чины квартирмейстерской части производили рекогносцировки, дѣлали кроки, составляли диспозиціи, заботились объ исправленіи путей и пр. Все эти обязанности признавались «зѣло трудными». Предвидя разныя претензіи и неудовольствія противъ чиновъ квартирмейстерской части, особенно по отводу квартиръ, петровский Уставъ указываетъ не обращать на это вниманія: «понеже такому надлежитъ развѣ рожденну быть впредь, который-бы всемъ угодить могъ». Уставъ различалъ два рода походныхъ движеній: въ своей или дружественной странѣ, вѣ возможности встрѣчи съ непріятелемъ и вблизи противника.

Въ первомъ случаѣ высылался авангардъ и арьергардъ не выше 12 человекъ съ капраломъ, а во второмъ двигались въ полной боевой готовности. Походный строй каждый разъ опредѣлялся генераль-квартирмейстеромъ, причемъ вдаль отъ непріятеля войска дѣлились на многія колонны, а вблизи шли возможно сосредоточенно, чтобы одна колонна могла помогать другой. Въ последнемъ случаѣ впереди слѣдовалъ авангардъ, значительно усиленный пѣхотою, легкою артиллеріею или половиною кавалеріи. За авангардомъ слѣдовала пѣхота, за нею полевая артиллерія, а остальная половина кавалеріи и обозъ—въ арьергардѣ. При фланговыхъ маршахъ требовалось, чтобы каждая колонна была самостоятельной и пушки были бы распределены по пѣхотнымъ полкамъ (180).

Лагерное расположеніе и сторожевая служба въ основныхъ чертахъ были совершенно сходны съ западно-европейскими порядками, какъ это изложено выше. Въ заключеніе замѣтимъ, что армія образовалась изъ дивизій и должна быть такого состава, чтобы непріятеля «во всехъ дѣлахъ упреждать и зрячески его искать опровергнуть». Отдѣльныя части арміи назывались корпусами: *резерва* и *корволанта*. Корволантъ или легкой корпусъ выдѣлялся отъ арміи, въ составѣ 6—7 тысячъ пѣхоты и кавалеріи съ легкою артиллеріею, въ зависимости отъ условій мѣстности. Такой силы отрядъ могъ дѣйствовать повсюду свободно и назначался для разныхъ предпріятій въ тылу и на флангахъ непріятеля (181).

Инженерное искусство.

Въ началѣ XVII вѣка инженерное искусство находились еще въ младенческомъ состояніи и крѣпости не играли важной роли въ системѣ обороны государственныхъ границъ. Оборона крѣпостей, благодаря несовершенству средствъ атаки и тому, что жители принимали въ ней участіе, имѣла рѣшительный перевѣсъ надъ атакою. Итальянцы славилась въ Европѣ какъ лучшіе мастера въ инженерномъ дѣлѣ и большая часть крѣпостей выстроена была по такъ называемой «итальянской системѣ», состоявшей изъ длинныхъ куртинъ съ короткими флангами, доставлявшими трехъ-ярусную оборону, изъ короткихъ фасовъ, узкихъ и глубокихъ рововъ и гласиса съ прикрытымъ путемъ съ плацдармами для вылазокъ; впоследствии въ системѣ оборонительныхъ построекъ явились рavelины съ редютами. Осадныя работы заключались въ апрошахъ къ бастионамъ, которыя велись безъ всякой системы; обороняющійся частыми вылазками уничтожалъ эти работы и такимъ образомъ, заставляя осаждающаго дѣлать ихъ вновь, задерживалъ его подъ огнемъ крѣпостныхъ верковъ. Когда апроши доходили до гласиса—обыкновенно производился штурмъ, гдѣ очевидно обороняющійся имѣлъ все шансы на своей сторонѣ. Въ очерченномъ видѣ инженерное искусство находилось до половины XVII столѣтія. Такова была осада Тіонвиля въ 1643 принцемъ Конде. Впоследствии, по примѣру древнихъ, для обезпеченія себя со стороны вылазокъ и со стороны противной арміи съ поля, начали строить длинныя циркумъ и контръ-валаціонныя линіи. Но когда крѣпости въ глазахъ военныхъ людей начали получать первенствующую важность на театрѣ военныхъ дѣйствій, когда цѣль войны начали заключаться въ осадѣ и оборонѣ крѣпостей, инженерное искусство не могло не сдѣлать быстрыхъ шаговъ впередъ, особенно когда опытно многихъ осадъ, и въ особенности знаменитой осады Кандіи (1667—1669), доказалъ несостоятельность прежней системы укрѣпленія крѣпостей. Явились многіе талантливые представители инженернаго дѣла во Франціи, Голландіи и отчасти въ Германіи, предложившіе новыя системы для расположенія крѣпостныхъ построекъ—Паганъ, Вобанъ (1633—1707), Кегоръ (1641—1704)—державшіеся прежнихъ итальянскихъ системъ бастионнаго фронта; Римлеръ и Ландсбергъ—представители тенальныхъ фронтовъ. Мы не будемъ разбирать предложенныя ими системы, а замѣтимъ лишь, что вниманіе этихъ инженеровъ было обращено преимущественно: 1) на неудовлетворительное начертаніе крѣпостныхъ верковъ, въ особенности для веденія дальней артиллерійской обороны; 2) на необходимость надлежащаго закрытія каменныхъ одеждъ; 3) на устройство закрытыхъ помѣщеній противъ постоянно усиливавшагося дѣйствія навіснаго огня и 4) на устройство, такъ сказать, отдѣльныхъ участковъ для послѣдовательной обороны и редютовъ для внутренней обороны. Вѣкъ Людовика XIV—

вѣкъ быстрого движенія впередъ инженернаго искусства. Король любилъ войну осадъ, гдѣ жизнь его не подвергалась опасности, гдѣ онъ могъ выказать свои военныя познанія, блистать роскошью двора; въ успѣхѣ онъ не сомнѣвался, въ особенности когда возлѣ него былъ Вобанъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ инженеровъ, сдѣлавшій совершенный переворотъ въ инженерномъ дѣлѣ, вслѣдствіе котораго атака получала рѣшительный перевѣсъ, который, не смотря на все старанія послѣдующихъ инженеровъ возстановить равновѣсіе, остался до послѣдняго времени. Изобрѣтенная имъ атака, съ небольшими измѣненіями, существуетъ и до настоящаго времени.

Вобанъ, происходя изъ низкаго званія, для котораго въ тотъ вѣкъ закрыто было всякое поприще, вступилъ кадетомъ въ армію Конде и личными качествами заслужилъ офицерскій чинъ въ 1653 году; участвуя при осадахъ крѣпостей Ландресси и Конде, онъ пристрастился къ инженерному дѣлу. Блестящія его способности и знаніе дѣла обратили на себя вниманіе Лувуа и самого короля. Молодому инженеру поручили исправленіе старыхъ крѣпостей и впоследствии постройку новыхъ. Сочиненіе его «Mémoires pour servir d'instruction dans la conduite des sièges» обратило на него вниманіе всей Европы. Знанія его обнаружилась и на дѣлѣ, когда посредствомъ изобрѣтенныхъ имъ параллелей крѣпкой Матрихтъ принуждена была въ 1673 г. сдаться на капитуляцію, на 13 день по открытіи траншей. Съ 1667 г. Вобанъ завѣдуетъ всею инженернымъ дѣломъ во Франціи, самъ ведетъ все осады и обороны. Но важнѣйшую реформу въ системѣ осадъ крѣпостей сдѣлалъ Вобанъ при осадѣ Ата въ 1697 г., гдѣ изобрѣтенный имъ, вмѣстѣ съ маршаломъ Катина, рикошетный огонь нанесъ рѣшительный ударъ оборонѣ. Вобаномъ построено 33 новыхъ крѣпостей, улучшено 300 старыхъ, причемъ онъ руководилъ 53 осадами. Къ инженерному корпусу стали имѣть невольное уваженіе и Людовикъ XIV еще болѣе возвысилъ его въ лицѣ представителя, сдѣлавъ Вобана въ 1703 г. маршаломъ Франціи.

Рѣшительные успѣхи, приобретенные атакою надъ обороною дали быстрый толчекъ крѣпостному искусству. Инженеры стали употреблять все усилія, чтобы возстановить потерянное равновѣсіе. Самъ Вобанъ, въ изобрѣтенныхъ имъ траверсахъ, предложилъ средство для предотвращенія гибельнаго дѣйствія рикошетныхъ выстрѣловъ. Въ это же время является искусство дефилированія крѣпостныхъ построекъ. Впоследствии Кармонтень и Мезьерская школа теоретически опредѣлили превышеніе верковъ; Монталамберъ съ тенальною своею системою предлагаетъ вмѣстѣ и казематы для закрытія орудій и прислуги отъ губительнаго огня осаждающаго. Но все усилія систематиковъ оставались тщетными—оборона рѣшительно уступала атакѣ; неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого (такъ какъ крѣпости сдавались очень скоро по открытіи траншей), было отсутствіе надобности въ циркумъ и контрвалаціонныхъ линіяхъ, которыя въ послѣдній разъ являются при осадѣ Турина. Изъ усовершенствованій въ

атакъ, кромѣ траншейныхъ кавалеровъ, нужно замѣтить употребленіе покрытой сапы, въ первый разъ изобрѣтенной при осадѣ Лиля въ 1708 г.

Самостоятельныхъ инженерныхъ войскъ во Франціи въ вѣкъ Людовика XIV не существовало, потому что минеры и саперы считались въ артиллерійскомъ корпусѣ. Офицеры этого корпуса состояли при штабахъ и раздѣлялись на *ingénieurs directeurs*, *ingénieurs en chef*, *ingénieurs ordinaires*; во главѣ ихъ находился *commissaire général des fortifications* и *directeur général de fortifications*. Существовалъ еще особый родъ инженеровъ, назначавшихся исключительно для укрѣпленія береговъ и состоявшихъ въ вѣдѣніи морскаго министерства; но со смертію Сеньелей (*Seignelay*) въ 1690 г. они перешли въ вѣдѣніе военнаго министерства и тогда только положено основаніе самостоятельному инженерному корпусу, употреблявшемуся какъ при осадѣ и оборонѣ крѣпостей, такъ и сопутствовавшему арміи въ полѣ, исправляя дороги и наводя мосты чрезъ рѣки (183).

Минное искусство, благодаря Вобану, изобрѣвшему камуфлеты, и Белидору, сдѣлало не менѣе быстрые шаги впередъ. При осадѣ Канди (1667—1669) въ первый разъ употреблены были контръ-мины. Минерныя войска уже давно существовали въ Турціи; во Франціи первая минерная рота сформирована была въ 1679 г. Гулономъ, участвовавшимъ въ оборонѣ Канди. Когда онъ перешелъ впослѣдствіи въ австрійскую службу, то и тамъ способствовалъ къ учрежденію минернаго корпуса. Потомъ во Франціи учреждены были 3 роты минеръ, но, какъ мы сказали выше, они состояли при артиллерійскомъ корпусѣ. Инженерный корпусъ въ Австріи учрежденъ при Карлѣ VI. Изъ современныхъ осадъ наиболѣе замѣчательна минною войною осада Турина въ 1706 г., гдѣ французы имѣли въ дѣлѣ 600 минеровъ, и осада Мальборо Турнэ (183), вскорѣ сдавагося вслѣдствіе удачнаго употребленія минъ.

Такъ какъ въ разсматриваемую эпоху осада и оборона крѣпостей составляли важнѣйшія военныя операціи, то намъ необходимо подробнѣе остановиться на усовершенствованіи этого искусства Вобаномъ, гений котораго выдвинулъ инженерное дѣло на недосыгаемую до тѣхъ поръ высоту.

При самомъ началѣ своей дѣятельности Вобанъ замѣтилъ важные недостатки тогдашняго способа веденія атаки, а именно: отсутствіе связи въ веденіи подступовъ, недостаточное развитіе въ послѣднемъ періодѣ санныхъ работъ и слишкомъ большую сосредоточенность артиллеріи въ одномъ пунктѣ, которая вела преимущественно фронтальный бой. Вслѣдствіе этого Вобанъ при осадѣ Мастрихта въ 1673 г. соединилъ подступы между собою посредствомъ параллелей, изъ которыхъ первая должна была играть роль контрвалационной линіи и служить плацдармомъ для войскъ, а вторая имѣла значеніе линіи батарей. Благодаря этимъ усовершенствованіямъ атаки, крѣпость Мастрихтъ сдалась на 10

день послѣ начала осады. *Разсредоточеніе* артиллеріи для *рикошетной* стрѣльбы съ наибольшимъ блескомъ заявило о себѣ въ 1697 г., при осадѣ кр. Атъ, когда въ нѣсколько дней было подбито 83 орудія; это былъ триумфъ для Вобана, который въ своей системѣ расположенія батарей встрѣчалъ до тѣхъ поръ сопротивленіе и недовѣріе среди артиллеристовъ. Результаты своего обширнаго боеваго опыта Вобанъ изложилъ въ знаменитомъ сочиненіи: «*Traité des sièges et de l'attaque des places*». Сущность ихъ заключалась въ слѣдующемъ: Вобанъ требовалъ, чтобы, кромѣ *осаднаго* корпуса, имѣлся еще *обсервационный* корпусъ для обезпеченія осады извнѣ. Атакѣ должно предшествовать обложеніе крѣпости кавалеріей, въ 4—5 тыс. коней, причемъ слѣдовало по возможности захватить противника врасплохъ. Затѣмъ сама атака Вобана основывалась на началѣ *охвата*, въ противоположность тому, что было до него, когда артиллерійская и инженерная атаки сами охватывались крѣпостными верками. Далѣе методически расположеннымъ, непрерывно подвигавшимся впередъ подступамъ, съ сильнымъ занятіемъ ихъ пѣхотою, Вобанъ придавалъ *наступательный* характеръ, который прежде имѣли только батареи. Этому наступательному характеру отвѣчала теперь и артиллерійская атака, но не скученная, а раскинутая и охватывающая, чѣмъ и достигалось превосходство надъ противникомъ, а вовсе не многочисленностью орудій. Всѣмъ этимъ была парализована активная оборона пѣхоты, а артиллерійская атака, одновременно поражавшая бастионы фронтальнымъ, фланговымъ и навѣснымъ огнемъ, быстро уничтожала дальнюю артиллерійскую оборону. Этимъ объясняется почему перевѣсъ перешелъ на сторону атаки, хотя таковой ощущался преимущественно въ первое время осады, и ближайшая оборона, когда атакующій самъ былъ охватываемъ, все еще была довольно сильной.

Относительно *обороны* мнѣнія Вобана представляютъ меньше интереса. Для пѣхоты онъ главнымъ условіемъ считалъ пассивную оборону главнаго вала и прикрытаго пути. Что же касается активной обороны, т. е. вылазокъ, то онъ относился къ нимъ отрицательно, и полагалъ, что ихъ слѣдуетъ производить «рѣдко и съ большою осторожностью», такъ какъ «гарнизонъ нужно сохранять для болѣе важныхъ дѣлъ». Вобанъ первый раздѣлил вылазки на большія и малыя, изъ которыхъ послѣднія назначалъ преимущественно противъ ближайшихъ работъ на гласисѣ. Что касается артиллеріи, то, какъ только опредѣлится фронтъ атаки, обороняющійся долженъ поставить всѣ орудія какими только можетъ располагать, но долженъ избѣгать борьбы непосредственно съ непріятельскими батареями. Затѣмъ Вобанъ рекомендовалъ усиленное употребленіе при оборонѣ мортиръ (183).

Впрочемъ, Вобану самому не приводилось ни разу обороняться, и оборона велась по извѣстнымъ строго выработаннымъ правиламъ. Губернаторъ крѣпости (комендантъ), при посредствѣ своего штаба, подготавливалъ все необходимое для обороны и для затрудненія приближе-

нія противника; въ то же время онъ принималъ всѣ необходимыя мѣры, чтобы держать въ рукахъ населеніе. Обращалось большое вниманіе на облегченіе вылазокъ противъ непріятельскихъ работъ. Оборона прикрытаго пути велась со всевозможнымъ упорствомъ, такъ какъ потеря его считалась предлюдіемъ сдачи крѣпости. Также отстаивался контръ-гардъ, гдѣ таковой прикрывалъ собою бастионъ. Затѣмъ шла защита главной ограды крѣпости. Когда непріятель пробивалъ брешь, тогда на ней сосредоточивалось все искусство, все мужество обороняющагося, и она въ концѣ концовъ отставалась грудь къ груди въ отчаянномъ рукопашномъ бою *). Часто за брешью возводили ретраншаментъ или вырывали ровъ позади бреши, наполняя его горючими матеріалами (185).

Употребленіе *укрѣпленій въ поле* становится общимъ въ арміяхъ этого періода; укрѣпленія эти состояли большею частью изъ непрерывныхъ цѣпныхъ линій, которыми арміи старались прикрыть свой фронтъ, въ особенности въ войнѣ оборонительной. Замѣчательнѣйшими линіями были: между Шельдою и Ли въ 1695 г., вдоль Шнейербаха, 1705; между Вейсенбургомъ и Лаутербургомъ по Лаутеру, 1706; между Штольгофеномъ и Бюлемъ; Шварцвальдская линія герцога Виртембергскаго и пр. Линіи эти состояли изъ редуновъ, редутовъ и штерншанцевъ; соединявшихся курттинами; впоследствии редуты вытѣсняють всѣ прочіе роды укрѣпленій (186).

Такая система укрѣпленій, одинаково слабыхъ повсюду, была ошибкой того времени, но отвѣчала современнымъ стратегическимъ и тактическимъ понятіямъ. Линіи, служа для одной кампаніи, могли при надобности быть исправлены и найти примѣненіе въ новой войнѣ; онѣ, такъ сказать, расчленили театръ войны на нѣсколько операціонныхъ участковъ и заключали внутри себя заранѣе извѣстныя позиціи изъ-за которыхъ боролись и овладѣніе которыми давало видъ успѣха надъ непріателемъ. Все это вполне характеризуетъ методичность и медленность тогдашнихъ стратегическихъ операцій (187).

Во многихъ полевыхъ сраженіяхъ мы видимъ употребленіе линій укрѣпленій, какъ, напримѣръ, въ разсмотрѣнномъ нами сраженіи при Мальплаке. Петръ Великій, какъ увидимъ ниже, въ сраженіи при Полтавѣ впервые употребилъ отдѣльные редуты.

Понтонное искусство тоже подвинулось впередъ. Карлу XII приписываютъ первое наведеніе *понтоннаго моста поворотомъ*. Въ Голландіи изобрѣтены и введены во Францію понтоны изъ красной мѣди (188); но

*) Кенси (Quincy) въ своей «Военной Исторіи Людовика Великаго» рассказываетъ, что при защитѣ Люксамбурга въ 1684 году, въ то время какъ французы бросались на брешь, 15 испанскихъ офицеровъ, всѣ на коняхъ, дебушировали изъ бреши въ ровъ и бросались въ атаку на французскихъ гренадеръ одной изъ атакующихъ колоній—всѣ эти офицеры были истреблены въ последовавшемъ бою.

въ Германіи оставались по прежнему большіе деревянные, считавшіеся болѣе удобными для наведенія мостовъ на большихъ рѣкахъ, какъ, напримѣръ, на Рейнѣ и Дунаѣ.

Съ древнѣйшихъ временъ въ *Россіи* существовали *города, городки, остроги и острожки*. Важнѣйшіе города имѣли двѣ и болѣе оградъ, образовавшихся постепенно по мѣрѣ увеличенія населенія города. Внѣшнія ограды назывались окольничимъ градомъ, охабнемъ, кромомъ, а внутреннія дѣтинцемъ и кремлемъ. Остроги, встрѣчающіеся на границахъ съ народами малонекусными въ военномъ дѣлѣ, были населенными пунктами, обнесенными оградой изъ тына, заостренного сверху; ограды были земляныя, деревянныя и каменныя; первыя—самыя древнія. Для прикрытія войскъ, находившихся на деревянныхъ (вѣнчатыхъ) стѣнахъ, устраивали заборолъ, т. е. брустверъ (съ XVII столѣтія—обламы, обломъ). Стѣны усиливались башнями, различной формы и въ нѣсколько этажей. Каменныя ограды упоминаются уже съ XI стол. Онѣ располагались полигонально, имѣли башни, были толщиной въ 9—14 и высотой 28—33 ф. и имѣли вершину прикрытую стѣнкою высотой 3—4 ф. Кромѣ воротъ ограды имѣли потайные ходы или *вылазы*. Впереди стѣны тянулся ровъ.

Введеніе огнестрѣльнаго оружія не много повліяло на устройство нашихъ оградъ: стѣны были нѣсколько понижены, но не утолщены. Но за то открытая оборона получила важныя улучшенія: явились въ стѣнахъ нижніе или подошвенные, средніе и верхніе бои. Нижний подошвенный бой состоялъ изъ ряда углубленій или ниш. Устройство средняго боя зависѣло отъ высоты ограды и онъ тоже состоялъ изъ ниш; наконецъ, верхній бой всегда былъ на вершинѣ, которая прикрывалась стѣнкою, сперва сплошной, а впоследствии зубчатой; тамъ же устраивались навѣсныя стрѣльниці (косой бой). Связаніе съ вершиною стѣны производилось посредствомъ каменныхъ и деревянныхъ лѣстницъ (входы, выходы). На вершинѣ стѣны дѣлалась крыша и этотъ крытый ходъ могъ дѣлиться перегородками, образуя *клетки*. Башни были разнообразной формы, но круглыя и четырехугольныя предпочитались другимъ. Башни назначались не для фланговой обороны, а для усиленія обороны стѣны. На вершинѣ ихъ была площадка, прикрытая парпетомъ.

Ровъ, называвшійся въ старину *проблемъ*, окружалъ каменную стѣну съ той стороны, которая была доступна атакѣ; онъ отдѣлялся отъ подошвы стѣны бермою въ 1—7 саж., что давало возможность обстрѣливать его фронтальнымъ огнемъ съ вершинъ стѣны. Монастырскія ограды, оказывавшія иногда врагу рѣшительное сопротивленіе, имѣли въ общемъ такое же устройство какъ городскія. Съ 1618 г. у насъ стали появляться земляныя ограды, заимствованныя изъ новѣйшей фортификаціи; способъ укрѣпленія принадлежалъ къ разряду голландскихъ системъ того времени и состоялъ изъ малыхъ бастионовъ съ фланками, перпендикулярными къ длиннымъ курттинамъ; ровъ наполнялся водою; контръ-эскарпъ не имѣлъ гласиса. Описанный образецъ былъ одобренъ Михаиломъ Федоровичемъ. Впрочемъ, крѣпости новаго типа въ до-петровской Руси были лишь рѣдкимъ исключеніемъ.

Необходимо упомянуть о *сторожевыхъ линіяхъ*, игравшихъ весьма важную роль. Это были длинныя, непрерывныя линіи, причемъ на мѣстахъ открытых онѣ состояли изъ вала со рвомъ впереди. Это—*валъ, черта*; въ странахъ лѣсистыхъ линіи образовались изъ лѣсныхъ заваловъ—это *засѣчныя линіи* или *засѣки* (9—30 саж.) По протяженію сторожевыхъ линій располагались города, городки, остроги, острожки, доставлявшіе имъ болѣе сильную самостоятельную оборону. Позади засѣчной линіи пролагалась дорога для удобнаго сообщенія между частями этой линіи.

Полевые укрѣпленія съ древнѣйшихъ временъ были извѣстны нашимъ предкамъ и состояли изъ земляныхъ валовъ со рвомъ, полигональнаго или неправильнаго очертанія, сообразно видоизмѣненіямъ мѣстности. Иногда ограда усиливалась расположеніемъ на верху тына или колева. Къ числу старинныхъ полевыхъ оградъ

слѣдуетъ отнести *осетки* или ограды изъ срубленныхъ деревьевъ, устраивавшіяся вблизи лѣсовъ или въ лѣсахъ. Вообще полевые окопы имѣли преимущественно сомкнутое очертаніе и располагались для взаимной обороны, сообразно современнымъ понятіямъ. Съ развитіемъ огнестрѣльнаго оружія, орудія сначала помѣщались на мѣстномъ горизонтѣ; для прикрытія ихъ служили большіе туры, которые можно было возить въ обозѣ, такъ какъ число орудій для обороны окоповъ, было незначительно. Съ введеніемъ орудій на валу долженъ былъ вмѣсто тына и т. п. возводиться брустверь; можно думать, что орудія помѣщались въ пеходящихъ частяхъ укрѣпленій. Одновременно съ введеніемъ въ употребленіе орудій при оборонѣ полевыхъ окоповъ явился у насъ весьма своеобразная подвижная ограда подъ названіемъ *гулай-городъ* (или градъ-обозъ). Это былъ подвижный деревянный городокъ, слѣдовавшій за войсками въ обозѣ. Въ первый разъ о немъ упоминается въ 1530 году⁽¹⁹⁹⁾. Флетчеръ такъ описываетъ гулай-городъ и его употребленіе: «Въ войнѣ оборонительной, или въ случаѣ сильнаго нападенія татаръ на русскую границу, войско сажаютъ въ походную или подвижную крѣпость (называемую вежа или гулай-городъ), которая возится при немъ подъ начальствомъ воеводы *гулаева* (или разѣзднаго генерала). Эта походная или подвижная крѣпость такъ устроена, что, смотря по надобности, можетъ быть растянута въ длину на одну, двѣ, три, четыре, пять, шесть^{*}, семь миль, именно на сколько ее станеть. Она заключается въ двойной деревянной стѣнѣ, защищающей солдатъ съ обѣихъ сторонъ какъ съ тылу, такъ и спереди, съ пространствомъ около 3 ярдовъ между той и другой стѣной, гдѣ они могутъ не только помѣщаться, но также имѣютъ довольно мѣста, чтобъ заряжать свои огнестрѣльные орудія и производить изъ нихъ пальбу, равно какъ и дѣйствовать великимъ другимъ оружіемъ... Стѣны крѣпости смыкаются на обонхъ концахъ и снабжены съ каждой стороны отверстиями, въ которыя выставляются дула ружей, или какое либо другое оружіе. Ее возить велѣдъ за войскомъ, куда бы оно ни отправлялось, разбиравъ на составныя части и разложивъ ихъ на телеги, привязанныя одна къ другой и запряженныя лошадьми, коней однако не видно, потому что онѣ закрыты поклажей какъ бы навѣсомъ. Когда привезутъ ее на мѣсто, гдѣ она должна быть поставлена (которое заранее избираетъ и назначаетъ гулевой воевода), то раскидываютъ, по мѣрѣ надобности, иногда на одну, иногда на двѣ, а иногда на три мили или болѣе. Ставить ее очень скоро, не нуждаясь притомъ ни въ плотникѣ, ни въ какомъ либо инструментѣ, ибо отдѣльныя доски такъ сдѣланы, чтобъ прилаживать ихъ одну къ другой, что нетрудно понять тѣмъ, коимъ извѣстно, какимъ образомъ производится всѣ постройки у русскихъ. Эта крѣпость представляетъ стрѣляющимъ хорошую защиту противъ непріятеля, особенно противъ татаръ, которые не берутъ съ собою въ поле ни пушекъ, ни другихъ орудій, кромѣ меча, лука и стрѣлъ. Внутри крѣпости ставятъ даже нѣсколько полевыхъ пушекъ, изъ коихъ стрѣляютъ, смотря по надобности»⁽²⁰⁰⁾. Было ли это самостоятельное изобрѣтеніе русскихъ или предки наши заимствовали идею такого укрѣпленія у гуситовъ—трудно сказать, нельзя впрочемъ не замѣтить, что обозная крѣпость у Жижки состояла изъ *повозокъ*, съ прикрывающими подъ кузовомъ досками и обороняемыхъ людьми, помѣщавшимися частью на повозкахъ съ большими прикрывавшими ихъ щитами—навезами. Кромѣ того обозная крѣпость Жижки могла производить и наступательныя движенія, причемъ ей легко придавались самыя разнообразныя формы, обращавшія ее въ губельный лабиринтъ для непріятеля, понаваго внутрь ея. Такимъ образомъ, нашъ гулай-городъ довольно существенно отличался отъ гуситской обозной крѣпости.

^{*} Такимъ образомъ, показаніе Флетчера противорѣчитъ предположенію Ласковскаго, будто-бы гулай-городъ не могъ быть значительныхъ размѣровъ и служилъ лишь для прикрытія опорныхъ пунктовъ.

Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть объ употреблявшихся въ полевой войнѣ *гассарахъ*; гассаръ—это доски съ дверями (которыми прикрывались отъ непріятеля и съвозъ отверстія которыхъ стрѣляли) или же подвижной тынъ съ бойницами.

Преградами служили еще *роатки* и *быки* или наклонный палисадъ. Съ XVII столѣтія у насъ появляются полевые окопы новой фортификаціи, называемые *шампанами*. Вѣроятно они состояли изъ 4-угольныхъ редутовъ, имѣвшихъ небольшой толщины брустверь, въ грудную высоту, у внутренней отлогости котораго помѣщался палисадъ; въ такомъ видѣ полевые редуты напоминали прежніе полевые остроги. При осадѣ русскими Смоленска въ 1632 году встрѣчается употребленіе окоповъ въ видѣ цѣпныхъ непрерывныхъ линій, составленныхъ изъ фронтовъ различнаго начертанія, а также сомкнутыхъ укрѣпленій съ баціонами и полубаціонами.

Впрочемъ новыя укрѣпленія устраивались преимущественно иноземцами, служившими у насъ; сами-же русскіе нерѣдко обращались къ полевымъ городкамъ прежняго типа (осада Соловецкаго монастыря, 1677 г.).

Что касается *атаки укрѣпленныхъ городковъ*, то введеніе огнестрѣльнаго оружія не произвело въ теченіи долгаго времени никакихъ существенныхъ измѣненій въ ея старинныхъ приемахъ. Объясняется это отсутствіемъ при осадной артиллеріи свѣдущихъ мастеровъ дѣла, слабымъ вооруженіемъ орудіями непріятельскихъ городковъ, что давало возможность съ успѣхомъ обращаться къ штурму, и недостаткомъ вообще инженерныхъ познаній. Такимъ образомъ, до Ивана Грознаго измѣнились только разрушительныя средства, но характеръ осадъ остался прежній. Подступивъ къ укрѣпленному городу, русскіе окружали его со всѣхъ сторонъ, размѣщали орудія въ отдѣльныхъ батареяхъ и открывали огонь по оградѣ. Нанеся непріятельской артиллеріи или городской оградѣ достаточный вредъ, обращались къ приступу. Въ случаѣ же невозможности произвести подобную атаку или же если желали избѣжать кровопролитія, замѣняли атаку блокадою, которую лѣтописцы обозначали выраженіемъ: «стать статью на выстоянне». Произведенная Ивановомъ IV осада Казани въ 1552 г. превосходила по искусству ея веденія не только всѣ предшествовавшія, но и послѣдовавшія осады. Въ этомъ блистательномъ подвигѣ русскихъ войскъ много принадлежало личному искусству царя. Предварительно онъ соорудилъ вблизи Казани укрѣпленный пунктъ—г. Свѣяжекъ; это дало возможность войскамъ тамъ оставленнымъ, въ теченіи зимы, предшествовавшей осадѣ, покорить многія изъ племенъ Казанскаго царства, а войска, назначенныя для осады, нашли тамъ, послѣ продолжительнаго и труднаго похода, пріютъ. Предвидя заранее всѣ трудности овладѣнія Казанью, которая была не простымъ укрѣпленнымъ городомъ, а столицею царства, Иванъ собралъ многочисленныя войска и средства, вполне отвѣчавшія важности предпріятія. Главныя дѣйствія атаки онъ основалъ на подкопахъ, неизвѣстныхъ татарамъ, и противъ которыхъ они ничего предпринять не могли. Затѣмъ царь рѣшительно направлялъ всѣ дѣйствія своею волею и придалъ имъ извѣстный порядокъ, послѣдовательность и направленіе.

Что касается инженернаго искусства въ этой осадѣ, то оно носитъ переходный характеръ отъ старыхъ къ новымъ приемамъ. Для осады была употреблена многочисленная артиллерія и въ тоже время привезены были башни и другія старинныя принадлежности осады, уже оставленныя западными народами.

Вмѣсто циркумъ и контрвалационныхъ линій, входившихъ тогда въ употребленіе, русскіе прибѣгали къ тыну и турамъ. Тутъ въ первый разъ были употреблены траншеи и подступы велись весьма медленно и неискусно. Въ близкомъ разстояніи отъ городской стѣны была устроена громадная башня, которая съ большимъ удобствомъ, безопасностью и съ меньшей затратой силъ и средствъ могла бы быть замѣнена землянымъ кавальеромъ. Въ послѣдующее время осады производились опять по старому способу. Михаилъ Федоровичъ, заимствуя многое у иностранцевъ, заботился также и о вызовѣ свѣдущихъ инженеровъ. Вскорѣ это средство

дало удовлетворительные результаты. Осады Смоленска (1632) и Риги (1656 г.) показывают, что русские достаточно усвоили себе западноевропейские приемы осады («вить взъёмъ»). Если на практикѣ обнаруживались еще недостатки и несовершенства, то это объясняется недостатками теоретическихъ свѣдѣній, для развитія которыхъ не было ни учебъ, ни печатныхъ пособій. Оборона укрѣпленныхъ городовъ въ Россіи съ древнѣйшихъ временъ находилась на высокой степени совершенства. Весьма часто многочисленный неприятель, обладавшій огромными средствами для осады, отступалъ, не достигнувъ никакихъ успѣховъ въ своихъ предпріятіяхъ. Въ этомъ дѣлѣ главнѣйшую роль играли извѣстные моральныя свойства русскаго народа, а затѣмъ и приемы инженернаго искусства. Оборона почти всегда (начиная съ героическихъ дѣйствій Святослава подѣ Доростоломъ), была наступательная, активная; вылазки принимали иногда характеръ сраженій, причемъ защитники дѣлились на двѣ части: одна обороняла стѣны, а другая ходила на вылазки. До начала осады направляли всѣ поврежденія, заграждали ненужные и ограждали оставляемые выходы, заботились о водѣ, запасахъ, располагали некустаренныя препятствія для удержанія неприятеля подѣ выстрѣлами, жгли предмѣстья, жители которыхъ удалялись въ городъ и т. п. Не довольствуясь защитой заранѣе построенныхъ оградъ, соорудили во время осады, внутри города, другія временныя, за которыми защищались съ неменьшимъ упорствомъ. Огнестрѣльные орудія, подобно метательнымъ машинамъ, помѣщались въ башняхъ закрыто и на платформахъ, такъ какъ стѣны по малой ширинѣ ихъ наверху были къ тому не пригодны. Для орудій самого малаго калибра устранили или малыя башни между большими, или подошвенный бой. Впоследствии орудія помѣщались на раскатахъ, болѣе обширныхъ чѣмъ башни, но и на ихъ валгангахъ могло помѣщаться не больше орудій чѣмъ въ башняхъ, имѣвшихъ нѣсколько этажей (Смоленскъ въ 1651 г., при оградѣ въ 5 верстѣ, имѣлъ на ней 106 орудій). Орудія были вообще малыхъ калибровъ, что объясняется тѣмъ, что дѣйствіе изъ такихъ орудій противъ приступа было легче нежели изъ тяжелыхъ; помѣщеніе большихъ орудій въ башняхъ могло казаться опаснымъ.

Большая часть городовъ имѣли служилыхъ людей, которые въ военное время причислялись къ гарнизону и распределялись на равнѣ съ другими войсками. Это были: городовые стрѣльцы, пушкарі, пишальники, затинщики, воротники, плотники, кузнецы, размыльщики, а на сторожевыхъ линіяхъ—сторожи *). Вообще служилые люди въ городахъ и сторожевыхъ линіяхъ образовали родъ кадровъ, которые въ минуту опасности пополнялись городскими и окрестными жителями или войсками, приходившими на помощь. Всѣ защитники городовъ въ совокупности назывались *осадными людьми и сидельцами*. Они, какъ вышеупомянуто, раздѣлялись на 2 части. Въ большихъ городахъ оборона наружной награды ввѣрялась нѣсколькимъ воеводамъ, изъ которыхъ каждый вѣдалъ свою часть, подчинялся главному воеводѣ. Каждый изъ такихъ участковъ дѣлился на меньшіе, ввѣрявшіеся головамъ: *осаднымъ и обыважимъ* (первыя имѣли большое значеніе и исполняли обязанности комендантовъ въ острогахъ). Снаряды подносили жители, не входившіе въ составъ гарнизона. Веденныя въ это время обороны Пекова, Троицкой лавры, Смоленска, показываютъ, что: 1) разбросанная и слабая артиллерія обороняющагося производила слабое дѣйствіе; 2) это обстоятельство еще болѣе побуждало къ вылазкамъ,

*) Засѣчные сторожа при засѣкахъ составляли военныя поселенія. Передъ засѣками, значительно впереди, выставлялись посты. Въ случаѣ опасности эта постоянная стража усиливалась *подымовными людьми*, которыхъ набирали изъ ближайшихъ селеній, а иногда и подходившими на помощь войсками. Засѣчные сторожа находились въ вѣдѣніи засѣчныхъ головъ, а главное начальство надъ засѣками ввѣрялось воеводамъ.

которыя отважно производились тамъ, гдѣ средства это позволяли; 3) подземная оборона играла большую роль во всѣхъ помянутыхъ осадахъ, причемъ при оборонѣ Смоленска она ведется русскими весьма искусно.

Иноземцы, пріѣзжавшіе къ намъ строить крѣпости, назывались *горододѣльцами*, а впоследствии *инженерами*, только разъ встрѣчается названіе *городоваго смысленика*; поэтому ошибочно предполагаютъ, что у насъ были размыслы—названіе *Размысла* было дано Иваномъ IV одному иноземцу, принимавшему дѣятельное участіе въ осадѣ Казани въ 1552 г.; одно изъ современныхъ сказаній называло его даже: «дохтуръ именемъ Размыслъ» (191).

Петръ Великій въ своихъ преобразованіяхъ инженерной части въ Россіи, преслѣдовалъ слѣдующія основныя цѣли: 1) ввести во всеобщее употребленіе современный способъ укрѣпленій; 2) основать корпусъ собственныхъ инженеровъ; доставивъ имъ всѣ средства для теоретическаго и практическаго образованія; 3) примѣнить укрѣпленные пункты наивыгоднѣйшимъ образомъ къ оборонѣ государства; 4) популяризовать по возможности свѣдѣнія по инженерной части.

По обыкновенію Петръ началъ самъ съ тщательнаго изученія дѣла, первоначально подѣ руководствомъ Тимермана и затѣмъ вскорѣ нашелъ довольно обширное практическое приложеніе своимъ знаніямъ въ потѣшныхъ играхъ, а потомъ въ маневрахъ, между которыми особенно извѣстенъ «Кожуховскій походъ». Эти маневры указываютъ, что въ инженерной техникѣ не только наши военачальники, но и иноземцы, бывшіе на нашей службѣ, отстали отъ запада и что изобрѣтенія и усовершенствованія предложенныя Вобаномъ были у насъ еще неизвѣстны. Послѣдовавшая въ 1695 г. первая осада Азова, является предпріятіемъ плохо соображеннымъ, задуманнымъ съ малыми матеріальными средствами и выполненнымъ съ малымъ знаніемъ дѣла. Крѣпость не была вполне обложена и обороняющійся могъ получать подкрѣпленія во все время осады. Слабость осаднаго корпуса подвергала неприятельскимъ нападеніямъ его тылъ и сообщенія; не было людей достаточно свѣдущихъ въ дѣлѣ; траншейныя работы велись несообразно и вылазки неприятеля нашли себѣ мѣсто; подземныя работы велись неудовлетворительно. Не смотря на то, что власть объединялась формально въ рукахъ царя, но, вслѣдствіе его молодости и неопытности, въ осадномъ корпусѣ, раздѣленномъ на 3 самостоятельныя отряда, не было единства въ дѣйствіяхъ.—Осада Азова въ 1696 г. тоже обнаружила недостатокъ въ свѣдущихъ инженерахъ, вслѣдствіе чего Петръ, возвратившись въ Москву, распорядился отправкой за границу молодыхъ дворянъ для изученія «инженерства». Лично Петръ совершенствовался въ познаніи дѣла во время своего путешествія за границую. Но дѣло это шло медленно, а между тѣмъ вскорѣ открылась Сѣверная война, которая хотя дала обширную практику нашимъ войскамъ, но все таки пришлось вести это дѣло при весьма скудныхъ теоретическихъ познаніяхъ. Затѣмъ самый характеръ тогдашнихъ крѣпостныхъ оградъ много способствовалъ успѣш-

ному окончанию почти всех осадъ. Русские, пользуясь возможностью поражать съ дальняго разстоянія высокія каменные стѣны, производили преждевременные обвалы, уничтожали огонь фланкирующихъ частей и тѣмъ избавлялись отъ производства вѣнчанія гласиса и постройки на немъ батарей, т. е. отъ всѣхъ ближайшихъ работъ, требовавшихъ большаго искусства. Окончательныя дѣйствія осадъ основывались на мужествѣ и храбрости войскъ, а не на инженерномъ искусствѣ; постоянно встрѣчаются штурмы при помощи лѣстницъ, сопровождавшіеся блестящими успѣхами, но стоившіе многихъ жертвъ. Тѣмъ не менѣе и эти ускоренныя осады были продолжительны—отъ недостатка въ орудіяхъ, несвоевременной ихъ доставки, дурной организаціи осадной артиллеріи и недостатка знающихъ людей. За неимѣніемъ собственныхъ инженеровъ, приходилось прибѣгать къ иностраннымъ. Выборъ ихъ зависѣлъ отъ многихъ случайностей и если Петръ говорилъ, что «доволенъ и тѣмъ, если, по примѣру апостоловъ, между одиннадцатыо хорошими чужеземцами найдется одинъ негодяй», то на практикѣ это отношеніе сильно измѣнялось въ худшую сторону. Къ этому слѣдуетъ еще прибавить и незнаніе иноземцами русскаго языка, и тогда станетъ понятнымъ, что въ царствованіе Петра эти иностранцы хотя и оказывали пользу какъ инженеры—строители, образователи юношества и т. п., но ни одинъ не приобрѣлъ извѣстности какъ военный инженеръ. Весьма часто, не смотря на присутствіе не малаго числа иностранныхъ элементовъ, должности ихъ исправляли бомбардирные оберъ и унтеръ-офицеры, а также тѣ изъ офицеровъ, которые имѣли хотя кое какія познанія въ инженерномъ искусствѣ.

Что касается крѣпостей, построенныхъ Петромъ Великимъ, то онѣ имѣли характеръ болѣе временныхъ чѣмъ постоянныхъ укрѣпленій; это въ особенности выражалось небольшимъ протяженіемъ фронтовъ укрѣпленій, отсутствіемъ каменныхъ одеждъ и т. п. Петръ Великій, вводя въ употребленіе способы укрѣпленія новѣйшей фортификаціи, вовсе не держался ихъ рабски, а примѣнялъ лишь тамъ, гдѣ дѣйствительно этого требовала обстановка. Тамъ же, гдѣ необходимо было прикрыться отъ мало свѣдущихъ народовъ, онъ употреблялъ старинный способъ укрѣпленія (въ Воронежѣ—деревянный замокъ, въ Сибири—остроги и т. п.).

Ни одна изъ начатыхъ Петромъ крѣпостей не была вполне окончена, вслѣдствіе непрерывныхъ войнъ, денежныхъ недостатковъ и военныхъ успѣховъ, позволявшихъ разсчитывать болѣе на побѣды въ полѣ, нежели заботиться о крѣпостяхъ.

Со введеніемъ крѣпостей для защиты государства русскіе не отказались отъ употребленія прежнихъ средствъ укрѣпленныхъ линій и засѣкъ, подтвержденіемъ чему могутъ служить: возведеніе постоянной Царицынской линіи, постройка временныхъ линій и засѣкъ на юго-западной границѣ и, наконецъ, строгія приказанія о поддержаніи Тульскихъ засѣкъ (1722).

Линіи эти долго еще носили прежній характеръ, т. е. состояли изъ

непрерывной ограды земляной или лѣсной, подкрѣпленной крѣпостцами, фельдшанцами, редутами и форпостами. Недостатки такихъ непрерывныхъ линій нынѣ хорошо извѣстны и нѣтъ надобности останавливаться на нихъ. Первый шагъ къ измѣненію характера въ расположеніи пограничныхъ линій, сдѣланъ былъ лишь при возведеніи Оренбургской (1739) и Сибирской (1752 г.) линій. Онѣ состояли изъ однихъ отдѣльных опорныхъ пунктовъ, различной величины и силы, отстоявшихъ на столь близкомъ разстояніи другъ отъ друга, что дали возможность пограничной стражѣ охранять промежутки частыми конными разъѣздами (1733).

Относительно *полевыхъ сконовъ* въ Петровскую эпоху слѣдуетъ замѣтить, что, не смотря на наступательный характеръ войнъ, веденныхъ Петромъ Великимъ, укрѣпленія этого рода находили довольно частое примѣненіе. Объясненія такому явленію слѣдуетъ искать въ томъ, что, преслѣдуя обширныя военно-политическія цѣли, Петръ долженъ былъ вести наступательныя войны, но съ другой стороны, имѣя армию молодую, имъ самимъ образованную и, въ лицѣ главнаго противника,—войска весьма искусныя, во главѣ которыхъ стоялъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ воиновъ, Петръ нерѣдко долженъ былъ занимать въ тактическомъ смыслѣ оборонительное положеніе.

Такимъ образомъ, Сѣверная война даетъ много случаевъ употребленія полевыхъ укрѣпленій. Такъ въ 1705 г., перенесъ театръ войны изъ Прибалтійскаго края по направленію къ Польшѣ, русскіе, въ числѣ 35,000, расположились зимою на квартирахъ въ Литвѣ въ окрестностяхъ Гродно. Городъ этотъ назначенъ былъ мѣстомъ сбора войскъ, на случай наступательныхъ дѣйствій непріятеля, и устроенъ тамъ укрѣпленный лагерь. Ограда послѣдняго представляла цѣпную линію, хорошо приспособленную къ оборонѣ скатовъ и впередилежащей мѣстности; юго-восточная ея часть, какъ болѣе подвергавшаяся нападенію, заключала въ себѣ двойную линію укрѣпленій, изъ которыхъ внутренняя по мѣстному положенію, командовала виѣшней. На протяженіи восточной ограды находился сомкнутый окопъ для внутренней обороны лагеря. Въ составъ сѣвернаго и отчасти сѣверо-западнаго фронтовъ вошли частью отдѣльныя строенія, которыя были приспособлены къ оборонѣ. Часть лагеря, обращенная къ Нѣману, не была укрѣплена, но для обезпеченія перехода войскъ на лѣвый берегъ устроены были укрѣпленія. Монастыри и нѣкоторыя прочныя зданія, вѣроятно, входили въ систему внутренней обороны лагеря. Фронтъ позиціи представлялъ сильную перекрестную оборону для впередилежащей мѣстности. Цѣпная непрерывная линія отвѣчала строгой оборонѣ, которая исключительно имѣлась въ виду въ настоящемъ случаѣ. Сила расположенія укрѣпленнаго лагеря заставила Карла XII отказаться отъ атаки его открытою силою, и онъ рѣшился обратиться къ маневру—отрѣзать русскимъ войскамъ сообщеніе съ Рос-

ею; но мудрыя распоряженія Петра спасли армию и ей удалось избѣжать катастрофы.

Съ перенесеніемъ театра войны на юго-западную границу, Петръ обратилъ вниманіе на приведеніе въ оборонительное положеніе, посредствомъ временныхъ укрѣпленій, болѣе открытой ея части между Псковомъ, Смоленскомъ, Брянскомъ и далѣе. Линіи эти, устроенныя въ 1706—1708 гг., состояли изъ засѣкъ въ 150—300 ш. шириною и сплошныхъ валовъ, прерываемыхъ лишь непроходимыми болотами и большими дорогами, причѣмъ проѣзды прикрывались люнетами или флешами, съ палисадами, рогатками и шлагбаумами. Позади линіи устроена была дорога шириною въ 90 ш. Для защиты этихъ громаднхъ линій назначалась стража изъ крестьянъ, вооруженныхъ косами, рогатками и т. п., и особый отрядъ изъ 5 т. пѣхоты и 3 т. кавалеріи. Линіи эти должны были охранять «не отъ стройнаго войска, но отъ набѣговъ» мелкихъ партій.

При Головчинѣ въ 1708 году, фронтъ позиціи былъ усиленъ укрѣпленіями, представлявшими въ общемъ начертаніи непрерывную линію ломаннаго расположенія, которое на всемъ протяженіи доставляло впередилежащей мѣстности сильную фронтальную, а мѣстами и фланговую оборону. Въ шести мѣстахъ линія поддержана была отдѣльно помѣщенными батареями. Линіи укрѣпленій, какъ-бы раздѣленныя на участки этими батареями, не примыкали къ нимъ непосредственно, но или простирались далѣе, или не доходили до нихъ, образуя удобные выходы для наступательныхъ дѣйствій войскъ. Всѣ укрѣпленія были отлично приспособлены къ сильному обстрѣливанію впередилежащей мѣстности, а отдѣльное расположеніе батарей, вполнѣ заслуживаетъ вниманія по цѣлесообразной его оригинальности и самостоятельному характеру, въ отличіе западно-европейскихъ образцовъ того времени.

Самостоятельность генія Петра выразилась вполнѣ при укрѣпленіи Полтавской позиціи. Тамъ, между прочимъ, было построено 6 редутовъ, въ разстояніи ружейнаго выстрѣла одинъ отъ другого. Во время сраженія въ нихъ находилось 2 баталіона, а позади ихъ часть кавалеріи. Перпендикулярно къ фронту редутовъ были построены еще 4 редута, одинъ передъ другимъ. Такимъ образомъ, общее расположеніе укрѣпленій отвѣчало какъ истиннымъ требованіямъ обороны, такъ и служило опорой при наступательномъ предиріятіи противъ шведовъ. Подробнѣе съ этой позиціей мы ознакомимся ниже, при описаніи Полтавскаго сраженія. Теперь же ограничимся лишь замѣчаніемъ, что такой способъ укрѣпленія позиціи представлялъ совершенно новое явленіе, вовсе неизвѣстное на западѣ (134).

Такимъ образомъ мы видимъ, что въ полевомъ окопномъ дѣлѣ Петръ Великій пользовался не только тѣми формами и системами укрѣпленій, которыя существовали на западѣ, но обнаружилъ вмѣстѣ съ тѣмъ такую самостоятельность въ этой отрасли военнаго искусства, которая была оцѣнена лишь впоследствии. Первымъ, кто понялъ значеніе инженерной

подготовки Полтавскаго поля сраженія былъ извѣстный полководецъ, маршалъ Морицъ Саксонскій Въ его извѣстномъ сочиненіи: «Mes rêveries» (135), онъ даетъ слѣдующую оцѣнку петровскимъ редутамъ: «До Полтавскаго сраженія армии Карла XII, шведскаго короля, были всегда (?) побѣдоносны. Превосходство ихъ надъ москвитянами почти невѣроятно: часто 10—12 т. шведовъ вытѣсняли изъ ретраншаментовъ 50—60—80 т. москвитянъ, разстроивали и разбивали ихъ. Шведы никогда не справлялись сколько русскихъ, но лишь гдѣ они. Царь Петръ, величайшій человекъ своего вѣка, противодѣйствовалъ съ постоянствомъ равнымъ величію его генія, неудачамъ этой войны и не переставалъ давать сраженія для того, чтобы дать боевую опытность своимъ войскамъ. Во время испытываемыхъ имъ неудачъ, шведскій король предиріялъ осаду Полтавы. Царь созвалъ военный совѣтъ, на которомъ мнѣнія раздѣлились. Одни желали обложить шведскаго короля арміей, которая должна устроить обширные ретраншаменты, чтобы заставить непріятели отступить; другіе генералы желали выжечь страну на 100 лье кругомъ, чтобы заморить голодомъ шведскаго короля и его армию. Это мнѣніе, по моему, не было лучше, но царь къ нему склонился. Нѣкоторые генералы говорили, что къ этому способу всегда можно будетъ прибѣгнуть, но что слѣдуетъ еще отважиться на битву, такъ Полтава можетъ пасть передъ настойчивостью короля, и онъ найдетъ тамъ большой магазинъ, который дастъ ему возможность пройти черезъ пустыню, которой намѣревались его окружить. Остановились на этомъ рѣшеніи. Тогда царь сказалъ: «такъ какъ мы рѣшились сражаться, то необходимо согласиться о способѣ и выбрать лучший. Шведы пылки, хорошо дисциплинированы, хорошо обучены и искусны; наши войска обладаютъ стойкостью, но они не имѣютъ указанныхъ преимуществъ, поэтому необходимо сдѣлать послѣднія для шведовъ бесполезными. Они часто форсировали наши ретраншаменты, и въ открытомъ полѣ наши войска всегда (?) терпѣли пораженія, благодаря искусству и ловкости, съ которой непріятели маневрировали; необходимо помѣшать этимъ маневрамъ и сдѣлать ихъ бесполезными. Поэтому я полагаю приблизиться къ шведскому королю, соорудить вдоль фронта нашей пѣхоты нѣсколько редутовъ, съ глубокими рвами, снабдить ихъ пѣхотою и усилить палисадами; это требуетъ лишь нѣсколько часовъ работы и мы выждемъ непріятели за этими редутами. Чтобы ихъ атаковать они должны будутъ разорваться; они при этомъ понесутъ потери, ослабѣютъ и придутъ въ безпорядокъ, когда мы ихъ атакуемъ. Такъ какъ несомнѣнно, что онъ сниметъ осаду и атакуетъ насъ лишь только увидитъ насъ на разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ него, то надо двинуться съ такимъ расчетомъ, чтобы появиться въ виду его къ вечеру, дабы онъ отложилъ атаку до другого дня, а въ теченіи ночи мы соорудимъ редуты.» Такъ говорилъ русскій государь и весь совѣтъ съ нимъ согласился. Оданы были приказанія относительно марша, пушекъ, фашинь, инструмента, рогатокъ, палисада

и т. д. 8-го (н. с.) июля 1709 г. русскій царь къ вечеру появился въ виду шведскаго короля. Последній, хотя былъ раненъ, объявилъ своимъ генераламъ, что на слѣдующій день намѣренъ атаковать армію москвитянъ. Не задолго до разсвѣта шведы построились и двинулись впередъ. Царь построилъ 7 (?) редутовъ вдоль фронта его пѣхоты; въ каждомъ изъ нихъ находились по 2 баталіона (?) пѣхоты; они были снабжены всѣмъ необходимымъ для обороны; вся пѣхота москвитянъ находилась посади, имѣя на флангахъ кавалерію. Не было однако возможности двинуться противъ московской пѣхоты, не взявъ редутовъ, такъ какъ нельзя было ихъ оставить позади себя, ни пройти между двумя, не рискуя повести значительный вредъ отъ ихъ огня. Ни шведскій король, ни его генералы, ничего не зная объ этихъ распоряженіяхъ, поняли въ чемъ дѣло лишь тогда, когда уже носомъ уткнулись въ непріятеля; но такъ какъ машина была пущена въ ходъ, то не было уже возможности ее остановить и отказаться отъ принятаго рѣшенія. Оба крыла шведской конницы опрокинули соответствующіе москвитянъ и погнались слишкомъ далеко за ними. Центръ былъ остановленъ редутами. Шведы ихъ атаковали и, встрѣтивъ рѣшительное сопротивленіе... овладѣли, наконецъ, тремя, но были отброшены съ большими потерями отъ прочихъ. Вся шведская пѣхота была разстроена атаками этихъ редутовъ, въ то время какъ московская въ полномъ порядкѣ созерцала это зрѣлище въ 200 шагахъ. Король и генералы шведскіе увидѣли свою гибель; бездѣятельность москвитянъ оставила имъ надежду на возможность отступленія, но нельзя было исполнить его въ порядкѣ, такъ какъ все было разстроено и разбито... Вскорѣ вся линія (русскихъ) двинулась въ отличномъ порядкѣ съ поднятыми пиками, чрезъ интервалы между редутами, которые оставались занятыми на случай отступленія... Вотъ какъ можно искусными распоряженіями повернуть къ себѣ счастье. » — Въ этомъ описаніи Полтавскаго сраженія встрѣчаются существенныя фактическія погрѣшности, какъ мы это увидимъ ниже, но значеніе идеи Петра Великаго выяснено вѣрно.

Духъ и дисциплина войскъ.

Духъ и дисциплина войскъ, въ разсматриваемый періодъ времени представляютъ печальное явленіе. Вездѣ слышатся жалобы на упадокъ истинной военной доблести; грабежи, дезертирство, трусость передъ непріятелемъ свидѣтельствуютъ о печальномъ состояніи нравственнаго элемента въ войскахъ (Вильяръ говоритъ, что фуражировка около Нейбурга въ 1703 году стоила ему большаго числа людей, нежели Гохшеттское сраженіе); самыя тяжелыя наказанія, самыя строгіе военные законы часто не въ силахъ были искоренить зло, пустившее глубокіе

корни и проистекавшее изъ состава войскъ, управленія ими и внутренняго ихъ быта.

Рекруты, поступавшіе по набору, тяготились службою, гдѣ они были отданы на полный произволъ начальниковъ; а вербованные — одни составляли подобіе тѣхъ кондотьеры, которые служили по расчету, изъ выгоды, другіе же, завлеченные обманомъ, бѣжали при первомъ удобномъ случаѣ. Главнымъ побужденіемъ къ вербовкѣ была склонность къ праздности, отвращеніе отъ труда съ примѣсью желанія щегольнуть военнымъ мундиромъ. Нѣкоторыя обстоятельства, связанныя съ учрежденіемъ постоянныхъ войскъ, тоже вліяли на ухудшеніе состава войскъ. Во избѣжаніе чрезвычайнаго истощенія производительныхъ силъ страны, государство должно было соблюдать величайшую экономію въ продовольствіи и одеждѣ войскъ, а потому ограничивали ихъ въ этомъ отношеніи крайней необходимостью; чтобы пополнить эти недостатки, солдаты должны были хлопотать о заработкѣ и исполнять самую черную работу у обывателей, а иногда обращались къ милостямъ и даже къ воровству. Такой дурной матеріалъ и плохое положеніе солдатъ вызвали чрезвычайно строгую дисциплину. Въ арміяхъ вошли въ употребленіе унижительныя наказанія, причемъ по привычкѣ оскорбительно относились и къ тѣмъ, кто заслуживалъ уваженія. Это, конечно, отталкивало отъ арміи лучшихъ людей. Вербовщики должны были обращаться къ самымъ безобразнымъ приемамъ и мошенничествамъ для вербовки людей. Щадя свое государство, старались вербовать за границей, а потому составъ людей былъ весьма разнообразный. При такихъ условіяхъ палка дѣлается главнымъ орудіемъ воспитанія войскъ и символомъ того презрѣнія, съ которымъ обращались съ простымъ солдатомъ, особенно въ Пруссіи. Такое положеніе вызвало въ свою очередь развитіе сильнаго дезертирства войскъ и мѣры для противодѣйствія ему. Въ гарнизонахъ одинъ родъ оружія наблюдалъ за другимъ, офицеръ за унтеръ-офицеромъ, послѣдній за солдатомъ; посредствомъ постоянныхъ перекличекъ удостовѣрялись что всѣ люди находятся на лицѣ; сигнальныя пушки стояли, чтобы стрѣлять въ случаѣ замѣченнаго дезертирства. Всѣ окрестности мѣста гарнизона приходили въ движеніе, крестьянъ обязывали ловить дезертировъ, назначали за это поимочныя деньги и устраивали цѣлую охоту на бѣглеца, котораго, въ случаѣ поимки, ожидало тяжелое наказаніе. При полевой службѣ, вокругъ биваковъ высылались патрули и разъѣзды, выставлялись посты, дѣлались непрерывно переклички и т. п. Въ особенности всѣ эти мѣры были обширно развиты въ позднѣйшее время въ Пруссіи. Можно ли было ожидать, чтобы такіе люди и въ такомъ нравственномъ положеніи могли возвыситься до понятія о воинской чести. Между офицеромъ и солдатомъ вырыта была пропасть, которая дѣлала послѣдняго чуждымъ первому⁽¹⁹⁶⁾. Такимъ образомъ, истиннаго понятія о дисциплинѣ и значеніи военнаго званія не было. Во Франціи полки обыкновенно получали молодые аристок-

раты, вовсе незнакомые со службою; люди богатые, они жили при дворѣ, почти не видали своихъ частей, являясь къ нимъ только ко времени военныхъ дѣйствій.

Во французской арміи, дисциплина упала особенно при Людовикѣ XV, этомъ королѣ, переходившемъ отъ созерцанія религіозныхъ церемоній къ разнузданному разврату, проводившемъ время въ тканьѣ ковровъ или выводѣ цыплятъ и предоставлявшемъ дѣла управленія государствомъ тому, кто могъ ихъ захватить. Роскошь царствовала повсюду. Генералы и офицеры имѣли громадные обозы, обѣды ихъ были настоящими пиршествами. Самъ Морицъ Саксонскій подавалъ примѣръ роскоши и кутежамъ, полагая, что французы могутъ не иначе работать какъ съ весельемъ. Въ его лагерѣ всегда находилась комическая опера, во время представленія которой не прекращалась отдача распоряженій по предстоявшимъ операціямъ *). Офицеры, слѣдуя модѣ и нравамъ женщинъ, бѣлились, румянились, накладывали себѣ мушки и дѣлались настолько рабами своей физіономіи, что опасались загара или обезпokoить какъ нибудь свою прическу. Послѣ этого понятно станеть удивленіе пруссаковъ передъ тѣмъ чрезмѣрнымъ изобиліемъ одеколона, который найденъ былъ въ обозѣ французской арміи послѣ разбитія ея подъ Росбахомъ.

Маршалъ Ноайль писалъ въ 1735 г. объ итальянской арміи, что безпорядокъ въ ней былъ чрезвычайный. Капитаны, чтобы пользоваться солдатскимъ жалованьемъ, держали роты въ некомплектѣ, обманывая инспекторовъ и комиссаровъ. Нижніе чины, брошенные на произволъ своими офицерами, жили зимою въ монастырскихъ галлерейхъ или на папертяхъ; госпитали были лишены самаго необходимаго; люди предавались грабежамъ—они отрѣзывали женщинамъ пальцы и уши, чтобы снять съ нихъ драгоценныя украшенія. Сами офицеры принуждены были иногда выкупать у своихъ солдатъ сворованныя у нихъ вещи (177).

Въ германскихъ арміяхъ большинство начальниковъ считали ввѣренныя имъ части своими арендами, и, не имѣя уже возможности обогащаться на счетъ края, съ большимъ стараніемъ наживались отъ внутренняго хозяйства войскъ. Отъ этого положеніе солдатъ при тогдашней дисциплинѣ, становилось болѣе и болѣе тяжелымъ и невыносимымъ.

Въ основаніи тактическихъ понятій того времени лежало стремленіе дѣйствовать длинными линіями, для пораженія непріятеля сильнымъ ружейнымъ огнемъ. Развернутыя линіи пѣхоты не могли ни дѣйствовать на мѣстности пересѣченной, ни безъ большихъ неудобствъ совершать передвиженія, или атаковать непріятеля холоднымъ оружіемъ. Конечно при этихъ условіяхъ нельзя было пользоваться различными выгодными для обороны мѣстными предметами, а потому, какъ мы знаемъ, на полѣ

*) Въ антрактахъ примадонна объявляла: «завтра, по случаю назначеннаго маршаломъ сраженія, представленія не будетъ, а послѣ завтра пойдутъ: Le coq du village и Les amours grivois».

сраженія старались избѣгать занятія подобныхъ пунктовъ и предпочитали открытыя пространства, стараясь обезпечить свои фланги какою-либо неприступною, по тогдашнимъ понятіямъ, мѣстностью. Очевидно, что индивидуальное развитіе солдата, его смѣлливость, споровка и умственные способности становились совершенно ненужными. На войска смотрѣли какъ на машины или на живое укрѣпленіе, предназначенное выдерживать какъ можно долѣе губительное дѣйствіе непріятельскаго огня; не въ силѣ натиска искали главную причину успѣховъ, а скорѣе въ пассивной стойкости массы. Къ чему-же при этихъ условіяхъ должна была стремиться дисциплина? Оставивъ въ сторонѣ развитіе нравственныхъ элементовъ въ солдатѣ, она должна была покорить его волю привычкѣ оставаться при всѣхъ обстоятельствахъ боя въ рядахъ, заставить его устремить все свое вниманіе на механическую ловкость заряжанія и скорость пальбы; дабы удовлетворить своему назначенію, человѣкъ долженъ былъ сдѣлаться автоматомъ, недоступнымъ никакимъ внѣшнимъ впечатлѣніямъ боя. При такихъ неестественныхъ требованіяхъ должны были употребляться и неестественныя средства; солдата съ утра до ночи учили разнымъ приемамъ, а въ свободное время занимали чисткой оружія, одежды и обуви. Малѣйшія упущенія немедленно наказывались и наказанія были самыя строгія—тѣлесныя считались легкими. Всѣ эти невыгодныя условія быта нижняго чина понимались хотя и смутно тогдашними военными людьми, по болѣею частью не предпринималось никакихъ мѣръ для его улучшенія.

Главнѣйшія преступленія въ войскахъ, съ которыми Петру приходилось бороться, были: пьянство, буйство, насиліе надъ мирными жителями, уклоненіе отъ службы, лихоимство и казнокрадство. И въ допетровской Руси существовали тѣ-же преступленія, причемъ правительство непрестанно преслѣдовало ихъ, часто суровыми наказаніями; но теперь, вслѣдствіе устройства регулярныхъ войскъ, явилось болѣе системы, послѣдовательности и настойчивости въ этихъ преслѣдованіяхъ. Главнымъ орудіемъ борьбы была прежде всего введенная Петромъ строгая дисциплина; затѣмъ положительное запрещеніе нижнимъ чинамъ заниматься торговлею вообще и въ особенности корчемствомъ, значительно ограничило пьянство, распущенность и своевольство солдатъ. Даже грабежу въ городахъ, взятыхъ приступомъ (что допускалось во всей Европѣ), положено было извѣстное ограниченіе артикулами, а иногда и личнымъ вмѣшательствомъ императора (Нарва). Благодаря этому, а также по самой натурѣ нашего народа, отношеніе русскихъ солдатъ къ мирнымъ жителямъ, по свидѣтельству Паткуля, было гораздо гуманнѣе нежели нѣмецкихъ солдатъ. Менѣе удачна была борьба Петра съ лихоимствомъ и казнокрадствомъ въ военномъ вѣдомствѣ—зло отъ котораго не менѣе страдали всѣ европейскія арміи, какъ въ разсматриваемую эпоху, такъ и въ гораздо позднѣйшія времена. Съ особенной энергіей Петръ преслѣдовалъ безвозмездное пользованіе начальниками трудами и услугами

подчиненных имъ нижнихъ чиновъ и всякаго рода поборы съ нихъ. Но главнымъ зломъ, постоянно свирѣпствовавшимъ въ нашей арміи и не только не уменьшившимся при Петрѣ, но значительно даже увеличившимся, были всякаго рода уклоненія отъ службы и особенно побѣги. Не смотря на льготность военной службы въ до—петровское время, уклоненія отъ службы были однимъ изъ самыхъ распространенныхъ у насъ преступлений. По этому понятно, что съ учрежденіемъ Петромъ регулярной арміи, со всеми строгостями военной дисциплины и порядка, съ безконечной службой и тяжелымъ обученіемъ, уклоненія отъ службы и побѣги увеличились въ чрезвычайнаго степени. Затѣмъ постоянная война требовала отъ государства чрезвычайнаго напряженія и усиленныхъ рекрутскихъ наборовъ. Постоянная война вела за собою также возвышеніе налоговъ, что все вмѣстѣ взятое и привело къ развитію побѣговъ.

Съ другой стороны, тяжесть наказаній, угрожавшихъ бѣглецамъ, ихъ укрывателямъ и донощикамъ и приманка наградъ донощикамъ, привели къ тому, что бѣглецы, опасаясь возвращенія домой, скрывались въ глухихъ лѣсахъ, образовали тамъ шайки человекъ въ 100—200 и производили страшные грабежи и разбои. Такъ, по донесенію тверскаго воеводы, разбойники обступали Тверь со всехъ сторонъ и держали ее почти въ осадѣ. Также доносилъ московскій воевода, говоря, что шайки разбойниковъ грабили и жгли деревни у многихъ помѣщиковъ, а вблизи Мѣщовска ограбили монастырь и всехъ колодниковъ освободили изъ тюрьмы. Зло было велико и грозило даже самымъ основамъ государства—извѣстно, что въ бунтахъ въ Астрахани и на Дону бѣглецы солдаты принимали дѣятельное участіе.

Такимъ образомъ, въ нашей арміи побѣги были повидимому развиты даже болѣе нежели въ западныхъ государствахъ. Кромѣ вышеуказанныхъ причинъ, имѣло еще важное значеніе то обстоятельство, что такъ или иначе, западныя арміи комплектовались добровольной (правда, иногда лишь по имени) вербовкой, а наша—насильственными рекрутскими наборами. Затѣмъ самый безграничный просторъ Руси, ея дремучіе, неизмѣримыя лѣса, малонаселенность и болѣе слабая организація внутренней администраціи—могущественно содѣйствовали развитію побѣговъ въ арміи. За то на западѣ болѣе было развито дезертирство въ виду неприятеля, передача на его сторону (198).

Строевое и полевое обученіе войскъ.

Строевое обученіе войскъ стало вестись болѣе или менѣе правильно еще съ Морица Нассаускаго (конецъ XVI, начало XVII стол.); но пока войска формировались вербовкой слѣшно, лишь на время войны, трудно было установить это дѣло прочно. Обыкновенно держали дрессировщиковъ или дрессирмейстеровъ, которые, слѣдуя за войсками, должны были

обучать ихъ военному ремеслу. Состоя преимущественно изъ старыхъ капитановъ, часто пьяницъ, при отсутствіи всякаго участія въ дѣлѣ офицеровъ, они не могли ни пользоваться должнымъ авторитетомъ, ни достигнуть сколько нибудь удовлетворительныхъ результатовъ. Съ учрежденіемъ постоянныхъ войскъ явилось много времени, которымъ можно было воспользоваться для обученія войскъ, для подготовки ихъ къ *парадамъ*, начинавшимъ приобрѣтать все большее и большее значеніе. Вскорѣ даже для этого параднаго обученія было забыто полевое; передъ фиглярствомъ нерѣдко исчезали боевыя требованія. Вначалѣ обученіе было просто и заключалось въ изученіи приемовъ владѣнія оружіемъ и простѣйшихъ движеній въ сомкнутомъ строѣ, какъ это видно изъ нѣкоторыхъ описаній Пюйсегиора. Такъ, при представленіи въ 1628 году Людовикомъ XIII принцессѣ Пьемонтской арміи, его войска (8 бат. и 16 эскадр.) были построены въ одну линію. По сигналу короля, батальоны и эскадроны, назначенные въ 1-ю линію, мгновенно двинулись впередъ и когда отошли на 300 ш., то за ними послѣдовала и 2-я линія. Дойдя до дороги, 1-я линія остановилась, 2-я вошла въ интервалы 1-й и все войска составили снова одну линію. Все исполнено стройно съ точнымъ сохраненіемъ дистанцій. Затѣмъ послѣдовалъ залпъ мушкетеровъ и артиллеріи. Потомъ пѣхота повернула на право кругомъ, кавалерія заѣхала по эскадронно и войска двинулись снова въ двухъ линіяхъ, потомъ выстроились въ одну и произвели снова залпъ. Въ заключеніе послѣдовалъ церемоніальный маршъ, причемъ пѣхота прошла по дивизионно (баталіонъ состоялъ изъ пикиернаго и двухъ мушкетерскихъ дивизионовъ), а кавалерія по эскадронно.

Съ теченіемъ времени уставы и обученіе значительно усложняются. Приемы къ концу столѣтія мало измѣнились, но команды изъ рассказовъ превратились въ командныя слова. Видоизмѣненіе приемовъ обуславливались преимущественно уничтоженіемъ сошки у мушкетеровъ и принятіемъ кое гдѣ вмѣсто нихъ *рогатинъ*, которыя втыкались впереди мушкетеровъ для предохраненія отъ кавалерійскихъ атакъ. Введенъ былъ новый приемъ *на караулъ* и носка оружія подъ лѣвою рукой, стволомъ впередъ, прикрывая полку отъ дождя, а также подъ правую руку—на похоронахъ. Что касается *поворотовъ*, то они были чрезвычайно сложны, вслѣдствіе того, что произносились двойныя и тройныя команды, части которыхъ относились къ различнымъ частямъ роты, или войскъ вообще, какъ на примѣръ: «полурядами и четверть шеренгами во фронтъ, впередъ и назадъ, а также назадъ и впередъ.» Тоже самое вертѣчаемъ при *смыканіи* и *размыканіи*. Въ свою очередь и *вздвиганіе* могло исполняться впередъ и назадъ, направо и налево; причемъ оставались на мѣстѣ переднія или заднія шеренги, нечетные или четные ряды, и люди заднихъ или переднихъ шеренгъ, или же изъ четныхъ или нечетныхъ взводовъ вступали въ интервалы между оставшимися на мѣстѣ и т. д. Кромѣ вздвиганія была еще утроеваніе шеренгъ и рядовъ.

При *захожденіяхъ* встрѣчается тоже фокусничество, въ родѣ: «по полушереножно наружныя трети рядовъ впередъ и назадъ, влѣво и вправо, а также вправо и влѣво заходи.» Послѣ этого понятна и сложность контрмаршей рядами и приемовъ пальбы. Все это штукмейстерство было лишь средствомъ для устройства такъ называемыхъ *оборонительныхъ* баталіоновъ (октогоновъ, крестообразныхъ построений, каре и т. п.), на изобрѣтеніе которыхъ изощрялось все искусство тогдашнихъ вахтмейстеровъ. Нельзя себѣ представить той геометрической фигуры, которая не была бы примѣнена къ построению оборонительнаго баталіона, составлявшаго вѣнецъ славы всякаго фокусника-дрессировщика. Одинъ французскій офицеръ могъ выписать на плацу ногами своей части *vive le roi*.

Въ XVIII стол. огромное значеніе для строеваго обученія войскъ имѣлъ *Леопольдъ Дессаускій*. Обученная имъ прусская армія послужила вскорѣ образцомъ для всѣхъ прочихъ. Принцъ Л. Дессаускій успѣшно дѣйствовалъ съ бранденбургскими войсками еще въ войну за испанское наслѣдство. Отличаясь природнымъ умомъ и твердою волею, онъ этими качествами восполнялъ недостатки научнаго образованія. Плохое употребленіе кавалеріи въ его время не внушило ему уваженія къ этому роду оружія и онъ придавалъ особенное значеніе хорошей пѣхотѣ. Главную ея силу онъ полагалъ въ наступленіи въ сомкнутомъ строѣ, причемъ она могла производить быстрый огонь—это выгодно его отличало отъ многихъ современниковъ, поклонниковъ позиціонной, крѣпостной войны и бездѣятельнаго пребыванія на мѣстѣ. По этой причинѣ, а также вслѣдствіе вообще увеличенія численности армій, кавалеріи стало относительно меньше въ прусской арміи и ея образованіе не дѣлало успѣховъ. Въ 1740 году на 47 т. пѣхоты приходилось 6 т. кавалеріи (8:1). Основаніе тактическаго образованія Леопольдъ полагалъ въ строгой дисциплинѣ, которая должна была отучить людей отъ всякаго проявленія собственной воли и сплотить въ одно механически-цѣлое; средствомъ для этаго были постоянныя ученья, всеобщая нивелировка, полное однообразіе въ мысляхъ и движеніяхъ. Всякое отступленіе наказывалось, причемъ палка была главнымъ его средствомъ. Существеннымъ средствомъ для утвержденія тѣлеснаго и духовнаго однообразія въ баталіонахъ было *движеніе въ ногу*. Уже греки, римляне, швейцарцы 16-го и шведы 17-го столѣтія знали мѣрный шагъ, но, изобрѣтенный во Франціи, онъ только въ Пруссіи былъ вполне выработанъ. Только двигаясь въ ногу можно было быстро наступать противъ непріятеля, совершать быстро, проворно, искусно всякія эволюціи и перестроенія. Впрочемъ шагъ былъ медленный (75—76 въ минуту) и иногда укорачивался ради стройности и единства движенія.

Леопольдъ уничтожилъ въ прусской арміи 4-ю шеренгу, какъ совершенно бесполезную, даже думалъ ограничиться двумя для наибольшаго развитія огня при стрѣльбѣ; онъ же ввелъ въ прусской арміи желѣз-

ный шомполъ вмѣсто деревяннаго, настойчиво преслѣдуя идею скорой стрѣльбы, не вѣря въ мѣткость послѣдней и желая быть можетъ занять солдата въ бою. Леопольдъ удлинилъ горизонтальную шейку штыка, съ тою цѣлью, чтобы можно было заряжать съ примкнутымъ штыкомъ. Такимъ образомъ, мы встрѣчаемъ странную комбинацію идей у Леопольда: онъ придаетъ большое значеніе штыку, какъ средству опрокинуть стойкаго противника, а потому былъ защитникомъ идеи быстрого энергическаго наступленія; съ другой стороны—онъ очень высоко цѣнилъ огонь, но, не вѣря въ его мѣткость, требовалъ скорой стрѣльбы и быстрого сближенія съ непріятелемъ. У другихъ идея важнаго значенія огня приводила къ предпочтенію оборонительнаго положенія, у Леопольда—къ совершенно обратному: онъ старался внести въ эволюціи пѣхоты быстроту и точность, чтобы можно было быстро развернуть двѣ сплошныя боевыя линіи пѣхоты, которыя должны направляться противъ непріятеля, не разстроивъ порядка слишкомъ сильнымъ огнемъ при движеніи.

Батальонъ имѣлъ два построенія—боевое и по ротно. Въ боевомъ строѣ баталіонъ раздѣлялся на 4 дивизиона, а каждый изъ послѣднихъ на 2 взвода. При построении по ротно, каждая изъ послѣднихъ дѣлилась на 4 полувзвода. Съ 1757 г. совершенно уничтожились различіе между обѣими формами строя и баталіонъ раздѣлялся на 5 дивизионовъ, соответствовавшихъ ротамъ, или на 10 взводовъ. Пѣхота могла строить пустое каре, противъ кавалеріи, изъ полка, баталіона или нѣсколькихъ баталіоновъ. При пальбѣ первая шеренга становилась на колѣни, 2-я отставляла правую ногу на ступню вправо, а третья дѣлала полшага вправо. Стрѣльба производилась или на мѣстѣ, или въ движеніи, по баталіонно, по дивизионно или по взводно. Пальба взводами производилась такимъ образомъ, что сперва поочередно стрѣляли всѣ нечетные взводы, затѣмъ стрѣляли въ томъ же порядкѣ четные взводы. При пальбѣ во время движенія, очередной взводъ дѣлалъ 3 большихъ шага впередъ, останавливался и стрѣлялъ, а баталіонъ укороченнымъ шагомъ подвигался впередъ. Затѣмъ выстрѣлившій попадалъ въ линію, а очередной выдвигался, какъ сказано, впередъ и т. д. При отступленіи очередной взводъ останавливался, стрѣлялъ, поворачивался кругомъ, входилъ въ линію баталіона, который укороченнымъ шагомъ отступалъ назадъ. При стрѣльбѣ по баталіонно и по дивизионно все производилось въ такомъ же порядкѣ, какъ описано, только элементами дѣйствія были не взводы, а дивизионы и баталіоны. Пальба рядами (по 2 ряда съ праваго фланга двухъ первыхъ шеренгъ) производилась только на парадахъ. За норму Леопольдъ принималъ, что при наступленіи пѣхота не открываетъ огня далѣе 200 ш. Такова была элементарная тактика Леопольда, который довелъ въ эволюціонномъ отношеніи прусскую пѣхоту до небывалаго совершенства (199).

Обученіе кавалеріи было тоже сложно; кромѣ обычныхъ построений,

эскадроны тоже производили эволюции, заключающіяся въ удвоиваніи шеренгъ и рядовъ; они также обучались пальбѣ съ коня передъ атакой, производившейся медленно. Особенно любила такую стрѣльбу австрийская конница, не умѣвшая иначе справиться съ турецкой. При наступленіи стрѣльба производилась полшеренгами медленно двигавшагося эскадрона; при отступленіи двигались шахматами, для чего извѣстные взводы останавливались, стрѣляли, затѣмъ поворачивались, отходили, а потомъ исполняли тоже самое другіе, при этомъ, послѣ поворота, 3-я шеренга (не выстрѣлившая) быстро разсыпалась къ неприятелю, стрѣляла и затѣмъ скакала къ своимъ взводамъ. При атакѣ шли сначала рысью, съ 300 ш. переходили въ галопъ, потомъ стрѣляли и затѣмъ съ холоднымъ оружіемъ въ рукахъ продолжали атаку, не переходя въ карьеръ. Гусары обучались дѣйствовать по иррегулярному способу. Мы уже упоминали, что противъ турокъ и татаръ австрийскіе полки строили конное каре, изъ котораго отстрѣливались *).

Въ концѣ XVII ст. во французской арміи появились первые признаки тѣхъ упражненій, которыя нынѣ называются *маневрами*. При Людовикѣ XIV въ мирное время иногда собирали войска въ лагеряхъ, которые однако имѣли характеръ скорѣе потѣшныхъ чѣмъ учебныхъ лагерей. Маневры, если и производились, то состояли большею частью въ нападеніяхъ на земляныя укрѣпленія и въ подражаніи отдѣльнымъ

*) Впрочемъ, и въ Австріи даже стали высказываться противъ пальбы въ кавалеріи съ коня. Такъ въ 1717 году (200) австрийской кавалеріи были указаны къ обязательному руководству между прочимъ слѣдующіе «пункты»: 1) всякое приказаніе старшаго начальника передается обстоятельно, безъ криковъ, чтобы излишней поспѣшностью и суетой не привести людей въ смущеніе; 2) ни одинъ офицеръ, ни одинъ нижній чинъ безъ полученія яснаго приказанія или крайней нужды не смѣетъ отлучиться со своего мѣста или присоединиться къ движущейся впередъ или отходящей части и ни въ какомъ случаѣ люди не должны слѣзть съ лошадей и предаваться грабежу; 3) конные полки не должны, за исключеніемъ совершенно неизбѣжныхъ случаевъ, стрѣлять, такъ какъ это дѣло пѣхоты; 4) интервалы, образуемые въ рядахъ первой линіи, заполняются безъ суеты ближайшими эскадронами; 5) при выдвигеніи впередъ 10—12 эскадроновъ сосѣдніе полки, примкнувъ и заполнивъ интервалъ, поддерживаютъ выдвинутые впередъ, а эти не должны на нихъ опрокидываться—для нихъ оставляются интервалы, пройдя которые они должны собраться и устроиться; 6) если эскадроны 1-й линіи, стоящіе между пѣхотой (при перемѣшиваніи), выдвинуты впередъ, то мѣста ихъ занимаютъ эскадроны 2-й линіи и поддерживаютъ ихъ; 7) при преслѣдованіи офицеры поддерживающихъ эскадроновъ не должны вести его далѣе встрѣчи съ сомкнутыми частями противника, чтобы не быть увлеченными опрокинутыми передовыми частями, а устроиться за ними и снова ихъ поддерживать; 8) поддерживающія части не должны слѣдовать непосредственно за поддерживаемыми, а нѣсколько въ сторонѣ отъ нихъ; 9) между эскадронами 1-й линіи имѣть интервалы не болѣе 10 шаговъ; между эскадронами 2-й линіи—можно имѣть болѣе значительные. Вторая линіи должна находиться отъ 1-й въ такомъ разстояніи, чтобы не была увлечена послѣднею если та опрокинута.

дѣйствіямъ крѣпостной войны. Весь дворъ присутствовалъ въ качествѣ зрителей. Подобныя же упражненія, изъ подраженія французамъ, были введены въ Германіи. До Фридриха Великаго эти упражненія сохраняли свой первоначальный характеръ, хотя собственно строевое обученіе войскъ, какъ выше сказано, ушло весьма далеко въ своемъ развитіи.

Въ нашей военной литературѣ не имѣется ни одного систематическаго изслѣдованія относительно историческаго развитія полевого обученія *русскихъ войскъ*. Не смотря на то, что вопросъ этотъ обѣщаетъ въ своей разработкѣ самые плодотворные результаты, такъ какъ въ ряду нашихъ военачальниковъ мы можемъ указать не только нѣсколько замѣчательныхъ дѣятелей на разсматриваемомъ поприщѣ, но и гениальнѣйшаго для всѣхъ временъ воспитателя и образователя войскъ—великаго Суворова, тѣмъ не менѣе печатные историческіе источники даютъ намъ только скудные и отрывочныя данныя по интересующему насъ вопросу.

Намъ неизвѣстно существовали-ли какія либо полевые упражненія, кромѣ обычныхъ строевыхъ ученій, въ нашихъ войскахъ до Петра Великаго.

Петръ I, знакомясь съ военнымъ искусствомъ у окружавшихъ его иностранцевъ, не ограничивался только теоретическимъ его изученіемъ, и желалъ, какъ и во всемъ, узнать дѣло практически во всѣхъ подробностяхъ. Наилучшимъ средствомъ для этого представились Петру товарищи его дѣтства и юности-потѣшныя, игры съ которыми познакомили будущаго императора съ первыми приемами военного искусства. Такимъ образомъ, сначала эти игры имѣли цѣлью, кромѣ собственно потѣхи, послужить для практическаго самообразованія Петра. Но этимъ дѣло не ограничилось; съ теченіемъ времени, съ возрастомъ царя, съ увеличеніемъ числа потѣшныхъ и, наконецъ, съ превращеніемъ ихъ въ самостоятельныя войсковыя части, упражненія уже служатъ средствомъ для обученія молодыхъ войскъ, для того, чтобы дать имъ возможность усвоить себѣ основанія европейскаго военного искусства; наконецъ, эти упражненія, маневры, «походы», даютъ возможность юному царю доказать все преимущества образованнаго имъ войска надъ нейстройными толпами стрѣльцовъ. Таковъ многосторонній смыслъ военныхъ «походовъ» или маневровъ Петра. Было бы ошибочно думать, что цѣль ихъ заключалась только въ простой потѣхѣ или же въ томъ, чтобы дать случай «травить» стрѣльцовъ новыми войсками, какъ это полагаетъ одинъ изъ нашихъ историческихъ (201) писателей. Во всякомъ случаѣ какія бы цѣли Петръ ни ставилъ своимъ маневрамъ—«походамъ», но, по самому способу веденія ихъ, они несомнѣнно знакомили войска съ виѣшней картиною боя (болѣе нежели нынѣшнія упражненія этого рода, такъ какъ допускалось, въ извѣстной мѣрѣ, опасное употребленіе снарядовъ при двустороннихъ упражненіяхъ), а также содѣйствовали усвоенію техническихъ приемовъ по наводкѣ мостовъ, по возведенію, атакѣ и оборонѣ укрѣпленій, веденію минной войны и пр. Замѣчательно, что

возведение сильных укреплений, их атака и оборона играют чрезвычайно важную роль во всех маневрах Петра. Повидимому это слѣдуетъ объяснить желаніемъ Петра изучить самому и обучить войска довольно сложной техникѣ этого дѣла; далѣе—стремленіемъ имѣть чисто военный, опредѣленный и реальный предметъ для операціи; желаніемъ вести продолжительныя упражненія, не удаляясь на значительное разстояніе и, наконецъ, что весьма важно,—духомъ времени, когда на всемъ западѣ свирѣпствовала болѣзненная страсть къ крѣпостной войнѣ, причемъ и учителя царя въ военномъ дѣлѣ придавали, вѣроятно, также чрезмѣрное значеніе такой системѣ веденія войны. Первые «походы» начались въ 1690 г. и продолжались до 1694 года включительно, закончившись знаменитымъ «Кожуховскимъ походомъ»; послѣ того молодая войска оканчиваютъ свою мирную подготовку и въ скоромъ времени, а именно въ Азовскомъ походѣ, прилагаютъ результаты своего обученія къ операціямъ дѣйствительной войны, а затѣмъ начинаются славныя дѣянія петровской арміи въ Сѣверную войну.

Въ «походахъ» или маневрахъ участвовали обыкновенно все роды оружія — пѣхота, кавалерія, артиллерія и даже моряки, причемъ на одной сторонѣ были потѣшные полки съ придачею другихъ частей, а съ другой стрѣльцы, тоже съ придачею рейтарскихъ, гусарскихъ полковъ и пр. Каждую изъ сторонъ командовалъ особый «генералиссимусъ», а самъ Петръ исполнялъ обязанности подчиненнаго, второстепеннаго начальника.

Войска выступали въ походъ съ большимъ торжествомъ и двигались къ опредѣленнымъ пунктамъ, причемъ одна изъ сторонъ строила укрепленіе, «крѣпость», другая его атаквала. Но этимъ дѣло не ограничивалось: во первыхъ, разыгрывались предшествующія дѣйствія: такъ напримѣръ, наступающій форсировалъ переправу, вызывая обороняющагося на открытый бой и т. п.; во вторыхъ, во время осады, которая велась, по возможности, по всемъ правиламъ тогдашняго военного искусства, съ примѣненіемъ минъ, обороняющійся производилъ частыя вылазки; затѣмъ слѣдовалъ штурмъ крѣпости, нападеніе на непріятельскій обозъ и т. п. Войска дѣйствовали тупыми копьями, бросали снаряженныя ручныя, обыкновенныя и зажигательныя гранаты, хотя съ извѣстными предосторожностями, но тѣмъ не менѣе при этомъ не обходилось безъ увѣчій, даже и смертныхъ случаевъ; самъ царь не разъ подвергался опасности. При запальчивости сражавшихся, бой часто сильно разжигался и число жертвъ увеличивалось. Было бы несправедливо винить въ этомъ Петра, такъ какъ эти кровавые результаты ученія не противорѣчили нравамъ эпохи, и, кромѣ того, излишнее приближеніе такихъ мирныхъ упражненій въ картинѣ дѣйствительнаго боя находить себѣ оправданіе въ великихъ свойствахъ личнаго характера Преобразователя, не любившаго ни въ какомъ дѣлѣ останавливаться на полдо-

рогѣ и не задумывавшагося приносить и себя въ жертву этому дѣлу; о мстительной же «травлѣ» стрѣльцовъ не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ обѣ стороны, ихъ главнокомандующіе и самъ Петръ подвергались равной опасности *).

*) Для ближайшаго ознакомленія съ характеромъ и веденіемъ этихъ маневровъ можетъ служить описаніе важнѣйшаго изъ нихъ: «Кожуховскаго похода», но это слишкомъ бы распространило нашъ очеркъ, а потому мы расскажемъ вкратцѣ «второй Семеновскій походъ» 1691 г., руководствуясь почтеннымъ трудомъ г. Устрялова: «Исторія царствованія Петра Великаго» (202). Войска заблаговременно готовились къ великому и страшному бою. Для маневра они были расдѣлены на двѣ арміи: *нашу* подъ начальствомъ генералиссимуса Фридриха (кн. Ѳ. Ю. Ромодановскій) и *непріятельскую*, подъ начальствомъ генералиссимуса Бутурлина. Въ составъ первой вошли полки: Преображенскій, Семеновскій, Лефортовъ, Бутырскій, 3—4 полка рейтаръ и отрядъ гусаръ; въ составѣ второй заключались стрѣлечіе полки съ гусарами и рейтарами.

Генералиссимусъ Фридрихъ, получивъ извѣстіе, что непріятель вышелъ въ поле съ нѣсколькими тысячами пѣшихъ и конныхъ ратныхъ людей, въ намѣреніи дать съ ними бой, приказалъ укомплектовать рейтарскіе полки, и всемъ войскамъ 3 октября 1691 г. быть къ смотру въ столичный градъ свой Пресбургъ—земляное укрепленіе, сооруженное царемъ близъ села Преображенскаго. На 5 октября сказанъ походъ. Между тѣмъ наканунѣ генераль-поручикъ избралъ мѣсто для укрепления лагеря, измѣрилъ его и назначилъ гдѣ кому стать.

Рано утромъ вся *наша* армія выступила въ поле и въ тотъ же день заняла крѣпкую позицію на рѣкѣ Красной близъ лѣса. *Непріятель*, находившійся въ дальнемъ разстояніи, ночью подступилъ ближе и около полуночи раскинулъ свой станъ въ полумилѣ отъ нашего лагеря. На зарѣ онъ выбрался изъ обоза «въ крѣпкомъ ополченіи», перемѣшавъ конницу между пѣхотою. Нашъ генералиссимусъ также вывелъ свое войско въ поле и приготовился къ битвѣ; пѣхоту поставилъ въ центрѣ, съ отрядомъ гусаръ впереди; на флангахъ конницу, съ частью пѣхоты, въ резервѣ—конные и пѣшіе баталіоны. Центромъ командовалъ генераль Головинъ, правымъ крыломъ генераль Гордонъ, лѣвымъ—генераль Лефортъ. Когда обѣ арміи выстроились одна противъ другой въ боевомъ порядкѣ, «послѣ вытрубки, начали травиться», и завязалось сраженіе. Генераль Гордонъ двинулъ свою конницу на лѣвое крыло непріятеля, смялъ его и отбилъ четыре знамени; пятое взяли гусарскіе пазашники. Не столь удачна была атака генерала Лефорта на правое крыло; рейтары его встрѣтили упорное сопротивленіе и, не взирая «на жестокой напускъ», не могли сломить противника, который стоялъ крѣпко и бился храбро; послѣ многихъ усилій, они успѣли «оторвать» только часть праваго крыла и отступили съ излишнею поспѣшностью; непріятель воспользовался происшедшимъ отъ того въ рядахъ рейтаръ безпорядкомъ и ударилъ въ тылъ такъ стремительно, что Лефортъ не въ силахъ былъ остановить его, и на помощь нашему лѣвому крылу надлежало отрядить нѣсколько ротъ съ праваго; только тогда удалились враги, потерявъ нѣсколько знаменъ и булаву.

Послѣ кратковременнаго отдыха, непріятель самъ повелъ атаку; гусары его ударили на нашихъ и потеряли жестокой урокъ. Тогда генералиссимусъ Бутурлинъ прибѣгнулъ къ хитрости: изъясняя притворное намѣреніе примириться, онъ подѣхалъ къ нашему войску, съ нѣсколькими отборными ротами конницы, тихо, какъ будто для переговоровъ, въ надеждѣ «исплошить» насъ, и вдругъ конница его врѣзалась въ наши полки, а самъ онъ кинулся на нашего военачальника, чтобы его «убить и тѣмъ всю армію обезглавить». Но при этомъ Бутурлинъ былъ взятъ въ

Едва были сформированы и подлечены новые войска, какъ для нихъ началась школа непрерывнаго боеваго опыта, причемъ русское войско завоевало себѣ мѣсто въ ряду лучшихъ европейскихъ армій. Въ какомъ видѣ и въ какой системѣ продолжались послѣ Петра Великаго полевныя, маневренныя упражненія войскъ намъ неизвѣстно; но что они существовали, на это указываютъ отрывочныя данныя. Собственно «экзерцици» или строевыя ученія производились болѣе или менѣе правильно согла-

сь, а войска его едва успѣли укрыться въ обозѣ. Ночью пришли къ неприятелю на подкрѣпленіе четыре полка пѣхоты. Тогда онъ утромъ прислалъ въ нашъ лагерь сказать, что опять хочетъ битвы. Конница немедленно приказано выступить, а пѣхотѣ расположиться близъ лагеря, потому что и неприятельской пѣхоты въ тотъ день въ полѣ не было. Сраженіе завязалось около полудня. Съ обѣихъ сторонъ бились «накрѣпко». Мы, наконецъ, одолѣли, взяли множество знаменъ и загнали неприятеля въ лагерь. Онъ однакоже не унялся и ночью докучалъ намъ безпрестанными тревогами, такъ что мы принуждены были выслать нѣсколько конныхъ ротъ, которыя, разбѣгъ «подъбачиковъ», ударили подѣ неприятельскій обозъ у самыхъ рогатокъ, взяли въ плѣнъ 7 человекъ, увели 3 лошади и возвратились въ цѣлости. Въ слѣдующій день войска двинулись другъ на друга; но проливной дождь, не перестававшій ни на минуту, развеялъ ихъ.

9 октября было рѣшительное дѣло. Обѣ арміи выступили въ поле на утренней зарѣ. Въ 8 часу неприятель пошелъ на насъ смѣло, съ твердымъ намѣреніемъ побѣдить или погибнуть, и какъ въ то время поднялся жестокий вѣтеръ, то онъ сталъ заходить правымъ крыломъ, чтобы поставить насъ лицомъ прямо противъ вѣтру, чѣмъ надѣялся приобрести себѣ не малую выгоду при изваденіи. Угадавъ его мысль, нашъ полководецъ велѣлъ своему войску отступить нѣсколько вправо. Этимъ движеніемъ обнажился лѣвый флангъ нашъ и лагерь остался безъ защиты. Неприятель спѣшилъ воспользоваться нашею ошлошностію, и полковникъ Турнеръ бросился съ полкомъ своимъ на нашъ лагерь, чтобы взять его и разорить. Генералиссимусъ не замедлил исправить свою ошибку; онъ послалъ на Турнера съ праваго фланга нѣсколько ротъ конницы, которыя ударили ему въ тылъ, солдаты порубили (разумеется, это фигурное выраженіе) и разбѣгли, а полковника взяли въ плѣнъ съ 4 знаменами.

Видя такую бѣду, вся неприятельская армія всколебалась и съ великимъ крикомъ всѣми силами, пѣхотою и конницею наступила на наше войско. Сраженіе сдѣлалось общимъ; но самый упорный бой былъ на лѣвомъ флангѣ, гдѣ генералъ Лефортъ конными и пѣшими полками «съ яростію» нападалъ на правое крыло неприятеля, между тѣмъ, какъ генералъ Головинъ своею пѣхотою тѣснилъ лѣвое. Тамъ и здѣсь враги стояли крѣпко, цѣлые пять часовъ, пока Головинъ не сломилъ лѣваго крыла; тогда уступило и правое. Неприятель обратился, наконецъ, въ бѣгство; наши, быстро преслѣдуя его, отрѣзали ему путь къ лагерю, загнали конницу въ прудъ, порубили пѣхоту, отбили всѣ пушки, знамена, повозки.

По окончаніи сраженія, побѣдители долго никакъ не могли найти ни своего, ни чужаго главнокомандующаго; никто не зналъ куда они дѣвались. Послѣ трехъ часовыхъ поисковъ открылось, что генералиссимусъ Фридрихъ, увлеченный своею храбростію, съ немногими людьми прежде всѣхъ ворвался въ неприятельскій лагерь и тамъ, у шатра, ждалъ своихъ сподвижниковъ; а соперника его нашли кроющагося между «струпами» (т. е. якобы побитыми).

Это дѣло не обошлось безъ дѣйствительныхъ ранъ и увѣчья съ обѣихъ сторонъ; князь Иванъ Дмитріевичъ Долгорукій заплатилъ жизнью, жестоко раненый въ правую руку, и скончался на 9 день.

сно уставамъ, но надо полагать, что на ряду съ ними велись и маневренныя занятія. По крайней мѣрѣ по свидѣтельству Нащокина «того-жъ лѣта (1740) гвардія была непрестанно въ экзерцици и государныя всегда сама присутствовала при экзерцицияхъ, а въ Петергофѣ была земляная крѣпость, къ которой атакою приступъ былъ и такая чинена экзерциция, какъ натурально неприятельскій городъ атакуется и обороняться долженъ» (203).

Характеръ столкновеній въ этотъ періодъ.

а) Очеркъ дѣйствій Тюренна въ 1674 г.

Прежде нежели мы коснемся теоретическаго разсмотрѣнія веденія войны въ тотъ періодъ, когда сильныя 100 т. арміи стараются, въ дѣлѣ ложныхъ стратегическихъ идей, разрѣшать великіе вопросы войны только маневрами и самое большее—захватомъ какого либо уголка земли или крѣпости, бросимъ взглядъ на ту эпоху, когда военное искусство, благодаря гениальнымъ представителямъ, не только сдѣлало болѣе шагъ впередъ, но было выше понятій современниковъ, на тотъ полувѣкъ, который Гиберъ характеризуетъ слѣдующими словами: «ce fut le temps des grands généraux, commandant de petites armées et faisant de grandes choses» (204). Мы будемъ говорить о Тюреннѣ и достойномъ его противникѣ Монтекукули.

Генрихъ Латуръ д'Овернь виконтъ Тюреннъ родился въ 1611 г. въ Седанѣ; мать его была Нассау-Оранская принцесса; его необыкновенныя способности не проявились сразу, но, впрочемъ, наклонности къ военному дѣлу у него обнаружилась рано, причемъ Цезарь и Квинтъ Курцій были его любимыми писателями. Тѣмъ не менѣе онъ вовсе не предназначался къ военной службѣ. Но, чтобы показать свою способность къ перенесенію военныхъ трудностей, онъ проводилъ цѣлые дни зимой на валахъ Седана, гдѣ однажды его воспитатель, послѣ продолжительныхъ розысковъ, нашелъ его глубоко-спящимъ на пушечномъ лафетѣ. Въ 12 лѣтъ онъ лишился отца и въ слѣдующемъ году долженъ былъ отправиться со своею матерью въ Голландію, чтобы тамъ быть посвященнымъ въ военное дѣло своимъ дядей, знаменитымъ Морицомъ Оранскимъ. Въ 1625 году онъ сдѣлалъ первую свою кампанію въ качествѣ простаго солдата. Онъ отлично перенесъ всѣ трудности похода, но понесъ тяжелую потерю въ лицѣ своего дяди; его замѣнилъ младшій дядя, принцъ Генрихъ, давшій Тюренню въ командованіе роту, съ которой онъ участвовалъ въ нѣсколькихъ осадахъ и дѣйствіяхъ противъ испанскаго полководца Сиволы. При всѣхъ этихъ случаяхъ Тюреннъ обнаружилъ много ревности въ изученіи дѣла и чрезвычайную храбрость. Черезъ 5 лѣтъ онъ возвратился въ свое отечество, гдѣ ему данъ былъ чинъ полковника и пѣхотный полкъ въ командованіе.

Его мужество и искусство, особенно обнаружившіяся при атакѣ Ламота, въ Лотарингѣ, въ 1634 году, доставили ему званіе *maréchal de camp*. Послѣдующія событія Тридцатилѣтней войны только укрѣпляли репутацію Тюрення, причѣмъ онъ временно командовалъ арміей въ Италіи. Въ 1642 году онъ участвовалъ во походѣ въ Руссельень и, глубоко цѣнный Ришелье, онъ на 32 году своей жизни получилъ званіе маршала. Затѣмъ въ послѣдующихъ кампаніяхъ Тюреннь оказалъ цѣлый рядъ отличій, особенно въ сраженіи при Нордлингенѣ. Принимая участіе въ войнѣ Фронды, онъ заставилъ своего достойнаго противника Конде оставить Францію. Въ послѣдующихъ дѣйствіяхъ особенно замѣчательны деблокада Арасса и взятіе Кенуа; наконецъ, въ 1658 г. Тюреннь прославился извѣстнымъ уже намъ сраженіемъ при Дюняхъ, подготовившимъ Пиринейскій миръ. Наконецъ, наступило для него время отдыха послѣ едва прерываемой тридцатилѣтней дѣятельности.

Людвигъ XIV часто пользовался въ это время имъ для исполненія различныхъ дипломатическихъ порученій. Открывшаяся Нидерландская война представила поприще для наивысшаго проявленія генія этого полководца. Непріятельское ядро на поляхъ Засбаха (1675 г.) положило конецъ славной жизни героя. Тюреннь былъ средняго роста, но чрезвычайно широкъ въ плечахъ. Его скромность и простота выражались не только въ костюмѣ, но и въ его манерѣ обращенія, хотя иногда въ немъ проявлялось тщеславное сознаніе его высокаго происхожденія. Онъ не мало старался пополнить въ зрѣломъ возрастѣ недостатки своего образованія, при этомъ говорилъ кратко, просто и вразумительно, сохраняя ледяное спокойствіе въ счастья и несчастья. Его военные таланты были менѣе блестящи нежели Конде. Генераль Ламаркъ, сравнивая Конде и Тюрення, говоритъ что первый—*родился* полководцемъ, а второй—*сдѣлался* имъ; первымъ руководило вдохновеніе, вторымъ—разсудительность и плодотворные уроки прошлаго. Тюреннь былъ чрезвычайно предусмотрителенъ и тщательно взвѣшивалъ всѣ обстоятельства, могущія имѣть значеніе, какъ, напримѣръ, мѣстный элементъ, состояніе непріятельской арміи, характеръ ея полководца и пр. Тюреннь не былъ великимъ полководцемъ-завоевателемъ, но въ опредѣленной ему роли—превосходный вождь⁽²⁰⁵⁾.

Современникъ (С. Эвремонтъ) между прочимъ такъ говоритъ о Тюреннѣ: «съ большимъ числомъ войскъ, чего Тюреннь не любилъ, онъ очень остороженъ; съ малымъ числомъ испытанныхъ, которымъ онъ вполне довѣряетъ, онъ *предпринимаетъ легко то, что кажется невозможнымъ*. Репутація Тюрення тѣсно связана съ текущими дѣлами; въ его дѣйствіяхъ какъ будто нѣтъ ничего особеннаго. Все что говоритъ, пишетъ, дѣлаетъ Тюреннь слишкомъ темно для тѣхъ, кто недостаточно проныцателенъ. Природа дала ему бездну ума, способностей, достоинствъ, но въ немъ нѣтъ этого божественнаго огня генія, этого открытаго характера, этого легкаго ума, составляющаго блескъ и удоволь-

ствіе для окружающихъ. Нужно ему погибнуть, чтобъ показать чего онъ стоитъ; только послѣ смерти его оцѣнять достойно и справедливо. Наполеонъ говорилъ, что геній его и отвага росли съ годами. Скромный Тюреннь умѣлъ заслужить безсмертіе въ рядахъ французской арміи, въ особенности его любовью къ солдату и попечительностью о немъ въ тотъ вѣкъ, когда къ солдату относились съ величайшимъ пренебреженіемъ или равнодушіемъ; онъ сумѣлъ возвысить французскаго солдата въ собственныхъ глазахъ и тѣмъ двинуть его на подвиги невозможные. *Lachez la Pie* (любимая лошадь Тюрення) *elle nous conduira*, говорили его солдаты послѣ его смерти на засбахскихъ поляхъ, показывая этимъ глубокое уваженіе къ его памяти, когда генералы Лоржъ и Вобренъ спорили о командованіи⁽²⁰⁶⁾. Тюреннь вдохнулъ во французскаго солдата тотъ высокій нравственный духъ, который не угасъ и въ минуты тяжелыхъ испытаний и воскресъ съ такою силою въ эпоху революцій. Чувство долга, которое было непонятно тогдашнимъ солдатамъ, частью силою оторванныхъ отъ сохи, частью же смотрѣвшихъ на военную службу какъ на выгодное ремесло, было обще въ его арміяхъ. Лучшею похвалою Тюренню можетъ служить и то, что Людвигъ XIV, завидовавшій славѣ своихъ генераловъ, преклонялся предъ достоинствами и заслугами Тюрення и отдалъ праху его царскія почести. Самъ Конде былъ порой его ученикомъ, слушался его разумныхъ совѣтовъ, далеко опережавшихъ понятія вѣка. Конде смотрѣлъ на армію какъ на орудіе для достиженія тѣхъ или другихъ цѣлей и не заботился каково это орудіе. Напротивъ, постоянною заботою Тюрення было усовершенствованіе этого орудія, чтобъ оно было хорошо не только въ его рукахъ, но и въ рукахъ менѣе даровитыхъ. Тюренню военное искусство одолжено многими важными усовершенствованіями, а потому походы его заслуживаютъ полнаго вниманія по научному достоинству и нельзя не раздѣлить мнѣнія Наполеона, причислявшаго Тюрення къ числу тѣхъ великихъ полководцевъ, которыхъ кампаніи должны быть настольною книгою всякаго образованнаго офицера. Какъ примѣръ для нашего военно-историческаго изслѣдованія, мы возьмемъ послѣднія его кампаніи, хотя и лишенная эффектной обстановки по числу сражавшихся и по цѣли дѣйствій, тѣмъ не менѣе, высоко поучительныя уже и потому, что противниками Тюрення были герцогъ Лотарингскій и потомъ Монтекукули, лучшіе австрійскіе генералы эпохи, и въ особенности послѣдній, умѣвшій если не побѣждать своего гениальнаго противника, то по крайней мѣрѣ глубоко его уважать, какъ доказываютъ слова имъ сказанныя послѣ смерти Тюрення, что сошелъ со сцены міра человекъ, *дѣлавшій честь человечеству*⁽¹⁰⁷⁾.

Во 2-ю Нидерландскую войну въ 1674 г., Тюренню поручена была оборона Эльзаса, въ то время какъ Конде дѣйствовалъ въ Бельгій, Шомбергъ въ Пиренеяхъ, а самъ король съ арміей выступилъ во Франш-Контэ.

Театръ военныхъ дѣйствій обнимаетъ бассейнъ Рейна между Базелемъ и Майнцемъ и восточныя части бассейновъ Роны и Мозеля. Въ очерченныхъ предѣлахъ Рейнъ въ своемъ теченіи принимаетъ съ лѣвой стороны притоки, вытекающіе изъ Вогезовъ и ихъ сѣвернаго продолженія. Эта горная цѣль образуетъ водораздѣлъ между Рейномъ съ одной стороны и Роной и Мозелемъ съ другой. Важнѣйшіе притоки Рейна слѣва суть: Иль (важныя пункты: Мюльгаузенъ, Кольмаръ, Шлетштадтъ и Страсбургъ) съ Брейшемъ (Энцгеймъ) и Цорнъ (Цабернъ или Саверна). Восточную часть разсматриваемой *лѣвобережной* прирейнской страны, протяженіемъ въ длину 75 кил. и поперекъ въ 30, образуетъ Рейнская долина, ровная, перерѣзанная множествомъ небольшихъ рѣчекъ; страна населена и имѣется значительное количество дорогъ, связывающихъ различные пункты, а потому она удобопроезжима во всѣхъ направленіяхъ. *Средняя* полоса—страна гористая, средней высоты, движеніе по ней менѣе удобно и болѣе возможно съ востока на западъ, нежели въ перпендикулярномъ направленіи. Наконецъ, *западная* часть разсматриваемаго района, образуемая западными склонами Вогезовъ и ихъ сѣвернаго продолженія, представляетъ возвышенную, холмистую страну, дороги идутъ преимущественно по долинамъ, но иногда перерѣзываютъ и плато. Участокъ на *правомъ берегу Рейна* вдвое меньше предыдущаго; онъ состоитъ изъ трехъ полосъ, которыя въ обратномъ порядкѣ представляютъ такія же свойства, какъ и разсмотрѣнныя выше. Шварцвальдъ и его продолженіе — Оденвальдъ — соотвѣтствуютъ Вогезамъ на противоположномъ берегу. Хребтъ Шварцвальда и его продолженія перерѣзывается многими притоками Рейна, берущими начало въ восточной части этихъ горъ. Между Энцой и Некаромъ находится пониженная полоса, имѣющая характеръ холмистой страны. Притоки Рейна съ правой стороны не менѣе многочисленны нежели съ лѣвой; важнѣйшіе изъ нихъ— Некаръ (пункты: Гейльброннъ, Гейдельбергъ, Мангеймъ), съ Энцой (Пфорцгеймъ) и Эльзенцомъ (Зинцгеймъ), Эльца, Киндлингъ (Оффенбургъ, Кель), Муръ (Раштадтъ), Заальбахъ (Филипсбургъ), Леймбахъ (Вислохъ) ⁽²⁰⁸⁾ и пр.

Опасность, угрожавшая Франціи со всѣхъ сторонъ, при отпаденіи ея союзниковъ (курфюрста Кельнскаго, епископа Мюнстерскаго), заставила дѣйствовать всюду оборонительно, тѣмъ болѣе на Рейнѣ, гдѣ въ распоряженіи Тюренина отданъ былъ едва 12 т. корпусъ войскъ. Имѣя назначеніе оборонять все пространство рѣки отъ Базеля до Майнца, на протяженіи 300 верстъ, Тюренин занялъ центральную позицію у Саверны, сохраняя возможность препятствовать переправѣ противниковъ на любомъ пунктѣ, если не непосредственно, то маневрами на его пути сообщенія. Противъ него на другой сторонѣ Рейна, на среднемъ Неккарѣ, находился 10 т. корпусъ имперскихъ войскъ принца Лотарингскаго и Капрары, имѣвшихъ намѣреніе перейти Рейнъ, чтобъ вторгнуться въ Эльзасъ, и только ожидавшихъ у Гейдельберга сильныхъ подкрѣп-

леній, ведомыхъ къ нимъ изъ Эгера Бурнонвиллемъ. Какъ только Тюренинъ узналъ объ этомъ, онъ рѣшился предупредить соединеніе противниковъ и для того перейти Рейнъ и искать встрѣчи съ пр. Лотарингскимъ, справедливо разсчитывая, что наступательная оборона принесетъ несравненно болѣе выгодъ, нежели пассивное выжиданіе на лѣвомъ берегу приближенія превосходнаго по силамъ непріятели.

Оставивъ въ Савернѣ (Цабернѣ) маркиза Пюисье съ 1500 чел. пѣхоты, Тюренинъ съ 6 тыс. кавалеріи и 3600 ч. пѣхоты двинулся черезъ Гагенау къ Рейну, гдѣ заранѣе, по его приказанію, противъ Филипсбурга наведенъ былъ графомъ Молеврье судовой мостъ. 14 іюня онъ перешелъ съ кавалеріей Рейнъ въ Филипсбургъ, усилилъ свой отрядъ 1000 пѣхоты, 6 орудіями, 4 эскадронами кавалеріи и 60 драгунами, запасся трехдневнымъ продовольствіемъ и двинулся по направленію къ Гейдельбергу, приказавъ коменданту Филипсбурга половину отставшей пѣхоты оставить въ гарнизонѣ крѣпости, а половину отправить за нимъ. Въ то время какъ французская армія, слѣдовавшая на Гокенгеймъ, дѣлала привалъ у Офтерсгейма, верстахъ въ 18 сѣвернѣе Филипсбурга, передовые ея посты наткнулись на непріятельскій пѣхотный отрядъ въ 200 человекъ, занявшій лѣсной домъ и мосты противъ него на Ангельбахѣ. Тюренинъ, узнавъ объ этомъ, немедленно послалъ своимъ подкрѣпленіе. Непритель заперся въ дому, но вскорѣ, послѣ жаркаго дѣла, принужденъ положить оружіе. Перестрѣлка привлекла отрядъ пфальцкой кавалеріи, силою въ 150 человекъ, которая бросилась на французовъ, но вскорѣ наткнулась на ихъ авангардъ и была отброшена съ урономъ. Тюренинъ съ своей стороны подумалъ, что вся непріятельская армія находится въ наступленіи и немедленно выстроилъ боевой порядокъ, чтобъ принять бой. Но такъ какъ непритель не показывался, то Тюренинъ продолжалъ движеніе чрезъ лѣсныя и горныя дефиле, надѣясь разбить противниковъ на маршѣ. Но герцогъ Лотарингскій и Капрара, узнавъ о приближеніи французовъ, рѣшились избѣгать боя и съ этою цѣлью перейти Неккаръ у Вимфена и на правомъ его берегу выжидать присоединенія Бурнонвиля. Тюренинъ, не подозрѣвая что непритель находится у него на флангѣ, продолжалъ слѣдованіе къ Гейдельбергу и 15 дошелъ до Вислоха, въ 1½ миляхъ къ югу отъ Гейдельберга; здѣсь, онъ узналъ отъ разъѣздовъ, посланныхъ вправо, объ истинномъ направленіи непріятели, слѣдовавшаго чрезъ Зинцгеймъ къ Вимфену, и немедленно повернулъ въ эту сторону, подкрѣпившись подошедшей къ нему пѣхотой въ числѣ 1500 человекъ. Герцогъ Лотарингскій хотѣлъ продолжать движеніе къ Неккару и только по настоянію Капрары, считавшаго позицію у Зинцгейма выгодною, рѣшился здѣсь остановиться, чтобъ принять бой, котораго Тюренинъ такъ искалъ. Въ это время пѣхота Тюренина состояла изъ мушкетеровъ и пикинеровъ, такъ какъ ружье со штыкомъ не было еще введено въ употребленіе въ французской арміи, за исключеніемъ только гренадерскихъ ротъ; отношеніе

пикинеровъ къ мушкетерамъ, было какъ 1:3. Подобный составъ пѣхоты дѣлалъ необходимымъ присутствіе большого числа кавалеріи. Пѣхота строилась въ 5 шеренгъ и дѣлилась на роты, баталіоны и бригады. Кавалерія была 2-хъ родовъ: *жандармы* (кирасиры) и *драгуны*; легкой кавалеріи у Тюрення не было. Кавалерія строилась въ 4 шеренги. У Каррары и герцога Лотарингскаго всего было 7600 чел. подъ ружьемъ. Въ пѣхотѣ еще болѣе было пикинеровъ чѣмъ у Тюрення, вслѣдствіе этого число ея было весьма незначительно сравнительно съ кавалеріею. На 7 тыс. кавалеріи имѣлось только 1500 пѣхотинцевъ. Мушкетеры были еще вооружены тяжелыми мушкетами съ вилками и фитильными замками, потому огонь ихъ былъ слабъ; пикинеры же имѣли длинныя 15—18 футовыя пики и предохранительное оружіе: шлемы, грудныя и спинныя латы. Кавалерія состояла, какъ и у французовъ, изъ кирасиръ и драгунъ. Такимъ образомъ, по численности, тактическому составу, вооруженію французскія войска стояли выше непріятельскихъ. Къ тому же, подъ руководствомъ такого полководца какъ Тюреннь, войска его были обучены лучше другихъ. Французы умѣли уже дѣйствовать въ разсыпную и потому на полѣ сраженія искуснѣе своихъ противниковъ пользовались мѣстными выгодами. Кавалерію Тюреннь приучалъ дѣйствовать болѣе холоднымъ оружіемъ, тогда какъ у имперцевъ она дѣйствовала исключительно почти пальбою. Пользуясь всеми этими выгодами, Тюреннь былъ увѣренъ въ побѣдѣ, хотя эти выгоды уравнивались избранною его противниками крѣпкою позицію.

Сраженіе при Зинцгеймѣ 16 іюня 1674 г. Позиція при Зинцгеймѣ представляла возвышенное плато съ крутыми покатостями къ югу, подножіе которыхъ омывается рѣчкою Эльзенцъ (Эльзацъ), текущею здѣсь съ востока на западъ. Рѣчка эта не широка, около 20 ф., и едва достигаетъ трехфутовой глубины; берега ея покрыты частымъ ивнякомъ и ольшаникомъ. Правый берегъ всюду командуетъ и по причинѣ крутыхъ покатостей трудно доступенъ, въ особенности для кавалеріи. Городъ Зинцгеймъ лежитъ у подножія высотъ на правомъ берегу рѣчки и форштадтомъ почти соединяется съ старымъ абатствомъ въ видѣ замка, находящимся на возвышенности, шагахъ въ 500 отъ города. Послѣдній окруженъ каменною стѣною съ 9-ю башнями и 4-мя воротами и узкимъ не глубокимъ ровомъ, наполненнымъ водою изъ Эльзенца. На лѣвомъ берегу рѣки противъ города находились виноградники съ прочною изгородью, весьма выгодною для обороны. Доступы на высоты праваго берега возможны только по короткой, но удобовосходимой лощинѣ, ведущей къ замку, и по оврагу, идущему отъ города въ сѣверномъ направленіи, дающему отъ себя удобовосходимыя вѣтви въ тылъ союзниковъ. Версты на 2½ къ сѣверу отъ Зинцгейма начинаются лѣса, чрезъ которые проходятъ дороги, ведущія отъ Зинцгейма и Рорбаха въ Вайдштатъ и къ Неккару.

Союзники заняли городъ и сады впереди него тысячею пѣхотинцевъ и 400 сѣбшенными драгунами. Кавалерія же ихъ въ двухъ линіяхъ расположилась на плато, фронтомъ параллельно ручью Эльзенцъ, примыкая правымъ флангомъ къ замку, который по оплошности, а можетъ быть и по недостатку въ пѣхотѣ, не былъ занятъ.

Осмотрѣвъ расположеніе непріятеля, Тюреннь, не смотря на усталость войскъ и на силу позиціи, рѣшился немедленно ее атаковать. Превосходство въ количествѣ и качествѣ пѣхоты позволило ему рассчитывать на успѣхъ. Распоряженія для атаки заключались въ слѣдующемъ: 1300 чел. пѣхоты и 4 эскадрона драгунъ, подъ начальствомъ Гокенкура (Hocquincourt), составляя авангардъ, должны были выбить непріятеля изъ города и его предмѣстья; остальные войска слѣдовали за нимъ въ двухъ линіяхъ—пѣхота въ срединѣ, кавалерія по флангамъ. Батарея въ 6-ть тяжелыхъ орудій поставлена была на оконечности праваго фланга, чтобы держать союзную кавалерію въ отдаленіи отъ края высотъ. Нападеніе на сады и виноградники произведено было съ необыкновеннымъ пыломъ, причемъ первыми взобрались справа на стѣны драгуны. Имперцы были мгновенно выбиты и принуждены отступить въ городъ. Французы на плечахъ ихъ ворвались туда же и, послѣ жестокаго 1½-часоваго боя, городъ былъ въ ихъ рукахъ. Только 400 защит-

никовъ взяты были въ плѣнъ, прочіе же все погибли, за исключеніемъ немногихъ успѣвшихъ уйти.

Пріобрѣтеніе Зинцгейма было важнымъ успѣхомъ—на него могъ опереться Тюреннъ, чтобъ развернуть свою армию на противоположномъ берегу; оставалось еще овладѣть доступами на плато, что было не легко, еслибъ непріятель занялъ старый замокъ, командовавший всею окрестностью; но по счастію этого не было сдѣлано. Пѣхотный отрядъ, показавшійся на краю высоты, вѣроятно съ цѣлью подкрѣпить войска въ Зинцгеймѣ, былъ быстро опрокинутъ. Замокъ былъ занятъ частью пѣхоты Тюренна, овладѣвшею городомъ, въ то время какъ другая часть занималась исправленіемъ полуразрушеннаго моста на Эльзенцѣ, нѣсколько выше (восточнѣе) города, что съ помощью принесенныхъ фашиновъ было скоро исполнено. Въ то время какъ остальная армія начала переходить черезъ рѣку, Тюреннъ самъ поѣхалъ впередъ, чтобы осмотрѣть расположеніе противниковъ.

Герцогъ Лотарингскій и Капрара, какъ только открытъ былъ артиллерійскій огонь съ лѣваго берега рѣчки, отвели кавалерію нѣсколько назадъ, чтобъ не подвергать ее напраснымъ потерямъ, и такимъ образомъ лишены были возможности знать что происходило въ Зинцгеймѣ. Это удаленіе позволило Тюренню сдѣлать слѣдующія распоряженія для занятія плато: часть пѣхоты двинута была имъ по оврагу, направляющемуся къ сѣверу отъ города, съ цѣлью занять изгороди, идущія вдоль него и поражать во флангъ непріятельскую кавалерію; 200 пѣхотинцевъ заняли виноградники на восточномъ склонѣ плато, поражая кавалерію съ другаго фланга; подъ прикрытіемъ ихъ огня кавалерія взошла на плато, но, по тѣснотѣ пространства, принуждена была выстроиться въ 3 глубокихъ линіи, имѣя между эскадронами пѣхотные взводы. Артиллерія выдвинута была передъ фронтъ. Войска встрѣтили Тюренна, объѣзжавшаго линіи, громкими ура, выражая свой восторгъ бросаніемъ шапокъ кверху. Этотъ шумъ едва не повлекъ за собою гибельныхъ послѣдствій: артиллерійскія лошади, испуганныя шумомъ, бросились назадъ съ орудіями, произвели страшный безпорядокъ въ пѣхотѣ и кавалеріи и едва не опрокинули орудія въ Эльзенцъ; по счастію для французовъ имперцы не воспользовались этимъ; порядокъ скоро былъ восстановленъ и артиллерія заняла свои мѣста. Наконецъ кавалерія союзниковъ бросилась въ атаку; но, встрѣченная огнемъ съ двухъ фланговъ и пѣхотныхъ взводовъ, помѣщенныхъ между эскадронами, принуждена была отойти назадъ. Тюреннъ воспользовался этимъ, чтобъ развернуть боевой порядокъ; для этого, оставляя на мѣстѣ лѣвое крыло, онъ выдвигалъ впередъ правое, состоявшее изъ пѣхоты, двигавшейся вдоль по оврагу. Кавалерія успѣла развернуться въ центрѣ въ 2 линіи. Имперцы бросились 2-й разъ въ атаку и сбили кавалерію праваго фланга, но, встрѣченные огнемъ пѣхоты изъ оврага, снова принуждены были отступить. Также неудачно кончилась и 3-я ихъ ата-

ка. Союзники начали отступать линіи черезъ линію. Французы преслѣдовали ихъ до самого лѣса, гдѣ захвачено было нѣсколько раненыхъ и 40 повозокъ. Союзники послѣдно отступили за Неккаръ. Тюреннъ остановился у Вайдштадта верстахъ въ 4 отъ поля сраженія, и только легкія кавалерійскія партіи направлены были за бѣжавшимъ непріятелемъ и слѣдовали за нимъ до Гейльброна.

Такъ окончилось Зинцгеймское сраженіе, стоявшее союзникамъ 2/3 убит. и ранеными и до 500 плѣнными. Потеря Тюренна была тоже значительна, въ особенности при штурмѣ города, и простиралась до 1100 человекъ.

Незначительное ни по числу сражавшихся, ни по матеріальнымъ потерямъ, ни по результатамъ, Зинцгеймское сраженіе чрезвычайно важно въ тактическомъ отношеніи, какъ далеко опередившее все тогдашнія понятія объ образѣ дѣйствій войскъ въ бою. Замѣчательно какъ Тюреннъ умѣлъ располагать различными родами оружія, сообразно мѣстности и потребности; они у него не составляли отдѣльныхъ эшелоновъ, а стройное цѣлое, части котораго взаимно содѣйствуютъ для достиженія общей цѣли. Выборъ пункта атаки на Зинцгеймъ вполне удаченъ; хотя овладѣніе имъ было затруднительно, но Тюреннъ понялъ, что это тактическая ключъ позиціи, съ занятіемъ котораго онъ могъ легко дебушировать на правый берегъ рѣчки. Не менѣе искусно расположеніе по флангамъ въ замкѣ и виноградникахъ отрядовъ пѣхоты—безопасное потому, что имперцы съ своей кавалеріей не могли тамъ дѣйствовать; въ высшей степени полезное, потому что эти два пункта образовали два крѣпкихъ бастиона, подъ перекрестнымъ огнемъ которыхъ могла развернуться кавалерія, уступавшая и по численности и по вооруженію австрійской и притомъ по тѣснотѣ пространства находившаяся въ чрезвычайно невыгодномъ положеніи. Далѣе, наступленіе правымъ флангомъ впередъ—тоже заслуживаетъ вниманія. Замѣчательно, что боевой порядокъ Тюренна представлялъ рѣдкое исключеніе изъ общепринятыхъ правилъ. У него въ центрѣ была кавалерія, а по флангамъ пѣхота. Но этотъ боевой порядокъ обуславливался свойствами поля сраженія и составомъ арміи противника. Этою тайною примѣненія къ мѣстности обладали не многіе изъ современныхъ полководцевъ ⁽²⁰⁹⁾.

20 іюня Тюреннъ, не рѣшаясь оставаться съ незначительными силами на правомъ берегу Рейна, перешелъ обратно Рейнъ въ Филипсбургъ (гдѣ оставилъ взятые прежде 4 баталіона), чтобы не истощать магазиновъ этого города, служившаго ему базой при дѣйствіяхъ, и предоставить свою армию въ земляхъ курфюрста Пфральцакаго.

Расположившись у Лаксгейма, близъ Нейштадта, въ изобильной мѣстности, онъ высылалъ оттуда отряды на противоположный берегъ Рейна для сбора свѣдѣній о непріятелѣ и распространенія ложныхъ слуховъ.

Союзники, опасаясь новаго покушенія Тюренна на правый берегъ Рейна, по соединеніи съ Бурнонвилемъ укрѣпили все пространство вдоль

по Неккару отъ Ладенбурга до Рейна, усилили себя гарнизономъ Вормса и расположились въ числѣ 12000 у Ладенбурга на Неккарѣ. Тюреннь, получивъ подкрѣпленія, усилившия его армию болѣе чѣмъ до 16 т., рѣшилъ воспользоваться своимъ численнымъ превосходствомъ и предпринялъ новую экспедицію за Рейнъ въ началѣ іюля. Сдѣлавъ для демонстраціи ложное движеніе, онъ снова переправился скрытно у Филиппсбурга, усилился тамъ 2000 челов. и двинулся къ Гейдельбергу. Оставя вправо этотъ городъ, онъ переправился по устроенному имъ понтонному мосту чрезъ Неккаръ, верстахъ въ 6-ти выше Ладенбурга. Между послѣднимъ (слѣва) и Мангеймомъ (справа) сосредоточились вся имперская армія Бурнонвила, усиленная подкрѣпленіями до 14 т., причемъ она укрѣпилась на занятыхъ позиціяхъ. Мѣсто, выбранное Тюреннемъ для переправы было столь выгодно, что Бурнонвилъ не осмѣлился препятствовать его намѣренію и поспѣшно отступилъ чрезъ Дармштадтъ къ Майну, разсѣивъ пѣхоту по лѣсамъ и горамъ, чтобы ускорить движеніе. Французы, преслѣдуя непріятели, захватили нѣсколько тысячъ плѣнныхъ. Причины такого быстрого отступленія непонятны, потому что силы союзниковъ почти равнялись силамъ Тюрення. По всей вѣроятности, это должно приписать моральному вліянію предшествовавшихъ успѣховъ французскаго полководца.

Прогнавъ непріятели за Майнъ, гдѣ они сосредоточились у Франкфурта, Тюреннь расположился на Неккарѣ и, по приказанію Лувуа, раззорилъ совершенно владѣнія Пфальцкаго курфюрста, своего дяди, изъ Мангеймскаго замка смотрѣвшаго какъ пылали его города и села. Онъ послалъ вызовъ маршалу, который, конечно, не былъ принятъ. Тюреннь перешелъ обратно Рейнъ и сосредоточилъ свою армию, усиленную значительными подкрѣпленіями, въ окрестностяхъ Ландау.

Между тѣмъ и союзники, усилившись подкрѣпленіями до 35—36 т., рѣшились въ свою очередь перейти въ наступленіе, имѣя намѣреніе вытѣснить противника изъ Эльзаса. Съ этою цѣлью они, переправившись чрезъ Рейнъ въ Майнцѣ 30-го августа, направились къ Шпейеру. Тюреннь, силы котораго далеко уступали имперскимъ (всего 23 т.), рѣшился для защиты Эльзаса принять оборонительный бой, и съ этою цѣлью занялъ за ручьемъ Эрленбахъ, у городка Виндена, крѣпкую природою и усиленную мѣстными препятствіями позицію. Союзники, подойдя къ ней и вида ея силу, не рѣшились атаковать, тѣмъ болѣе, что должны были имѣть въ тылу двѣ сильныя крѣпости: Ландау и въ особенности Филиппсбургъ. Людовикъ XIV, побуждаемый Лувуа, приказалъ Тюренню двинуться на защиту Лотарингіи; но французскій полководецъ представилъ противъ этого вѣскія возраженія, а именно: что, по позднему времени года, непріятели не въ состояніи предпринять операцію въ Лотарингію, что очистить занятую страну и предоставить ее непріятели добровольно, имѣя достаточно войскъ (болѣе 20 т.), было бы неблагоприятно; что тогда крѣпости Филиппсбургъ и Брейзахъ должны будутъ

сдаться и т. п. Мнѣніе Тюрення восторжествовало и онъ продолжалъ кампанію по своему плану. Между тѣмъ Бурнонвилъ, командовавший имперскою арміею, простоявъ лагеремъ 15 дней въ четырехчасовомъ разстояніи отъ французской арміи, въ плохихъ землянкахъ, составилъ удачный планъ проникнуть въ Эльзасъ въ тылу Тюрення черезъ мостъ у Страсбурга, гдѣ у имперцевъ было много приверженцевъ. Съ этою цѣлью онъ переправился обратно на правый берегъ Рейна, по заранѣе устроенному мосту въ Шпейерѣ, и пошелъ быстро къ Страсбургу. Тюреннь, узнавъ объ этомъ, быстро двинулся къ Страсбургу, желая предупредить союзниковъ, но авангардъ его не былъ впущенъ въ городъ жителями. Тюреннь принужденъ былъ занять позицію у Ванценау, къ сѣверу отъ Страсбурга въ 2-хъ миляхъ. 1-го октября союзники перешли Рейнъ въ Страсбургѣ, 3-го Иль и расположились за рѣчкою Брейшъ, въ деревняхъ Эндгеймъ, Плансгеймъ и Гейспольцгеймъ, фронтомъ къ сѣверу.

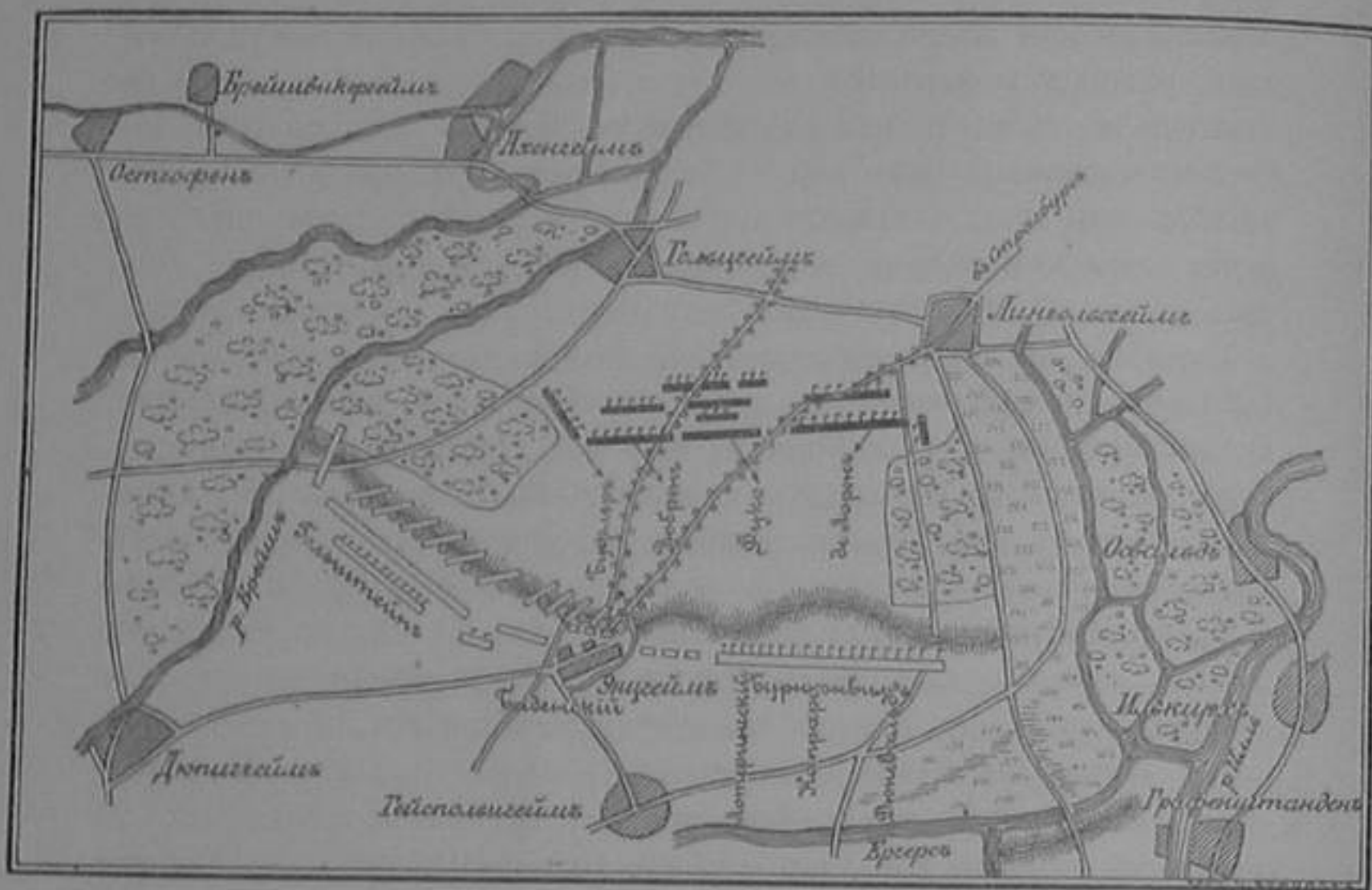
Тюреннь, не желая отступленіемъ отдать въ руки союзниковъ Эльзасъ, рѣшился принять бой, не смотря на неравенство въ силахъ, считывая на разногласіе между нѣмецкими генералами и желая предупредить соединеніе имперцевъ съ курфюрстомъ Бранденбургскимъ. 2-го октября онъ послалъ впередъ три полка драгунъ съ приказаніемъ навести мосты. Самъ же выступилъ въ полночь въ 3-хъ колоннахъ: въ средней пѣхота, въ лѣвой кавалерія и въ правой артиллерія и обозы, направляясь по размытымъ отъ дождей дорогамъ на Мутцигъ и Брейшъ. Оставивъ войска у Ахенгейма, Тюреннь выѣхалъ впередъ къ авангарду, чтобы обозрѣть непріятельскую позицію. Слѣдствіемъ этой рекогносцировки было то, что Тюреннь рѣшился перейти Брейшъ, чтобы атаковать противника. Ахенгеймъ былъ занятъ отрядомъ драгунъ Буфлера, а у Гольцгейма приказано было строить мостъ. Гр Лоржъ направился туда со всеми остальными драгунами. Произведя рекогносцировку, онъ нашелъ, что позади Гольцгейма простирается равнина, на которой имѣются только небольшіе непріятельскіе полевые караулы; благодаря этому селеніе безъ труда было занято драгунами и гренадерами, къ которымъ подошли 1,500 чел. пѣхоты. Прибывшій на мѣсто Тюреннь приказалъ обозамъ остановиться у Ахенгейма, а остальнымъ войскамъ слѣдовать за авангардомъ. Перейдя здѣсь черезъ Брейшъ, французы немедленно выстроились въ боевой порядокъ. Только съ наступленіемъ ночи нѣмецкіе посты двинулись противъ Гольцгейма, но должны были отойти передъ превосходнымъ противникомъ. Бурнонвилъ дѣйствовалъ нерѣшительно, а въ собранномъ имъ военномъ совѣтѣ, по обыкновенію, высказывались различныя мнѣнія. Наконецъ принято было среднее рѣшеніе: двинуться на слѣдующій день, 4 сентября, къ Гольцгейму и отбросить Тюрення за Брейшъ.

Тѣмъ не менѣе Бурнонвилъ дѣйствовалъ такъ вяло и медленно, что

на слѣдующій день армія союзниковъ еще не успѣла изготовиться къ движенію какъ было получено извѣстіе о наступленіи Тюренна.

Французская армія состояла изъ 20 бат. пѣхоты и 73 эск. кавалеріи. Принимая баталіонъ въ 600 чел. и эскадронъ въ 130 лошадей, мы найдемъ численность пѣхоты 12,000 чел., кавалеріи 9,490 и драгунъ 1,200 чел.; всего 22—23 тыс. съ 30 орудіями.

У союзниковъ было значительное превосходство въ числѣ войскъ— всего 32 т., въ томъ числѣ пѣхоты болѣе 17,000 чел. и кавалеріи 14,500 чел. при 58 орудіяхъ. Мѣстность поля сраженія замѣчательна въ томъ отношеніи, что обѣ арміи имѣли за собою пересѣченный лѣсистый и болотистый берегъ рѣки. Впереди с.с. Дютсгейма и Гольцгейма протекаетъ р. Брейшъ. Въ веретѣ восточнѣе Дютсгейма лежитъ довольно обширное кругообразное с. Энцигеймъ, окруженное заборами и глубокими канавами. Къ востоку и западу отъ него тянутся до Иллы и

Брейша обсаженныя заборомъ и деревьями канавы и дороги. Далѣе у Гольцгейма и Лингольсгейма простирается равнина съ двумя лишь лѣсками—одна рѣдкій, тянется параллельно берегу Иллы, отъ рва до Лингольсгейма, другой въ 500 шаг. западнѣе Энцигейма и впереди рва—густой, длиною около 1000 ш. и шириною около 500 ш., примыкая непосредственно къ Брейшу. Правое крыло союзниковъ, подъ начальствомъ Бурновилля, состояло изъ императорской и лотарингской кавалеріи и расположилось восточнѣе Энцигейма до Лингольсгеймскаго лѣса. Центръ, подъ начальствомъ маркграфа Баденскаго, состоялъ изъ импе-

раторской и разныхъ городскихъ контингентовъ пѣхоты. С. Энцигеймъ—ключъ позиціи—было занято однимъ полкомъ съ 1 баталіономъ, 1 эскадронъ и 4 орудіями; восточнѣе селенія расположены были, за заборами, два полка и одинъ баталіонъ. Остальная пѣхота и артиллерія—лѣвѣе селенія за рвами. Лѣвое крыло, подъ начальствомъ герцога Гольштейнъ-Плюэнскаго, состояло изъ люнебургскихъ войскъ, причѣмъ пѣхота расположилась за рвомъ у лѣска, а кавалерія, по недостатку мѣста,—за пѣхотою. Только небольшая ея часть стала рядомъ съ пѣхотою за лѣскомъ. Такимъ образомъ большая часть войскъ была вытянута въ одну линію и все расположеніе до извѣстной степени примѣнено къ мѣстности.

Тюреннъ выстроилъ боевой порядокъ слѣдующимъ образомъ: *центр* образовали 10 бат. въ первой и 8 бат. во второй линіи; между пѣхотными линіями стояло 5 эскадронъ кавалеріи; *на лѣвомъ флангѣ* 31 эскадронъ въ 2-хъ линіяхъ, *на правомъ флангѣ* тоже 31 эскадронъ въ 2-хъ линіяхъ, 8 эскадр. драгунъ маркиза Буфлера образовали крайнее правое крыло, 4—лѣвое крыло боеваго порядка, который, какъ мы видимъ, по причинѣ равнинной мѣстности, былъ симметриченъ и нормаленъ. 2 баталіона и 6 эскадронъ образовали резервъ за центромъ. Особенностью въ расположеніи Тюренна было то, что между эскадронами кавалеріи въ первой линіи поставлено было по 15 мушкетеровъ для придачіи кавалеріи оборонительной силы; до 30 орудій расположено предъ фронтомъ.

Французскія войска выстраивались въ боевой порядокъ при сильномъ туманѣ, не позволявшемъ различать предметы на самомъ ближнемъ разстояніи; потомъ этотъ туманъ обратился въ сильный дождь, продолжавшійся непрерывно почти цѣлый день; наконецъ, въ 8 ч. утра Тюреннъ двинулся впередъ въ боевомъ порядкѣ. У праваго лѣска показались два непріятельскихъ кавалерійскихъ отряда, которые были прогнаны артиллерійскими выстрѣлами; затѣмъ маркизъ Буфлеръ, командовавшій драгунами праваго фланга, выѣхалъ впередъ едва съ 50 драгунами и удостоившись, что лѣсокъ не занятъ противникомъ. Тогда движеніе боеваго порядка продолжалось и французская армія вышла на линію лѣска. Буфлеръ снова отправился на рекогносцировку, но, по причинѣ тумана, ничего не могъ видѣть. Французская армія остановилась и Тюреннъ снова послалъ впередъ Буфлера. Слѣдуя по опушкѣ лѣса къ Энцигейму, Буфлеръ наткнулся на 2 баталіона двигавшихся съ лѣваго непріятельскаго крыла къ лѣску. Повернувъ назадъ, Буфлеръ немедленно спѣшилъ свои 8 эскадронъ и повелъ ихъ въ лѣсъ, чтобы предупредить имперцевъ. Тюреннъ отправилъ ему въ подкрѣпленіе всѣ отряды мушкетеровъ (ок. 500 чел.), находившихся между эскадронами праваго крыла, съ нѣсколькими орудіями. Жаркій бой загорѣлся въ лѣсу, но въ непродолжительномъ времени союзники были изъ него выбиты съ потерей артиллеріи. Этимъ дѣломъ не окончилось; лѣсокъ былъ слишкомъ важенъ для имперцевъ, чтобы оставить его въ рукахъ французовъ, а потому они нѣсколько разъ еще

предпринимали атаку съ намѣреніемъ имъ овладѣть. Въ свою очередь Тюреннь постепенно подкрѣплялъ сражавшихся въ лѣсу, наконецъ, введя туда 8 баталіоновъ 2-й линіи центра и 2 баталіона, находившихся въ резервѣ, выбить, послѣ двухчасоваго боя, имперцевъ изъ лѣска; при одной изъ атакъ цѣлый баталіонъ союзниковъ былъ окруженъ и захваченъ въ плѣнъ. Новая попытка имперцевъ (люнебургцевъ) къ атакѣ была отражена при помощи кавалеріи праваго крыла, причемъ противникъ отброшенъ за ровъ. Но въ свою очередь и французы не могли дебушировать изъ лѣсу подъ перекрестнымъ огнемъ выгодно расположенной имперской артиллеріи. Тюреннь рѣшился атаковать позицію люнебургцевъ и с. Энцигеймъ. Съ этою цѣлью онъ приказалъ артиллеріи выдвинуться впередъ для подготовки атаки и послалъ на лѣвый флангъ за подкрѣпленіями. Между тѣмъ Бурноивиль, державшійся до тѣхъ поръ пассивно, рѣшился, наконецъ, выслать нѣсколько баталіоновъ и орудій для поддержки люнебургцевъ. Предпринятая тамъ атака была отбита французами и такъ какъ ни одна изъ сторонъ не могла выбить другую съ позиціи, то вскорѣ дѣло перешло здѣсь въ перестрѣлку. Въ то же время Бурноивиль, замѣтивъ что французы ослабили себя въ центрѣ и на лѣвомъ крылѣ, рѣшился атаковать своей кавалеріей праваго крыла (Капрара) находившіеся въ центрѣ 7 баталіоновъ пѣхоты, ударивъ на нихъ съ фронта и съ лѣваго ихъ фланга. Покончивъ съ пѣхотой, Капрара долженъ былъ броситься на лѣвое неприятельское крыло, которое въ то же время предположено атаковать пятью полками кавалеріи, направленными черезъ Лингольсгеймъ лѣсомъ.

Капрара двинулъ свою тяжелую конницу (18 эск.), черезъ 2 отверстія въ заборахъ, на равнину, быстро перестроился и приказалъ 1-й линіи броситься на французовъ съ фронта, а самъ съ 12 эскадронами повернулъ влѣво, чтобы атаковать Фуко съ фланга и тыла. Но Фуко своевременно замѣтилъ эту атаку и приказалъ мушкетерамъ, отдавъ залпъ, скрыться въ каре, построенныя пикинерами, а находившимся въ первой линіи двумъ и во 2-й пяти эскадронамъ прикрыть пѣхоту. Вслѣдствіе этого первая линія Капрары, не доскакавъ 30 шаговъ до лѣса копій французской пѣхоты, повернула назадъ. Самъ Капрара хотя опрокинулъ французскую конницу, но атака его во флангъ и тылъ французской пѣхоты потерпѣла полную неудачу. Тогда, собравъ свои эскадроны, онъ повнесся противъ кавалеріи лѣваго крыла французовъ, но, встрѣченный контръ-атакой де-Лоржа, былъ отброшенъ въ полномъ безпорядкѣ. Французы, гоня австрійскихъ латниковъ, опрокинули и разсѣяли одинъ неприятельскій баталіонъ, выдвинувшійся на равнину, но затѣмъ, встрѣченные огнемъ неприятельской пѣхоты, повернули назадъ. Австрійская кавалерія, направленная черезъ лѣсъ, двигаясь по трудно-проходимой дорогѣ, запоздала прибытіемъ, а затѣмъ была отражена огнемъ французской пѣхоты и атаккой конницы Лоржа.

Сраженіе безпорно было выиграно французами, успѣвшими овладѣть

лѣсомъ на правомъ ихъ флангѣ и отбившими имперскую кавалерію на лѣвомъ. Но Тюреннь съ наступленіемъ ночи отдалъ приказаніе отступить обратно къ Ахенгейму, гдѣ находился его обозъ. Арьергардъ же французскій оставался на полѣ сраженія. Въ свою очередь союзники, ничего не подозрѣвая объ отходѣ Тюрення, тоже отошли за Ииль⁽²¹⁰⁾.

Разсматривая дѣйствія Тюрення, можно замѣтить, что стратегическимъ ключемъ позиціи имперцевъ было правое крыло, потому что тамъ лежалъ путь отступления на Стасбургъ. Атакуя правый флангъ, Тюреннь отрѣзалъ бы союзниковъ отъ мостовъ и ставилъ ихъ въ опасное положеніе. Атака ведется вяло, по частямъ, но постепенно вся армія принимаетъ въ ней участіе; центръ и лѣвое крыло ослабляются. Касательно союзниковъ нужно замѣтить, что расположеніе ихъ на позиціи было далеко не искусно; оставленіе незанятыми обоихъ лѣсковъ, находившихся передъ флангами, было важнымъ упущеніемъ, свойственнымъ впрочемъ всеѣмъ современнымъ посредственнымъ тактикамъ, хлопотавшимъ только о симметричности боеваго порядка, о равеніи линій. Идея маневра на лѣвый флангъ Тюрення, ослабленный усиленною атакою на правомъ, заслуживаетъ вниманія, но для достиженія успѣха нужно было перейти въ наступленіе всеѣмъ правымъ флангомъ и центромъ, а не нѣсколькими эскадронами, не успѣвшими ничего сдѣлать. Успѣховъ французовъ на лѣвомъ имперскомъ флангѣ нечего было бояться, потому что превосходство въ силахъ и въ особенности въ артиллеріи не позволяло французамъ сдѣлать лишній шагъ впередъ; такая атака вѣроятно принесла бы за собою самые рѣшительные результаты. Нельзя не замѣтить также, что союзники несвоевременно отступили съ поля сраженія, которое не было еще ими окончательно проиграно, когда много войскъ еще не принимало участія въ дѣлѣ. Въ стратегическомъ отношеніи Энцигеймское сраженія не повлекло за собою важныхъ результатовъ, потому что союзники вскорѣ соединились съ курфюрстомъ Бранденбургскимъ и армія ихъ возросла до 55 т. Войска же Тюрення съ подошедшими подкрѣпленіями едва усилились до 30 т. Казалось, что при такомъ превосходствѣ союзниковъ въ силахъ цѣль войны—занятіе Эльзаса—должна была бы быть достигнута. Тюреннь очень хорошо это понималъ и, не имѣя возможности дать сраженіе, старался по крайней мѣрѣ въ пособіяхъ мѣстныхъ найти равновѣсіе съ противниками, обращаясь къ укрѣпленнымъ позиціямъ. Съ этою цѣлью онъ приказалъ укрѣпить Саверну и Гагенау, откуда онъ получалъ продовольствіе, и занялъ сильную позицію за рѣкою Цорнъ. Тюренню важно было выиграть время, потому что, по позднему времени года, скоро противники должны были расположиться на зимнихъ квартирахъ. Къ тому же онъ зналъ, что, по случаю вторженія шведовъ, курфюретъ долженъ былъ отдѣлаться, чтобы посѣлится на защиту родовыхъ владѣній. Между тѣмъ въ лагерѣ союзниковъ существовало полное разногласіе на счетъ того, что имъ слѣдовало предпринять; наконецъ они потянулись къ рѣки Цорнъ, но не рѣшились атаковать Тюрення въ его крѣпкой позиціи и повернули

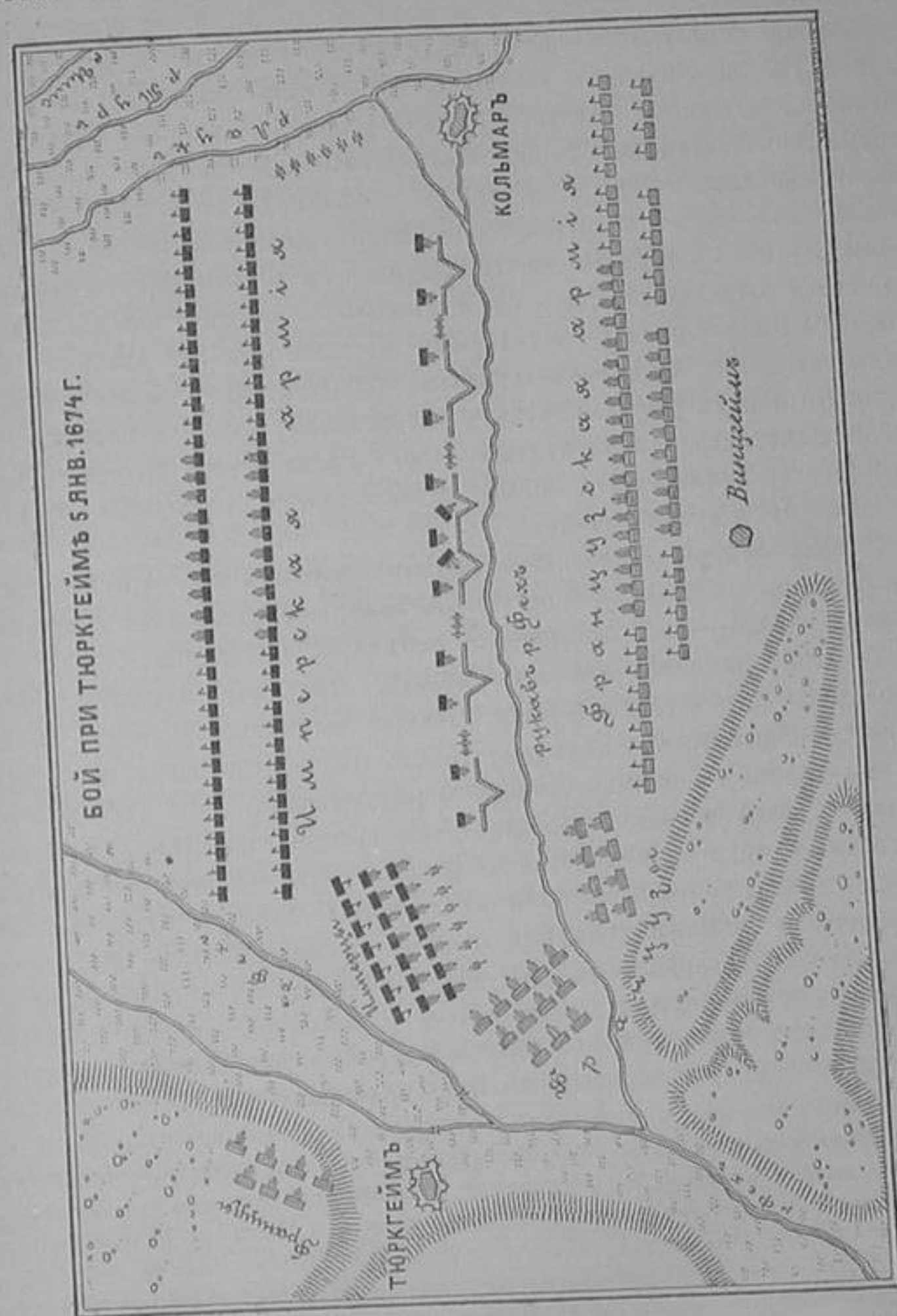
обратно къ Страсбургу. Тюреннъ задумалъ планъ совершеннаго изгнанія союзниковъ изъ Эльзаса и сообщилъ его королю; но для исполненія такого плана было необходимо, чтобъ союзники расположились по квартирамъ. Съ этою цѣлью онъ показалъ видъ, что тоже располагается на зимовку между Саверною и Гагенау. Союзники последовали его примѣру и растянули свою армию на зимнія квартиры между Вогезами и верхнимъ Рейномъ, отъ Бенфельда до Бельфора. Главная квартира курфюрста была въ Кольмарѣ.

Тогда Тюреннъ приступилъ къ исполненію свою плана. Въ началѣ декабря онъ внезапно оставилъ свои зимнія квартиры и отступление изъ Эльзаса въ Лотарингію черезъ Людельштейнъ. Но какъ только онъ перешелъ Вогезы, то быстро повернулъ на югъ и, слѣдуя по западному склону Вогезовъ чрезъ Саарбургъ и Бюкара, дошелъ до Ремиремона, гарнизонъ котораго отступилъ въ Эльзасъ. Тюреннъ постарался ввести противника демонстраціями у главныхъ вогезскихъ проходовъ въ заблужденіе; кромѣ того, чтобы непріятель принялъ движеніе на югъ за желанье расширить квартирный районъ, маршалъ пріостановился въ окрестностяхъ Ремиремона съ 17 по 23-е число и расположилъ главную квартиру близъ С. Набора. Дороги, заваленныя сначала снѣгами, сдѣлались непроходимыми вслѣдствіе наступившей оттепели. Это обстоятельство слѣдуетъ имѣть въ виду при оцѣнкѣ дѣйствій маршала. Наконецъ Тюреннъ двинулся черезъ Шампань и Вольдуа и 27-го появился передъ Бельфоромъ, т. е. на лѣвомъ флангѣ расположенія союзниковъ. Последніе, обезпокоенные этимъ движеніемъ, начали стягивать войска на болѣе тѣсныя квартиры.

Въ Бельфорѣ Тюреннъ узналъ, что непріятельскимъ войскамъ было назначено собраться къ Кольмару и Альткирхену. Вслѣдствіе этого онъ направился къ Мюльгаузену, желая отрѣзать послѣднія; для большей быстроты движенія, онъ оставилъ назади пѣхоту и пошелъ съ одною кавалеріею. У Мюльгаузена, 29 декабря, французскій авангардъ наткнулся на непріятельскій отрядъ рѣшившійся принять бой, чтобы дать время войскамъ собраться въ квартирѣ. Но, послѣ жаркаго дѣла, онъ былъ сбитъ; а на слѣдующій день взятъ былъ французами въ плѣнъ, въ замкѣ Бурштадтѣ, у Мюльгаузена, цѣлый нѣмецкій пѣхотный полкъ силою въ 900 чел. Тюреннъ нашелъ 5-го января главныя непріятельскія силы сосредоточенными на укрѣпленной позиціи за протокомъ рѣки Фехты, во многихъ мѣстахъ котораго существовали броды, но главнѣйшія переправы были испорчены союзниками. Лѣвое крыло (войска вел. курфюрста) обезпечивалось Кольмаромъ, укрѣпленія котораго оборонялись артиллеріей, правое же крыло (войска имперскія, лотарингскія, мюнстерскія и люнебургскія) висѣло на воздухѣ. Его нельзя было протянуть до Тюркгейма, который заняли двумя баталіонами, очутившимися такимъ образомъ отдѣльно, въ веретѣ отъ праваго фланга арміи. Последняя выстроилась въ 2 линіи, имѣя пѣхоту въ центрѣ, кавалерію по флангамъ

и за серединою резервъ изъ пѣхоты и кавалеріи. Общая численность войскъ простиралась до 33 т. чел.—

У Тюренна, съ прибывшими изъ Франшъ-Конте подкрѣпленіями, было до 30000 чел. Французы двигались къ непріятелю тремя колоннами,

но, убѣдившись въ рискованности атаки съ фронта, Тюреннъ рѣшился обойти союзниковъ съ праваго ихъ фланга, черезъ Тюркгеймъ. Развернувъ въ двѣ линіи правую и среднюю колонны, состоявшія преимущественно изъ кавалеріи, маршалъ приказалъ лѣвой колоннѣ, изъ 4 бата-

люновъ и нѣсколькихъ эскадроновъ, двинуться черезъ Винценгеймъ на Тюркгеймъ *). Самъ Тюреннъ направился съ обходной колонной Фуко, поручивъ демонстрацію съ фронта де-Лоржу.

Видя это, союзники отправили къ Тюркгейму, изъ резерва и 2-ой линіи, 12 батал., 30 эскадроновъ и 6 орудій; но когда они прибыли туда, то городъ, покинутый слабымъ гарнизономъ, былъ уже въ рукахъ французовъ, переправившихся черезъ р. Фехту. Тѣснямыя постепенно Тюреннемъ, названныя войска тоже отступили къ главнымъ силамъ, которыя демонстраціями Лоржа были прикованы къ ихъ позиціи до ночи. Союзники потеряли до 900 ч., а французы около 200.—Тюреннъ намѣревался дать на другой день рѣшительное сраженіе, но получилъ донесеніе что противникъ ночью отступилъ на Шлетштадтъ. Курфюреть тяготился бесполезной для него и сѣверныхъ князей Германіи войной; имперцы были утомлены неудачнымъ съ самаго начала для нихъ зимнимъ походомъ; между начальниками господствовала полная разладъ, такъ что и самъ упавшій духомъ Бурнонвиль только и помышлялъ о скорѣйшемъ переходѣ на правый берегъ Рейна черезъ Шлетштадтъ и Страсбургъ. Артиллерія и обозы заранѣе были отправлены водою по р. Иллю къ тому же пункту.

Затѣмъ курфюреть перешелъ обратно черезъ Рейнъ и занялъ зимнія квартиры на правомъ берегу рѣки. Такимъ образомъ цѣль дѣйствій—оборона Эльзаса—была совершенно достигнута Тюреннемъ.

Тюреннъ не считалъ нужнымъ мѣшать этому отступленію и отвелъ свою армію (вслѣдствіе разоренія Эльзаса) на зимнія квартиры въ Лотарингію. Разсматривая кампанію 1674 г. съ стратегической точки зрѣнія, мы видимъ съ обѣихъ сторонъ ограниченность цѣли дѣйствій, которая, въ свою очередь, обуславливалась незначительностью дѣйствовавшихъ армій, такъ какъ дѣйствія въ Эльзасѣ считались второстепенными. Незначительность армій не позволила ставить широкую цѣль дѣйствій и заставляла избѣгать сраженій, потому что потеря армій могла повлечь за собою потерю провинціи. Но, не смотря на это, мы видимъ, что Тюреннъ рѣшительно переходитъ 2 раза въ наступленіе и ищетъ сраженій, что обуславливалось расчетомъ—бить непріятеля превосходными силами до присоединенія къ нему подкрѣпленій.

*) Этотъ маневръ казался столь необыкновеннымъ, что одинъ изъ участниковъ рѣшился высказать свое удивленіе маршалу: «осмѣливаюсь доложить, что все мы въ безпокойствѣ относительно приказаннаго намъ марша, а также въ виду того, что мы идемъ для того, чтобы уткнуться носомъ въ эту гору, нахрапывая одинъ на другихъ.—Дѣйствительно, отвѣчалъ Тюреннъ—вы не неправы, но я полагаю, что непріятельская армія, имѣющая передъ собою Тюркгеймскій ручей, а свой лѣвый флангъ у Кольмара, гдѣ находятся ея боевые припасы и продовольствіе, не оставитъ такое выгодное расположеніе, чтобы броситься на меня; съ другой стороны, противникъ не можетъ занять Тюркгеймъ иначе какъ отдѣльнымъ отрядомъ, и тогда, овладѣвъ этимъ пунктомъ, какъ я попытаться это сдѣлать тотчасъ, я открываю себѣ путь къ его флангу и тылу» (211).

Въ 1-й разъ онъ переходитъ Рейнъ, чтобы разбить Капрару и Лотарингскаго до прибытія къ нимъ подкрѣпленій, справедливо рассчитывая, что пассивная оборона не дастъ рѣшительныхъ результатовъ, и достигается цѣли блестящимъ образомъ въ сраженіи при Зиндгеймѣ, — и это движеніе Наполеонъ называетъ превосходнымъ. 2-й разъ, не смотря на превосходство въ силахъ противниковъ, онъ смѣло атакуетъ ихъ при Эндгеймѣ до присоединенія къ нимъ курфюрета Бранденбургскаго; хотя въ дѣйствіяхъ предшествовавшихъ можно замѣтить, что Тюреннъ не занялъ Страсбурга, пункта чрезвычайно важнаго для непріятеля, потому что жители его расположены были къ имперцамъ, которые могли здѣсь дебушировать на лѣвый берегъ Рейна. Эта оплошность не была поспѣшно исправлена и герцогъ Бурнонвиль предупредилъ Тюрення въ Страсбургѣ только 6-тью часами.

Ограниченность цѣли дѣйствій, кромѣ незначительной численности армій, обуславливалась и способами ихъ продовольствія исключительно изъ магазиновъ, почему они не могли далеко удаляться отъ своихъ базисовъ.

Когда союзники, по соединеніи съ курфюретомъ Бранденбургскимъ, получили рѣшительное превосходство въ силахъ надъ противникомъ, Тюреннъ благоразумно переходитъ къ оборонительной системѣ дѣйствій, къ системѣ крѣпкихъ природою позицій, которыя онъ усиливаетъ еще болѣе препятствіями мѣстными. Наконецъ, послѣдній его планъ внезапнаго нападенія на зимнія квартиры непріятеля превосходитъ по смѣлости и быстротѣ соображенія, хотя на исполненіе можно сдѣлать нѣсколько замѣчаній. Тюреннъ достигъ бы, по замѣчанію Наполеона, болѣе рѣшительныхъ результатовъ, еслибъ онъ дебушировалъ изъ Вогезовъ не на лѣвый флангъ, а на центръ или еще рѣшительнѣе на правый флангъ квартирнаго расположенія противниковъ, отрѣзывая ихъ совершенно отъ Страсбурга, гдѣ сосредоточены были жизненные и боевые припасы. Маршъ отъ Бельфора до Кольмара Наполеонъ находить слишкомъ медленнымъ. Въ Бельфорѣ Тюреннъ прибылъ 27-го декабря, а Тюркгеймское сраженіе далъ 5-го января. Такимъ образомъ, на переходъ этого 36-верстнаго пространства Тюреннъ употребилъ 9-ть дней. Разъ какъ его маршъ былъ открытъ, нельзя было уже терять ни одной минуты и слѣдовало пользоваться внезапностью. Это пространство можно было, какъ говоритъ Наполеонъ (212), пройти въ 3 дня и тогда достигнуть самыхъ рѣшительныхъ результатовъ; армія курфюрета Бранденбургскаго не успѣла бы сосредоточиться къ бою у Кольмара, который могъ бы быть опаснымъ для Тюрення, еслибъ имперцы умѣли воспользоваться крѣпостью своей позиціи, превосходствомъ въ силахъ при труднопроходимости Тюркгеймскаго ручья, раздѣлявшаго двѣ части арміи Тюрення.

Кампанія 1675 года въ Эльзасѣ.

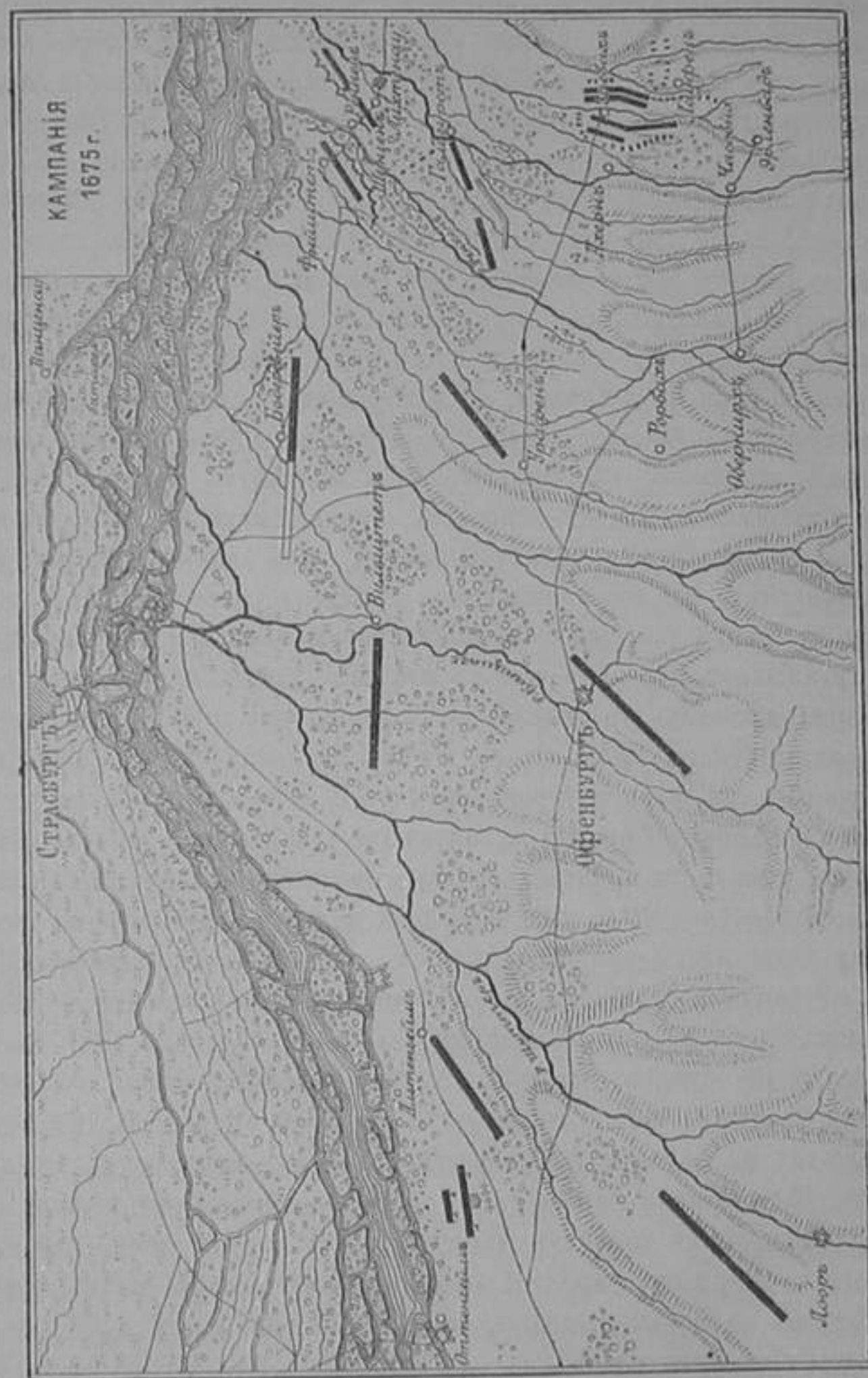
Въ началѣ кампаніи 1675 года Монтекукули, смѣнившій Великаго Курфюрста, имѣлъ приказаніе исправить его ошибки, завоевать Эльзасъ, и для достиженія этой цѣли ему ввѣрена была армія, имѣвшая до 26 т. подъ ружьемъ (12 т., пѣхоты и 14 т. кав.)

Тюреннь имѣлъ 22 т. (12 т. пѣх. и 10 т. кав.) О количествѣ орудій въ обоихъ арміяхъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній.

Хотя Тюреннь и уступалъ силами Монтекуколи, но онъ имѣлъ важное преимущество надъ противникомъ въ томъ, что армія его состояла изъ войскъ одной націи, была испытана въ школѣ долгаго военнаго опыта и притомъ подъ руководствомъ такого искуснаго учителя, каковъ былъ Тюреннь. Фекьеръ, одинъ изъ замѣчательныхъ современныхъ писателей, скупой вообще на похвалы, не можетъ нахвалиться составомъ этой арміи: высокимъ нравственнымъ духомъ, господствовавшимъ въ ней, увѣренностью въ необходимости, которая не оставила ее въ минуты испытаній, когда неспособность высшихъ начальниковъ, послѣ смерти Тюрення, ставила ее въ опасное положеніе (поведеніе французскаго арьергарда въ бою при Альтенгеймѣ) (212).

Кампанія началась тѣмъ, что Монтекукули послѣшно двинулся къ Страсбургу, желая предупредить въ немъ Тюрення. Но послѣдній также послѣшно подошелъ къ нему со стороны Нанси и угрожалъ жителямъ города бомбардированіемъ въ случаѣ нарушенія нейтралитета и пропуска чрезъ него австрійскихъ войскъ. Не успѣвъ занять города, строго охраняемаго противникомъ, Монтекукули рѣшился отвлечь его оттуда маневромъ. Съ этою цѣлью, оставивъ 6 т. отрядъ пр. Байретскаго у Оффенбурга, бывшаго пунктомъ складовъ его боевыхъ и жизненныхъ припасовъ, онъ со всею арміею потянулся внизъ по Рейну къ Филиппсбургу, показывая намѣреніе приступить къ осадѣ этой крѣпости. Но Тюреннь, занявъ Страсбургъ, не дался въ обманъ и спокойно оставался на своихъ позиціяхъ у Страсбурга. Тогда Монтекукули пошелъ далѣе внизъ по Рейну, переправился черезъ него у Шпейера, угрожалъ осадю Ландау, Савернъ и Гагенау. Тюреннь не трогался съ мѣста. Но потомъ, зная характеръ противника, чрезвычайно осторожнаго, въ особенности когда дѣло касалось сообщеній, Тюреннь рѣшился переправиться на правый берегъ Рейна, надѣясь этою диверсіею заставить его возвратиться туда же. Съ этою цѣлью посланный имъ отрядъ Вобрена устроилъ мостъ на Рейнѣ у мѣстечка Оттенгейма, верстахъ въ 12 выше Страсбурга, снабдилъ его прочнымъ тетъ-де-пономъ и оставилъ въ немъ нѣсколько баталіоновъ. Тюреннь съ арміею, уступавшею по численности арміи Монтекукули, двинулся къ Вильдштедту. Совершивъ трудный маршъ, онъ занялъ этотъ городъ, укрѣпилъ тамъ старый замокъ, заложилъ магазинъ и расположился отъ Вильдштедта

до Экартсвейера фронтомъ къ сѣверу. Разсчеты Тюрення вполнѣ оправдались. Монтекукули, послѣ нѣсколькихъ дней выжиданій, принужденъ былъ уступить инициативу своему противнику и, не рѣшаясь атаковать Тюрення на его сильной позиціи, перешелъ обратно Рейнъ и располо-

жилъ у Оффенбурга, въ 5 верстахъ отъ французовъ. Позиція Тюрення была опасна: въ тылу его находился непріязненный Страсбургъ и Рейнъ, переправа черезъ который находилась на флангъ въ Оттенгеймѣ, гдѣ могъ его предупредить Монтекукули движеніемъ изъ Оффенбурга. Но вы-

годное въ оборонительномъ отношеніи топографическое свойство обѣихъ рѣкъ, Шуттера и Канцига, образующихъ выпуклыя дуги къ сторонѣ непріятеля, давая Тюренню возможность двигаться по ихъ хордамъ, въ то время, какъ противникъ долженъ былъ слѣдовать по окружности, позволяло предупреждать непріятеля на всѣхъ пунктахъ переправы. Это свойство мѣстности было весьма удачно угадано Тюреннемъ, основавшемъ на немъ всю систему обороны. Но, однакожь, еслибы Монтекукули произвелъ маршъ на Оттенгеймъ болѣе успѣшно, то Тюренню бы поставленъ въ весьма опасное положеніе, что замѣчаетъ Наполеонъ въ своихъ комментаріяхъ на этотъ походъ Тюрення. Но Монтекукули не воспользовался выгодами своего расположенія и вмѣсто того, чтобъ быстро исполнить этотъ маршъ, онъ пошелъ первоначально къ *Лору*. Тюренню, увѣдомленный объ этомъ, послалъ немедленно къ Альтенгейму Лоржа съ 8 бат., 34 эскадр. и 6 орудіями, усилилъ мостовой гарнизонъ нѣсколькими баталіонами, а самъ, выждавъ окончательнаго выясненія намѣреній противника, двинулся затѣмъ къ Альтенгейму, оставивъ небольшой гарнизонъ въ Вильштедтѣ и выдвинувъ Лоржа нѣсколько южнѣе Оттенгейма. Замѣтя опасность, которой подвергались его мосты, заставляя его чрезмѣрно удлинять фронтъ, онъ велѣлъ перевести ихъ къ Альтенгейму, въ разстояніи около 8 верстъ отъ Страсбурга. Видя неудачу въ своихъ намѣреніяхъ, Монтекукули вернулся обратно къ Оффенбургу. Такимъ образомъ онъ не извлекъ для себя никакихъ выгодъ изъ крайне рискованнаго положенія Тюрення, который, будучи численно слабѣе австрійскаго полководца, имѣлъ въ тылу Рейнъ, ненадежный Страсбургъ и оба фланга угрожаемыми. Съ переводомъ мостовъ къ Альтенгейму, положеніе Тюрення значительно улучшилось, какъ въ стратегическомъ, такъ и въ продовольственномъ отношеніяхъ. Страна въ окрестностяхъ Оффенбурга была уже истощена долгимъ пребываніемъ войскъ, а потому недостатокъ продовольствія, а также желаніе захватить Страсбургъ, заставили австрійскаго главнокомандующаго перейти въ Урлоффенъ, оставя въ Оффенбургѣ Капрару съ 5000 человекъ. Но Тюренню зорко за нимъ слѣдилъ и, дабы лишить продовольствія австрійцевъ, имѣвшихъ въ тылу страну гористую и скудную, перешелъ Кинцигъ и расположился на позиціи у Бодерсвейера. Терня недостатокъ въ продовольствіи, Монтекукули перешелъ на правую сторону Рейхена и въ одинъ переходъ фланговымъ маршемъ дошелъ до устья этой рѣки, гдѣ и расположился у Шерцена, опираясь правымъ флангомъ въ Рейнъ, имѣя въ виду получить съѣстные припасы, заказанный имъ мостъ и боевые снаряды изъ Страсбурга водою.

Тюренню расположился противъ него за рѣчкою Рейхенъ на позиціи у Н. Фрейштедта. Въ этихъ растянутыхъ (до 35 в.) позиціяхъ, противники простояли около 3-хъ недѣль. Тюренню, узнавъ, что Монтекукули ожидаетъ по Рейну мостъ и припасы изъ Страсбурга, воспользовался свойствами мѣстности между Фрейштедтомъ и Ванценау, гдѣ Рейнъ пред-

ставляетъ множество острововъ, изъ которыхъ 3 по величинѣ своей удобнѣе были для занятія: онъ приказалъ немедленно овладѣть ими и построить батареи, чтобъ перекрестнымъ ихъ огнемъ обстрѣливать фарватеръ, а вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ устроить эстакаду, притянуть къ Ванценау часть гагенаузскаго гарнизона и занять сосѣдніе острова 500 мушкетеръ.

Монтекукули и на этотъ разъ принужденъ былъ отказаться отъ исполненія своихъ надеждъ. Но и положеніе Тюрення не было блестяще. Лагерь его былъ болотистый, нездоровый, и войска его начали сильно страдать вслѣдствіе непрестанныхъ дождей, въ особенности кавалерія по недостатку въ фуражѣ. А между тѣмъ къ имперцамъ подошло подкрѣпленіе въ 3000 чел. Чтобы заставить Монтекукули сойти съ позиціи, Тюренню рѣшился обойти его лѣвый флангъ и отрѣзать отъ Оффенбурга. Съ этою цѣлью, оставивъ въ укрѣпленной фрейштадтской позиціи 8 батал., 3 эскадрона и 6 орудій подъ начальствомъ де-Лоржа, онъ пошелъ съ остальною арміею вверхъ по *Ренхену*, переправился 23 іюля чрезъ эту рѣчку въ бродъ у Вагсгурета и по узкимъ лѣснымъ тропинкамъ дошелъ до *Гамурста*.

Монтекукули замѣтилъ однако, что французскіе посты на Рейхенѣ усилились; не зная намѣренія противника, онъ рѣшился произвести наступательное движеніе, которому долженъ былъ оказать содѣйствіе и Капрара изъ Оффенбурга. Отдана была сложная диспозиція, причемъ Капрара съ 3000 чел. и герцогъ Лотарингскій съ 4000 драгунъ должны попытаться сбить къ Вагсгурету аванпосты праваго французскаго крыла, а самъ главнокомандующій двинется съ главными силами къ Фрейштедту, повидимому лишь для рекогносцировки Тюрення и воспрепятствованія ему поддержать правый флангъ. Имперцы тронулись ночью съ 23-го на 24-ое, причемъ герцогъ Лотарингскій наткнулся на передовые французскіе отряды, встрѣтилъ неожиданно сильное сопротивленіе и затѣмъ узналъ что противъ него находится самъ маршалъ. Воспользовавшись туманомъ, герцогъ отступилъ. Что-же касается Капрары, то, получивъ своевременно свѣдѣнія о сосредоточеніи у Вагсгурета значительныхъ непріятельскихъ силъ, онъ отошелъ къ Оффенбургу. Такимъ образомъ планъ Монтекукули совершенно разстроился. Между тѣмъ, когда погода разъяснилась, Тюренню продолжалъ сосредоточеніе къ Гамурсту; 24-го числа французская армія расположилась фронтомъ на сѣверъ, правымъ флангомъ къ деревнѣ Нидеръ-Ахернъ, за рѣчкою Ахеръ. Такимъ образомъ французы сдерживали имперцевъ съ фронта, угрожали ихъ лѣвому флангу и преграждали пути къ Страсбургу. Такъ какъ притомъ Тюренню сильно укрѣпился, то Монтекукули не рѣшился его атаковать, и, опасаясь потерять свои сообщенія, выступилъ ночью съ 25 на 26-ое изъ лагеря у Рейхенлоха и двинулся къ Оттерсвейеру, гдѣ занялъ позицію въ ожиданіи Капрары. Тюренню, полагая что противникъ намѣренъ перейти въ Швабію, рѣшался преградить ему путь и, отозвавъ

изъ Фрейштедта Лоржа, двинулся 27-го іюля на разсвѣтъ изъ Гамбургста къ Оттерсвейеру. У Нидеръ-Засбаха онъ наткнулся на передовые непріятельскіе посты. Вскорѣ завязалась между обѣими сторонами канонада. Тюренинъ намѣревался дать рѣшительный бой, но въ то время какъ онъ выѣхалъ для осмотра непріятельской позиціи, ядро, пущенное съ имперской батареи, убило его на-повалъ ⁽²¹⁴⁾, на 64 году славной жизни въ то время, когда лѣта, несколько не ослабивъ его умственныхъ способностей, напротивъ, возвысили ихъ долгимъ и славнымъ опытомъ, когда геній его вполнѣ развился и возмужалъ, что доказываютъ азсмѣтрѣнныя нами двѣ послѣднія, самыя блестящія изъ всѣхъ его кампаній.

Послѣ его смерти произошло разногласіе въ командованіи двухъ его генераловъ Лоржа и Вобрена, и армія, послѣ славнаго для нея сраженія при *Альтенгеймъ*, принуждена была перейти обратно за Рейнь. Тюренинъ въ эту кампанію, по словамъ Наполеона, явился несравненно выше своего талантливаго противника: 1) не подчинившись его инициативѣ, не смотря на превосходство его въ силахъ, оставаясь спокойнымъ въ своемъ лагерѣ, у Страсбурга, въ то время какъ Монтекукули дѣлалъ диверсіи, бесполезно утомлявшія его армію; 2) заставилъ его подчиниться собственной инициативѣ, смѣло перейдя Рейнь и ставъ между Страсбургомъ и арміей противника; 3) обнаружилъ глубокое знаніе театра войны и умѣнье имъ воспользоваться въ расположеніи за Шуттеромъ и Кинцингомъ; 4) отрѣзалъ его отъ Страсбурга и отъ Оффенбурга; 5) не допустилъ къ нему подвозовъ изъ перваго пункта; 6) наконецъ, обращаетъ на себя вниманіе идея обхода Шерценской позиціи, вслѣдствіе чего Монтекукули готовился совершенно оставить долину Рейна. Наполеонъ ставитъ въ упрекъ полководцу неправильное расположеніе мостовъ у Оттенгейма, которое повлекло бы за собою гибель арміи, еслибы противъ него былъ болѣе рѣшительный полководецъ, какъ, на примѣръ, принцъ Конде ^{*} ⁽²¹⁵⁾.

^{*} Известный военный писатель Гиберъ говоритъ, что въ эту кампанію Тюренинъ командовалъ арміей въ 26000, а Монтекукули въ 30000. Такимъ образомъ послѣдній могъ дѣйствовать наступательно; онъ дѣйствительно старается перейти р. Рейнь и проникнуть въ Эльзасъ. Страсбургъ открыто склоняется на его сторону, представляя ему легкое средство для дебушированія. Что же дѣлаетъ Тюренинъ? Въмѣсто того чтобы слѣдовать обычной рутинѣ, т. е. защищать переправу черезъ охраняемую рѣку, въ особенности столь значительную какъ Рейнь, онъ самъ ее переходитъ и располагается между Страсбургомъ и Альтенгеймомъ. Онъ выбираетъ текущую въ крутыхъ берегахъ, глубокую р. Шуттеръ своею оборонительною линіею, замѣчая выгоды направленія ея теченія. Въ этихъ счастливыхъ природныхъ средствахъ его геній находитъ основы для обороны. Хотя Рейнь находится у него въ тылу, но, имѣя передъ собою такое препятствіе какъ Шуттеръ, онъ можетъ не обращать вниманія на Рейнь. Двигается ли Монтекукули выше или ниже для переправы черезъ послѣдній—онъ нападетъ на него во время переправы или займетъ оборонительное положеніе, упираясь правымъ или лѣвымъ флангомъ въ Рейнь, имѣя противоположный у Шуттера. На этомъ-то ограниченномъ пространствѣ, длиною 25—30 в. и глубиною 15—18 в., оба полководца въ теченіи 5 недѣль вѣдѣли взаимную борьбу всѣ средства военного искусства ⁽²¹⁶⁾.

Гохштедское сраженіе 1704 года.

Мы видѣли изъ походовъ 1674 и 1675 гг. тактической составъ армій и характеръ столкновеній въ ту эпоху, когда постоянныя арміи были еще учрежденіемъ новымъ, когда, вслѣдствіе малыхъ успѣховъ въ технику огня-стрѣльваго оружія, пѣхота состояла еще изъ мушкетеровъ и пикинеровъ, и вслѣдствіе этого не могла играть важной роли и оказывать сильнаго вліянія на ходъ боя, а потому въ составѣ армій она придавалась только на половину противъ кавалеріи и даже менѣе. Но тѣмъ не менѣе, когда этою арміею командовалъ Тюренинъ, мы видимъ въ ней такіе замѣтные шаги впередъ въ искусствѣ, которые были недоступны современникамъ, опередивъ далеко вѣкъ, и послѣ Тюренина были совершенно забыты. Его арміи искусно примѣнялись къ мѣстности поля сраженія, не связывая себя нормою боевыхъ порядковъ; каждый родъ оружія былъ употребленъ сообразно современному его назначенію и всѣ они направлялись съ единствомъ и искусствомъ къ достиженію одной общей, положенной полководцемъ цѣли.

Со времени смерти Тюренина протекло до разсматриваемаго нами сраженія почти 30 лѣтъ. Много было сдѣлано успѣховъ въ технику оружія, а вслѣдствіе этого и въ тактическихъ пріемахъ. Вся пѣхота вооружилась ружьемъ со штыкомъ и, пріобрѣтая такимъ образомъ наступательную и оборонительную силу, заняла въ составѣ армій первенствующее мѣсто; она строится уже въ 4 шеренги и лучше дѣйствуетъ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Кавалерія тоже дѣлаетъ замѣтный шагъ впередъ.

Въ стратегическомъ отношеніи, арміи, значительно увеличившись въ числѣ, могутъ имѣть и болѣе широкую цѣль для дѣйствій, а не занятіе какого либо города или близкой пограничной провинціи.

Казалось бы, что тактика и стратегія должны были бы двинуться быстро впередъ; но мы видимъ, что они развились совершенно на ложныхъ началахъ. Истинныя начала тактического и стратегическаго искусства, которыя здраво развивались въ арміи Тюренина, были забыты. Въ тактикѣ господствуетъ увлеченіе огнестрѣльнымъ дѣйствіемъ пѣхоты, на которомъ основываютъ весь успѣхъ боя. Тонкія линіи изгнали колонны и дѣйствія холоднымъ оружіемъ—эти могущественныя средства для рѣшенія участи боя, не смотря на блестящія примѣры ихъ пользы, какъ показало сраженіе при Шнейербахѣ въ 1703 году, не смотря на сильную оппозицію многихъ талантливыхъ ученыхъ, какъ, напр., Фоларъ. Это увлеченіе тонкими линіями повлекло за собою всѣ послѣдствія, которыхъ нужно было ожидать. Они потребовали длинныхъ позицій, непремѣнно съ какимъ либо препятствіемъ впереди и съ недоступными флангами; арміи вслѣдствіе этого сдѣлались еще менѣе подвижны, чѣмъ прежде. Здравыя идеи Тюренина о совокупномъ употребленіи всѣхъ ро-

довь оружія сообразно ихъ истинному назначенію и свойствамъ мѣстности были забыты. Эти элементы разъединились. При тонкихъ линіяхъ не могло и существовать идеи примѣненія къ мѣстности, занятія мѣстныхъ предметовъ, оказывающаго такое громадное вліяніе на участь боя. Исключительною заботою начальниковъ было держаться нормальнаго боеваго порядка, что даже при неудачѣ могло ихъ оправдать. Это рабское послѣдованіе уставнымъ правиламъ часто противорѣчало всякому здравому смыслу, какъ напримѣръ, въ сраженіи, которое мы намѣрены разсмотрѣть, и позднѣе въ сраженіи при Рамилъи. Гохшtedтское сраженіе было первымъ тяжелымъ ударомъ для Франціи и ея короля.

Въ 1704 году положеніе Франціи было опасно. Изъ союзниковъ у нея оставался одинъ только Баварскій курфюрстъ, приносившій союзу больше вреда нежели пользы, потому что при полномъ безсиліи онъ требовалъ присутствія французскихъ войскъ для защиты собственныхъ ея родовыхъ владѣній. Герцогъ Савойскій Викторъ-Амедей отсталъ отъ союза съ Франціей и перешелъ на сторону ея враговъ.

Австрія могла располагать всеми своими силами, потому что возстаніе въ Венгріи, благодаря энергіи Евгенія Савойскаго, было усмирено. Война могла быть тѣмъ еще рѣшительнѣе, что она перенесена была на одинъ театръ. Мальборо, Евгений Савойскій и принцъ Баденскій некусными маршами соединились вмѣстѣ, чтобы нанести первоначально рѣшительный ударъ Баварскому курфюрсту и тѣмъ заставить его отказаться отъ союза съ королемъ Франціи.

Въ половинѣ іюля расположеніе воюющихъ армій на Верхнемъ Рейнѣ было слѣдующее:

Курфюрстъ Баварскій, разбросавъ всю свою армію по гарнизонамъ Баваріи и, оставивъ только съ 5 бат. и 28 эск. баварцевъ, вмѣстѣ съ вспомогательною французскою арміею Марсена, расположился въ укрѣпленномъ лагерѣ у Аугсбурга. Мальборо, вмѣстѣ съ принцемъ Баденскимъ перешелъ Дунай и, видя недоступность позиціи противника, расположился противъ него у Фридсберга, а кавалерію всю послалъ жечь и опустошать Баварію, чтобы отклонить этимъ средствомъ ея государя отъ союза съ Франціей.

Евгеній Савойскій находился на Рейнѣ за Штольгофенскими линіями; противъ него были въ нижнемъ Эльзасѣ маршалы Вильруа и Тальяръ и отрядъ Коаньи. Узнавъ о бѣдствіяхъ Баварскаго курфюрста, Людовикъ XIV приказалъ Тальяру идти на соединеніе съ Баварскимъ курфюрстомъ и Марсенемъ.

Оставя Вильруа и Коаньи съ 56 баталіонами и 60 эск. противъ Штольгофенскихъ линій, Тальяръ съ 40 батал. и 60 эск. (26 тыс.) отборныхъ войскъ перешелъ Рейнъ 1-го іюля въ Страсбургъ и чрезъ Офенбургъ, Мескирхъ и Ульмъ перешелъ 3 августа къ Аугсбургу, гдѣ и соединился съ курфюрстомъ Баварскимъ, силы котораго возросли до 84 бат. и 143 эскадр. (57 тыс. войскъ) изъ которыхъ только 5 бат. и

23 эск. баварскихъ; по курфюрстъ послалъ приказаніе прочимъ своимъ войскамъ слѣзть на соединеніе съ арміей. Съ такими силами можно было предпринять рѣшительное наступленіе противъ Мальборо. Но принцъ Евгений зорко слѣдилъ за ходомъ дѣлъ. Узнавъ о маршѣ Тальяра, онъ оставилъ подъ начальствомъ принца Нассаускаго въ Штольгофенскихъ линіяхъ 21 тыс. войскъ, а самъ съ остальными 16 тыс. поспѣшилъ чрезъ Ротвель въ Диллингенъ на соединеніе съ товарищемъ. Въ этотъ послѣдній пунктъ онъ прибылъ 4-го августа (217).

6-го августа курфюрстъ Баварскій съ Марсенемъ рѣшились отойти изъ своего укрѣпленнаго лагеря, перейти на лѣвый берегъ Дуная и, заставивъ послѣдовать за собою противниковъ, перенести войну изъ Баваріи. Французско-баварская армія 10 августа переправилась черезъ Дунай у Лаувингена. Это движеніе достигло цѣли. Мальборо перешелъ къ Рейну, чтобы быть ближе къ Евгению и вмѣстѣ прикрыть осаду Ингольштадта, начатую принцемъ Баденскимъ съ 22 бат. и 40 эскадронами.

Евгеній расположился на Мюнстерѣ за ручьемъ Кассельбахъ и съ приближеніемъ французской арміи готовился отступить къ Донауверту. Но 11-го утромъ онъ получилъ первое подкрѣпленіе отъ Мальборо, а 11-го вечеромъ къ нему присоединилась вся армія Мальборо—что въ общемъ довело численность союзниковъ до 64 баталіоновъ, 166 эскадроновъ и 5 орудій, всего 52,000 человекъ (218).

11-го числа, въ день соединенія противниковъ, французы ничего не предпринимали, кромѣ легкой рекогносцировки, произведенной съ частью кавалеріи лично Тальяромъ.

Имперцы имѣютъ уже въ этотъ періодъ времени кавалерію въ составѣ арміи не на половину, а только треть; во французской арміи вѣроятно еще менѣе; въ числѣ орудій французы имѣли преимущество также какъ и въ томъ, что армія ихъ состояла изъ войскъ одной націи; баварцевъ всего было 9 тыс., тогда какъ у противниковъ армія имѣла самый пестрый составъ; не говоря уже о контингентахъ множества мелкихъ германскихъ владѣльцевъ, союзная армія главнымъ образомъ состояла изъ собственно имперскихъ войскъ, пруссаковъ, англичанъ, голландцевъ, или нанятыхъ Голландіею войскъ, и датчанъ. Казалось, что при такомъ составѣ войскъ, различнаго тактическаго образованія, съ различными цѣлями, при множествѣ отдѣльныхъ самостоятельныхъ начальниковъ, слѣдовало-бы ожидать полнаго разногласія при столкновеніи интересовъ, но этого не было. Надъ ними были двѣ разумныя воли великихъ полководцевъ, дѣйствовавшихъ съ рѣдкимъ единодушіемъ и тѣмъ устранявшие зло разнороднаго состава армій, тогда какъ во французской арміи, при національномъ ея единствѣ, господствовало разногласіе между маршалами и курфюрстомъ, разногласіе принесшее за собою самые гибельные плоды. Лучшими войсками по тактическому устройству были войска

прусскія, благодаря своему Великому курфюрету, бывшему хорошим самостоятельным организаторомъ.

Евгеній Савойскій былъ родомъ французъ, сынъ графа Суассанскаго и племянникъ кардинала Мазарини. Его предназначали первоначально къ духовному званію, но это не согласовалось съ стремленіями молодого Евгенія, съ раннихъ лѣтъ посвятившаго себя изученію дѣлнй великихъ полководцевъ. Людовикъ XIV и въ особенности его министръ Лувуа, видя его слабое сложеніе, отказали ему въ командованіи полкомъ, который тотъ требовалъ, какъ это часто дѣлалось въ ту эпоху. Евгеній, съ многими французскими дворянами, предложилъ свою шпагу императору Леопольду, который благосклонно его принялъ и въ 1683 году отправилъ въ походъ противъ турокъ. Здѣсь обнаружилась блестящая военная способность Евгенія, доставившая ему командованіе драгунскимъ полкомъ и потомъ чинъ генерала имперской арміи. Людовикъ XIV издалъ въ это время указъ, что всѣ французы, служащіе въ иностранныхъ арміяхъ, считаются изгнанниками. Это рѣшило судьбу Евгенія, посвятившаго съ этой минуты жизнь и способности новому отечеству. Леопольдъ употреблялъ его для многихъ дипломатическихъ порученій и между прочимъ къ Савойскому двору, гдѣ Евгеній выказалъ столько ума и искусства дипломата, что склонилъ герцога Савойскаго къ союзу съ имперіей и потомъ получилъ начальство надъ войсками, посланными къ нему въ помощь. 3 похода, гдѣ онъ явился уже вполнѣ самостоятельнымъ начальникомъ, развили его блестящія дарованія полководца, такъ что въ 30 лѣтъ онъ уже получалъ фельдмаршальскій жезлъ. Людовикъ XIV поздно замѣтилъ свою ошибку, увидѣлъ какого онъ опаснаго врага нашелъ въ Евгеніѣ, и, чтобы привлечь его снова во французскую службу, предлагалъ ему маршальскій жезлъ во Франціи и управленіе Лангедокомъ. Но онъ отвергъ эти позднія предложенія и остался на службѣ Австріи, умѣвшей его достойно оцѣнить. Евгеній въ свою очередь умѣлъ оправдать довѣріе новаго своего отечества и отличился въ сраженіи при Центѣ, на Тейсѣ (1697 г.), хотя быстрое его возвышеніе навлекло ему много враговъ и завистниковъ. Послѣ блестящихъ его турецкихъ походовъ онъ вернулся въ Вѣну, гдѣ на досугѣ снова предавался изученію классиковъ, до тѣхъ поръ пока вспыхнувшая война за наслѣдство испанскаго престола не призвала его снова на военное поприще для командованія арміею въ Италиі. Здѣсь онъ нашелъ нишу для своихъ блестящихъ способностей въ борьбѣ съ такими людьми какъ Катина, въ кампаніи 1701 г. Въ 1702 году онъ захватилъ печальнымъ нападеніемъ Кремону и въ ней главнокомандующаго Вильруа. Труднѣе было бороться съ Вандомомъ. Въ слѣдующемъ году Евгеній назначенъ президентомъ Гофкрихерата и посланъ на усмиреніе возставшей Венгріи, что исполнено было съ блестящимъ успѣхомъ. Но верхомъ его славы была кампанія 1706 г., гдѣ Евгеній, отбросивъ рутину маневровъ, бесполезныхъ передвиженій, господствовавшихъ въ образѣ веденія войны, не ставитъ себѣ узкой цѣли—завоеванія какой либо крѣпости, что было обще, а задумываетъ смѣло покореніе цѣлой Италиі и достигаетъ этого самымъ блестящимъ успѣхомъ. Смѣлости цѣли соотвѣтствовала и рѣшительность исполненія *).

Позднѣе онъ также счастливо боролся и съ вѣшними врагами Австріи во Фландріи и съ внутренними при австрійскомъ дворѣ. Въ 1708 г. одержана имъ побѣда при Уденардѣ; въ 1709 г. сраженіе при Мальплаке не менѣе для него было славно. Евгенію принадлежитъ планъ вторженія въ сердце Франціи, планъ непо-

*) По возвращеніи въ Вѣну Евгеній какъ дворомъ такъ и населеніемъ былъ встрѣченъ съ величайшимъ энтузіазмомъ, причемъ императоръ замѣтилъ: «я имъ доволенъ во всѣхъ отношеніяхъ, только не въ томъ, что онъ себя слишкомъ выставляетъ».

нятый для современниковъ при тогдашней системѣ веденія войнъ, не осуществившійся вълѣдствіе перемѣнъ политическихъ обстоятельствъ, склонившихся въ пользу Франціи. Затѣмъ послѣ Утрехтскаго мира жизнь его полна какъ военной славы, такъ и высокой правительственной дѣятельности. Въ первомъ отношеніи замѣчательны его турецкія войны, въ особенности сраженіе при Петервардейнѣ и осада Бѣлграда въ 1717 г. (Пассаровицкій миръ). Во второмъ въ особенности Евгеній замѣчательнъ какъ искусный правитель Италиі. Вообще не было сдѣлано ни одного государственнаго акта безъ совѣта Евгенія, авторитету котораго, справедливо заслуженному, не могли не поклоняться. Въ 1736 году кончилась его полная слава жизнь, возвысившая Австрію, такъ что Фридрихъ II, очерчивая его политическую дѣятельность, говоритъ: «онъ былъ собственно императоромъ; послѣ него (1736 г.) начался смуты и слетни министровъ, зависть и происки къ преобладанію генераловъ, приведшіе государство въ упадокъ» (22).

Евгеній безспорно принадлежитъ къ числу великихъ полководцевъ. Кампанія его вообще и въ частности кампанія 1706 г., съ которою мы еще короче познакомимся, были образцами искусства, въ особенности при сопоставленіи ее съ тогдашними понятіями объ образѣ веденія войны. Наполеонъ совѣтуетъ ихъ изучать и причисляетъ Евгенія къ тѣмъ семи великимъ полководцамъ, по дѣйствіямъ которыхъ можно учиться высшей части искусства—умѣнью соображаться со средствами и обстоятельствами. Отличительными чертами его характера была рѣшительность, основанная на глубокомъ знаніи дѣла и обстоятельствъ, на умѣнью соображать и основывать дѣйствія свои на характерѣ противника, въ чемъ онъ сходствовалъ съ Тюреннемъ. Евгеній обладалъ изобрѣтательностью, находчивостью новыхъ средствъ. Его хладнокровіе, присутствіе духа въ самыя критическія минуты было необыкновенно, такъ что современники удивлялись какъ въ такомъ слабомъ тѣлѣ могъ заключаться такой великій духъ. Кромѣ всѣхъ этихъ качествъ Евгеній обладалъ рѣдкою способностью, даромъ говорить съ солдатомъ, снискать его довѣріе, хотя это было въ высшей степени трудно, при пестромъ составѣ его армій, принимая во вниманіе, что въ австрійскихъ рядахъ онъ былъ чужестранцемъ. Блескъ и слава, приданныя имъ австрійскому оружію, дорого впрочемъ стоили странѣ.

Другой великій полководецъ, другъ и спутникъ Евгенія въ его походахъ, былъ Іоаннъ Черчилль герцогъ Мальборо (род. 1650 г.), уступавшій однако далеко Евгенію въ способностяхъ полководца.

Мальборо получилъ воспитаніе сначала дома, а затѣмъ въ школѣ, гдѣ пристрастился къ чтенію Вегеціа. Онъ впрочемъ никогда не отличался познаніями и, будучи однимъ изъ краснорѣчивѣйшихъ ораторовъ страны, не умѣлъ правильно писать даже на своемъ родномъ языкѣ. Его страсть къ военному дѣлу проявлялась въ столь рѣшительной формѣ, что уже на 16 году жизни герцогъ Іоркскій опредѣлялъ его офицеромъ въ гвардію, а участіе въ стычкахъ съ маврами въ Танжерѣ дало ему скорѣе чинъ капитана и роту въ одномъ изъ полковъ отправленномъ Карломъ VI на службу Людовику XIV. Здѣсь Мальборо служилъ подъ начальствомъ Конде и Тюренниа и обнаружилъ чрезвычайное мужество, вызвавшее личныя похвалы Людовика. Только въ 1677 г. онъ возвратился на родину, гдѣ занималъ придворныя и государственныя должности и участвовалъ въ политическихъ и военныхъ смутахъ страны. Война за испанское наслѣдство представила обширное поприще для проявленія и развитія его военныхъ дарованій. Разсматривая его какъ полководца, мы находимъ въ немъ неутомимую дѣятельность, безпредѣльную храбрость, проницательный взглядъ, необыкновенное умѣнью замѣчать и пользоваться ошибками противника, безграничную заботливость о солдатѣ, въ свою очередь питавшемъ къ нему полное довѣріе и любовь; и вмѣстѣ съ тѣмъ, главное, — необыкновенное счастье во всѣхъ его предпріятіяхъ, что такъ часто не доставало и болѣе его талантливымъ полководцамъ. Мальборо

замѣчательнѣе какъ искусный дипломатъ; его даръ слова, любезность его обращенія привлекали къ нему всѣхъ; но съ этими качествами соединились и многіе недостатки, какъ непомерное честолюбіе, скупость, корытолюбіе; высокія мѣста имъ занимаемыя служили только къ увеличенію колоссальнаго его богатства, что и было частью причиною его паденія. Онъ умеръ въ 1722 г. (221).

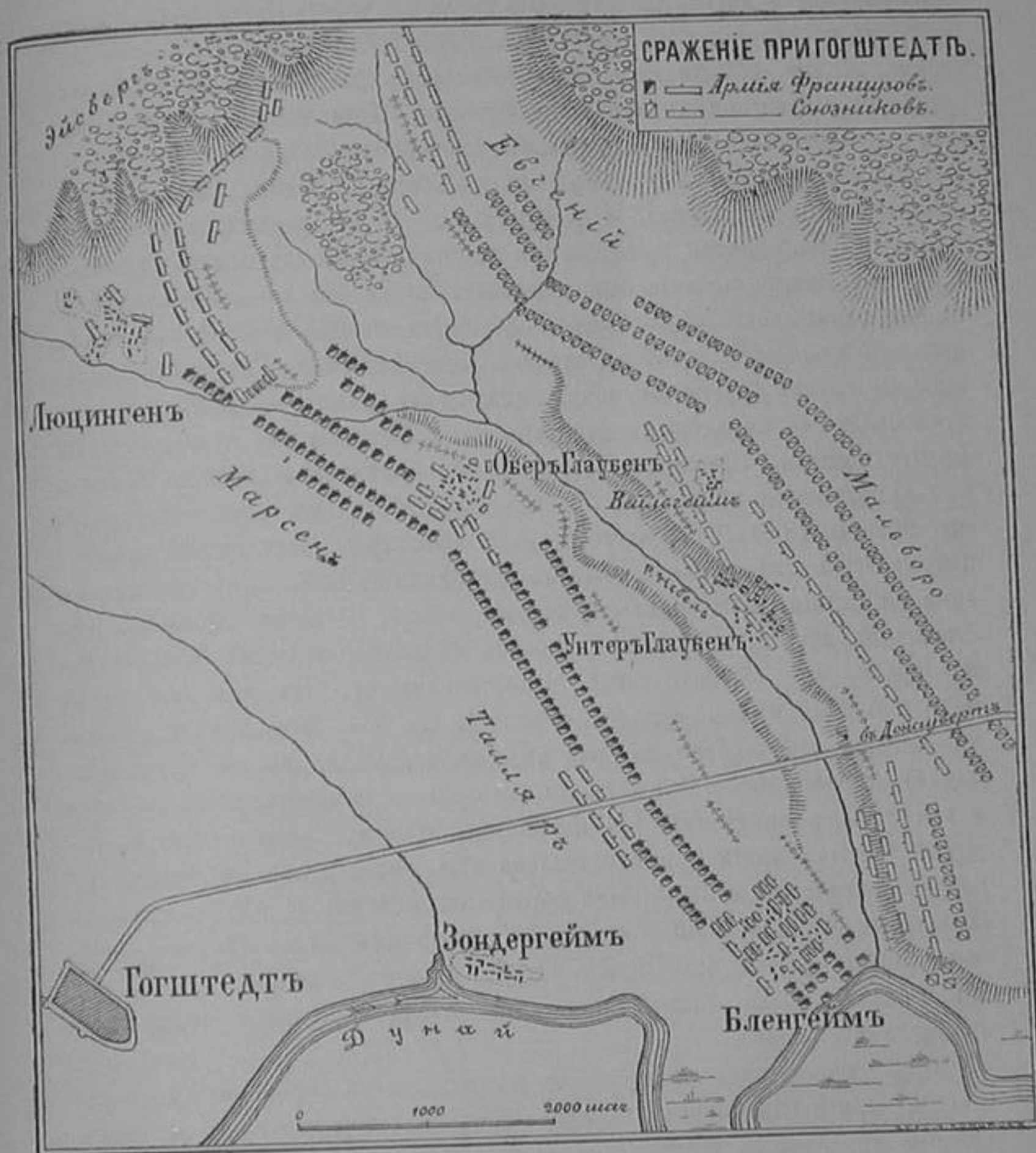
12-го августа Тальяръ, Марсенъ и курфюрстъ, не зная о соединеніи Мальборо съ Евгениемъ, предположили сдѣлать нападеніе на союзниковъ и съ этою цѣлью двинулись впередъ, овладѣли послѣ жаркаго сопротивленія укрѣпленнымъ замкомъ Гохштедтомъ и потомъ заняли позиціи: Тальяръ въ Блиндгеймѣ (Бленгеймѣ), имѣя по флангамъ кавалерію, Марсенъ съ курфюрстомъ лѣвѣе отъ Оберъ-Глаугейма до Люцингена, имѣя тоже кавалерію по флангамъ; такимъ образомъ каждая армія расположилась въ отдѣльный нормальный боевой порядокъ, вслѣдствіе чего центръ образовала кавалерія. Дювивье оправдываетъ маршаловъ въ этомъ расположеніи тѣмъ, что они думали, что непріятель начинаетъ отступленіе къ Нордлингену, въ чемъ они еще болѣе убѣдились, видя передъ собою отрядъ кавалеріи по направленію Швенингена и слыша шумъ работъ въ лѣсу на лѣво, а потому расположились на ночлегъ въ описанномъ нами порядкѣ, предполагая продолжать наступленіе на слѣдующій день. То что они видѣли была рекогносцировка, произведенная лично Мальборо и Евгениемъ, и приготовленіе дорогъ въ лѣсу, для задуманной ими атаки на французовъ. Трудно вполнѣ согласиться съ этимъ мнѣніемъ Дювивье и полагать, что стукъ топоровъ въ лѣсу могъ заставить маршаловъ предполагать со стороны непріятели отступленіе, а не обратное дѣйствіе. Знали-ли они или нѣтъ о его близкомъ присутствіи во всякомъ случаѣ ночлежное ихъ расположеніе можетъ быть объяснено развѣ только тѣмъ, что каждый изъ нихъ хотѣлъ командовать своею частью и не подчинялся другому.

Собственно не расположеніе кавалеріи въ центрѣ слѣдуетъ считать капитальною ошибкою со стороны маршаловъ. Бываютъ иногда обстоятельства, которыя требуютъ даже подобнаго расположенія, какъ напримѣръ въ 1809 г., при первой переправѣ черезъ Дунай, Наполеонъ занялъ на флангахъ позиціи селенія Аспернъ и Эслингенъ, каждый дивизіею пѣхоты, а въ центрѣ между ними (пустомъ) помѣщалась кавалерія; но подобное расположеніе обуславливалось свойствами мѣстности и количествомъ войскъ находившимися въ распоряженіи императора въ первую минуту переправы; центръ былъ пустъ отъ пѣхоты, но безопасенъ, потому что разстояніе между Асперномъ и Эслингеномъ такъ мало, что доступны къ нему обстрѣливались перекрестнымъ огнемъ изъ селеній и притомъ фланги были недоступны—крѣпкія селенія, съ каменными строениями и редюитами ихъ составлявшими, непосредственно почти примыкали къ Дунаю. Подъ Бауценомъ центръ былъ пустой, но за нимъ стояла превосходная кавалерія, которой у Наполеона почти не было.

Здѣсь же было не то; расположеніе союзниковъ обуславливалось не

свойствами мѣстности, не глубокимъ знаніемъ употребленія каждаго рода оружія по назначенію, а исключительно рабскимъ послѣдованіемъ нормальному боевому порядку.

Позиція, на которой расположилась французско-баварская армія, представляла много выгодныхъ условій для обороны. Передъ всѣмъ фрон-

томъ ея течетъ ручей Небельбахъ въ довольно узкой, шаговъ въ 60, но трудно-проходимой болотистой долиинѣ. Лѣвый берегъ, на которомъ расположились французы, хотя не много, но командуетъ правымъ. Фланги ея недоступны, примыкая съ одной стороны къ Дунаю, съ другой къ лѣсистымъ крутымъ высотамъ Гольдберга и Эйхберга. Въ случаѣ неудачи армія сзади этой позиціи могла найти нѣсколько новыхъ

за ручейками, бѣгущими въ крутыхъ оврагахъ, параллельно Небельбаху.

Вдоль позиціи союзниковъ находились 3 крѣпкихъ пункта: на правомъ флангѣ *) селеніе Блиндгеймъ, съ прочими каменными строеніями, удобными для обороны, и тѣмъ болѣе выгодное для занятія, что возлѣ находились при двухъ мельницахъ удобные переходы черезъ Небельбахъ; въ центрѣ, въ разстояніи $2\frac{1}{3}$ версты отъ Блиндгейма, селеніе Оберъ-Глаугеймъ. Между обоими селеніями Небельбахъ раздѣляется на нѣсколько рукавовъ, образующихъ лѣсистые островки. Наконецъ на лѣвомъ флангѣ, у подножія лѣсистаго Эйхберга, въ нѣкоторомъ разстояніи за ручьемъ, — селеніе Лютцингенъ, въ 2-хъ верстахъ отъ Оберъ-Глаугейма; слѣдовательно длина позиціи была около $4\frac{1}{2}$ версты, т. е. не растянута для 60 т. арміи, въ особенности при тонкихъ линіяхъ, тогда господствовавшихъ. Какъ мы видимъ позиція была чрезвычайно удобна для обороны, еслибъ она занята была надлежащимъ образомъ, еслибъ даже французы не призвали на помощь пособіе искусства. Деревня Унтеръ-Глаугеймъ, лежащая на лѣвомъ берегу въ исходящемъ углу рѣки, могла-бы служить превосходнымъ передовымъ пунктомъ для обстрѣливанія доступовъ къ фронту позиціи. Но ничего этого не было сдѣлано и только Тальяръ при приближеніи непріятеля бросилъ въ Блиндгеймъ всю первую линію пѣхоты (18 бат.). 13 августа, въ 2 часа утра, когда густой туманъ, покрывавшій поле сраженія, началъ расходиться, данъ былъ сигналъ въ союзной арміи приготовиться къ нападенію. Лѣвымъ крыломъ, состоявшимъ изъ $\frac{2}{3}$ войскъ, командовалъ Мальборо, правымъ изъ остальной трети, по обычаю тогда существовавшему, что имперцы занимали почетный правый флангъ—Евгеній. Въ 3 ч. утра начали движенія Евгеній и Мальборо, каждый въ 4-хъ колоннахъ, первый правѣе (западнѣе) второй—лѣвѣе. Обѣ вышнія колонны въ каждомъ крылѣ состояли изъ пѣхоты, а внутреннія изъ кавалеріи, причемъ колонны шли въ порядкѣ боевыхъ линій и слѣдовательно при перестроеніи въ боевой порядокъ кавалерія должна была образовать центръ, а пѣхота фланги. Передовые эскадроны были снабжены фашинами для облегченія перехода черезъ рвы и болотистыя мѣста. Девятая колонна, состоявшая изъ 9 батал., была притянута на лѣвый берегъ Дуная и прикрывала крайне лѣвое крыло.

Въ 6 часовъ, подъ прикрытіемъ цѣпи конныхъ стрѣлковъ, достигла союзная армія Швейнингена, а Евгеній съ Мальборо во главѣ 40 эскадроновъ продолжали движеніе къ Небельбаху, чтобы осмотрѣть расположеніе противниковъ. Ихъ сопровождалъ прусскій генералъ—маіоръ Нацмеръ, который еще въ прошломъ году участвовалъ въ несчастной битвѣ Штирума противъ Вильяра на томъ же самомъ полѣ сраженія. Слѣдствіемъ этой рекогносцировки была диспозиція, данная къ нападе-

*) При впаденіи Небельбаха въ Дунай.

нію. Дювивье говоритъ, что случайно, а не заранѣе задумано, по свойству такого же нормальнаго порядка въ союзной арміи, какъ и во французской, пѣхота Мальборо находилась у деревни Унтеръ-Глаугейма, противъ лѣваго фланга Тальяра, занятаго кавалеріею; но Дювивье, какъ французъ, кажется, въ этомъ случаѣ пристрастенъ. Самыя свойства мѣстности должны были показать Мальборо, что Унтеръ-Глаугеймъ самый удобный пунктъ для перехода черезъ ручей, который здѣсь образуетъ исходящій уголъ, удобно обстрѣливаемый перекрестнымъ огнемъ съ батарей, поставленныхъ у Вейльгейма и на большой Донаувертской дорогѣ.

Замѣчательно въ союзной арміи, что при отдачѣ диспозиціи въ бою каждый колонный начальникъ получилъ лично отъ главнокомандующаго объясненіе той роли, для которой онъ назначался въ сраженіи. Со стороны французовъ все было спокойно, какъ будто ихъ генералы не подозревали близкаго нападенія. Только въ 7 час., когда туманъ, покрывавшій поле сраженія, разсѣялся, замѣтили они приближеніе союзниковъ. Первыя принятія ими мѣры заключались въ слѣдующемъ: баварскій авангардъ, предавъ огню Швеннебахъ, Вейльгеймъ и Бергаузенъ, переправился на правую сторону Небельбаха, затѣмъ немедленно отозвана была кавалерія, посланная на рекогносцировку. Тальяръ, командовавшій правымъ флангомъ (42 бат., 60 эск.), поставилъ свой вагенбургъ въ долину между Блиндгеймомъ и Дунаемъ, барикадировавъ его и поручивъ охраненіе 4 драгунскимъ полкамъ. Селеніе Блиндгеймъ, окруженное изгородью и каменными стѣнами, занято всего пѣхотою первой линіи, 18 бат., одна мельница на Небельбахѣ и отдѣльныя строенія впереди сожжены; другая-же занята баталіономъ пѣхоты; въ резервъ за селеніемъ поставлено 9 бат. пѣхоты и (сѣверо-западнѣе) 8 эск. кирасиръ (жандармовъ). Всего такимъ образомъ около Блиндгейма сосредоточено было до 10 т. войскъ. Лѣвѣе до самаго Унтеръ-Глаугейма развернулись четыре бригады кавалеріи (40 эскадроновъ) въ двѣ линіи а за этой кавалеріей, довольно далеко за оврагомъ остальные 15 баталіоновъ (3 бригады) праваго крыла. Распоряженіе непонятное; пѣхота поставлена за кавалеріей и осуждена волюнтарно на бездѣйствіе; кавалерія-же, подверженная бесполезно огню непріятельской пѣхоты, не могла вредить ей и мѣшать совершить переправу чрезъ болотистый ручей. Для обстрѣливанія подступовъ къ Блиндгейму и открытаго промежутка противъ Швейнингена поставлена батарея изъ четырехъ 24 ф. орудій; для обстрѣливанія пути къ Унтеръ-Глаугейму—батарея изъ 4-хъ 8 ф. пушекъ; передъ жандармами—тоже батарея изъ 4-хъ тяжелыхъ пушекъ. Остальныя орудія праваго крыла были распределены при войсковыхъ частяхъ. Но еще непонятнѣе расположеніе лѣваго крыла французской арміи Марсея. Въмѣсто того, чтобы сосредоточить большую часть пѣхоты въ Оберъ-Глаугеймѣ и такимъ образомъ помочь правому флангу, образовавъ съ Блиндгеймомъ два твердыхъ бастиона, куртина между которыми была бы трудно доступна, селеніе Оберъ-

Глаугеймъ (Оберъ-Глаубенъ) было занято чрезвычайно слабо пѣхотою; непосредственно къ кавалеріи Тальяра примыкала часть кавалеріи (32 эск.) Марсеня; селеніе Оберъ-Глаугеймъ было занято пѣхотою, лѣвѣ которой расположилась французская и баварская конница; наконецъ къ лѣвому флангу послѣдней примыкала остальная пѣхота (17 бат.); Артиллерія выставила по фронту нѣсколько тяжелыхъ батарей, особенно у Оберъ-Глаугейма и Лютцингена. Такимъ образомъ, французо-баварцы нѣсколько отступили отъ нормальнаго боеваго порядка, но вполне неосновательно, поставивъ на флангахъ пѣхоту, а въ центрѣ кавалерію. На правомъ флангѣ это обуславливалось свойствами мѣстности, на лѣвомъ расположеніе пѣхоты совершенно ошибочно. Если Марсенъ боялся съ этой стороны обхода, то кавалерія тамъ поставленная точно также не дозволила бы неприятелю этого сдѣлать, встрѣчая его усиленными атаками; пѣхота-же несравненно больше принесла-бы пользы, еслибы непосредственно примкнула къ Тальяру. Артиллерія разбросана по всему фронту, но особенно сильныя батареи поставлены у Лютцингена, Оберъ-Глаугейма, противъ большой дороги и близъ Блиндгейма (Бленгеймъ). При расположеніи принятомъ французскою арміею, способъ дѣйствія союзниковъ опредѣлялся самъ собою: направить атаку на центръ, сбить кавалерію его защищавшую и такимъ образомъ, разрѣзать французскую армію пополамъ, что и намѣревались сдѣлать союзники, въ особенности, какъ мы замѣтили выше, когда имъ представлялся удобный пунктъ для перехода въ Унтеръ-Глаугеймъ. Мальборо расположилъ свою армію слѣдующимъ образомъ: между деревнею Вейльгеймомъ и большою дорогою—26 бат. въ 2 линіи и за ними тоже въ 2 линіи 71 эскадронъ; пространство отъ большой дороги до Дуная занято, подъ начальствомъ генерала Кутса, 20 бат. въ 4 линіи и 15 эск. въ 2 линіи; часть кавалеріи оставлена для прикрытія обозовъ.

Въ 8 час. французская батарея около Блиндгейма первая открыла огонь по войскамъ Кутса. Мальборо въ свою очередь, чтобы заставить ихъ молчать и покровительствовать переходу чрезъ ручей, вывелъ предъ линіи свои батареи и вскорѣ жаркая канонада загремѣла по своей линіи; подъ прикрытіемъ этого огня Евгенийъ совершалъ свое фланговое движеніе, чтобы вступить въ линіи противъ Марсеня. Пока совершалось это движеніе, наводилось 5 мостовъ и исправлялись къ нимъ дороги. Мальборо велѣлъ служить обѣдию передъ фронтомъ своихъ войскъ и самъ причастился. Велѣдствіе сильнаго огня французскихъ батарей, Евгенийъ принужденъ былъ сдѣлать чрезвычайно трудное движеніе, но едва проходившимъ тропинкамъ на пересѣченной мѣстности, такъ что онъ выровнялся въ линію только послѣ полудня. Около часу Кутсъ началъ атаку на Блиндгеймъ; пѣхота его, не смотря на сильный ружейный и артиллерійскій огонь, храбро перешла ручей, овладѣла мельницею и уже штурмовала Блиндгеймъ, но была отъ него отбита съ потерей около $\frac{1}{3}$ людей; кавалерія французскаго резерва ударила во флангъ, пе-

ребросила ее обратно за ручей и преслѣдовала на ту сторону; но, въ свою очередь, встрѣченная огнемъ пѣхоты заднихъ линій, принуждена была вернуться на свое мѣсто, преслѣдуемая зарвавшейся англійскою кавалеріей, которая, попавъ подъ фланговый огонь пѣхоты и атакованная свѣжими французскими эскадронами, была опрокинута назадъ.

Не смотря на первую неудачу, союзники сдѣлали еще нѣсколько разъ нападеніе на Блиндгеймъ, но всѣ ихъ атаки были отбиты съ огромною потерей. Тогда только Мальборо увидѣлъ свою ошибку и рѣшился переимѣнить пунктъ нападенія, направивъ атаку на лѣвое крыло Тальяра отъ Унтеръ-Глаугейма. Вскорѣ 2 моста были готовы въ этомъ пунктѣ, болотистыя мѣста завалены фашиникомъ и, подъ перекрестнымъ огнемъ сильныхъ батарей, поставленныхъ на большой дорогѣ и у Вейльгейма, пѣхота Мальборо начала переправу и прочно, утвердившись на правомъ берегу, стала подаваться впередъ. Кавалерія прошла чрезъ интервалы 2-й линіи пѣхоты, затѣмъ, прикрывшись наѣздниками, перешла ручей и по мѣрѣ того какъ 1-я линія пѣхоты выигрывала пространство на правомъ берегу, она выстроилась лѣвѣе ея и потомъ понеслась съ намѣреніемъ взять французскую кавалерію праваго крыла съ фланга, но, встрѣченная съ тыла и съ фланга убійственнымъ огнемъ изъ Блиндгейма, не выдержала удара французской конницы и была опрокинута въ совершенномъ безпорядкѣ; англійская пѣхота въ свою очередь остановила огнемъ своимъ преслѣдованіе французовъ. Нѣсколько разъ подобныя кавалерійскія схватки возобновлялись съ переменнымъ успѣхомъ по мѣрѣ того какъ подходили къ англичанамъ подкрѣпленія съ лѣваго берега Небельбаха; 150 эскадронъ дрались на пространствѣ между Оберъ-Глаугеймомъ и Блиндгеймомъ.

Тальяръ собралъ всю свою кавалерію и, подкрѣпивъ ее 10 бат. пѣхоты, повелъ лично отчаянную атаку, которая удалась блестящимъ образомъ. Кавалерія неприятельская была сбита и переброшена обратно за ручей, но въ свою очередь и французская кавалерія приостановлена была огнемъ пѣхоты. Положеніе Тальяра становилось опаснымъ; онъ ввелъ въ дѣло всѣ свои войска, а между тѣмъ къ Мальборо подходили новыя подкрѣпленія. Тальяръ послалъ просить у Марсеня помощи, говоря, что онъ не ручается удержаться на позиціи противъ превосходнаго неприятеля, но послѣдній отказалъ на отрѣзъ, сообщая что у него у самаго много дѣла и мало войскъ. А между тѣмъ англійская кавалерія, подъ прикрытіемъ пѣхоты, снова выстроилась и понеслась съ новымъ пыломъ на французскую. Утомленные французскіе эскадроны, не выдержавъ сильнаго натиска, въ полномъ безпорядкѣ опрокинуты и преслѣдуемы до самаго Гохштедта. 10 баталіоновъ остались одни на обширномъ полѣ битвы въ центрѣ и вскорѣ раздавлены численнымъ превосходствомъ англичанъ. Французскаго центра не существовало. Мальборо врѣзался въ него, отдѣляя войска находившіяся въ Блиндгеймѣ отъ арміи Марсеня. Храбрый, но несчастный Тальяръ, находившійся въ центрѣ, когда

участь его рѣшилась, бросился къ Блиндгейму, безъ адъютантовъ, которые всѣ были перебиты, по близорукости наткнулся на англійскую кавалерію, которую онъ принялъ за французскую, и взятъ былъ въ плѣнъ.

Между тѣмъ Евгений на правомъ флангѣ имѣлъ менѣе успѣха. Всѣ его атаки на Оберъ-Глаугеймъ и Лютцингенъ, не смотря на храбрость прусской пѣхоты, были отбиты съ большими потерями. Кромѣ силы позиціи, французы здѣсь превосходили противника численностью. Но Евгений принесъ громадную пользу Мальборо уже тѣмъ, что, повторяя безпрестанно атаки, удержалъ всю армію Марсена, не позволивъ ему послать ни одного баталіона на помощь Тальяру. Наконецъ Мальборо, уничтоживъ центръ французовъ, пришелъ на помощь товарищу, и около 7 часовъ вечера повелъ вмѣстѣ съ Евгениемъ атаку на Оберъ-Глаугеймъ. Но курфюрстъ и Марсенъ, видя пораженіе праваго крыла, не выждали этой атаки и начали отступленіе въ большомъ порядкѣ, почти не преслѣдуемые союзниками, въ трехъ колоннахъ, и остановились поздно ночью у Гохштедта, собирая бѣглецовъ.

Въ то время какъ это происходило въ центрѣ и на лѣвомъ крылѣ, 27 старыхъ баталіоновъ и 12 эскадроновъ съ 40 оруд., стоявшихъ у Блиндгейма, ничего не предпринимали ни для помощи товарищей, ни для соединенія съ ними. Съ высоты Блиндгеймской колокольни генералы оставались спокойными зрителями пораженія центра, какъ будто ожидая, когда очередь дойдетъ до нихъ. Наконецъ эта минута наступила. Мальборо окружилъ селеніе со всѣхъ сторонъ и потребовалъ сдачи. Храбрый Клерамбо, отбившій столько атакъ, по несчастью былъ убитъ. Оставшійся графъ Бланзакъ, котораго имя исторія сохранила для вѣчнаго безчестія, созвалъ военный совѣтъ, на которомъ такіе же малодушные генералы какъ онъ самъ единодушно рѣшили положить оружіе и сдаться, не предпринимая ничего для спасенія чести оружія. Солдаты съ яростью принуждены были покориться этому рѣшенію малодушныхъ начальниковъ. Наварскій полкъ со стыда разбилъ въ дребезги оружіе и разорвалъ въ клочки знамена.

Такъ окончилось Гохштедтское сраженіе, первое сильное пораженіе нанесенное арміи Людовика XIV. Союзники потеряли 12584 чел. (4635 убитыми и 7676 ранеными). Потери французской арміи несравненно большія; она лишилась болѣе половины своего состава—до 28 тыс., въ томъ числѣ болѣе 11200 плѣнными. Около 150 оруд., 135 знаменъ и штандартовъ, 3600 палатокъ, 5400 провіантскихъ повозокъ достались въ руки побѣдителей. (222).

Но союзники, по обычаю того времени, умѣвъ побѣдить, не умѣли воспользоваться своею побѣдою; довольные трофеями, ими пріобрѣтенными, они не умѣли развить своего успѣха настойчивымъ преслѣдованіемъ Марсена и курфюрста, которыхъ положеніе было еще тѣмъ затруднительнѣе, что имъ надлежало переправиться послѣ пораженія че-

резъ Дунай. Они совершили это благополучно и, оставивъ гарнизонъ въ Ульмѣ, успѣли соединиться съ вышедшимъ имъ на встрѣчу маршаломъ Вилльруа. Мы уже говорили объ ошибкахъ, сдѣланныхъ французскою арміею въ отдѣльномъ расположеніи ея въ двухъ частяхъ. Всякій полководецъ, при каждомъ своемъ дѣйствіи, долженъ задать себѣ вопросъ, какъ говорить Наполеонъ, разбирая дѣйствія Альвинци въ сраженіи при Риволи, что будетъ съ нимъ, если непріятель застигнетъ его въ такомъ расположеніи. Маршалы должны были бы отвѣтить себѣ, что они будутъ разбиты. Когда присутствіе непріятели было открыто, было только 7 час., атака начата только въ первомъ—5 час. времени слишкомъ было достаточно для того, чтобы исправить ошибочность расположенія, а между тѣмъ маршалы не дѣйствовали единодушно; каждый изъ нихъ заботится только о себѣ, располагаясь совершенно отдѣльно. Тальяръ видѣлъ выгоду въ занятіи Блиндгейма и снѣшилъ бросить въ него столько войскъ, сколько только могъ; если-бы было можно, какъ говоритъ Дювивье, онъ бы помѣстилъ тамъ всю свою армію. А между тѣмъ это массированіе войскъ на одномъ пунктѣ было ошибкою. Пользуясь мѣстною крѣпостью Блиндгейма, можно было отбить всѣ атаки, на него направленные, съ несравненно меньшими силами. Маршалъ и курфюрстъ, вмѣсто того, чтобы примкнуть непосредственно къ Тальяру, еще болѣе отъ него отдаляются, стягивая всю пѣхоту къ крайнему лѣвому флангу и оставляя пустымъ центръ, занятый одною кавалеріею. Вотъ гдѣ главная ошибка въ расположеніи, ошибка, которая сейчасъ должна была броситься въ глаза и менѣе талантливому противнику нежели Мальборо. Но, какъ кажется, Дювивье правъ, говоря, что англійскій полководецъ не замѣтилъ съ перваго раза ошибочности французскаго расположенія. Это доказываютъ его усиленные, дорогостоящіе, безуспѣшныя атаки на Блиндгеймъ.

Принужденный наконецъ отъ нихъ отказаться, онъ началъ искать другаго средства для успѣха и повелъ атаку на центръ. Пѣхота его въ первую минуту переправы не встрѣтила никакого опротивленія и утвердилась прочно на правомъ берегу Небельбаха. Съ этой минуты участь боя была рѣшена; кавалерія перешла ручей подъ ея прикрытіемъ, численнымъ превосходствомъ своимъ раздавила мужественно дравшуюся французскую кавалерію и стала между двумя отдѣльными частями французской арміи. Евгений ничего не могъ сдѣлать противъ превосходныхъ силъ Марсена. Такова общая участь параллельныхъ столкновеній, при большемъ или меньшемъ равенствѣ въ тактическомъ устройствѣ войскъ. Здѣсь нѣтъ мѣста искусству; физическая сила беретъ свои права. Вообще въ распоряженіяхъ союзныхъ генераловъ, въ день Гохштедтскаго сраженія, мало замѣтно искусства. Готовясь къ бою, они не собрали всѣхъ силъ, которыми могли располагать, оставя противъ Ингольштадта 17 тыс. войскъ принца Баденскаго, и такимъ образомъ добровольно лишили себя превосходства въ

силахъ надъ противникомъ, вступили въ бой съ равными шансами на успѣхъ и даже неравными, потому что французы имѣли на своей сторонѣ силу позиціи, которая, будучи завята правильно, дорого-бы стоила союзникамъ. Затѣмъ, не зная еще расположенія французовъ, по характеру самой мѣстности, по свойству самой позиціи, примыкавшей правымъ флангомъ къ Дунаю, союзники должны были предпочтительно обратить вниманіе на лѣвый флангъ французовъ, бывший стратегическимъ ключемъ позиціи, сосредоточить противъ него большую массу войскъ и ограничиваться только демонстраціями противъ праваго, гдѣ находился крѣпкій Блиндгеймъ. Сбивъ лѣвый флангъ французовъ, союзники могли припереть ихъ къ Дунаю, гдѣ не было мостовъ, и тѣмъ поставить его въ самое критическое положеніе. Въмѣсто того союзники стягиваютъ большую массу войскъ противъ праваго фланга, ставятъ кавалерію возлѣ Дуная, гдѣ она остается праздною, и вообще ищутъ параллельнаго столкновенія, рискуя за это сильно пострадать, какъ показала атака Блиндгейма. Прорвавши центръ, Мальборо опять дѣйствуетъ вяло, не пользуется выгодами своего положенія. Въмѣсто того чтобы взять во флангъ и тылъ армію Марсеня и поставить его въ безвыходное положеніе, онъ ведетъ атаку на Оберъ-Глаугеймъ и тѣмъ даетъ возможность Марсеню отступить безъ потерь; едва не выпускаетъ войскъ оставшихся въ Блиндгеймѣ, и только ихъ настойчивость въ желаніи положить оружіе доставляетъ ему легкій трофей. Если Марсенъ при дурномъ своемъ расположеніи не заботился о томъ, что дѣлается у него на флангѣ, будучи исключительно занятъ отраженіемъ атакъ неутомимаго своего противника съ арміею въ 1½ раза его превосходяще, то можно его упрекнуть зачѣмъ онъ не перешелъ рѣшительно въ наступленіе, когда Евгенийъ, введя въ дѣло всѣ свои войска, находился въ критическомъ положеніи и просилъ поминутно помощи у своего товарища. Но Марсенъ заботится только о томъ, чтобы самому не быть битымъ, тогда какъ его успѣхъ могъ бы совершенно измѣнить положеніе дѣлъ, въ особенности если-бы войска, оставшіяся въ Блиндгеймѣ, приняли дѣятельное участіе въ битвѣ. Во время прорыва центра, побѣда еще не была окончательно рѣшена. Потери союзниковъ едва-ли не были еще болѣе и фланговый ударъ 15 тыс. войскъ, одушевленныхъ успѣхомъ, могъ бы рѣшить дѣло въ пользу французовъ. Но здѣсь мы замѣчаемъ необыкновенное явленіе во французской арміи: 15 тыс. войскъ спокойно смотрятъ на пораженіе центра и не только ничего не предпринимаютъ для спасенія товарищей, но и для спасенія собственной чести, славы своего оружія. Малодушные начальники не находятъ въ сердцѣ своемъ ни одной струны, звучащей благороднымъ порывомъ, и безъ стыда подписываютъ свое униженіе, когда дорога къ отступленію была открыта. Войска принимаютъ это униженіе, стыдъ, кладя оружіе.

Мы видѣли, что и Мальборо дѣйствовалъ не безупречно; но за то дѣйствія Евгения, при той роли, на которую онъ былъ осужденъ—бороться

съ противникомъ въ 1½ раза превосходнымъ, при крѣпкой его позиціи, заслуживаютъ полнаго вниманія. Евгенийъ не даетъ противнику покоя, постоянно держитъ его въ напряженномъ состояніи, не позволяетъ отдѣлить баталіона для помощи товарищу и тѣмъ даетъ Мальборо возможность располагать боемъ по произволу. Союзныхъ полководцевъ можно упрекнуть въ томъ, что, разбивъ противника, они не умѣли воспользоваться своею побѣдою, довершивъ пораженіе непріятеля, на что полное превосходство ихъ въ силахъ, при невыгодахъ положенія Марсеня, принужденнаго переправляться въ виду ихъ черезъ Дунай, давало полную возможность. Въмѣсто того, они остаются спокойно на позиціи, не думая нисколько развить своего успѣха настойчивымъ преслѣдованіемъ противника.

Разсмотрѣвъ упадокъ въ военной системѣ и тактическомъ искусствѣ войскъ послѣ смерти Тюренна, разсмотримъ упадокъ и въ стратегическомъ искусствѣ, выразившійся въ образѣ веденія войны и въ особенности въ войну за наслѣдство испанскаго престола.

Образъ веденія войны въ концѣ XVII и началѣ XVIII столѣтій въ западной Европѣ. Важность значенія крѣпостей, укрѣпленныхъ пунктовъ и лагерей. Общій характеръ наступательныхъ и оборонительныхъ войнъ.

Учрежденіе постоянныхъ армій, прогрессивно возроставшихъ и достигшихъ при Людовикѣ XIV во Франціи колоссальныхъ размѣровъ, измѣнивъ всѣ дотолѣ существовавшія понятія о способахъ продовольствія ихъ въ мирное и военное время, не могло не отразиться и на образѣ веденія войны. Въ прежнее время, когда войска состояли изъ наемныхъ дружинъ, содержаніе которыхъ обходилось дорого, полководецъ долженъ былъ ставить себѣ задачею достиженіе въ короткое время самыхъ рѣшительныхъ результатовъ, потому что арміи, которыми онъ командовалъ, были у него въ службѣ извѣстный только срокъ. Войны были рѣшительныя и потому, что въ тогдашнее время полководецъ могъ имѣть болѣе широкую, рѣшительную цѣль, не стѣняясь заботами о продовольствіи войскъ, такъ какъ существовалъ обычай, что война должна питать войну. И дѣйствительно мы видимъ смѣлые и рѣшительные походы Валленштейна, Тилли, Густава Адольфа, Баннера, Торстенсона и др.

Но подобныя средства продовольствія оказывались достаточными только для небольшихъ армій; когда онѣ увеличивались, край быстро истощался и, приходя въ совершенное раззореніе, не могъ удовлетворять потребностямъ. Учрежденіе постоянныхъ армій и въ особенности быстрое возростаніе ихъ численности потребовало присканія новаго болѣе надежнаго средства для обезпеченія ихъ существованія въ мирное и военное время. По примѣру, поданному Франціей, арміи начали довольствоваться исключительно изъ магазиновъ, которые учреждались по-

преимуществу въ крѣпостяхъ и укрѣпленныхъ пунктахъ. Новая система довольствія войскъ не могла не отразиться на самомъ образѣ веденія войны. Полководецъ, въ особенности при значительной численности его армій, былъ совершенно связанъ своими магазинами, не смѣя далеко отъ нихъ удалиться, не имѣя въ виду другихъ средствъ продовольствія. Если же онъ отъ нихъ удалялся, то долженъ былъ вести запасы съ собою, что еще болѣе должно было увеличить его и безъ того огромные обозы, а слѣдовательно лишить окончательно армию подвижности.

Связанный въ своихъ соображеніяхъ магазинами, полководецъ не могъ преслѣдовать какую нибудь рѣшительную цѣль: уничтоженіе арміи противника, занятіе его столицы. Узкость, ограниченность цѣли дѣйствій, занятіе какой либо пограничной провинціи для доставленія многочисленной кавалеріи фуража, отбитіе непріятельскаго магазина, занятіе его крѣпости, явились необходимымъ послѣдствіемъ новой системы продовольствія войскъ. Такъ въ 3-ю Нидерландскую войну Люксамбургъ направлялъ свои дѣйствія преимущественно къ Брюсселю или къ морю, гдѣ были въ изобиліи пастбищныя мѣста. Такъ какъ съ потерей магазиновъ, располагаемыхъ въ тылу, армія принуждена была къ отступленію, то верхомъ искусства считалось лишить непріятеля его магазиновъ, а слѣдовательно дѣйствовать на сообщенія противника, не потерявъ собственныхъ. Въ 1673 году, Тюреннь, потерявъ, вслѣдствіе измѣны принца—епископа Вюрцбургскаго, обозъ къ нему слѣдовавшій у воротъ Вюрцбурга, принужденъ былъ удалиться за Рейнъ, а Монтекукули могъ чрезъ это удаленіе соединиться съ голландцами. Такимъ-то образомъ началась война маневровъ, гдѣ употреблялись все утонченности искусства, распространеніе ложныхъ слуховъ, нечаянныя нападенія, скрытые обходы, чтобы достигнуть предполагаемой цѣли, безъ вступленія въ бой съ противникомъ. Подобное маневрированіе, утомлявшее безъ пользы арміи, явилось какъ подражаніе Тюренню и Монтекукули, вслѣдствіе увлеченія формою, а не смысломъ ихъ дѣйствій. Самъ Тюреннь считалъ сраженія единственнымъ дѣйствительнымъ средствомъ къ достиженію предполагаемой цѣли и настойчиво искалъ ихъ, если это было необходимо; кампанія 1674 г. лучше всего это доказываетъ. Монтекукули тоже говорилъ, что безъ боя побѣдить нельзя. Кампанія 1675 года, гдѣ все дѣло рѣшилось одними маневрами, увлекла современниковъ, считавшихъ ее образцомъ искусства, забывая что она все таки рѣшилась бы боемъ, къ которому Тюреннь готовился у Заасбаха, еслибы ядро не поразило его при рекогносцировкѣ позиціи противника. За исключеніемъ немногихъ, какъ напримѣръ Люксамбурга, по свойству самыхъ его тактическихъ дарованій искавшаго постоянно боя, талантливаго Вильяра, глубоко понимавшаго искусство гениальнаго Евгенія Савойскаго,—все менѣе даровитые полководцы старались рабски подражать Тюренню и Монтекукули, по крайней мѣрѣ въ формѣ ихъ дѣйствій. Быстрое увеличеніе постоянныхъ

армій во Франціи казалось бы должно было вызвать стремленіе къ достиженію на войнѣ болѣе рѣшительныхъ результатовъ, а между тѣмъ мы видимъ, что сила ихъ теряется въ бесполезныхъ маневрахъ. Но изъ предосланнаго нами очерка тактическаго устройства армій въ этотъ періодъ мы видѣли, что въ то время, когда маневры были въ такомъ уваженіи, арміи вовсе не были способны къ маневрированію, будучи мало подвижны, въ особенности при безмѣрно увеличившемся числѣ обозовъ. Самые успѣхи въ техникѣ оружія, повели къ неразумному увлеченію огнестрѣльнымъ дѣйствіемъ пѣхоты, а вслѣдствіе этого къ исключительному употребленію тонкаго строя. Тонкій строй, при значительной силѣ армій, потребовалъ длинныхъ линій, а такъ какъ эти линіи были слабы по всему протяженію и въ особенности съ фланговъ, то онъ требовалъ по необходимости сильныхъ позицій, прикрытыхъ съ фронта и фланговъ естественными препятствіями или укрѣпленіями. Наступающій, подойдя къ такой позиціи, не рѣшаясь ее атаковать, избѣгалъ боя и старался заставить непріятеля оставить занятую имъ позицію угрозами дѣйствій на его сообщенія. Такимъ образомъ второю причиною нерѣшительности дѣйствій, кромѣ способа продовольствія изъ магазиновъ, было самое тактическое устройство армій, увлеченіе тонкими линіями, повлекшія за собою, такъ называемую, *войну позиціонную*, которая дѣлается общею въ Европѣ до самаго появленія Фридриха II, доказавшаго несостоятельность подобнаго способа дѣйствій.

Составъ армій имѣлъ не менѣе сильное вліяніе на медленность, нерѣшительность дѣйствій, въ особенности въ войну за наслѣдство испанскаго престола. Вся почти Европа вооружилась противъ Франціи, каждая изъ державъ послала въ общее союзное войско свой контингентъ, съ своимъ особеннымъ начальникомъ. Разногласіе въ интересахъ государствъ, предпринимавшихъ общую войну, влекло за собою разногласіе въ видахъ генераловъ, командовавшихъ ихъ войсками, потому не могло быть единства мысли, необходимаго для всякаго успѣха, въ особенности когда арміями командовало нѣсколько генераловъ съ равною властью. Тюреннь, понимая вполнѣ правила соображать свои дѣйствія съ характеромъ противника, умѣлъ всегда извлекать выгоды изъ этого недостатка въ единствѣ командованія въ арміи его противниковъ. Разсматривая управленіе арміями въ описываемый нами періодъ времени, мы указали на тотъ вредъ, который происходилъ изъ желанія центральной власти руководить военными дѣйствіями до мелочей; гоффригсратъ въ Австріи, министръ Лувуа во Франціи—довели эту систему распоряженія дѣйствіями изъ кабинета до крайнихъ границъ, заставляя полководцевъ испрашивать у Двора разрѣшенія на каждый шагъ, который они намѣревались сдѣлать. Такимъ образомъ, полководецъ обращался въ пассивную машину, исполняющую только приказанія свыше, а не внушенія своего разума. Примѣненіе къ обстоятельствамъ и времени не могло имѣть мѣста; дарованія, осужденныя на такую жалкую роль, или

сбрасывали его, действуя на свой страх по собственному соображению, или же оставляли армию, давая место посредственностям, которые, не находя отвѣта въ собственной головѣ на многообразные вопросы, порождаемые войною, старались рабски подражать дѣйствіямъ великихъ полководцевъ, подводя ихъ подъ извѣстные, опредѣленные правила.

Появленіе великихъ людей всегда оставляетъ глубокіе слѣды въ умахъ современниковъ и потомковъ, ведя ихъ къ безотчетному подражанію. Не понимая того, что дѣйствія эти обуславливались совокупностью всѣхъ возможныхъ матеріальныхъ и нравственныхъ причинъ, не входя въ анализъ этихъ дѣйствій, въ анализъ причинъ ихъ производившихъ, систематически увлекаются наружною формою этой дѣятельности и, видя въ ней причину успѣховъ, создаютъ правила для дѣйствій, какъ непремѣнное условіе успѣховъ. Дѣйствія Густава Адольфа въ Тридцатилѣтнюю войну, рѣзкое различіе между ними до и послѣ Брейтенфельдскаго сраженія, успѣхи его, поражавшіе современниковъ, не могли не произвести переворота въ военномъ дѣлѣ и увлечь за собою толпу подражателей, старавшихся облечь въ систему сводъ наружныхъ примѣтъ его дѣйствій.

До Брейтенфельдскаго сраженія, при вступленіи въ Германію, Густавъ Адольфъ, вслѣдствіе политическихъ и административныхъ соображеній, дѣйствуетъ чрезвычайно осторожно, медленно, старается прочно утвердиться въ странѣ посредствомъ занятія крѣпостей и укрѣпленныхъ пунктовъ; избѣгая боя, старается занимать сильныя позиціи. Напротивъ, послѣ Брейтенфельдскаго сраженія дѣйствія быстры, смѣлы и рѣшительны. Изъ этого образа дѣйствій, обуславливавшагося обстоятельствами, въ которыхъ находился шведскій король, систематически вывели слѣдующее заключеніе, какъ неизмѣнное правило для дѣйствій: для успѣшнаго достиженія цѣли наступательныхъ дѣйствій, должно прочно утвердиться въ странѣ, *занятіемъ всѣхъ расположенныхъ въ ней крѣпостей*, а для быстроты дѣйствій имѣть въ составѣ арміи болѣе кавалеріи. Отсюда предпочтеніе, которое даютъ осадной войнѣ, предпочтеніе разомъ двинувшее назадъ стратегію, какъ искусство веденія войны, и напротивъ возвысившее до такой степени инженерное дѣло. Когда у Людовика XIV были Тюреннь и Конде, побѣда была неразлучна съ французскими знаменами. Но когда эти великіе люди сошли съ политической сцены, когда искусство начало приходить въ упадокъ, недостатокъ талантовъ пришлось замѣнить количествомъ войскъ. Людовикъ XIV создаетъ колоссальныя арміи, какъ орудіе для достиженія своихъ цѣлей. Но вскорѣ и иностранныя государства, быстро увеличивъ численность армій; имѣли равныя шансы для борьбы. Тогда Людовикъ, боясь переменъ счастья, заранѣе ищетъ предотвратить опасность иностраннаго вторженія, уставивъ всю границу и въ особенности фландрскую рядомъ крѣпостей. На дѣлѣ множество крѣпостей, снабженныхъ сильными гарнизонами, приносятъ вмѣсто пользы вредъ, уменьшая чи-

слительность подвижныхъ силъ, которая составляетъ истинную опору государства, и тѣмъ парализуетъ возможность наступательныхъ дѣйствій. Какой процентъ подвижныхъ силъ поглощали крѣпости—рельефно указываетъ примѣръ 1692 года. Франція въ этотъ годъ была атакована со всѣхъ сторонъ; но средства ея были громадны. Она располагала 446,500 сухопутныхъ войскъ; но вмѣсто того, чтобы воспользоваться такою массою силъ, чтобы раздавить противниковъ, французское правительство бросаетъ по гарнизонамъ 139,500 чел., слѣдовательно около $\frac{1}{3}$ силъ, и тѣмъ добровольно лишаетъ себя инициативы въ дѣйствіяхъ, ограничивается обороною, и не можетъ остановить герцога Савойскаго, во главѣ 50 т. арміи нашедшаго ужасъ на Дофинэ и Провансъ и отступившаго не предъ оружіемъ французовъ, а вслѣдствіе развившейся въ его арміи оспы. Въ войну за наслѣдство испанскаго престола еще рѣзче можно видѣть пагубное вліяніе крѣпостей и весь вредъ принятой тогда системы—считать занятіе крѣпостей надежнымъ средствомъ для государственной безопасности. Предъ Гохштедтскимъ сраженіемъ, когда Мальборо перешелъ Рейнъ и вторгнулся въ предѣлы Баваріи, курфюрстъ Баварскій, надѣясь спасти свое государство крѣпостями, разбросалъ по нимъ всю свою 60 т. армію и оставилъ у себя подъ рукою только 5 баварскихъ баталіоновъ и 33 эскадрона⁽²²³⁾. Тѣмъ не менѣе, участь Баваріи рѣшилась въ Гохштедтскомъ сраженіи, крѣпости послѣдовательно сдались побѣдителю и курфюрстъ лишился своихъ владѣній на цѣлыя 10 лѣтъ. Другіе были бы результаты, еслибы вмѣсто разброски по крѣпостямъ, армія его была присоединена къ Тальяру и Марсеню—баваро-французы были бы такъ сильны, что принудили бы Евгенія и Мальборо ограничиться обороною.

Остановили ли въ 1706 г. 33 крѣпости, которыя Франція имѣла въ Италіи, смѣлый маршъ Евгенія на Туринъ, когда тотъ не послѣдовалъ обычаю, совѣтовавшему прежде всего овладѣть крѣпостями для прочнаго утвержденія въ странѣ, и, слушаясь голоса собственнаго генія, искалъ покоренія страны не въ завоеваніи крѣпостей, а въ пораженіи арміи, составлявшей истинную силу государства, разсчитывая вѣрно, что съ пораженіемъ ея и крѣпости будутъ въ его власти. И разсчеты геніальнаго полководца вполнѣ оправдались⁽²²⁴⁾. Остатки разбитой французской арміи вошли въ предѣлы Франціи, крѣпости Италіи сдались побѣдителю и Людовикъ XIV считалъ себя счастливымъ отдать остальные съ условіемъ, что гарнизонамъ ихъ дозволено будетъ вернуться во Францію. Много можно представить изъ войны за наслѣдство испанскаго престола примѣровъ вреднаго вліянія, которое производили крѣпости на образъ самыхъ дѣйствій, придавая имъ характеръ нерѣшительности, служивая еще болѣе цѣли, съ которыми полководцы вступали въ кампанію.

Изъ всего сказаннаго мы можемъ вывести слѣдующее заключеніе. Большее число крѣпостей, которыми унижены были границы Франціи, было

вредно въ отношеніи обороны и наступленія, потому что, требуя много войскъ для содержанія гарнизоновъ, оно ослабляло армию дѣйствующую въ полѣ, которая есть истинная опора государства. Какъ только армія бывала разбита, крѣпости, при рѣшительномъ перевѣсѣ, данномъ Вобаномъ атакѣ надъ обороною, не могли долго держаться, склады и гарнизоны въ нихъ находившіеся доставались въ руки побѣдителей. Такимъ образомъ бой, хотя современные полководцы, за исключеніемъ весьма немногихъ даровитыхъ, придавали ему мало значенія, имѣлъ весьма важныя послѣдствія въ стратегическомъ отношеніи. Но главное зло, которое принесли за собою крѣпости, это стѣсненіе сферы операцій, заключеніе стратегіи какъ искусства въ узкія рамки осадныхъ войнъ, гдѣ нѣтъ нищи способностямъ и таланту, гдѣ все дѣло заключается въ превосходствѣ численности армій, въ большихъ матеріальныхъ средствахъ, въ послѣдованіи извѣстнымъ разъ принятымъ законамъ.

Узкость, ограниченность цѣли дѣйствій являются неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этой системы. Полководецъ не долженъ былъ думать о завоеваніи провинціи, страны, уничтоженіи арміи противника, для чего требовалось умѣнье оцѣнить характеръ театра дѣйствій, характеръ противника, средства, которыми онъ располагаетъ, всѣ обстоятельства и паходить приличный для достиженія предположенной цѣли способъ дѣйствій. Этотъ способъ дѣйствій давался ему готовый, облеченный въ непреложный законъ, потому что и цѣль дѣйствій была постоянная—завоеваніе крѣпостей *). Оныть испанской войны показало, что крѣпости въ *измѣнствѣ* равно вредны какъ при оборонѣ, такъ и при наступленіи; уменьшая своими гарнизонами силу постоянной арміи, какъ главнаго орудія для достиженія предположенныхъ цѣлей, какъ въ войнѣ наступательной, такъ и оборонительной, стѣсняють самую сферу дѣйствій. Излишняя важность, которую придавали крѣпостямъ, едва не погубила Францію. Тотъ же фактъ повторился впоследствии въ поразительныхъ размѣрахъ. С. Сюзаннъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ генераловъ республики и имперіи, замѣчаетъ, что въ 1814 году, когда союзники овладѣли столицею Франціи, 300,000 французовъ бесплодно занимали гарнизонъ въ 80-ти крѣпостяхъ, какъ самой Франціи, такъ и завоеванныхъ странъ; армія, дѣйствовавшая въ полѣ, далеко была малочисленнѣе всѣхъ этихъ гарнизоновъ вмѣстѣ взятыхъ, и въ то время какъ она нуждалась въ боевыхъ и жизненныхъ припасахъ, крѣпости были снабжены ими въ изобиліи. Наполеонъ погибъ и разрушилась

*) Замѣчательно мнѣніе о крѣпостяхъ Тюрення писавшаго Конде: «предпринимайте поменьше осадъ и давайте побольше сраженій. Когда вы доведете вашу армию до численнаго и качественного превосходства надъ непріятельской, когда вы такимъ образомъ сдѣлаетесь господиномъ въ полѣ, тогда селенія будутъ для васъ крѣпостями. Не забывайте, что ошибаются, видя больше чести въ трудномъ овладѣніи укрѣпленнымъ городомъ, нежели въ легкомъ завоеваніи области» (235).

его имперія; тогда какъ еслибъ эти 300,000 употребленныхъ такъ непроизводительно, стянуты были бы на защиту Франціи, ея сердца—столицы, то успѣхъ борьбы былъ бы еще сомнителенъ.

Такимъ образомъ образъ веденія войны въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтій, принявъ характеръ нерѣшительности, обуславливался главнѣйшимъ образомъ слѣдующими данными: 1) способомъ продовольствія войскъ изъ магазиновъ, что влекло за собою медленность дѣйствій, ограниченность цѣли ихъ; важность дѣйствій на сообщенія, войну маневровъ; 2) тактическимъ составомъ и устройствомъ войскъ; предпочтеніе, отдаваемое огнестрѣльному дѣйствию, влекло за собою малую подвижность армій; слабость тонкихъ линій безъ резерва старалось усилить крѣпостью позиціи, неизбѣжнымъ послѣдствіемъ чего явилась *война позиціонная*; 3) значеніемъ, которое придавали крѣпостямъ, вслѣдствіе должно понимаемаго образа дѣйствій Густава Адольфа. Совокупность всѣхъ этихъ элементовъ, при неважности боя, на который смотрѣли какъ на средство второстепенное для достиженія извѣстныхъ цѣлей, а не какъ на главное могущественное средство для рѣшенія вопросовъ войны, при неумѣнн оцѣнивать относительную выгоду театровъ дѣйствій, при общемъ обыкновеніи становиться рано на зимнія квартиры и поздно съ нихъ сниматься, при стремленіи обусловить каждое дѣйствіе извѣстными правилами,—все это, придавъ войнамъ характеръ нерѣшительности, вялость, двинуло стратегію какъ искусство назадъ, въ особенности, если поставить его въ параллель съ тѣми истинными началами прогресса, которые выказывали Тюреннь и Конде въ своихъ походахъ. Теперь посмотримъ какъ всѣ эти элементы вмѣстѣ отражались на самомъ образѣ дѣйствій, для чего мы представимъ характеръ какъ наступательныхъ, такъ и оборонительныхъ современныхъ войнъ.

Образъ дѣйствій наступающаго [въ разсматриваемый нами періодъ времени, вслѣдствіе всѣхъ вышеизложенныхъ нами причинъ, былъ медленный и осторожный. Наступающій прежде всего прочно старался устроить пограничный свой театръ дѣйствій заложеніемъ магазиновъ, снабженіемъ крѣпкихъ пунктовъ сзади его лежащихъ всѣми предметами довольствія жизненными и боевыми, улучшеніемъ и обезпеченіемъ сообщеній съ ними. Когда это было сдѣлано, тогда только онъ рѣшался двинуться впередъ, направляясь къ ближайшей непріятельской крѣпости. Подходя къ ней, армія наступающаго раздѣлялась на двѣ части: одна съ осаднымъ паркомъ немедленно располагалась для осады крѣпости, строя вокругъ нея контравалаціонныя, а для огражденія съ поля—циркумвалаціонныя линіи; другая же часть арміи, двигаясь далѣе впередъ, въ видѣ обсерваціоннаго корпуса, располагалась на главныхъ путяхъ, ведущихъ отъ непріятеля къ осажденной крѣпости, прикрывая себя съ его стороны укрѣпленною линіею, позиціею или лагеремъ.

Въ случаѣ приближенія непріятеля дѣйствовали двояко, или осаждающій корпусъ, оставивъ въ линіяхъ необходимую только часть войскъ,

спѣшилъ на встрѣчу неприятелю и разбивалъ его въ полѣ или же принималъ бой въ линіяхъ. Очевидно, что первый способъ дѣйствій имѣлъ преимущество передъ вторымъ, потому что, въ случаѣ потери боя въ полѣ, наступающій только принуждаемъ былъ къ снятію осады крѣпости, тогда какъ, принимая бой въ линіяхъ, при длинѣ ихъ, повсюду съ слабымъ фронтомъ, имѣя гарнизонъ крѣпости въ тылу, осаждающій рисковалъ потерю всей арміи, какъ и доказала туринская катастрофа 1706 года.

Но въ послѣдствіи успѣхи, сдѣланные въ инженерномъ искусствѣ, изобрѣтеніе параллелей и рикошетныхъ выстрѣловъ, введеніе въ употребленіе бомбардированія осажденныхъ городовъ, давъ рѣшительный перевѣсъ атакѣ надъ обороною, ускоривъ взятіе крѣпости, повело къ уничтоженію циркумъ и контрвалационныхъ линій. Взятіе крѣпости ослабляло побѣдителя болѣе чѣмъ побѣжденного, потому что для занятія ея онъ долженъ былъ отдѣлить достаточно сильный гарнизонъ, а гарнизонъ взятой крѣпости, по странному обычаю того времени, въ большей части случаевъ, не считался военно-плѣннымъ, а ему предоставлялась полная свобода отступить и присоединиться къ своей арміи. Такъ въ 1654 году Тюренъ отложилъ производство атаки на осажденный имъ Аррасъ до того времени, пока неприятель не овладѣлъ принадлежавшею французамъ крѣпостью Стэне и сдавшійся гарнизонъ ея не пришелъ къ нему на подкрѣпленіе. Наступающій имѣлъ предъ собою и ту выгоду, что онъ могъ увеличивать себя гарнизонами проходимыхъ имъ по дорогѣ крѣпостей. Подобный образъ дѣйствій былъ общъ на всѣхъ театрахъ войны и въ особенности въ Нидерландахъ. Репутація хорошаго, искуснаго полководца пріобрѣталась только на этомъ театрѣ войны, хотя самый большой успѣхъ здѣсь ограничивался взятіемъ одной или нѣсколькихъ крѣпостей. Рѣшительныхъ результатовъ кампаніи нельзя было здѣсь ожидать какъ по множеству крѣпостей, такъ по необыкновенной пересѣченности края, перерѣзаннаго многими рѣками и каналами; тѣмъ болѣе что противники всегда находили въ случаѣ неудачъ могущественнаго союзника въ наводненіяхъ. А между тѣмъ здѣсь всегда сосредоточивалась самая большая масса войскъ, безплодно терявшаяся въ осадахъ и оборонахъ крѣпостей.

Система дѣйствій обороняющагося заключалась въ томъ, чтобъ не допустить наступающаго предпринять осаду крѣпости, для чего лучшимъ средствомъ считалось дѣйствовать на его сообщенія. Но если обороняющійся въ этомъ не успѣвалъ, тогда всѣ усилія его клонились къ отбѣженію обсерваціоннаго корпуса, ибо по понятію того времени, какъ только этотъ корпусъ былъ отбѣженъ, осаждающая армія, изъ опасенія быть разбитою, немедленно снимала осаду, какъ бы ни были сильны ея линіи. Атаковать же позиціи наступающаго, при существовавшемъ тогда обычаѣ уклоняться отъ боя, обороняющійся рѣшался только при значительномъ превосходствѣ въ силахъ.

При оборонѣ страны или провинціи обыкновенно фронтъ дѣйствій прикрывали какимъ либо сильнымъ естественнымъ препятствіемъ, большою рѣкою, хребтомъ горъ; если же страна не представляла такихъ выгодныхъ мѣстныхъ условій для обороны, то воздвигали препятствія искусственныя; какъ мы уже замѣтили, говоря объ инженерномъ дѣлѣ въ этотъ періодъ, обороняющіяся арміи прикрывались цѣлыми непрерывными линіями изъ укрѣпленій засѣкъ и канавъ. Въ такомъ случаѣ оборона была совершенно пассивная. Не зная въ какомъ пунктѣ наступающій намѣренъ будетъ атаковать, обороняющаяся армія по всему пространству оборонительной линіи дробилась на малые отряды, что въ послѣдствіи повело къ такъ называемой *кордонной системѣ*. Одинъ изъ стратегическихъ писателей, Вагнеръ, справедливо сравниваетъ подобный образъ дѣйствій съ малою войною, веденною цѣлыми арміями.

Такому образу дѣйствій слѣдовали даже лучшіе полководцы, какъ напр. Вандомъ, всегда дробившій армію на малые отряды. Наступательной обороны въ собственномъ смелѣ не существовало; образчики ея показывалъ только Тюренъ, когда въ 1674 и 1675 г., для обороны Эльзаса и недопущенія союзниковъ къ Страсбургу, нѣсколько разъ переходилъ Рейнъ и, разбивъ противниковъ, возвращался обратно, и талантливый Вильяръ, рѣдко подчинявшійся рутинѣ, всегда слѣдовавшій вдохновенію своего таланта, никогда не утомлявшій армію безплодными маневрированіями, всегда ставившій широкую цѣль и неотступно, рѣшительно ей слѣдовавшій. Въ то время, какъ всѣ современные полководцы дѣйствовали ощупью, дробили силы, Вильяръ, далеко опередивъ свой вѣкъ, всегда старался держать ихъ сосредоточенными. Въ то время, какъ всѣ полководцы эпохи избѣгаютъ боя, онъ постоянно ищетъ его, понимая всю важность его для рѣшенія вопросовъ войны, и что еще выше—умѣетъ пользоваться побѣдою, развивая успѣхъ преслѣдованіемъ, что было рѣшительно не въ обыкненіи въ эту эпоху. Люксамбургъ, другой не менѣ замѣчательный полководецъ Франціи въ эту эпоху, не уступалъ Вильяру въ способностяхъ тактическихъ; можетъ быть, въ этомъ отношеніи онъ даже былъ и выше его, но какъ стратегъ былъ ниже: нища постоянно боя и не будучи ни разу побѣжденъ, онъ не умѣлъ извлекать изъ него выгоды. Конечно, представленный нами общій характеръ веденія войны, какъ наступательной, такъ и оборонительной, измѣнялся болѣе или менѣе, а иногда принималъ и противоположное направленіе, что обуславливалось и политическими обстоятельствами, и свойствами театра дѣйствій, составомъ арміи и личными качествами главнокомандующихъ.

Чтобы подкрѣпить выводы нами сдѣланные и, вмѣстѣ съ тѣмъ, еще нагляднѣе познакомиться съ образомъ веденія войны въ очерченный періодъ, мы рассмотримъ и такого рода дѣйствія, которыя рельефностью своею, разнообразіемъ и особенными свойствами обращаютъ на себя особенное вниманіе: таковы дѣйствія Евгенія Савойскаго въ 1701

году, Вандома въ 1702 г., кампанія 1706 г. принца Евгенія Савойскаго въ Италіи и Дененская операція Вильяра въ 1712 г.

Въ то же самое время, идеи, господствовавшія съ такою силою на западѣ, вовсе не имѣли подобнаго значенія въ восточной Европѣ, гдѣ въ это время появляется, съ одной стороны, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ полководцевъ, Карлъ XII, а съ другой—Великій Петръ выдвигаетъ на всемірное поприще постепенно преобразуемую имъ Россію и въ этомъ стремленіи сталкивается съ Карломъ XII. Завязавшаяся между ними борьба, окончившаяся паденіемъ могущества Швеціи, наполняетъ собою всю исторію европейскаго востока за это время. Событія Сѣверной войны не только съ политической точки зрѣнія, но и въ смыслѣ развитія военнаго искусства представляютъ важный интересъ, а потому мы и на нихъ остановимся.

Замѣчательнѣйшія военныя дѣйствія въ продолженіи войны за наследство испанскаго престола. — Походъ Евгенія Савойскаго въ Италію въ 1701 году. — Дѣйствія Вандома въ Италіи въ 1702 г. — Очеркъ кампаніи принца Евгенія Савойскаго въ Ломбардіи и Пьемонтѣ въ 1706 г. — Дененская операція Вильяра въ 1712 году.

Какъ только сошелъ въ могилу, въ ноябрѣ 1700 года, слабый тѣломъ и духомъ Карлъ II, Людовикъ XIV возложилъ корону Испаніи на внука своего герцога Анжуйскаго. Императоръ протестовалъ, но, не будучи достаточно сильнымъ, чтобы тотчасъ же вступить въ борьбу съ могущественнымъ королемъ Франціи, онъ ограничился объявленіемъ войны Испаніи, а между тѣмъ искалъ союзниковъ для новой борьбы. Онъ имѣлъ на своей сторонѣ имперію, курфюрста Палатина, домъ Ганноверскій, Франконію и Швабію, зависѣвшія отъ принца Баденскаго, курфюрстовъ Саксонскаго и Люксамбургскаго. Курфюрстъ Бранденбургскій давалъ ему 8000 превосходныхъ войскъ въ честолюбивомъ стремленіи получить титулъ короля. На сторонѣ императора была Голландія, естественный врагъ Франціи, и Англія, оскорбленная тѣмъ, что Людовикъ XIV самовольно назначалъ ей короля, признавъ законнымъ наследникомъ англійской короны сына Іакова II. Коалиція была грозная, но съ своей стороны и король Франціи располагалъ не менѣе могущественными матеріальными и нравственными средствами. Борьба съ Франціей, умѣвшей въ Нидерландскія войны противостоятъ усиліямъ всей соединенной Европы, выказавшей въ нихъ такія громадныя силы, которымъ по справедливости могла удивляться Европа, была тѣмъ труднѣе, что теперь на сторонѣ Франціи была Испанія со всеми ея обширными владѣніями, Неаполемъ и Сициліей, герцогствомъ Миланскимъ, Тосканою и Сардинією. Герцогъ Савойскій отдавалъ свои войска въ ея распоряженіе, Мантуя и Парма пріежали къ союзу Людовика XIV.

Папа, Модена, Лукка, республики Венеціанская и Генуэзская готовы были ему содѣйствовать. Не менѣе сильные союзники были у Людовика XIV въ Германіи—курфюрстъ Баварскій, братъ его, курфюрстъ Кельнскій, епископъ Ліежскій, герцогъ Вольфенбютельскій доставили ему передовыя позиціи въ Германіи. Венгры и протестанты въ Германіи, готовые подъ вліяніемъ побужденій Франціи подняться, были опасными внутренними врагами императору. Кромѣ преимущества въ силахъ, Людовикъ XIV имѣлъ ту выгоду надъ противниками, что вооруженія его были совершенно окончены, въ то время какъ враги его далеко не были готовы къ войнѣ. На этомъ слѣдовало основать первоначальный планъ дѣйствій: необходимо было воспользоваться выгодами инициативы и нанести рѣшительный ударъ (пока противники приготовятся къ войнѣ) Австріи, сосредоточивъ противъ нея большую массу войскъ, и ограничиваясь только оборонительными дѣйствіями на прочихъ театрахъ, тѣмъ болѣе что Баварія давала превосходную наступательную передовую позицію къ сердцу имперіи. Подобный расчетъ долженъ былъ обуславливаться самими свойствами противниковъ. Англія была внѣ ударовъ Франціи; пользуясь превосходствомъ своего флота, сухопутныя ея силы, въ случаѣ пораженія, всегда могли сѣсть на суда и высадиться въ другомъ мѣстѣ. Голландія находилась при тѣхъ же условіяхъ. Могущество ея основывалось на всемірной морской торговлѣ, а не на силѣ территоріи, на ея золотѣ, покупавшемъ десятки тысячъ нѣмецкихъ солдатъ. Кромѣ того, перерѣзанная большими рѣками, каналами, усѣянная крѣпостями, на каждомъ плугу могшими остановить противника, наконецъ, имѣя, какъ послѣднее средство, шлюзы, поднявъ которые, она могла потопить страну и побѣдителей волнами океана, Голландія была почти неуязвима и Франція не могла здѣсь достигнуть никакихъ рѣшительныхъ результатовъ.

Напротивъ, имперія, государство территоріальное, могла быть поражена въ самое сердце. Оттуда выходили тучи солдатъ, вызываемые золотомъ Англіи и Голландіи. Поражая ее, Франція лишала другихъ соперниковъ главнаго средства войны—людей. Къ тому же этого легко было достигнуть: Франція имѣла два превосходныхъ передовыхъ плацдарма: Баварію и Италію. Выйдя изъ нихъ французско-испанскія арміи могли соединиться въ Вѣнѣ и тамъ предписать миръ Европѣ. Но Людовикъ XIV не умѣлъ, или, лучше сказать, не хотѣлъ воспользоваться выгодами своего положенія. Онъ не хотѣлъ начинать войну первый, щадя общественное мнѣніе Европы, называвшей его завоевателемъ. Занявъ чрезъ посредство баварскаго курфюрста нѣсколько крѣпостей во Фландріи (Ньюпортъ, Уденардъ, Шарлеруа, Намюръ), въ Италіи—Мантую, Кремону и др. пункты, стаянувъ, по мысли Вильяра, большую часть войскъ въ Испанскіе Нидерланды, онъ приказалъ на всѣхъ театрахъ ограничиваться строго оборонительными дѣйствіями, надѣясь достигнуть вѣрнѣе своихъ видовъ переговорами. Этимъ рѣшеніемъ Лю-

довникъ потерялъ все выгоды упрежденія въ дѣйствіяхъ и, можетъ быть, подписалъ все послѣдующія несчастія Франціи. Не о переговорахъ нужно было думать, а о томъ, какъ бы нанести рѣшительный ударъ противникамъ, которыхъ онъ засталъ въ расплохъ; во враждебности же ихъ расположенія нельзя было и сомнѣваться. Добровольное бездѣйствіе должно было ихъ ободрить, разсчитывая на слабость Франціи, и приготовиться къ борьбѣ рѣшительной. Вскорѣ эта основная ошибка принесла плоды, которыхъ слѣдовало ожидать. Собравъ и устроивъ войска въ Германіи и Голландіи, союзники успѣли раздавить герцога Вольфенбютельскаго, принудили курфюрста Кельнскаго отложиться отъ союза и направили большія силы въ Италію, гдѣ Франція, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать наступательно или по крайней мѣрѣ выставить значительный корпусъ войскъ, достаточно сильный, чтобы обезпечить передовыя позиціи по Адигу, а съ ними безопасность всей соединенной Италіи, заняла ее сравнительно малымъ числомъ войскъ.

Итальянскій театръ войны, по топографическимъ свойствамъ и удобопроеходимости мѣстности, можетъ быть раздѣлена на слѣдующіе районы (см. карту сѣв. Италіи):

1. Южный склонъ Альповъ, спускающійся къ долинѣ р. По. Терасами — страна сильно пересѣченная, горная, плодородная, малопроеходимая.

2. Равнина до лѣваго берега р. По и часть праваго берега — обработана, населеніе зажиточное, даже богатое, путей много, но мѣстность закрытая.

3. Сѣверный склонъ Апеннинъ — населеніе рѣдкое, бѣдное, продовольственныхъ запасовъ мало, дороги плохія. Отроги горъ между Пиаченцею и Вогерою подходят близко къ По и образуютъ Страдельског де-филе; отъ впаденія же Танаро къ западу, между р. По и Танаро простирается холмистая, богатая страна Манфератъ. Равнина представляетъ ту именно мѣстность, на которой преимущественно разыгрались кампаніи 1701, 1702 и 1706 гг. Страна эта мало отличалась въ то время въ культурномъ отношеніи отъ теперешней Верхней Италіи. И тогда широкія, хотя менѣе удобныя дороги шли между кустами и деревьями, закрывавшими часто обзоръ въ сторочы, и тогда между дорогами тянулись богатые хлѣбныя, кукурузныя и рисовыя поля, причемъ послѣднія были окружены и перерѣзаны цѣлою системою широкихъ канавъ; на другихъ же поляхъ видѣлось по всемъ направленіямъ безчисленное множество насажденій тутовыхъ деревьевъ. По полямъ разбросаны были каменные фермы, хутора, построенныя часто въ нѣсколько этажей, съ плоскими крышами; селенія были тѣсны, но часто весьма массивной постройки. Жизненная и торговая артерія этой садоподобной мѣстности — р. По, принимаетъ съ лѣвой стороны много водообильныхъ притоковъ; многіе изъ нихъ въ нижнемъ теченіи судоходны и представляютъ большія затрудненія при переправѣ. Что же ка-

сается устройства мостовъ, то въ то время эта операція облегчалась имѣвшимся повсюду значительнымъ запасомъ большихъ и малыхъ судовъ. Все притоки правой стороны носятъ характеръ горныхъ рѣчекъ. Удобопроеходимые и едва замѣтные въ сухое время, они становятся непроходимыми при таяніи снѣговъ и послѣ большихъ дождей, и въ это время не допускаютъ устройства переправы, причемъ вода поднимается внезапно, часто въ нѣсколько часовъ на нѣсколько сажень. Уровень р. По, въ зависимости отъ этихъ быстрыхъ переменъ, иногда быстро поднимался на нѣсколько сажень и тогда устройство мостовъ весьма затруднительно. Въ обыкновенное время рѣка судоходна для тяжело нагруженныхъ судовъ. Въ этомъ отношеніи р. По имѣла въ ту эпоху важное значеніе какъ коммуникаціонная и операціонная линія, хотя, при разныхъ обстоятельствахъ войны, арміи находились въ разномъ положеніи относительно этой рѣки.

Вторую, хотя и менѣе важную, линію для арміи, двигающейся изъ Тироля, представляетъ р. Эчъ или Адигъ. Эта рѣка по быстротѣ допускаетъ славное судоходство, но въ верхнемъ теченіи въ Тироли, по малой глубинѣ и ширинѣ, не имѣетъ ни тактическаго значенія, ни значенія коммуникаціонной линіи. Лучшую коммуникаціонную линію, для арміи наступающей изъ Тироля, представляетъ озеро Гарда и р. Минчио, по которымъ могли ходить весьма большія суда, между тѣмъ, какъ по Адигу плавали большею частью только баржи и плоты. Рѣки Оліо, Адда и Тичино, хотя судоходны, но ими мало можно было пользоваться какъ коммуникационными линіями, вслѣдствіе направленія ихъ теченія. Весьма развитая система каналовъ увеличивала значеніе судоходныхъ рѣкъ, какъ путей подвоза. Арміи закладывали магазины у рѣкъ или у моря, а рѣки способствовали передвиженію этихъ запасовъ на дальнія разстоянія, чего нельзя было достигнуть одними повозками. Большія болотистыя низменности по р. Минчио и между рр. Эчъ и По и въ то время еще мало были осушены, хотя осушка эта была начата еще въ глубокой древности. Болотистыя пространства около Мантуи имѣли стокъ прямо въ По по каналу Авали, который доходилъ до Боргофорте. Къ С. В. и В. отъ р. По, замѣчательна болотистая долина р. Тартаро, длиною въ 24 и шириною въ 6 версты, извѣстная подъ названіемъ Valli grandi Veronesi.

Менѣе замѣчательныя болота находились во владѣніяхъ Феррары и Ровиго, простираясь до большихъ болотъ, тянущихся вдоль берега Адрии, при впаденіи Адига въ По. Между двумя рукавами р. По была также сеть каналовъ для осушки По и Эчъ соединялись судоходнымъ каналомъ БIANCO, который шелъ отъ Кастаньяро ниже Леняго, на Треченто, у р. Тартаро, и далѣе въ окрестности Полезелы, гдѣ происходитъ первое соединеніе съ р. По, а потомъ мимо Адрии въ Каванеллу. Весьма богаты были каналами Ломбардія, области: Венеціанская, Парма и Модена. Долина р. По въ то время была трудно доступна со стороны

Франціи, Швейцаріи и Тироля, вслѣдствіе плохаго устройства дорогъ. Главнѣйшими торговыми путями были морскіе изъ Марсея и Тулона въ Геную и Финале. Торговля также провела дороги черезъ Альпы и война послѣдовала за ней, но всетаки эти пути были весьма неудобны. Важнѣйшіе были слѣдующіе:

1. Изъ Тортоны въ Геную.

2. Отъ верховьевъ По и Стурѣ черезъ Мондови, Чеву и Савону или черезъ Гарсіо въ Альбенку; изъ Конн черезъ Col di Tende (одна изъ лучшихъ) въ Ниццу, или далѣе вверхъ по Стурѣ къ сѣверу отъ Colle della Maddalena въ долину р. Дюрансъ.

Изъ Турина черезъ Сузу, Mont Genèvse въ Бриансонъ и въ долину Дюрансы.

4. Изъ Турина черезъ Сузу и М. Сенисъ.

5. Изъ долины Роны черезъ Свиллонъ въ Арону на Лаго-Маджіоре.

6. Старинная дорога изъ Комо черезъ Лугано Беллинцону въ С. Готардъ; изъ долины Тичино въ долину Рейсы и въ Куръ.

7. Изъ Бергамо около Форте Фюзенте, черезъ Сплюгенъ въ Куръ.

8. Изъ Бергамо черезъ Шаццу въ Борміо и далѣе въ Боцень (плохая даже лѣтомъ).

9. Самая лучшая дорога вдоль Адига въ Верону изъ Триента,—эта важнѣйшая коммуникаціонная линія верхней Италіи съ Германіею.

10. Далѣе къ востоку еще идетъ плохая тропа изъ Триента въ долину Сугана и далѣе въ долину Brenty и къ Бассоно. Верхняя Италія сама очень была богата путями. Прекрасныя дороги, встрѣчаемыя теперь, и тогда въ общемъ были таковыми же. Главнѣйшія сообщенія были хороши во всякое время и во всякую погоду, но второстепенныя дороги были трудно проходимы въ дурную погоду, и часто при продолжительныхъ дождяхъ непроходимы, при этомъ нерѣдко вдоль дорогъ шли водяныя широкія канавы, не позволявшія сворачивать въ стороны. Три главныя дороги проходили по всему театру отъ востока къ западу.

1. Сѣверная: Верона-Миланъ—Туринъ.

2. Средняя: Леньяго—Мантуя—Павія.

3. Древняя Strada Emilia, на правомъ берегу По, отъ Балоньи на Модену — Парму — Пиаченцу — Страделлу — Тортоно — Александрию — Туринъ.

Къ нимъ примыкало и пересѣкало ихъ много другихъ хорошихъ дорогъ.

Большая часть мостовъ были пловучіе, но встрѣчались и каменные.

Города были почти все укрѣплены; верки ихъ были весьма разнообразны, отмѣчая собою различныя эпохи развитія инженернаго искусства; но были и укрѣпленія вполне соответствовавшія характеру вѣдѣнія войны той эпохи. Верона, не смотря на ея важное стратегическое положеніе и имѣвшіеся тамъ мосты черезъ Адигъ, какъ принадлежавшая нейтральной Венеціи, не играла важной роли въ эти войны и ею

не овладѣла ни одна сторона. Тѣснина «*Kiuza-veneta*» была не болѣе какъ каменнымъ домомъ, расположеннымъ между обрывами контрфорсовъ Альпъ и р. Эчъ, на лѣвомъ ея берегу. *Пескіера*, по обѣ стороны Минчіо, имѣла бастионное очертаніе съ водяными рвами; *Ровино*—бастионное очертаніе, заслуживающее вниманіе. *Мантуя* фланкировала всякое наступленіе отъ р. Адига къ р. Минчіо. Сама крѣпость расположена была на озерѣ и доступна только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ; къ сѣверу доступъ къ мостамъ прикрывала *Citadella*, къ востоку—укрѣпленный *Giorgio*, къ западу—горнверкъ. *Гаито* также былъ укрѣпленъ. *Борлофорте* имѣлъ хорошо приспособленныя къ оборонѣ строенія. *Кастильоне* имѣлъ значеніе, какъ особенно сильно укрѣпленный пунктъ, хотя его укрѣпленія состояли только изъ сильной стѣны и фланкировались башнями; редюитъ его былъ расположенъ на возвышенномъ пунктѣ. *Кремона* имѣла стѣны бастионнаго начертанія съ водяными рвами, съ рavelинами и прикрытымъ путемъ; редюитъ города, *Санта Броче*, былъ также построенъ въ старомъ стилѣ. Мостъ у *Кремоны* имѣлъ тетдепонъ. При восточномъ выходѣ *Страдельскаго* дефиле лежалъ укрѣпленный пунктъ *С. Джіовани* и *Пиаченца*. Кромѣ того имѣлось множество другихъ укрѣпленій.

Не смотря на богатство страны, правильное довольствіе войскъ встрѣчало затрудненія. Скота было совершенно достаточно, но хлѣбъ и овесъ можно было добывать только за большія деньги; хорошаго сѣна почти невозможно было достать на мѣстѣ и приходилось его доставлять изъ сосѣднихъ странъ или изъ Германіи и Франціи.

Относительно симпатій народонаселенія можно сказать, что въ общемъ народы Италіи, среди шума войны, оставались безучастными зрителями борьбы и жаждущими прибыли поставщиками.

Операціи находили препятствія въ особенностяхъ культурной обработки полей, т. е. въ такихъ тактическихъ элементахъ, съ которыми военныя воззрѣнія того времени не особенно эластично могли согласоваться.

Хотя подчасъ мѣстность и позволяла употребленіе кавалеріи, но это было только исключеніемъ. Закрытая, сильно пересѣченная мѣстность, со множествомъ дорогъ, канавъ, рововъ, малыхъ прочныхъ фермъ или отдѣльныхъ домовъ представляла все выгоды для малой войны, разыгрывать же сраженія по принятымъ принципамъ того времени не было возможности: тяжелая линейная тактика и понятія времени не позволяли даже немедленно и рѣшительно преслѣдовать послѣ побѣды. Поэтому кампанія того времени имѣютъ свои дни славы и побѣды, но мы не замѣчаемъ въ нихъ такихъ успѣховъ, которые были бы подготовлены соответственными комбинаціями и искуснымъ пользованіемъ какъ особенностями мѣстнаго элемента, такъ и боевыхъ свойствъ войскъ, и которые были бы довершены рѣшительнымъ преслѣдованіемъ.

Кампанія 1701 года.

Извѣстіе о завѣщаніи Карла II, не смотря на то, что оно давно ожидалось, застало императорскую армію въ полной неготовности.

Въ Вѣнѣ существовали двѣ равносильныя партіи мира и войны, но въ концѣ концовъ послѣдняя взяла верхъ и тогда уже стали думать о средствахъ для войны. Изданъ былъ законъ о налогахъ на имущество; причѣмъ каждый, обладавшій болѣе 1000 гульденовъ, долженъ былъ внести $\frac{1}{100}$ часть своего достоянія; но этихъ денегъ могло хватить только на предварительныя приготовленія и стратегическое сосредоточеніе арміи. Силы императора въ численномъ отношеніи значительно уступали французскимъ, а потому осторожный Людовикъ Баденскій и Капрара были противъ немедленной войны, но Евгенийъ и Комерси доказывали, что съ успѣхомъ явятся и союзники.

Идея войны была ясна—необходимо было овладѣть испанскими владѣніями и прежде всего Миланомъ, Неаполемъ и Испанскими Нидерландами. На Рейнѣ не желали дѣлать захватовъ, такъ какъ тамъ не было испанскихъ владѣній, но наступленіе французовъ нужно было предупредить и задержать. Операции въ Нидерландахъ, по отдаленности этихъ провинцій, были затруднительны для имперскихъ войскъ, а потому этотъ театръ былъ предоставленъ голландцамъ и англичанамъ. На Рейнѣ поднялись на помощь контингенты Германскаго союза, которымъ необходимо было придать нѣсколько имперскихъ войскъ. Только въ Италіи имперская армія должна была дѣйствовать, притомъ наступательно, одна безъ союзниковъ, вслѣдствіе чего главнокомандующимъ тамъ былъ назначенъ Евгенийъ Савойскій.

Мобилизація арміи встрѣчала весьма большія затрудненія, во 1-хъ, отъ недостатка денегъ, во 2-хъ, вслѣдствіе тяжело неподвижнаго механизма государственнаго управленія. Прежде всего рѣшено было довести составъ пѣхотныхъ полковъ, назначаемыхъ въ Италію, до 4-хъ баталіоновъ съ гренадерскою ротою; пѣхотный полкъ слѣдовательно долженъ былъ состоять изъ 16 мушкетерскихъ ротъ (рота 150 челов.) и 1 гренадерской роты (100 челов.) Такимъ образомъ, было мобилизовано 14 пѣх. полковъ; впоследствии были приведены на военную ногу еще два полка.

Въ кавалеріи вмѣсто полковъ изъ 10 ротъ въ 5 эскадронахъ слѣдовало сформировать по 12 ротъ въ 6 эскадроновъ, полкъ численностью въ 1000 челов. Первоначальное пополненіе лошадьми возложено было на полки: впоследствии-же это взялъ на себя поставщикъ еврей. Люди вербовались полками.

Матеріаль для полевой артиллеріи ожидался изъ Богеміи, Рааба и Вѣны, но мобилизація этого рода оружія двигалась весьма медленно, вслѣдствіе большаго недостатка денегъ; запаздывали покупкой лошадей, наймомъ людей и т. д.

Шанцеваго инструмента готоваго не было. 6 штукъ мѣдныхъ повторовъ начали также только готовить, равно какъ и 50 холщевыхъ повторовъ де Гютема. Набраны были минерная рота и полевое хлѣбопекарное отдѣленіе. Обозъ и формированіе транспортовъ возложено было по контракту на подрядчика. Для санитарной службы была придана походная $\frac{1}{2}$ аптека, на 2-хъ повозкахъ, съ полевымъ аптекаремъ и полевымъ медикомъ, которые заявили при самомъ сформированіи о крайней бѣдности этихъ средствъ.

Между тѣмъ французы успѣли уже занять нидерландскія крѣпости и овладѣть Италією. Можно было ожидать, что они скоро перенесутъ войну въ предѣлы земель Австрійскаго дома, и потому Евгенийъ торопильно высылкой хотя части войскъ, чтобы удержать непріятеля.

Нужно было также войти въ согласіе съ Тиродемъ о проходѣ арміи и учрежденіи 2-хъ магазиновъ въ Ровередо и Боценѣ, чего и удалось наконецъ достигнуть. Учреждены были еще магазины на берегу Истріи и Фріуля для доставки въ армію провіанта по Адриіи и По, но подобнаго рода подвозъ былъ малонадеженъ, вслѣдствіе двойственной политики Венеціи. Отъ нея также требовали прохода войскъ, и только послѣ долгихъ колебаній, съ обязательствомъ немедленной уплаты за все слѣдующее, достигли такого согласія. Послѣ долгихъ переговоровъ также было получено разрѣшеніе прохода войскъ черезъ Зальцбургъ и Баварію; но послѣдняя не допускала прохода артиллеріи, иначе какъ водою, и когда она, не смотря на это, двинулась сухимъ путемъ—грозила сломать все мосты на дорогѣ; только благодаря энергіи Евгения все эти затрудненія были мало по малу устранены. Когда же наконецъ назначенныя войска двинулись и прибыли въ Тироль, оказался полнѣйшій недостатокъ огнестрѣльныхъ припасовъ и только по усиленнымъ требованіямъ войска получили нѣсколько пороха изъ Инсбрукскаго склада и съ этими припасами выиграли первое сраженіе. Вообще недостатокъ не только запасовъ, но и денегъ ощущался въ такой степени, что даже Евгенийъ не былъ увѣренъ, можетъ-ли онъ рассчитывать получить аккуратно его личное жалованье. Для увеличенія боевыхъ средствъ были наняты за миліонъ талеровъ и назначены въ Италію 6000 датскихъ войскъ.

Сила Италіанской арміи:

а) Готовые къ выступленію	
25 батал. пѣхоты.	7 полковъ 15700
18 эскадроновъ	3 полка кирасиръ. 3000
18 »	3 полка драгунъ 3000
Артиллерія	26 полковыхъ орудій.
Сила полковъ: пѣхотнаго 2500, кавалерійскаго 1000.	

б) Для усиленія Италіанской арміи.

19 баталіоновъ.	8 полковъ 11600 ч.
	14*

36 эскадроновъ	6 кир. полковъ	6000 ч.
6 "	1 драг. полкъ	1000 ч.
2 гусарскихъ эск. Дека		400 ч.

32 полковыхъ орудія, 12—24 фунтовыхъ, 4 мортиры, 6 скорозарядныхъ орудій. Эти послѣднія части прибывали въ теченіи кампаніи, такъ что съ началомъ войны армія имѣла 32100 челов. и увеличилась въ теченіи кампаніи до 48600 челов. При этомъ нужно замѣтить, что нѣкоторые полки были въ составѣ 16 мушкетерскихъ и 1 гренадерской роты, другіе въ меньшемъ. Вслѣдствіе пересѣченнаго театра войны Евгенийъ желалъ имѣть меньшія тактическія единицы въ кавалеріи и потому изъ каждаго полка выдѣлилъ лучшихъ людей и соединилъ по полкамъ въ особые эскадроны, подъ названіемъ «трусъ», назначавшіеся большею частью для авангардной и сторожевой службы.

Франція сдѣлала громадные приготовленія къ войнѣ, не испытывая тѣхъ затрудненій какъ Австрія, такъ что уже въ январѣ войска могли начать движенія. Прежде всего было приказано сформировать 100 новыхъ одобатальонныхъ полковъ, всего 58,500 чел. и мобилизовать 57 милиціонныхъ баталіоновъ всего 33300; кавалеріи 14 полковъ кирасиръ и 6 полковъ драгунъ — 16000. Помощію этихъ новыхъ формированій армія французовъ могла быть доведена до 250,000 чел.

Опредѣлена была поголовная подать съ 1 января 1701 года на все время предстоящей войны на всѣхъ французовъ, за исключеніемъ духовенства, отъ котораго былъ полученъ подарокъ въ 1700000 руб.

Въ испанскихъ владѣніяхъ также дѣлались большія приготовленія, какъ въ самой Испаніи, такъ и въ провинціяхъ: въ Нидерландахъ, Миланѣ и Неаполѣ; всего было приказано выставить еще 24 баталіона по 600 челов., что съ существовавшими давало 15,900 ч. пѣхоты и 5000 кавалеріи, 1000 драгунъ; въ Италиі изъ этого числа находилось 6300 пѣх. и 3100 кавалеріи.

Баварскій курфюрстъ въ Нидерландахъ сформировалъ армію въ 15 тыс. чел.; отъ Савойи ожидалось 10 тыс. ч., такъ что всего у французовъ должно было быть 315 тыс. человекъ.

Что касается выбора главнокомандующихъ, то старшій, Буфлеръ, былъ назначенъ въ Нидерланды, такъ какъ тамъ ожидалось рѣшеніе войны.

На Рейвъ, гдѣ рассчитывали, благодаря Баваріи и Кельну, на легкую побѣду, былъ назначенъ любимецъ Виллеруа. Въ Италию сначала предназначался Тессе, но когда пришло извѣстіе, что императорскою арміею будетъ командовать Евгенийъ, то туда былъ назначенъ Катина.

Первоначально, въ Италию, подъ начальствомъ Тессе, были посланы 40 батал. и 56 эскадроновъ, впоследствии прибавили еще 25 батал., 20 эскадроновъ всего 65 бат. и 76 эскадр.—около 43 тыс.

Войска, назначенныя для вступленія въ Италию, должны были со-

средоточиться въ Дофинѣ, Провансѣ и Франшъ—Контѣ и двигаться черезъ Швейцарію и Пьемонтъ по назначенію; но чтобы не стѣсняться въ началѣ операций разными договорами, приказано было собрать въ Тулонѣ и Марселѣ транспортный флотъ и, не ожидая сосредоточенія всей арміи, перевезти для подкрѣпленія испанскихъ войскъ въ Италиі 9900 чел. пѣхоты и 450 коней (14 пѣх. бат. и 2 пол. кавалеріи).

Тессе еще въ декабрѣ 1700 года поѣхалъ въ Миланъ и Туринъ, чтобы все приготовить къ вступленію войскъ и уговорить герцога Савойскаго присоединиться къ союзу. Кромѣ того онъ обрелогносцировалъ укрѣпленные пункты границы и дороги черезъ горные перевалы, которыми могли воспользоваться имперцы для вступленія въ Италию. Изъ осмотра ихъ онъ пришелъ къ слѣдующему убѣжденію:

1) Дорога изъ Триента къ Ровередо и Веронѣ самая удобная для движенія и самая опасная для обороны Италиі.

2) Изъ сѣвернаго Тироля путь вверхъ по Инну и Энгадину въ Чивенту и въ Миланъ велъ черезъ Граубинденъ и былъ запертъ замкомъ Фуэнте.

3) Изъ Триента во владѣнія Бергамо и Бресчии — затруднительный для прохода и потому невѣроятный путь наступленія.

4) Путь черезъ Фриуль велъ во владѣнія Венеціи и при пользованіи имъ нарушался ея нейтралитетъ.

7-го и 8-го января первыя французскія войска начали посадку въ Антибѣ и Монако, а вскорѣ за ними послѣдовали остальные. Войска высаживались въ Финале, а затѣмъ далѣе двигались черезъ Александрію въ Миланскія владѣнія, куда прибыли 3-го января. Вторая колонна войскъ, назначенныхъ для дѣйствія въ Италию, должна была первоначально двинуться черезъ Швейцарію и Пьемонтъ, какъ только получитъ разрѣшеніе этихъ государствъ; но вскорѣ пѣхота была направлена въ Тулонъ и двинулась по пути первой колонны. Изъ кавалеріи 48 эскадроновъ направлены были къ границѣ Пьемонта и авангардъ ихъ около 12 февраля подошелъ къ границѣ, остальные прибыли туда только въ мартѣ. Вмѣстѣ съ этими войсками двинулись и лошади для артиллеріи, а орудія въ числѣ 30 должны были быть получены изъ испанскихъ арсеналовъ въ Миланѣ. До этихъ поръ герцогъ Савойскій не соглашался на проходъ французскихъ войскъ и самъ поставилъ на военную ногу только 16 бат. и 1500 кав., но вскорѣ Тессе угрозою заставилъ его согласиться на все. Въ это время получено было извѣстіе о назначеніи Катина главнокомандующимъ, подчиненнымъ герцогу Савойскому.

Между тѣмъ войска двигались впередъ и въ мартѣ заняли Медоле, Сольферино, Вольту, Куртатоне и др. Относительно австрійцевъ имѣлись свѣдѣнія, что 2000 чел. находятся въ южномъ Тиролѣ и что движеніе ихъ въ Италию неизбежно, причемъ дорогой изъ Граубиндена они, по ея труднопроходимости, не воспользуются; затѣмъ у нихъ

остаются еще 2 дороги: по долине Адига и через Фриуль. Если имперцы пойдут на Фриуль, то венецианцы должны взяться за оружие и соединиться с французами или войти в соглашение и союз с имперцами и тогда французы могли также не обращать внимания на венецианские города Верону и Пескьеру или, овладев ими и упираясь на Мантую на Адиге, преградить путь к Милану. Если бы при этом неприятель перешел По, для движения к Неаполю, то не трудно было бы и здесь ему воспрепятствовать, перейдя через По у Гуасталлы. Но самый вероятный путь для наступления—вдоль Адига, и его то необходимо было запретить, а потому французские генералы полагали сосредоточить армию на Минчио, заняв большинством пехоты позицию между Гардским озером и Адигем, на высоте Кизузы, и несколькими постами местность впереди до Инканале. 7 апреля прибыл Катина вполне согласился с мнением своих генералов относительно позиции у Кизузы. Он получил приказание держаться строго оборонительных действий.

В первых числах мая около 25 бат. испанцев и французов, сосредоточились около Гонто, а 6-го мая было занято Инканале; главная квартира расположилась в Риволи. Пескьера тоже была занята и укреплена. Катина в полной уверенности, что наступление противника произойдет по правому берегу Адига, привел свое расположение у Инканале, Монте-Бальдо и Риволи в сильно оборонительное состояние, заняв также и укрепив Феррару. 45 эскадронов были сосредоточены к С. В. от Кремоны на правом берегу Олио. Дорога из Триента к Лаго д'Идра казалась на столько мало вероятной, как путь наступления имперцев, что была занята только 1 батальоном.

Занятая позиция у Риволи действительно была весьма сильной и выгодной в стратегическом отношении. Впоследствии и Наполеон считал ее самым выгодным пунктом для преграждения доступов из Тироля в Италию.

Получив известие, что имперская армия собирается и начнет скоро наступление, Катина приказал всем войскам сосредоточиться у Гонто и выдвинул еще 3 батальона в Феррару. План Катина состоял в следующем: удерживая позицию у Риволи, двинуть войска во все горные проходы к западу до оз. Комо. Сила соединенной испанско-французской армии в это время доходила всего до 40 т. (8,800 кавалерии).

Отправляя Евгения в Италию, гофкригерат дал ему следующую инструкцию: войти в Италию по какойнибудь дороге и двинуться между По и Альпами к Милану. Помощь, ежели нужно, будет выслана от армии. Всем областям, расположенным к империи, приказано было оказывать покровительство, а к неприязненно настроенным—относиться строго, особенно в этом смысле иметь в виду владения герц. Мантуанского; в общем рекомендовалась строгая дисциплина, чтобы

приобрести симпатии жителей. Местом сбора армии назначен был Ровередо.

Принц Евгений прибыл к армии 20 мая. План для дальнейших действий уже созрел у него, требовалось только дополнить его рекогносцировками. Как расположение французов в общем, так и данное Катина приказание не переходит Адига в уважение венецианского нейтралитета—было известно Евгению.

Наступление на фронт французской армии было безразумно и даже в случае успеха не обещало важных результатов; оставалось еще 2 пути: 1-ый—через Гардское озеро,—хотя более удобный, но ставил все в зависимость от исхода сражения; при неудаче его армия оказалась бы в самом критическом положении и без пути отступления и резервов; 2-й по восточному берегу Адига, через Тридентские альпы—более затруднительный, но более верный. Первою дорогою он не пренебрегал и воспользовался ею как увидим для демонстрации.

Приступлено было к рекогносцировке дорог к Виченце. Еще глубокий снег лежал на высотах и ни одна повозка не проходила по тем тропам, по которым Евгений хотел направить свою армию. Для демонстрации направлялись дороги к Торболе у Гардского озера; перед фронтом производились постоянные рекогносцировки; в Риволи и Торболе готовились лодки и суда. Вследствие всего этого Катина ожидал атаки если не против его левого крыла, то во всяком случае с фронта и усилил еще свои укрепления. Между тем рекогносцировки к востоку от Адига выяснили следующее: немного южнее Ровередо впадает в Адигу горный поток—Лена, состоящий из 2 потоков, соединяющихся недалеко от Ровередо: один, более северный, по долине Тераньеле, течет на запад, другой более южный—по долине Val Arsa. Крутые, голые обрывы составляют берега этих речек и только ближе к верховьям горы становятся более пологими и является растительность. Дороги, идущие здесь,—не более как тропы; поднимаясь круто до 5000 футов, они затем спускаются в долины притоков Адига. Спуск также крутой и обрывистый, но здесь уже дуют теплые ветры и растительность более разнообразная и богатая. Далее об эти дороги соединяются. Более близкой была дорога параллельная Адиге по Val Fredda, и в это время она настолько была заброшена, что на нее французы не обратили внимания, не смотря на то, что она проходила недалеко от их расположения, по левому берегу Адига. Эта дорога представляла тоже весьма труднопроходимую тропу и, круто спускаясь, доходила до Човани и Бреоню. 26 мая Евгений решил обойти через эти горы расположение французов у Кизузы. О неприятеле имелись сведения, что он укрепляет все сильнее свою позицию Монте-Бальдо и протянул ее от Адига до Гардского озера, сосредоточив здесь почти всю свою армию. Были посланы рабочие из солдат и крестьян, в числе 3 т. чело-

вѣкъ, въ горные проходы, чтобы сдѣлать дороги болѣе удобными, расширить ихъ, устроить мосты, сдѣлать подъемы и спуски болѣе удобными. За недостаткомъ минеровъ, работа двигалась весьма медленно и мало было надежды окончить ее къ тому дню, когда Евгений хотѣлъ начать наступленіе. Французы ничего не знали объ этихъ грандіозныхъ работахъ. Были также заготовлены выюки для перевозки продовольствія. Вся пѣхота придвинута ближе къ границѣ и собиралась у Ала. Въ это время получено было извѣстіе, что французы двинули еще 3000 челов. для усиленія своего лѣваго крыла—слѣдовательно опасались за высадку со стороны озера. Чтобы занять непріятели съ фронта, оставленъ былъ Гуттенштейнъ съ нѣсколькими баталіонами и ополченія со сѣднихъ тирольскихъ областей. По данному *ordre de bataille*, пѣхота должна была слѣдовать въ 2-хъ колоннахъ: одна черезъ Val Fredda, а другая отъ Пери прямо въ горы; 20 разобранныхъ полковыхъ орудій приказано тащить на веревкахъ; кавалерія направлена на Val Тераньеле.

Рано утромъ выступилъ Пальфи съ 3 кав. полками (3 т. кав.) и 6 орудіями, имѣя цѣлью движенія Леняго. Преданія говорятъ, что онъ двинулся черезъ Val Arsa; вся же остальная кавалерія направилась по дорогѣ, указанной въ диспозиціи. Пальфи долженъ былъ собрать значительное количество судовъ, чтобы устроить мостъ на Адигѣ, гдѣ указать обстоятельства.

У Гуттенштейна оставались 4 баталіона разныхъ полковъ и 10 драгунъ, что признавалось вполнѣ достаточнымъ, такъ какъ трудно было ожидать, чтобы французы, оставивъ свои сильныя позиціи, двинулись бы впередъ, имѣя на флангѣ всю армію Евгения.

Евгений прибылъ 28-го мая въ Бреоніо, куда успѣли подойти также обѣ колонны, направленные черезъ Val Fredda и Пери, т. е. всего 8,200 челов.; передвиженіе орудій встрѣтило большія затрудненія, такъ что только къ 30-му мая вся артиллерія собралась въ Бреоніо. Задержанный высокой водой у Адига, Евгений продолжаетъ дальнѣйшее наступленіе только 4 іюня. Катина, узнавъ 28 мая о движеніяхъ имперцевъ, приказалъ всей своей пѣхотѣ изъ Гонто двинуться къ Адигу, а кавалеріи поспѣшить сосредоточиться у Виллафранки. Всѣ суда и лодки приказано собрать на правый берегъ Адига. Вообще у Катина начинаетъ замѣчаться большая робость въ распоряженіяхъ и уже высказываются опасенія, которыя онъ выразилъ въ письмѣ Людовику: «нужно ожидать, что сдѣлаетъ непріятель». Онъ началъ уже думать, что Евгений двинется, удерживая его у Адига, черезъ Виченну и Венеціанскія владѣнія, къ р. По и далѣе въ Неаполь. Въ то же время онъ также опасался вступленія арміи имперцевъ черезъ горные проходы въ Миланъ и требовалъ присылки войскъ, чтобы образовать двѣ арміи: одну для защиты р. По и нижняго Адига, другую противъ горныхъ проходовъ. Людовикъ послалъ ему еще 11 баталіоновъ и собралъ резервъ въ Франшъ-Контѣ изъ 9 бат. и 20 эскадроновъ.

Распредѣленіе имперцевъ къ 6 іюня: Гуттенштейнъ противъ Монте-Бальдо—5 бат. 100 драгунъ; главныя силы Евгения у Мартино, 16½ тысячъ и 20 орудій; около Леняго-Пальфи съ 2500 кав. Въ движеніи на присоединеніе къ арміи—6 бат. и 5 кав. полковъ и 1 бат. въ Ровередо для прикрытія обозовъ и парковъ, всего 3700 пѣх. и 5000 кав. Главныя части (3 бат.) этихъ войскъ ожидалось въ Ала къ 8 іюня и были переданы въ распоряженіе Гуттенштейна, у котораго къ этому числу собралось 4800 чел. У французовъ произошли между тѣмъ къ 6-му іюня слѣдующія перемѣны: у Риволи остались 8700 чел., у Феррары 1 батал., у Буссоленто 2300 чел., близъ Вероны главныя силы (у Ca-di-David) Катина—18 тыс., у Оппеано (примѣрно противъ Альбаредо) Тессе: съ 10 тыс.; наконецъ въ Мантуѣ 4 тыс.; войска герцога Савойскаго двигались на присоединеніе. Катина желалъ этимъ распредѣленіемъ достигъ быстрого сосредоточенія своихъ войскъ и сопровождать Евгения при его движеніи вдоль Адига, но въ то же время онъ опасался за Риволи и ожидалъ, что имперцы, наступая оттуда, могутъ поставить его въ затруднительное положеніе—отсюда разброска его войскъ. Такимъ образомъ вмѣсто того, чтобы занять центральную позицію (если уже Катина не рѣшался перейти Адигъ), откуда и предпринять наступленіе въ благоприятную минуту противъ переправляющагося противника, французскій полководецъ растягивается по Адигу кордономъ, желая все защищать.

Между тѣмъ Евгений перешелъ съ авангардомъ въ Арколе и затѣмъ приказалъ готовить мостъ черезъ Адигъ ниже Леняго у Кастельбальдо на весьма выгодномъ мѣстѣ, имѣя рѣку Тартаро и каналъ Біанко естественными тет-де-понами.

Хотя Катина считалъ себя слабѣе Евгения, но все-таки опасался вывести войска изъ Риволи; когда же онъ узналъ о переправѣ черезъ Адигъ, то послалъ 3 бат. въ Остилю и Pont del Molino, чтобы прикрыть съ этой стороны Мантуанскія владѣнія. Узнавъ о переправѣ части имперцевъ у Кастельбальдо, Катина, оставивъ въ Ca-di-David отрядъ Водемона, выступилъ въ Оппеано и 17 іюня, соединившись съ Тессе (силою всего въ 30 тыс.), двинулся въ St. Pietro di Legnago. 18 іюня высланъ былъ въ Карни С. Фремонъ съ сильнымъ отрядомъ, а ночью занять нѣсколькими ротами Кастаньяро, для воспрепятствованія постройкѣ непріателемъ мостовъ.

Французы устроили мостъ у Буссоленто и переправили на лѣвый берегъ Адига небольшой отрядъ, который впрочемъ былъ остановленъ въ его дальнѣйшемъ движеніи. Вскорѣ и мостъ черезъ Біанко у Канда былъ тоже готовъ и всѣ находившіеся южнѣ Вероны имперскія войска получили приказаніе двинуться къ Кастельгуглиельмо. Вобонъ же съ 1000 всадниками былъ посланъ для демонстраціи къ р. По, съ приказаніемъ переправиться у Понтелатоскуре и, если представится возможность, сдѣлать набѣгъ. Катина еще 28-го узналъ о переправѣ войскъ

черезъ каналъ и на созванномъ военномъ совѣтѣ рѣшено оставаться на занимаемыхъ мѣстахъ, пока намѣренія имперцевъ болѣе выяснятся. Катина, получивъ извѣстіе о появленіи отряда Вобона, еще болѣе растянулся вправо и отправилъ черезъ Остицію кавалерійскій отрядъ, а 1 баталіонъ послалъ въ Мирандолу на соединеніе съ бывшимъ уже тамъ отрядомъ (4 бат.). Узнавъ, что Евгенийъ сталъ будто бы лагеремъ у Фиккороло (на р. По) и что собираются суда для устройства переправы, Катина все болѣе высказывалъ опасенія относительно перехода черезъ По всей арміи; въ то же время и французы начали постройку моста у Остиліи куда долженъ былъ отправиться Тессе съ 6 бат. изъ Пьетро ди-Леньяго.

Все до сихъ поръ предпринятое Евгениемъ могло только подтвердить для Катина мысль, что приготовленія имперцевъ дѣлаются для переправы черезъ р. По, и онъ наконецъ согласился снять отрядъ у Риволи. Такое обнаженіе Альпійскихъ проходовъ имѣло лишь временный характеръ и изъ ожидаемыхъ подкрѣпленій должна была быть сформирована новая армія для обороны этихъ путей. Вмѣстѣ съ тѣмъ Катина приказалъ Праконталю (съ 8 бат. и 300 кав.) перейти въ Остицію на правый берегъ По и двигаться къ Стеллатѣ (при впаденіи Панаро въ По). Самъ главнокомандующій отправился туда же, чтобы ускорить постройку моста.

8-го Іюля вечеромъ отданъ былъ по имперской арміи приказъ для ночнаго движенія; только старшіе генералы знали о его цѣли. Между 2—3 часами ночи колонны прибыли къ переправамъ (при впаденіи Тартаро въ Біанко); французы ничего объ этомъ не знали. Ночь была темная и дождливая. Въ 2—3 часа началась переправа; правая колонна прошла безъ затрудненія, но лѣвая, раздѣленная на двѣ части, попала въ очень пересѣченную мѣстность и опоздала на столько, что обѣ колонны уже не шли на одной высотѣ, какъ было предположено.

Голова первой колонны у Кастаньяро наткнулась на небольшой французскій отрядъ и опрокинула его; передъ Карни преслѣдованіе было остановлено, такъ какъ опасались, что къ французамъ успѣли уже прибыть подкрѣпленія и Евгенийъ желалъ прежде всего привести войска въ порядокъ. Дѣйствительно Тессе, услышавъ перестрѣлку у Карни, лично поспѣшилъ туда, приказавъ дежурнымъ частямъ слѣдовать за нимъ; по дорогѣ онъ узналъ о ходѣ боя и приказалъ всеѣмъ войскамъ передвинуться къ Бартоломеа. Въ распоряженіи Фремона, когда онъ былъ отброшенъ къ Карни, оставались только 5 кав. полковъ, изъ которыхъ два полка драгунъ, вслѣдствіе пересѣченной мѣстности находилась въ пѣшемъ строю. Находившійся на лѣвомъ крылѣ имперцевъ кирасирскій полкъ Нейбурга быстро подвинулся впередъ, но былъ взятъ во флангъ французскимъ драгунскимъ полкомъ д'Альберти и рѣшительно опрокинутъ; поддержанный затѣмъ кирасирами Вобона и частью пѣхоты, онъ наконецъ отразилъ эту атаку.

Храбрыя, но немногочисленныя войска Тессе стали отступать изъ Карни, прикрываясь драгунами. Такимъ образомъ блестящая стратегическая комбинація Евгения была завершена прорывомъ у Карни французскаго расположенія. Французы съ самаго начала кампаніи были сильнѣе имперцевъ; они владѣли всеѣми проходами въ Италиіи и такимъ сильнымъ депо какъ крѣпость Мантуя. Базируясь на Минчио и По, они обладали полной свободой движеній; ихъ продовольствіе было вполне обезпечено, благодаря расположенію къ нимъ венеціанскаго правительства и вліянію папы. Если этотъ прорывъ не повлекъ за собою еще болѣе рѣшительнаго пораженія слабыхъ французскихъ отрядовъ, то это объясняется только храбростью войскъ, безъ чего, по словамъ самого Катина, «трудно сказать чѣмъ-бы все кончилось», подкрѣпленій и денегъ посылалось довольно—однимъ словомъ все было дано, чтобы выиграть кампанію. Евгенийъ, напротивъ, кромѣ своей собственной сильной воли и въ половину слабѣйшей арміи, ничего не имѣлъ: при такихъ условіяхъ другой полководецъ началъ бы оборонительную войну въ горахъ Тироля, опираясь на этотъ преданный народъ. Евгенийъ отлично понималъ, что только въ одной инициативѣ лежитъ все его могущество. Мы видимъ съ его стороны постоянныя дѣйствія, движеніе впередъ; со стороны же французовъ полная пассивность (обусловливаемая отчасти данными свыше приказаніями), угрозы безъ серьезнаго желанія дать сраженіе. Самую строгую оцѣнку своимъ дѣйствіямъ даетъ самъ Катина въ письмѣ 11 іюля: «мы принуждены ожидать, что предприметъ непріятель». Стремленія Евгения во всю кампанію клонились къ тому, чтобы разъединить силы непріятели, и такимъ образомъ въ рѣшительныя минуты имѣть превосходныя силы на рѣшительномъ пунктѣ. Демонстраціи у Гардскаго озера удержали главныя силы у Монте-Бальдо, пока принцу не удалось достигъ Адижа. Благодаря этому смѣлому движенію черезъ горы, Евгению удалось овладѣть весьма важной, глубоко вдающейся въ театръ войны линіею. Педантическая критика порицала Евгения за то, что онъ не обезпечилъ при этомъ движеніи свои сообщенія, но счастливое право военнаго генія заключается именно въ томъ, что онъ рискуетъ и что его рискъ влечетъ за собою успѣхъ съ магическою силою.

Катина, убѣдившись, что Евгенийъ не думаетъ о переходѣ черезъ По, дѣлаетъ все распоряженія къ скорѣйшему сосредоточенію войскъ. Къ 10 числу у Ногары собралось всего до 19 т. Притянувъ къ себѣ еще часть войскъ, онъ 12 іюля, выступивъ изъ Ногары черезъ Тартаро и ломя за собою все мосты, направился на Валеджію. Ожидая столкновенія, Евгенийъ двинулся 10 іюля въ двухъ колоннахъ на Пьетро ди Леньяго, но не нашелъ непріятели. Притянувъ съ праваго берега р. По Вобона, Евгенийъ 11-го іюля далъ своимъ войскамъ дневку, поджидая артиллерию и обозъ. Рекогносцировки этого дня указали на присутствіе непріятели у Ногары. Евгению прежде всего надлежало опять открыть свои непосредственныя сообщенія съ Тиролемъ. Движеніе его вдоль

Адижа было необходимо, чтобы скорѣе возстановить сообщенія и соединиться съ Гуттенштейномъ, потому что Катина, ставъ на ихъ пути соединенія, могъ принудить Евгенія къ сраженію въ невыгодномъ положеніи или заставить отойти обратно черезъ Адигъ. У Катина можно было считать въ это время около 38,000 чел. Евгений же въ день сраженія могъ бы при самыхъ благоприятныхъ условіяхъ собрать только 29000 чел. Изъ Ногары еще Катина могъ перерѣзать путь Евгенію и кажется у него была эта мысль, но послѣдній не пошелъ на Мантую, какъ этого ожидали французы, и рѣшилъ двинуться на Оппеано. Инициатива для Катина снова была потеряна.

Гуттенштейну, занявшему Клузу по отступленіи французовъ, приказано было слѣдовать къ Буссоленго, передвинуть туда же на плоткахъ и баркахъ запасъ хлѣба и овса изъ Ала и устроить тамъ мостъ черезъ Адигъ. 15 іюля ожидали сраженія, потому что кавалерія Гуттенштейна въ этотъ день появилась у Виллафранки. Сначала Катина хотѣлъ занять этотъ пунктъ, но потомъ, думая, что Евгений предупредитъ его тамъ, рѣшилъ выжидать его приближенія. 15 іюля Евгений, узнавъ о распоряженіяхъ французовъ, остановился лагеремъ у Виллафранки. Ночью присоединился къ нему Гуттенштейнъ, оставивъ одинъ баталіонъ у Буссоленгскаго моста. Евгений сосредоточилъ всего 33 тыс. и 70 орудій. Всю ночь на 16-е іюля французская армія стояла подъ ружьемъ и только 16 подъ вечеръ отошла въ трехъ колоннахъ въ Мармироло, гдѣ остановилась, имѣя лѣвый флангъ у Минчіо. Катина полагалъ такимъ расположеніемъ прикрыть Мантую и препятствовать переходу Евгенія черезъ Минчіо; но въ послѣднемъ отношеніи онъ ошибся; чтобы препятствовать переходу черезъ Минчіо было одно только средство — дать сраженіе Евгенію у Виллафранки. Уже 17-го іюля началъ Евгений рекогносцировать р. Минчіо, и изъ этихъ рекогносцировокъ выяснилось расположеніе непріятеля, находившагося большею частью у Гонто. На собранномъ военномъ совѣтѣ Евгений предполагалъ двинуться къ р. Минчіо, имѣя въ виду, что база его въ Тиролю, слѣдовательно онъ, при малочисленности войскъ, не можетъ далеко уйти; это мнѣніе было принято всѣми, тѣмъ болѣе что рѣшеніе кампаніи заключалось въ занятіи Милана.

Наступленіе было назначено на 22 іюля, но неустройство продовольственной части заставило Евгенія выждать движеніемъ. Катина приказалъ устроить три моста недалеко отъ расположенія своей арміи и взорвалъ каменный мостъ у Валеджіо. Лѣвое его крыло протянулось до Пескьеры. Часть его силъ (11500) расположились у Борретто, а главные силы у Мармироло и Гонто. Вся армія къ 25 іюля состояла изъ 46 тыс. (въ томъ числѣ 10 тыс. кав.). Какъ кажется Катина думалъ расположеніемъ у Мармироло и занятіемъ праваго берега нѣсколькими отрядами заставить Евгенія искать переправы не ниже Пескьеры; при

этомъ, въ случаѣ наступленія Евгенія, атаковать его на переправѣ. 25 іюля прибылъ герцогъ Савойскій.

26 іюля войскамъ Евгенія выданъ былъ провіантъ, патроны и диспозиція для движенія къ Минчіо. Лѣвое крыло направилось на Виллафранку, С. Лучію и Саліонце двумя колоннами. Пунктъ переправы, Ала-Кіара, лежалъ выше Саліонце. Пальфи имѣлъ приказаніе съ 12 труппъ (1200 чел.) прикрыть движеніе слѣва и произвести наступленіе къ непріятельскому лагерю, чтобы его встревожить. Съ солнечнымъ восходомъ прибыли къ Минчіо авангарды, около 6—7 часовъ утра—главныя силы, а къ 12 часамъ дня окончена постройка мостовъ и къ ночи все войска были переправлены, не встрѣтивъ сопротивленія со стороны непріятеля, не смотря на то, что весь переходъ совершился на ихъ глазахъ. Для прикрытія моста оставлено было нѣсколько артиллеріи и пѣхоты; остальные войска были отведены въ лагерь между Понти и Пескьерою, гдѣ расположились въ боевомъ порядкѣ. Узнавъ о переправѣ, Катина созвалъ военный совѣтъ, на которомъ рѣшено: не препятствовать совершенно переправѣ. Только 30 іюля французы двинулись въ Вольту. Даже расположенные у Валеджіо 11 тме. челов. получили приказаніе не атаковать противника.

Найти оправданіе бездѣйствію французовъ трудно. Главную причину нужно искать въ двойственности командованія арміею, при томъ, какъ говорятъ, Катина хотѣлъ втянуть Евгенія въ окрестности Бресчии, чтобы быть увѣреннымъ, что онъ не замышляетъ ничего противъ Неаполя. Во всякомъ случаѣ дѣйствія Катина совершенно не отвѣчали обстановкѣ. Въмѣсто того, чтобы, пользуясь превосходствомъ своихъ войскъ, атаковать Евгенія и отбросить его за Адигъ, онъ спокойно остается на позиціи и позволяетъ противнику совершить фланговый маршъ, который выводитъ его изъ затруднительнаго положенія, дозволяетъ возстановить сообщенія и угрожать французской арміи обходомъ ея лѣваго фланга. Недовольный Людовикъ XIV писалъ своему маршалу: «Вы потеряли случай разбить непріятеля до прибытія въ Дезенцано; его армія проходила въ двухъ миляхъ отъ вашей, постоянно выставляя свой флангъ. Я ожидалъ каждую минуту извѣстія о сраженіи, которое не могло не быть удачнымъ, еслибы вы захотѣли употребить въ дѣло какъ слѣдуетъ войска.... я приказываю вамъ сражаться.»

Евгений, не понимая бездѣйствія французовъ, все 29-е іюля оставался въ лагерѣ въ полной готовности къ бою.

Наконецъ онъ рѣшился двинуться въ направленіи къ Кастельгофредо, черезъ Вольту, Гавріану и Сольферино, когда получено было извѣстіе о движеніи французской арміи 30 іюля къ Вольтѣ.

Былъ созванъ военный совѣтъ, на которомъ предложенъ вопросъ: поспѣшить ли къ рѣкѣ Оліо, или къ Бресчии черезъ Кастильоне, куда шли на встрѣчу французы; рѣшено двинуться впередъ къ Милану. Евгений вполне воспользовался выгодами своего положенія и рѣшился по-

стоянно обходить лѣвый флангъ французской арміи, и такимъ образомъ одними маневрами заставить ее безъ боя оставлять послѣдовательно оборонительныя линіи по Минчю, Кіезѣ и пр. Здѣсь видны его глубокіе стратегическіе расчеты, знаніе театра дѣйствій и умѣнье имъ пользоваться. Рѣки сѣверной Италіи, впадающія въ По, все текутъ въ юго-восточномъ направленіи, образуя такимъ образомъ острые углы съ теченіемъ рѣки По, направляющейся къ востоку. Занимая верховья этихъ рѣкъ, Евгенийъ заставлялъ противника, располагавшагося на среднемъ и нижнемъ теченіи, опасаться потери сообщеній съ Миланомъ и Туринномъ и возможности быть отброшеннымъ въ *cul de sac*, образуемый болотистою долиною По и рѣкъ въ нее впадающихъ. Черезъ 100 лѣтъ, нашъ великій полководецъ Суворовъ, дѣйствуя на томъ-же театрѣ войны, имѣлъ подобный же операціонный планъ, основанный на вѣрномъ знаніи театра войны. Имперцы съ утра 31-го іюля выступили въ 2 колоннахъ на Дезенцано; Вобонъ остался для прикрытія обоза съ полкомъ пѣхоты и 2 кав. полками, которые, медленно двигаясь, какъ будто вызывали французовъ на наступленіе, такъ какъ этотъ фланговый маршъ совершался на ихъ глазахъ; но Катина того-же 31-го іюля двинулся тоже на западъ и, не смотря на ночной маршъ, утромъ 1 августа дошелъ только до Сольферино. Евгенийъ того-же числа двинулся на Лонато, также двумя колоннами, и сталъ лагеремъ около Каминело. При этомъ движеніи онъ выигрывалъ новую коммуникаціонную линію на Тироль по долинѣ Кіезы и занималъ такое положеніе, что Катина долженъ былъ опасаться за Олію. Катина же, выславъ въ Мантую подкрѣпленія (такъ что тамъ находились теперь 6.500 чел.), перешелъ въ Медоле, а затѣмъ въ Аквафреда, занявъ Кастильоне небольшимъ отрядомъ. Это движеніе на Аквафреда объясняется тѣмъ, что Катина, вследствие недостатка продовольствія, рѣшилъ переправиться черезъ Кіезу у Азолы и черезъ Олію у Каннето и потомъ, двигаясь вверхъ по рѣкѣ, опять войти въ соприкосновеніе съ Евгениемъ. Между тѣмъ какъ Катина думалъ объ отступленіи, имперская кавалерія начала его тѣснить; 4 августа небольшой отрядъ подошелъ къ Кастильоне и началъ его бомбардировать—городъ сдался. Кастильгофредо тоже немедленно открылъ свои ворота кавалеріи. Такое движеніе къ югу опять смутило Катина, который, опасаясь за Мантую, приказалъ арміи остановиться. Послѣдняя въ этотъ день начала было переправу черезъ Олію и заняла, по его мнѣнію, фланговую позицію на р. Кіезѣ (между Каннето и Акванегра) относительно мнимаго пути наступленія Евгения къ Мантуѣ и р. По (но въ сущности подставляла свой обнаженный лѣвый флангъ австрійцамъ).

Евгений во все это время оставался на мѣстѣ, задерживаемый затрудненіями по продовольствію; затѣмъ, узнавъ объ остановкѣ французовъ и ихъ возвращеніи къ р. Кіезѣ, послалъ туда отрядъ для рекогносцировки, а часть кавалеріи къ Кіари и Палаццоло, чтобы поднять

возстаніе въ Миланскихъ владѣніяхъ. 7-го августа Катина перешелъ Олію и остановился въ Кастильфранко.

Между тѣмъ Карлъ Водемонъ собралъ все подошедшія подкрѣпленія и войска бывшія въ его распоряженіи въ Миланскихъ владѣніяхъ, у Вапрію, на р. Аддѣ, чтобы по возможности задержать имперцевъ въ случаѣ наступленія ихъ къ Милану.

Евгений, узнавъ о дѣйствительномъ отступленіи французовъ черезъ Олію, рѣшилъ передвинуться въ Вигицолло, гдѣ остановился на 10 августа; этимъ движеніемъ онъ совершенно ввелъ въ заблужденіе Катина, который и оставался все 9-е число безъ нужды въ Кастильфранко. Онъ послалъ только войскамъ у Вапрію приказаніе слѣдовать къ нему на соединеніе. До этого его намѣреніе заключалось въ томъ, чтобы сосредоточить все войска, двинуться вверхъ по р. Олію къ Сонцино, перейти тамъ Олію и далѣе Кіезу и двинуться опять къ Медоле. Этотъ планъ, ни на чемъ не основанный, былъ слѣдствіемъ плохой развѣдки французской кавалеріи, а жители, которые не были расположены къ французамъ, также не доставили свѣдѣній. Катина еще не зналъ о движеніи Пальфи къ Палаццоло и о томъ что Евгенийъ самъ уже перешелъ Кіезу,—по имѣвшимся у французовъ свѣдѣніямъ, Евгенийъ находился у Лонато. 10-го августа Катина двинулся и достигъ на слѣдующій день Скандоляры, т. е. сдѣлалъ въ два дня 24 версты, что очень мало, если онъ желалъ перейти черезъ Олію раньше приближенія Евгения. Тамъ онъ узналъ о движеніи Евгения и Пальфи. Это заставило его отказаться отъ принятаго наступательнаго плана и онъ ограничился желаніемъ сосредоточить армію у Сонцино, куда и прибылъ 15 августа, расположившись тамъ лагеремъ у Романенго. У союзниковъ въ это время было: у Романенго болѣе 38,000 чел., у Вапрію около 12000 чел., всего 50 тыс.; по крѣпостямъ разбросано 22,000 чел. У Евгения почти все войска въ лагерѣ у Вигицоло—32,000 ч., и одинъ только баталіонъ находился въ Кастильоне, а 1000 кав. у Палаццоло.

Евгений, узнавъ о движеніи Катина вверхъ по р. Олію, рѣшился сблизиться съ нимъ и двинулся къ Ураго на Олію. Имперская кавалерія стала переходить большими отрядами черезъ Олію, причѣмъ у нея ежедневно происходили стычки съ французской конницей. Планъ Евгения состоялъ въ томъ, чтобы устроить на р. Олію промежуточный базисъ, заложить магазинъ въ Палаццоло и затѣмъ, согласно разъ принятому рѣшенію, двинуться впередъ черезъ р. Адду. Катина между тѣмъ притянулъ Тессе изъ Вапрію, но ослабилъ себя на рѣшительномъ пунктѣ высылкой въ помощь герцогу Мантуанскому 2 кав. полковъ. 22-го августа прибылъ на смѣну Катина новый главнокомандующій, любимецъ Людовика, Вильруа.

Оцѣнку дѣятельности Катина далъ самъ Людовикъ XIV въ письмѣ къ нему: «Вы все боитесь отдалиться отъ продовольственныхъ вашихъ запасовъ. Имперцы дѣйствуютъ въ странѣ имъ неизвѣстной; однако ни-

что их не останавливаетъ. Вы же имѣете вблизи города и главные рѣки; вся страна за васъ. Я вамъ уже говорилъ, что вы имѣете дѣло съ противникомъ молодымъ, предприимчивымъ. Онъ дѣйствуетъ противъ правилъ войны; вы хотите имъ слѣдовать, а между тѣмъ позволяете ему дѣлать то, что онъ хочетъ». (Дювивье).

Вильруа собралъ военный совѣтъ, на которомъ было рѣшено ночью съ 28 на 29-е августа перейти въ наступленіе; причемъ имѣлось въ виду переправиться черезъ Оліо у Пуленго, чтобы двинуться впередъ въ направленіи къ лѣвому крылу имперцевъ. Въ своемъ донесеніи къ королю, онъ полагалъ успѣхъ болѣе чѣмъ вѣроятнымъ, считая въ своей арміи всего 38000 чел. и, кромѣ того, въ Мантуѣ, Пичигетонѣ и др. около 8 т. При арміи находились 44 орудія и мостовыя принадлежности; войска были обеспечены продовольствіемъ на 8 дней; дороги исправлялись, какъ для движенія впередъ, такъ и на случай наступленія. Праконталь съ 4 бат. и 10 эскадр. направленъ въ Понтоліо, чтобы угрожать правому флангу имперцевъ. 28-го августа двинулись войска въ 4 колоннахъ къ Оліо, а на слѣдующій день перешли рѣку. 30 августа, узнавъ что Евгений отступаетъ по направленію къ Бресчии, французы продвинулись въ С. В. направленіи, желая преградить ему путь; но получивъ извѣстіе, что Евгений отступаетъ на Ровато, Вильруа протянулъ свое правое крыло до Бергани на каналѣ Тренцано и приказалъ устроить черезъ него мостъ. Вильруа имѣлъ намѣреніе выдвигеніемъ своего праваго крыла отрѣзать Евгения отъ Бресчии и отбросить его въ горы. Евгений обо всѣхъ приготовленіяхъ къ движенію французовъ имѣлъ самыя точныя свѣдѣнія и приказалъ Вобону скорѣе присоединиться къ нему.

Сраженіе у Кіари 1-го сентября. Евгений не могъ со своею малочисленною арміею воспрепятствовать переходу французскихъ войскъ черезъ Оліо, тѣмъ болѣе, что рѣка въ этомъ мѣстѣ проходима въ бродъ во многихъ мѣстахъ; но когда онъ узналъ о переходѣ у Пуленго, то перемѣнилъ фронтъ и изъ расположенія фронтомъ къ рѣкѣ, откинувъ назадъ свой лѣвый флангъ, перешелъ на новую позицію, фронтомъ на югъ, т. е. къ неприятелю. Пальфи приказано было присоединиться съ 4000 кав. По прибытіи онъ былъ усиленъ еще кавалерійскимъ полкомъ и 12 «трупъ», и поставленъ подъ угломъ къ общему расположенію— фронтомъ на востокъ, по направленію къ Кіари и далѣе. Кіари (хотя венеціанскій городъ, но признанъ былъ открытымъ) былъ занятъ пѣхотнымъ полкомъ Гуттенштейна и 2 гренадерскими ротами. Двумъ пѣхотнымъ полкамъ, двигавшимся изъ Тироля на подкрѣпленіе, было сообщено объ общемъ положеніи дѣлъ и Евгений приказалъ имъ двинуться вдоль горъ къ Паллацоло и оттуда уже искать съ нимъ соединенія—онъ предвидѣлъ уже желаніе французовъ атаковать его съ востока.

Лѣвое крыло имперцевъ, между тѣмъ, все болѣе оттягивалось назадъ и составило уступной къ востоку фронтъ, упираясь на лѣво въ гор. Кіари; правое крыло еще оставалось въ положеніи фронтомъ къ югу.

Передъ лѣвымъ флангомъ шла ирригаціонная канава, которую приказано было протянуть до Тренцано и сзади ея набросать брустверъ высотой до 6; кромѣ того на этомъ фронтѣ нѣсколько домовъ и церкви приведены были въ оборонительное состояніе и заняты пѣхотою. Въ эту линію введено было около 30 орудій. Городъ Кіари также былъ приведенъ въ оборонительное состояніе и занятъ 2 бат. Гуттенштейна съ артиллеріей. 31 августа и правое крыло передвинулось къ этому фронту и пѣхота стала въ 2 линіи. Нѣсколько кавалерійскихъ полковъ расположились въ третьей линіи. Остальные кавалерійскіе полки стояли сзади р. Тренцано, фронтомъ на югъ. Французы въ этотъ день расположились лагеремъ между Рудіано и Кастрецато. Изъ диспозиціи,

отданной Вильруа для движенія, видно, что вся армія подвигалась впередъ въ боевомъ порядкѣ къ р. Тренцано, черезъ которую должны были быть построены 5 мостовъ; перейдя черезъ рѣку, первая линія должна была остановиться и выждать переправы артиллеріи со 2-й линіей. Въ 10 часовъ утра явился Вильруа передъ фронтомъ имперцевъ для рекогносцировки. Онъ былъ въ полной увѣренности, что передъ нимъ не вся армія Евгения, а только часть ея, оставленная тамъ для прикрытія отступленія, а что Евгений самъ съ большей частью своихъ войскъ отступалъ уже къ Бресчии, и его никакъ въ этомъ не могли разувѣрить, указывая на длинный фронтъ, занятый имперскою арміею. Между тѣмъ французы, пройдя Тренцано, продвигались все далѣе къ сѣверу, такъ что, наконецъ, Кіари приходился противъ ихъ лѣваго

фланга. Вильруа такимъ образомъ совершилъ полный фланговый маршъ передъ фронтомъ имперцевъ. Лѣвое крыло состояло изъ ирландскихъ и французскихъ баталіоновъ въ первой линіи и изъ французскихъ во второй линіи; въ составъ его входило 6 бригадъ (29 бат.)

Имперцы стояли неподвижно, укрытые брустверами. Вильруа остался вѣренъ разъ принятому рѣшенію и хотѣлъ овладѣть Кіари. Ключемъ позиціи Евгенія былъ укрѣпленный гор. Кіари. Къ сѣверу отъ города лежалъ замокъ удобный для обороны; къ сѣверо-востоку и югу расположены каменные дома и мызы, изъ которыхъ значительнѣйшіе, а также церковь, были приведены въ оборонительное положеніе и укрѣплены. Вся окрестность города носила характеръ сильно обработанной страны, поля усѣяны шелковичными деревьями и изрѣзаны ирригаціонными каналами. Болѣе слабое и короткое лѣвое крыло протянулось до Серриюлы-векіа, образуя уступъ налѣво назадъ, и стояло по Vedra di Chiari, у Бернардинскаго монастыря, фронтомъ на сѣверъ. Въ 2½ часа дня французы начали наступленіе, причемъ двѣ бригады атаковали лежавшіе впереди города укрѣпленія и дома; за этими бригадами слѣдовали уступомъ назадъ за лѣвымъ флангомъ еще двѣ, атакуя укрѣпленія къ югу отъ города. Лѣвымъ крыломъ атакующихъ командовалъ герцогъ Савойскій, правымъ — Вильруа. Послѣ упорной обороны имперцы были выброшены изъ передовыхъ позицій. Тогда полковникъ Даунъ съ однимъ баталіономъ Гуттенштейна и 3 ротами бросился впередъ на встрѣчу французамъ. Эта контръ-атака послѣдовала противъ крайняго праваго фланга французовъ и произведена была съ сѣвернаго конца города. Другая контръ атака, противъ лѣваго фланга передняго уступа, произведена была войсками, занимавшими южную окрестность города.

Тогда Вильруа приказалъ двинуться впередъ еще двумъ бригадамъ и пѣмонтской гвардіи. Тессе произвелъ съ 9 эскадронами отчаянную, но бесполезную атаку на занятые опять имперцами дома; онъ былъ опрокинутъ и участь боя на этомъ участкѣ была рѣшена: имперцы все болѣе и болѣе выигрывали пространство, выбивая французовъ изъ занятыхъ ими домовъ штыками. Между тѣмъ двѣ французскія пѣхотныя бригады атаковали 6 баталіоновъ, стоявшихъ къ югу отъ Кіари. Французовъ подпустили на близкій выстрѣлъ и встрѣтили ихъ такимъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ, что они въ безпорядкѣ отступили. Бой продолжался всего 2 часа, причемъ со стороны французовъ участвовали только 19 бат. Вильруа, не преслѣдуемый австрійцами, отступилъ, увидѣвъ, что вся армія Евгенія на полѣ сраженія и убѣдившись въ силѣ непріятельской позиціи. Потери австрійцевъ убитыми и ранеными простирались до 120 челов.; французы потеряли около 2000 челов. Разсматривая описанный бой, мы видимъ, что Евгенийъ притягиваетъ на поле сраженія все войско, бывшія въ его распоряженіи, подготавливаетъ поле сраженія въ инженерномъ отношеніи, при этомъ весьма замѣчательно

занятіе имъ передовыхъ укрѣпленныхъ пунктовъ и переходъ частями въ наступленіе. Французы имѣютъ только $\frac{1}{3}$ всѣхъ войскъ, атакуютъ только 19 бат., т. е. $\frac{1}{3}$ наличныхъ войскъ и тѣ вводятся въ бой по частямъ.

Къ 6 сентября французы расположились на линіи Ураго-Кастре-цато, имѣя передъ фронтомъ двѣ глубокия канавы. На правомъ берегу Оліо было занято Кальціо и нѣсколько замковъ и селеній. Черезъ Оліо построены мосты и исправлены броды для кавалеріи. Такъ какъ подобнымъ расположеніемъ не прикрывались Миланскія владѣнія, то рѣшено было выставить на Аддѣ отдѣльный отрядъ (20 эск. и 4 бат.). Евгенийъ имѣлъ самыя точныя свѣдѣнія о передвиженіи непріятельской арміи, но не рѣшился атаковать ее на маршѣ. Дни проходили и ни одна изъ армій не произвела рѣшительнаго движенія. Евгенийъ, будучи слабѣе войсками, не желалъ оставить свои укрѣпленныя позиціи. Вильруа ожидалъ случая вызвать Евгенія въ поле. Имперцы продолжали свои набѣги на фланги и тылъ французовъ. 15 октября Вильруа и герцогъ Савойскій произвели рекогносцировку имперцевъ, результаты которой убѣдили ихъ въ невозможности атаки позицій, занятыхъ Евгениемъ. О намѣреніяхъ Евгенія они не имѣли никакихъ свѣдѣній. Послѣдній, имѣя вдвое слабѣйшую армію, не могъ выйти изъ своего укрѣпленнаго лагеря, а близость непріятельской арміи лишала его возможности обратиться къ тѣмъ смѣлымъ рѣшеніямъ, которыя побѣдоносно провели его черезъ Альпы, Адижъ, Минчіо, Кіезу къ Оліо. До сихъ поръ вопросъ о продовольствіи не особенно его беспокоилъ; положеніе имперцевъ еще было довольно благопріятно, ихъ моральное превосходство надъ непріателемъ было еще сильно, не доставало только необходимыхъ подкрѣпленій. Вильруа съ своей стороны рассчитывалъ выждать отступленія и тогда напасть на имперцевъ. Его продовольствіе было хорошо обезпечено. Герцогъ Савойскій настаивалъ на необходимости перейти обратно черезъ Оліо, чтобы надежнѣе прикрывать Миланъ, но Вильруа не соглашался; онъ съ каждымъ днемъ становился нетерпѣливѣе, не зная чѣмъ бы заставить Евгенія начать движеніе.

Наступили холода и дожди. У имперцевъ строились землянки и продолжались мелкіе набѣги. Между тѣмъ вопросъ объ обезпеченіи продовольствіемъ имперской арміи становился болѣе и болѣе настоятельнымъ. Окрестности лагеря были ис тощены. Приходилось посылать фуражировочныя отряды за 25—30 верстъ отъ лагеря. Но Евгенийъ поддерживалъ себя мыслию, что положеніе французовъ не легче. Хотя набѣги и продолжались, но они, вслѣдствіе бурной погоды, плохого состоянія дорогъ и утомленія кавалеріи, становились все рѣже. Часть артиллерійскихъ запасовъ Евгенийъ послалъ въ Кастильоне, но артиллерію оставилъ пока при себѣ. Вильруа, вслѣдствіе затрудненія въ продовольствіи и чтобы стать на прямомъ пути между имперскою арміею и Миланомъ, наконецъ рѣшилъ покинуть лагерь и занять квартиры между Оліо и Серіо (притокъ Адды). Приго-

товления къ оставленію лагеря дѣлались такъ тайно, что Евгенийъ ничего не могъ узнать и только въ ночь съ 12 на 13 (послѣ 70 дней стоянки) съ аванпостовъ пришло извѣстіе о шумѣ въ непріятельскомъ лагерѣ, и утромъ 13 ноября увидѣли, что вся французская армія перешла черезъ Олію и находится въ полномъ отступленіи. Немедленно же были посланы войска для преслѣдованія, но было поздно. Въ 4 часа утра аррьергардъ французовъ перешелъ рѣку въ 3-хъ колоннахъ. Французы отступили къ Ю. З. отъ Санцино.

Евгенийъ началъ также дѣлать немедленныя приготовленія къ занятію зимнихъ квартиръ. Для того-же, чтобы не вполнѣ бездѣйствовать во время этой стоянки онъ рѣшилъ двинуться внизъ по р. Олію, стать между Мантуею и французскою арміею и вполнѣ окружить эту крѣпость. Стремясь внизъ по Олію, Евгенийъ снялъ нѣсколько французскихъ постовъ, подошелъ къ По, захватилъ Боргофорте, Остилію и Понтемолино, чтобы имѣть сообщеніе съ лѣвымъ берегомъ рѣки, гдѣ захвачено было Гуастало и въ особенности Мирандола, богатая запасами. Овладевъ такимъ образомъ всею Мантуанскою областью, за исключеніемъ Мантуи и Гонто, Евгенийъ безопасно расположился на зимнихъ квартирахъ, прикрываясь Минчіо и По и имѣя передовые посты на Олію. Французы стали на зимнихъ квартирахъ за Олію, имѣя главную квартиру въ Кремонѣ.

Разсматривая дѣйствія обѣихъ сторонъ послѣ боя у Карпи, можно замѣтить, что энергическое рѣшеніе французскаго главнокомандующаго еще разъ могло поставить Евгения въ весьма опасное положеніе и въ лучшемъ случаѣ заставить его обратно перейти черезъ Адигъ. Еслибы Катина, удерживая за собою переходъ черезъ Минчіо и оставляя на Монте-Бальдо лишь столько войскъ сколько нужно было для удержанія Гуттенштейна, остальные-же сосредоточилъ на высотахъ у Кустоцы и устроилъ бы у Буссоленго мостъ, по которому онъ могъ бы произвести во всякое время нападеніе на путь отступленія Евгения,—то на этотъ маневръ у него, двигаясь черезъ Изоло-делла-Скала и Виллафранку, имѣлись сутки, а принимая во вниманіе неустройство продовольственной части у Евгения—2 дня (40 верстъ). Въ этомъ случаѣ Евгенийъ долженъ былъ-бы его атаковать при неблагоприятныхъ обстоятельствахъ или перейти обратно черезъ Адигъ.

Быстрое движеніе Евгения на Повельяно ясно показываетъ, что онъ сознавалъ эту опасность, но надѣялся настичь французскую армію раньше и принудить ее дать ему сраженіе у Виллафранки, т. е. при выгодныхъ для него мѣстныхъ условіяхъ (равнина удобная для превосходной имперской кавалеріи). Катина же принялъ самое злосчастное стратегическое рѣшеніе, заявъ угрожающее фланговое положеніе у Гонто. Движеніемъ на Повеліано, Евгенийъ открылъ свои сообщенія съ Тиродемъ; французы очищаютъ Монте-Бальдо и Евгенийъ соединяется съ Гуттенштейномъ, имѣя вполнѣ свободныя сообщенія съ базою. При движеніи къ Минчіо, опять занятое французами, угрожающее фланговое положеніе

имѣло слѣдствіемъ то, что переходъ черезъ эту рѣку удался Евгению безъ боя и потерь. Евгенийъ двигается далѣе вдоль подошвы Альпъ, чтобы имѣть постоянный путь отступленія, обеспеченное сообщеніе съ Германіей и обходить своего противника. Кромѣ того, движеніе впередъ по испанскимъ владѣніямъ доставляло ему обеспеченное продовольствіе, которое онъ не могъ имѣть въ венеціанскихъ владѣніяхъ, вслѣдствіе недостатка денегъ. Побѣдою при Киари Евгенийъ достигъ апогея этого похода. Съ момента, когда Евгенийъ, вслѣдствіе слабости своей арміи, долженъ былъ отказаться отъ инициативы и довольствоваться удержаніемъ пріобрѣтеннаго (потому что онъ не могъ рѣшиться принять сраженіе въ полѣ), успѣхъ безповоротно долженъ былъ бы перейти на сторону французовъ. Если они не сумѣли извлечь выгоды изъ своего положенія, то это должно объяснить тѣмъ влияніемъ, которое на нихъ имѣлъ лично Евгенийъ и принятый тогда обычай становиться на зимнія квартиры. Держаться имперцамъ на верхнемъ Олію не было возможности по продовольственнымъ соображеніямъ; движеніе-же впередъ было невозможно, пока французамъ открыта была дорога на Минчіо, такъ какъ сообщенія Евгения съ Тиродемъ были бы тогда въ опасности и кромѣ того въ Вѣнѣ все еще мечтали о движеніи въ Неаполь, а потому имперскій полководецъ долженъ былъ открыть себѣ дорогу къ р. По. Это движеніе къ По обезпечивалось теченіемъ р. Олію, и вотъ принцъ занимаетъ все пункты вдоль этой рѣки, все мосты и кромѣ того становится между Мантуею и главною французскою арміею.

Овладевъ Сералию (треугольникъ между Минчіо, Мантуей, Боргофорте и По), и отдѣливъ отрядъ Траутмансдорфа къ с. отъ Мантуи, онъ вполнѣ окружалъ эту крѣпость, такъ что можно было рассчитывать еще въ теченіе зимы овладѣть ею. Еслибы Мантуя пала, а движеніе на Неаполь не понадобилось, то изъ этого положенія ничего не мѣшало Евгению весною перейти къ верхнему Олію, продолжать движеніе къ Милану и Пармѣ и овладѣть всею верхнею Италіею.

Кампанія 1702 года.

Союзъ императора съ морскими державами (Нидерландами и Англіею) состоялся наконецъ 7-го сентября 1701 года. Государства начали группироваться и хотя война формально еще не была объявлена, къ концу 1701 года, но на италіанскомъ театрѣ она была въ полномъ разгарѣ. Кампанія 1702 года началась объявленіемъ войны со стороны союзниковъ 15 мая. Въ Италію были посланы войска въ общемъ численно превосходившія армію Евгения. Въ самой Германіи курфюрстъ Кельнскій, открылъ свои крѣпости французамъ и его братъ, курфюрстъ Баварскій готовилъ войска, чтобы присоединиться къ французамъ.

16 марта 1702 года умеръ англійскій король Вильгельмъ—душа

коалиціи, но вскорѣ королева Анна объявила, что она останется на сторонѣ коалиціи. Со стороны императора все было сдѣлано, чтобы привлечь на свою сторону курфюрста Баварскаго, но напрасно; онъ оставался вѣрнымъ союзникомъ Франціи. Не такъ удачно дѣйствовали французскіе посланники на ландтагахъ: франконскій, швабскій, верхнерейнскій и куръ—рейнскій округа, соединившись въ Нордлингенѣ на общемъ конгрессѣ, обѣщали свою помощь императору. Для начальствованія надъ арміею въ Германіи, куда входили такимъ образомъ значительные контингенты германскихъ владѣній, былъ назначенъ римскій король Иосифъ, ему въ помощь Людовикъ Баденскій. Здѣсь слѣдовало защищать границу Германіи, т. е. германскіе интересы, между тѣмъ какъ въ Италіи главнѣйшимъ образомъ защищались габсбургскіе интересы. Германская армія была расположена у Ландау, обстрѣливая эту крѣпость, баварцы двинулись къ Ульму и овладѣли имъ. Въ Англіи происходила борьба между тори и вигами, но Франція, признавъ Иакова III королемъ Англіи, возбудила страсти противъ себя, и 17 января парламентъ ассигновалъ 7 милліоновъ ф. стерлинговъ на войну. Начались приготовленія: 106 кораблей, 57 т. сухопутныхъ войскъ и 40 т. матросовъ были наняты въ Англіи и Даніи. Въ Голландіи смерть Вильгельма едва было не разстроила всѣ надежды на союзъ, но въ концѣ концовъ Генеральныя штаты 8 мая 1702 года объявили войну. Въ Италіи только Неаполь остался вѣрнымъ императору. Но во Франціи не было уже той увѣренности въ успѣхъ какъ годъ назадъ, потому что почти вся долина р. По была въ рукахъ имперцевъ; ощущался также недостатокъ въ деньгахъ и для добычи ихъ приходилось обращаться къ самымъ разнообразнымъ источникамъ, какъ, напримѣръ, возведенію около 200 чел. въ дворянское достоинство. 1702 годъ вполне раскрылъ военно-политическое положеніе сторонъ въ борьбѣ за испанское наслѣдство. На сторонѣ императора стояли открыто и съ военною помощію Англія, Нидерланды, Франконская, Швабская, Вестфальская, Оберъ и Куръ—Рейнскія области римской имперіи и курфюрствъ Пфальцскій; давали свои войска въ наемъ: Пруссія, Саксонія Данія и многія другія, мелкія княжества; *пассивно* передались на сторону императора въ Италіи: герцоги Гуастальскій, Моденскій и герцогиня Мирандольская. На сторонѣ Франціи были: Испанія со своими владѣніями въ Италіи и въ Нидерландахъ, герцогъ Савойскій, курфюрствъ Баварскій и Кельвскій, герцоги Мантуанскій, Пармскій и Кастильонскій; поддерживали *нейтралитетъ*, болѣе склонный къ сторонѣ Франціи,—напа и Венеціанская республика; Швейцарія отдавала войска въ наемъ обѣимъ сторонамъ; только одни турки, прежніе постоянные союзники Франціи, отдыхали. На сѣверѣ Европы также происходила борьба между Россіей, Польшей и Швеціей.

Для веденія войны, по исчисленіямъ гофкаммеръ, необходимо было до 20¹/₂ мил. гульденовъ; между тѣмъ прямыя налоги давали только

12 мил. и то невѣрныхъ; остальное нужно было добыть чрезвычайными мѣрами, преимущественно увеличеніемъ податей на 5⁰/₀; но вообще всѣ доходы поступали въ казначейство очень туго или вовсе туда не поступали, поэтому заключенъ былъ заемъ у еврея Оппенгеймера въ 7 мил. (за 12⁰/₀), которые онъ долженъ былъ выдать въ теченіи 10 мѣсяцевъ. Въ мартѣ Австрія имѣла въ Италіи 48 б. и 60 эск., при 74 орудіяхъ всего 49000 ч. Въ обозѣ считалось 600 лошадей и 1512 воловъ; имѣлись также понтонные парки, инженерное отдѣленіе, полевой госпиталь и аптеки; магазины находились въ Боценѣ, Ровередо, Мезолѣ (при впадении По) и Ценгѣ (у кроатскаго берега). Принцъ Евгений и Людовикъ Баденскій жаловались на недостатокъ вооруженія, огнестрѣльныхъ припасовъ, денегъ и провіанта, а также на то, что не были присланы обѣщанныя подкрѣпленія; требовали укомплектованія людьми и лошадьми. Послѣ долгихъ переговоровъ удалось наконецъ Евгению добыть отъ гофкрихсрата согласіе на отсылку въ Италію 9200 рекрутъ, но они начали прибывать только позднимъ лѣтомъ и осенью. Относительно лошадей для обоза и кавалеріи были заключены контракты съ Оппенгеймеромъ. На него же возложена была поставка по контрактамъ провіанта.

Во Франціи вновь организованы 100 баталіоновъ. Сословія и цехи должны были выставить ихъ и одѣть. Для кавалеріи оказался недостатокъ лошадей, оттого и не было въ кавалеріи новыхъ формированій. Начальствовали надъ арміями въ Италіи—Вильруа, въ Нидерландахъ внукъ короля—герцогъ Бурбонскій и маршалъ Буфлеръ, на Рейнѣ—Катина. Для дѣйствій въ полѣ были назначены значительныя силы, возросшія въ концѣ года до 355 бат. и 340 эск. или 217,600 пѣхоты и 40,800 кавалеріи. Испанцы, пользуясь субсидіями французовъ, выставили 32¹/₂ т. чел., а Пьемонтъ 4¹/₂ т. чел. Изъ числа этихъ войскъ находились въ Италіи французовъ 49000 пѣхъ и 13000 конницы, испанцевъ и пьемонтцевъ болѣе 13000, а всего около 76000 (кавалеріи 15700 чел.).

Имперскія войска въ началѣ 1702 года *) были расположены по квартирамъ въ районѣ къ западу до р. Оліо, отъ Остіано до устья этой рѣки, долѣе по р. Кростоло къ югу до линіи Новеллара—Мирандола; къ востоку до р. Тіоне (впадающей въ Тартаро) и къ сѣверу—до линіи Валеджіо—Кастиліоне. Сообщеніе черезъ р. По производилось по мосту у Боргофорте. Главная квартира въ С. Бенедетто.

Главная квартира французовъ находилась въ Кремонѣ, а все расположено западнѣе Оліо (только въ Мантуѣ находился Тессе съ 6200 чел.).

Всего, какъ выше сказано, было на италіанскомъ театрѣ у союзниковъ 76,000; у Евгения едва 49,000.

Начало 1702 года особенно было бѣдственно для имперцевъ въ продовольственномъ отношеніи. Вслѣдствіе недостатка въ деньгахъ, магазины были не полны и не могли быть наполнены. Изъ Фріуля также не

*) См. карту похода 1702 г.

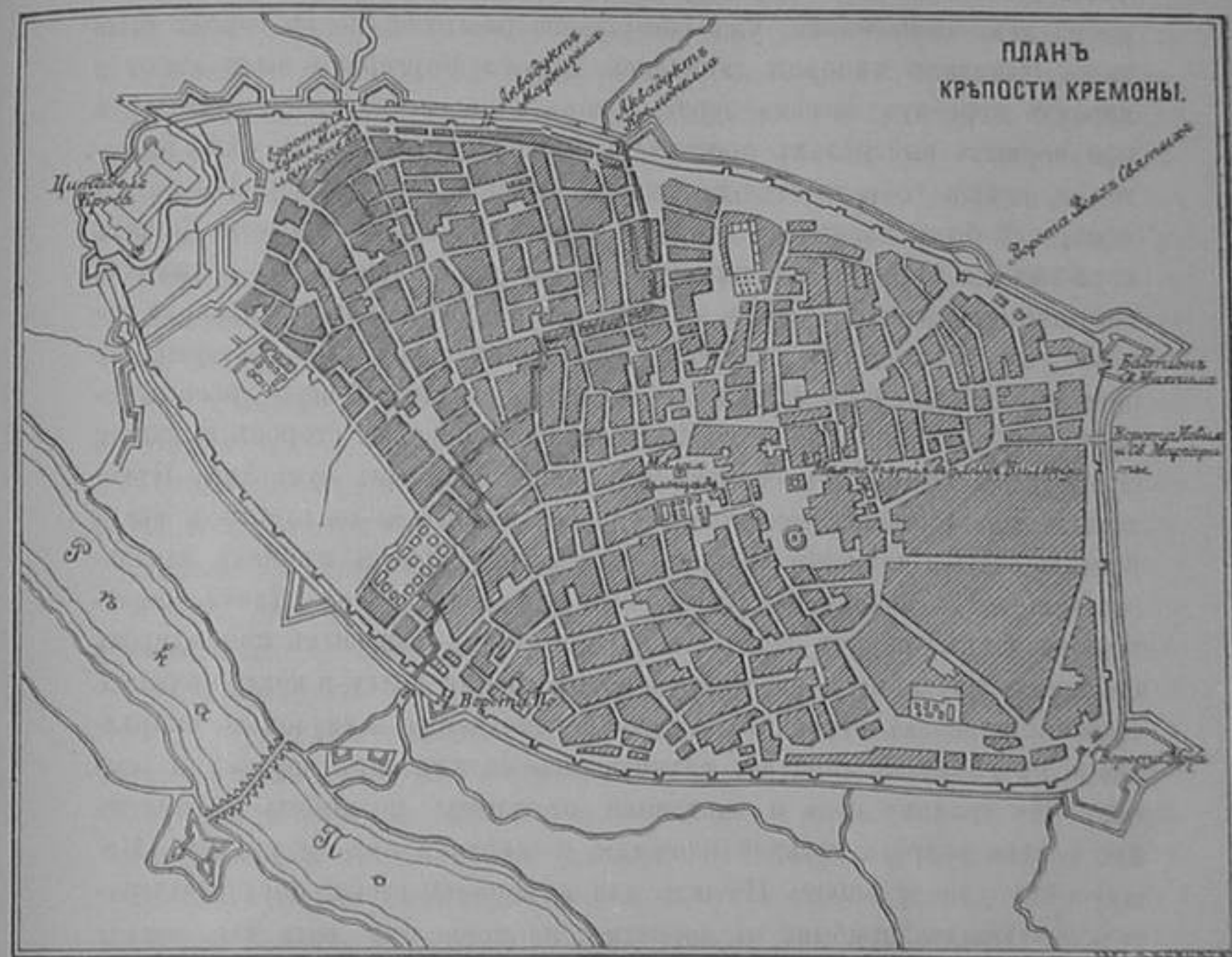
могли быть привезены запасы, потому что ниже По и Адриатическое море находились во власти французских каперов; поэтому первую заботу Евгения было расширение квартирного района для улучшения продовольствия армии; он вошел также в сношения с Пармой и Моденою, требуя от последней зимних квартир, продовольствия и передачи крѣп. Бресцелло (опорный пункт на правом берегу р. По). Герцог соглашался, но опасался мести французам, а потому пришлось исполнить демонстративную угрозу. 5 января отряд Евгения прибыл къ воротам крѣп. Бресцелло и, послѣ непродолжительных переговоров, пункт этот сдался и был занят небольшим гарнизоном. Занятием Бресцелло приобрѣталось для продовольствия пространства между Энцеею и Кростоло и кромѣ того можно было оттуда вліять на Парму и противодействовать французскому отряду на правом берегу По у Колорно.

Общее положеніе дѣлъ казалось для Вильруа вполне удовлетворительным и хотя он опасался за Неаполь, но надѣялся искать рѣшенія войны исключительно въ долине По.

Въ концѣ января онъ полагалъ начать новую операцію. Разсчитывая, что его подкрѣпленія придутъ ранѣе чѣмъ ожидаемыя Евгениемъ, Вильруа хотѣлъ заставить Евгения снять блокаду Мантуи, затѣмъ онъ полагалъ усилиться отрядомъ Тессе и заставить принца оставить По и перейти обратно Минчю. Между тѣмъ Евгенийъ вздумалъ еще до прибытія подкрѣпленій къ французамъ нанести противнику ударъ. Еще въ концѣ прошедшаго года удалось Коммерси войти въ тайное соглашеніе съ священникомъ въ Кремонѣ (Antonio Cosoli). При посредствѣ его Евгенийъ узналъ о существованіи сухого подземнаго хода изъ крѣпостнаго рва въ погребъ дома Козоли. Хотя и французы объ этомъ знали, но не наблюдали входа. Евгенийъ вознамѣрился этимъ путемъ ввести незамѣтно въ Кремону войска. 30-го января Водемону приказано было двинуться по правому берегу По къ Кремонѣ, съ отрядомъ изъ 2 т. пѣх. и 2400 ч. кавалеріи, а Крихбауму послать изъ Боргофорте въ Кампитело 300 чел. и гренадерскую роту; въ тоже время Штарембергъ долженъ былъ съ 2½ тыс. пѣхоты и 1 тыс. коней слѣдовать на Остіано; 30 января войска двинулись по назначенію. При отрядѣ Штаремберга находился самъ Евгенийъ. Изъ Остіано войскамъ приказано было выступить спустя часъ послѣ заката солнца (до Кремоны 20 килом.), а Водемону поручено напасть на предмостное укрѣпленіе и взять мостъ у Кремоны. Штарембергъ долженъ былъ съ помощью Козоли вторгнуться въ городъ и подать руку Водемону. Остіано выбранъ былъ исходнымъ пунктомъ сѣвернаго отряда, потому что войска отряда Креки (10 т.) находились южнѣе направленія Остіано—Кремона и можно было надѣяться совершить ночной переходъ незамѣтно. О цѣли движенія никто въ отрядѣ не зналъ; французамъ было извѣстно, что войска собираются у Остіано, но для какой цѣли—они не знали; однако 31-го января Креки было приказано собрать его отрядъ; 2000 чел. изъ Кремонскаго гарнизона

получили приказаніе быть готовыми къ выступленію, но, благодаря скрытности всей операціи, о главной цѣли непріятеля не догадывались.

Городъ Кремона лежалъ на берегу р. По, въ то время ближе нежели теперь, но между городомъ и рѣкою было всетаки еще пространство до 375 шаговъ. Укрѣпленія города состояли изъ хорошо сохранившейся стѣны и рва, который могъ быть наполненъ водою. Въ С. З. части города находился крѣпкій замокъ; нѣкоторыя части фронтовъ имѣли прикрытый путь, на правомъ берегу было предмостное укрѣпленіе. Передъ нѣкоторыми воротами имѣлись также укрѣпленія. Ворота были слѣдующія: С. Лукка (Миланскія), съ укрѣпленіемъ впереди, Маркизана, Кремонелла и Ognì—Santi—на сѣверномъ фронтѣ; далѣе: бастіонъ S. Michel, ворота Маргериты—на восточномъ фронтѣ, ворота Мосса—въ юго-

восточномъ углу (открытыя); ворота По съ мостомъ впереди. Улицы города были широкія; строенія массивныя. Французскій главный караулъ находился на Piazza Piccolo (ближе къ юго-восточной части города). Въ городѣ находилось 12 бат. пѣхоты и часть кавалеріи. Каналъ, ведущій въ домъ Козоли, имѣлъ 1¼ ширины и вышины въ ростъ человека. Всѣ ворота были заняты караулами въ 20—25 чел.; наружные патрули кругомъ города не ходили; ночь была темная и шелъ малень-

кій дождь. Штарембергъ поспѣшилъ впередъ и остановился въ разстояніи 1 версты отъ города въ хуторѣ; войска подошли, когда стало разсвѣтать, такъ какъ были задержаны плохою дорогою, что повлекло за собою потерю драгоцѣннаго времени. Однако нужно было немедленно двинуться далѣе. О Водемонѣ не имѣлось никакихъ свѣдѣній. Между 5—6 часами первый отрядъ, въ 200 чел., вошелъ въ каналъ, ведущій въ домъ Козоли (сѣв. часть города); за этимъ отрядомъ должны были слѣдовать два такихъ же. Пока всѣ эти 600 человекъ не собрались въ домъ священника, все должно было быть тихо (сигналъ 3 поровыхъ вышки). Предметы дѣйствій были опредѣлены каждому отряду—нападеніе на главный караулъ, захватъ губернатора, воротъ По и пр. Отрядъ кирасиръ и гусаръ остался за городомъ и посылалъ во всѣ стороны разъѣзды. Въ 7 часовъ утра всѣ передовые отряды собрались во дворѣ дома священника; уже совершенно разсвѣло, но въ городѣ было тихо. Наконецъ имперцы двинулись. Ворота Маргериты были взяты и караулъ перебитъ; затѣмъ отряды отправились по назначенію. Вильруа при первыхъ выстрѣлахъ проснулся; быстро одѣвшись, онъ сѣлъ на коня, и, спѣша собрать сколько нибудь людей, старался перейти въ замокъ, гдѣ былъ назначенъ сборный пунктъ на случай тревоги. До сихъ поръ онъ не вѣрилъ, что имперцы въ городѣ, а думалъ что вспыхнуло возстаніе, но вскорѣ, узнавъ въ чемъ дѣло, поспѣшилъ къ главному караулу, но здѣсь былъ окруженъ нѣмецкими солдатами, которые, не зная его, стащили съ лошади и взяли въ плѣнъ. Теперь тревога успѣла распространиться по всей Кремонѣ. Со всѣхъ сторонъ спѣшили французскіе офицеры и солдаты къ своимъ сборнымъ пунктамъ. Нѣкоторымъ изъ высшихъ генераловъ удалось пробиться въ замокъ и когда пришла вѣсть о плѣненіи Вильруа, то ген.-лейт. Ревель принялъ начальствованіе надъ войсками. Было около 9 часовъ, когда пѣхота, стоявшая въ замкѣ, начала наступать. Одинъ изъ полковыхъ командировъ назначилъ случайно въ это утро смотръ своему полку и когда началась тревога, то полкъ стоявшій на готовѣ немедленно двинулся по направленію къ главному караулу; наткнувшись на кирасиръ, французы осыпали ихъ градомъ пуль и заставили отступить; но выбить имперцевъ изъ домовъ вокругъ главной площади и караула имъ не удалось. Между тѣмъ дѣла у воротъ По шли для имперцевъ весьма неудовлетворительно. Отрядъ, прибывъ къ воротамъ, не могъ ими овладѣть, состоялъ лишь изъ кавалеріи, и потому выжидалъ прибытія пѣхоты, которая, наткаясь вездѣ на непріятельскіе отряды, съ трудомъ продвигалась впередъ. Въ то время, когда французы были отбиты у главной гауптвахты, пѣхота имперская еще не успѣла подойти къ кирасирамъ, а между тѣмъ къ воротамъ уже приближались 2 гренадерскихъ баталіона.

У воротъ По произошла ожесточенная схватка, и австрійцы были опрокинуты. Между тѣмъ Ревель, собравъ свои войска, рѣшилъ, удерживая 2-мя баталіонами улицы, ведущія къ центру города, продви-

нуться вдоль ограды, угрожая пути отступленія Евгенія. Имперцы стали постепенно отступать. Дѣло уже было къ полудню, но о Водемонѣ не имѣлось никакихъ свѣдѣній; его еще не было и ворота По не были взяты; положеніе Евгенія становилось затруднительнымъ; онъ думалъ поднять жителей, но неудачно.

Овладѣть воротами По было необходимо, такъ какъ, наконецъ, показалась колонна Водемона. Между тѣмъ, французскій генералъ съ войсками, бывшими на правомъ берегу По, отступалъ и сжегъ мостъ, такъ что когда Водемонъ въ 1 часъ дня прибылъ, то переправа оказалась невозможной. Евгенийъ рѣшился отступить; онъ сильно занялъ улицы и дома ближайшіе къ воротамъ Маргериты и приказалъ своимъ войскамъ отходить, увѣдомивъ Водемона объ отступленіи; къ 5 часамъ онъ очистилъ городъ, не будучи преслѣдуемъ французами.

Неудачный исходъ этого предпріятія нужно приписать, во первыхъ, храброму сопротивленію французовъ, а затѣмъ цѣлой массой случайностей: именно задержкѣ на пути, вслѣдствіе чего нападеніе произошло днемъ, а не ночью, какъ предполагалось; затѣмъ тому обстоятельству, что 2 французскіе баталіона были въ сборѣ и могли въ полномъ составѣ и порядкѣ двинуться противъ имперцевъ. Самый составъ отряда Евгенія былъ неправильный: кавалерія въ городѣ не могла дѣйствовать съ такимъ успѣхомъ, какъ пѣхота; наконецъ, движеніе производилось въ 2-хъ колоннахъ, раздѣленныхъ рѣкой По и цѣлымъ отрядомъ Креки; а потому трудно было рассчитывать, чтобы они прибыли одновременно.

Евгений въ ту же ночь отошелъ къ Остіано. Отступленіе его было въ высшей степени опасно, такъ какъ онъ могъ ежечасно ожидать нападенія со стороны Креки, стоявшаго съ 23 бат. и 12 эскадронами (10 т.) на южномъ Оліо. Но предпріятіе Евгенія было на столько неожиданно и смѣло, что Креки совершенно растерялся. Онъ въ этотъ день, вслѣдствіе полученнаго приказанія, дѣйствительно сосредоточился; ему трудно было предположить, что Евгенийъ могъ предпринять фланговый маршъ мимо 10 т. отряда, чтобы напасть на 6 т., защищавшихъ Кремону; но когда онъ получилъ извѣстіе о нападеніи, то дѣйствительно двинулся ночью по направленію къ Кремонѣ. Высланный имъ на рекогносцировку офицеръ извѣстилъ его о занятіи города Евгениемъ и Креки немедленно отступилъ къ нижнему Оліо, имѣя намѣреніе, оставивъ свой обозъ, прорваться черезъ имперцевъ, облагавшихъ Мантую и соединиться съ Тессе. Во время приготовленія къ этому онъ узналъ о спасеніи Кремоны.

Начальствованіе надъ французскою арміею получилъ Карлъ Водемонъ. Онъ немедленно распорядился усилить гарнизонъ Кремоны и придвинулъ часть кавалеріи изъ Монферата къ р. Аддѣ. Креки было приказано удерживать нижн. Оліо, но онъ, оставивъ гарнизоны въ нѣкоторыхъ пунктахъ, подъ начальствомъ Герберштейна, сосредоточилъ

своей отрядъ у La Motta. Евгений же, узнавъ объ этомъ, приказалъ немедленно овладѣть нижнимъ Оліо и 4-го февраля занялъ оставленные французами пункты и даже Казальмаджіоре; при этомъ захвачено было значительное количество провіанта, фуража и пороху, что было весьма кстати. Креки между тѣмъ вошелъ въ Кремону. 7-го февраля онъ получилъ приказаніе Водемона удерживать нижнее Оліо, но, считая себя чрезчуръ слабымъ и зная, что имперцы уже заняли все укрѣпленія и пункты по правому берегу, онъ не исполнилъ этого приказанія. Между тѣмъ по приказанію Водемона былъ построенъ еще мостъ черезъ По у Страделлы. Съ занятіемъ имперцами переправы черезъ нижнее Оліо, пала сама собою оборонительная линія этой рѣки, причемъ имперцы всегда могли перейти въ наступленіе черезъ сред. Оліо, не опасаясь упорнаго сопротивленія французовъ.

Между тѣмъ, Ома Водемонъ, послѣ неудачнаго нападенія на Кремону, также началъ отходить, взявъ по пути штурмомъ Буссето.

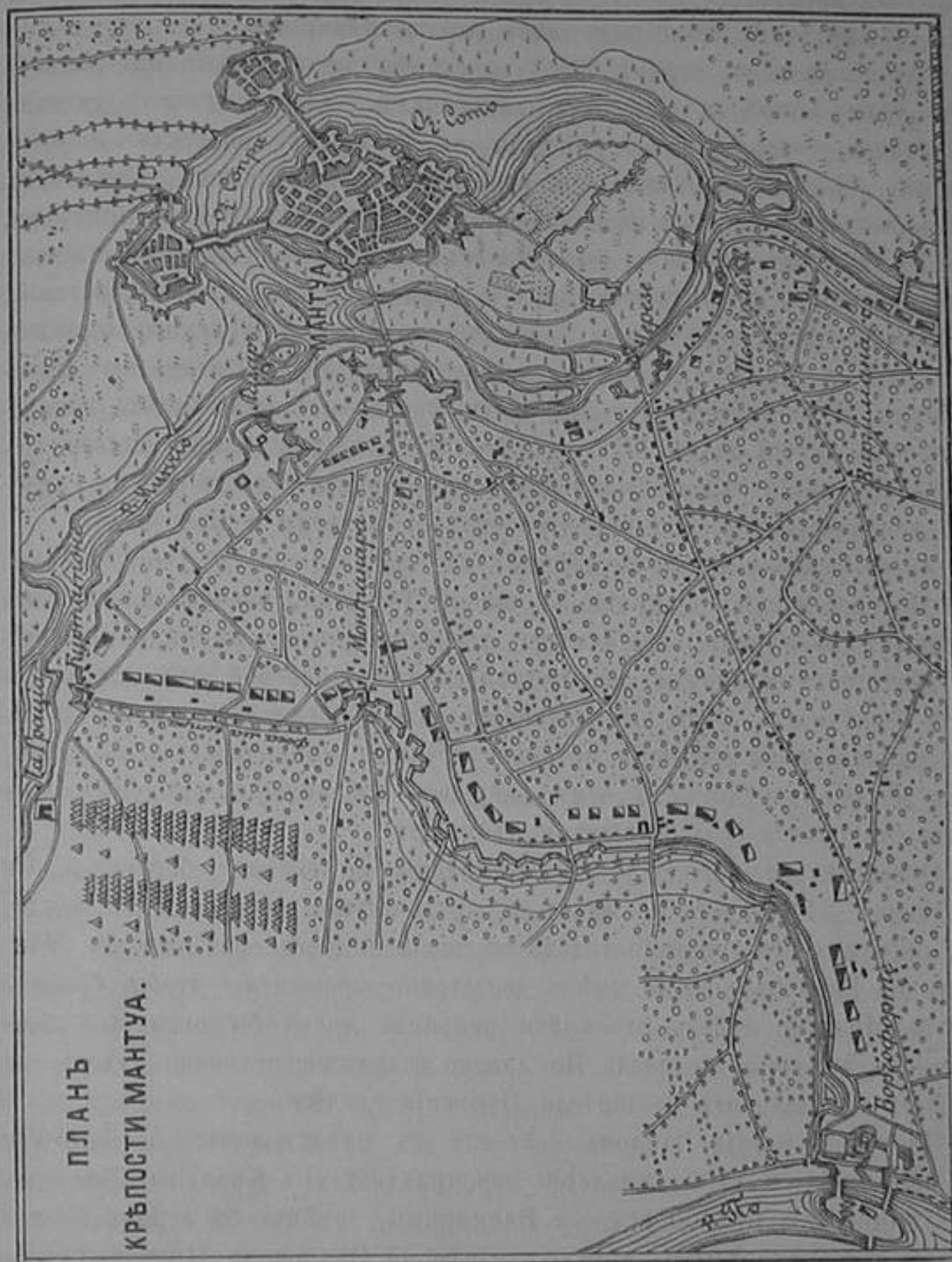
Впечатлѣніе, произведенное нападеніемъ на Кремону, было громадно и хотя предпріятіе не удалось, но распространило панику во французскихъ войскахъ. Въ военномъ отношеніи Евгений расширилъ свой квартирный районъ, какъ по правому, такъ и по лѣвому берегу По, такъ какъ 9 февраля французы очистили даже Монтичелло (на правомъ берегу По). Чтобы еще полнѣе воспользоваться благоприятными нѣмцамъ обстоятельствами, Евгений немедленно послалъ герцогу Пармскому приглашеніе сдать Паченцу, а для подкрѣпленія этого требованія особому отряду приказано было приготовиться къ выступленію. Въ отвѣтъ на это Пармское правительство передало Паченцу папѣ; тогда Евгений приказалъ вышеупомянутымъ войскамъ двинуться во владѣнія Пармы. Такое разбросанное положеніе имперцевъ не могло долго продолжаться; но пока не прибыли французскія подкрѣпленія, рѣшено было оставаться въ этомъ расположеніи и сосредоточиться лишь въ случаѣ наступленія французовъ, а между тѣмъ сборомъ контрибуцій и фуражировками наказать герцога Пармскаго.

Блокада Мантуи. Крѣпость Мантуя съ С., С. В и В. отдѣляется отъ окружающей мѣстности Верхнимъ, Среднимъ и Нижнимъ озерами, образуемыми р. Минчіо. Къ югу и западу отъ нея простирались болотистыя пространства съ водяными рвами.

Сообщеніе города съ окрестностями производилось по плотинамъ, прикрытымъ укрѣпленіями Цитадели и С. Джорджіо. Къ югу плотина вела черезъ островъ Черезе въ Боргофорте. На западѣ плотина проходила черезъ нѣсколько широкихъ канавъ на С. Лазаро и Куртатоне въ Кремону. Мосты все были каменные съ подъемными частями. Самой доступной была западная сторона.

На южной и восточной сторонѣ находились внутреннія, окруженною стѣною, гавани. Западный и южный фронты состояли изъ

4-хъ бастіоновъ. Подступы къ Черезе были прикрыты тенальными укрѣпленіями на островѣ,

Блокада Мантуи была малоуспѣшна; провіанта въ городѣ имѣлось больше чѣмъ полагалъ Евгений, и Тессе еще долго могъ держаться. Блокадные войска были расположены чрезчуръ далеко, чтобы прервать сообщенія города съ окрестностями и не допустить подвоза провіанта въ крѣпость. Необходимо было приблизиться къ городу и непосредственно запереть выходы.

Главную атаку имперцы могли вести съ западной стороны, откуда она была легче, нежели въ другомъ направленіи. Уже 13 февраля Ев-

геній овладѣлъ выходомъ Черезе и люнетомъ Лацаро, но осадныя работы были взяты подъ дѣйствительный огонь съ крѣпости и имперцы должны были въ ночь съ 14—15 февраля оставить уже занятые ими позиціи. Послѣ этого Тессе разрушилъ работы имперцевъ.

Въ блокадномъ отрядѣ Траутмансдорфа происходили недоразумѣнія между нимъ и датскими генералами. Дѣйствительно датчане оказались совершенно неумѣлыми въ осадныхъ работахъ и ежедневно цѣлыми десятками дезертировали къ французамъ. вмѣстѣ съ тѣмъ датчане, сберегая свои войска, избѣгали стычекъ съ французами.

Между тѣмъ получены были извѣстія о назначеніи Вандома главнокомандующимъ французской арміи и о прибытіи къ нему подкрѣпленій; сдѣлалось также извѣстнымъ о желаніи герцога Анжуйскаго прибыть къ арміи, а также что французы полагаютъ начать кампанію двумя арміями, по обѣ стороны р. По, и что первая ихъ цѣль будетъ заключаться въ снятіи осады Мантуи. Евгенийъ, вслѣдствіе далеко выдвинутаго расположенія отряда Оома Водемона, приказалъ построить еще другой мостъ черезъ р. По, вѣроятно около Гуасталлы и Бресцелло.

18-го февраля Вандомъ прибылъ къ арміи. Герцогъ Вандомъ, начавшій свое военное поприще въ школѣ Тюренна, отличался быстрымъ военнымъ взглядомъ, храбростью, рѣшительностью и хладнокровіемъ въ рѣшительныя минуты, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, основой его характера была безпечность, лѣнь. Дѣятельность его простиралась рѣдко далѣе выиграннаго поля сраженія и только трудныя критическія обстоятельства могли пробудить въ немъ энергію. Избавившись отъ нихъ, онъ снова становился беззаботнымъ и лѣнливымъ.

Относительно перехода въ наступленіе по южному берегу р. По Людовикъ XIV ничего не имѣлъ, и, предоставивъ полную волю Вандому, обратилъ его вниманіе только на необходимость освобожденія Мантуи; но Вандомъ еще не имѣлъ достаточно провіанта, чтобы бросить его въ Мантую, а безъ этого вся операція могла бы оказаться безплодной. Движеніе же вдоль По давало возможность сплава судовъ по р. По и очищало отъ непріятели Пармскія владѣнія.

Идея наступленія Вандома состояла въ слѣдующемъ: Альберготти съ 3600 пѣх. и 1400 кавалеріи переправляется у Кремоны. Вандомъ съ 12,000 пѣх. и 3800 кав.—у Ваккарицы, затѣмъ оба отряда соединяются у Фіоренцоллы и слѣдуютъ далѣе на Сандонино. Противъ Остіано долженъ быть вести демонстрацію Ревель изъ Кремоны. Но этотъ планъ вызвалъ въ Парижѣ опасенія; особенно боялись за войска на лѣвомъ берегу По и потому Вандомъ вынужденъ былъ оставить тамъ еще болѣе войскъ *).

*) Общее распредѣленіе силъ было слѣдующее:

На лѣвомъ берегу По, подъ начальствомъ Водемона, 34 бат., 39 эск.—13,500 пѣх. 400 кав.; на правомъ берегу По, подъ начальствомъ Вандома, 38 бат., 59 эск.—16,500 пѣх., 6000 кав.; у Мантуи-Тессе—14 бат., 12 эск.—5600 пѣх., 700 кав. у Ревеля—13 бат., 10 эск.—5200 пѣх., 1000 кавал.

Наступленіе назначено на 26-е марта; но операціи по деблокированіи Мантуи предполагалось начать не ранѣе начала мая, когда будетъ собранъ необходимый провіантъ и фуражъ. Въ это время еще прибыло 6000 рекрутъ, т. е. все что было обѣщано, такъ что силы французской арміи простирались до 56 тысячъ. Евгенію было обѣщано также подкрѣпленіе новыми войсками и укомплектованія, которыя должны были прибыть къ концу марта. Что же касается занятія Пиаченцы, то, не желая разрыва съ папою, на это въ Вѣнѣ не согласились; Мантую же требовали занять непременно. Между тѣмъ Евгенийъ не могъ начать бомбардированія Мантуи имѣвшимися 4 мортирами съ ничтожнымъ запасомъ пороха. Такъ какъ при этомъ по недостатку денегъ имперскій полководецъ не могъ купить продовольствія, а подвозъ изъ магазиновъ производился по той же причинѣ медленно, то онъ вынужденъ былъ кормить армію фуражировками и контрибуціями и держать войска на широкихъ квартирахъ.

Между тѣмъ Мантуанскій гарнизонъ 13 и 19 марта произвелъ двѣ весьма удачныя вылазки противъ Траутмансдорфа по направленію къ Кастильоне, вслѣдствіе чего ему было приказано собрать свои разбросанныя войска, чтобы противодѣйствовать французамъ. Пытаясь пройти впередъ и дойдя почти до цитадели Мантуи, Траутмансдорфъ былъ отброшенъ французами съ чувствительною потерей, и послѣ того выбралъ болѣе сосредоточенное расположеніе.

Наступленіе французовъ. Съ 18-го марта французы начали стягиваться въ Страделлѣ, переходя черезъ мостъ у Джіакомо и направляясь къ р. Тидоне.

Оома Водемонъ сталъ отходить, прикрываясь кавалеріею. 30 марта Вандомъ дошелъ до р. Нуры, гдѣ остановился, убѣдившись, что нападеніе на выдвинутый отрядъ Оома Водемона не удалось и приказалъ даже Альберготти вернуться въ Кремону и отослать свою кавалерію въ распоряженіе Праконталя, которому было приказано формировать транспорты съ провіантомъ для Мантуи, изъ которыхъ первый, въ числѣ 300 повозокъ, уже 26 марта отправленъ въ Сонцино. Между тѣмъ оказалось, что Вандому трудно было довольствоваться значительную армію на правомъ берегу р. По, поэтому онъ оставилъ у себя только 25 баталіоновъ и 33 эскадрона и рѣшилъ отложить движеніе впередъ до мая. Евгенийъ не зналъ чѣмъ объяснить такую остановку Вандома.

6-го апрѣля армія французовъ на правомъ берегу р. По передвинулась на одинъ переходъ къ востоку. Мостъ изъ Джіакомо былъ переведенъ къ пункту впаденія Адды въ р. По, къ Кастильнуово Бока д'Адда (противъ Монтичеллы), и какъ только онъ былъ готовъ, вся почти кавалерія и часть пѣхоты съ праваго берега перешли на лѣвый. Того же числа Вандомъ отправился къ Водемону и было у нихъ рѣшено начать наступательныя дѣйствія для снятія блокады Мантуи съ 45 тыс., оставивъ въ гарнизонахъ сзади только 7600 че-

ловѣкъ. Мѣстомъ сбора для арміи было назначено теченіе р. Дельмонь къ востоку отъ Кремоны; оттуда армія должна была двинуться къ Робекко и перейти Оліо. Для наблюденія за нижнимъ Оліо долженъ былъ быть оставленъ отрядъ въ 3500 человекъ съ 4-мя орудіями. У Кремоны, на правомъ берегу р. По, было приказано устроить укрѣпленный лагерь на 5000 человекъ. Нужно было спѣшить съ началомъ дѣйствій, потому что наступала теплая погода и можно было опасаться, что уровень рѣкъ сильно поднимется влѣдствіе таянія снѣга въ горахъ.

Евгеній оставался въ прежнемъ положеніи. Между тѣмъ на Адриатическомъ морѣ и по нижнему По явился подъ испанскимъ флагомъ пиратъ и этимъ прекращена была возможность доставки провіанта изъ Фриуля. Магазины Евгенія въ Мезолѣ также находились въ опасности быть захваченнымъ. И хотя Евгеній обратился къ папскому легату Феррары, прося защитить нейтральное положеніе теченія р. нижняго По, но на это не получилъ отвѣта, такъ что сообщенія съ Мезолой становились крайне неправильными и небезопасными, не смотря на то, что для защиты магазина былъ посланъ отрядъ. Въ общемъ у Евгенія въ магазинѣ въ Мезолѣ и закупами было обезпечено довольствіе 40 тыс. человекъ до конца іюня. Наконецъ, получивъ извѣстіе, что французы перешли въ наступленіе, Евгеній немедленно приказалъ Траутмансдорфу снять обложеніе Мантуи и стать въ наблюдательной позиціи у Брузакане (вѣроятно къ югу отъ Мантуи), а главнымъ силамъ сосредоточиться (22—24 тыс. чел.) у Кампителло.

О непріятелѣ имѣлись свѣдѣнія, что онъ двигается къ верхнему Оліо. Евгеній полагалъ, что французы или атакуютъ его съ фронта или, задерживая на Оліо, пошлютъ отрядъ для освобожденія Мантуи; въ послѣднемъ случаѣ грозила опасность сообщеніямъ Евгенія съ р. Минчио и базой. Въ расчетѣ на самое худшее, приказано было Траутмансдорфу по снятіи блокады Мантуи захватить Говерноло. Тогда Евгеній, при неудачѣ на р. Минчио, имѣлъ бы еще обезпеченный путь черезъ По и въ крайнемъ случаѣ черезъ Адигъ. Между тѣмъ стали приходить извѣстія, что французы появлялись уже за Оліо — слѣдовательно Евгеній былъ обойденъ; поэтому онъ 16 мая опять направилъ все войско къ Коннето и сталъ на позиціи перпендикулярно къ р. Оліо, фронтомъ на сѣверо-западъ. Такъ какъ сообщенія Евгенія были въ опасности, то движеніемъ въ сѣверо-восточномъ направленіи, онъ ихъ вѣрнѣе бы сохранилъ, но при этомъ отдавалъ непріятелю По и долженъ былъ бы снять блокаду Мантуи. Евгенію казалось наиболѣе благоразумнымъ удерживаться на р. По, чтобы имѣть возможность долѣе продолжать войну. Владѣя переправой на р. По, онъ могъ дѣйствовать на обоихъ берегахъ. Поэтому онъ, не теряя ни минуты, спѣшить въ Сералио (треугольникъ между Мантуей, Боргофорте, Минчио и По), куда прибылъ 18 мая и сталъ лагеремъ. Остіана была очищена. Такимъ образомъ Евгеній прикрывалъ переправу черезъ По у Боргофорте, соеди-

нился съ Траутмансдорфомъ и не снялъ блокады Мантуи. При данныхъ обстоятельствахъ верхнее Минчио не могло быть защищено.

Въ это время Коммерси былъ назначенъ командовать войсками на лѣвомъ берегу р. Минчио; ему ставились слѣдующія цѣли: обложить Мантую съ сѣверной и восточной сторонъ, затруднять сообщенія между Гойто и Мантуей и отразить нападеніе французской полевой арміи, въ случаѣ ежели бы она хотѣла перейти черезъ верхнее Минчио. Для этой цѣли ему были предоставлены 10 батал. и 26 эск. — 7600 человекъ.

Главная задача французской арміи заключалась въ освобожденіи Мантуи. Необходимо было перейти Оліо, но при этомъ удерживать переправу черезъ По у Кремоны, чтобы имѣть возможность въ случаѣ надобности перемѣнить операціонное направленіе съ лѣваго на правый берегъ р. По или для дѣйствія по двумъ операціоннымъ линіямъ.

Вандомъ полагалъ перейти черезъ среднее Оліо. Можно было предположить, что имперцы не въ состояніи были защитить столь длинный фронтъ; направленіе черезъ среднее Оліо было кромѣ того кратчайшимъ къ сообщеніямъ Евгенія.

11 мая изъ французскаго лагеря выступилъ Альберготти со всеми гренадерами и Креки съ 6-ю драгунскими полками. Этотъ отрядъ, составляя авангардъ арміи и демонстрируя къ Кремонѣ, долженъ былъ повернуть къ Бордолано и по возможности скорѣе овладѣть мѣстомъ переправы. Праконталю съ 3500 чел. поручено демонстрировать противъ Каннето и Остіано, составляя фланговое прикрытіе арміи при движеніи къ среднему Оліо. Когда вся армія переправится черезъ Оліо — онъ долженъ былъ къ ней приблизиться на одинъ переходъ. Обозъ былъ отправленъ въ Лоди. 12 мая вечеромъ выступилъ Вандомъ съ главными силами и 13-го вечеромъ уже былъ въ Бордолано, сдѣлавъ переходъ въ 50 слишкомъ верстъ въ 24 часа. Утромъ 15 мая армія начала переправу и Вандомъ со всеми гренадерами, 10 драгунскими полками и 20 орудіями двинулся въ Манербіо, овладѣлъ мостомъ черезъ Меллу и расположилъ свои войска на лѣвомъ берегу. Къ 17-му вся армія расположилась у Пральбойно. Евгеній отступилъ къ Кампителло. Вандомъ послалъ немедленно Праконталю въ Кремону, опасаясь, что Евгеній, сосредоточившись на нижнемъ Оліо, перейдетъ въ наступленіе къ Кремонѣ.

На слѣдующій день французы передвинулись въ Изареллу, выславъ отрядъ для занятія Каннето (которымъ и овладѣли) и авангардъ къ Клезѣ. Къ 23 мая Евгеній съ арміею занялъ оборонительную линію за Fossa Maestra, которая тянется отъ Куртатоне до Боргофорте. 23 мая Вандомъ дошелъ до р. Минчио и занялъ правымъ крыломъ Ривальту, лѣвымъ Гойто. Весь лѣвый берегъ былъ очищенъ имперцами. Коммерси расположился лагеремъ у Черезе. Затѣмъ Вандомъ вошелъ въ Мантую. Онъ желалъ атаковать теперь имперцевъ съ 2 сторонъ и запереть Евгенія въ пространствѣ между Минчио, По и Fossa Maestro, причѣмъ Карлъ Водемонъ долженъ былъ собрать у Кремоны сильный отрядъ и,

двинувшись по правому берегу р. По, угрожать Бресчелло и предместному укреплению у Боргофорте. Но прежде чѣмъ начать операцию противъ Евгенія, онъ хотѣлъ овладѣть Кастильоне, занятымъ имперцами, что и было исполнено особымъ отрядомъ 1го июня. Паденіе Кастильоне было крайне ощутительно для Евгенія. Сообщенія его съ Гардскимъ озеромъ прерваны, вся страна до Минчю въ рукахъ французовъ, и хотя ему осталась еще одна дорога для сообщенія по Адигу, но и она находилась въ большой опасности. И такъ въ самое короткое время имперская армія потерпѣла сильныя неудачи. Мантуя была освобождена и сообщенія съ базой въ опасности, а Евгеній со всѣхъ сторонъ оказался окруженнымъ непріятелемъ, потому что и герцогъ Пармскій открыто сталъ на сторону французовъ. Между тѣмъ, простоявъ 8 дней на мѣстѣ и давъ имперцамъ время усилиться укреплениями, Вандомъ рѣшился 3-го июня двинуться далѣе и затѣмъ сталъ передъ имперцами окапываться, причемъ желалъ также отбѣснить ихъ съ лѣваго берега Минчю и занять всѣ переправы на нижнемъ теченіи этой рѣки. Карлъ Водемонъ съ 3000 чел. отправился въ Кремону, гдѣ онъ долженъ былъ подкрѣпиться баталіонами, прибывавшими съ Филиппомъ Анжуйскимъ, двинуться на правый берегъ р. По и тамъ начать свои операции. Дѣйствуя такимъ образомъ, Вандомъ надѣялся заставить Евгенія очистить Сералио и перейти черезъ р. По, что ему казалось весьма важнымъ въ виду того, что онъ опасался за Мантую, которая, въ случаѣ его отступленія, могла, по его мнѣнію, держаться не болѣе 14 дней. Потерявъ 8 дней въ бездѣйствіи и въ осадахъ маленькихъ городовъ, французская армія 3 июня начала дальнѣйшее наступленіе и, занявъ Ле-Граціе, расположилась такъ: правое крыло на разстояніи 2500 шаговъ отъ имперцевъ у Монтанаро; центръ у Ле-Граціе; лѣвое крыло въ двухъ миляхъ отъ Ривальты. Праконталь съ 4000 и 4 орудіями въ Мармироло (ослабленіе главныхъ силъ), гдѣ и укрѣпился. Такимъ образомъ обѣ арміи стояли одна противъ другой въ разстояніи полуорудійнаго выстрѣла, но мѣстность ихъ взаимно скрывала. Ежели бы въ это время Вандомъ, при превосходствѣ своихъ силъ, произвелъ нападеніе на лѣвое крыло имперцевъ къ Боргофорте вмѣстѣ съ сильной вылазкой изъ Мантуи, то онъ поставилъ бы Евгенія въ отчаянное положеніе.

Но въ скоромъ времени Вандомъ опять взялся за свой старый планъ, т. е. частью войскъ держаться у Ривальты, а другою перейти черезъ По.

Въ виду этого Евгеній распорядился усилить гарнизонъ Бресчелло до 3600 чел. Бездѣйствіе Вандома объясняется тѣмъ, что онъ ожидалъ прибытія Филиппа Анжуйскаго и не зналъ будетъ ли онъ командовать арміею. Такъ какъ у Вандома вполнѣ уже созрѣлъ планъ наступать по обѣимъ берегамъ р. По, то были сдѣланы только предварительныя распоряженія о движеніи на другой берегъ рѣки 43 баталіоновъ и 75 эскадроновъ (около 37 т., не считая прибывающихъ еще испанскихъ войскъ). При этомъ онъ желалъ переправить эти войска черезъ

По у Казальмаджіоре, демонстрируя противъ Гуастало и Бресчелло и двигаясь сосредоточенными силами на Боргофорте и Солето. Ежели, противъ всѣхъ ожиданій, Евгеній бросился бы противъ наступающей французской арміи, то Сералио былъ бы оставленъ и Тессе, который предназначался командовать арміею на лѣвомъ берегу, долженъ былъ вмѣстѣ съ Мантуанскимъ гарнизономъ тоже двинуться на Боргофорте и тамъ занять сильно укрѣпленную позицію, ежели бы ему не удалось совершенно очистить Сералио отъ имперцевъ.

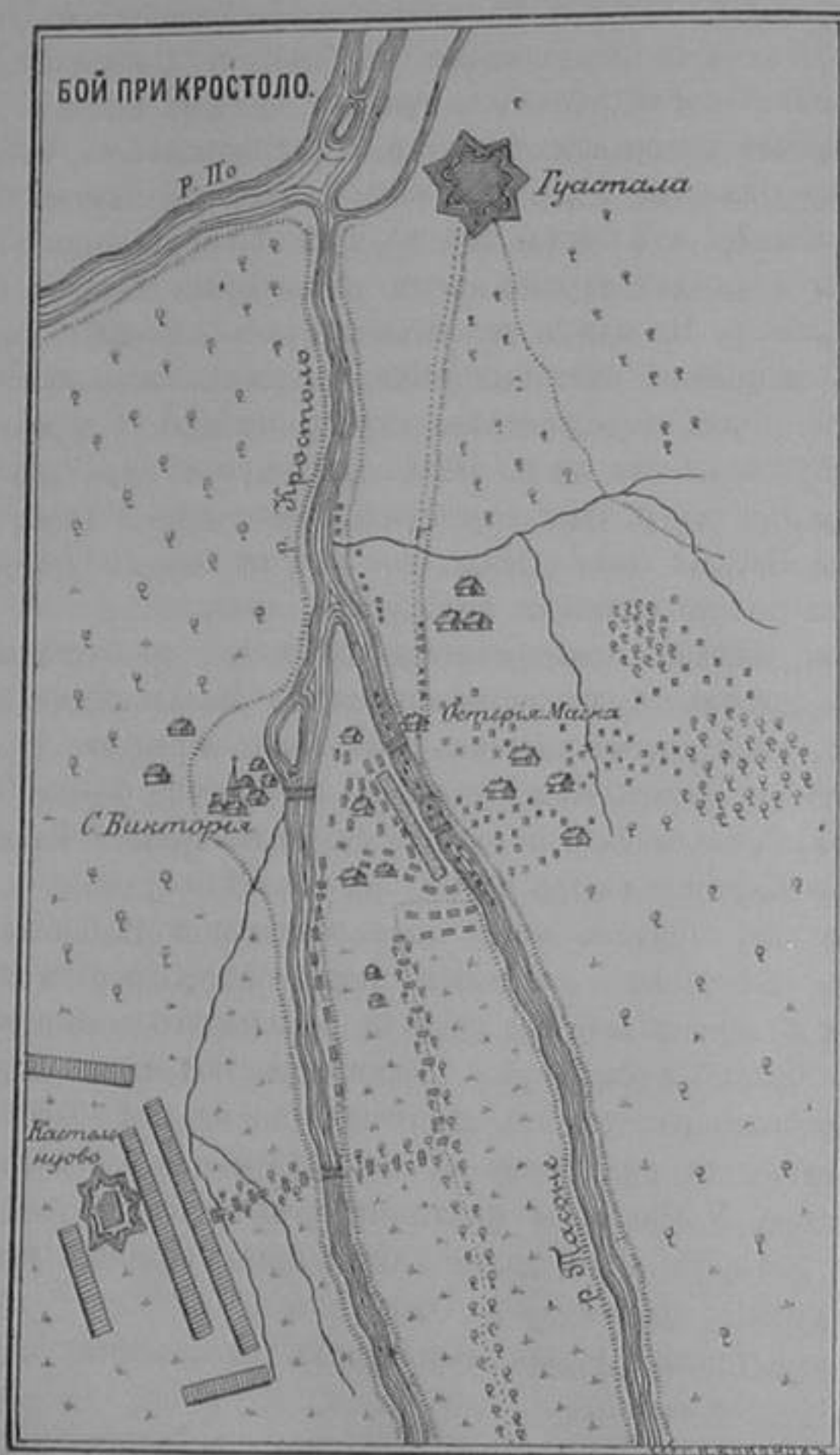
Людовикъ уже въ началѣ 1702 года приказалъ своему внуку, вновь избранному королю, явиться въ армію, чтобы самому себѣ завоевать государство. 3-го июня онъ прибылъ въ Кремону. Послѣ свиданія съ Вандомомъ, планъ послѣдняго былъ принятъ, причемъ Вандомъ долженъ былъ командовать на правомъ берегу р. По 41 баталіономъ, 83 эскадронами и 57 орудіями (38 т.), а Водемонъ остаться на лѣвомъ берегу съ 50 бат., 96 эскадр. и 35 оруд. (33 т.), т. е. обѣ арміи были почти одинаковой силы и каждая порознь почти равна арміи Евгенія. Операциа перехода черезъ р. По одною половиною арміи, особенно при такомъ энергичномъ непріятелѣ какъ былъ Евгеній, имѣла свою опасную сторону. Евгеній стоялъ сосредоточенно въ Сералио и въ 3 перехода могъ быть около Гуастало или на р. Энцѣ. Вандому же для движенія къ Кремонѣ и далѣе до р. Энцы требовалось не менѣе 5 дней, т. е. въ распоряженіи Евгенія было цѣлыхъ два дня, въ теченіи которыхъ ему противостояла только половина французской арміи.

Изъ арміи, имѣвшей переправиться черезъ По, 20 баталіоновъ и 40 эскадроновъ должны были дойти только до Казальмаджіоре и тамъ остановиться, пока другая половина у Кремоны перейдетъ черезъ рѣку По и дойдетъ до высоты Казальмаджіоре по правому берегу. Этимъ отчасти исправлялось опасное положеніе половины арміи у Ривальты, потому что изъ Казальмаджіоре можно было послѣдовать туда въ одинъ усиленный переходъ, причемъ тогда въ распоряженіи Водемона было-бы 50 т. войскъ. Когда же и эти войска переправятся черезъ По, то армія Вандома будетъ находиться всего въ разстояніи одного перехода отъ р. Энцы, а Евгеній едва ли уже бросится на Водемона; скорѣе можно было предположить, что онъ послѣдуетъ на правый берегъ По, узнавъ о приближеніи французовъ къ линіи Таро и о постройкѣ моста у Казальмаджіоре. У Ривальты французы начали усиливать укрепления и по уходѣ половины арміи должны были занять позицію: лѣвымъ крыломъ у Ле-Граціе, правымъ у р. Озоне.

8 июля выступила головная часть арміи, назначенная для дѣйствія на правомъ берегу р. По.

Послѣ выступленія арьергарда Вандома изъ лагеря у Ле-Граціе, Евгеній вполнѣ ориентировался въ общемъ положеніи дѣла и немедленно сдѣлалъ распоряженіе относительно устройства тетдепона у Боргофорте на 6000 человекъ. 3 кавалерійскимъ полкамъ Висконти было

приказано двинуться къ Бресцелло и наблюдать линію р. Энцы. 21 іюля должны были двинуться черезъ Боргофорте къ Кростоло 4 баталіона пѣхоты и 2 полка драгунъ. Между тѣмъ получено было извѣстіе о приближеніи непріятеля и о томъ, что Висконти отошелъ къ р. Кростоло и С. Виторіи. Евгений приказалъ ему немедленно построить у послѣдняго пункта предмостное укрѣпленіе и спѣшить туда вышеозначеннымъ 2 полкамъ кавалеріи и 4 баталіонамъ, а также изготовиться къ походу 5 батал. и 2 кавал. полкамъ; но Висконти не исполнилъ приказанія объ устройствѣ предмостнаго укрѣпленія.

Бой у С. Виторіи (Кростоло) 26 іюля. Всего въ направленіи Виторіи было двинуто 11—12 тыс. Между тѣмъ въ ночь на 26 іюля, получено было извѣстіе, что Висконти совершенно разбиты. Въ 10 вер-

стахъ къ югу отъ Гуастало на обоихъ берегахъ р. Кростоло, которая имѣетъ здѣсь довольно высокіе берега, лежитъ маленькое мѣстечко Виторія. Церковь и большая часть домовъ находится на лѣвомъ берегу рѣки. Невдалекѣ отъ этого пункта впадаетъ въ эту рѣку, р. Тассоне. Дорога изъ Гуастало въ Реджіо переходитъ каменный мостъ на р. Тассоне у небольшой деревни Остерія-Магна, около Виторіи; южнѣе моста отъ этой дороги идетъ вѣтвь на западъ, переходя черезъ р. Кростоло по мосту, связывающему обѣ половины С. Виторіи; другой мостъ черезъ Кростоло находится южнѣе и лежитъ на дорогѣ въ Капельнуово; южнѣе деревни Остерія-Магна имѣется еще мостъ черезъ Тассоне. Въ общемъ мѣстность представляетъ рисовыя поля, перѣзанныя канавами съ туловыми деревьями, перевитыми лозою, — слѣдовательно развертываніе войскъ и обзоръ были затруднительны.

Висконти съ отрядомъ въ 2800 челов. съ 21 іюля расположился въ остромъ углѣ, образуемомъ впаденіемъ Тассоне въ Кростоло тыломъ къ обимъ мостамъ черезъ р. Тассоне, имѣя впереди себя мостъ черезъ Кростоло и селеніе Виторію. Евгений, отлично сознавая опасное положеніе этого отряда, приказалъ было Висконти отступить во времякъ Тассоне, а однимъ изъ пѣхотныхъ полковъ, которые должны были прибыть, устроить и занять укрѣпленіе на р. Кростоло. Замѣчательно, что не было принято никакихъ мѣръ охраненія, хотя австрійцы отлично знали о присутствіи цѣлой арміи французовъ въ разстояніи отъ 20 до 25 верстъ.

Между тѣмъ 25 іюля Вандомъ придвинулъ армію въ Серболо на р. Энцѣ. Узнавъ о расположеніи у Кростоло кавалерійскаго отряда имперцевъ, онъ съ отрядомъ въ 17 эскадроновъ и 14 гренадерскихъ ротъ, двинулся къ Капельнуово на р. Кростоло. Къ своему удивленію онъ нашелъ мостъ не занятымъ и, узнавъ отъ священника о расположеніи и силахъ имперцевъ, пригласилъ Филиппа Анжуйскаго послѣдить ему на помощь съ остальною кавалеріею, чтобы одержать первую побѣду. Вандомъ раздѣлилъ свой отрядъ на двѣ части; одна должна была двинуться по правому берегу р. Кростоло, другая по дорогѣ Реджіо-Гуастало. Лѣвая колонна Альберготти состояла изъ 6 спѣшенныхъ эскадроновъ, 2 гренадерскихъ ротъ и 4 эскадроновъ карабинеровъ. Правая колонна изъ 11 эскадроновъ и 12 гренадерскихъ ротъ. Колонны эти наткнулись прежде всего на полевой караулъ въ 100 челов., отступавшихъ шагомъ, чтобы дать время отряду изготовиться. Лошади отряда Висконти напали у р. Тассоне. Люди бросились къ лошадямъ, часть спѣшенныхъ заняла группу домовъ, запиравшихъ дорогу, но французскіе гренадеры выбили ихъ оттуда. Собравшіеся всадники бросились на встрѣчу непріятелю, но залпы гренадеръ ихъ опрокинули, а атака 8 эскадроновъ Альберготти, восточнѣе дороги, на правый непріятельскій флангъ довершила дѣло. Разбитые имперцы отступали въ полнѣйшемъ безпорядкѣ къ мостамъ черезъ Тассоне; но мосты были запружены обо-

зами, которые, сѣща и мѣшая другъ другу, загородили дефиле. Кавалерія бросилась съ высокаго берега въ Тассоне, чтобы переплыть, причемъ многіе утонули или убились. Между тѣмъ въ Гуастало пришло извѣстіе о нападеніи французовъ. Большой Коммерсен собралъ что можно было изъ войскъ и, выславъ впередъ 2 драгунскихъ полка, которые тамъ находились, послѣшилъ самъ съ 2 пѣхотными полками на поле сраженія. Драгуны прибыли какъ разъ въ то время, когда французская кавалерія переходила уже на правый берегъ Тассоне по южному мосту. 2 эскадрона, сѣшавшись, двинулись къ этому мосту и захватили его, отразивъ одну атаку французовъ. Такимъ образомъ, удалось спасти остатки имперскихъ полковъ, хотя обозъ весь достался въ руки французовъ.

Висконти отступалъ къ Гуастало; пѣхота прибыла только къ концу боя. Имперцы потеряли до 800 человекъ и 13 штандартовъ. Французы, по ихъ показанію, около 120—150. Евгенийъ, узнавъ о пораженіи, послѣшилъ лично въ Гуастало, приказавъ 2 полкамъ пѣхоты и 1 кавалерійскому полку двинуться къ Люцарѣ. Но движенія непріятеля въ слѣдующіе дни заставили все эти войска уйти обратно въ Боргофорте. Евгенийъ видѣлъ передъ собою двѣ непріятельскія арміи, изъ которыхъ одна, подъ начальствомъ нерѣшительнаго Водемона, стояла въ сильно укрѣпленной позиціи, а потому съ этой стороны нечего было опасаться нападенія; между тѣмъ другая обходила Бресцелло, атаковала у Виторіи и быстро двигалась въ Боргофорте. Вообще въ этой арміи была видна сильная направляющая воля. Необходимо было принять рѣшеніе и быстро его привести въ исполненіе. Евгенийъ рѣшается оставить Сералию, сосредоточиться въ Боргофорте и дѣйствовать противъ южной арміи, прежде чѣмъ обѣ они могли настолько сблизиться, чтобы дѣйствовать во взаимной связи.

Движеніе должно было совершиться по возможности тихо въ ночь съ 31 іюля на 1-е августа.

Въ лагерѣ у Боргофорте Евгениемъ изданы были боевыя инструкціи войскамъ, причемъ заслуживаетъ особаго вниманія, обращеніе къ *моральной сторонѣ подчиненныхъ* *).

*) 1) Офицеры должны помнить, что полки находящіеся въ Италіи—лучшіе въ арміи императора, выигравшіе уже не одно сраженіе не только съ французами въ этомъ и прошломъ году, но и съ турками, чѣмъ заслужили вѣчную славу, честь и репутацію у всехъ народовъ. Я самъ велъ эти полки не разъ въ бой и увѣренъ, что все отъ генерала до рядоваго исполнитъ въ предстоящемъ сраженіи свой долгъ; при этомъ слѣдуетъ помнить, что и непріятель будетъ исполнять свой долгъ и драться отчаянно, такъ какъ здѣсь тоже лучшіе полки французовъ. Въ виду этого полагаю необходимымъ напомнить:

2) Почаще осматривать ружья и снабдить солдатъ своевременно патронами.

3) Пѣхотнымъ офицерамъ слѣдуетъ, чтобы огонь не открывался безъ ихъ приказанія.

Изъ Виторіи Вандомъ, выдѣливъ отряды для занятія Карпи, Реджіо, Кореджіо и пр., двинулся на Новелару и Фабрико, гдѣ узналъ объ оставленіи имперцами Сералию и что войска Водемона заняли Монтанаро и Куртатоне, а Цурлаубель выходы изъ Праделлы и Черезы. Вандомъ желалъ идти на встрѣчу имперцамъ, но предварительно полагалъ усилиться частью войскъ Водемона, а до того времени оставался въ бездѣйствіи.

Имперская армія, оставивъ свои позиціи въ Сералию, въ ночь съ 31 іюля на 1-е августа, заняла лагерь на правомъ берегу р. По. Главная квартира—въ Солето. На лѣвомъ берегу р. По, въ Боргофорте, оставались 12 батал. и 100 кавалеристовъ. 4 августа Водемонъ двинулся внизъ по Fossa-maestra, который затѣмъ и перешелъ. Особому отряду С. Фремона приказано было спускаться по р. По бревна и барки, чтобы разрушить мостъ, но это не удалось. Фремонъ нашелъ далеко входящій въ По лѣсъ у впаденія Fossa-maestra, откуда можно было обстрѣливать мостъ. Эту позицію, на разстояніи 200—100 шаговъ отъ Боргофорте, онъ занялъ, вооружилъ тяжелой артиллеріей изъ Мантуи и началъ обстрѣливать съ 12-го августа мостъ и Боргофорте. Удержаніе моста становилось затруднительнымъ, хотя высокія суда были замѣнены низкими, а самый мостъ переведенъ ниже по теченію. Съ прибытіемъ отъ Водемона 7000 подкрѣпленія, во французскомъ лагерѣ начали дѣлать приготовленія къ дальнѣйшему движенію къ рѣкѣ Талиатѣ.

Сраженіе у Люцары. 15 августа утромъ Вандомъ приказалъ своей арміи двинуться далѣе, надѣясь 16-го августа напасть на имперцевъ; въ то же время Водемонъ долженъ былъ атаковать Боргофорте.

Въ часъ ночи выступила армія и во главѣ ея самъ Вандомъ съ 24-мя гренадерскими ротами первой линіи и двумя драгунскими полками. Правая колонна, подъ начальствомъ Филиппа Анжуйскаго, составляла войска первой линіи; лѣвая колонна, подъ начальствомъ Тессе,—войска второй линіи. Въ 8 часовъ утра прибылъ Вандомъ въ Люцару и былъ встрѣченъ огнемъ отряда въ 400 человекъ, успѣвшихъ занять замокъ этого мѣстечка. Вандомъ потребовалъ сдачи и, получивъ отказъ, приказалъ окружить этотъ отрядъ.

4) Въ случаѣ атаки непріятельской кавалеріи, пѣхотѣ не пугаться и помнить что она имѣетъ штыкъ.

5) Наша кавалерія должна атаковать съ саблями въ рукахъ, вездѣ и всегда когда только представится удобный случай,—все равно кавалерію или пѣхоту.

6) При атакѣ кавалеріи держаться вмѣстѣ и только отъ фланговыхъ эскадроновъ должны высылаться разъѣзды, чтобы безпикнуть непріятеля.

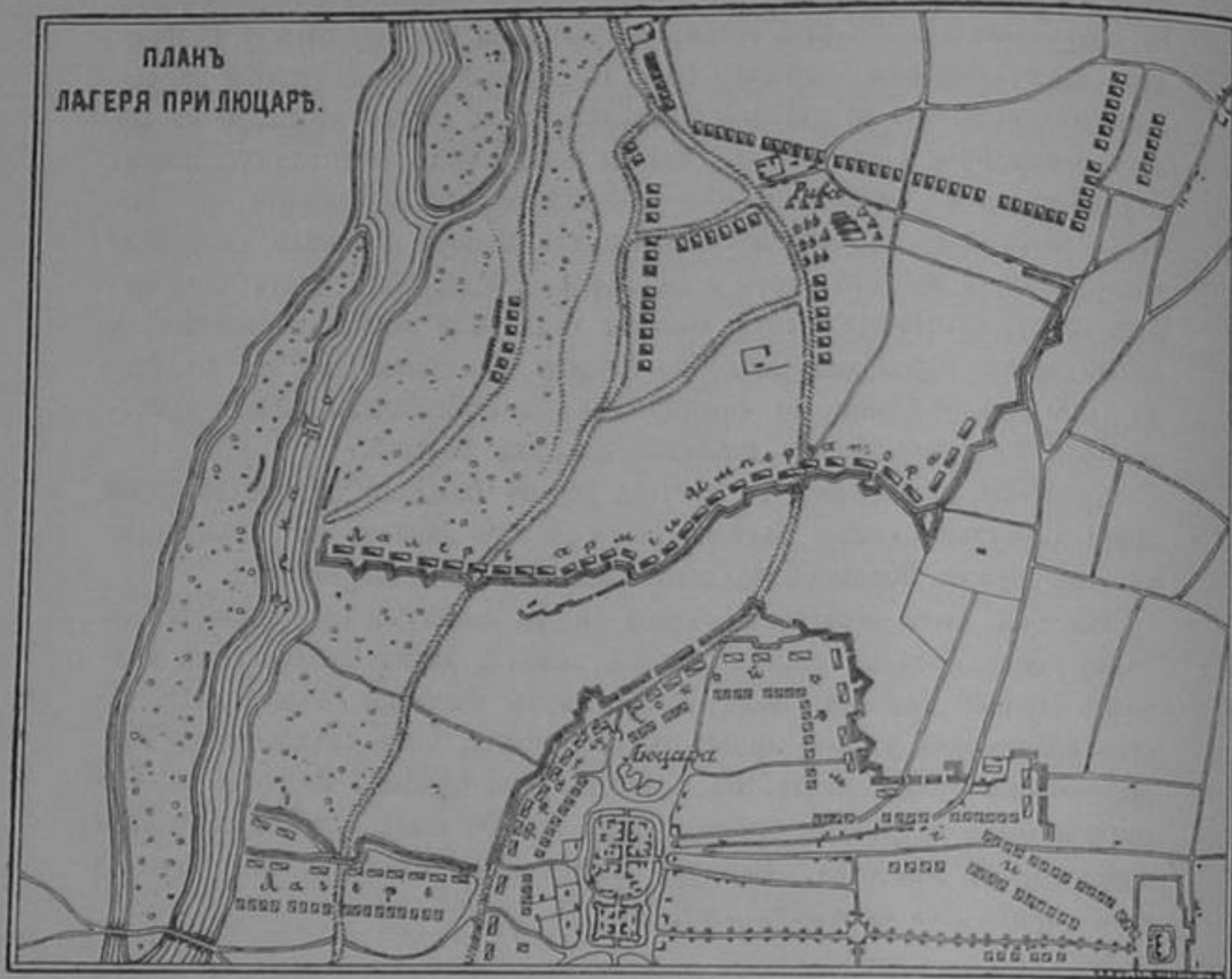
7) Между эскадронами и баталіонами держать интервалъ въ 40 ш. и никакъ не меньше чтобы избѣжать столкновенія.

8) Вторая линія находится сзади на дистанціи не менѣе 600 шаговъ и имѣетъ удвоенные интервалы между частями.

9) Никто не долженъ отходить отъ своего знамени.

10) Никто не смѣетъ предаваться грабежу или слѣзать съ лошади, пока все не будетъ окончено.

У Гуастало По почти подь прямымъ угломъ поворачиваетъ на С. до впаденія р. Олю, гдѣ принимаетъ направленіе на востокъ. Изъ Боргофорте вели двѣ хорошія дороги: одна черезъ Сузару, другая западнѣе. Эти обѣ дороги къ югу отъ Тоссина идутъ по низменности, перерѣзанной канавой, причеиъ въ концѣ дорога и канава подходятъ очень близко одна къ другой и идутъ параллельно. Еще имѣлось третье сообщеніе по плотинѣ вдоль р. По. Между Гуастало и Ривой отъ большой плотины отдѣляется меньшая въ Ю. З. направлениі, такъ что между Люцарою и р. По находятся двѣ плотины почти параллельныя. Около Ривы эти плотины были соединены еще двумя поперечными плотина-

ми. Мѣстность между р. По и малой плотиной была луговая. Рѣка По двумя островами дѣлилась на нѣсколько рукавовъ. Рива представлялась группою домовъ съ каменною оградой. Въ 100 шагахъ къ сѣверу находилась усадьба Гуизато, къ югу отъ Ривы лежали двѣ маленькія каменные постройки. Въ 1200 ш. къ С. В. отъ Люцары—монастырь съ оградой, Зегарба, а въ 2000 ш. къ В.—замокъ Томба. Сама Люцара состояла изъ 2-хъ группъ—города и замка, но замокъ не составлялъ одной массивной постройки, а нѣсколько, которыя были окружены запущенною, развалившеюся отчасти оградой и водянымъ ровомъ. Мостъ велъ въ городъ, рас-

положенный къ С.; городская стѣна и ровъ находились въ еще болѣе разоренномъ видѣ. Нѣсколько домовъ тянулись по дорогѣ на Сузару до самаго монастыря. Мѣстность была засажена туловыми деревьями, обвитыми лозами, что, вмѣстѣ съ множествомъ канавъ и плотинъ, затрудняло движеніе и вообще мѣстность не способствовала дѣйствию кавалеріи.

Хотя Вандомъ и полагалъ, что сраженіе произойдетъ только 16-го августа, но, вслѣдствіе близости непріятеля, нужно было для бивуакированія на 15-е озаботиться о мѣрахъ предосторожности. Поэтому Вандомъ распорядился устроить вдоль фронта, къ сѣверу отъ Люцары, укрѣпленія, имѣя въ общемъ фронтъ на С. и С. В., Главная плотина дѣлила французское расположеніе на два крыла. Меньшая плотина позволяла расположить войска подь угломъ впередъ такъ, чтобы они фланкировали непріятеля, наступающаго между ними и главнымъ валомъ. Засѣки должны были защищать лѣвый флангъ войскъ, поставленныхъ подь угломъ.

Въ этомъ положеніи французская армія могла своимъ лѣвымъ крыломъ также прикрывать мѣсто переправы къ юго-западу отъ Люцары, которую предполагалось построить, спустивъ сюда мостъ изъ Казальмаджіоре.

Медленно подходили французскія войска. Около 10 часовъ утра получено было извѣстіе изъ Люцары, что показались имперцы.

Евгеній 13 августа, вполне убѣдившись въ намѣреніяхъ непріятеля, стоялъ въ Солето готовый къ движенію. Имперская кавалерія всѣ эти дни дѣлала набѣги и рекогносцировки и доходила даже до Кростоло, но еще не было вполне извѣстно направленіе французской арміи.

Ночь на 15-е августа прошла спокойно. Австрійская конница плохо развѣдывала, такъ что ночное движеніе французовъ осталось для имперцевъ тайною—ихъ кавалерія до утра нигдѣ не натыкалась на двигавшіяся французскія колонны. Только къ 10 часамъ утра пришло первое извѣстіе о наступленіи французовъ. Тогда Евгеній, полагая напасть на французовъ неожиданно, двинулся въ 2-хъ колоннахъ: первая боевая линія шла въ лѣвой колоннѣ, черезъ Табеллино, къ Люцарѣ, къ востоку отъ плотины, вторая боевая линія—въ правой колоннѣ, вдоль р. По, къ западу отъ плотины. Сила арміи, за исключеніемъ оставленныхъ для прикрытія лагеря,—32 бат., 76 эск. и 56 орудій; 10955 чел. пѣх., 8688 чел., кав., всего 19643. Отношенія силъ французовъ къ имперскимъ—3:2.

Евгеній находился въ головѣ лѣвой колонны. Последняя выступила раньше, хотя ей предстояла болѣе короткая дорога и болѣе удобная, такъ что правая, при приближеніи лѣвой къ Люцарѣ, отстала на 1½ час.

Узнавъ о движеніи имперцевъ, Вандомъ немедленно поскакалъ на встрѣчу своей арміи; необходимо было поставить ее въ боевой порядокъ; времени терять было нельзя. Когда онъ прибылъ въ Люцару, тамъ находилось еще немного его войскъ. Сначала, не зная о движеніи правой колонны имперцевъ, онъ хотѣлъ воспользоваться главной плотин-

ной, какъ брустверомъ, такъ какъ нечего было опасаться за пространство между этой плотиною и р. По, но, не смотря на это, онъ направилъ первыя прибывшія войска (пѣх. полкъ Пиемонтъ) въ угловое свое расположеніе на С. В.; лѣвый флангъ прикрывъ 4-я эскадронами кавалеріи, вслѣдъ за которыми былъ посланъ еще пѣхотный полкъ, расположившійся лѣвѣе полка Пиемонтъ. Между тѣмъ подошла главная часть лѣвой колонны на высоту Люцары и отъ нея была выдвинута черезъ плотину бригада Дюго, примкнувшая къ правому флангу полка Пиемонтъ. Затѣмъ стали подходить и другія части. Бригада Дюго стояла въ вершинѣ входящаго угла. Генераль Альберготти распорядился устновкою пѣхоты между плотиною и р. По; пѣхота строилась въ одну боевую линію, такъ какъ части прибывали крайне медленно. Позади лѣваго крыла поставлена была кавалерія, всего 2400 коней. Къ востоку отъ плотины войска были размѣщены генераломъ Креки. На плотинѣ поставлена батарея, которая могла стрѣлять по обѣ стороны плотины. Вмѣсто второй линіи Вандомъ приказалъ позже прибывавшимъ войскамъ образовать два резерва по обѣ стороны Люцары.

Евгеній, узнавъ о такомъ расположеніи французовъ и о присутствіи здѣсь всѣхъ силъ Вандома, остановилъ лѣвую колонну въ $\frac{1}{2}$ часѣ къ С. отъ Люцары, чтобы выждать прибытіе колонны Коммерси, а самъ отправился на рекогносцировку неприятельскаго расположенія. Только въ $4\frac{1}{2}$ часа пополудни правая колонна подошла на одну высоту съ лѣвой. Такимъ образомъ не исполнилось желаніе Евгенія произвести нечаянное нападеніе. Нечего было думать о правильномъ построеніи боеваго порядка, потому что для этого нужно было совершить фланговые марши, что при такой близости неприятеля трудно было исполнить. При данныхъ обстоятельствахъ Евгеній распорядился построить все лѣвое крыло изъ войскъ лѣвой, а правое изъ войскъ правой колонны.

Выдвинутое лѣвое крыло французовъ тотчасъ же обратило на себя вниманіе Евгенія, потому что, наступая имъ, французы могли ему отрѣзать путь отступленія въ Солето; вслѣдствіе этого Евгеній приказалъ своему правому крылу наступать противъ лѣваго французовъ, для чего усилилъ его 9 баталіонами и 8 эскадронами. Противъ батареи на плотинѣ были поставлены 4 орудія. Часть драгунъ заняли Риву.

Хотя Коммерси передъ атакой произвелъ рекогносцировку, но надо полагать не замѣтилъ тѣхъ войскъ, которыя были поставлены уступомъ къ общему фронту французовъ и принялъ бригаду Дюго за крайній лѣвый флангъ.

Пересѣченная мѣстность препятствовала дѣйствию кавалеріи, а потому вся тяжесть боя легла на пѣхоту; конница оставалась на флангахъ.

Крайнее лѣвое крыло составляли драгуны, и сзади, уступомъ на лѣво, Водемонъ со своею кавалерією.

Коммерси получилъ приказаніе по данному Евгеніемъ пушечному сигналу начать атаку въ 5 часовъ. Въ теченіи цѣлаго часа продолжа-

лась канонада, а затѣмъ, около 6-ти часовъ, двинулось правое крыло имперцевъ, причемъ въ узкомъ пространствѣ между р. По и плотиною трудно было развернуться, а канавы и валы затрудняли путь и задерживали наступленіе. Вслѣдствіе такой пересѣченности мѣстности сраженіе вскорѣ разбилось на нѣсколько отдѣльныхъ стычекъ.

Первые баталіоны имперцевъ съ нѣсколькими эскадронами двинулись въ атаку, но, встрѣченные неприятелемъ съ фрочта и поражаемые съ фланга полками Пиемонтъ и Магине, они, понеся значительныя потери, должны были отступить, особенно когда былъ смертельно раненъ Коммерси. Баталіоны полковъ Бальи и Герберштейна по неизвѣстной причинѣ, также направились на тотъ же входящій уголь французскаго расположенія и фланговымъ огнемъ упомянутыхъ двухъ полковъ отброшены съ большими потерями.

Только появленіе Евгенія останавливаетъ бѣгущіе баталіоны; поддержанные новыми подкрѣпленіями, они снова двигаются въ атаку, но снова отброшены. Въ третій разъ полкъ Гуттенштейна, двигается впередъ и австрійцамъ удается наконецъ дойти до линіи французскаго расположенія, но Безонъ съ 4 кавалерійскими полками произвелъ блестящую атаку, опрокинулъ австрійцевъ и остановилъ ихъ наступленіе. Къ 9 часамъ вечера, на этомъ пунктѣ бой началъ ослабѣвать.

На лѣвомъ флангѣ имперцевъ графъ Штарембергъ также перешелъ въ наступленіе. Лѣвый флангъ охранялъ Водемонъ съ 17 эскадронами; сзади пѣхоты въ резервѣ стали 8 эскадроновъ. Эта атака была встрѣчена спѣшившими кавалеристами и отбита. Тогда Водемонъ со своею кавалерією произвелъ атаку въ охватъ праваго фланга французовъ; но, взятый самъ во флангъ однимъ баталіономъ и жандармами, былъ опрокинутъ и далъ тылъ; французы остановили свое наступленіе и отошли за Томбу, удерживая за собою монастырь.

О дальнѣйшемъ продолженіи боя нельзя было думать за темнотою ночи и усталостью войскъ, но обѣ арміи ожидали продолженія боя на слѣдующій день. Всю ночь работали, чтобы привести вновь занятая позиціи въ оборонительное положеніе.

Французы потребовали отъ Водемона присылки еще 10 баталіоновъ, которые и прибыли, но Водемонъ настолько былъ ослабленъ, что ничего не могъ предпринять противъ Боргофорте. Къ имперцамъ также прибыли 2 баталіона и 2 гусарскихъ полка. По австрійскимъ даннымъ они потеряли около 2700 чел., а французы около 5000 челов.

У французовъ участвовало въ бою 40% войскъ бывшихъ на полѣ сраженія, у имперцевъ 49%. На главномъ пунктѣ (лѣвый флангъ французовъ) у Вандома—5900 изъ 29000—20%; у Евгенія 11.500 изъ 19.600—59%; на полѣ сраженія у французовъ 29.000—35%, у имперцевъ 19.100—65%.

16-го августа утромъ обѣ арміи находились въ полной готовности начать новый бой. Евгеній при своемъ численномъ меньшинствѣ не могъ

рѣшиться на наступательный бой, тѣмъ болѣе, что за ночь французы укрѣпились также какъ и имперцы. Французы съ своей стороны также не рѣшались произвести атаку, и обѣ арміи приступили къ усовершенствованію своихъ укрѣпленій. Въ теченіи дня шла только артиллерійская канонада. Имперскія войска, расположенныя въ Люцарѣ (400 ч.), сдались въ этотъ день, не надѣясь на выручку. При взаимномъ укрѣпленій позицій старались, ломая фронтъ, становиться на продолженіи расположенія частей непріятельской арміи. Укрѣпленія французовъ состояли изъ рва съ брустверомъ и многими проходами для вылазокъ, прикрытыхъ реданами; они шли отъ моста черезъ р. По вдоль дороги въ Люцару, далѣе вдоль главнаго вала на 500 с. къ С. В. отъ Люцары, здѣсь, образуя плацдармъ, линія поварачивала подь острымъ угломъ въ южномъ направленіи и далѣе шла на востокъ къ Томбѣ, которая была приведена въ оборонительное состояніе. Во многихъ мѣстахъ фланкируемыхъ имперцами устроены были траверсы. Войска расположились вдоль этихъ линій. На большомъ островѣ на р. По были построены 3 батареи, которыя фланкировали расположеніе имперцевъ. Линія послѣднихъ шла перпендикулярно къ р. По до меньшей плотины, откуда отходила къ Зегарбѣ и къ главному валу, гдѣ была устроена батарея, затѣмъ, окружая французскій входящій уголъ, укрѣпленія шли на разстояніи 300 шаговъ и далѣе подь острымъ угломъ въ С. В. направленіи, кончаясь у домиковъ. Въ этихъ укрѣпленіяхъ также было устроено много траверсовъ.

Продовольствіе имперцы получали изъ Боргофорте и Остиліи.

Между тѣмъ у Боргофорте французы подступили къ самому укрѣпленію и строили батарею параллельно дорогѣ въ Куртатоне, на правомъ берегу Fossa-maestra, и перпендикулярно къ дорогѣ Мантуя-Боргофорте. Отправивъ около 4 т. чел. Вандому, Водемонъ, имѣя 9 т. чел. (5 т. пѣх.), отошелъ нѣсколько отъ Боргофорте.

18 августа собрался у французовъ военный совѣтъ. Мнѣнія относительно дальнѣйшихъ дѣйствій расходились; одни предлагали притянуть еще войска на правый берегъ и осадить Гуастало, другіе — отослать войска Водемону и осадить Боргофорте, третьи думали притянуть еще войска отъ Водемона и искать новаго боя, который Евгений долженъ былъ-бы принять безъ укрѣпленнаго фронта и тыломъ къ р. По. Осада Гуастало могла имѣть успѣхъ, но оказывала малое вліяніе на общій ходъ операцій. Атака Боргофорте была болѣе важна, но могла затянуться на долго. Третье рѣшеніе могло-бы имѣть весьма важныя послѣдствія, но въ этомъ случаѣ можно было опасаться, что Евгений, какъ только французы очистятъ Сералио и все сосредоточатъ для атаки, перейдетъ черезъ По въ одинъ переходъ и, занимая центральное положеніе, будетъ защищать рѣку. Вандомъ склонялся къ послѣднему рѣшенію, но Филиппъ Анжускій, по совѣту нѣкоторыхъ генераловъ, не согласился на это и приказалъ

возобновить осаду Боргофорте, отправивъ опять часть войскъ на лѣвый берегъ По.

Стратегическое положеніе арміи такимъ образомъ осталось прежнее.

Однако 28 августа французы сняли осаду Боргофорте, сомнѣваясь въ ея успѣхѣ, Гуастало-же сдалось французамъ. Положеніе Евгения въ лагерѣ подь Люцарою становилось отчаянное; его солдаты были оборваны, безъ сапогъ, платья, пищи, между лошадьми оказался сильный падежъ (до 6000 лошадей пало). Особенное вниманіе Евгения было обращено на Бресчелло и Остилію; послѣдняя была особенно важна какъ единственный исходный пунктъ для сообщенія съ базой, хотя довольствіе войскъ Евгения и было основано на фуражировкахъ, такъ какъ съ базы онъ почти ничего не получалъ; здѣсь опять его выручала кавалерія, которая ежедневно возвращалась въ лагерь съ большими запасами.

Между тѣмъ Вандомъ снова обратился къ плану обхода лѣваго фланга Евгения, и 18 сентября послалъ 4 бат. въ Карни, чтобы устроить тамъ печи и заложить магазинъ.

Настало уже осеннее время. Дороги испортились. По высоко поднялась, такъ что нѣкоторые полки должны были перемѣнить лагерныя стоянки. Французы уже отправили свою тяжелую артиллерію въ Кремону, а также транспорты съ больными и войсковыми тяжестями—все это предвѣщало, что они вскорѣ оставятъ лагерь. Вдругъ получено было извѣстіе, что французы въ 3 часа утра 5 ноября оставили лагерь и расположились въ боевомъ порядкѣ въ разстояніи около 2½ верстъ отъ прежняго лагеря, а въ 8 часовъ въ 3-хъ колоннахъ двинулись далѣе, въ направленіи къ Руджіоло.

Дѣйствительно Вандомъ рѣшилъ привести въ исполненіе свой планъ обхода лѣваго фланга Евгения и приказалъ въ этотъ же день, 5 ноября, атаковать Боргофорте частью гарнизона изъ Мантуи; французская армія, пройдя 12 верстъ, остановилась у Реджіоло на р. Талиатѣ, гдѣ простояла весь день 6 ноября.

Евгений полагалъ, что это отступленіе предпринято съ цѣлью расположенія войскъ на зимнихъ квартирахъ, а потому и онъ намѣревался сдѣлать то же, и въ этихъ видахъ 6 ноября большая часть обоза и артиллеріи были отправлены имъ къ Боргофорте, въ бывшій лагерь у Солето, куда утромъ 7 выступила вся армія. Но, не успѣвъ еще прибыть туда, онъ получилъ новыя свѣдѣнія о движеніи непріятеля, а именно, что французы въ этотъ день 7 ноября, передвинулись вправо, захвативъ мостъ у Бонданело, и расположились лагеремъ между Бонданело и Маглей. Теперь онъ ясно понималъ, что имѣетъ дѣло съ наступательнымъ, а не отступательнымъ движеніемъ французовъ и что вся операція клонится къ отрѣзанію его отъ р. Секіи и занятію района между р. Секіей и Панаро, т. е. его квартирнаго расположенія. Евгений немедленно рѣшился двинуться самъ на встрѣчу противнику и искать съ нимъ боя,

а потому направилъ все свои войска къ р. Секін. Во главѣ арміи шли 5 пѣхотныхъ полковъ и вся кавалерія; остальные слѣдовали сзади. Дороги отъ дождя сдѣлались трудно проходимыми, но, какъ только 8-го вечеромъ прибыли первыя войска въ С. Сиро, немедленно были переправлены на правый берегъ р. Секін 4 полка кавалеріи съ приказаніемъ задержать переправу французовъ, пока не подоспѣютъ остальные подходившія войска.

Французы, узнавъ о прибытіи имперцевъ 8-го въ С. Сиро, видѣли, что имъ теперь не удастся движеніемъ изъ Бонданело къ Бенедето удержатъ Евгенія у Боргофорте—Солето, а также, что они не успѣютъ раззорить выбранныя имъ квартиры между р. Панаро и Секією. Между тѣмъ безъ боя нельзя было устроить переправу; движеніе къ р. По тоже должно было вести къ бою. Такъ какъ при этомъ Евгенийъ, владѣя мостомъ у С. Сиро, могъ занять весьма выгодную позицію между По и Секією, имѣя передъ французами Fossa grande, то Вандомъ не считалъ себя достаточно сильнымъ, чтобы атаковать противника и потому рѣшилъ отказаться отъ предпринятой имъ операціи. Вскорѣ пришло извѣстіе, что французская армія раздѣляется и двигается для занятія зимнихъ квартиръ, а потому Евгенийъ приказалъ и своимъ войскамъ стать по квартирамъ. 13 ноября Вандомъ отступилъ къ Фабрико. Онъ хотѣлъ передъ окончаніемъ кампаніи еще овладѣть Боргофорте и занять весь западный берегъ р. Секін. 14-го ноября взято было Боргофорте, а затѣмъ въ декабрѣ пало и Говерноло, чѣмъ была закончена кампанія 1702 г. Евгенийъ отправился въ Вѣну, сдавъ жалкіе остатки своей арміи Штарембергу.

Кампанія эта, славная для Вандома, дѣлаетъ не менѣе чести Евгению, не смотря на превосходство противника въ силахъ, успѣвшему удержатся въ непріятельской странѣ. Разбирая эту кампанію, мы найдемъ маршъ Вандома къ Гоио превосходнымъ; намѣреніе его искать сраженіе, чтобы выгнать противника изъ Ломбардіи вполне цѣлесообразно; раздѣленіе силъ, чтобы разомъ отрѣзать оба пути отступленія Евгению, представляло опасность. Затѣмъ Вандомъ бездѣйствовалъ послѣ Люцарскаго сраженія, когда онъ значительно превосходилъ противника силами (вліяніе двоевластія). Дѣйствія Евгениа послѣ неудачнаго нападенія на Кремону обличаютъ высокія его способности полководца. Всякій другой, при такомъ значительномъ превосходствѣ противника въ силахъ, имѣя въ тылу Мантую съ сильнымъ гарнизономъ, не рѣшился бы держаться впереди Минчіо и вѣроятно удалился бы за Минчіо и Адигъ, тѣмъ болѣе, что противною армією командовалъ такой искусный полководецъ, какъ Вандомъ. Евгенийъ не отступаетъ ни шагу и не принимаетъ безъ выгодныхъ шансовъ боя. Почти подъ пушками непріятельской Мантуи, онъ занимаетъ превосходную стратегическую позицію, которая доставляетъ ему неисчислимыя выгоды. Владѣя обоими берегами По, онъ могъ, въ случаѣ покушенія непріятели отрѣзать ему путь сообщенія съ Тиро-

лемъ, продовольствоваться изъ Мирандольскихъ магазиновъ; въ случаѣ движенія противника для прерванія его сообщеній съ послѣдними, онъ могъ базироваться на Тироль. Отъ атаки открытою силою онъ былъ обезпеченъ природною крѣпостью позиціи и силою своихъ ретраншаментовъ. Кромѣ того, при первомъ или второмъ способѣ дѣйствій, самъ Евгенийъ могъ угрожать сообщеніямъ противника съ Миланомъ. Еслибы непріятель раздѣлилъ свои силы съ цѣлью разомъ отрѣзать Евгениа отъ обоихъ основаній дѣйствій, то обширность укрѣпленной позиціи заставляла непріятельскія части далеко отдѣляться одна отъ другой и Евгенийъ, пользуясь сосредоточенностью своего положенія, могъ бить каждого порознь. Когда это дѣйствительно случилось, онъ смѣло двинулся на Вандома и, ища боя, намѣревался нечаянно напасть на противника (Люцара), что однако ему не удастся. Наконецъ, не смотря на неравенство въ силахъ по вторичномъ соединеніи Водемона съ Вандомомъ, онъ успѣваетъ удержатся въ Мирандольской провинціи, держа армію на счетъ непріятельской страны.

Кампанія принца Евгениа Савойскаго въ Ломбардіи и Пьемонтѣ въ 1706 году.

Теперь мы приступимъ къ разсмотрѣнію той кампаніи, которая по смѣлости соображенія плана дѣйствій и по рѣшительности въ его исполненіи совершенно выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ и показываетъ болѣе нежели въ другомъ случаѣ блестящія стратегическія способности Евгениа, въ дѣйствіяхъ своихъ далеко опередившаго современнаго понятія объ образѣ веденія войны. Съ другой стороны кампанія 1706 года можетъ еще рельефнѣе показать какъ нераціональна была, принятая Францією, а за нею всеми, система обороны границъ рядомъ крѣпостей и укрѣпленныхъ пунктовъ.

Успѣхи, пріобрѣтенные Евгениемъ, бросаются тѣмъ болѣе въ глаза, что онъ далеко уступалъ французамъ въ числѣ войскъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, но какъ истинно великій полководецъ искусными маневрами при каждомъ столкновеніи онъ превосходилъ противниковъ въ силахъ и тѣмъ приготавливалъ себѣ шансы для успѣха, какъ впоследствии Наполеонъ, чрезъ 100 лѣтъ, въ началѣ кампаніи 1796 года. Положеніе Франціи въ началѣ 1706 года было далеко не дурное, не смотря на отложеніе герцога Савойскаго и потерю Баваріи въ предшествовавшую кампанію; союзники были удержаны на Рейнѣ, во Фландріи и въ Италіи, гдѣ, благодаря талантливому Вандому, французы послѣ битвы при Кассано имѣли рѣшительный перевѣсъ надъ противниками. Неудачи въ Испаніи были поправимы, тѣмъ болѣе что Людовикъ XIV могъ располагать независимо отъ моряковъ 300 т. сухопутныхъ войскъ. Но вмѣсто того, чтобы воспользоваться этою массою силъ и употребить ихъ сооб-

разно важности различных театров военных действий, онъ раздробилъ силы равномерно по всемъ границамъ, предполагая на всѣхъ театрахъ войны действовать наступательно, и, что еще хуже, во главѣ армій во Фландриі поставленъ былъ бездарный Вильруа, а въ Италиі, какъ мы увидимъ ниже, герой Гохштедта, Марсенъ; способности Вильяра, лучшаго полководца Франціи въ эту эпоху, употреблены были непроизводительно на Рейнѣ, гдѣ цѣль действий была весьма ограничена. Подобныя распоряженія не замедлили принести гибельные плоды. Вильруа разбитъ былъ на голову Мальборо при Рамилъи, Италиа была невозвратно потеряна. Успѣхи Вильяра на Рейнѣ и Бервика въ Испаніи не вознаграждали неудачъ на главныхъ театрахъ войны.

1706 годъ былъ тяжелымъ годомъ для Франціи; успѣхъ, который попеременно переходилъ на сторону воюющихъ державъ, явно склоняется на сторону враговъ Людовика XIV; Франціа истощается въ своихъ матеріальныхъ и нравственныхъ средствахъ и быстро близится къ неминуемой катастрофѣ.

Лувау уже не было въ живыхъ. Военнымъ министромъ во Франціи былъ бездарный Шамильяръ, который, не имѣя административныхъ талантовъ Лувау, продолжилъ систему своего предшественника, вмѣшиваясь въ распоряженія полководцевъ, стѣняя ихъ инструкціями изъ Парижа и такимъ образомъ парализуя самыя лучшія ихъ распоряженія. Переписка Вильяра и Вандома лучше всего это показываетъ. Такъ въ дѣйствіяхъ въ Италиі эта система едва не повлекла за собою катастрофы еще въ 1705 году. Шамильяръ предложилъ раздѣлить армію, действовавшую въ Италиі, на двѣ части: одна подъ непосредственнымъ начальствомъ Вандома, должна была ограничиться противъ Евгениі строго оборонительными дѣйствіями, прикрывая осаду Турина, порученную другой арміи, Лафельяда, превосходной по силамъ.

Такимъ образомъ главнымъ предметомъ дѣйствій былъ Туринъ *); второстепенная роль представлялась арміи, действующей въ полѣ и уступавшей по силамъ Евгению. Тщетно Вандомъ писалъ, что Туринъ падетъ самъ собою, если армія Евгениа будетъ разбита, и напротивъ—осада будетъ безуспѣшна, если прикрывающій ея корпусъ будетъ разбитъ. «Напрасно думаютъ объ осадѣ Турина въ то время какъ дѣла здѣсь (на Аддѣ) не въ безопасности. Это значитъ подвергнуться неминуемому поражению. Если моя армія будетъ разбита, армія действующая въ Пьемонтѣ подвергнется такому же безсилію, на которое вы меня осуждаете. Я не могу согласиться на дѣло противное службѣ короля и его славы. Пришлите мнѣ немедленно подкрѣпленія, которыя я требовалъ». Но требованія Вандома были напрасны. И только рѣшительность и смѣлость французскаго главнокомандующаго и увѣнчавшій эту смѣлость успѣхъ при Кассано спасли французскую армію.

*) См. карту похода 1706 г.

Въ началѣ 1706 года положеніе герцога Савойскаго и имперскихъ войскъ въ Италиі не только не улучшилось съ 1705 года, но становилось болѣе и болѣе затруднительнымъ и, не смотря на вновь сдѣланные наборы, войска герцога и Штаремберга, расположенныя подъ Туриномъ, состояли не болѣе какъ изъ 25 т. Графъ Ревентлау, командовавшій въ отсутствіе Евгениа, имѣлъ подъ ружьемъ около 16 т. и расположенъ былъ по западной сторонѣ Гардскаго озера. Квартирное его расположеніе было чрезвычайно растянуто; подкрѣпленія, которыми предположено было усилить итальянскую армію, находились еще въ слѣдованіи; французы имѣли, напротивъ того, до 90 т. войскъ въ Италиі: Лафельядъ съ половиною войскъ осаждалъ Туринъ, слѣдуя плану Шамильяра, а остальные войска частью расположены были по крѣпостямъ, частью же, 48 т., занимали квартирное расположеніе противъ войскъ Ревентлау.

Вандомъ, прибывъ раннею весною изъ Парижа въ Миланъ, рѣшился воспользоваться превосходствомъ своихъ силъ и отступленіемъ Евгениа, чтобъ вытѣснить имперскія войска изъ Италиі и тѣмъ облегчить Лафельяду покореніе Турина. Распустивъ слухъ о своей болѣзни и о томъ, что французскія войска, утомленныя походомъ прошлаго года, должны отдыхать цѣлую весну и ожидать подкрѣпленій и, обманувъ такимъ образомъ бдительность имперцевъ, Вандомъ скрытно собралъ до 36 т. войскъ въ Кастильоне и быстро двинулся на квартирное расположеніе Ревентлау; но мѣстныя препятствія, встрѣченныя на пути, замедлили его маршъ и тѣмъ дали время имперцамъ стянуть разсѣянныя силы къ Кальчинато. Вандомъ атаковалъ, разбилъ ихъ на голову и съ потерей 4½ т. отбросилъ въ Ровередо. Италиа такимъ образомъ была очищена; надлежало теперь запретить доступы въ нее по долинѣ Адига. Фекьеръ справедливо говоритъ, что слѣдовало развить успѣхъ наступленіемъ къ Ровередо. Вандомъ не дѣйствовалъ съ должною настойчивостью, когда онъ могъ даже, пославъ отрядъ къ восточному берегу Гардскаго озера, отрѣзать путь отступленія Ревентлау и заставить его положить оружіе.

Въ то время, когда бѣглецы собирались въ Ровередо, въ этотъ городъ прибылъ Евгенийъ изъ Вѣны съ незначительными подкрѣпленіями. Собравъ разсѣянныя свои войска и ободривъ ихъ, Евгенийъ двинулся къ Сало, въ намѣреніи остановить маршъ французовъ на Триентъ. Но, встрѣтивъ упорное сопротивленіе и угрожаемый обходомъ съ праваго фланга, онъ принужденъ былъ отступить.

Обогнувъ съ сѣвера Гардское озеро, онъ спустился по Адигу и занялъ позицію на лѣвомъ его берегу у Вероны. Альберготти съ 16 т. войскъ, посланный Вандомомъ на перерѣзъ его пути, не умѣлъ исполнить своего назначенія. Вандомъ въ свою очередь расположился вдоль Адига, охраняя цѣпью отрядовъ все пространство отъ Сало до Бадіа. Въ такомъ расположеніи оба противника простояли конецъ мая и весь іюнь мѣсяцъ въ совершенномъ бездѣйствіи; Евгенийъ, ожидая подкрѣпленій изъ Германіи, Вандомъ съ цѣлью дать время Лафельяду овладѣть

Туриномъ. Подобное бездѣйствіе непонятно въ такомъ полководцѣ, какъ Вандомъ, при значительномъ его превосходствѣ въ силахъ; отославъ часть войскъ на помощь Лафельяду, онъ имѣлъ еще болѣе 40000 подъ ружьемъ, тогда какъ его противникъ, по прибытіи въ Верону, едва имѣлъ (съ подкрѣпленіями) до 29000 войскъ. Между тѣмъ Лафельядъ съ 44 т. войскъ (68 баталіон. 80 эскадр.) обложилъ Туринъ съ лѣваго берега По, окруживъ его контръ и циркумвалаціонными линіями; сообщеніе-же города съ правымъ берегомъ оставлено было безъ вниманія. Въ опасеніи быть въ немъ запертымъ, герцогъ Савойскій оставилъ подъ начальствомъ графа Дауна въ городѣ до 20 тыс. войскъ (12 нѣмецкихъ батальоновъ, 17 савойскихъ и 1600 спѣшенныхъ кавалеристовъ) и вышелъ изъ него съ 8 т. (4 т. пѣхоты и столько же кавалеріи). Лафельядъ, оставивъ большую часть войскъ подъ Туриномъ, съ остальными пошелъ за герцогомъ, но тотъ, отступивъ по направленію къ Карманьолѣ, ушелъ въ горы, гдѣ усилился подоспѣвшими ополченіями до 12 т. Тогда Лафельядъ началъ правильную осаду, имѣя 110 тяжелыхъ орудій и 59 мортиръ.

Подобное положеніе дѣлъ и усиленная просьба герцога заставили, наконецъ, Евгенія выйти изъ бездѣйствія. Въ концѣ іюня у него было уже 38 т. подъ ружьемъ и кромѣ того 10 т. гессенцевъ находились въ слѣдованіи къ нему на подкрѣпленіе. Необходимость поспѣшить на помощь Турину и отдаленіе гессенцевъ, заставили Евгенія не откладывать долѣе исполненіе задуманнаго имъ плана освобожденія савойской столицы. Планъ его заключался въ томъ, чтобъ, бросивъ сообщенія съ Тиролемъ, идти правымъ берегомъ По какъ можно поспѣшнѣе на соединеніе съ герцогомъ Савойскимъ и затѣмъ, опередивъ французскую армію, стоящую на Адигѣ, дать подъ Туриномъ рѣшительное сраженіе Лафельяду. Конечно, планъ этотъ былъ чрезвычайно смѣлымъ. Приходилось бросить сообщенія и искать новой базы на правомъ берегу По и кромѣ того, не имѣя ни правильно устроенныхъ парковъ, ни госпиталей, двигаться по мѣстности чрезвычайно пересѣченной, гдѣ предпримчивый противникъ могъ остановить его на каждомъ шагу. Но Евгенийъ долженъ былъ рѣшиться на это крайнее средство, видя затруднительное положеніе Турина и боясь, что съ его паденіемъ и герцогъ Савойскій можетъ отказаться отъ австрійскаго союза.

Пробиться чрезъ линію растянутыхъ по Адигу постовъ при такомъ противникѣ, какъ Вандомъ, было еще опаснѣе. Удачное исполненіе задуманнаго плана обуславливалось скрытностью первой операціи, состоявшей въ обходѣ праваго фланга французской линіи. Оставивъ на Адигѣ противъ французовъ до 8½ т. войскъ, которыя должны были вскорѣ усилиться 10 т. гессенцевъ, Евгенийъ съ остальными 34 т. спустился быстро внизъ по Адигу, прогнавъ французскій постъ здѣсь находившійся, какъ въ кампанію 1701 г., къ мѣстечку Бадіа, переправился чрезъ Адигъ, а въ мѣстечкѣ Полицеллѣ чрезъ По, и остановился въ Мо-

денскихъ владѣніяхъ въ мѣстечкѣ Санта Біана на Панаро. Обойденная съ фланга французская армія не могла держаться на линіи Адига и отступила за Минчіо. Съ этой минуты проявляется нерѣшительность въ рядахъ французовъ. Причиной ея было удаленіе Вандома, назначеннаго главнокомандующимъ въ Нидерланды, чтобы поправить тамъ довольно критическое положеніе дѣлъ, вслѣдствіе пораженія Вильруа при Рамилли. Выборъ ему преемниковъ въ командованіи арміею былъ вполне не удаченъ. Хотя герцогъ Орлеанскій пользовался любовью и уваженіемъ всего народа и войска и обладалъ рѣшительностью, смѣлостью и здравымъ смысломъ, но ему не доставало опытности, въ особенности противъ такого противника, какъ Евгенийъ. Чтобы пополнить этотъ недостатокъ, Версальскій Дворъ назначилъ въ совѣтники молодому принцу, такъ плохо выказавшагося при Гохштедтѣ, Марсеня, опытнаго въ пораженіяхъ. Подобное назначеніе было тѣмъ вреднѣе, что Марсень имѣлъ тайное полномочіе отъ короля въ случаѣ разногласія въ мнѣніяхъ принимать неограниченную власть надъ арміею.

Бездарность Марсеня обнаружилась тотчасъ по принятіи командованія надъ итальянской арміею.—Вмѣсто того, чтобы, пользуясь превосходствомъ силъ, сосредоточенностью ихъ, немедленно обратиться на какую либо изъ частей арміи Евгенія, раздѣленныхъ рѣкою По и разбить ее до прибытія другой и такимъ образомъ, сохраняя инициативу въ дѣйствіяхъ, заставить Евгенія дорого поплатиться за раздѣленіе силъ, принцъ Орлеанскій и Марсень сами раздѣлились на двѣ части. Оставивъ Медави съ 10 тыс. войскъ на Минчіо противъ принца Ангальтскаго, усилившаго соединиться съ гессенцами, и усиливъ гарнизоны Гойто и другихъ пунктовъ, французскіе полководцы съ 26 тыс. войскъ (40 бат. и 80 эскадр.) перешли на правый берегъ По и расположились за р. Секкией, недалеко отъ ея впаденія въ По, при мѣстечкѣ С. Бенедетто. Позиція эта, хотя крѣпкая природою, лежала на флангѣ Евгенія, не заграждая ему пути. Кажется французскіе главнокомандующіе разсчитывали, что Евгенийъ, опасаясь за сообщенія, не рѣшится оставить у себя на флангѣ неприятельскую армію.

Необходимость овладѣть нѣсколькими пунктами въ Пармскихъ владѣніяхъ для помѣщенія госпиталей и армейскихъ депо и выждать прибытія принца Гессенскаго удержали принца Евгенія отъ дальнѣйшаго слѣдованія къ Турину до половины августа.

Подойдя къ позиціи французовъ и найдя ее чрезвычайно сильною, Евгенийъ не рѣшился ее атаковать съ праваго фланга, а вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы отвлечь вниманіе французовъ, приказалъ принцу Гессенскому дѣйствовать наступательно противъ Медави на Минчіо. Вскорѣ имперцы овладѣли на флангѣ французовъ Карпи, Реджіо, Корреджіо и Пармою. Въ то же время принцъ Гессенскій форсировалъ переправу на Минчіо у Валеджіо, овладѣлъ Гойто и заставилъ Медави отступить въ Кастильоне.

Устрашенные его успѣхами, не зная въ точности о силахъ двухъ

отдѣльныхъ дѣйствующихъ имперскихъ армій, а главное, опасаясь за сообщенія съ Миланомъ, Марсень и принцъ Орлеанскій рѣшились двинуться на помощь Медави. Перейдя на лѣвый берегъ По, они направились на Гойто, но опоздали. Гойто было уже взято имперцами. Такимъ образомъ, укрѣпленные пункты и крѣпости не оказывали никакого вліянія на ходъ военныхъ дѣйствій, только приносили вредъ, ослабляя армію, дѣйствующую въ полѣ. Еслибъ изъ 33-хъ крѣпостей, занятыхъ гарнизонами въ числѣ 20 тыс., большая часть была бы скрыта и гарнизоны ихъ усилили французскую армію, то Медави могъ бы удержаться на линіи Минчіо, превосходя противниковъ въ силахъ и имѣя на флангѣ такую сильную крѣпость, какъ Мантуя. Что касается Марсена и принца Орлеанскаго, то переходъ ихъ на лѣвый берегъ По оказался совершенно напраснымъ и они упустили удобный случай обрушиться всею массою войскъ на Евгенія, двигавшагося смѣло между долиною По и Аппенинами; при численномъ превосходствѣ силъ, они, въ случаѣ успѣха, отрѣзывали его отъ сообщеній съ герцогомъ Савойскимъ и съ устроеннымъ имъ въ Мирандольскихъ владѣніяхъ базисомъ и отбрасывали въ горы. Для этого, конечно, требовалась рѣшительность дѣйствій и быстрый взглядъ, умѣющій обнять положеніе дѣлъ и воспользоваться его выгодами. Между тѣмъ удаленіе ихъ на лѣвый берегъ По открыло Евгенію путь къ Турину, который едва держался противъ Лафельяда. Но при этомъ движеніи приходилось преодолевать большія мѣстныя затрудненія. Время стояло жаркое; русла многихъ рѣчекъ, пересѣкающихъ долину праваго берега рѣки По, при первомъ сильномъ дождѣ, какъ всѣ горные потоки, могли быстро наполниться водою и тѣмъ остановить маршъ Евгенія; пересохшіе ручьи часто не доставляли воды при бивакированіи. Къ тому же нужно было слѣдовать какъ можно поспѣшнѣе впередъ, чтобы пройти не менѣе важное препятствіе, дефиле у Страделлы, гдѣ отроги Аппенинъ близко подходятъ къ По и гдѣ маленькій непріятельскій отрядъ могъ остановить движеніе цѣлой арміи. Дѣйствительно, герцогъ Орлеанскій, понявъ, но уже поздно, свою ошибку и зная о стратегическихъ выгодахъ Страдельской позиціи, быстро слѣдовалъ къ ней съ 32 тыс. арміей по лѣвому берегу По, въ намѣреніи предупредить тамъ имперцевъ.

Услышавъ объ этомъ, Евгенийъ, предоставивъ собственнымъ силамъ принца Гессенскаго, притянулъ къ себѣ принца Ангальтскаго и для овладѣнія Страдельскимъ проходомъ немедленно послалъ форсированнымъ маршемъ 3 драгунскихъ полка, 8 баталіоновъ и 6 орудій въ числѣ 7 тыс. и самъ выступилъ съ передовымъ отрядомъ, со всею кавалеріею, оставивъ назадъ пѣхоту, за неимѣніемъ перевозочныхъ средствъ, двигавшуюся весьма медленно. Быстрота марша передовыхъ отрядовъ дала имъ возможность предупредить въ Страделлѣ только нѣсколькими часами сильный французскій отрядъ, посланный Марсенею съ тою же цѣлью. Давъ дневку здѣсь своимъ войскамъ, чтобы выслать присоединенія от-

ставшей пѣхоты, Евгенийъ быстро слѣдовалъ на Вогеру, прошелъ между крѣпостями Тортоной и Александріей, занятыми сильными французскими гарнизонами, и чрезъ Асти дошелъ 2-го сентября до Карманьолы, гдѣ соединился съ вышедшимъ къ нему на встрѣчу герцогомъ Савойскимъ. Силы ихъ, за отдѣленіемъ войскъ въ занятые въ тылу пункты и за отставшими при форсированномъ маршѣ, простирались до 36 тыс.

Между тѣмъ Марсень съ герцогомъ Орлеанскимъ, усиливъ Медавы до 15 тыс. войскъ и оставивъ гарнизоны въ Мантуѣ и Остиліи, слѣдовали не менѣе форсированными маршами по лѣвому берегу По на помощь Турину, параллельно Евгенію, такъ что находились противъ Страделлы, когда чрезъ нее проходили имперскія войска. Не успѣвъ преградить путь противнику, они направились къ Турину, куда прибыли 28 августа. По соединеніи съ Лафельядомъ силы французской арміи подъ Туриномъ возросли до 60 тыс. Съ такими силами, превосходившими вдвое противниковъ, французскіе полководцы, дѣйствуя смѣло, могли достигнуть самыхъ рѣшительныхъ результатовъ. Бросивъ свои сообщенія съ Мирандолою, основаніемъ своихъ дѣйствій, оставивъ въ тылу крѣпости, занятые сильными французскими гарнизонами, не приобрѣтя новаго основанія дѣйствій, по бѣдности страны, въ которой онъ теперь расположился, имѣя въ тылу и на флангѣ горы, Евгенийъ находился въ критическомъ положеніи, тѣмъ болѣе, что ему не откуда было ожидать помощи, тогда какъ французы по близости къ своимъ границамъ могли усилиться подкрѣпленіями. Только политическія обстоятельства, боязнь лишиться союзника въ герцогѣ Савойскомъ, заставили его рѣшиться на такое предпріятіе, исходомъ котораго долженъ быть бой подъ стѣнами Савойской столицы. Между тѣмъ осада подвигалась весьма медленно, потому что Лафельядъ, бывший въ ссорѣ съ Вобаномъ, отвергалъ пособіе его искусства, надменно хвастаясь что онъ возьметъ городъ à la Cœhoign; онъ стоялъ за энергическую осаду цитадели, ограничиваясь наблюденіемъ на правомъ берегу По. Другіе полагали одновременно осаждать цитадель и городъ. Между тѣмъ Вобанъ, считая такое предпріятіе безразсуднымъ, высказался за рѣшительную осаду Капуцинской горы. Предпріятыя по настоянію Лафельяда дѣйствія шли весьма медленно; онъ отговаривался недостаткомъ силъ, за отдѣленіемъ значительныхъ подкрѣпленій въ дѣйствующую армію.

Туринъ расположенъ на лѣвомъ берегу р. По, при впаденіи въ него Доры. Съ запада и юга подходятъ къ нему отроги главнаго хребта Альпійскихъ горъ. Правый берегъ командуетъ лѣвымъ и на одномъ изъ его возвышеній, называемомъ Капуцинскою горою, расположенъ былъ тетъ-де-понъ, прикрывающій мостъ на По. Укрѣпленія города состояли изъ бастіонныхъ фронтовъ съ демиліонами, рavelинами и контргардами. Каждый фронтъ имѣлъ редюитъ и прикрытый путь и былъ приспособленъ къ минной войнѣ. Въ юго-западной части находилась обширная и сильно укрѣпленная цитадель. Траншеи, открытыя еще съ

мая мѣсяца, ведены были противъ цитадели и прилегавшаго къ ней съ западной стороны контргарда; циркумъ и контрвалационныя линіи, начиная отъ устья Стурь, тянулись по правому ея берегу, пересѣкали потомъ Дору, Верхній По, и, огибая Капуцинскую гору, оканчивались на правомъ берегу По, противъ самого устья Доры. При подобномъ протяженіи линій трудно было укрѣпиться вездѣ съ одинаковою силою, такъ что мѣстами, напр. между Стурою и Дорою, укрѣпленія состояли изъ землянаго вала весьма слабой профили съ мелкимъ рвомъ впереди, безъ всякой фланговой обороны. Обширность линій не позволяли занять ихъ по всему протяженію достаточно сильно. Но между тѣмъ положеніе гарнизона, оборонявшаго Туринъ въ теченіе 4-хъ мѣсяцевъ, становилось день ото дня затруднительнѣе. Изъ числа войскъ, оставленныхъ герцогомъ Савойскимъ, насчитывалось не болѣе трети; продовольственные и военные запасы были истощены, госпитали наполнены больными и ранеными; на помощь герцога Савойскаго не было никакой надежды; принцъ Евгений съ мая мѣсяца обѣщалъ прибыть въ скоромъ времени, но наступилъ и сентябрь мѣсяць, а его не было. Жители, лишеныя сообщенія съ окрестными селеніями и терпѣвшіе недостатокъ во всемъ, роптали и готовы были передать городъ неприятелю. Но Даунъ оставался непоколебимъ въ рѣшеніи защищаться до послѣдней крайности. Когда пробита была брешь въ демиліонѣ и двухъ смежныхъ контргардахъ, Марсенъ и принцъ Орлеанскій произвели штурмъ, но два раза мужественно были отбиты храбрымъ гарнизономъ. Принцъ Евгений стоялъ въ 2-хъ миляхъ отъ города; имѣя хорошихъ шпионовъ, онъ получалъ самыя подробныя свѣдѣнія о неприятелѣ, его укрѣпленіяхъ и намѣреніяхъ. На основаніи собранныхъ данныхъ, онъ составилъ предположеніе, переправившись чрезъ По выше Турина, обойти городъ съ юго-западной стороны и атаковать самую слабѣйшую часть линій между Стурою и Дорою. Въ то же время 6 тыс. савойская милиція должна была сдѣлать демонстрацію съ праваго берега По, стараясь ввести въ городъ обозъ съ продовольствіемъ, а графъ Даунъ, котораго принцъ Евгений черезъ шпионовъ успѣлъ увѣдомить о своихъ намѣреніяхъ, услышавъ пальбу со стороны Стурь,—произвести вылазку и атаковать французовъ съ тыла. Хотя предположеніе было хорошо соображено, но нельзя не сказать, что оно было въ высшей степени смѣло. Бросая все свои сообщенія и заходя въ тылъ превосходной въ числѣ неприятельской арміи, Евгений ставилъ на карту судьбу своей арміи, судьбу Италіи. Становясь тыломъ къ хребту горъ, отдѣляющему Италію отъ Франціи, онъ въ случаѣ неудачи могъ быть отброшенъ на нихъ и совершенно погибнуть. Но многіе историки замѣчаютъ, что онъ основалъ планъ свой на знаніи характера противника, до тѣхъ поръ не обнаружившаго ни предпримчивости, ни единства въ дѣйствіяхъ. Конечно, еслибъ принято было мнѣніе принца Орлеанскаго—выйти всею массою силъ изъ линій и искать рѣшительнаго боя въ полѣ, тогда, при двой-

номъ превосходствѣ французовъ въ числѣ, при хорошихъ качествахъ ихъ войскъ, имперцы могли быть совершенно раздавлены и отброшены въ горы. Чрезъ 100 лѣтъ Наполеонъ, повидимому, находился въ такомъ-же положеніи, когда онъ зашелъ въ тылъ Меласу при Маренго, но, бросивъ сообщенія съ Франціей, онъ могъ опереться, въ случаѣ неудачи, на Швейцарію, занятую французскими войсками и на войска, оставленные на Тессинѣ на лѣвомъ берегу По. Конечно, атакуя линію между Стурою и Дорою, Евгений достигалъ болѣе рѣшительныхъ результатовъ, нежели, на примѣръ, при атакѣ Капуцинской горы; блистательный успѣхъ былъ наградою его смѣлаго рѣшенія.

Появленіе савойской милиціи близъ Капуцинской горы заставило герцога Орлеанскаго и Марсеня переправить на правый берегъ до 20 тыс. войскъ подъ начальствомъ Альберготти, но вскорѣ получено было извѣстіе о переправѣ Евгения чрезъ По. Это поселило нерѣшительность во французскихъ начальникахъ. Немедленно собранъ былъ военный совѣтъ. Герцогъ Орлеанскій предложилъ, пользуясь превосходствомъ силъ, идти на встрѣчу неприятеля и вступить въ бой. «Если, говорилъ онъ, разобьемъ мы, армія принца Евгения погибла и Туринъ сдастся завтра; если же мы будемъ разбиты, отойдемъ къ Турину и будемъ держаться въ укрѣпленныхъ линіяхъ». Предложеніе чрезвычайно здравое, вполне оправдывавшееся обстоятельствами, въ которыхъ находились противники. Но Марсенъ находилъ его слишкомъ рискованнымъ и предлагалъ выжидать неприятеля въ линіяхъ, не слушая возраженій французскаго герцога, говорившаго, что для защиты линій, не зная въ какомъ пунктѣ онѣ будутъ атакованы, придется раздробить силы и подвергнуться частнымъ пораженіямъ; между тѣмъ, при этомъ способѣ дѣйствій, упускается случай вступить въ бой съ неприятелемъ при самыхъ невыгодныхъ для него обстоятельствахъ. Большая часть генераловъ поддержала мнѣніе герцога. Тогда Марсенъ предъявилъ имъ повелѣніе за подписью короля, въ которомъ Людовикъ XIV приказывалъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ безпрекословно исполнять волю Марсеня. Пришлось по необходимости повиноваться. Оскорбленный повелѣніемъ короля, герцогъ Орлеанскій хотѣлъ немедленно оставить армію, но, снисходя на просьбы генераловъ, согласился оставаться до окончанія дѣла, не дѣлая никакихъ уже распоряженій и дѣйствуя какъ частный начальникъ. Нерѣшительность начальниковъ начала отражаться и на войскахъ. Полныя энергіи, жаждавшія боя, они теперь стали приходить въ уныніе, осужденныя на пассивное выжиданіе въ линіяхъ, несогласное съ характеромъ французскаго солдата.

Между тѣмъ принцъ Евгений безпрепятственно обошелъ Туринъ по отлогостямъ горъ, захватилъ транспортъ съ провіантомъ и запасами, слѣдовавшій къ французамъ изъ Сузы, и 7 сентября, выступивъ 8 колоннами, прибылъ на высоты, спускающіяся пологимъ скатомъ между Стурою и Дорою къ укрѣпленнымъ линіямъ и Турину. Господствовавшая

мѣстность позволяла ему обозрѣть не только все расположеніе непріятельской арміи, но и приготовленія, производимыя Дауномъ въ крѣпости для вылазки. Замѣтивъ нестройныя и беспорядочныя передвиженія французскихъ войскъ, онъ обратился къ герцогу Савойскому со словами: «мнѣ кажется, что эта армія въ половину уже разбита», и вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ своей арміи спускаться въ долину и начать атаку, согласно отданной имъ наканунѣ диспозиціи. Диспозиція эта заключалась въ слѣдующемъ: «войска спускаются въ долину 8-ми колоннами (двѣ фланговія изъ кавалеріи; двѣ среднія изъ артиллеріи). Приблизясь болѣе нежели на разстояніе пушечнаго выстрѣла къ укрѣпленіямъ, правыя четыре колонны развертываются влѣво и составляютъ первую линію; лѣвыя четыре вправо и составляютъ вторую линію; фланги линій, для обезпеченія ихъ отъ обходовъ, должны быть примкнуты къ рѣкамъ Дорѣ и Стурѣ; разстояніе между линіями отъ 300 до 400 шаговъ. Въ линіяхъ между частями войскъ сохранять интервалы, равныя частямъ, какъ для помѣщенія артиллеріи, такъ и взаимнаго поддержанія линій. Въ головѣ каждой колонны слѣдуютъ сводные гренадерскіе батальоны, составленные изъ гренадерскихъ ротъ, отдѣленныхъ отъ своихъ батальоновъ, которые и начинаютъ атаку. По взятіи первой линіи укрѣпленій, первая линія пѣхоты останавливается въ ожиданіи приказаній и пропускаетъ впередъ кавалерію, которая преслѣдуетъ отступающаго непріятеля сколько возможно. Артиллерія слѣдуетъ за пѣхотою; обозы остаются позади за лѣвымъ крыломъ арміи. Правымъ крыломъ командуетъ принцъ Саксенъ-Готскій, центромъ Ребиндеръ, а лѣвымъ крыломъ принцъ Ангальтскій».

Эта диспозиція заслуживаетъ полнаго вниманія по своей краткости, ясности, опредѣленности и хорошо знакомитъ съ образомъ построенія войскъ въ бою, принятымъ въ это время. Даунъ съ своей стороны уговорилъ жителей, которые только могли носить оружіе, замѣнить собою войска охраняющія стѣны, собралъ весь гарнизонъ и намѣревался сдѣлать сильную вылазку въ Верчельскія ворота на лѣвый берегъ Доры. Марсень продолжалъ передвигать войска; но, желая при этомъ занять линіи по всему ихъ протяженію, могъ соединить между Стурою и Дорою не болѣе 8 т. Понимая, что эти силы недостаточны, онъ потребовалъ 12 т. войскъ отъ Альберготти; но послѣдній, испуганный демонстраціею савойской милиціи, не исполнилъ его приказанія.

Имперцы начали атаку флангами; но правое ихъ крыло, встрѣтивъ упорное сопротивленіе, нѣсколько отступило; лѣвое также заколебалось. Принцъ Евгений во время подкрѣпиль оба крыла войсками второй линіи и бой загорѣлся на всемъ протяженіи между Стурою и Дорою. На лѣвомъ флангѣ наконецъ имперцы прорвали циркумвалаціонную линію французовъ, а затѣмъ такой же успѣхъ имѣли и въ центрѣ и на правомъ крылѣ. Занявъ укрѣпленія, пѣхота первой линіи остановилась, пропустила впередъ кавалерію, которая, пользуясь разстройствомъ непріятеля,

произвела блестящую атаку. Даунъ съ 7 т. сдѣлалъ вылазку и ударилъ на непріятеля съ тыла. Французы были окончательно разстроены и опрокинуты. Въ паническомъ страхѣ, ни мало не сопротивляясь, они обратились въ бѣгство. Напрасно Марсень и герцогъ Орлеанскій старались ихъ остановить; оба они были тяжело ранены; Марсень попался въ плѣнъ. Съ потерей начальниковъ исчезъ послѣдній порядокъ и французская армія, зажигая окрестные загородные дома, переправилась на правый берегъ Доры, бросила въ траншеяхъ всю свою осадную артиллерію и нестройными толпами начала отступать къ Пиньеролю. Распространившійся по берегамъ Доры пожаръ охватилъ пламенемъ домъ, въ которомъ лежалъ раненый Марсень и онъ погибъ въ ту самую минуту, когда собирался писать въ Парижъ о своемъ пораженіи.

Принцъ Евгений не преслѣдовалъ разбитую армію, отчасти по причинѣ большихъ потерь и сильнаго утомленія войскъ, отчасти же и потому, что онъ опасался, чтобы превосходящая еще силами отступающая непріятельская армія, приведенная въ отчаянное положеніе, не рѣшилась бы защищаться до послѣдней крайности. Замѣтивъ же, что она вмѣсто того, чтобы, перейдя По выше Турина, слѣдовать на Казале и перенести театръ дѣйствій на средній По, на соединеніе съ Медави, направилась къ Пиньеролю, добровольно отрѣзывая себя отъ войскъ дѣйствующихъ на Минчіо, онъ сказалъ герцогу Савойскому: *Oh! pour le coup l'Italie est à nous et cette conquête ne nous doit rien coûter!*

Альберготти съ своими 40 батальонами съ Капуцинской горы видѣлъ пораженіе товарищей, но ничего не предпринималъ для ихъ спасенія. Дождавшись развязки дѣла, онъ переправился чрезъ По и отступилъ также къ Пиньеролю. Потеря французовъ простиралась до 10 т. убитыми, ранеными и плѣнными; до 10 т. лошадей, весь осадный паркъ и обозы достались въ руки побѣдителей. Принцъ Евгений имѣлъ на другой день торжественный въѣздъ въ Туринъ и донесъ о своей побѣдѣ императору и его союзникамъ. «Я предчувствовалъ пораженіе, писалъ съ своей стороны герцогъ Орлеанскій Людовику XIV, но виновникъ уже заплатилъ своею жизнью».

Французская армія продолжала отступать и, тревожимая при проходѣ чрезъ горы нападеніями горныхъ жителей, вышла изъ Пьемонта и расположилась на зимнихъ квартирахъ въ Савойѣ. Союзная же армія, пробывъ недѣлю въ Туринѣ, чтобы дать отдыхъ войскамъ, раздѣлилась на двѣ части: принцъ Евгений отправился для покоренія крѣпостей въ Миланскихъ владѣніяхъ, а герцогъ Савойскій въ Пьемонтѣ.

Между тѣмъ на Минчіо дѣла французовъ шли успѣшно. Принцъ Гессенскій, овладѣвъ Гонто, осадилъ съ 18 т. Кастильоне. Медави, не смотря на превосходство противника въ силахъ, рѣшился идти на выручку Кастильоне. Въ головѣ 13 т. онъ двинулся отъ Мантуи чрезъ Гвидиццо. Принцъ Гессенскій вышелъ на встрѣчу и расположился въ равнинѣ, опираясь лѣвымъ флангомъ на Сольферино; въ центрѣ стояла пѣ-

хота, по флангамъ кавалерія. У Медави въ центрѣ 1-ой линіи стали 14 бат. и 13 оруд., а на обоихъ крыльяхъ по 7 эскадроновъ, между которыми поставлены гренадеры. Во второй линіи, въ центрѣ,—8 батальоновъ; 6 эскадр. на правомъ крылѣ и 7 на лѣвомъ; 3 эскадрона въ резервѣ. Столкновение было совершенно параллельно и началось канонадой и стрѣльбой съ обѣихъ сторонъ, затѣмъ гессенцы двинулись въ атаку и потѣснили центръ первой линіи противника и даже захватили орудія; но затѣмъ дѣло приняло внезапно иной оборотъ, когда на лѣвомъ крылѣ французская конница стремительно бросилась на противника и совершенно его разбила; тогда и французская пѣхота обѣихъ линій центра ударила на имперцевъ, которые, не выдержавъ стремительнаго удара, обратились въ бѣгство. Имперцы понесли значительныя потери и принуждены были оставить Гойто и перейти на лѣвый берегъ Минчио. По обычаю времени Медави не довершилъ пораженія преслѣдованіемъ. Но этотъ блестящій успѣхъ не могъ вознаградить неудачи на главномъ театрѣ дѣйствій.

Людовикъ XIV, не успѣвъ подкрѣпить войска Медави и не находя другихъ средствъ спасти ихъ, потому что принцъ Евгений, покоривъ большую часть крѣпостей, отрѣзывалъ имъ сообщеніе съ Франціей, принужденъ былъ вступить въ переговоры, окончившіеся договоромъ 13 марта 1707 года, по которому французы сдали имперскимъ войскамъ все занимаемыя ими въ Италіи крѣпости, за исключеніемъ Сузы; испанскія и швейцарскія войска объявлены военно-плѣнными; французскія же, въ числѣ 20 т., получили свободный пропускъ во Францію.

10 т. корпусъ, отряженный въ Неаполь, овладѣлъ этою провинціею.

Италія такимъ образомъ была безвозвратно потеряна для Людовика XIV и Филиппа V.

Разсматривая съ стратегической точки зрѣнія операціи Евгения, нельзя не удивляться смѣлости и рѣшительности его дѣйствій, искусно задуманному и такъ смѣло и рѣшительно исполненному плану его дѣйствій.

Подобный образъ дѣйствій тѣмъ замѣчательнѣе, что онъ имѣлъ мѣсто въ ту эпоху, когда боязнь за сообщенія играла весьма важную роль, дѣлая по необходимости дѣйствія нерѣшительными. Важность политической и военной цѣли оправдывала рѣшимость Евгения бросить сообщенія съ Тиродемъ, потомъ съ Мирандолою, гдѣ былъ устроенъ имъ продовольственный базисъ. Не такъ какъ все полководцы эпохи, Евгений не занимается бесполезною осадой крѣпостей. Онъ разсчитываетъ, что 33 крѣпости, занятыя французами, падутъ сами собою, если онъ достигнетъ главной цѣли—пораженія французской арміи на рѣшительномъ пунктѣ театра дѣйствій. Для достиженія этой цѣли онъ держитъ войска въ совокупности, отдѣливъ только необходимую часть силъ для произведенія диверсій, чтобъ обмануть непріятели и заставить его открыть дорогу по правому берегу По. Достигнувъ этого, онъ уже неуклонно стремится къ цѣли дѣйствій, смѣло проходитъ между первоклассными крѣпостями, Але-

ксандріей и Тортоной, и, соединясь съ герцогомъ Савойскимъ, идетъ на Туринъ, гдѣ и достигаетъ рѣшительнаго успѣха, дѣйствуя съ тою-же отвагою. Затѣмъ полное покореніе Италіи со всеми ея крѣпостями было достойною наградою соображеній великаго полководца. Мы уже сказали нѣсколько словъ объ ошибочности распоряженій французскихъ полководцевъ. Гибельная система довѣрять судьбу страны бездарностямъ, а также раздѣленіе власти главнокомандующаго и здѣсь принесла плоды. Еслибы исполнено было предложеніе герцога Орлеанскаго, то Евгений могъ легко подвергнуться пораженію, такъ какъ французская армія превосходила его вдвое. Отступленіе къ Пиньероло, вмѣсто средняго По, можно только оправдать безпорядками, происшедшими въ арміи вслѣдствіе потери начальниковъ.

Стратегическія соображенія Вильяра при Дененѣ въ 1712 году *).

1706 годъ былъ переломомъ въ войнѣ за наслѣдство испанскаго престола. Послѣ побѣды при Рамилли и блестящей итальянской кампаніи принца Евгения, счастье явно переходитъ на сторону враговъ Франціи, которая уже перестаетъ мечтать о наступательныхъ дѣйствіяхъ, для чего потеряны были ею передовыя позиціи въ Баваріи и Ломбардіи, и должна заботиться исключительно о защитѣ своихъ границъ. Въ 1707 году непріятели вторгаются въ южные предѣлы государства и осаждаютъ Тулонъ; въ 1708 г. во Фландріи французы проигрываютъ сраженіе при Уденардѣ, въ 1709 г. счастье снова имъ измѣняетъ при Мальплаке. Исторія переговоровъ, начатыхъ въ 1709 г., въ томъ видѣ какъ оно раскрывается официальными французскими актами, доказываетъ совершенное изнуреніе Франціи въ 1711 году. Хотя смерть германскаго императора Иосифа, паденіе министерства торіевъ, представляли много благопріятныхъ шансовъ для перемѣны политики воюющихъ противъ Франціи державъ, но открытые въ Утрехтѣ переговоры о мирѣ тянулись въ ожиданіи успѣховъ военныхъ дѣйствій той или другой стороны. Союзники сосредоточили большія силы во Фландріи въ началѣ 1712 г., съ цѣлью исполнить предложенный Евгениемъ планъ дѣйствій, по которому слѣдовало искать мира въ столицѣ Франціи и вмѣстѣ съ тѣмъ склонить этимъ рѣшительнымъ образомъ дѣйствій на свою сторону Англію, готовую совершенно отъ нихъ отдѣлиться. Императоръ, которому наконецъ развязаны были руки усмиреніемъ Венгрии, послалъ въ Голландію все войска, которыми могъ располагать. Генеральные штаты съ своей стороны не щадили издержекъ. Армія, собранная во Фландріи между Дуэ и Бушеномъ, подъ начальствомъ принца Евгения, простиралась до 133 тыс. (180 бат. и 250 эск.), считая въ томъ числѣ

*). См. отчетную карту.

18 бат. и 16 эск. английских. Большая часть крепостей, и между прочими важная по стратегическому своему значению Дуэ въ предѣлахъ Франціи, были захвачены въ предшествовавшія кампаніи.

Положеніе Франціи было опасно. Казалось монархія, столь гордая, располагавшая когда-то судьбами Европы, въ эпоху избытка матеріальныхъ и духовныхъ силъ, готова была пасть подъ ударами враговъ. Таланты Евгенія какъ полководца еще болѣе усиливали опасность. Но въ эти-то минуты тяжелаго испытанія проявилось все величіе души Людовика XIV. Старый 70-тилѣтній король призвалъ къ себѣ Вильяра и, подъ бременемъ испытанныхъ имъ превратностей судьбы и семейныхъ несчастій, сказалъ ему: «Богъ меня наказываетъ—я это вполне заслужилъ; но отложимъ домашнія несчастія и посмотримъ, что можно сдѣлать, чтобы предотвратить таковыя для государства». Затѣмъ, объявивъ Вильяру о назначеніи его главнокомандующимъ, выразилъ ему свое полное довѣріе; но наученный горькимъ опытомъ, король предвидѣлъ возможность неудачи и спросилъ маршала, что дѣлать ему лично, если его послѣдняя армія будетъ разбита и дорога къ Парижу будетъ открыта неприятелю? Вильяр молчалъ. Тогда Людовикъ сказалъ: «въ ожиданіи вашего мнѣнія, я вамъ выскажу свое... Я знаю р. Сомму—она трудно-проходима; тамъ есть крепости; я полагаю отправиться въ Перрону или въ С. Кантенъ, соберу тамъ все войско, какими буду располагать, сдѣлаю вмѣстѣ съ вами послѣднее усиліе и погибну или спасу государство, такъ какъ я никогда не соглашусь допустить неприятеля приблизиться къ моей столицѣ». Вильяр отвѣчалъ: «наиболѣе смѣлыя рѣшенія часто наиболѣе благоразумны; я не вижу болѣе благороднаго, чѣмъ то, къ которому склонны ваше величество; но я надѣюсь на милость Божию, которая избавитъ насъ отъ такой крайности».

Вильяр принадлежалъ къ числу высокоталантливыхъ полководцевъ и хотя на его дѣйствіяхъ замѣтенъ отпечатокъ господствовавшихъ стратегическихъ понятій того времени, тѣмъ не менѣе это былъ полководецъ проникательный, рѣшительный, рѣдко подчинявшійся рутинѣ и слѣдовавшій вдохновенію своего таланта. Онъ никогда не утомлялъ свои войска безполезными маневрированіями, ставилъ себѣ широкія цѣли и рѣшительно стремился къ ихъ достиженію. Въ то время, какъ другіе полководцы дробили свои войска, онъ держалъ ихъ сосредоточенными, вопреки получаемымъ имъ совѣтамъ и опредѣленнымъ указаніямъ. Въ 1705 г., когда ему предложили командовать итальянскою арміею вмѣстѣ Вандома, онъ писалъ: «пусть лучше назначаютъ Марсея; онъ не отступитъ отъ даваемыхъ ему повелѣній, а я дѣйствую сообразно своимъ собственнымъ понятіямъ и обстоятельствамъ; уважаю Вандома, но у каждаго свой обычай; отъ любить разсѣивать свои силы, а я предпочитаю держать ихъ въ совокупности» и т. д. Въ то время, какъ многіе полководцы эпохи избѣгали боя, Вильяр постоянно ищетъ его, принимая всю его важность для рѣшенія вопросовъ войны; кромѣ того онъ

умѣетъ пользоваться побѣдою, развивая ее успѣхъ преслѣдованіемъ, что было не въ обычаяхъ того времени. Вотъ почему Вильяр удостоивался у потомковъ названія «предтечи Наполеона».

Между тѣмъ съ октября мѣсяца политическое положеніе западной Европы значительно измѣнилось. Въ Англіи взяла верхъ партія тори, искусно руководимая С. Джономъ, будущимъ лордомъ Болингброкомъ; Мальборо былъ въ полной немилости; лишенный командованія, онъ долженъ былъ защищать свои административныя распоряженія противъ тяжкихъ обвиненій; общественное мнѣніе высказывалось противъ этой малополезной войны, причемъ находили, что со смертію Іосифа I и вступленіемъ на императорскій престолъ Карла VI уже не Франція, а Австрія угрожала интересамъ Англіи. По всемъ этимъ причинамъ С. Джонъ вступилъ въ тайные переговоры съ французами; эти переговоры привели къ выработкѣ прелиминарныхъ условій мира между Англіей и Франціей и рѣшенію созвать въ Утрехтѣ конгрессъ съ цѣлю всеобщаго примиренія. Вѣнскій дворъ, узнавъ объ этомъ, пустилъ все въ ходъ, чтобы остановить эти мирныя теченія, и отправилъ въ Лондонъ Евгенія, рассчитывая на его искусство и вліяніе, чтобы побудить Англію къ войнѣ; но Евгенийъ испыталъ совершенную неудачу въ этой миссіи и возвратился въ Брюссель почти въ то самое время, когда Вильяръ прибылъ въ Камбре.

Переговоры Франціи съ Англіей привели къ тому, что герцогу Ормонду, командовавшему английскими войсками, дано было секретное предписаніе не дѣйствовать наступательно, а потомъ и прекратить военныя дѣйствія. За то французскій король долженъ былъ признать мирныя условія 1711 года и уничтожить укрѣпленія Дюнкирхена; Филиппъ V долженъ былъ отречься отъ французской короны.

Но тѣмъ не менѣе военныя дѣйствія открылись весной. Вильяр послѣдствовалъ къ арміи, сосредоточенной между верховьями Шельды и Скарпы и считавшей подъ ружьемъ до 93 тыс. (140 бат. и 230 эск.),

Важность вопросовъ, которые должна была рѣшить предстоявшая кампанія, когда дѣло шло о судьбѣ самой Франціи, колоссальность развитыхъ воюющими державами средствъ; борьба двухъ такихъ противниковъ, какъ Евгенийъ и Вильяръ, равно искусныхъ и далеко опередившихъ въ образѣ дѣйствій современныя понятія о военномъ дѣлѣ, наконецъ, особенность самого театра дѣйствій, заставлявшего и этихъ великихъ полководцевъ подчиняться во многомъ общей, господствовавшей рутинѣ, наконецъ, особенность въ тактическомъ отношеніи сраженія при Дененѣ, придають кампаніи 1712 г. много научнаго интереса и заставляютъ обратить на нее особенное вниманіе.

Мы уже замѣтили, говоря вообще объ образѣ веденія войны въ эпоху Людовика XIV, о той важности, которую, вслѣдствіе маніи вѣка къ осаднымъ войнамъ, придавали театру дѣйствій въ Нидерландахъ, считая его лучшею школою для полководцевъ. Но съ другой стороны мы

замѣтили, что, не смотря на то, что обѣ воюющія стороны сосредоточивали здѣсь весьма значительныя силы, характеръ войны былъ медленный и нерѣшительный, причинами чего были: 1) мѣстность края, перерѣзанная теченіемъ большихъ рѣкъ, покрытая лѣсами и болотами, затруднявшими наступательныя дѣйствія; 2) множество крѣпостей, расположенныхъ рядами на пространствахъ между Рейномъ и сѣверными границами Франціи, и укрѣпленныхъ линій, тянувшихся отъ Мааса за рѣкою Мозелемъ и Дилемъ по Шельдѣ и за Брюггскимъ каналомъ; 3) армія союзниковъ составлялась изъ войскъ разныхъ государствъ, подъ командою нѣсколькихъ частныхъ начальниковъ, не всегда подчинявшихся главнокомандующему; 4) голландское правительство стѣснило распоряженія полководцевъ, имѣя въ виду, чтобы при неудачѣ рѣшительнаго дѣйствія не открыли неприятелю пути въ собственные предѣлы Голландіи. Предметами дѣйствія были крѣпости или укрѣпленные большіе города: время проходило въ осадѣ и оборонѣ ихъ, а дѣйствія собственно въ полѣ ограничивались по большей части прикрытіемъ осадъ, покушеніями на сообщенія противника, малою войною. Часто арміи, расположившись за укрѣпленными линіями, не рѣшались атаковать другъ друга и проводили большую часть кампаніи въ бездѣйствіи.

Послѣ успѣховъ 1709 и 1710 годовъ союзникамъ удалось совершенно вытѣснить французовъ изъ Испанскихъ Нидерландовъ, а въ 1711 овладѣть крѣпостью Бушенъ въ тогдашнихъ французскихъ владѣніяхъ.

Евгеній въ первыхъ числахъ мая прибылъ къ арміи, расположенной между Дуэ и Бушенемъ и считавшей подъ ружьемъ около 134 тыс., но въ это время герцогъ Ормондъ уже получилъ секретное предписаніе, о которомъ мы говорили выше, отъ своего двора. Версальскій кабинетъ увѣдомилъ о томъ же Вильяра.

Евгеній зналъ объ этомъ, а потому рѣшился нанести какъ можно быстрѣе рѣшительный ударъ въ сердце Франціи. Французская армія была расположена на линіи Аррасъ—Камбра—Ландреси, причѣмъ главныя силы и главная квартира находились въ Камбрѣ. Линія эта была вполнѣ искусственная; ни рѣки, ни горные хребты ее не усиливали. Во всемъ сѣверо-восточномъ участкѣ Франціи, всѣ рѣки, за рѣдкимъ исключеніемъ, имѣютъ направленіе перпендикулярное границѣ и ихъ долины обозначаютъ собою пути для вторженія вглубь страны. Между этими естественными путями, долины Шельды и Самбры особенно замѣчательны; обѣ онѣ упираются въ одно плато, отъ котораго, въ свою очередь, отходитъ долина Уазы и приводитъ побѣдоносную армію прямо къ Парижу. Этотъ то путь и намѣтилъ себѣ Евгеній. По обычаю того времени, чтобы двинуться въ пространство между верховьями Шельды и Самбры, слѣдовало предварительно взять крѣпости Валансень, Мобежъ, Камбре, Кенуа и Ландреси, лежавшія на пути. Но Евгеній справедливо рассчиталъ, что осада этихъ крѣпостей потребуетъ слишкомъ много времени, которое съ большою выгодною, пользуясь значительнымъ превосходствомъ силъ,

можно употребить въ полѣ, а потому онъ рѣшился ограничиться только покореніемъ Кенуа и Ландреси, необходимыхъ по его мнѣнію для обезпеченія сообщеній. Валансень, мѣшавшій его транспортамъ подыматься до Бушена, онъ сильно наблюдалъ. Маршювъ на Скарпѣ былъ общимъ складочнымъ пунктомъ; огромныя морскія суда, балаандры, нагруженныя хлѣбомъ, боевыми припасами, осадными орудіями, свободно туда подымались отъ Антверпена. Старинный лагерь Вильяра у Денена, былъ расширенъ, усиленъ, усовершенствованъ и связанъ съ Маршювомъ двумя линіями валовъ, между которыми двигались свободно транспорты. Два моста у Денена связывали болотистыя берега глубокой Шельды; на правомъ берегу рѣки шла новая, укрѣпленная линія, направлявшаяся къ р. Экальону, долина которой выводила къ Кенуа. Параллельно Экальону течетъ другая небольшая рѣка—Селль, впадающая въ Шельду почти у Денена. Обѣ эти рѣчки не широки, но глубоки, въ крутыхъ берегахъ, такъ что проходима только по мостамъ. Мѣстность ровная и открытая, способствующая маневрированію значительныхъ армій, но затрудняющая скрытныя предпріятія. Только въ направленіи къ Ландреси рельефъ принимаетъ болѣе опредѣленные формы и очертанія.

Согласно принятому плану, послѣ нѣсколькихъ демонстрацій, чтобы удержать французовъ на р. Сансе, Евгенийъ оставилъ въ Дененѣ 13 голландскихъ баталіоновъ и 30 эскадроновъ, подъ начальствомъ Элбермарле (Albermarle), перешелъ 26 мая со всею арміею Шельду между крѣпостью Бушенемъ и рѣкою Селль и занялъ позицію впереди послѣдней на холмистыхъ плато, упираясь правымъ флангомъ въ Невиль, лѣвымъ въ Вильерь. Евгенийъ притянулъ къ себѣ и англійскія войска, командующій которыми герцогъ Ормондъ, посвященный въ тайны дипломатическихъ переговоровъ, склонившихся къ миру, а съ другой стороны, побуждаемый Евгениемъ, находился въ затруднительномъ положеніи. Вильяръ съ 93 т., расположенный между Сансе и Скарпою, какъ только узналъ о движеніи противника, самъ послѣдовалъ за нимъ и расположился за Шельдою близъ Камбрѣ, имѣя лѣвый флангъ у Сансе, а правый протянувъ до Гоннекура. Евгенийъ, не смотря на то, что имѣлъ на флангѣ Вильяра, все таки хотѣлъ, двинувшись къ верховьямъ Шельды, идти въ глубь Франціи. Съ этою цѣлью Евгенийъ предложилъ Ормонду быстро двинуться противъ лѣваго фланга Вильяра, обойти и атаковать его съ фланга и тыла, но Ормондъ колебался и рѣшилъ выжидать приказаній изъ Лондона. Это сильно раздражало Евгения и голландскихъ депутатовъ; произошла бурная сцена, причѣмъ Ормондъ выразилъ согласіе поддержать союзную армію, если она предприметъ атаку. Между тѣмъ и Вильяръ не былъ свободенъ въ своихъ дѣйствіяхъ; инструкціи короля строго воспрещали ему всякія наступательныя операціи. При такихъ обстоятельствахъ, не вадѣясь на активное содѣйствіе Ормонда, Евгенийъ послѣдовательно перешелъ рѣки Селль и Экальонъ и обложилъ 8 іюня Кенуа, прикрывая осадку арміею, расположенною

вдоль Экальона до Денена и далѣе до Маршіена. Ормондъ не далъ ничего изъ своихъ войскъ Евгению, но утвердился у Като-Камбрези, между Вильяромъ и осаждающимъ. Наконецъ, прелиминарный договоръ между англичанами и французами былъ заключенъ, о чемъ немедленно 2 июня было сообщено Вильяру. Послѣдній явился въ главную квартиру союзниковъ и предложилъ имъ снять осаду Кенуа, грозя въ противномъ случаѣ увести съ собою все войска, бывшія на жалованіи Англіи. Но предложеніе его не встрѣтило ни малѣйшаго сочувствія, а часть его войскъ, состоявшая не изъ англичанъ, выразила желаніе остаться на службѣ у союзниковъ, такъ что онъ могъ увести съ собою почти только собственно англійскій корпусъ, т. е. ок. 12 т. чел. Армія Евгения сократилась до 118 т. ч. (160 б., 228 эск.). Партизанскій отрядъ въ 1200 коней, посланный Евгениемъ, прошелъ всю Пикардію и Шампань, распространяя повсюду грабежемъ ужасъ. Безпрятственное его возвращеніе лучше всего показываетъ въ какомъ положеніи находилась тогда Франція, когда какіе нибудь 1000 человекъ могли безнаказанно предавать страну грабежу и пламени.

Между тѣмъ гарнизонъ Кенуа сдался и Евгений, настойчиво продолжая держаться перваго плана, приступилъ 17 іюля къ осадѣ Ландреси.

Вильяръ все это время простоялъ въ бездѣйствіи за Шельдою, вслѣдствіе инструкцій двора, приказывавшаго ограничиваться маневрами до отдѣленія англичанъ отъ союзниковъ. Успѣхи Евгения подъ Кенуа и осада Ландреси напугали версальскій дворъ. Людовикъ требовалъ, чтобы Вильяръ защищалъ Ландреси во чтобы то ни стало и искалъ боя съ противникомъ, для чего двинулся-бы къ р. Селль. Подобные-же совѣты подавалъ и военный министръ. Между тѣмъ при движеніи къ Ландреси коммуникаціонная линія Евгения находилась въ весьма невыгодномъ и опасномъ положеніи, причѣмъ его главные запасы находились верстахъ въ 35 отъ фланга арміи. Сознывая это, Евгенийъ желалъ измѣнить свою операціонную линію, для чего перенести базисъ въ Кенуа и имѣть путь отступленія на Монсъ и Атъ, но голландское правительство этому воспротивилось. Невыгоды положенія Евгения повимались и въ Парижѣ, причѣмъ военный министръ указывалъ на это, но полагалъ, что слѣдовало попытаться отрѣзать сообщенія Евгения только особымъ отрядомъ. Эти указанія были сдѣланы Вильяру еще 1-го іюля: но пока союзная армія была сосредоточена у Кенуа и Валансиенна атака коммуникаціонной линіи была совершенно невозможна. Евгенийъ съ высотъ Керененга, въ 4 верстахъ отъ Денена, могъ слѣдить за всеми движеніями Вильяра и своевременно ввести въ укрѣпленныя линіи достаточное для ихъ защиты число войскъ. По этимъ соображеніямъ парижскій проектъ, какъ Вильяромъ такъ и собраннымъ имъ военнымъ совѣтомъ, былъ единодушно отвергнутъ. Такимъ образомъ оставалось исполнить приказаніе короля—двинуться къ верхнему Селлю и тамъ искать боя съ противникомъ, не допуская

его къ осадѣ Ландреси. Тѣмъ не менѣе Вильяръ, у котораго быть можетъ уже назрѣвала идея рѣшительнаго удара Евгению, неохотно приступилъ къ выполненію указанной ему операціи. Выступивъ 19-го числа, онъ на слѣдующій день подошелъ къ Като-Камбрези и расположилъ свою армію по р. Селль, выжидая атаки Евгения. 21-го онъ ограничился высылкой кавалерійскихъ развѣдочныхъ партій и отправился самъ на рекогносцировку расположенія Евгения, который обложилъ Ландреси 34 баталіонами и 30 эскадронами, заключившимися въ циркумъ и контръ-валаціонныя линіи, а остальная часть арміи, подъ личнымъ его начальствомъ, прикрывала осаду, расположившись на удобной позиціи правымъ флангомъ къ Бермерену, центромъ у Пуа и лѣвымъ флангомъ у Самбры, имѣя позади Мормальскій лѣсъ. Фронтъ прикрывался р. Экальономъ и небольшимъ лѣсомъ у Ландреси. Промежутокъ между этимъ лѣсомъ и Самброй былъ загороженъ линіей укрѣпленій, снабженныхъ артиллеріей. Вильяръ понялъ, что онъ прибылъ слишкомъ поздно, чтобы воспрепятствовать осадѣ Ландреси и испрашивалъ у двора новыхъ приказаній. Въ ожиданіи возвращенія курьера, Вильяръ сталъ, по его словамъ, прискивать средство, которое, за невозможностью дать сраженіе въ открытомъ полѣ, было-бы столь же губительно для непріятели. Его мысль была привлечена къ Маршіену. Вскорѣ онъ получилъ отвѣтъ короля, который извѣщалъ, что такъ какъ Вильяръ считаетъ неудобно-исполнимой идею атаки Маршіена для того, чтобы перерѣзать сообщенія Евгения, то онъ повторяетъ ему прежній свой приказъ—воспрепятствовать осадѣ Ландреси. Въ то-же время военный министръ Вуазень писалъ гр. Бролю, что, по его мнѣнію, атака Дененскихъ укрѣпленій представляетъ наиболѣе выгоды, и просилъ сообщить объ этомъ Вильяру.

Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, Вильяръ окончательно остановился на этой мысли *) и отдался ей со свойственной ему энергіей, дѣятельностью и проицательной предусмотрительностью **). Но эта операція, чрезвычайно хорошо задуманная, представляла большія затрудненія въ исполненіи. Нужно было переправиться чрезъ Шельду между крѣпостями Бушенъ и Дененъ, занятыми имперцами и находившимися въ 2-хъ миляхъ (14 верстѣ) разстоянія одна отъ другой, имѣть въ тылу Дуэ съ

*) Мнѣніе, что будто-бы идея атаки Дененскихъ укрѣпленій принадлежитъ Монтескье, совершенно опровергнуто, по архивнымъ документамъ, г. де Вожье.

***) Напомнимъ, что сообщенія Евгения съ Маршіеномъ производились сухопутно на разстояніи 20 верстѣ до Шельды и затѣмъ черезъ мосты въ Дененѣ и Пруви. Въ первомъ пунктѣ мостъ былъ обезпеченъ предмостнымъ укрѣпленіемъ на лѣвомъ берегу рѣки. Сильные посты разставлены были въ Мортанѣ, С. Аманѣ и Ганонѣ на Скарпѣ. На пространствѣ между Маршіеномъ и Дененомъ возведены непрерывныя земляные валы, усиленные по мѣстамъ редутами,—родъ землянаго капонира, какъ замѣчаетъ Наполеонъ. Линіи эти названы были *большою парижскою дороію* (grand chemin de Paris). Чтобы обезпечить ихъ Евгенийъ помѣстилъ въ Маршіенѣ 4 т. и около 11 т. подъ начальствомъ Элбермарле въ Дененѣ (**).

8 т. гарнизономъ, а въ случаѣ неудачи Вильяръ могъ быть отрѣзанъ отъ сообщеній съ Франціей; дорога къ Парижу открывалась Евгению. Для успѣха требовалась быстрота и рѣшительность, а главное—скрытность первоначальной операціи наведенія мостовъ на Шельдѣ. Планъ этотъ Вильяръ хранилъ въ величайшей тайнѣ. Чтобы обмануть Евгения на счетъ своихъ намѣреній, онъ направилъ своихъ гусаръ къ р. Селль, противъ фронта имперской арміи, съ приказаніемъ, чтобы ни одинъ человекъ не переходилъ на ту или другую сторону, и въ то-же время графъ Коаньи посланъ былъ съ частью понтоннаго парка къ Ландреси съ приказаніемъ заготовить мостъ и фашины, какъ будто въ намѣреніи атаковать линіи подъ этою крѣпостью *); часть войскъ получила приказаніе слѣдовать туда же. Евгенийъ дался въ обманъ. Узнавъ о приближеніи французовъ къ Ландреси, онъ послалъ туда 10 баталіоновъ и придвинулъ правое свое крыло ближе къ этой крѣпости.

Какъ только Вильяръ узналъ объ успѣхѣ своихъ соображеній, онъ немедленно направилъ 23 іюля вечеромъ 30 баталіоновъ съ понтоннымъ паркомъ къ Невиллю (на разстояніи одного лье ниже Бушена), съ приказаніемъ немедленно приступить тамъ къ наводкѣ мостовъ. 30 эскадроновъ кавалеріи лѣваго крыла, подъ начальствомъ Брльо, должны были прикрывать движеніе перваго отряда, слѣдуя вдоль р. Селль; вслѣдъ за ними направилась и вся армія въ нѣсколькихъ колоннахъ; графу же Коаньи приказано было продолжать диверсію противъ Ландреси и атаковать циркумвалаціонныя линіи. Чтобы изъ крѣпости Бушена не успѣли увѣдомить Евгения, Вильяръ тѣсно обложилъ этотъ городъ, приказавъ въ то же время гарнизону Валансьенна содѣйствовать главной арміи.

24 іюля въ 8 часовъ утра мосты были готовы и часть французской пѣхоты и кавалеріи успѣла переправиться, не будучи открыта непріателемъ и затѣмъ направилась къ Парижской дорогѣ. Наконецъ прискакало нѣсколько непріятельскихъ эскадроновъ, но, не успѣвъ остановить переправу, принуждены были быстро отступить въ линіи. Для защиты укрѣпленій было едва 10 слабыхъ баталіоновъ, подъ начальствомъ графа Доны. Еще наканунѣ, на замѣчаніе Альберготти о трудности атаки непріятельскихъ укрѣпленій Вильяръ, возразилъ: «отдохните нѣсколько часовъ. Завтра въ 3 ч. утра вы узнаете, въ самомъ ли дѣлѣ непріятельскія линіи такъ крѣпки, какъ вы полагаете».

Французская армія, полная энергіи и довѣренности къ вождю, быстро двинулась къ Парижской дорогѣ. Альберготти просилъ приготовить фашины, чтобы заполнить рвы, но Вильяръ, увидя подходившія непріятельскія войска, замѣтилъ: фашинами послужатъ тѣла тѣхъ нашихъ людей, которые первыми упадутъ въ ровъ. Укрѣпленія были мгновенно

*) «Двинуться туда со всею поспѣшностью, такъ какъ дѣло не терпитъ отлагательства».

взаты и уничтожено до 500 человекъ, конвоировавшихъ транспортъ изъ Маршіена. Вильяръ расположился перпендикулярно къ большому Парижскому пути, входя въ связь лѣвымъ крыломъ съ вышедшимъ изъ Валансьенна гарнизономъ. Однако жъ дѣло было далеко не окончено: предмостное укрѣпленіе не было еще взято. Евгенийъ могъ перейти р. Селль, напасть на хвостъ еще не перешедшей вполнѣ чрезъ Шельду арміи и сбросить ее въ рѣку, отрѣзывая Вильяра отъ основанія его дѣйствій. Маршалъ приказалъ хвосту своихъ войскъ перестроиться въ боевой порядокъ и войти немедленно въ прошлогоднія циркумвалаціонныя линіи Бушена, гдѣ держаться во что бы то ни стало, а самъ, собравъ всѣ остальные войска, приготовился къ немедленному нападенію на Дененъ. Около 1-го часа облака пыли, показавшіяся со стороны Ландреси, извѣстили маршала о приближеніи Евгения. Но уже было поздно. Маршалъ Монтескье повелъ атаку на Дененъ. Замѣчательно построеніе имъ принятое. Гиберъ рассказываетъ, что незадолго до Дененскаго сраженія, знаменитый Фоларъ, долгое время находившійся въ вѣмлости при французскомъ дворѣ, представилъ королю, что причиною неудачъ французовъ былъ строй, принятый во французской арміи, исключительное предпочтеніе огнестрѣльнаго дѣйствія, слѣдовательно тонкимъ линіямъ, и пренебреженіе колоннами. Французское правительство отравило его во Фландрію къ Вильяру, которому онъ предложилъ знаменитую свою колонну, примѣненною Монтескье при атакѣ Дененскаго предмостнаго укрѣпленія. Но предоставимъ лучше рассказывать самому Фолару, бывшему очевидцемъ дѣла.

«Маршалъ Монтескье построилъ 40 баталіоновъ не въ нѣсколько линій, по обыкновенному способу, когда нельзя сражаться длиннымъ фронтомъ; но поставилъ ихъ одинъ въ хвостѣ другого, почти въ колонну, еслибы не были въ 4 шеренги и не на дистанціяхъ, чтобы имѣть вѣсь и силу моихъ колоннъ. Какъ бы то ни было, этотъ маршалъ, получивъ приказаніе, становится въ головѣ пѣхоты, идетъ прямо на укрѣпленія и овладѣваетъ ими безъ всякой почти потери» (228). Въ укрѣпленіи завязалась жестокая рукопашная свалка; но союзники не выдерживаютъ натиска. Часть ихъ бросается въ безпорядкѣ на мостъ, который рушится подъ бѣгущими и повозками обоза. Часть ихъ бросается ниже, чтобы искать спасенія чрезъ мостъ въ Пруви; но мостъ этотъ былъ уже занятъ французскимъ отрядомъ, такъ что они принуждены были положить оружіе. Пораженіе союзниковъ было полное. Почти никто изъ участвовавшихъ въ защитѣ Денена не успѣлъ спастись. Нѣсколько генераловъ, 189 офицеровъ и 2962 нижнихъ чиновъ взяты въ плѣнъ. Множество офицеровъ и солдатъ утонули въ Шельдѣ. Французамъ весь этотъ блестящій успѣхъ стоилъ не болѣе 500 человекъ. Едва было окончено дѣло, какъ прибылъ принцъ Евгенийъ, направившійся къ Пруви, чтобы здѣсь форсировать переправу чрезъ Шельду, но, встрѣченный сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ съ лѣваго берега рѣки

и потерявъ еще до 800 человекъ, онъ принужденъ былъ начать отступление и возвратился обратно въ свой лагерь при Ландреси.

Такъ кончилась знаменитая Денская битва, рѣшившая судьбу кампаніи, произведя разницу, какъ говоритъ маршалъ Морицъ Саксонскій, болѣе нежели въ 100 батальоновъ въ численности воюющихъ армій, покрывшая французскую армию славою и доставившая ее талантливому полководцу почетнѣйшій титулъ спасителя отечества.

Вильяръ превосходно воспользовался своею побѣдою. 26 июля Брелью овладѣлъ всеми постами по Скарпѣ, Мортанемъ, Гавономъ и С. Аманомъ, и взялъ 1500 ч. въ плѣнъ. 30 сдался Маршанъ маршалу Монтескье съ гарнизономъ въ 4 т.; все огромные склады, находившіеся въ этомъ городѣ, также какъ и суда, были взяты. Между прочими запасами найдено 200 орудій.

Всеми этими дѣйствіями армія Евгенія уменьшилась на 25 батал. и 10 эскадр. (16 т. чел.). Вильяръ въ свою очередь, со времени перемирія съ англичанами, не опасаясь за приморскіе пункты, приказалъ гарнизонамъ ихъ слѣдовать на соединеніе съ арміей, что доставило ему лишннихъ 50 батал., а вслѣдствіе этого уже большее превосходство въ силахъ надъ противникомъ. Онъ имѣлъ уже до 120 тыс. (190 бат. и 250 эскадр.), тогда какъ армія Евгенія уменьшилась до 100 тыс. (135 бат., 220 эскадр.)

Съ этими силами Вильяръ рѣшился двинуться теперь на освобожденіе Ландреси, но Евгеній уже снялъ осаду этого города и, бросивъ всю осадную артиллерию въ Кенуа, усиливъ гарнизонъ этой крѣпости, направился къ Монсу.

Тогда Вильяръ, пользуясь выгоднымъ своимъ положеніемъ между Шельдою и Скарпою, рѣшился приступить къ осадѣ Дуэ и началъ строить линіи. Узнавъ объ этомъ, Евгеній изъ Монса, чрезъ Турнэ, послѣдшилъ на помощь къ осажденной крѣпости. Вильяръ, расположившись за каналомъ Дуэ, не позволилъ къ ней подойти. 8-го сентября, чрезъ 25 дней по открытіи траншей, сдался Дуэ съ 14 батальонами его защищавшими. Евгеній отступилъ къ Турнэ. Пользуясь этимъ, Вильяръ быстро двинулся къ Кенуа, чтобъ, обложивъ этотъ городъ, захватить въ немъ осадную артиллерию, оставленную Евгениемъ. Евгеній проинялъ его намѣреніе и двинулся на помощь, но и здѣсь опоздалъ. Неутомимый противникъ уже успѣлъ стать съ болѣею частью артиллеріи между нимъ и осажденнымъ Кенуа на крѣпкой и еще усиленной укрѣпленіями позиціи за р. Гонно. Кенуа сдался 4-го октября на капитуляцію съ гарнизономъ въ 8 тыс. чел. и 100 орудій. 18 октября сдался обложенный французами Бушенъ. Эти дѣйствія были послѣдними. Въ концѣ октября Евгеній отправился на зимнія квартиры къ Брюсселю, а Вильяръ расположилъ войска свои по границамъ. Такъ кончилась эта блестящая для французовъ Денская кампанія, въ которой они выиграли блестящее сраженіе, овладѣли 3-мя важными крѣпостями, 2-мя

укрѣпленными лагерями, 53 батальонами, обширными магазинами, множествомъ обозовъ и запасовъ для производства 3-хъ осадъ (229).

Разсматривая кампанію 1712 года съ стратегической точки зрѣнія, мы находимъ много въ высокой степени поучительнаго въ дѣйствіяхъ обоихъ великихъ полководцевъ. Какъ планъ Евгенія, вторгнуться въ предѣлы Франціи, чтобъ рѣшительнымъ ударомъ окончить войну, такъ и съ другой стороны рѣшеніе короля съ силами, уступавшими силамъ союзниковъ, искать спасенія государства не въ пограничныхъ крѣпостяхъ, а въ рѣшительной битвѣ,—заслуживаютъ полнаго вниманія.

Но нельзя не замѣтить, что Евгеній отдалъ дань вѣку и тѣмъ потерялъ драгоценное время для исполненія своего плана, приступая къ осадѣ крѣпостей Кенуа и Ландреси. Были-ли эти крѣпости на столько важны, чтобы жертвовать для нихъ временемъ, терять войска, а вмѣстѣ съ тѣмъ дать время противнику усилиться и въ особенности выждать успѣха переговоровъ, веденныхъ съ Англіею? Евгеній объ этомъ зналъ, слѣдовательно долженъ былъ торопиться нанесеніемъ рѣшительнаго удара. Онъ превосходилъ противника 25 т. войскъ, а слѣдовательно могъ съ вѣроятностью рассчитывать на успѣхъ. Приносили-ли крѣпости ту пользу, которую ожидалъ отъ нихъ Евгеній? Очевидно нѣтъ. Кромѣ того что по взятіи ихъ онъ долженъ былъ ослабить свою армию отдѣленіемъ въ нихъ гарнизона,—онѣ отнимали отъ него драгоценную инициативу въ дѣйствіяхъ, перенося его въ узкую сферу прикрытія осады. Личный опытъ войны 1706 г. краснорѣчивѣе всего говорилъ, что 33 крѣпости не спасли Италію, когда французская армія была разбита подъ Туринномъ, и сдалась безусловно на капитуляцію. Обезпечивали-ли крѣпости тылъ наступающей арміи? Нѣтъ. Самъ Евгеній въ 1706 году проходилъ спокойно линію первоклассныхъ крѣпостей, которыя не оказывали рѣшительно никакого вліянія на ходъ военныхъ дѣйствій. Тоже самое повторилось въ этой самой кампаніи: кавалерійскій имперскій отрядъ прошелъ всю Шампань и Лотарингію, наполненныя крѣпостями, безъ всякаго сопротивленія со стороны послѣднихъ. Въ ту же кампанію, французскій партизанскій отрядъ, въ продолженіе осады Дуэ, перешелъ за Мозель къ тылу расположенія союзниковъ, достигъ Роттердама, взялъ 2 голландскихъ города, навелъ на всю страну страхъ и вернулся невредимъ, хотя ему приходилось проходить мимо многочисленныхъ крѣпостей съ сильными гарнизонами, которые оставались спокойными зрителями. Наконецъ необходимости брать Кенуа и Ландреси не было никакой уже и потому, что Евгеній имѣлъ и безъ того много крѣпостей въ тылу съ сильными гарнизонами и въ расположеніи своемъ между Шельдою и Скарпою онъ имѣлъ на флангахъ двѣ сильныя крѣпости Дуэ и Бушенъ, а запасы продовольствія получались изъ Англии и Турнэ. Удаляясь къ Ландреси и Кенуа, онъ предоставлялъ крѣпости на произволъ непріятеля, а главное—оставлялъ основаніе дѣйствій на флангѣ, чѣмъ и воспользовался талантливый его противникъ. Правда, что, перенося театръ

дѣйствій къ Кенуа и Ландреси, Евгений намѣревался переменить и операционную линію, направляясь на Монсъ и Атъ, но былъ въ этомъ стѣсненъ распоряженіями голландскаго правительства. Впрочемъ и мѣры его для обезпеченія сообщенія съ Маршіеномъ нераціональны. Наполеонъ говоритъ ⁽²³⁰⁾, что ошибки заключались въ слѣдующемъ: 1) транспортное сообщеніе съ Маршіеномъ производилось ежедневно, безъ конвоя, въ довѣрїи къ линіямъ, слишкомъ обширнымъ, а потому слабымъ и дурно охраняемымъ, и 2) въ томъ, что прикрывающій отрядъ, или, лучше сказать, резервъ помѣщенъ былъ на лѣвомъ берегу Шельды, удаленный отъ главныхъ силъ на 3 мили и отдѣленный отъ нихъ большою рѣкою.

Если уже Евгений долженъ былъ оставаться при сообщеніяхъ съ Маршіеномъ, то, по мнѣнію великаго полководца, слѣдовало: 1) вовсе не строить большой Парижской дороги и производить сообщеніе только транспортами разъ въ мѣсяць, что было совершенно достаточно; 2) обезпечить Дененскій мостъ сильнымъ укрѣпленіемъ, безопаснымъ отъ нападенія, резервъ же поставить на правомъ берегу Шельды, чтобы онъ былъ въ близкомъ сообщеніи съ лагеремъ.

Дѣйствія Вильяра во время осады крѣпостей Евгениемъ вполнѣ сообразны обстоятельствамъ. Онъ уступалъ противнику въ числѣ, а потому, хотя и имѣлъ полномочіе отъ короля вступить въ рѣшительную битву,—не рѣшался на нее безъ благоприятныхъ шансовъ для успѣха.

Когда же англичане отдѣлились отъ Евгения и онъ принужденъ былъ оставить гарнизонъ въ покоренномъ Кенуа, Вильяръ, какъ всѣ великіе полководцы, считающій каждый лишній батальонъ выгоднымъ шансомъ для успѣха, дѣйствуетъ уже рѣшительнѣе. Не зная о намѣреніяхъ противника, онъ, чтобы удостовѣриться, смѣло переходитъ чрезъ Шельду и занимаетъ позицію противъ Евгения на Селлѣ, вызывая его на битву. Если-же бы Евгений вздумалъ обходить правый флангъ его расположенія, перейдя въ наступленіе уже съ равными силами, онъ могъ отбросить противника при удачѣ въ болотистыя мѣстности страны верховьевъ Самбры и Уазы. Видя что противникъ остается спокойнымъ на своихъ линіяхъ и на крѣпкой позиціи, Вильяръ самъ ищетъ боя. Фронтальная атака, при равныхъ силахъ, не могла представить надежды на успѣхъ. Вильяръ, осматривая расположеніе противника, находитъ въ немъ большое мѣсто и немедленно рѣшается имъ воспользоваться; какъ истинно талантливый полководецъ, онъ придаетъ крѣпостямъ надлежащее значеніе. Онъ не боится того, что въ Дуэ и Бушенѣ 12000 ч. гарнизона, что такія же силы находятся и въ Дененѣ, а можетъ быть именно и рассчитывалъ, что повидимому сила этого четырехугольника должна была удалять опасенія непріятелей. Онъ смѣло бросается на него, обманувъ предварительно бдительность Евгения диверсією на Ландреси, переправляется въ виду Бушена и Денена чрезъ Шельду, прорываетъ Парижскую дорогу, штурмуетъ Дененъ и заставляетъ гарнизонъ его положить оружіе до прибытія Евгения. Расчеты его оправдались блестящимъ образомъ; крѣ-

пости, во взятіи которыхъ прошли цѣлыхъ двѣ кампанїи, стоившія такъ дорого, не принесли рѣшительно никакихъ процентовъ съ потраченнаго на нихъ такого огромнаго капитала. Замѣчательно, что Вильяръ ничѣмъ не пренебрегъ для обезпеченія успѣха и лучше распорядился нежели Евгений, притянувъ къ себѣ въ рѣшительную минуту гарнизонъ Валансьенна. Наконецъ можно указать, что какъ только Евгений узналъ о движеніи Вильяра къ Денену, ему не слѣдовало идти на помощь Денену и искать возлѣ этого пункта рѣшительной битвы. Несравненно было бы опаснѣе для Вильяра, если-бы австрійскій главнокомандующій бросился всею массою силъ на Бушенъ, разбилъ бы оставленный въ линіяхъ этой крѣпости французскій отрядъ и, опираясь на Бушенъ и Дуэ, отбросилъ бы противника въ *cul de sac*, образуемый теченіемъ Скарпы и Шельды, отрѣзывая его отъ сообщеній съ Францією. Если-бы войска имперскія не спаслись отъ пораженія, то эту неудачу Евгений могъ вознаграждать у Бушена и вмѣстѣ съ тѣмъ поставить противника въ самое опасное положеніе. Онъ не показалъ обычной своей рѣшительности, поспѣшивъ къ Денену, гдѣ, не принеся никакой пользы, былъ только свидѣтелемъ пораженія Элбермарле. Наконецъ движеніемъ на Бушенъ онъ могъ спасти Маршіенъ, гдѣ находились всѣ склады его запасовъ.

Дененское пораженіе совершенно измѣнило характеръ дѣйствій. Инициатива переходитъ совершенно на сторону Вильяра, уравнивающимся окончательно силами со своимъ противникомъ. Но Вильяръ не довѣряетъ и этому. Онъ ищетъ перевѣса въ силахъ для успѣха надъ такимъ противникомъ, какъ Евгений; онъ знаетъ что отъ его дѣйствій зависитъ судьба монархіи, а потому не пренебрегаетъ ничѣмъ для успѣха и дѣлаетъ превосходное распоряженіе о присоединеніи къ себѣ гарнизоновъ съ приморскихъ пунктовъ, по заключеніи мира съ Англією, оказавшихся бесполезными въ приморскихъ крѣпостяхъ.

Вильяръ пользуется побѣдою, захвативъ Маршіенъ и другіе пункты по Скарпѣ. Затѣмъ, узнавъ о томъ, что Евгений вернулся къ Ландреси, онъ рѣшается заставить его снять осаду этого города. Но если-бы 30-го вечеромъ, по взятіи Маршіена, онъ двинулся быстро на Валансьеннъ, чтобы выйти Евгению въ тылъ на Баве, и, отрѣзавъ его отъ сообщеній, поставить въ безвыходное положеніе, то онъ бы достигъ самыхъ рѣшительныхъ результатовъ. Испанскіе Нидерланды вѣроятно опять достались бы Франціи. Но здѣсь Вильяръ сдѣлалъ ошибку, которую такъ часто дѣлали современные полководцы, предпочитая взятіе крѣпости уничтоженію арміи противника. Въ то время, какъ онъ приступилъ къ осадѣ Дуэ, Евгений благоразумно отступилъ къ Монсу, бросивъ всю осадную артиллерию въ Кенуа.

Но тотъ же принципъ сохраненія крѣпостей спасъ Вильяра. Евгений, опасаясь потерять ихъ, усилилъ гарнизоны ихъ и, ослабивъ такимъ образомъ свою армію, сдѣлался пассивнымъ зрителемъ дѣйствій Вильяра,

который въ свою очередь вмѣсто того, чтобы, пользуясь превосходствомъ въ силахъ, бить противника въ полѣ, начинаетъ осаждать крѣпости. Странная аномалія въ дѣйствіяхъ, объясняемая этимъ непонятнымъ *esprit de possession de places*, которое такъ уже вошло въ рутину, что ему отдавали дань самые знаменитые полководцы эпохи.

Замѣчательно, что Вильяръ нѣсколько отступилъ отъ обыкновеній своего времени. Онъ не представлялъ свободы гарнизонамъ взятыхъ имъ крѣпостей Маршіена, Дуэ, Кенуа и Бушена, разсчитывая справедливо, что, и безъ того ослабляя свою армію отдѣленіемъ во взятыхъ крѣпости гарнизоновъ, онъ усиливаетъ непріятельскую. Эти крѣпости такимъ образомъ ослабили армію Евгенія 34 баталіонами и потеря ихъ, стоившихъ имперцамъ прежде нѣсколькихъ кампаній, произошла вслѣдствіе одного выиграннаго сраженія. Дененское сраженіе, какъ мы замѣтили выше, замѣчательно и въ тактическомъ отношеніи какъ первое примѣненіе, хотя уродливое, идеи Фолара о колоннахъ.

Такова блестящая Дененская кампанія, въ которой Вильяръ спасъ короля и Францію своими талантами и умѣньемъ воспользоваться ошибками такого гениальнаго противника какъ Евгений. Послѣдствія ея замѣчательны. Она возбудила энергію и мужество французскаго солдата, ослабила духъ непріятелей, привыкшихъ въ продолженіе 9-ти лѣтъ къ непрерывнымъ побѣдамъ; наконецъ она ускорила заключеніе Утрехтскаго мира, который прекратилъ войну за наслѣдство испанскаго престола.

Петръ Великій въ борьбѣ съ Карломъ XII.

Полтавское сраженіе 27 июня 1709 г.

Петръ въ своихъ стремленіяхъ къ преобразованію Россіи встрѣчалъ не только внутреннія, но и внѣшнія препятствія. Страдавшая безначаліемъ Польша и сильнѣйшая сѣверная держава Швеція отдѣляли Россію отъ всѣхъ образованныхъ державъ западной Европы. Русскій царь искалъ туда выхода,—море было лучшимъ путемъ, а потому Петръ рѣшился отнять у шведовъ захваченныя ими нѣкогда наши прибалтійскія области. Съ этою цѣлью онъ вступилъ въ союзъ съ датскимъ королемъ и курфюрстомъ саксонскимъ Августомъ, только что избраннымъ тогда въ польскіе короли. Окончательно союзъ былъ заключенъ въ 1699 г., но продолжавшіеся переговоры съ Турціею препятствовали открытію войны. Наконецъ, 18-го августа 1700 г. получено было въ Москвѣ извѣстіе о заключеніи перемирія съ Турціею на 30 лѣтъ и на другой же день обнаружено (подъ разными мелкими предлогами) объявленіе войны противъ Швеціи. Такъ положено было начало великой борьбѣ на сѣверѣ двухъ державъ, изъ которыхъ одна гениемъ Петра выдвинута была въ рядъ первостепенныхъ европейскихъ госу-

дарствъ, и весь обширный Востокъ Европы былъ отнынѣ включенъ въ систему европейскихъ государствъ, видоизмѣнивъ всѣ отношенія западныхъ государствъ, а другая отодвинута въ одинъ изъ самыхъ скромныхъ уголковъ политическаго мира, благодаря столь-же эфемерности ея могущества, сколько и бѣдствіямъ, испытаннымъ ею въ продолжительной войнѣ, веденной при совершенномъ истощеніи силъ страны, королемъ полководцемъ, воевавшимъ преимущественно ради войны. Самый характеръ этой Великой Сѣверной войны опредѣляется въ значительной степени личнымъ характеромъ двухъ величайшихъ ея дѣятелей—Карла XII и Петра Великаго, а потому оцѣнка ея можетъ быть сдѣлана правильно лишь въ связи съ изученіемъ этихъ двухъ полководцевъ.

17-го июня 1682 г. у шведской королевской четы, Карла XI и Ульрики Элеоноры (датская принцесса), родился сынъ—будущій король-полководецъ Карлъ XII. Отецъ, сознавая недостатки своего образованія, старался дать такое въ возможно обширныхъ размѣрахъ, своему сыну, нравственное воспитаніе котораго ведено было подъ ближайшимъ руководствомъ матери. Но вскорѣ различныя обстоятельства (смерть матери и др.) помѣшали его воспитанію и научнымъ занятіямъ и уже съ пятнадцати лѣтъ Карлъ сталъ тщательно заниматься военными упражненіями, а затѣмъ на маневрахъ и смотрахъ съ увлеченіемъ предавался своему любимому дѣлу. Въ 1697 году скончался Карлъ XI и пятнадцатилѣтній сынъ его вступилъ на престолъ, но до совершеннолѣтія короля страна управлялась регентствомъ. Начались безконечныя придворныя интриги и соперничество партій, каждая изъ которыхъ старалась перетянуть короля на свою сторону. Кончилось однако тѣмъ, что уже въ ноябрѣ 1697 г. Карлъ XII былъ единодушно провозглашенъ совершеннолѣтнимъ. Юный король былъ слишкомъ молодъ, чтобы заниматься важными административными и политическими дѣлами, его гораздо болѣе увлекали смотры, парады и т. п., а между тѣмъ гроза уже собиралась надъ Швеціей. Россія, Данія, Польша, Бранденбургъ тайно соглашались относительно войны со Швеціей. По наружности, впрочемъ, все пока обстояло благополучно. Августъ отправилъ къ Карлу поздравленіе съ вступленіемъ на престолъ; Петръ заключилъ дружественный союзъ со шведскимъ королемъ и получилъ отъ него ружья и пушки, а три дня спустя подписалъ съ Августомъ договоръ о наступательномъ союзѣ. Данія тоже пристала къ этому союзу. Бранденбургъ по наружности лишь соблюдалъ строгій нейтралитетъ; ливонскіе дворяне, раздраженные чрезмѣрною строгостью шведскаго правительства, завели тайную переписку съ Россіею и Польшей. Вѣсть о неожиданной войнѣ произвела чрезвычайно сильное впечатлѣніе на шведскій народъ, который единодушно рѣшился поддерживать своего юнаго короля. Въ свою очередь Карлъ XII, нисколько не смущаясь грозившими опасностями, намѣревался прежде всего напасть на Данію. Онъ быстро вооружилъ

флотъ и отправилъ на немъ туда часть арміи, а самъ въ апрѣлѣ 1700 г. покинулъ столицу, которую ему не суждено было болѣе увидѣть.

Дѣйствуя съ чрезвычайной быстротой и энергіей, Карлъ XII одержалъ первую побѣду надъ нѣсколькими наскоро сформированными неприятельскими отрядами. Миръ былъ вскорѣ подписанъ.

Затѣмъ являлся вопросъ противъ кого двинуться: противъ Петра или Августа? Последнему не удалось вторженіе въ Ливонію и потому можно было пока его не опасаться. Гораздо страшнѣе казалась могучая Россія. Не открывая никому своихъ намѣреній, Карлъ посѣбно посадилъ войска на суда и направился прямо на Перновъ, гдѣ высадился и затѣмъ двинулся къ осажденной русскими Нарвѣ. Шведы одержали блестящую побѣду надъ нашей наскоро сформированной, плохо обученной арміей, которая притомъ занимала сильно растянутую позицію, плохо укрѣпленную земляными верками.

Но эта блестящая побѣда открыла глаза Петру на состояніе его арміи и на характеръ полководца, съ которымъ ему приходилось вести борьбу. Съ этого времени Петръ принимаетъ цѣлый рядъ послѣдовательныхъ и въ высшей степени цѣлесообразныхъ мѣръ для подготовки себя окончательнаго успѣха. Многія изъ лицъ, окружавшихъ Карла, умоляли его не затѣвать новой войны съ Польшей, тѣмъ болѣе, что Августъ, утраченный быстрыми успѣхами шведовъ, видимо склонялся къ миру; но Карлъ не могъ допустить мысли, чтобы одинъ изъ его враговъ ускользнулъ отъ готовившейся ему участи, а потому сталъ готовиться къ третьему походу. Передъ открытіемъ польской кампаніи силы шведовъ были распределены слѣдующимъ образомъ: въ Ливоніи было расположено 28,500 чел. пѣхоты, 16000 драгунъ и другихъ частей кавалеріи на квартирахъ; въ Помераніи, Веймарѣ и Бременѣ около 20000 чел., дома тоже около 20000 чел., всего до 90000 чел., болѣе половины которыхъ, подъ непосредственнымъ начальствомъ короля, занимали восточную границу шведскихъ владѣній. Въ началѣ декабря 1700 г., Карлъ, съ частью войскъ, двинулся на югъ этой провинціи, гдѣ занялся устройствомъ квартиръ. Такое неблагоразумное промедленіе дало время Россіи и Польшѣ возобновить свой союзъ. При этомъ Августу удалось значительно усилить свою партію въ Польшѣ. Только въ началѣ лѣта 1701 г. Карлъ во главѣ 20,000 чел. выступилъ въ Курляндію, смѣло перешелъ черезъ Двину, отбросилъ неприятеля въ середину Польши, но не послѣдовалъ за нимъ, а повернулъ къ границамъ Литвы и поставилъ условіемъ мира—низверженіе съ престола Августа. Неурядицы и борьба партій въ Польшѣ повидимому благопріятствовали видамъ шведскаго короля. Знаменитые своимъ родомъ и богатствами Сапѣги, а за ними и многіе другіе магнаты открыто перешли на сторону Карла XII. Въ мартѣ 1702 г. шведы вторглись въ предѣлы Польши, овладѣли Варшавой почти безъ сопротивленія, а Августъ бѣжалъ на югъ. Подъ Калишемъ онъ былъ разбитъ и искалъ убѣжища сперва въ Сандомірѣ, а затѣмъ въ Торнѣ,

гдѣ къ нему присоединился отрядъ саксонцевъ. Краковъ съ восторгомъ принялъ шведскаго короля, который сдѣлался обладателемъ обѣихъ столицъ и всей страны. Не касаясь послѣдующихъ военныхъ дѣйствій, замѣтимъ, что въ 1704 г. на генеральной конфедераціи въ Варшавѣ было объявлено, что король Августъ отрекается отъ престола, вмѣсто котораго былъ избранъ сеймомъ Станиславъ Лещинскій. Но это далеко не успокоило страны и борьба продолжалась. Между тѣмъ, пока Карлъ XII распоряжался въ Польшѣ, гонимая за эфемерными цѣлями и не оцѣнивъ ни величія Петра, ни силъ Россіи, русскій царь успѣлъ сдѣлать обширныя завоеванія, заложилъ Петербургъ и обнаруживалъ твердыя намѣренія укрѣпиться на берегахъ Балтійскаго моря. Карлъ-же, вмѣсто того чтобы торопиться на защиту прибалтійскихъ губерній, гонимая за Августомъ, который тогда только согласился признать себя лишеннымъ польскаго престола, когда Карлъ XII вторгся, наконецъ, въ Саксонію. Миръ былъ заключенъ въ Альтранштадтѣ, и тогда наступилъ чередъ войны съ Россіею. Въ распоряженіи короля находилось 44,000 отлично обученныхъ, закаленныхъ въ бояхъ солдатъ. Медленно Карлъ XII собирался въ походъ. Только въ концѣ 1707 г., оставивъ для охраны Станислава Лещинскаго 8000 чел., Карлъ XII съ 36000 двинулся противъ русскаго царя, приказавъ въ то же время Левенвольду съ 10,000 чел. изъ Курляндіи и Ливоніи слѣдовать къ нему на присоединеніе. Русская армія находилась въ это время въ Гродненскомъ укрѣпленномъ лагерѣ и, благодаря замѣчательнымъ мѣрамъ, указаннымъ Петромъ, о чемъ будетъ сказано ниже, благополучно стала отступать, опустошая передъ шведами страну. Карлъ XII желалъ двинуться на Москву, но явились предложенія со стороны измѣнившаго Петру малороссійскаго гетмана Мазепы, и Карлъ рѣшился двинуться сперва въ Украину и, опираясь уже на этотъ базисъ, направиться къ Москвѣ. Въ концѣ концовъ Карлъ XII былъ разбитъ въ 1709 г. на голову подъ Полтавой и долженъ былъ бѣжать въ Турцію, которую не переставалъ возбуждать къ войнѣ съ Россіей. Продолжительное отсутствіе Карла XII и успѣхи русскихъ позволили Августу въ 1709 г. свергнуть Лещинскаго, а Даніи разорвать мирный договоръ со Швеціей. Турція объявила, наконецъ, Россіи войну, которая приняла для насъ неблагоприятный оборотъ, но тѣмъ не менѣе Петру удалось въ 1711 г. избѣгнуть катастрофы и ускользнуть изъ рукъ враговъ. Карлъ XII былъ въ отчаяніи отъ такого исхода дѣла. Онъ еще два года оставался въ Турціи, но дружба къ нему султана постепенно ослабѣвала и онъ ясно далъ понять королю, что пора бы ему отправиться домой; когда же Карлъ XII на отрѣзъ отказался уѣхать и заперся въ Бендерахъ, то султану пришлось прибѣгнуть къ силѣ. 14000 янычаръ и татаръ съ 14 орудіями осадили городъ. Карлъ съ горестью тѣлохранителей защищался какъ левъ въ продолженіи цѣлыхъ сутокъ; но когда пламя охватило занимаемый имъ домъ, то онъ выскочилъ на дворъ и былъ схва-

ченъ. Еще болѣе легендарный характеръ имѣеть эпизодъ возвращенія Карла XII въ шведскія владѣнія. Добровольный изгнанникъ, король, въ сопровожденіи только двухъ преданныхъ людей, мчится черезъ степи и лѣса, преслѣдуемый наемными убійцами, избѣгаетъ населенныхъ мѣстъ, голодный почуетъ подъ открытымъ небомъ. Оба его спутника заболѣваютъ въ дорогѣ; онъ ихъ бросаетъ, несется далѣе одинъ и, наконецъ, прибываетъ 11 ноября 1714 г. въ Стральзундъ. Хотя Швеція была страшно истощена войною, но тѣмъ не менѣе Карлъ не обращалъ ни на что вниманія и продолжалъ стремиться къ осуществленію своихъ излюбленныхъ цѣлей—низверженію Августа, уничтоженію Петербурга и ограниченію свободныхъ учреждений Швеціи. Въ то же время датчане, саксонцы, пруссаки и русскіе, узнавъ о прибытіи Карла XII въ Стральзундъ, осадили городъ и хотя король защищался съ чрезвычайной энергіей, но долженъ былъ капитулировать и заключить невыгодный для Швеціи миръ. По прибытіи въ отечество, Карлъ избралъ своей резиденціей Лундъ и совершенно забылъ объ огражденіи своей границы отъ Россіи, а весь отдался новой идеѣ—завоеванію Норвегіи, противъ которой предпринялъ двѣ кампаніи и велъ неустанную борьбу пока, наконецъ, былъ убитъ подъ стѣнами крѣпости Гильдсклѣвъ въ 1718 году. Такова внѣшняя исторія походовъ этого, во всякомъ случаѣ, замѣчательнаго воина. Остается очертить его личность какъ человѣка, тактика и полководца. Небольшаго роста, съ темносными пронизательными глазами, орлинымъ взглядомъ и рѣзко очерченными губами—такимъ былъ по внѣшности Карлъ XII. По своимъ привычкамъ это былъ спартанецъ: чрезвычайно умѣренный въ пищѣ, не требовательный относительно всякихъ удобствъ жизни, такъ что спалъ на соломѣ и притомъ очень мало (въ послѣдніе годы онъ съ 2-хъ часовъ ночи уже былъ за работою), онъ былъ крѣпкаго тѣлосложенія и съ 13 лѣтъ не зналъ никакой болѣзни. Одежда его также была проста: кафтанъ, камзолъ, грубая войлочная шляпа и высокіе ботфорты съ громадными шпорами составляли обычный костюмъ короля-воина. Карлъ XII былъ равнодушенъ къ успѣхамъ, стоекъ въ несчастіи, хладнокровенъ при неудачахъ. Прямота его характера и отвращеніе ко лжи могли войти въ поговорку. Онъ былъ очень строгъ, но не жестокъ. Карлъ писалъ всегда краткимъ скатымъ слогаемъ, но послѣ Полтавскаго сраженія его уметвенныя способности были повреждены. Книги серьезнаго содержанія вмѣстѣ съ шахматами составляли единственное его развлеченіе въ промежутки между воинскими занятіями. Карлъ еще въ отроческомъ возрастѣ сдѣлался королемъ и, получивъ въ безотчетное распоряженіе все средства страны, со страстью предавался осуществленію своихъ любимыхъ мечтаній, т. е. завоеваніямъ, что и сдѣлало его воиномъ-авантюристомъ.

У Карла XII были горячіе поклонники, но ему не удалось создать ни одного дипломата, ни одного полководца, способнаго продолжать начатое имъ дѣло.

«Жизнь Карла закончилась вмѣстѣ съ нимъ» сказано было въ его надгробной рѣчи.

Что касается Карла XII какъ *тактика*, то отчасти самыя требованія времени сдѣлали изъ него по преимуществу *кавалерійскаго генерала*, причемъ находчивость, быстрота движеній и необыкновенный пылъ при атакахъ—были выдающимися его достоинствами. Благодаря этому шведская кавалерія пріобрѣла всемірную извѣстность и послужила впоследствии образцомъ Цитену и Зейдлицу. Когда Карлъ XII двинулся въ Саксонію у него было на 44000 человекъ—25000 кавалеріи; такъ какъ при этомъ часть пѣхоты была разбросана по крѣпостямъ, то отсюда видно, что въ сраженіяхъ со стороны шведовъ дѣйствовала главнѣйшимъ образомъ кавалерія. Что касается шведской пѣхоты, то и этотъ родъ оружія еще со времени Густава Адольфа пользовался хорошей славой. Карлъ XII пріучилъ ее вѣрить въ силу штыка, благодаря которому шведская пѣхота одерживала нерѣдко блестящія побѣды. Хотя ника въ его время была уже введена въ западной Европѣ, но Карлъ XII удерживалъ ее въ своей пѣхотѣ, какъ надежное средство противъ атакъ конницы, и дѣйствительно шведская пѣхота стойко выдерживала атаки польской и русской кавалеріи. Карлъ XII не былъ охотникомъ до стрѣльбы, особенно на дальнія дистанціи, и приказывалъ своимъ людямъ беречь заряды до тѣхъ поръ пока послѣ залпа можно было уже непосредственно принять наступающаго на пики. У Карла XII пѣхота и кавалерія всегда взаимно поддерживали другъ друга и это доходило даже до крайности, когда Карлъ XII перемѣшивалъ съ конницей небольшія части мушкетеровъ. Вообще Карлъ XII не подчинялся тактическому методизму его времени и уже по одному своему пылкому характеру не могъ слѣдовать той размѣренности и внѣшней правильности въ тактическихъ приемахъ, которыя господствовали на западѣ. Любимымъ его приемомъ былъ дружный быстрый натискъ противъ непріятельскаго центра. Пѣхота обыкновенно строилась у него въ 6 шеренгъ, развернутымъ фронтомъ. Артиллеріи Карлъ XII не придавалъ большаго значенія, велѣдствіе ея тогдашняго технического несовершенства, тяжести и неповоротливости.

Въ своей арміи Карлъ XII умѣлъ внушить къ себѣ безграничное, слѣпое довѣріе, да и въ народѣ осталась несравненно болѣе сказаній о солдатѣ-королѣ, нежели о его предкѣ, гениальномъ полководцѣ Густавѣ Адольфѣ (²³¹).

Такимъ образомъ мы видимъ, что Карлъ XII въ смыслѣ развитія тактическаго искусства не сдѣлалъ ничего выдающагося. Правильное употребленіе и веденіе имъ кавалеріи, сообразно свойствамъ этого рода оружія, обусловливались гораздо болѣе свойствами его пылаго, необузданнаго характера, нежели какими либо искусными тактическими комбинаціями. А чрезмѣрное значеніе, приданное имъ этому роду оружія и развитіе его на счетъ пѣхоты, едва-ли можетъ быть признано шагомъ

впередъ въ смыслѣ развитія истинныхъ началъ тактики. Остается сказать нѣсколько словъ о Карлѣ XII какъ о стратегикѣ.

Въ его время, какъ мы знаемъ, на западѣ господствовала въ военномъ искусствѣ методизмъ, величайшая осторожность и правильность въ веденіи военныхъ операцій. Карлъ XII явился выразителемъ инаго, совершенно противоположнаго принципа—принципа рѣшительности. Въ то время, какъ на западѣ маневрированіе прибрѣло огромное значеніе и цѣнность, причѣмъ бывали цѣлыя кампаніи, рѣшенныя безъ боя; для Карла XII бой значилъ все и маневрированіе являлось лишь въ видѣ исключенія. Намѣтивъ себѣ цѣль, Карлъ XII быстро къ ней устремлялся, немедленно вступалъ въ бой и велъ его съ чрезвычайнымъ напряженіемъ и пылкостью. Не смотря на такую рѣшительность, Карлъ XII не умѣлъ цѣнить элемента времени: то онъ въ суровое время года, пренебрегая всякими невзгодами, устремляется къ цѣли, которая нерѣдко отъ него удаляется, то безъ всякой надобности предается продолжительному бездѣйствію ради какихъ либо второстепенныхъ, ничтожныхъ соображеній (1705—остановка у Варшавы въ ожиданіи коронаціи Лещинскаго). Умѣнье выбрать предметъ дѣйствій не всегда ему дается: онъ не оцѣниваетъ значенія такого противника какъ Петръ съ его могучими средствами: два года гоняется безплодно за Августомъ пока, наконецъ, догадывается нанести ему ударъ въ самое чувствительное мѣсто—Саксонію и пр. Наконецъ Карлъ XII не всегда принималъ надлежащія мѣры къ обезпеченію своихъ операцій устройствомъ базы, коммуникаціонной линіи и пр., проходя по странѣ какъ «корабль по морю», по замѣчанію Клаузевица.

Пока успѣхъ сопутствовалъ ему до тѣхъ поръ всѣ недостатки его стратегическихъ комбинацій скрадывались одерживаемыми побѣдами; но за то послѣ первой серьезной неудачи онъ сразу лишился всей арміи и результатовъ, достигнутыхъ его завоеваніями.

Однимъ словомъ Карлъ XII какъ полководецъ является весьма рѣшительнымъ, но лишеннымъ способности всестороннихъ соображеній и умѣнья вѣрно оцѣнить обстановку, т. е. качества, отличающихъ всѣхъ истинно-великихъ полководцевъ.

Обращаясь отъ Карла XII къ Петру, намъ нѣтъ надобности во внѣшнемъ ходѣ событій искать матеріала для характеристики личности великаго Императора, достаточно извѣстной всякому русскому. Поэтому мы остановимся на болѣе специальныхъ вопросахъ: выяснимъ какія средства были созданы Петромъ для поднятой имъ борьбы и какъ онъ воспользовался всѣми ими для этой борьбы въ качествѣ полководца. Рѣшительный и энергичный царь не сразу оцѣнилъ всю трудность борьбы съ противникомъ, да притомъ никто не могъ предполагать въ восемнадцатилѣтнемъ юношѣ—королѣ тѣхъ необыкновенныхъ воинскихъ доблестей, которыя онъ обнаружилъ, ставъ во главѣ своей арміи. По этимъ причинамъ Петръ, выбравъ первоначальнымъ предметомъ дѣйствій Нарву,

двинулъ туда свою 35-тысячную армію, въ составѣ которой были лишь два гвардейскихъ да Лефортовъ полки достаточно обученные, а остальные состояли большею частью изъ рекрутъ, не имѣвшихъ никакой боевой опытности. Погромъ, испытанный нашими войсками подъ Нарвой, указывалъ на недостатки тогдашней петровской арміи, но вмѣстѣ съ тѣмъ необыкновенныя доблести, проявленныя въ томъ же сраженіи наилучше обученными и дисциплинированными полками, ясно свидѣтельствовали Петру въ какомъ направленіи слѣдовало идти, чтобы подготовить надежную вооруженную силу.

Петръ вполне воспользовался нарвскимъ урокомъ, этимъ, по его словамъ «младенческимъ играніемъ», чтобы развить и усовершенствовать армію, дать ей постепенно серьезное обученіе и, идя послѣдовательно и неуклонно къ поставленной цѣли, сломить врага, пользуясь даннымъ имъ же урокомъ. Геній Петра и его великіе труды принесли обильные плоды *).

Какія же средства были постепенно подготовлены Петромъ для рѣшительной борьбы съ Карломъ? Въ теченіи пяти лѣтъ, протекшихъ со времени Нарвы, Петръ, плохо оцѣненный Карломъ, умѣлъ не только завоевать нужнѣйшія для него непріятельскія области, но и создать сильную регулярную армію, численность которой къ концу 1706 г. простиралась до 90,000 чел. Препятствія, которыя пришлось для этого преодолѣть, были чрезвычайны.

Рекрутскіе наборы, не смотря на богатство этого источника, были весьма тяжелы для населенія и не давали всего необходимаго, какъ по

*) Лучше всѣхъ самъ Петръ въ его «журналѣ» опредѣляетъ значеніе нарвскаго пораженія. «Шведы подъ Нарвою надъ нашими войсками викторію получили что безспорно; но надлежитъ разумѣть надъ какими войсками оную получили. Только одинъ старый Лефортовскій полкъ былъ, а два полка гвардіи только были на двухъ атакахъ у Азова и тѣ полевыхъ боевъ, а наипаче съ регулярными войсками, никогда не видывали. Прочіе же полки, какъ офицеры такъ и рядовые, самые были рекруты, да къ тому голодь былъ, понеже за великими грязьями, провіанта привозить было невозможно. Единимъ словомъ сказать можно: все то дѣло яко младенческое играніе было, а искусства ниже вида. Какое же удивленіе старому, о бученному, практикованному войску, надъ такими неискусными смскать викторію. Правда, сія побѣда во время зѣло печальна была и чувствительна, яко отчаянная всякіи впредь надежды и за великій гнѣвъ Божій почитаема. Но когда о томъ подумать, то во истину не гнѣвъ Божій, но милость Божію должны мы исповѣдать. Ежели бы намъ тогда надъ шведами викторія досталась, бывшимъ въ такомъ неискуствѣ во всѣхъ дѣлахъ, какъ воинскихъ такъ и политическихъ, то въ какую бѣду оное счастье насъ визринуть могло, также какъ шведовъ уже давно во всемъ обученныхъ и славныхъ въ Европѣ (которыхъ французы бичемъ нѣмецкимъ называли) подъ Полтавою столь жестоко визринуло, что всю ихъ максимумъ низомъ къ верху обратило. Но когда мы сіе несчастье (или лучше сказать великое счастье) подъ Нарвою получили, то неволя лѣность отогнала и къ трудолюбію и искусству день и ночь прилежать принудила и войну вести уже съ опасеніемъ и искусствомъ вѣдела».

недостатку точных свѣдѣній о населеніи государства, такъ и вслѣдствіе недостатковъ устройства внутренняго управленія, причѣмъ самыя строгія предписанія правительства оставались нерѣдко безъ исполненія.

Поэтому на ряду съ рекрутскими наборами приходилось прибѣгать къ чрезвычайнымъ мѣрамъ (наборъ въ солдаты всѣхъ годныхъ бывшихъ московскихъ стрѣльцовъ, вольноотпущенныхъ и кабалныхъ, оставшихся послѣ смерти помѣщиковъ; сборъ съ приходскихъ священниковъ и дьяконовъ известнаго числа драгунскихъ лошадей—напр., 1 лошадь съ 200 дворовъ прихода—и т. п.).

Для комплектованія арміи офицерами, Петръ имѣлъ обширный источникъ—русское дворянство, которое привлечено имъ на постоянную службу и правильно подготовлено къ ней, не смотря на отвращеніе къ службѣ въ регулярныхъ войскахъ. Мѣры, принятыя въ этомъ отношеніи Петромъ, были настолько успѣшны, что потребность въ иноземныхъ офицерахъ чувствовалась все менѣе и менѣе, такъ что съ 1706 г. ихъ уже принимаютъ лишь съ разборомъ и притомъ безъ повышенія въ чинѣ. Обученіе войскъ сдѣлало замѣчательно быстрые успѣхи, чему содѣйствовали, какъ изданные въ разное время уставы и инструкции, такъ въ особенности личный надзоръ царя, который ежегодно по нѣсколько разъ осматривалъ полки и обращалъ строгое вниманіе на достигнутые ими результаты; обезпеченіе всѣхъ матеріальныхъ нуждъ арміи составляло также предметъ энергичной заботливости государя. Это было тѣмъ труднѣе, что при прежней системѣ люди сами заботились о своемъ продовольствіи и снаряженіи; съ учрежденіемъ же регулярной арміи попеченію о всѣхъ этихъ нуждахъ перешло на правительство. Сначала ружья и сукно выписывались изъ Голландіи, но, во первыхъ, это обходилось дорого; во вторыхъ, послѣ нарвскаго погрома голландцы, опасаясь мести Карла XII, вовсе отказались доставлять эти предметы изъ заграницы. Тогда государь обратился къ средствамъ собственной страны.

При его покровительствѣ и содѣйствіи улучшены были сперва частныя заводы, а затѣмъ учреждены и казенныя. Съ другой стороны овцеводство и развитіе суконнаго производства сдѣлали, подъ руководствомъ кн. Меньшикова, быстрые успѣхи, такъ что въ 1705 г. Петръ, говоря о русскихъ сукнахъ, писалъ: «изъ нихъ и я сдѣлалъ къ празднику кафтанъ». Заботливость царя о продовольствіи людей была безпредѣльна. Чтобы испытать достаточенъ-ли назначенный солдатъ паекъ, государь принималъ на себя всѣ обязанности солдатской службы и, работая цѣлый мѣсяцъ наравнѣ съ солдатами, довольствовался исключительно однимъ пайкомъ. Для помощи больнымъ и раненымъ, Петръ выписывалъ врачей, учреждалъ госпитали и аптеки и т. п. Ничто не ускользало отъ его всеобъемлющаго вниманія, и онъ самъ заботился даже объ устройствѣ бань для войскъ. Столь же широкія и всестороннія мѣры были приняты для укорененія дисциплины въ арміи, для поднятія ея нравственнаго духа. Въ послѣднемъ отношеніи царь старался постепенно воспитать

армію въ школѣ малыхъ, но вѣрно обезпеченныхъ успѣховъ, чтобы дать ей увѣренность въ собственныхъ силахъ, въ возможности бороться съ искуснымъ, превосходно обученнымъ противникомъ. Вскорѣ рядъ частныхъ успѣховъ могъ доказать государю вѣрность избраннаго имъ способа боеваго воспитанія его арміи (Нотебургъ, Нѣншанецъ, Дерптъ, Нарва).

Пѣхота дѣлилась на двухбаталіонныя полки (въ Преображенскомъ полку 4, а въ Семеновскомъ и еще въ четырехъ армейскихъ полкахъ по 3 баталіона); въ каждомъ баталіонѣ (ок. 600 чел.) 4-ре роты фузильерныхъ и еще въ полку 1 гренадерская. Двѣ трети люди баталіона были вооружены ружьями со штыками, а остальная треть—пиками и шпагами. Строилась пѣхота въ 4-ре шеренги.

Кавалерія состояла исключительно изъ драгунъ и конныхъ гренадеръ. Полкъ, численностью около 1000 чел., дѣлился на 10 ротъ. Драгуны были вооружены напашами или саблями и фузеями (нѣкоторые карабины), а конные гренадеры имѣли еще ручныя гранаты. Конница строилась развернутымъ фронтомъ въ 3 шеренги. Въ эволюціонной способности конница наша не уступала западно-европейской, а въ боевыхъ дѣйствіяхъ превосходила ее, такъ какъ царь воспретилъ стрѣльбу съ коня передъ атакою, что, какъ извѣстно, практиковалась повсюду (за исключеніемъ Швеціи).

Артиллерія раздѣлялась на полковую и главную (батареиную). Полковая состояла изъ 3 ф. пушекъ, полагавшихся по 2 на баталіонъ. Каждому драгунскому полку придано было по одной $\frac{1}{2}$ пуд. гаубицѣ съ конною прислугою. Главная артиллерія состояла изъ бомбардирской роты Преображенскаго полка и изъ артиллерійскаго полка. Въ бомбардирской ротѣ состояло 4 пушки 6 ф. и 6 мортирь. Артиллерійскій полкъ раздѣлялся на 6 канонирскихъ ротъ, но число орудій въ немъ не было опредѣлено. Къ полку причислялись еще: мнѣрная рота, инженерная и понтонная команды. Не смотря на заботы государя, артиллерія наша въ своемъ усовершенствованіи отставала отъ другихъ родовъ оружія еще болѣе нежели въ другихъ государствахъ. Главная артиллерія была дурно устроена и мало подвижна, такъ что сильно отставала отъ войскъ. Въ 1704 г., когда армія пришла къ устью Наровы, при ней находились только двѣ пушки, которыя разорвало послѣ первыхъ же выстрѣловъ. Артиллерія возилась на обывательскихъ подводахъ, но въ 1706 г. государь приказалъ для этой потребности набрать 6000 рекрутъ. Въ западныхъ государствахъ батарейная артиллерія еще очень долго перевозилась подрядчиками.

Образуя армію, Петръ подготовлялъ ей и искусныхъ военачальниковъ, какъ Шереметевъ и особенно Меньшиковъ. Въ своихъ инструкціяхъ и наставленіяхъ, даваемыхъ арміи, Петръ во многомъ былъ выше тогдашнихъ понятій о военномъ искусствѣ⁽²³³⁾. Беря образцомъ Европу, Петръ, при его гениальномъ самобытномъ умѣ, конечно, не могъ быть

слѣпымъ подражателемъ. Мелочный педантизмъ, односторонность и искусственный методизмъ, царствовавшіе въ тактическихъ и стратегическихъ понятіяхъ западно-европейцевъ, были отвергнуты Петромъ, который требовалъ дѣйствій соображенныхъ съ обстановкой, а не условныхъ, нормальныхъ операций; цѣли ставилъ важныя, не питая предразсудковъ о преувеличенномъ значеніи крѣпостей и т. п.

Такимъ образомъ онъ готовился окончательно исполнить данное имъ обѣщаніе по полученіи извѣстія о нарвскомъ пораженіи: «спасибо брату Карлу. Будетъ время, и мы ему оплатимъ за уроки». Поплатившись нарвскимъ пораженіемъ за несоотвѣтственность рѣшительныхъ дѣйствій при тогдашнихъ условіяхъ, Петръ переходитъ къ осторожности въ дѣйствіяхъ, но осторожности не бояливой, а рассчитанной, уступающей мѣсто, при вѣрныхъ шансахъ успѣха, рѣшительности. Только рядъ такихъ успѣховъ могъ постепенно воспитать нравственный духъ арміи. Съ этою цѣлью, Петръ, пользуясь отсутствіемъ Карла XII, оставившаго въ Ингерманландіи и Лифляндіи 15,000 чел., противъ которыхъ мы имѣли 30,000 Шереметева у Пскова и 10,000 Апраксина въ Новгородѣ и Ладогѣ (впослѣдствіи еще болѣе), приказываетъ производить набѣги, сначала избѣгая боя, а лишь для опустошенія непріятельской страны и захвата добычи, а затѣмъ уже и съ непремѣнною цѣлью боя, при, по крайней мѣрѣ, двойномъ превосходствѣ силъ. Благодаря такой превосходно рассчитанной системѣ дѣйствій, уже въ 1701 г. Шереметевъ разбилъ шведовъ при Эрестферѣ, а въ 1702 г., онъ же, при Гумельгофѣ и Апраксинъ на р. Ижорѣ.

Послѣ того Петръ переходитъ еще къ болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ: штурмуетъ Нотебургъ (Шлиссельбургъ), сильный своимъ мѣстоположеніемъ, беретъ въ 1703 г. бомбардировкой Ниеншанць, основываетъ Петербургъ и пр., такъ что въ 1704 г., владѣя уже всею Ингерманландіею, заставляетъ пасть, наконецъ, и Нарву. Въ 1705 г. Петръ готовился продолжать свои завоеванія и овладѣть Кексгольмомъ и Выборгомъ, но необходимость помочь союзнику, польскому королю, заставила сосредоточить къ Полоцку до 50,000 чел. Карлъ XII, оцѣнивъ, наконецъ, важность Саксоніи, двинулся туда изъ Польши и отрѣзалъ Августа, находившагося съ войсками у Кракова, отъ сообщеній съ Саксоніею.

Петръ, желая оказать содѣйствіе Августу, направилъ въ сентябрѣ 1705 г. свою армію отъ Полоцка въ Гродно. Узнавъ объ этомъ, Карлъ XII оставилъ Рейншильда съ 1,200 въ Силезіи, а съ остальными 40,000 (20 т. шведовъ и 20 т. поляковъ) двинулся къ Варшавѣ, гдѣ оставался до глубокой осени въ ожиданіи коронаціи Станислава Лещинскаго. Союзники, не ожидая рѣшительныхъ дѣйствій въ такое время года, заняли широкія квартиры отъ Пултуска на Тыкочинъ до Гродно. Но какъ только замерзли рѣки и озера Карлъ XII быстро дви-

нулся впередъ на Венгровъ, Брянскъ въ обходъ Тыкочина, въ расчетѣ разорвать широкое квартирное расположеніе союзниковъ.

Однако, не смотря на замѣчательную быстроту этого движенія, большая часть нашихъ войскъ, а именно до 30,000 чел. (45 бат. и 6 драг. полковъ), успѣли собраться въ Гродненскомъ укрѣпленномъ лагерѣ, а конница, стоявшая у Ломжи, сосредоточилась подъ начальствомъ Меншикова у Минска. При такихъ условіяхъ Карлу XII приходилось или штурмовать нашъ лагерь, или же прибѣгнуть къ маневрамъ и попытаться отрѣзать сообщенія русской арміи. Вопреки своему обыкновенію Карлъ XII прибѣгнулъ къ послѣднему средству, не рѣшаясь атаковать наши сильныя укрѣпленія. При такомъ обходѣ нашей позиціи Карлъ приобрѣталъ новый базисъ, что исключало всякій почти рискъ въ его операциіи. Переправясь въ 3-хъ верстахъ выше Гродно, Карлъ сталъ командовавшей арміей за отсутствіемъ Петра, находившагося съ осени по нителное ея положеніе, сдать начальство фельдмаршалу Огильви, а самъ съ кавалеріей двинулся къ Варшавѣ, рассчитывая разбить Рейншильда и собрать около 30,000 чел., съ которыми двинуться на помощь къ Гродно. Между тѣмъ наша армія была обложена и вскорѣ начала ощущать голодъ. Положеніе ея становилось критическимъ и могло окончиться полной катастрофой. Въ такомъ положеніи Петръ проявляетъ по истинѣ гениальную творческую дѣятельность для спасенія созданной имъ и успѣвшей уже заявить себя въ бояхъ арміи. Такъ какъ Карлъ XII расположился по сѣверную сторону Гродно, а южная сторона оставалась свободной, то Петръ рѣшился устроить хотя бы временный базисъ и съ этою цѣлью приказалъ 15,000 казакамъ Мазены стать у Слуцка и другому ихъ отряду такой же численности у Бреста, производить оттуда поиски къ Гродно, беспокоить шведовъ и доставлять продовольствіе въ лагерь. Таковы были мѣры, указанныя для дѣйствій по южную сторону Гродно. Но Петръ не оставилъ безъ вниманія и сѣверной стороны, гдѣ находился Карлъ съ его главными силами.

Въ интересахъ Петра, было, во первыхъ, оттянуть непріятеля по возможности далѣе отъ лагеря, а, во вторыхъ, затруднить и его сообщенія съ базой. Съ этою цѣлью государь приказалъ: 1) Бауру съ 6-ю драгунскими полками расположить на дорогѣ изъ Вильны въ Полоцкъ и тревожить тылъ шведовъ и 2) Розену, стоявшему въ Митавѣ, наблюдать за Левенгауптомъ, находившимся въ Ригѣ, и препятствовать его соединенію съ Карломъ. Эти мѣры имѣли чрезвычайно важное значеніе, сдѣлавъ впослѣдствіи возможнымъ знаменитое отступленіе нашей арміи изъ Гродно. Дѣйствительно Карлъ XII, отрѣзанный отъ сообщеній съ Левенгауптомъ и безпокойный съ тылу, началъ ощущать

затрудненія въ продовольствіи и долженъ былъ постепенно отодвигаться отъ укрѣпленнаго лагеря и такимъ образомъ ослаблять его блокаду. Между тѣмъ, вслѣдствіе пораженія Шуленбурга при Фрауштадтѣ, Августъ повелъ собранныя имъ войска къ Кракову и такимъ образомъ исчезла всякая надежда на спасеніе нашей арміи при его содѣйствіи; оставалось одно средство—отступление. При извѣстной рѣшительности и быстротѣ шведскаго короля, исполненіе подобной операціи было бы рѣшительно невозможно, во первыхъ, безъ тѣхъ подготовительныхъ дѣйствій, которыя выше указаны, и безъ тѣхъ предусмотрительныхъ мѣръ, которыя были намѣчены Петромъ для непосредственнаго исполненія отступления.

Карлъ XII, вслѣдствіе дѣйствій въ его тылу нашей конницы, ощущая недостатки въ продовольствіи, постепенно отодвигалъ свою блокадную линію и стоялъ верстахъ въ сорока къ сѣверу отъ укрѣпленнаго лагеря. Это уже до нѣкоторой степени обезпечивало скрытность отступленія; затѣмъ необходимо было выбрать время и направленіе.

Въ этихъ отношеніяхъ Петръ совѣтывалъ Огильви двинуться тогда, когда начнетъ вскрываться Нѣманъ (у шведовъ былъ въ Орлѣ, верстахъ въ 3-хъ выше Гродно, временный мостъ, который не могъ выдержать напора льда, а у русскихъ въ Гродно постоянный мостъ), бросить артиллерію и, перейдя на лѣвый берегъ рѣки, двинуться между Брестомъ и Пинскомъ, «чтобы обойти верховья Припети, и, оставя ее въ лѣвой рукѣ, идти къ Кіеву или къ Чернигову, и сперва зѣло поспѣшно день другой идти, чтобы непріятель не догналъ, а когда зайдете за Пинскъ, гдѣ рѣка Припеть начинается, тогда можно вамъ идти по волѣ, ибо непріятель сію рѣку (ради ея болотъ) перейтить и вамъ передо занять не можетъ; а сзади съ пѣхотою не поспѣетъ, а съ одною конницею будетъ безсилень».

Огильви вышелъ изъ Гродно 30 марта, въ тотъ самый день, какъ тронулся Нѣманъ, и двинулся на Брестъ, а затѣмъ на Ковель къ Кіеву. Карлъ XII, задержанный сорваннымъ мостомъ, могъ выступить только 3-го апрѣля и двинулся на перерѣзъ нашей арміи къ Пинску. Но дурныя дороги и непроходимыя припетскія болота затруднили его маршъ и изнурили армію до такой степени, что по прибытіи къ Пинску онъ долженъ былъ дать ей отдыхъ.

Наша армія прибыла благополучно и почти безъ потерь къ Кіеву. Такимъ образомъ въ этомъ походѣ Петръ чрезвычайно вѣрно оцѣнилъ обстановку и, не смотря на рѣдкое искусство въ дѣйствіяхъ его противника, цѣлымъ рядомъ гениально-сообразныхъ мѣръ вывелъ армію изъ крайне труднаго, критическаго положенія (232).

Карлъ XII, простоявъ около мѣсяца въ Пинскѣ и столько-же около Луцка, двинулся въ Саксонію, заставилъ Августа отказаться отъ польской короны въ пользу С. Лещинскаго и заключить, въ г. Альтранштедтѣ, миръ 25 сент. 1706 г. Петръ Великій, при первомъ извѣстіи о движеніи Карла въ Саксонію, приказалъ всей арміи двинуться изъ Кіева

на Волинь, а 20000 конницы Меншикова идти по слѣдамъ шведскаго короля и перейти Вислу, чтобы соединиться съ Августомъ (въ то время какъ его уполномоченные подписывали мирныя условія, Августъ съ 15000 польскихъ войскъ находился въ Литвѣ) и снова овладѣть Польшею, гдѣ Карлъ XII оставилъ Мардефельда съ 8000 чел. Не смотря на крайне двуличное поведеніе Августа, почти не принимавшаго участія въ сраженіи, Мардефельдъ былъ совершенно разбитъ 18 октября при Калишѣ, гдѣ его польская и шведская конница была опрокинута, а шведская пѣхота, въ числѣ 4000 чел., окружена со всѣхъ сторонъ и, послѣ упорнаго сопротивленія, положила оружіе. Августъ, извиняясь передъ Карломъ въ своемъ невольномъ участіи въ бою, отослалъ войска Меншикова на зимнія квартиры въ Галицію, въ окрестности Жалкіева, а самъ отправился къ Карлу съ просьбой не уничтожать заключеннаго трактата (233).

Между тѣмъ Карлъ XII какъ бы позабылъ о Петрѣ и цѣлый годъ простоялъ безъ надобности въ Саксоніи, давая время государю принять все необходимыя мѣры по случаю вторженія шведовъ въ Россію. Наши войска находились въ двухъ пунктахъ: пѣхота, подъ начальствомъ Шереметева, около Острога на Волини, а кавалерія Меншикова у Жолкіева.

Петръ прибылъ къ войскамъ и всю зиму и лѣто 1707 г. пробылъ въ Польшѣ для поддержанія партіи Августа; но партія эта не только не крѣпла, а постепенно ослабѣвала, вслѣдствіе чего на военномъ совѣтѣ въ Жолкіевѣ было опредѣлено, согласно мнѣнію Шереметева: 1) при наступленіи Карла XII отступать къ границамъ Россіи, не принимая боя, такъ какъ на расположеніе жителей Польши трудно было разсчитывать, что, при неудачномъ исходѣ сраженія, могло имѣть крайне неблагоприятныя послѣдствія; 2) при отступленіи опустошать край, чтобы лишитъ шведовъ всякихъ средствъ продовольствія, постоянно тревожа непріятеля легкими отрядами и задерживая его въ опустошенной странѣ, что, при принятой Карломъ XII системѣ веденія войны (исключительно средствами края), должно было поставить его въ высшей степени трудное положеніе и заставить прибѣгнуть къ созданію громаднхъ, малоподвижныхъ транспортовъ. Хотя такой планъ несомнѣнно почти обѣщалъ успѣхъ, но, щадя свои области, обреченныя на опустошеніе, Петръ обратился къ Карлу съ мирными предложеніями, готовый уступить все завоеванія кромѣ Интріи. Но Карлъ гордо отвергъ эти предложенія, говоря, что онъ будетъ въ Москвѣ условливаться о мирѣ и назначилъ впередъ коменданта въ Москву. Узнавъ объ отказѣ шведскаго короля, Петръ замѣтилъ: «братъ мой Карлъ думаетъ быть Александромъ, но не найдетъ во мнѣ Даріа». Въ предвидѣніи вторженія Петръ приказалъ усилить укрѣпленія Смоленска, Пскова и Новгорода, укрѣпить Великія Луки, устроить предмостное укрѣпленія въ Конысѣ и даже, на случай самого неблагоприятнаго оборота войны, укрѣпить Москву. Кромѣ того,

какъ указано было рѣше, граница защищалась возведенной нѣсколько рѣше укрѣпленной линіей отъ Пскова черезъ Смоленскъ, Брянскъ и далѣе; но Петръ вовсе не думалъ растягивать за этой линіей своихъ войскъ, какъ это дѣлалось въ разсматриваемое время на западѣ, а полагалъ только дать пограничному населенію возможность останавливать нападенія небольшихъ шведскихъ и польскихъ партій, пробиравшихся ради хищническихъ цѣлей.

Карлъ XII, усиливъ свою армію наборами въ Помераніи и Саксоніи, въ концѣ августа 1707 г., двинулся въ предѣлы Польши и, дойдя до Познани, снова остановился, чтобы выждать подкрѣпленій, слѣдовавшихъ къ нему изъ Швеціи. Наша армія передвинулась, Меншиковъ съ кавалеріею сталъ въ окрестностяхъ Варшавы, а Шереметевъ съ пѣхотою около Слуцка. Прикрытіе Волыни и Подоліи принялъ на себя сторонникъ Августа, коронный гетманъ Снявскій, собравшій до 15,000 чел. Съ наступленіемъ осени Петръ приказалъ своей арміи расположиться въ окрестностяхъ Минска и Гродно, но едва Висла покрылась льдомъ, какъ Карлъ XII перешелъ ее и черезъ дикія лѣса Мазовіи, направился на Гродно и затѣмъ къ Лидѣ и Сморгоню, разчитывая настичь русскую армію. Но повсюду онъ находилъ лишь опустошенную страну, испорченныя дороги, сорванныя мосты и легкіе отряды конницы, которые при его приближеніи отступали. Суровое время года заставило наконецъ Карла расположиться на квартирахъ у Сморгоня. Русскіе заняли квартиры за рр. Улою и Березиною, отъ Черей до Лукомли. Силы Карла XII въ Литвѣ (между м. Долгиновымъ, Радошковичами и Борисовымъ) простирались до 35000 чел.; кромѣ того до 14,000 чел. Левенгаунта находились въ Ригѣ; 12000 Любекера въ Финляндіи (для дѣйствій противъ Петербурга); 8000 въ Польшѣ, въ распоряженіи короля Станислава; всего до 70,000 чел., не считая гарнизоновъ въ крѣпостяхъ Лифляндіи и Помераніи и резервовъ въ Швеціи. Численность русскихъ войскъ, стоявшихъ противъ Карла XII, простиралась до 60,000 чел.; около 22,000 чел. находилось въ Ингерманландіи для защиты завоеванныхъ провинцій и болѣе 10,000 чел. занимали гарнизоны въ Новгородѣ, Псковѣ, Смоленскѣ и Азовѣ. Всего численность русскихъ силъ простиралась до 90,000 чел., изъ которыхъ на главномъ театрѣ находилось $\frac{2}{3}$.

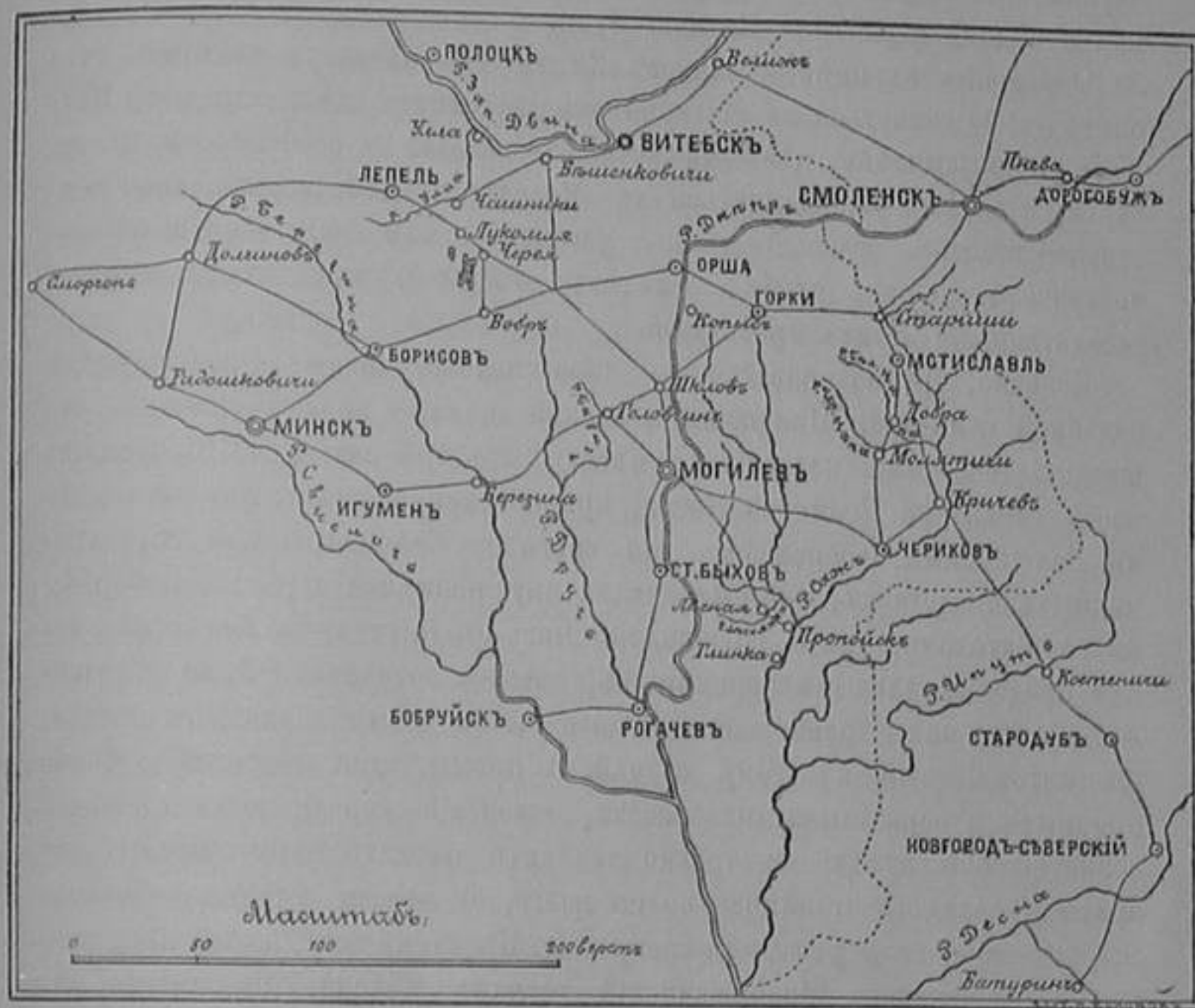
Трудность борьбы для Петра увеличивалась бунтомъ на Дону, для подавленія котораго пришлось отрядить около 6000 регулярныхъ войскъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ стали доходить извѣстія объ измѣнѣ малороссійскаго гетмана Мазены. Хотя Петръ не вѣрилъ этимъ слухамъ, но они въ дѣйствительности были истинны. Прельщенный обѣщаніями титула князя Сѣверскаго и воеводства въ Польшѣ, старикъ гетманъ вошелъ въ преступныя сношенія со шведскимъ королемъ и обѣщалъ передать ему все крѣпости Малороссіи, снабжать шведскую армію продовольствіемъ и присоединиться къ ней со всеми казаками.

Отъѣзжая отъ арміи въ Петербургъ, Петръ поручилъ начальствованіе ею Шереметеву.

Передъ отъѣздомъ государь собралъ въ Бѣшенковичахъ военный совѣтъ, чтобы опредѣлить планъ дѣйствій въ случаѣ дальнѣйшаго наступленія шведовъ. Карлъ XII могъ двинуться къ Двинѣ, присоединить къ себѣ Левенгаунта и Любекера и, образовавъ болѣе чѣмъ шестидесятитысячную армію, направиться на Москву. Путь этотъ былъ самый вѣрный для успѣха, но отдаленный.

Далѣе Карлъ XII могъ двинуться на Москву по кратчайшему направленію на Смоленскъ и присоединить къ себѣ Левенгаунта. Наконецъ Меншиковъ, сомнѣвавшійся уже въ вѣрность Мазены, предвидѣлъ возможность движенія Карла на Украину, тѣмъ болѣе, что Турція вооружилась и готова была нарушить съ нами миръ.

Чтобы предупредить непріятеля на вѣроятнѣйшихъ путяхъ наступленія, Петръ приказалъ къ началу весны сосредоточить главныя силы арміи между Чашниками и Улою, а кавалеріи расположиться у Черей.

Для защиты переправъ черезъ Березину приказано по всей рѣкѣ размѣстить отряды казаковъ и калмыковъ, а въ Борисовѣ поставленъ болѣе сильный отрядъ изъ 8 конныхъ и 1 пѣхотнаго полковъ подъ начальствомъ Гольца. Наблюденіе за Левенгаунтомъ поручено Бауру, въ

Полоцкѣ, съ 5000 драгунъ. При движеніи Карла къ Пскову наша армія, передвинувшись вправо, должна была предупредить его въ Полоцкѣ или Динабургѣ; при движеніи его къ Смоленску, можно было предупредить его у Бопыса. Заслоняя путь, указывалось избѣгать генеральнаго сраженія, но вмѣстѣ съ тѣмъ удерживать шведовъ на всѣхъ переправахъ и крѣпкихъ мѣстахъ, а гдѣ представится возможность—нападать превосходными силами на отдѣльныя части непріятельской арміи. Страну не опустошать, но съ приближеніемъ непріятели всѣмъ жителямъ уходить въ лѣса со всѣми запасами и стадами, зарывъ въ ямы всѣ припасы и имущество, которые нельзя взять съ собою (235).

Избранное русскими генералами расположеніе, отвѣчая обстановкѣ, какъ она имъ обрисовывалась, не отвѣчало лишь движенію Карла XII прямо на крартирное расположеніе русскихъ; причемъ въ послѣднемъ случаѣ наша армія имѣла путь отступленія по крайне мало населенной и бѣдной странѣ на Великія Луки.

Обращаясь къ оцѣнкѣ плановъ Карла XII, слѣдуетъ замѣтить, что онъ могъ: 1) двинуться въ Ингерманландію, отнять сдѣланныя тамъ Петромъ и чрезвычайно цѣнными имъ завоеванія, въ особенности Петербургъ, и затѣмъ уже двинуться къ Москвѣ; 2) дѣйствовать непосредственно противъ русской арміи, разбить ее или гнать по Смоленско-московской дорогѣ, чтобы, овладѣвъ столицей, тамъ искать мира и удовлетворенія своихъ требованій.

Конечно, трудно сказать что либо положительное о результатахъ подобной кампаніи. Предполагая однако ея даже вполне удачной для шведовъ, все таки нельзя не замѣтить, что при извѣстной непреклонности характера Великаго Петра, при сознанной имъ важности владѣнія балтійскимъ побережьемъ для связи съ Европою и при тѣхъ громадныхъ средствахъ, которыя давала ему обширная страна для борьбы съ непріателемъ,—миръ со шведами могъ-бы быть лишь болѣе или менѣе продолжительнымъ перемиріемъ, которое тотчасъ-же было нарушено царемъ, какъ только онъ собрался бы съ новыми силами и явился-бы благопріятный къ тому случай. А потому, для достиженія болѣе прочныхъ и серьезныхъ интересовъ, шведскій король долженъ былъ ставить себѣ цѣлью не только побѣдить русскаго царя, разбить его армію и овладѣть столицею, но на долго, *въ самомъ корнѣ подорвать могущество и силу русскаго государства*. Къ этому повидимому представлялась возможность. Малороссійскій гетманъ Мазепа, договоромъ, заключеннымъ съ Карломъ XII, обязался предоставить шведамъ всю Сѣверскую область съ ея крѣпостями, пока гетманъ соберетъ и привлечетъ къ себѣ малороссійскихъ, бѣлгородскихъ и донскихъ казаковъ и заключить союзъ съ калмыцкимъ ханомъ. Послѣ того шведскій король со своими союзниками предполагалъ двинуться изъ Сѣверской области на Москву, причемъ гетманъ долженъ былъ снабжать армію продовольствіемъ. Любекеру (въ случаѣ надобности, съ гарнизонами Риги и Ре-

веля) приказано овладѣть Ингерманландією, срыть Петербургъ и двинуться въ Новгородскую и Псковскую области. Король Станиславъ объявлялся вторгнуться одною армією на Смоленскъ, а другою на Кіевъ, причемъ, по особому договору, Мазепа передавалъ во власть Польши обѣ половины Украины (236).

Таковъ былъ грандіозный планъ Карла XII. Не вдаваясь въ подробную оцѣнку этого плана, замѣтимъ лишь, что, какъ показали событія, онъ основанъ былъ на шаткихъ данныхъ. Карль XII, повѣривъ заявленіямъ одного лишь гетмана и не имѣя никакихъ серьезныхъ свѣдѣній о настроеніи страны, такъ недавно, путемъ кровавыхъ войскъ оторвавшейся отъ католической Польши, а нынѣ снова предлагаемой ей въ даръ гетманомъ,—бросился, очертя голову, въ опасное и великое по замыслу предпріятіе; расчеты его на содѣйствіе Любекера и Станислава также были весьма гадательны, а потому и неудивительно, что все предпріятіе завершилось для шведовъ полнѣйшей катастрофой.

Такова была обстановка передъ началомъ знаменитой кампаніи 1708 года. Потерявъ въ бездѣйствіи, какъ это часто случалось, напрасно время, Карль XII собралъ свои войска въ окрестностяхъ Минска и, съ запасомъ трехмѣсячнаго довольствія, двинулся 7 іюня къ Березинѣ. Левенгаунту приказано было съ военными запасами, присланными изъ Швеции, и съ возможно большимъ количествомъ запасовъ, собранныхъ въ Лифляндіи и Курляндіи, слѣдовать къ Могилеву на соединеніе съ главными силами короля; наконецъ Любекеру приказано было вторгнуться съ 15000 въ Ингерманландію, разорить Петербургъ и устремиться къ Новгороду. Получивъ свѣдѣніе, что въ Борисовѣ находится нашъ сильный отрядъ, Карль повернулъ вправо къ м. Березину, гдѣ и переправился безпрепятственно.

Получивъ объ этомъ извѣстіе, наша армія передвинулась влѣво, чтобы преградить шведамъ путь у м. Головчина. Занятая тамъ позиція была весьма неудобна, да и войска распределены были на ней неискусно. Опрокинутая въ послѣдовавшемъ 3-го іюля бою, но не преслѣдуемая противникомъ, наша армія отошла за Днѣпръ. Карль XII занялъ Могилевъ и простоялъ тамъ 4 недѣли въ тщетномъ ожиданіи Левенгаунта, напрасно лишь истощая свои запасы, что и заставило его наконецъ продолжать наступленіе. Выступивъ изъ Могилева въ началѣ августа, Карль XII направился къ Черикову, а затѣмъ, по правому берегу Сожи къ Метиславлю, испытывая задержки, лишенія, въ совершенно опустошенной странѣ, и нападенія нашихъ легкихъ войскъ. Наша армія, постепенно отступая передъ непріателемъ, не упустила случая, пользуясь разброской шведовъ (ради добычи фуража), напасть неожиданно 30 августа на часть непріятельской арміи у с. *Добраю* и нанести имъ пораженіе.

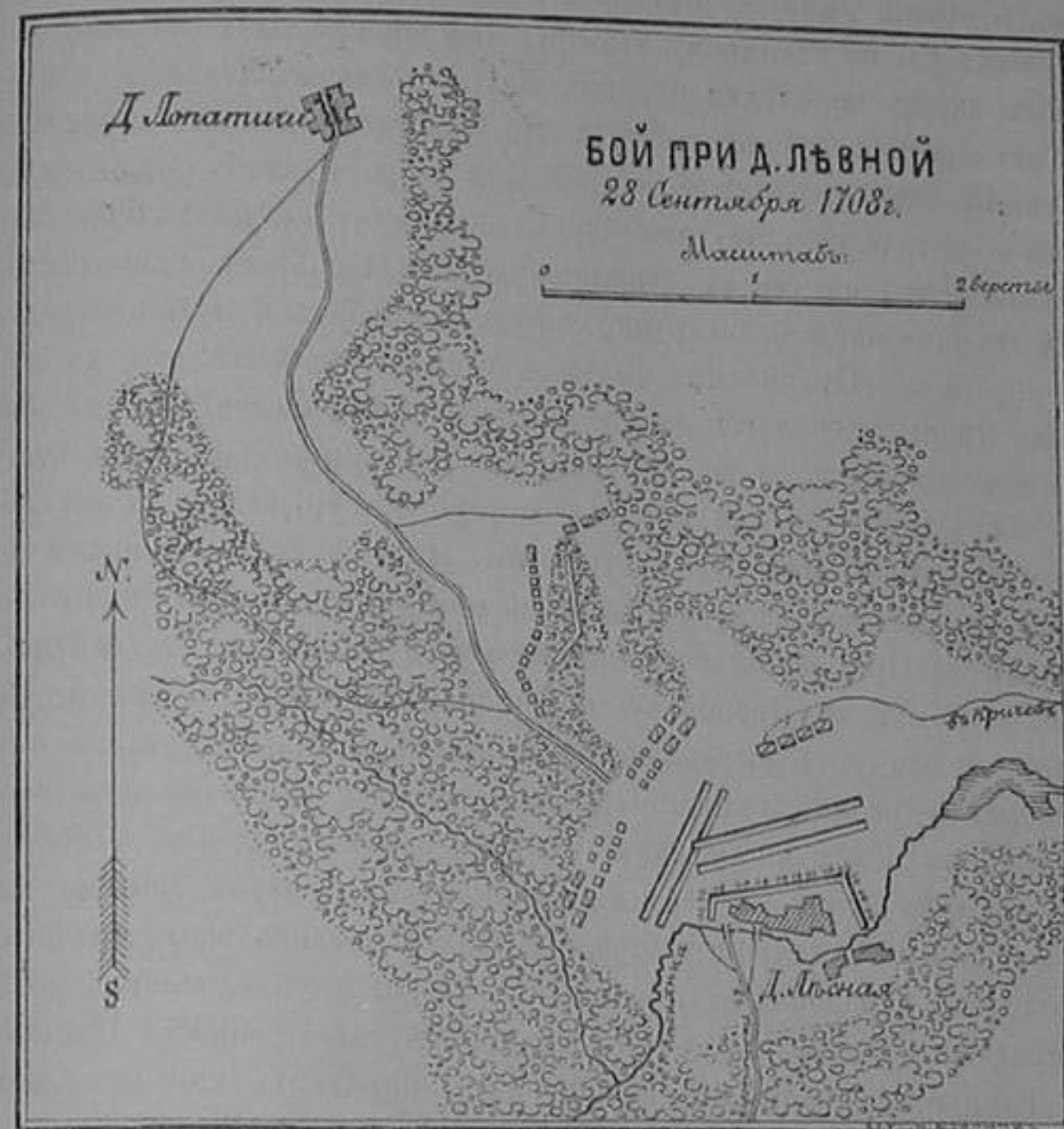
Тѣмъ не менѣе, слѣдуя принятому плану, русскіе постепенно отступали передъ противникомъ, который къ 10 сентября достигъ с. Ста-

ришь. Испытывая нужду, не имѣя свѣдѣній о Левенгауптѣ, Карлъ XII, упрощаемый Мазепой поспѣшить скорѣе въ Украину (чтобы Петръ не открылъ замысловъ гетмана), простоявъ пять дней въ Старишахъ, двинулся на Украину, вопреки совѣтамъ его генераловъ, предлагавшихъ возвратиться къ Могилеву и ждать тамъ Левенгаупта. Семь дней двигались шведы (испытывая величайшія затрудненія и питаясь лишь мясомъ) отъ р. Сожи къ Ипути, гдѣ у Костеничей шведскій король простоялъ двѣ недѣли, напрасно поджидая Левенгаупта.

Между тѣмъ, Петръ, узнавъ о направленіи принятомъ Карломъ на Украину, приказалъ генералу Ифланду съ отрядомъ драгунъ опередить шведовъ, замедлять ихъ движеніе и истреблять передъ ними всё средства довольствія; генералу Бауру съ 5000 драгунъ слѣдовать за шведами съ тыла, а фельдмаршалу Шереметеву съ главными силами слѣдовать лѣвѣе, прикрывая предѣлы Россіи. Въ тоже самое время государь, узнавъ о приближеніи Левенгаупта къ Дибіру, рѣшился дѣйствовать противъ шведскаго генерала самымъ рѣшительнымъ образомъ и, съ этою цѣлью, собравъ подъ своимъ начальствомъ до 12000 чел. (въ ошибочномъ расчетѣ что у противника всего 8, а не 15 тыс., какъ было на самомъ дѣлѣ, выступилъ 15 сентября изъ Соболева (гдѣ были главные силы), имѣя пѣхоту посаженную на лошадей и вьючный обозъ. Въ тоже самое время Левенгауптъ, съ обозомъ въ 7000 повозокъ, выступилъ изъ Черей, переправился 22-го сентября черезъ Дибіръ у Шклова и направился къ Пропойску, о чемъ Петръ узналъ не отъ своей конницы, а совершенно случайно. Дѣлая усиленные переходы, Петръ уже 25 сентября настигъ арьергардъ Левенгаупта. Узнавъ, что противникъ гораздо сильнѣе нежели предполагалось, государь рѣшилъ отложить пока нападеніе, а тѣмъ временемъ усилиться, для чего приказалъ Бауру (назначенному преслѣдовать Карла XII съ тыла), идти изъ Кричева съ 8 драгунскими полками на соединеніе съ нимъ, а двумъ остальнымъ полкамъ (Фастманъ) слѣдовать по лѣвому берегу Сожи, чтобы отрѣзать неприятелю на переправѣ отступленіе.

На собранномъ военномъ совѣтѣ рѣшено было ждать Баура два дня, по истеченіи коихъ во всякомъ случаѣ атаковать неприятеля, успѣхъ надъ которымъ приводилъ къ чрезвычайно важнымъ результатамъ, а неудача не имѣла бы опасныхъ послѣдствій, по невозможности Левенгаупту, связанному обозами, преслѣдовать наши войска. Въ теченіи назначенныхъ двухъ дней Левенгауптъ успѣлъ отступить къ д. Лѣсной, а авангардъ его достигъ Пропойска. Хотя Бауръ не подошелъ, но согласно принятаго рѣшенія, Петръ 28 сентября двинулся къ д. Лѣсной. Между тѣмъ Левенгауптъ, получивъ свѣдѣнія, что мостъ въ Пропойскѣ уничтоженъ и что на противоположномъ берегу Сожи видны значительныя русскія силы (два полка драгунъ Фастмана), подкрѣпивъ свой авангардъ, отправилъ къ Пропойску половину транспорта, а остальные повозки—около 3000—расположилъ вагенбургомъ впереди д. Лѣсной, ты-

ломъ къ Лѣснянкѣ⁽²³⁷⁾. Позиція Левенгаупта представляла собою небольшую поляну, окружавшую д. Лѣсную съ сѣвера и сѣверо-запада; въ послѣднемъ направленіи поляна соединялась прогалинами съ другою поляною, замыкавшеюся съ сѣвера деревнею Лопатичи. Впереди главной позиціи (д. Лѣсной) шведы имѣли еще передовую у перелѣска,

въ одной верстѣ впереди Лѣсной. Черезъ р. Лѣснянку устроено было нѣсколько переправъ. Передовая позиція была занята 6-ю батальонами. Русскія войска двигались по лѣсной дорогѣ, отдѣляющейся у с. Лопатичи къ ю. з., такъ какъ болота и испорченныя переправы мѣшали движенію по большой дорогѣ, для прикрытія которой назначено было 1000 драгунъ. Въ головѣ шли: два гвардейскихъ полка, Ингерманландскій пѣхотный батальонъ, Астраханскій и Невскій драгунскіе полки, причемъ, вслѣдствіе пересѣченной мѣстности, приказано было сѣшиться какъ пѣхотѣ, такъ и драгунскому полку, послѣ чего они перестроились въ боевой порядокъ въ одну линію (остальные драгуны еще не подошли). Едва окончилось перестроеніе, какъ шведы вышли изъ лѣса и атаковали наше лѣвое крыло (ингерманландцы и невскіе драгуны). Притянувъ влѣво гвардейцевъ и астраханцевъ, Петръ рѣшительно атаковалъ шведовъ и отгѣснилъ ихъ на главную позицію,

причемъ захвачено у непріятеля два орудія. Такъ какъ къ этому времени подошли остальные наши драгунскіе полки, то Петръ двинулся для атаки главной непріятельской позиціи, причемъ при выходѣ изъ лѣса былъ встрѣченъ сильнымъ огнемъ и контръ-атаками шведовъ. Послѣ крайне ожесточеннаго боя, шведы къ тремъ часамъ пополудни, потерявъ 8 орудій были отброшены къ своему лагерю. Съ обѣихъ сторонъ, какъ бы по взаимному уговору, бой прекратился на два часа. Въ пять часовъ пополудни прибылъ Бауръ и сталъ на лѣвомъ флангѣ, что дало возможность взять оттуда два драгунскихъ полка и перевести на правый флангъ, послѣ чего съ нашей стороны атака возобновилась. Открывъ сначала сильную ружейную пальбу, русскіе затѣмъ бросились со штыками и шпагами въ рукопашную. Послѣ упорнаго сопротивленія лѣвый флангъ шведовъ былъ опрокинутъ и разбитъ и путь отступленія ихъ—дорога на Пропойскъ—былъ въ рукахъ русскихъ; но къ этому времени прибылъ заблаговременно потребованный Левенгауптомъ авангардъ изъ Пропойска и шведамъ удалось прикрыть свой путь отступленія. Тѣмъ не менѣе они потеряли лагерь и, скрывшись за вагенбургомъ, отражали огнемъ атаки русскихъ. Ночь и сильная вьюга прекратили бой. Левенгауптъ, маскируясь бивачными огнями, ночью еще отступилъ на Пропойскъ, оставивъ на мѣстѣ раненыхъ, вагенбургъ и орудія. Прибывъ къ Пропойску и узнавъ, что мостъ черезъ р. Сожь сломанъ, Левенгауптъ вынужденъ былъ съжечь остальную часть своего транспорта и, отдавъ лошадей пѣхотѣ, двинулся внизъ по правому берегу р. Сожи. 29-го на разсвѣтѣ, узнавъ объ отступленіи непріятеля, Петръ выслалъ Флуга съ нѣсколькими полками драгунъ, частью казаковъ и калмыковъ для преслѣдованія. Флугъ настигъ часть арьергарда у Пропойска и разбилъ его, но Левенгауптъ съ 5—6 т. челов. спасся и, переправившись черезъ р. Сожь, верстахъ въ 15-ти южнѣе Пропойска (у д. Глинки), двинулся на соединеніе съ королемъ, котораго, черезъ 12 дней труднаго марша, нагналъ въ Раховѣ.

Петръ приказалъ Меншикову съ остальною кавалеріею слѣдовать въ Украину къ главной арміи, а самъ съ пѣхотою 2-го октября двинулся къ Смоленску—по причинамъ, которыя до сихъ поръ не выяснены. Только 20-го октября пѣхота изъ Смоленска направилась въ Малороссію.

Матеріальныя, а особенно моральныя послѣдствія побѣды при Лѣсной (названной Петромъ матерью побѣды Полтавской) были громадны. Левенгауптъ потерялъ весь транспортъ, всю артиллерію и около $\frac{2}{3}$ всѣхъ своихъ войскъ. Наши потери простирались до 4000 человекъ. Въ тактическомъ отношеніи это сраженіе указываетъ на замѣчательные успѣхи русскихъ войскъ, которыя дрались тутъ уже «солдатскимъ строемъ».

Войска были построены въ общепринятомъ тогда боевомъ порядкѣ—двѣ тонкія линіи, пѣхота въ центрѣ, кавалерія по флангамъ, причемъ двигались къ непріятелю, сохраняя строгій порядокъ; на разстояніи мушкетнаго выстрѣла они останавливались для производства частаго

огня изъ сомкнутого строя («зальфы»), а затѣмъ бросались въ штыки⁽²³⁸⁾. «Тутъ первая солдатская проба была», говоритъ Петръ въ своемъ журналѣ.

Съ другой стороны нечего и говорить какой страшный ударъ былъ нанесенъ Карлу XII подъ Лѣсной; въ особенности невознаградивой для него была потеря боевыхъ припасовъ, восполнить которые онъ уже не имѣлъ никакой возможности.

Между тѣмъ Малороссія не послѣдовала примѣру своего гетмана и осталась вѣрной Россіи. Первый примѣръ этому подалъ въ Стародубѣ полковникъ Скоропадскій, который принялъ въ городѣ Ифланда и рѣшился защищаться противъ шведовъ. Карлъ XII вынужденъ былъ продолжать свой маршъ къ Новгороду-Сѣверскому, но и тамъ предупрежденъ былъ русскими, причемъ жители Сѣверской области съ приближеніемъ шведовъ оставляли свои жилища, угоняя скотъ и увозя запасы. Самъ гетманъ, обманутый въ своихъ расчетахъ, оставивъ въ Батуринѣ сильный гарнизонъ, явился къ Карлу всего съ 4—5 тысячами казаковъ. Узнавъ объ измѣнѣ Мазены, Петръ тотчасъ обнародовалъ манифестъ и призвалъ малороссіянъ къ избранію новаго гетмана, которымъ сталъ Скоропадскій. Въ тоже время Меншиковъ взялъ приступомъ Батуринъ и истребилъ его, для примѣра, вмѣстѣ съ населеніемъ. Такимъ образомъ шведскій король лишился этого важнѣйшаго опорнаго пункта въ странѣ. Узнавъ объ этомъ, Карлъ XII повернулъ къ югу и занялъ въ половинѣ ноября Гадячъ и Ромны, гдѣ наконецъ нашелъ необходимые запасы и расположился на зимнихъ квартирахъ между Гадячемъ, Ромнами, Лохвицею и Прилуками^{*)}.

*) Любекеръ въ Ингерманландіи также не имѣлъ успѣха и, терпя во всемъ крайній недостатокъ, долженъ былъ посадить свои войска на суда и увезти ихъ моремъ въ Финляндію, причемъ часть этихъ войскъ была во время амбаркаціи атакована и разбита русскими.

Съ другой стороны Петръ привелъ свою армію въ Лебединъ, занялъ гарнизономъ Полтаву и расположилъ отрядъ въ Нѣжинѣ и Миргородѣ, окружая шведовъ съ трехъ сторонъ и безпрерывно тревожа ихъ набѣгами. Нападенія не ограничивались мелкими партіями—иногда ихъ предпринимали и главные наши силы, что заставляло шведовъ сосредоточиваться, производить движенія и пр.

При чрезвычайно суровости погоды, такія тревоги для шведовъ, во всемъ нуждавшихся и не снабженныхъ соотвѣтственно теплой одеждою и обувью, были въ высшей степени изнурительны. Потери ихъ были гораздо больше нежели наши, да притомъ и вознаградить ихъ не было никакой возможности. (239).

Съ наступленіемъ весны Карлъ XII, опасаясь чтобы разлившіяся рѣки не раздѣлили его арміи, стянулъ свои войска и занялъ болѣе сосредоточенное расположеніе между Песеломъ и Ворсклою въ районѣ Будище (глав. квартира)—Опошня—Рѣшетилровка. Русскія войска группировались въ двухъ массахъ: одна, подъ начальствомъ Шереметева, находилась за р. Хоролемъ, а другая, подъ начальствомъ кн. Меншикова,—на лѣвомъ берегу Ворсклы въ окрестностяхъ Миргорода.

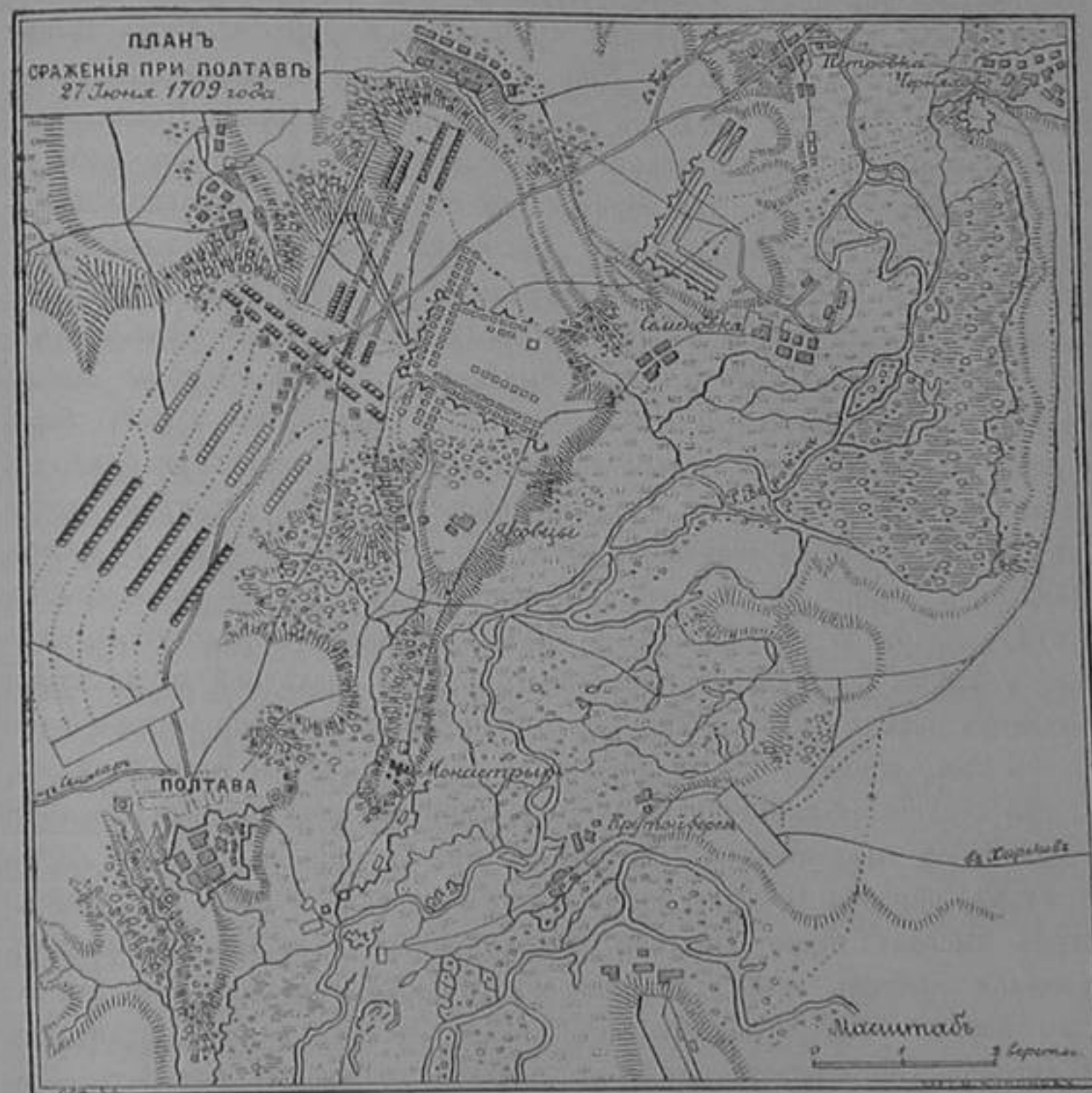
Попытки Мазены возмутить Малороссію остались безуспѣшными, но гетману удалось привлечь на сторону шведскаго короля запорожскихъ казаковъ, изъ которыхъ 8000 чел., подъ начальствомъ кошевого атамана Гордѣенки, выступили изъ Сѣчи на присоединеніе къ королевской арміи. Разбивъ по пути нашъ отрядъ въ три драгунскихъ полка, они 26 марта присоединились къ шведамъ. Какъ ни радовался Карлъ XII этой помощи, но она не была существенной въ виду предстоящей трудной борьбы, а между тѣмъ шведская армія ощущала крайнюю потребность въ порохѣ и снарядахъ, пополнить которые было невозможно. Въ такомъ положеніи Карлъ XII могъ успокоивать себя только надеждами на помощь Турціи, съ которой имѣлъ сношенія, и на прибытіе короля Станислава съ польскою арміею и шведскимъ корпусомъ Красова; но Турція не рѣшилась нарушить миръ съ Россіею, а король Станиславъ и Красовъ были удержаны успѣшными дѣйствіями гетмана Сивявскаго и отряда Гольца, который посланъ былъ туда Петромъ еще осенью 1708 г. для поддержанія Августа. Нѣкоторые совѣтовали шведскому королю отступить на Волынь, чтобы соединиться съ Красовымъ и Станиславомъ, но при этомъ приходилось пройти огромныя пространства, переправиться черезъ Днѣпръ, на которомъ не имѣлось мостовъ,—и все это совершить подъ ударами превосходной числомъ и уже заявившей себя подъ Лѣсною русской арміи.

Карлъ XII не соглашался съ такими предложеніями и рѣшился оставаться, въ ожиданіи осуществленія своихъ надеждъ, въ Украинѣ.

Такъ какъ при этомъ скорое наступленіе весны позволяло открыть походъ, то Карлъ рѣшился осадить Полтаву, чтобы не оставаться въ полномъ бездѣйствіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ, овладѣвъ крѣпостью, приобрести

выгодный опорный пунктъ. 30 апрѣля Карлъ, въ сопровожденіи старшихъ начальниковъ и подъ прикрытіемъ отряда казаковъ, отправился къ Полтавѣ для рекогносцировки этого пункта.

Полтава лежитъ на правомъ, крутомъ и высококомъ берегу р. Ворсклы, въ которую съ лѣвой стороны впадаетъ, противъ города, р. Коломакъ. Сліяніе рѣкъ образуетъ много рукавовъ, текущихъ въ широкой, изменчивой, болотистой съ заливными долинами. Укрѣпленія Полтавы, выстроенныя для защиты отъ татарскихъ набѣговъ, состояли изъ землянаго вала съ деревянною одеждою и съ палисадомъ. Зимой, по приказанію Петра, они были усилены наружными пристройками. Гарнизонъ, подъ начальствомъ храбраго и распорядительнаго коменданта, полковника Келина, состоялъ изъ 4200 регулярныхъ войскъ и 2600 вооруженныхъ жителей; съѣстныхъ припасовъ было въ изобиліи, боевыхъ недостаточно.

Шведская армія, стягиваясь къ Полтавѣ, блокировала ее съ праваго берега Ворсклы и затѣмъ начала осаду.

Въ тоже самое время Меншиковъ со своими войсками двинулся по лѣвому берегу Ворсклы и расположился противъ Полтавы.

Намѣреваясь усилить гарнизонъ послѣдней, Меньшиковъ показалъ видъ, что желаетъ (15 мая) переправиться выше и ниже Полтавы. Развлекая такимъ образомъ вниманіе непріятеля, онъ двинулъ отрядъ въ 900 чел. пѣхоты, который, по указанію одного крестьянина, пробрался черезъ болота и вошелъ въ городъ. Для обезпеченія сообщенія съ городомъ, Меньшиковъ приказалъ возвести редутъ противъ моста черезъ Ворсклу, а король, для противодѣйствія этимвъ намѣреніямъ, тоже построилъ редутъ на берегу рѣки у подошвы высоты, на которой лежитъ Полтава, чѣмъ прервалъ сообщенія города съ Меньшиковымъ.

Въ это время государь, находясь въ Воронежѣ, гдѣ занимался вооруженіемъ флота на случай разрыва съ Турціею, узнавъ объ осадѣ Полтавы приказалъ Шереметеву присоединиться къ Меньшикову и содѣйствовать всѣми силами освобожденію города. Вслѣдствіе этого Шереметевъ перешелъ Пселъ и Ворсклу и присоединился къ Меньшикову 26 мая, послѣ чего русская армія сильно укрѣпилась въ своемъ расположеніи, распространяя свои верки на значительное разстояніе вдоль рѣки. Въ тылу шведской арміи, на правомъ берегу Псела, были оставлены казаки Скоропадскаго и нѣсколько драгунскихъ полковъ, съ приказаніемъ устроить, для перехода въ наступленіе, нѣсколько мостовыхъ укрѣпленій на рѣкѣ. Между тѣмъ осада при помощи запорожцевъ продолжалась и къ половинѣ мая траншеи доведены были до контрэскарпа. Шведы нѣсколько разъ требовали у коменданта сдачи, на что слѣдовалъ рѣшительный отказъ и вылазки; съ своей стороны шведы предпринимали штурмы и 1-го іюня, когда гарнизонъ занятъ былъ тушеніемъ пожара, произведеннаго въ городъ непріятельскими бомбами, знамя шведовъ развѣвалось даже на крѣпостномъ валу; тѣмъ не менѣе всѣ эти штурмы были отбиваемы мужественнымъ гарнизономъ. 1-го іюня прибылъ къ арміи Петръ и открылъ сношенія съ городомъ посредствомъ пустыхъ бомбъ со вложенными въ нихъ записками. Обрадованные жители и войска поклялись въ церкви драться до послѣдней капли крови и казнить всякаго, какъ измѣнника, кто предложитъ сдачу города.

Въ тоже время государь приказалъ усилить работы на р. Ворсклѣ, а, для отвлеченія вниманія непріятеля, Скоропадскому перейти Пселъ и нападать на тылъ шведовъ. Съ тою же цѣлью приказано было двумъ отрядамъ перейти Ворсклу выше и ниже города. Узнавъ объ этомъ, Карлъ выслалъ выше Полтавы фельдмаршала Рейншильда, а самъ двинулся противъ отряда, направленнаго ниже города. Въ то время, какъ король осматривалъ расположеніе русскихъ, одинъ казакъ, съ противоположнаго берега рѣки, выстрѣломъ раздробилъ ему ногу. Это обстоятельство заставило оба шведскіе отряда возвратиться обратно. Тѣмъ не менѣе всѣ покушенія наши подойти къ Ворсклѣ остались безуспѣшными, такъ какъ этому мѣшали непроходимыя болота и укрѣпленія, выстроенныя шведами на правомъ берегу рѣки; а между тѣмъ Полтава была близка къ паденію, вслѣдствіе истощенія силъ гарнизона

и недостатка пороха. Въ такихъ обстоятельствахъ, Петръ Великій, такъ долго избѣгавшій генеральнаго боя, рѣшился наконецъ всѣми силами атаковать противника, чтобы взятіемъ Полтавы не дать ему возможности еще долго держаться въ Украинѣ и не произвести неблагоприятнаго для насъ моральнаго впечатлѣнія на малороссіянъ.

Вслѣдствіе такихъ соображеній Петръ сдѣлалъ всѣ распоряженія къ предстоящей рѣшительной битвѣ. Извѣстивъ гарнизонъ о своемъ рѣшеніи, онъ приказалъ гетману Скоропадскому двинуться на соединеніе съ нимъ черезъ Сорочинцы и Будище; самъ-же съ арміею выступилъ изъ лагеря при Крутомъ берегѣ и, слѣдуя вверхъ по Ворсклѣ, прибылъ въ Черняхово, гдѣ уже стоялъ заранѣе высланный отрядъ Ренне и приготовлена была переправа, прикрытая нѣсколькими редутами.

20-го іюня армія перешла рѣку и окопалась между деревнями Петровкой и Семеновкой. Оставленные русскими укрѣпленія на Ворсклѣ противъ Полтавы были разорены шведами. 21-го числа Карлъ XII, получивъ ложное извѣстіе о приближеніи русскихъ, построилъ свою армію въ боевой порядокъ вблизи города; въ тоже время отрядъ, оставленный подъ Полтавою, сдѣлалъ приступъ. Шведы надѣялись на дѣйствіе своей мины, подведенной подъ валъ, но она была разряжена, подобно прежнимъ, и штурмъ былъ отбитъ, хотя противникъ дважды взбирался на валъ. Къ этому времени возвратились въ главную квартиру короля его уполномоченные изъ Турціи и Польши съ неблагоприятными для него извѣстіями, что Турція повидимому рѣшилась соблюдать миръ съ Россіею, а, съ другой стороны, что король польскій, удерживаемый Синявскимъ и Гольцемъ, находился въ Великой Польшѣ, не имѣя никакихъ средствъ соединиться съ Карломъ XII. Такимъ образомъ одна лишь побѣда могла обезпечить отступленіе шведовъ изъ Украины. Но прежде чѣмъ вступить въ бой, король рѣшился, чтобы пріобрѣсти болѣе свободы въ дѣйствіяхъ, сдѣлать еще одно отчаянное усиліе къ овладѣнію Полтавой. 22-го іюня шведы двинулись на штурмъ, продолжавшійся съ величайшимъ ожесточеніемъ съ обѣихъ сторонъ цѣлый день.

Гарнизонъ отбилъ всѣ нападенія непріятеля. Утомленные шведы должны были отступить съ потерей около 1675 чел.; русскіе лишились 880 чел. Послѣ этого вся шведская армія сосредоточилась по сѣверной сторонѣ города для противодѣйствія русскимъ, а въ траншеяхъ остались (съ неудовольствіемъ) только запорожцы.

25-го іюня Петръ Великій передвинулъ русскую армію еще версты на 3 внизъ по Ворсклѣ. Новый лагерь, прислоненный тыломъ къ рѣкѣ и тщательно укрѣпленный, расположенъ былъ на равнинѣ, имѣвшей около 2½ версты въ длину и ширину; къ востоку эта равнина была ограничена рѣкою Ворсколю, съ сѣвера она отдѣлялась ложиной отъ другой равнины, гдѣ находился прежній лагерь (по переходѣ черезъ Ворсклу); западная сторона замыкалась большимъ лѣсомъ, а къ югу находился другой лѣсъ, простиравшійся до Полтавскаго монастыря. Между этими лѣсами былъ

промежутокъ около 2-хъ верстъ, который государь приказалъ преградить шестью редутами, построенными въ разстояніи ружейнаго выстрѣла одинъ отъ другаго. Такое расположеніе укрѣпленій было совершенно необыкновеннымъ въ то время, при господствѣ сплошныхъ непрерывныхъ линій.

Семнадцать полковъ русской конницы были поставлены въ двѣ линіи за этими редутами. Остальные 6 полковъ драгунъ были отряжены далѣе вправо для связи съ гетманомъ Скоропадскимъ, еще не соединившимся съ арміею. Вся пѣхота, числомъ въ 56 баталіоновъ, заняла укрѣпленный лагерь, и кромѣ того два баталіона назначены были для обороны редутовъ. Общая численность русскихъ войскъ—58 батал., 24 полка кавалеріи (изъ нихъ 6 въ отдѣлѣ) при 72 орудіяхъ, полагая баталіонъ въ 500 чел. и драгунскій полкъ въ 800 ч.—простирались до 47500 чел., въ томъ числѣ 18½ т., кавалеріи, изъ нихъ 6 полковъ драгунъ (ок. 5 т.), назначенныхъ для связи съ гетманомъ, не приняли участія въ Полтавскомъ сраженіи.

Желая по возможности обезпечить себѣ шансы успѣха въ предстоявшемъ рѣшительномъ столкновеніи, Петръ выжидалъ прибытія Скоропадскаго съ казаками и 30000 калмыковъ, шедшихъ съ приволжья, велѣдствіе договора, заключеннаго съ ихъ ханомъ Аюкою. Нападеніе было назначено на 29-е число, когда должны были прибыть ожидавшіяся подкрѣпленія.

26-го іюня Петръ выѣхалъ для обозрѣнія позиціи и приказалъ усилить ее еще 4-мя редутами, расположенными перпендикулярно къ линіи первыхъ шести редутовъ. Идея такого укрѣпленія позиціи была вполне самостоятельна и заслуживаетъ полнаго вниманія. Редуты эти должны были задержать и разстроить атакующаго непріятеля при наступленіи, разрывая его боевой порядокъ на двѣ части, и въ тоже время, при наступательныхъ дѣйствіяхъ русской арміи, они имѣли бы для нея значеніе опорныхъ пунктовъ.

Въ этомъ образцѣ мы имѣемъ единственный примѣръ въ военной исторіи *наступательной укрѣпленной позиціи*. Слѣдуетъ замѣтить, что хотя два изъ названныхъ редутовъ не были окончены ко дню сраженія, тѣмъ не менѣе идея Петра дала на практикѣ превосходные результаты. Такъ готовился къ бою русский государь.

Что касается шведскаго короля, то единственная принятая имъ мѣра для обезпеченія отступленія заключалась въ томъ, что онъ размѣстивъ вдоль по Ворсклѣ, отъ Полтавы до Переволочны, четыре полка, силою около 500 чел. каждый, но такъ какъ шведы не имѣли моста на Дибрѣ вблизи Переволочны, то выдѣленіе упомянутыхъ отрядовъ напрасно лишь ослабляло шведскую армію передъ сраженіемъ. Численность ее простиралась до 26,000 чел. (26 бат., 22 полка кавалеріи), кромѣ запорожцевъ.

Карль XII, узнавъ что Петръ ожидаетъ подкрѣпленій, рѣшился

атаковать его до прибытія послѣднихъ. 27 іюня, въ 2 часа утра, шведскій король двинулъ свою армію. Впереди шла, въ 4-хъ колоннахъ, пѣхота, долженствовавшая атаковать редуты; за нею двигалась кавалерія въ шести колоннахъ; при этихъ войскахъ находилось всего 4 орудія,—прочія, по недостатку пороха, оставлены въ траншеяхъ у Полтавы. Для охраненія обоза и осадныхъ работъ назначены были запорожцы, 2 баталіона пѣхоты и нѣсколько эскадроновъ кавалеріи. Карль XII, страдая отъ раны, не могъ сидѣть на лошади и приказалъ везти себя въ качалкѣ, запряженной лошадьми; ободряя людей, онъ весело шутилъ съ ними и приглашалъ офицеровъ на пиръ въ шатрахъ московскаго царя, напоминалъ имъ Нарву и проч. Русский же царь воодушевлялъ свои войска своимъ безсмертнымъ приказомъ: «Войны, пришелъ часъ, который рѣшитъ судьбу отечества. Вы не должны помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за родъ свой, за отечество, за православную нашу вѣру и церковь. Не должна васъ смущать слава непобѣдимости непріятеля, которой ложь вы доказали не разъ своими побѣдами. Имѣйте въ сраженіи передъ собою правду и Бога защитника вашего, а о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь не дорога; жила бы только Россія во славу и благоденствіи, для благосостоянія вашего». Обѣзжая полки, государь собиралъ офицеровъ, напоминалъ имъ ихъ долгъ и отдавалъ приказанія. «Порадѣйте-жь товарищи—говорилъ государь—вѣра, церковь и отечество этого отъ васъ требуютъ». Восторженные клики войскъ были отвѣтомъ на слова царя.

Еще до солнечнаго восхода завязался бой на передовыхъ редутахъ; два изъ нихъ, не оконченные, были скоро взяты, но остальные представили упорное сопротивленіе непріятельскимъ нападеніямъ, причемъ конница поддерживала защищавшую укрѣпленія пѣхоту и имѣла перѣдко въ отдѣльныхъ схваткахъ успѣхъ надъ непріятелемъ. Карль XII двинулъ впередъ всю свою конницу, причемъ въ интервалахъ между редутами завязалось упорное кавалерійское дѣло. Меньшиковъ, Ренне, Бауръ лично водили полки въ атаку. Такъ какъ шведская конница могла бы быть поддержана своею пѣхотою, а русская противодѣйствовала ей лишь собственными силами, потому что наша пѣхота находилась за окопами въ лагерѣ, то Петръ приказалъ Бауру (Ренне раненъ, подъ Меньшиковымъ убиты двѣ лошади) отступать черезъ равнину, стараясь уклонить свой правый флангъ назадъ, а лѣвый примкнуть къ лагерю, который такимъ образомъ служилъ осью при перемѣнѣ фронта конницею. Замѣтивъ это и встрѣчая упорное сопротивленіе у редутовъ, Карль XII рѣшился пройти въ интервалы между ними, непосредственно за кавалеріею. Не смотря на огонь изъ редутовъ, шведская пѣхота смѣло двинулась насквозь, но при этомъ правый ея флангъ проходилъ не далѣе какъ въ 30-ти саженьяхъ отъ укрѣпленнаго лагеря. Пользуясь этимъ, русскіе открыли сильный фланговый картечный огонь изъ расположенныхъ тамъ батарей. Приведенные этимъ въ беспорядокъ и смя-

тивіе, шведы отошли влѣво къ опушкѣ лѣса и, выйдя изъ подъ выстрѣловъ, расположились параллельно нашему лагерю и почти перпендикулярно линіи прежняго фронта, гдѣ приведены были постепенно въ порядокъ. Но не вся шведская армія прошла между редутами. Генераль Роосъ, начальствовавшій крайней правой колонной, продолжалъ атаку находившихся противъ него редутовъ и, по неизвѣстнымъ причинамъ, не двинулся вмѣстѣ съ остальными войсками черезъ интервалы. Вслѣдствіе этого 6 баталіоновъ и 10 эскадроновъ Рооса отдѣлились отъ арміи и окончательно оторвались отъ нея, когда она свернула, какъ упомянуто выше, влѣво, что дѣлало положеніе этой колонны крайне опаснымъ. Замѣтя это, Петръ немедленно отрядилъ Меншикова съ 5-ю баталіонами и 5 драгунскими полками для атаки Рооса. Колонна послѣдняго, утомленная рѣшительнымъ сопротивленіемъ редутовъ и разстроенная ихъ огнемъ, отступила въ лѣсъ, къ югу. Тамъ она была настигнута Меншиковымъ, который нанесъ ей рѣшительное пораженіе, истребивъ большую ея часть. Для преслѣдованія остатковъ, онъ назначилъ пѣхоту подъ начальствомъ Ренцеля, а самъ съ конницей возвратился назадъ. Роосъ искалъ спасенія въ редутахъ, прикрывавшихъ осадныя работы подъ Полтавою, но былъ тамъ окруженъ Ренцелемъ и вынужденъ положить оружіе со всеми войсками, назначенными для охраненія траншей. Во время этихъ событій, Петръ на главномъ пунктѣ боя, въ ожиданіи атаки короля, вывелъ часть своей пѣхоты изъ лагеря и поставилъ ее по обѣ стороны, чтобы броситься съ фланговъ на шведовъ, когда они устремятся на лагерь съ фронта. Но вскорѣ государь замѣтилъ, что вмѣсто атаки шведы стараются прежде всего о возстановленіи порядка, разстроеннаго сильнымъ огнемъ нашихъ батарей. Государь приказалъ въ 6 ч. утра выйти изъ лагеря остальнымъ частямъ пѣхоты, оставивъ для его охраненія 9 баталіоновъ съ нѣсколькими стами человѣкъ, собранныхъ изъ разныхъ полковъ (изъ нихъ впоследствии отряжено было 3 баталіона для занятія Полтавскаго монастыря и возстановленія сообщенія съ городомъ). Армія наша построилась къ бою впереди лагеря. 42 баталіона образовали центръ подъ начальствомъ Шереметева. При этомъ замѣчательно распоряженіе Петра, въ видахъ наилучшаго достиженія взаимной выручки, чтобы въ каждомъ полку одинъ баталіонъ (или 2 — въ трехбаталіонныхъ полкахъ) находился въ 1-й, а одинъ — во 2-й линіи, которая притомъ была расположена гораздо далѣе отъ 1-й, чѣмъ это было повсюду принято въ то время, и такимъ образомъ можно было, въ случаѣ неудачи, смѣнить 1-ю линію. Кавалерія стала по флангамъ: на правомъ 11 полковъ и лейбъ-эскадронъ Меншикова, подъ начальствомъ Баура, а на лѣвомъ 6 полковъ, подъ начальствомъ Меншикова, которые передвинулись съ праваго фланга позади пѣхотныхъ линій. Артиллерія изъ 72 орудій, подъ начальствомъ генерала Брюса, была распредѣлена по фронту.

Шведская армія послѣ пораженія Рооса состояла уже лишь изъ

18—20 т., а потому Карлъ, чтобы не быть охваченнымъ съ фланговъ и нанести сразу возможно сильный ударъ, помѣстилъ почти всю свою пѣхоту въ одну линію, съ небольшими лишь резервами, а кавалерія стала по флангамъ въ 2 линіи. Правымъ флангомъ командовалъ Рейншильдъ, лѣвымъ Левенгауптъ. Большой, въ качалкѣ, Карлъ XII приказалъ вести себя передъ баталіонами праваго фланга. Русская армія двинулась впередъ; ея примѣру послѣдовали шведы. Въ 9 ч. утра обѣ стороны сошлись на близкій ружейный выстрѣлъ и открыли жестокий огонь. Воодушевленный присутствіемъ короля правый флангъ шведовъ стремительно бросился на наше лѣвое крыло и потѣснилъ баталіонъ Новгородскаго полка, но образовавшійся опасный промежутокъ быстро былъ заполненъ баталіономъ 2-й линіи, двинутымъ впередъ государемъ. Петръ, воодушевляя войска, самъ подвергался величайшей опасности: одна пуля пробила его шляпу, другая ударила въ грудь, но была удержана нагруднымъ крестомъ, третья найдена въ арчакѣ. Карлъ XII тоже не щадилъ себя; почти вся его свита была перебита; его качалка разбита, такъ что, не смотря на страданія, онъ долженъ былъ сѣсть верхомъ на лошадь. Съ той и съ другой стороны около получаса длилась упорная рукопашная схватка. Ослабленные предварительно и разстроенные огнемъ нашей артиллеріи шведы не могли долго сопротивляться. Когда-же были охвачены съ фланговъ нашей конницей, а съ фронта взяты въ штыки, то вдругъ были опрокинуты на всѣхъ пунктахъ (почти безъ участія нашей 2-й линіи) и въ безпорядкѣ отброшены къ лѣсу въ тылу ихъ. Все поле покрылось трупами шведовъ и въ 11 ч. утра шведская армія нестройными толпами бѣжала къ своему лагерю, тщетно ища тамъ спасенія.

Самъ Карлъ XII, подъ которымъ была убита лошадь, едва не попался въ плѣнъ. Выславъ для преслѣдованія конницу, онъ самъ возвратился въ лагерь. Къ вечеру-же для дальнѣйшаго преслѣдованія были отпущены гвардейскіе пѣхотные полки на коняхъ и 10 драгунскихъ полковъ. Въ бою подъ Полтавою мы лишились 1344 убитыми и 3292 ранеными. Шведовъ убитыхъ найдено на мѣстѣ 9234 чел. и взято въ плѣнъ 2874 чел. (въ томъ числѣ фельдмаршалъ Рейншильдъ и 4 генерала). Кромѣ того намъ досталось 137 знаменъ и штандартовъ, 4 пушки и пр.

28-го числа Петръ отправилъ князя Меншикова принять начальство надъ войсками, назначенными для преслѣдованія непріятеля. Меншиковъ 30 іюля прибылъ къ Переволочнѣ, гдѣ, въ углу, образуемомъ сліяніемъ Ворсклы и Днѣпра, увидѣлъ остатки шведской арміи. Шведы еще наканунѣ прибыли сюда, но не нашли никакихъ средствъ для переправы. Нѣсколько челноковъ послужили лишь для Карла XII, который съ 200 чел. отборной пѣхоты и 800 чел. кавалеристовъ перебрался за Днѣпръ. Ему послѣдовалъ Мазена съ преданными казаками и запорожцами, числомъ до 1000 чел. Этотъ отрядъ отправился степью къ

турецкой границѣ. Начальство надъ остатками шведской арміи поручено было Левенгаунту, которому Карлъ XII приказалъ стараться пробраться въ Крымъ. Но еслибы шведамъ и удалось перебраться черезъ Днѣпръ, то они неминуемо погибли бы отъ голода въ безлюдной степи. А между тѣмъ подошедшіи Меншиковъ требовалъ сдачи, грози въ противномъ случаѣ истребленіемъ. Левенгаунтъ счелъ себя вынужденнымъ положить оружіе. 5353 пѣх. и арт., 10521 конницы, 28 орудій съ 127 знаменами и штандартами были взяты отрядомъ Меншикова. 1-го іюня прибылъ къ Переволочнѣ Петръ и выслалъ отряды за Днѣпръ для преслѣдованія Карла XII. Послѣдній едва спасся при переправѣ черезъ р. Бугъ; большая же часть его конвоя была настигнута и истреблена или взята въ плѣнъ. Въ половинѣ іюля наши войска выступили изъ Украйны (240).

Разсматривая походъ, завершившійся рѣшительнымъ погромомъ шведовъ подъ Полтавою, мы остановимся лишь на тѣхъ сторонахъ описанныхъ событій, которыя имѣютъ значенія съ точки зрѣнія развитія военного искусства. Мы не возьмемъ на себя полной критической оцѣнки дѣйствій обѣихъ сторонъ, для чего нѣтъ и достаточнаго фактическаго матеріала, влѣдствіе весьма недостаточной научной разработки Сѣверной войны, кромѣ того, повторяемъ, для нашихъ цѣлей это было бы совершенно излишнимъ.

Мѣры, принятыя Петромъ для обороны государства, были указаны нами ранѣе и тамъ же дана имъ оцѣнка. Напомнимъ лишь, что Петръ не искалъ спасенія за длинными оборонительными линіями, какъ это было на западѣ, а, сооружая таковыя, придавалъ имъ лишь цѣну, какъ нѣкоторой преградѣ противъ мелкихъ шаекъ; рѣшенія-же кампаніи онъ искалъ въ полѣ, въ столкновеніи арміи, какъ наиболѣе полной выразительницы народной или государственной силы и энергіи. Кромѣ того онъ глубоко оцѣнилъ всѣ особенныя стратегическія выгоды нашей страны, какъ необъятнаго, бѣднаго экономически и культурно, театра войны и сообразно этому рѣшился (куда-бы ни направился непріятель) втянуть противника въ глубину территоріи, чтобы возможно дальше отвлечь его отъ всѣхъ его средствъ и способовъ, ослабить матеріально и нравственно, чѣмъ и подготовить всѣ шансы окончательной борьбы въ свою пользу. Такова была естественная, вполне сообразная обстановкѣ стратегія Петра Великаго. Не смотря на ея естественность и кажущуюся простоту, она была плодомъ вдохновенія его военного генія и вовсе не соответствовала стратегическимъ понятіямъ того времени, когда господствовали преимущественно пограничныя войны. Впрочемъ значеніе такой стратегической комбинаціи, соображенной съ территориальными и культурными условіями нашего отечества, и до сихъ поръ, быть можетъ, не вполне сознано и на памяти живущаго поколѣнія Россія выдержала трудную, неудачную борьбу, когда ея вооруженныя силы были искусственно притянуты къ отдаленнѣйшему на границѣ пункту

(Севастополь), съ паденіемъ котораго была сломлена народная энергія и проиграна кампанія.

Рѣшившись на подобный способъ веденія войны, соображенной вмѣстѣ съ тѣмъ съ характеромъ враждебнаго полководца, обладавшаго громадными военными инстинктами, но сумасброда, лишенаго высшаго военного смысла, Петръ Великій постоянно уклоняется отъ боя, желая возможно дальше затянуть непріятеля и возможно больше ослабить его до рѣшительнаго столкновенія. Его повидимому крайняя осторожность въ этомъ отношеніи обусловливалась громаднымъ, какъ говорить Морицъ Саксонскій—«невѣроятнымъ», тактическимъ превосходствомъ шведской арміи, опытной, съ боевыми традиціями отъ временъ Густава Адольфа, состоявшей изъ закаленныхъ въ бояхъ ветерановъ, воспитанныхъ рядомъ блестящихъ побѣдъ и предводимыхъ обожаемымъ королемъ-полководцемъ. Петръ могъ противопоставить этой страшной силѣ молодую, едва сколоченную, едва обученную регулярную армію, самой знаменательнѣйшей боевой традиціей, которой былъ нарвскій погромъ...

При такихъ условіяхъ «излишняя» осторожность Петра становится вполне понятной и законной. Рѣзкое отличіе въ смыслѣ тактической подготовки двухъ армій вполне объясняетъ также и какъ-бы нѣкоторую первоначальную робкую осторожность нашей конницы, ея неискusstво въ развѣдывательной службѣ, особенно если мы вспомнимъ, что и въ настоящее время развѣдывательная дѣятельность конницы представляетъ болѣе отрицательныхъ, нежели положительныхъ образцовъ. Но уклоненіе отъ боя не составляетъ абсолютной системы дѣйствій русской арміи и мы вскорѣ замѣчаемъ весьма серьезныя ея попытки къ частному переходу въ наступленіе (бой при С. Добромъ). Когда-же Петръ Великій замѣчаетъ раздѣленіе непріятельскихъ силъ, причѣмъ одна изъ частей (Левенгаунтъ) образуетъ нѣчто въ родѣ резерва и подвижнаго базиса главной части арміи, то рѣшается обрушиться на первую, не смотря на предполагаемое имъ превосходство непріятельскихъ силъ. Побѣда подъ Лѣсной увѣнчиваетъ вѣрный расчетъ и рѣшимость Государя, подготавливая морально и матеріально полтавскій погромъ. Таковъ стратегическій смыслъ кампаніи 1708 года, которая представляется намъ однимъ изъ самыхъ замѣчательнѣйшихъ образцовъ военного искусства и какъ по замыслу, такъ и по выполненію превосходить большую часть кампаній современныхъ Петру Великому.

Своеобразіе театра войны и всѣхъ условій обстановки опредѣляетъ собою своеобразіе этой кампаніи, въ которой проявился вполне самостоятельный творческій геній Петра и подражать кому бы то ни было ему было не въ чемъ и не для чего.

Остатываясь затѣмъ на Полтавскомъ сраженіи, мы прежде всего замѣтимъ, что оно вполне вызывалось обстановкой и должно было дать рѣшительный результатъ кампаніи. Петръ Великій, избѣгавшій всячески столкновенія съ Карломъ XII, рѣшается, наконецъ, самъ двинуться

противъ него и атаковать своего до тѣхъ поръ непобѣдимаго соперника.

Понимая всю важность этого рѣшающаго акта, Петръ сосредоточиваетъ все что только можно къ бою и только вслѣдствіе лишь того обстоятельства, что Карлъ XII предупреждаетъ его атакою, къ русской арміи не успѣваютъ подойти ко дню боя казаки, калмыки и часть драгунъ; тѣмъ не менѣе Петръ выдвигаетъ 42¹/₂ тысячи противъ 25 тыс., съ громаднымъ при томъ превосходствомъ артиллеріи. Но «невѣроятное» тактическое превосходство непріятеля заставляетъ его подвигаться осторожно, пользуясь всѣми средствами инженернаго искусства *).

Затѣмъ постройка редутовъ и оригинальная комбинація ихъ была плодомъ вполне самостоятельнаго творчества Петра Великаго, для котораго въ этомъ смыслѣ западно-европейское военное искусство не представляло совершенно подобныхъ образцовъ.

Эта замѣчательная тактически-фортификаціонная комбинація оцѣнена нами выше **).

Во время боя, занявъ сперва оборонительное положеніе, Петръ затѣмъ отлично оцѣниваетъ обстановку и переходитъ въ наступленіе сперва

*) Нѣкоторые упрекаютъ Петра за яко-бы необдуманную смѣлость его перехода черезъ Ворсклу, причемъ русская армія становилась тыломъ къ рѣкѣ, что грозило катастрофой при неудачи. Высказывающіе подобное мнѣніе забываютъ, что Петръ перешелъ рѣку съ тою цѣлью, чтобы двинуться къ Полтавѣ и самому атаковать Карла XII. И общее положеніе дѣлъ, и значительное превосходство силъ, (да еще ожидалось соединеніе со Скоропадскимъ и калмыками), и нѣкоторая уже тактическая опытность русской арміи, одержавшей нѣсколько побѣдъ надъ шведами—все давало право на такое рѣшеніе. Въ оборонительномъ-же бою, за укрѣпленіями, Петръ вполне могъ рассчитывать на успѣхъ; даже небольшой гарнизонъ Полтавы отбивалъ всѣ приступы непріятеля, и послѣдовавшее генеральное оборонительно-наступательное сраженіе потребовало участія лишь конницы и одной почти первой линіи пѣхоты. При такихъ условіяхъ едва-ли можетъ быть рѣчь о рискованности положенія русской арміи передъ сраженіемъ.

**) По поводу Полтавы Роканкуръ говоритъ: «Столь рѣшительная побѣда надъ наилучше дисциплинированными европейскими войсками не была-ли извѣстнымъ предзнаменованіемъ того, что современемъ сдѣлаютъ русскіе? Въ тоже время сдѣланными ими распоряженія не были-ли предупрежденіемъ и урокомъ для другихъ націй? Дѣйствительно слѣдуетъ отмѣтить этимъ сраженіемъ новую тактическую и фортификаціонную комбинацію, которая была реальнымъ прогрессомъ для той и другой. Царь, отстранивъ рутину, которая съ давнихъ временъ принуждала армію оставаться неподвижными за ретраншаментами въ длинныхъ линіяхъ, прикрылъ фронтъ своей пѣхоты (?) редутами, отдѣленными значительными интервалами и занятыми 2 баталіонами каждый (?); этимъ именно способомъ, до тѣхъ поръ не употреблявшимся, хотя одинаково удобнымъ для наступленія и обороны, должна была быть уничтожена вся армія авантюриста Карла XII. Маршалъ Саксонскій, вдохновленный воспоминаніями о Полтавѣ, написалъ о превосходствѣ редутовъ главу, которую цитировали всѣ авторы и которая не мало способствовала оставленію длинныхъ линій, чтобы вмѣсто того укрѣплять лишь нѣкоторые пункты; при такой системѣ полетъ доблести ничѣмъ не сдерживается и можно извлекать больше выгодъ изъ мѣстныхъ предметовъ» (241).

противъ одной оторвавшейся части (колонна Рооса), а затѣмъ противъ главной арміи, причемъ въ рѣшительную минуту на рѣшительномъ пунктѣ самъ является во главѣ войскъ, не задумываясь жертвовать самимъ собою.

Въ нравственномъ отношеніи Петръ, воспитавшій въ строгой дисциплинѣ, заботливой выучкѣ и школѣ нѣкотораго боеваго опыта свою армію, напутствуетъ ее въ бой приказомъ, который останется однимъ изъ величайшихъ образцовъ и безсмертнымъ памятникомъ величія души этого необыкновеннаго Отца—отечества.

Рѣшительный бой завершается преслѣдованіемъ разбитой арміи, что тоже не соответствовало понятіямъ времени, когда отступающему строили «золотые мосты».

Въ общемъ Великій Петръ въ вопросѣ комплектованія арміи, въ ея организаціи (напр. вся кавалерія изъ драгунъ; попытки устройства конной артиллеріи); въ рѣшеніи основныхъ стратегическихъ вопросовъ, въ тактическихъ комбинаціяхъ (отдѣльные редуты, наступательная оборона, атака кавалеріи въ карьеръ, безъ пальбы съ коня, а лишь съ холоднымъ оружіемъ въ рукахъ и пр.) нерѣдко далеко опережалъ свое время и являлся вполне самостоятельнымъ творцомъ.

Молодое русское военное дѣло временъ великаго императора уже представляло собою неумирающіе образцы, знаменующіе собою ступени въ развитіи военнаго искусства вообще. Это было замѣчено, какъ знаменитымъ маршаломъ Морицомъ Саксонскимъ, такъ и однимъ изъ французскихъ военныхъ писателей (Роканкуръ), съ грустью сознающимъ, что Франція временъ Людовика XIV, обладавшая всѣми способами и средствами для развитія военнаго дѣла, должна была поучаться на отдаленномъ востокѣ, гдѣ молодая, едва созданная армія являлась орудіемъ осуществленія военнаго прогресса, созданнаго учрежденіями и дѣятельностью перваго императора *).

Заключеніе.

Изложенные выше подробно факты и соображенія о состояніи всѣхъ отраслей военнаго дѣла и военнаго искусства въ вѣкъ Людовика XIV и Петра Великаго приводятъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Съ постепеннымъ усиленіемъ центральной государственной власти и сосредоточеніемъ государствъ наемныя арміи оказываются мало при-

*) «Какъ бы то ни было, достойно сожалѣнія, что въ теченіи періода, когда мы владѣли всѣми средствами совершенствованія и опытомъ, приобретеннымъ цѣною столькихъ жертвъ и пролитой крови, все это было потеряно для Франціи. Чувство, порождаемое этимъ размышленіемъ, тѣмъ прискорбнѣе, что именно съ этого времени въ Пруссіи и Россіи мы видимъ опыты, прогрессъ и развитіе моральныхъ и матеріальныхъ силъ, дѣйствіе которыхъ намъ пришлось впоследствии испытать» (242).

годными и слишком дорогими, при рѣшеніи обширныхъ политическихъ цѣлей, вслѣдствіе чего идея національныхъ, постоянныхъ войскъ, комплектуемыхъ по обязательному набору, постепенно пріобрѣтаетъ все больше и больше приверженцевъ. Но практическое осуществленіе этой идеи въ западной Европѣ весьма урывочно, неполно и примѣняется большею частью лишь къ войскамъ внутренней службы или милиціямъ. Въ такомъ разрѣшеніи вопросъ остается до революціи 1789 года.—Въ Россіи въ до-петровскую эпоху главную составную часть вооруженныхъ силъ составляютъ ополченія; какъ боевой элементъ они были, конечно, малопригодными; въ западной-же Европѣ ополченіе совсѣмъ уже не созывается, а когда подобная попытка была сдѣлана во Франціи, то созданныя толпы оказались никуда негодными. Что же касается нашихъ стрѣльцовъ и частей, организованныхъ изъ русскаго населенія по нѣмецкимъ образцамъ, то они были менѣе опыты въ военномъ дѣлѣ нежели западно-европейскіе наемники, но за то гораздо болѣе благонадежны, какъ слуги своего государя. Главный же недостатокъ ихъ заключался въ ложности основной идеи ихъ устройства, какъ кастоваго войска. Реформа Петра Великаго, со всѣми свойствами *общеобязательной воинской повинности*, разрѣшаетъ вопросъ о комплектованіи арміи на такихъ широкихъ началахъ какъ нигдѣ на западѣ. Рядомъ съ этимъ установлены были нѣкоторыя основанія, пригодныя въ примѣненіи къ вербовочнымъ войскамъ, но сильно повредившія арміи, комплектовавшейся по обязательной повинности, а именно: безрочность дѣйствительной военной службы и отдача въ рекруты за преступления. Послѣдствія этихъ началъ указаны въ текстѣ.

2) Снабженіе войскъ всѣми видами довольствія переходитъ постепенно въ руки правительствъ, а потому войска въ эту эпоху являются несравненно лучше обеспеченными нежели въ предшествующую, когда самъ солдатъ долженъ былъ заботиться о себѣ, имѣть свое собственное хозяйство. Въ смыслѣ обеспечения всѣхъ нуждъ арміи заходятъ даже слишкомъ далеко и принятая исключительно система довольствія войскъ изъ магазиновъ имѣетъ весьма вредное вліяніе. Разсчитывая только на собственные средства въ тылу арміи и исключая всякія соображенія о средствахъ театра войны, поставили стратегію въ слишкомъ безусловную зависимость отъ продовольственныхъ соображеній и сѣзили ея цѣли и задачи. Впрочемъ въ то же самое время, вслѣдствіе скудости финансовыхъ средствъ, быстроты развитія вооруженныхъ силъ до непомѣрныхъ размѣровъ и несовершенствъ администраціи, солдатъ былъ довольствуемъ весьма неудовлетворительно. Въ Россіи порядокъ и система довольствія были приблизительно устроены также какъ и на западѣ, но съ рѣшительнымъ преобладаніемъ поставокъ натурою отъ земли. Магазинная система вовсе не имѣла у насъ въ эту эпоху такого преобладающаго значенія какъ на западѣ.

3) Система высшаго военнаго управленія методично и въ подроб-

ностяхъ разрабатывается во Франціи и служить во многомъ образцомъ для другихъ европейскихъ государствъ. Въ Россіи она сперва носитъ весьма своеобразный отпечатокъ, въ зависимости отъ устройства нашихъ старинныхъ вооруженныхъ силъ, а при Петрѣ устанавливается система коллегіальнаго управленія арміи—механизмъ неповоротливый, тяжело-вѣсный, дѣйствующій исправно лишь подъ руководствомъ могучаго императора. Во всемъ прочемъ система высшаго управленія арміею сходна съ западно-европейской. Особенно замѣчательно развитіе центральныхъ органовъ управленія вооруженныхъ силъ во Франціи (министерство) и въ Австріи (гофкригератъ), принесшихъ много пользы арміямъ въ смыслѣ упорядоченія во всѣхъ отношеніяхъ ихъ военнаго устройства, но въ то же время давшихъ печальныя примѣры крайне вреднаго вліянія ихъ, вслѣдствіе вмѣшательства въ направленіе и ходъ военныхъ операций.

Военная іерархія и чиновничество страдаютъ на западѣ отъ постепеннаго развитія пустыхъ чиновъ и отъ исключительнаго господства производства по старшинству—недостатки совершенно чуждые русской петровской арміи. Воплоти оригинальная, въ высшей степени замѣчательная система производства достойнѣйшихъ, по избранію товарищей, установленная Петромъ Великимъ, въ практическомъ приложеніи, съ теченіемъ времени, оказалась неудобной.

4) Устройство военно-судебной части, военное судопроизводство и система наказаній повсюду носятъ печать средневѣковой жестокости, безжалостнаго отношенія къ виновному и тѣхъ унижительныхъ взглядовъ на солдата, которые могли образоваться лишь при условіяхъ тогдашней системы комплектованія арміи. Въ до-петровской Руси спеціальнаго военнаго законодательства не существовало, а въ системѣ наказаній царствовалъ произволъ, регулируемый преимущественно лишь обычаемъ. Петръ Великій въ своемъ военномъ законодательствѣ слѣдуетъ лучшимъ европейскимъ образцамъ, которые самостоятельно перерабатываетъ, и первый въ свое время высказываетъ мысль, что лучше оправдать 10 виновныхъ, нежели казнить одного невиннаго.

5) Въ устройствѣ и организаціи войскъ сдѣланъ въ разсмотрѣнную эпоху громадный шагъ впередъ. Арміи становятся постоянными, содержимыми въ значительности и въ мирное время. Они становятся могущественнымъ орудіемъ верховной власти, получаютъ правильное устройство, содержаніе и обученіе. Всѣ отрасли военно-административной службы въ своемъ началѣ или восходятъ до этой эпохи или получаютъ прочное, широкое развитіе въ это время. То что было лишь намѣчено въ прежнее время теперь получаетъ рѣзкія, опредѣленныя формы и полное содержаніе, сообразно потребностямъ многочисленныхъ, постоянныхъ регулярныхъ арміи. Военно-административная организація широкой сѣтью раскидывается надъ всею вооруженною силою.

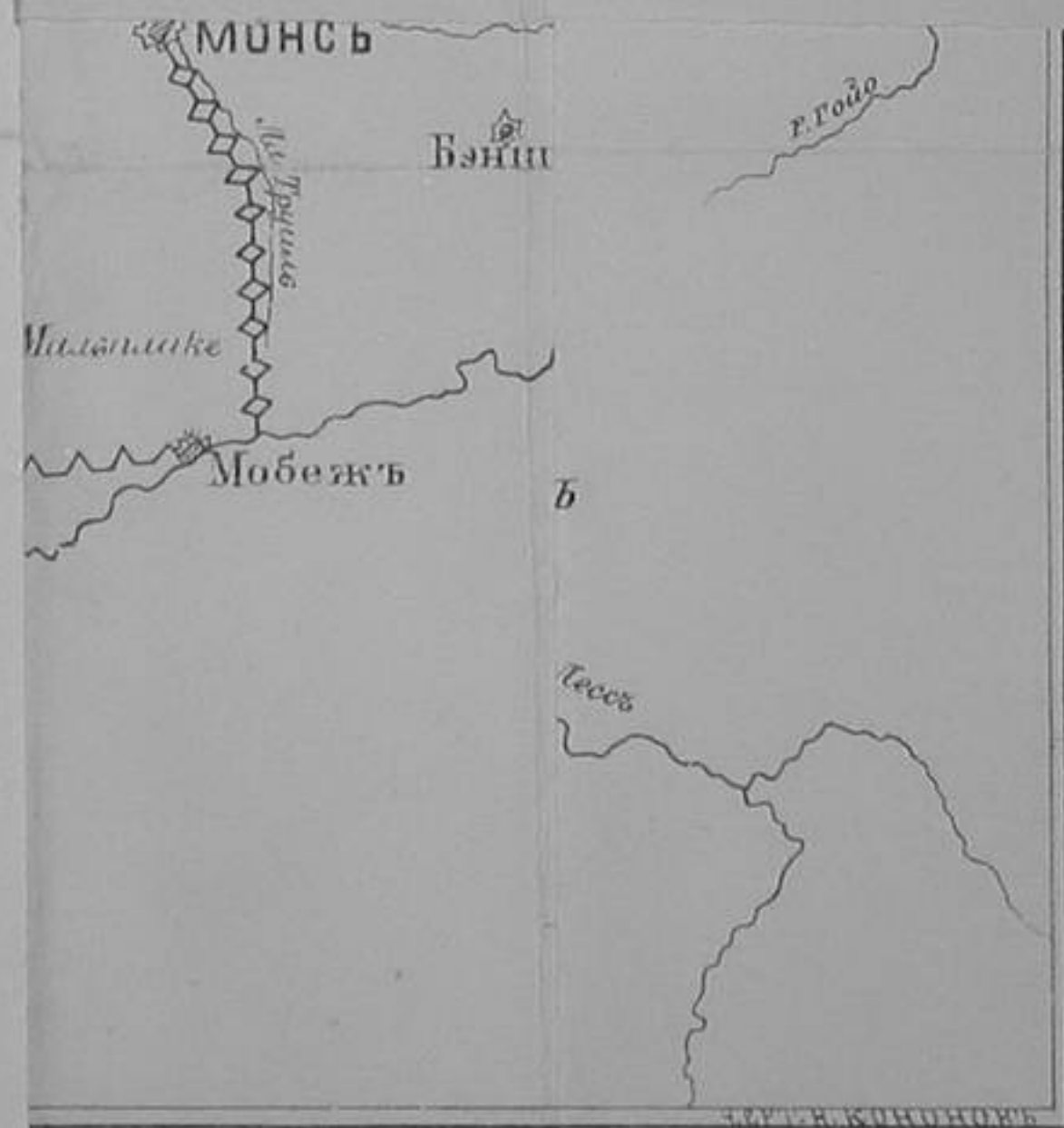
Что касается устройства войскъ по родамъ оружія, то пѣхота организуется окончательно въ баталіоны, полки и бригады. Въ военное

время нѣсколько послѣднихъ соединяется подъ начальствомъ генераль-лейтенантовъ, а въ русской арміи появляются уже дивизіи. Впрочемъ эти организаціонныя единицы высшаго порядка устанавливаются не достаточно прочно, особенно на западѣ. Еще менѣе такая организація находить примѣненія въ конницѣ, которая образуетъ роты, эскадроны и полки, соединяемая случайно въ единицы высшаго порядка. При многочисленности тогдашнихъ армій такая незаконченность представляетъ несомнѣнно ощутительныя неудобства и указываетъ на несовершенство войсковой организаціи. Въ тактическомъ отношеніи пѣхота, вооружившись ружьемъ со штыкомъ, дѣлаетъ громадный шагъ впередъ. Уничтожается потребность въ двухъ родахъ пѣхоты—легкой и тяжелой, мушкетеровъ и пикинеровъ; повсюду видимъ одну пѣхоту, универсальную, пригодную для всякаго боеваго назначенія. Конница весьма разнообразна. По прежнему есть тяжелая, средняя и легкая кавалерія (наименѣе цѣнимая), причемъ средняя особенно умножается. Въ эту именно эпоху драгуны (тоже типъ универсальной конницы) вездѣ увеличиваются въ числѣ, а въ Россіи при Петрѣ они являются почти исключительнымъ родомъ кавалеріи (за исключеніемъ казаковъ, способныхъ ко всякаго рода боевой дѣятельности, и небольшой части гусарь).

Артиллерія совершенствуется въ своей матеріальной части, но все таки мало подвижна, не имѣетъ точныхъ правилъ и средствъ для стрѣльбы, болѣе поэтому полезна при оборонительныхъ и крѣпостныхъ операціяхъ нежели при наступательныхъ полевыхъ. Но весьма важное усовершенствованіе ея заключается въ правильной организаціи ея личнаго состава, на чисто войсковыхъ началахъ.

6) Тактическое искусство принимаетъ весьма одностороннее направленіе въ своемъ развитіи. Огнестрѣльный бой, вслѣдствіе быстрыхъ успѣховъ оружейной техники, получаетъ слишкомъ преобладающее значеніе; такъ что даже на штыкъ смотрятъ какъ на оборонительное, а не наступательное оружіе. Вслѣдствіе всего этого пѣхота строится въ сплошныя тонкія линіи и занимаетъ позиціи сильно прикрытыя съ фронта. Примѣненія къ мѣстности почти не существуетъ внѣ этого исключительнаго и односторонняго пользованія ею. При такихъ условіяхъ въ дѣйствіяхъ пѣхоты много пассивности; активная роль лежитъ главнымъ образомъ на конницѣ, которая сосредоточивается въ массахъ на флангахъ боеваго порядка и играетъ сравнительно большую роль нежели это мы видимъ въ правильно организованныхъ и функционирующихъ арміяхъ. Не смотря на такое значеніе и роль конницы, она придерживается прежней ложной системы дѣйствій, основанной на нальбѣ съ коня и сдержанныхъ аллюрахъ. Исключеніе представляетъ лишь шведская и русская конница и частью кавалерія «Королевскаго военнаго дома» во Франціи, производящія стремительныя атаки въ бою съ саблями наголо.

Въ боевыхъ порядкахъ господствуетъ тонкое построеніе въ двѣ ли-

ніи развернутыхъ баталіоновъ и эскадроновъ (на крыльяхъ). Симетрія имѣетъ при этомъ значеніе, и вліяніе ея замѣчается даже при распре- дѣленіи офицеровъ въ частяхъ, не соображенномъ съ боевыми потреб- ностями, а удовлетворяющемъ лишь требованіямъ симетріи. Общаго ре- зерва въ боевомъ порядкѣ почти вовсе не существуетъ и нѣтъ никакой части для усиленія боеваго порядка, парирования случайностей, посте- пеннаго развитія боя и т. д. Отсюда—господство параллельныхъ столк- новеній по всему фронту, что одно уже отодвигало тактическое искус- ство далеко назадъ. Недостатки такихъ боевыхъ построеній и системы дѣйствій были лишь впоследствии признаны Фридрихомъ Великимъ и въ этомъ заключалась тайна его побѣдъ.

7) Инженерное искусство дѣлаетъ въ фортификаціонномъ отношеніи большой шагъ впередъ во Франціи при Вобанѣ. Но особенно колоссальный успѣхъ замѣтенъ въ искусствѣ атаки крѣпостей, наступательный харак- теръ котораго былъ развитъ Вобаномъ (параллели, рикошетный вы- стрѣлъ, охватъ противника) до высшей степени. Полевое военно-инже- нерное искусство принимаетъ одностороннее направленіе, примѣняясь къ требованіямъ современной стратегіи и тактики, вслѣдствіе чего по- являются непрерывныя, тянувшіяся на огромномъ пространствѣ, обо- ронительныя линіи, одинаково сильныя или одинаково слабыя по всему протяженію, причемъ характеръ ихъ вполне пассивный. Въ долговре- менной фортификаціи Россія не даетъ намъ самостоятельныхъ образ- цовъ, и въ этомъ отношеніи пользуется западно-европейскимъ искус- ствомъ. Но за то въ полевой фортификаціи Петръ Великій обнаружилъ гениальную изобрѣтательность и далъ единственный въ своемъ родѣ образецъ укрѣпленной наступательно-оборонительной позиціи (Полтава).

8) Стратегическое искусство, по сравненію съ эпохой Густава-Адоль- фа, постепенно падаетъ, вслѣдствіе принятой системы довольствія изъ магазиновъ, пристрастія къ методизму, и стремленія необыкновенно усилившейся центральной военно-административной власти къ руко- водству издали стратегическими операціями, вмѣшиваясь во все по- дробности ихъ веденія. Отсюда — ничтожность цѣли дѣйствій, отсут- ствіе смѣлыхъ вторженій, господство пограничныхъ крѣпостныхъ вой- нь, гдѣ все подчиняется опредѣленнымъ даннымъ, разсчету, а стра- тегія заключена въ узкія рамки, полетъ стратегическаго генія не имѣетъ простора. Дѣйствія на сообщенія, вслѣдствіе магазинной си- стемы довольствія, и позиціонно-маневренная война, по тактиче- скимъ свойствамъ войскъ и изъ ложнаго подражанія Тюренню и Мон- текукули, приобрѣтаютъ преобладающее значеніе. Бой отходитъ на вто- рой планъ, главное—маневры. Въ дѣйствіяхъ Петра Великаго мы не видимъ увлеченія ложнымъ методизмомъ. Операціи ведутся строго соо- бразно обстановкѣ и завершаются рѣшительнымъ столкновеніемъ, пре- восходно подготовленнымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Противникъ Петра

тоже не методикъ, но уже нѣчто совершенно противоположное — сумасбродъ, дѣйствующій очертя голову.

Въ стратегической оборонѣ замѣчается на западѣ стремленіе къ разброскѣ войскъ, что постепенно привело къ *кордонной* системѣ, разрушенной лишь долго спустя побѣдами Бонапарта.

ОЧЕРКЪ

военной литературы первой половины XVIII столѣтія, въ главнѣйшихъ ея представителяхъ.

Высокое политическое значеніе Франціи при Людовикѣ XIV, непрерывныя войны, веденныя въ это царствованіе, блестящее состояніе общей литературы — неизбѣжно имѣли сильное вліяніе и на оживленіе интереса къ теоретическому изученію военнаго дѣла. Движеніе въ этомъ смыслѣ, начавшееся въ западной Европѣ съ эпохи возрожденія, никогда не прекращалось; но въ первую половину XVIII столѣтія оно приобретаетъ необычную силу, и военная литература начинаетъ широко развиваться. Печальное состояніе арміи и военнаго искусства того времени, о чемъ сказано выше, заставляетъ современниковъ невольно переноситься мыслью къ отдаленнымъ временамъ классической древности и тамъ искать для себя образцовъ и необходимыхъ указаній. Греческіе и римскіе писатели тщательно изучаются лучшими военными людьми эпохи, о которой мы говоримъ, и служатъ имъ авторитетными источниками для установленія часто не только основныхъ началъ, но и деталей теоріи военнаго дѣла. Франція, дававшая въ это время тонъ западной Европѣ во всѣхъ отношеніяхъ государственной, политической и общественной жизни, вмѣстѣ съ тѣмъ отличалась и наибольшимъ богатствомъ военной литературы. Такимъ образомъ изученіе твореній главнѣйшихъ военныхъ писателей Франціи того времени послужитъ намъ достаточнымъ источникомъ для ознакомленія съ состояніемъ и развитіемъ идей въ первой половинѣ XVIII столѣтія, по отношенію къ военному дѣлу.

Фекьеръ (1648—1711 г.).

Фекьеръ началъ службу въ рядахъ французской арміи солдатомъ. Во время войны 1672—1673 г. онъ состоялъ адъютантомъ при Люксембургѣ; затѣмъ принималъ болѣе или менѣе значительно участіе во многихъ войнахъ и дослужился до чина генераль-лейтенанта. Въ войнѣ за испанское наслѣдство онъ не участвовалъ, впадши въ немилость короля за слишкомъ рѣзкую критику нѣкоторыхъ генераловъ. Въ 1701 году Фекьеръ удалился въ Амстердамъ, гдѣ и напечаталъ свое сочиненіе: «Memoires de M. le Marquis de Feuquières e. t. c.», появившееся въ свѣтъ 20 лѣтъ спустя послѣ его смерти. Фекьеръ имѣлъ много враговъ, потому что рѣзко бичевалъ современные ему пороки и недостатки и строго

требуя дисциплины, съ твердостью самъ ее поддерживалъ. Къ сожалѣнію неудачи по службѣ и немилости короля сдѣлали Фекьера несправедливымъ въ оцѣнкѣ современниковъ. Сужденія о послѣднихъ подчиняются у него страстямъ, обусловливаемымъ его личными отношеніями. Такъ, напримѣръ, описывая сраженіе при Рамильи, Фекьеръ одобряетъ Мальборо за то, что послѣдній повелъ атаку въ колоннахъ. Но говоря о блестящемъ для французовъ дѣлѣ при Шпейербахѣ, онъ находитъ, что Тальяръ слишкомъ быстро появился предъ противникомъ и относитъ это сраженіе къ категоріи *нечаянныхъ нападений*, причѣмъ по его мнѣнію *внезапно былъ застигнутъ* не принцъ Гессенскій (разбитый на голову), а Тальяръ, потому что атаковалъ противника прямо въ походныхъ колоннахъ! Такое противорѣчіе въ сужденіяхъ объясняется только слѣпой ненавистью Фекьера къ Тальяру. Разсуждая о сраженіи при Мальплаке (1709 г.), Фекьеръ невольно признаетъ косвенный боевой порядокъ, а между тѣмъ основное требованіе всѣхъ его разсужденій о боѣ заключается въ томъ, чтобы войска непременно *разворачивались и становились всѣмъ фронтомъ*, т. е. вели-бы параллельный бой. Потому онъ съ упорствомъ отказывается въ названій *сраженій* тѣмъ столкновеніямъ, въ которыхъ не было выполнено упомянутое условіе. Между тѣмъ замѣчательнѣйшія битвы въ исторіи опровергаютъ излюбленное правило Фекьера и не встрѣчается даже примѣра *одновременнаго* столкновенія двухъ армій *всѣмъ фронтомъ*. При *Арбеллахъ* Александръ удерживаетъ свой лѣвый флангъ и атакуетъ персовъ правымъ; при *Тунисѣ* Ксантиппъ атакуетъ оба фланга Регула и оставляетъ противъ центра только слоновъ. При *Каннахъ* Анибаль имѣетъ дѣло лишь съ центромъ римской арміи. Главныя сраженія, данныя Тюрнемъ, — всѣ въ этомъ же родѣ. Всѣ эти факты были извѣстны Фекьеру, но пристрастная и ложно направленная мысль обходила ихъ. Говоря о сраженіи при Кастильоне (выигранномъ въ 1706 г. Медави), онъ замѣчаетъ: «*Этотъ день ознаменованъ однимъ изъ величайшихъ событій, такъ какъ обѣ арміи атаковали всѣмъ фронтомъ*»; но, вспомнивъ свои личные счеты, прибавляетъ «*хотя онъ не вступили въ бой одновременно всѣмъ фронтомъ*».

Каріонъ Низасъ справедливо при этомъ замѣчаетъ, что добросовѣстный послѣдователь Фекьера могъ бы спросить у своего учителя сколько именно людей съ каждой стороны должны столкнуться, чтобы бой пріобрѣлъ право называться сраженіемъ, ибо, при неопредѣленности этого условія, ударъ двухъ эскадроновъ или батальоновъ, сталкивающихся всѣмъ фронтомъ, могъ бы называться сраженіемъ, тогда какъ столкновеніе двухъ стотысячныхъ армій, гдѣ съ каждой стороны приняты бы участіе въ дѣлѣ 30—40 тысячъ, не удостоилось-бы этого названія.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда Фекьеръ спокоенъ духомъ и не увлекается пристрастіемъ или закоренѣлыми предразсудками, тамъ мысль его отличается ясностью, точностью и блескомъ внѣшняго выраженія. Это можно видѣть, напр., тамъ, гдѣ онъ говоритъ о Конде, Тюрениѣ и Люксамбургѣ и пр., которымъ, какъ сошедшимъ уже тогда со сцены, онъ отдаетъ полную справедливость.

Указанныя достоинства его таланта проявляются и въ изслѣдованіяхъ совершенно другого рода, а именно въ топографическомъ описаніи Пьемонта, которое, отличаясь полнотой при краткости, можетъ быть названо вмѣстѣ съ тѣмъ, урокомъ военнаго искусства, по одной изъ важнѣйшихъ его отраслей. Во всякомъ случаѣ Фекьеръ рѣдко возвышается до обширныхъ обобщеній, чаще всего онъ останавливается на своихъ личныхъ мнѣніяхъ, привязывается къ фактамъ и мелочнымъ де-

талими. Такъ, напримѣръ, онъ справедливо вооружается противъ недостаточности состава полка въ одинъ батальонъ и находитъ, что полки эти, не превосходящіе численностью 500 чел., разоряютъ государи одними своими штабами. Но рядомъ съ этимъ *для увеличенія численности роты пѣхоты* состояли изъ 50 чел. изъ существеннѣйшихъ элементовъ въ личномъ составѣ войскъ. Фекьеръ негодуетъ на страшно увеличившееся въ его время количество отдѣльных частей, имѣвшихъ столь слабую численность, что онѣ представляли лишь таблицу номенклатуры безъ всякаго почти реальнаго содержанія, по все это не приводитъ къ опредѣленнымъ и точнымъ выводамъ относительно организациіи войскъ, къ изслѣдованію боеваго и административнаго значенія батальона и опредѣленію на основаніи этихъ условій его состава и численности.

Однообразная *мундирная одежда* войскъ была во время Фекьера новостью, но уже при самомъ началѣ ея введенія давали себѣ чувствовать различныя злоупотребленія въ этомъ дѣлѣ, исходившія отъ ложно понимаемыхъ условій красоты. «Обмундировка пѣхотинца, говоритъ Фекьеръ, должна быть хороша, но проста, безъ украшеній и не затруднять его при исполненіи всѣхъ служебныхъ обязанностей. Къ чему снаряжать его ненужной тяжестью и заставлять постоянно носить вещи, которыя годятся только для наряда въ день смотра? Развѣ человѣкъ имѣетъ на столько силъ, что не нужно ихъ беречь? И если скажутъ, что эти украшенія вѣсятъ немного, то я отвѣчу, что во всякомъ случаѣ онѣ занимаютъ мѣсто, которымъ солдатъ сумѣлъ бы лучше воспользоваться. Не лучше ли если-бы во Франціи отдѣлались отъ того, что называютъ *хорошей видъ* въ одеждѣ солдата».

Подобно Монтекукули, Фекьеръ полагаетъ, что оборонительная война требуетъ болѣе искусныхъ соображеній нежели наступательная и что при оборонительной войнѣ нужно имѣть болѣе кавалеріи, «потому что она (т. е. оборонительная война) тройкаго рода: или совершенно непредвидѣнная, или плохо подготовленная, или сдѣлавшаяся оборонительною, вслѣдствіе поражений». *Сосредоточеніе армій* передъ войною, говоритъ онъ, зависитъ отъ характера послѣдней. *При оборонительной войнѣ* крѣпости слѣдуетъ занимать пѣхотою; кавалерію имѣть вѣдѣ ихъ для того, чтобы подавать помощь угрожаемымъ пунктамъ, охранять транспорты, нападать на противника при его фуражировкахъ и захватывать непріятельскіе транспорты. Что касается сосредоточенія для *наступленія*, то авторъ останавливается преимущественно на совѣтахъ по обложенію и осадѣ крѣпостей; для этого онъ рекомендуетъ прежде всего демонстраціями отвлечь отъ крѣпости вниманіе противника, затѣмъ быстро охватить ее кавалеріею, а потомъ и пѣхотою. Далѣе онъ указываетъ необходимость выбора позицій для арміи, удобныхъ въ продовольственномъ отношеніи.

Относительно *маршей* Фекьеръ говоритъ, что они должны производиться въ зависимости отъ условій страны, времени, намѣреній, удаленія противника и т. п. Вообще же онъ замѣчаетъ, что двигаться слѣдуетъ въ томъ порядкѣ какъ придется расположиться въ лагерь или сражаться. Онъ не даетъ правилъ на всякіе случаи, а лишь общія руководящія основанія и разбираетъ обстановки маршей. *Относительно атаки оборонительныхъ линій, прикрывающихъ страну*, Фекьеръ говоритъ, что къ этимъ линіямъ стали часто прибѣгать съ тою цѣлью, чтобы воспрепятствовать сбору контрибуцій, содѣйствовать производству послѣд-

нихъ въ непріятельской странѣ, облегчать сообщеніе между укрѣпленными пунктами безъ конвоя и т. п. Но Фекьеръ опровергаетъ все эти доводы и находитъ, что упомянутыя линіи вредны въ оборонительномъ отношеніи. Во первыхъ, армія, расположенная за линіями, можетъ выйти изъ нихъ только узкимъ фронтомъ, тогда какъ противникъ, подошедши къ нимъ, пользуется полною свободою движеній и можетъ производить ихъ самымъ смѣлымъ образомъ; во вторыхъ, обширныя линіи влекутъ необходимость расположенія войскъ по всему ихъ фронту, что обуславливаетъ собою всегдашнее раздробленіе армій и легкость прорыва линіи. Однимъ словомъ замѣчаетъ онъ: «армія, стѣсненная въ движеніяхъ, всегда слабѣе той, которая исполняетъ ихъ свободно и безъ всякаго опасенія».

Относительно дѣйствія въ *циркумвалаціонныхъ линіяхъ* Фекьеръ ставитъ правиломъ никогда не ожидать противника за этими линіями, такъ какъ свобода передвиженій всегда на сторонѣ подходящихъ войскъ, а запертыя въ циркумвалаціонныхъ линіяхъ стѣснены въ движеніяхъ и не имѣютъ надлежащаго простора для своихъ дѣйствій. Въ вѣкъ господства маневровъ, дѣйствій на сообщенія, Фекьеръ, подобно огромному большинству своихъ современниковъ, полагаетъ, что *бой долженъ даваться не иначе, какъ только по настоятельной необходимости или по самымъ важнымъ причинамъ*.

Пюйсежюръ (1655—1743 г.).

Маркизь Пюйсежюръ вступилъ въ 1677 г. на службу въ пѣхотный королевскій полкъ, въ которомъ дослужился до чина подполковника.

Въ 1696 г. онъ былъ уже генераль-квартирмейстеромъ, а въ 1704 г. генераль-лейтенантомъ. Людовикъ XIV питалъ большое уваженіе къ его военнымъ дарованіямъ и принималъ его совѣты при составленіи плановъ кампаній. Въ 1724 г. Пюйсежюръ сдѣланъ былъ маршаломъ. Последними годами своей жизни онъ воспользовался, чтобы свести вмѣстѣ все написанное имъ о военномъ дѣлѣ въ сочиненіи, появившееся въ 1748 г., подъ заглавіемъ *«Art de la guerre»*.

Въ этомъ сочиненіи Пюйсежюръ съ величайшею энергіею сражается съ грубыми предразсудками и злоупотребленіями своего времени. Онъ говоритъ, что могъ бы давнымъ давно развить свои принципы, «но, прибавляетъ, когда исполняешь иншія должности и желаешь примѣнить къ дѣлу пріобрѣтенныя съ большимъ трудомъ знанія, то находишь множество старшихъ, считающихъ для себя это обидою. Такимъ образомъ, заключаетъ онъ, поневолѣ приходится молчать; и старые обычаи всегда существуютъ». Долгимъ опытомъ и наблюденіемъ Пюйсежюръ пришелъ къ убѣжденію, что большая часть того чему обучали войска въ его время было «непримѣнимо на дѣлѣ». «Въ этомъ—замѣчаетъ онъ—сознаются; но такъ какъ не знаютъ какъ дѣлать иначе, то говорятъ: *«это развиваетъ солдата»*. «Офицеръ—прибавляетъ онъ—не болѣе свѣдущъ; его ничему другому не учатъ; онъ даже не имѣетъ книги, могущей ознакомить его съ первыми элементами искусства».

Пюйсежюръ, имѣвшій столько опытности и практики, признаетъ, что практика и опытность недостаточны въ военномъ дѣлѣ. «Если-бы—говоритъ онъ—значительное количество сдѣланныхъ кампаній, сраженій, въ которыхъ пришлось участвовать, были бы средствомъ самоё по себѣ достаточнымъ, чтобы сдѣлать человѣка способнымъ къ исполненію выс-

шихъ военныхъ обязанностей, то отсюда слѣдовало бы, что капралы въ кавалеріи, которые по старшинству достигли бы командованія ротами, могли бы исполнять эти обязанности, а между тѣмъ это не такъ *).

Такимъ образомъ можно заключить, что теорія и предварительныя знанія безусловно необходимы, ибо тогда малѣйшая практика служить источникомъ обширнаго развитія и въ свою очередь образованіе бросаетъ обильный свѣтъ на незначительное число фактовъ личнаго опыта. Пюйсежюръ говоритъ, что онъ самъ началъ изученіе военнаго дѣла съ «Иліады», затѣмъ перечелъ все древнія римскія и греческія сочиненія и при этомъ убѣдился, что мнѣніе о разницѣ въ веденіи войны того времени сравнительно съ періодомъ отъ изобрѣтенія огнестрѣльнаго оружія—невѣрно. Великіе полководцы, говоритъ онъ, всехъ время держались однихъ принциповъ и принуждены были составлять боевые порядки сообразно характеру мѣстности и той пользѣ, которую могли извлечь изъ употребленія своего оружія.

Въ своемъ сочиненіи Пюйсежюръ не даетъ какой нибудь строго определенной и искусственно выдержанной *системы*. Сочиненіе его раздѣляется на *дѣтъ частей*. Первая начинается различными замѣчаніями о греческихъ и римскихъ милиціяхъ и писателяхъ, говорившихъ о нихъ. Отъ древнихъ временъ онъ переходитъ къ новымъ и, показавъ состояніе французской милиціи при предшествующихъ царствованіяхъ, сравнивши ее съ современной ему, предлагаетъ нѣсколько своихъ построеній. Затѣмъ онъ говоритъ о «военныхъ движеніяхъ», т. е. о движеніяхъ одного или нѣсколькихъ баталіоновъ, эскадроновъ, въ совокупности или по частямъ, развернутымъ фронтомъ, въ колоннахъ и пр., а также о формахъ строя для этихъ частей въ зависимости отъ мѣстныхъ условий.—Послѣ очерка боевыхъ порядковъ Пюйсежюръ даетъ общія правила для *походныхъ движеній* армій—наступательныхъ, отступательныхъ и фланговыхъ—на плоскихъ равнинахъ, не представляющихъ мѣстныхъ препятствій, и въ странѣ перерѣзанной лѣсами, горами, болотами и проч.

Прежде всего онъ при этомъ обращаетъ вниманіе на *безконечное разнообразіе театровъ войны*; изслѣдованіе этого вопроса приводитъ его также къ заключенію, что, не смотря на различіе оружія и средствъ, *остается все таки много общихъ условий* для насъ съ древними народами, а потому то и основанія военнаго искусства остаются одни и тѣже.

Боевыя построенія древнихъ казались ему особенно хороши, потому что каждый офицеръ сражался вмѣстѣ со своею частью; въ ожиданіи осуществленія этого естественнаго и разумнаго правила, Пюйсежюръ для того, чтобы по крайней мѣрѣ *распредѣлить на весь баталіонъ* все физическія и моральныя силы, предлагаетъ располагать по обѣ его стороны (правой и лѣвой) одинаковое число старшихъ капитановъ.

«Самые простые боевые порядки, говоритъ Пюйсежюръ, и ранѣ другихъ составленные одни должны быть употребляемы». Руководствуясь этимъ масштабомъ, онъ критикуетъ ученія и принятія въ его время формы строя и заключаетъ, что замѣченныя имъ недостатки «въ войнѣ за наслѣдство испанскаго престола были причиною потери большаго сраженія (при Рамильи)».

* Фридрихъ Великій писалъ одному изъ своихъ генераловъ, что офицеръ, имѣющій только опытъ, является человѣкомъ, который ходилъ всякій разъ, когда армія ходила, обѣдалъ, когда все обѣдали, останавливался, когда все останавливались; что по этому мулъ, сдѣлавшій кампаніи Евгения Савойскаго, былъ животное почтенное и достойное повышенія.

Пюйсежуръ съ особенною силою возстаеъ противъ предразсудка, существовавшаго въ его время; а именно, что: «никогда не слѣдуетъ производить передвиженія въ виду противника, безъ риска подвергнуться поражению». Благодаря этому «войска не обучаются никакимъ передвиженіямъ, которыя бы имѣли цѣлью исправленіе принятаго порядка, и разъ какъ послѣдній нарушенъ, то уже никто не знаетъ какъ его возстановить сообразно требованіямъ обстоятельствъ». Относительно построения боеваго порядка онъ, хотя и замѣчаетъ, что это зависить отъ обстоятельствъ, но все таки полагаетъ можно дать нѣсколько общихъ правилъ. По его мнѣнію армія, построенная для боя, есть *подвижная фортификаціонная постройка*, въ которой всѣ части должны фланкироваться, взаимно поддерживаться и быть въ связи между собою. *Лучшее построение безъ интерваловъ* или съ возможно меньшими интервалами. Поклонникъ *огнестрѣльнаго оружія*, Пюйсежуръ развиваетъ до крайности идеи нѣкоторыхъ своихъ современниковъ относительно *перемѣщенія* въ боевомъ порядкѣ пѣхоты и кавалеріи; онъ идетъ дальше другихъ и предлагаетъ попеременно располагать эскадроны правѣ и баталіонъ лѣвѣ. Основаніемъ такому построению служило то соображеніе, что крылья неприятельской линіи, состоящія только изъ одной кавалеріи, не отважатся атаковать эскадроны, перемѣшанные съ пѣхотою, потому что кавалерія естественнo боится огнестрѣльнаго оружія. Такимъ образомъ онъ желалъ *предохранить кавалерію отъ атаки*, забывая, что она сама есть наступательный родъ оружія. Заботы Пюйсежера были тѣмъ болѣе безплодны, что, какъ извѣстно, можно привести примѣры, гдѣ кавалерія, расположенная на флангахъ, не опасалась атаковать эскадроны, перемѣшанные съ пѣхотою (сраженія при Энцигеймѣ и Альманцѣ). Пристрастіе Пюйсежера къ огнестрѣльному оружію проявляется и въ желаніи вооружить всѣхъ офицеровъ и кавалерію мушкетами и ружьями, въ предложеніи увеличенія числа патроновъ и скорости стрѣльбы. Важность огня онъ подтверждаетъ тѣмъ, что въ госпиталяхъ массы раненыхъ огнестрѣльнымъ, а не холоднымъ оружіемъ.

Вторая часть сочиненія Пюйсежера заключается въ поясненіи его ученія гипотетическимъ примѣромъ войны въ окрестностяхъ Парижа, причемъ ссылками на Цезаря, Конде, Тюрення онъ старается доказать, что рекомендуемая имъ правила суть тѣ же, которыя практиковались упомянутыми великими полководцами. Тѣмъ не менѣе въ своихъ сужденіяхъ онъ не свободенъ отъ предразсудковъ того времени, какъ на примѣръ относительно обратнаго порядка, который онъ избѣгаетъ и заставляетъ войска передвигаться, чтобы занимать всегда свои нормальныя мѣста въ общемъ построении. Такимъ образомъ, не смотря на много вѣрныхъ идей, практическихъ замѣчаній и т. п., Пюйсежуръ по своимъ основнымъ принципамъ и сужденіямъ не далеко опередилъ своихъ современниковъ.—

Фоларъ (1669—1752).

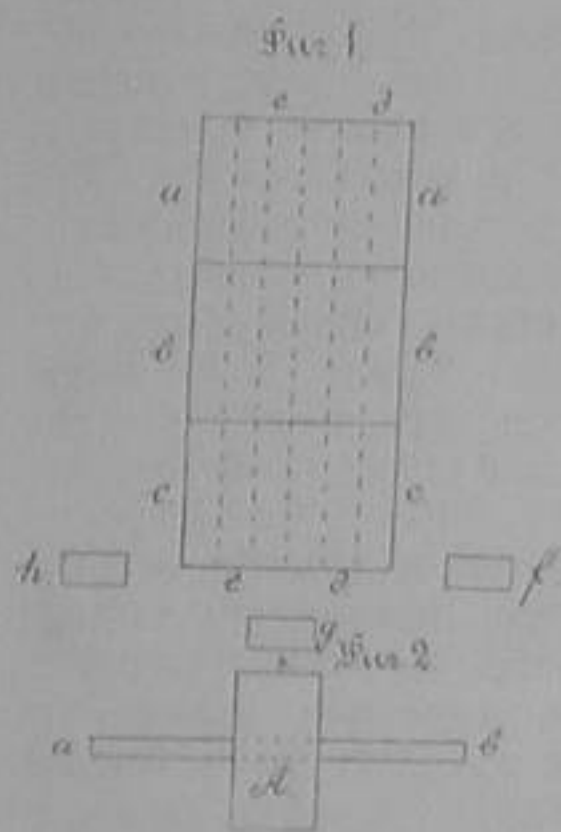
По рожденію своему Фоларъ принадлежалъ къ многочисленному и небогатому французскому дворянскому семейству. Уже въ пятнадцать лѣтъ, воодушевленный чтеніемъ комментарій Юлія Цезаря, онъ показалъ особую склонность къ военному званію. Шестнадцати лѣтъ онъ убѣжалъ изъ дому и присталъ къ проходившему мимо отряду. Заключен-

ный, по приказанію отца, въ монастырь онъ потомъ чрезъ два года поступилъ рядовымъ въ Беррійскій полкъ; участвуя въ послѣдующихъ военныхъ дѣйствіяхъ, онъ особенно отличился въ войну за испанское наслѣдство обороною замка Болины, а потомъ былъ раненъ въ сраженіи при Кассано. Это сраженіе навело его на глубокомысленныя соображенія о колоннѣ и глубокомъ боевомъ порядкѣ. Фоларъ также сражался подъ начальствомъ Буффлера и Вильяра, причемъ былъ въ третій разъ раненъ при Мальплаке. Его пылокое воображеніе и дарованія постоянно побуждали къ составленію плановъ кампаній, которые посылалъ генераламъ. Однажды, будучи раненымъ, онъ приказалъ нести себя на разсвѣтъ къ маршалу Буффлеру, чтобы дать ему нѣкоторые совѣты, которыхъ тотъ не желалъ слушать. Эта чрезвычайная ревность создала ему враговъ, прославившимъ его маньякомъ, визионеромъ. По заключеніи мира въ 1712 г. Фоларъ началъ работать надъ своими комментаріями, по тревоги, причиненныя мусульманами Мальтійскимъ рыцарямъ, оторвали Фолара отъ его научныхъ занятій. Въ 1714 г. онъ поступилъ на службу Мальтійскаго ордена, былъ тамъ отличнo принятъ гроемейстеромъ, но, обидѣвшись, что его совѣты не всегда предпочитались другимъ, возвратился въ отечество. Затѣмъ Фоларъ поступилъ на службу къ шведскому королю Карлу XII, слава котораго тогда повсюду гремѣла, а послѣ его смерти возвратился во Францію и написалъ сочиненіе «*Nouvelles decouvertes sur la guerre*», 1724 г. Для того чтобы примѣнить свою систему къ дѣйствительнымъ операціямъ, онъ приступилъ къ обработкѣ Полюбія. Прямодушіе, съ которымъ онъ разсказывалъ о своихъ походахъ и рѣзкая критика дѣйствій, были причиною, что по окончаніи 6-го тома дальнѣйшее изданіе было запрещено. Будучи уже глухимъ старцемъ, онъ посвящалъ время полемикѣ со своими литературными врагами. Изъ сочиненій его еще замѣчательно: «*Fonctions et devoirs d'un officier de cavalerie*», 1733 г. Особенное достоинство большаго сочиненія Фолара—комментарій на Полюбія—заключается въ томъ, что тамъ въ текстѣ сравнительно разсмотрѣны тактика грековъ и римлянъ, а въ комментаріяхъ—тактика древнихъ и современныхъ Фолару. Никто лучше его не освоился съ древними; правда онъ часто злоупотребляетъ своими знаніями и доходитъ до смѣшныхъ увлеченій въ своихъ перебранкахъ, но простотѣи 2/3 лѣтъ, съ дѣятелями классической древности. При этомъ онъ владѣетъ необходимыми и вѣрными рецептами для выигрыша всѣхъ сраженій, данныхъ отъ начала мира. Въмѣсто того, чтобы обратиться къ ислѣдованію основаній военнаго дѣла, условій, имѣющихъ значеніе во всѣ времена, онъ часто вдается въ мелочныя подробности совершившихся событій для того, чтобы наградить похвалами, справедливость которыхъ трудно констатировать, или расточать порицанія, едва ли заслуженныя. Для того чтобы опредѣлить отношеніе между рукопашнымъ и метательнымъ оружіемъ и доказать превосходство перваго, а слѣдовательно и предлагаемаго имъ строя, *колонны*, надъ развернутымъ, Фоларъ обращается къ Киропедіи и къ тому случаю, когда происходитъ столкновеніе между двумя сторонами, изъ которыхъ одна вооружена палицами, а другая камнями или кусками земли; сначала, *издали* будетъ имѣть преимущество послѣдняя, но въблизи ей будутъ, говорить онъ, нанесены гораздо болѣе опасныя удары.

Къ греческой *фалангѣ* Фоларъ относится критически. Иллирійцы, говоритъ онъ, атаквали въ Мидіи этолійскую фалангу и побѣдили ее *небольшими колоннами*, имѣвшими болѣе протяженія въ глубину не-

жели по фронту. «Эпаминондъ выигралъ сраженіе при Мантинеѣ посредствомъ косвеннаго боеваго порядка, который есть лишь видоизмѣненіе колонны». «Греки знали колонну; изъ римлянъ Регулъ и Варронъ злоупотребляли ею; Сципионъ разумно ею пользовался».

Фоларъ составляетъ свою колонну изъ одного или нѣсколькихъ, до шести, баталіоновъ. На открытой мѣстности онъ полагалъ строить ее не болѣе какъ въ тридцать рядовъ, а на пересѣченной даже не болѣе шестнадцати. Баталіоны онъ принимаетъ въ 500 человекъ, кромѣ гренадеровъ, а именно четыреста фузилеровъ и 100 алебардистовъ (партизанъеровъ); послѣдніе назначались для оцѣпления фронта, фланговъ и тыла; каждая колонна раздѣляется въ глубину на три отдѣленія, расположенное одно за другимъ (фиг): первое а, второе б и третье с; по фронту колонна раздѣляется на два крыла: правое д и лѣвое е, а каждое изъ крыльевъ на дивизионы по пяти рядовъ. Такое раздѣленіе было необходимо для перестроенія изъ линіи въ колонну и обратно, а также для того, чтобы расколоть и смять непріятельскую линію, прорванную колонною.

Колонна (А. фиг. 2.), прорвавъ свою головою непріятельскую линію а б, должна была раздѣлиться по фронту по поламъ: одна половина, наступая къ б, а другая къ а, окончательно уничтожали противника. Гренадеровъ, какъ отборный войска, Фоларъ помѣщалъ вѣтъ колонны для прикрытія фланговъ (f, h) и въ качествѣ резерва (g). Нельзя не замѣтить, что колонна Фолара слишкомъ тяжела и неповоротлива, а при поворотѣ направо и налево трудно сомкнуть шеренги, превращающіяся въ ряды.

Фоларъ, подобно прочимъ своимъ современникамъ, былъ защитникомъ *перемѣшиванія* въ боевомъ порядкѣ различныхъ родовъ оружія и потому онъ столь же подробно говоритъ о кавалеріи какъ и о пѣхотѣ; что же касается артиллеріи, то онъ считалъ ее ниже метательныхъ машинъ

древнихъ, вслѣдствіе чего и мало ею занимается. «У грековъ и римлянъ, говоритъ онъ, эскадроны были маленькіе, потому что достоинство кавалеріи заключается въ дѣятельности и ловкости ея маневровъ. Медленные движенія не соответствуютъ этому роду оружія; фланги такъ слабы, что незначительной части войскъ весьма легко разбить превосходнаго противника, если эта маленькая часть рѣшится покинуть фронтъ и броситься на фаланги». Затѣмъ онъ приводитъ рядъ примѣровъ, которыми доказываетъ преимущество небольшихъ эскадроновъ и пользу *перемѣшиванія* въ боевыхъ лишеніяхъ кавалеріи съ пѣхотою.

Морицъ Саксонскій (1696—1750).

Жизнь маршала Морица графа Саксонскаго въ теченіе XVIII столѣтія составляла предметъ многихъ фантастическихъ разсказовъ и сочиненій, въ которыхъ панегиристы французы, благодарные за Фонтенуа, выстав-

ляли Морица сказочнымъ героемъ. Только въ 1860-хъ годахъ, благодаря архивнымъ трудамъ извѣстнаго историка Вебера, личность маршала предстала передъ исторіею въ ея надлежащемъ свѣтѣ *).

Сынъ курфюрета Саксонскаго и Авроры Кенигемаркъ, Морицъ уже въ 1709 г. поступаетъ на службу въ одинъ изъ полковъ своего отца, въ то время короля Польши—Августа. Въ январѣ этого года 12 лѣтній Морицъ былъ отданъ на попеченіе генералу Шуленбургу. 16-го января войска, назначенныя во Фландрію, выступили въ походъ и Морицъ съ ними, будучи въ полномъ снаряженіи. Суровая зима 1709 года не оставила маршала и 12 лѣтній мальчикъ шель пѣшкомъ до тѣхъ поръ, пока не заболѣлъ отъ утомленія; ноги и плечи были потерты, и онъ принужденъ былъ сѣсть верхомъ на лошадь,—но не на долго. Солдаты начали смѣяться надъ своимъ унтеръ-офицеромъ, и Морицъ черезъ нѣсколько дней сталъ въ ряды.

За время кампаніи 1709 года, завершившейся кровопролитнымъ боемъ у Мальплаке, Морицъ заявилъ себя неустрашимымъ и не разъ впоследствии товарищи вспоминали съ какимъ нетерпѣніемъ будущій маршалъ искалъ случая составить себѣ репутацію. По окончаніи кампаніи Морицъ провелъ зиму 1709 г. въ учебныхъ занятіяхъ подъ руководствомъ Шуленбурга и какъ только открылась кампанія 1710 г. онъ съ большимъ блескомъ участвовалъ въ нѣсколькихъ осадахъ. Что касается до предметовъ образованія, то они были не многочисленны: генеалогія, ариѳметика, черченіе, французскій языкъ и, главное, заучиваніе наизусть разныхъ французскихъ и латинскихъ сентенцій, умѣстное ихъ примѣненіе и затѣмъ тѣлесныя упражненія.

Въ 1711 г. Морицъ, получивъ титулъ графа Саксонскаго, сопровождалъ короля въ его кампаніи противъ шведовъ. Въ 1712 г. онъ участвовалъ при осадѣ Стральзунда; за заслуги въ 1713 г. былъ сдѣланъ полковникомъ и ему данъ кирасирскій полкъ, а затѣмъ молодаго командира вскорѣ женили (въ 1714 г.). Бракъ былъ неудачный, по причинѣ далеко не семейныхъ наклонностей Морица, и не прошло года, какъ Морицъ отправился въ Польшу къ арміи, воевавшей за возвращеніе королевства Саксонскому курфюрету.

Въ январѣ 1716 г. Морицу удалось выказать себя почти сказочнымъ героемъ.

Вслѣдствіе распространеннаго слуха о перемиріи между саксонцами и конфедератами, Морицъ отправился къ саксонскимъ войскамъ, квартировавшимъ въ Сандомірѣ; взявши съ собою 5 офицеровъ и 12 человекъ прислуги, онъ прибылъ въ село Краснецы. Только что путники усѣлись за столъ, какъ вбѣжавшій слуга извѣстилъ, что въ деревню вступаетъ большой польскій кавалерійскій отрядъ. Немедленно небольшая дружина расположилась въ домѣ для защиты и, занявши верхній этажъ, въ теченіе 5 часовъ времени оборонялась, стрѣляя въ окна, въ отверстія, продѣланныя въ полу. Почти всѣ были переранены и въ томъ числѣ самъ Морицъ; но полякамъ не удалось захватить Морица. Ночью саксонцы неожиданно вышли изъ дома, убили часовыхъ, схватили лошадей и ускакали. Но рядомъ съ этими блестящими выходками, свидѣтельствующими о храбрости Морица, онъ велъ скандальную, развратную жизнь и въ полку его были большіе беспорядки; такъ что наконецъ король пригрозилъ ему заключеніемъ въ крѣпость, лишивъ

*) Смори соч.: Moritz Graf von Sachsen. Dr. Karl von Veber. 1863 и Maurice de Saxe, par Saint-René Taillandier. 1865.

его командования полкомъ. Въ концѣ 1716 г. Морицъ попадаетъ въ армию Евгения Савойскаго и въ роли очевидца участвуетъ въ бою съ турками подъ Бѣлградомъ. Слѣдующіе два года въ жизни маршала Саксонскаго отличаются разводомъ съ женою, разгульной жизнью, и наконецъ онъ рѣшается отправиться во Францію попытаться счастья поступить на службу. Въ 1720 г. онъ получилъ званіе *maréchal de camp* во французской арміи и по обычаю купилъ себѣ полкъ за 50 тыс. рублей на наши деньги. Находясь въ Парижѣ, Морицъ Саксонскій познакомился съ Фоларомъ, много ввелъ нововведеній въ своемъ купленномъ полку, который поразили ученаго мужа и онъ въ 1725 г. печатно предсказалъ ему блестящую будущность. Но кромѣ занятій съ полкомъ, Морицъ началъ опять занятія по математикѣ, фортификаціи и по другимъ отдѣламъ военнаго искусства. Въ 1726 г. въ іюнѣ Морицъ отправляется въ Курляндію, гдѣ долженъ былъ происходить выборъ герцога, и онъ, вопреки протестамъ Польши, избирается 28 іюня. Но скоро явился другой врагъ—въ Митаву прибылъ Меньшиковъ. Разныя интриги, а затѣмъ смерть императрицы Екатерины I, покровительствовавшей Морицу, повредили его дѣлу и Меньшиковъ приказалъ выгнать избраннаго герцога, что и было исполнено въ 1727 году.

До 1732 г. мы видимъ Морица блуждающимъ по Европѣ, начиная отъ Варшавы и до Парижа. На счастье его онъ подпалъ благотворному влиянію его любовницы, знаменитой *Adrienne Lecouvreur*, и, по свидѣтельству Вольтера, «побѣдитель при Фонтенуа всему выучился у своей прекрасной учительницы за исключеніемъ военнаго дѣла, которое онъ зналъ лучше чѣмъ кто бы ни было, и географіи, которую онъ никогда не зналъ» *). Конецъ 1732 г. застаётъ его въ страшной лихорадкѣ прикованнымъ къ постелѣ, и вотъ, въ безсонныя ночи, по неволѣ проводимыя въ постелѣ, предаваясь размышленіямъ объ излюбленномъ имъ военномъ дѣлѣ, Морицъ Саксонскій пишетъ знаменитыя *Rêveries*.

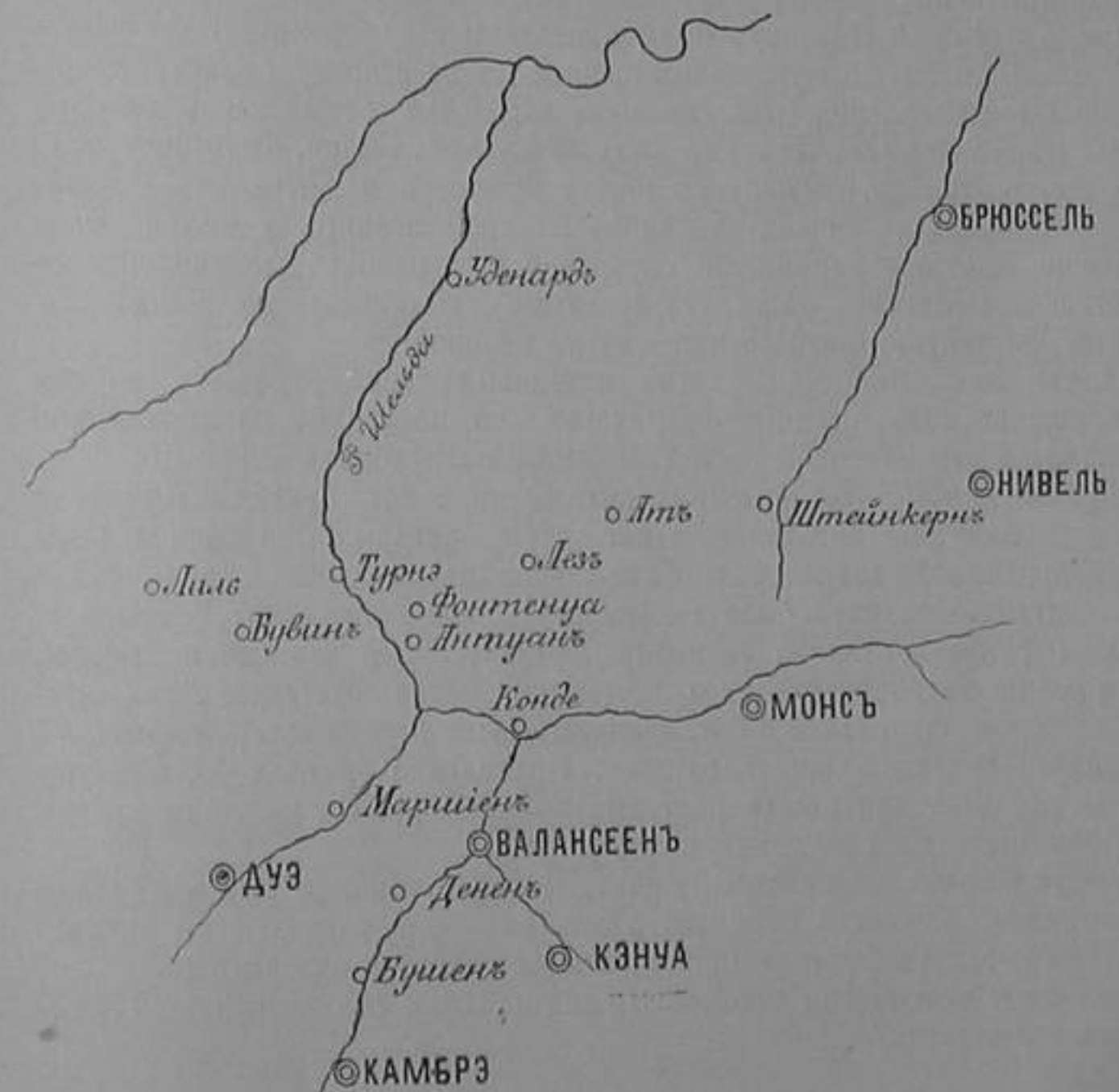
Въ 1733 году умираетъ отецъ Морица и королемъ Польши избирается сынъ Августа, что ведетъ къ войнѣ между Франціей, поддерживавшею Станислава Лещинскаго, и имперіею, поддерживавшею Фридриха-Августа Саксонскаго. Грудень былъ выборъ, представившійся Морицу Саксонскому. Долгъ крови, интересы въ Курляндіи звали его въ ряды саксонцевъ, но честь заставляла оставаться во Франціи, и потому, не смотря на предложеніе брата предводительствовать саксонскими войсками, онъ выступилъ въ походъ въ рядахъ французскихъ войскъ, подъ начальствомъ Бервика. Въ двухлѣтней кампаніи Морицъ, въ званіи генерала, показываетъ себя съ блестящей стороны. Но неспособные полководцы французскихъ войскъ ставили часто армию въ критическое положеніе.

Въ 1740 году начинается борьба за австрійское наслѣдство, въ которой принимаетъ участіе вся Европа. Французы въ союзѣ съ Пруссіею; въ то время, когда Фридрихъ II захватываетъ Силезію (1741 г.) Морицъ, начальникъ дивизіи, составленной почти все изъ кавалеріи, находится въ составѣ арміи, предводимой нерѣшительнымъ и честолюбивымъ

*) Французская академія желала предложить Морицу одно изъ своихъ креселъ; Морицъ, съ его умомъ и здравымъ смысломъ, былъ удивленъ болѣе чѣмъ кто нибудь другой такимъ предложеніемъ. Отклоняя отъ себя эту честь, говоритъ Роканкуръ, Морицъ своимъ автографомъ доказалъ, что такой академикъ не много могъ бы оказать услугъ французскому языку: «*Il s'en veut fere de la Cademie; cela m'iret come une bage à un chas*».

вымъ баварцемъ, будущимъ императоромъ Карломъ VII. Въ ноябрѣ 1741 года, не теряя времени на осаду, по плану Морица Саксонскаго штурмомъ овладѣваютъ крѣпостью Прагою.

Одинъ изъ участниковъ этой войны, Понятовскій, писалъ: «я никогда не видѣлъ другой арміи столь плохо предводимой; еслибы отъ насъ взяли графа Саксонскаго, который думаетъ за насъ всѣхъ, я не знаю что стало бы съ нами». Позорное отступленіе въ предѣлахъ Франціи заключило кампанію 1742 г. и только блестящіе удары Морица Саксонскаго могли сколько нибудь утѣшить самолюбіе Франціи. Французское общество, не смотря на религію Морица, требовало назначенія его маршаломъ. Въ 1743 году Морицъ отстаиваетъ Эльзасъ отъ англичанъ, а въ 1744 году представляетъ планъ высадки корпуса въ Англію съ цѣлью поднять дѣло Стюартовъ. Этотъ планъ сразу выдвигаетъ его среди товарищей, но буря разбила много кораблей; англійскій флотъ сѣшилъ на защиту; партія Стюартовъ не подавала голоса изъ Англіи. Планъ былъ оставленъ, новый врагъ угрожалъ Франціи и ставшій маршаломъ, протестантъ Морицъ Саксонскій, получилъ Мозельскую армию (апр. 1744). 1744 г. прошелъ въ борьбѣ на Мозелѣ, въ которой армія подъ начальствомъ Людовика XV и герцога Ноайля беретъ крѣпости въ то время, какъ Морицъ Саксонскій съ другой арміей обезпечиваетъ дѣйствія ея, преграждая пути войскамъ Англіи и Голландіи.

Начало 1745 года застаётъ всю Европу (Англія, Голландія, Австрія)

противъ Франціи. Морицъ Саксонскій уже назначенъ главнокомандующимъ, какъ заболѣваетъ водяной. Франція въ отчаяніи; но и въ бо-лѣзни Морицъ продолжаетъ работать и въ апрѣлѣ уже выступаетъ съ арміей къ Турнэ. Въ то время, какъ французы подѣ начальствомъ Людовика XV и Морица осаждали кр. Турнэ, союзники подѣ начальствомъ герцога Кумберлендскаго и фельдмаршала Кенигесека вознамѣрились ее освободить. Морицъ рѣшился, не снимая осады, двинуться имъ на встрѣчу. Для продолженія дѣйствій подѣ крѣпостью онъ отдѣлилъ 28 батал. и 17 эск. Такъ какъ союзники бивакировали въ Лезѣ, въ 12 верстахъ отъ Антуана, то 9-го мая обозы были переведены съ праваго берега Шельды на лѣвый, а большая часть кавалеріи перешла обратно, съ лѣваго берега на правый. Дурная погода въ этотъ день не позволила союзникамъ продолжать ихъ движеніе. Они наступали по дорогѣ изъ Монса, какъ то совершенно правильно и предполагалъ Морицъ Саксонскій.

Поле сраженія представляло равнину, шириною въ 2 версты и глубиною въ 3 версты, слегка повышавшуюся по направленію отъ фронта къ тылу. Равнина эта была ограничена справа Шельдой и съ фронта Везонскимъ ручьемъ и лѣсомъ Барри. Опорными пунктами могли служить: на правомъ флангѣ д. Антуанъ, въ центрѣ — д. Фонтенуа и на лѣвомъ флангѣ — два редута, построенные на правой опушкѣ лѣса Барри, въ разстояніи 450 шаговъ одинъ отъ другого. Въ инженерномъ отношеніи поле сраженія было подготовлено слѣдующимъ образомъ. Деревни Антуанъ и Фонтенуа были приведены въ оборонительное состояніе. Часть сел. Фонтенуа, находившаяся по ту сторону оврага, перерѣзывающаго это селеніе, была сожжена; деревья и живыя изгороди срублены. Кромѣ упомянутыхъ уже редутовъ у лѣса Барри, были построены еще три редута въ промежуткѣ между Фонтенуа и Антуаномъ. Опушка лѣса Барри была усилена засѣками. Въ тылу позиціи, у Калона, было устроено мостовое укрѣпленіе на случай отступленія. Для усиленія позиціи воспользовались даже углубленными тропинками по обѣимъ сторонамъ Фонтенуа, приспособивъ ихъ къ оборонѣ.

Такъ какъ 10-го мая утромъ передовыя части союзныхъ войскъ были уже въ виду позиціи французовъ, то послѣдніе, по приказанію маршала, построились въ боевой порядокъ слѣдующимъ образомъ:

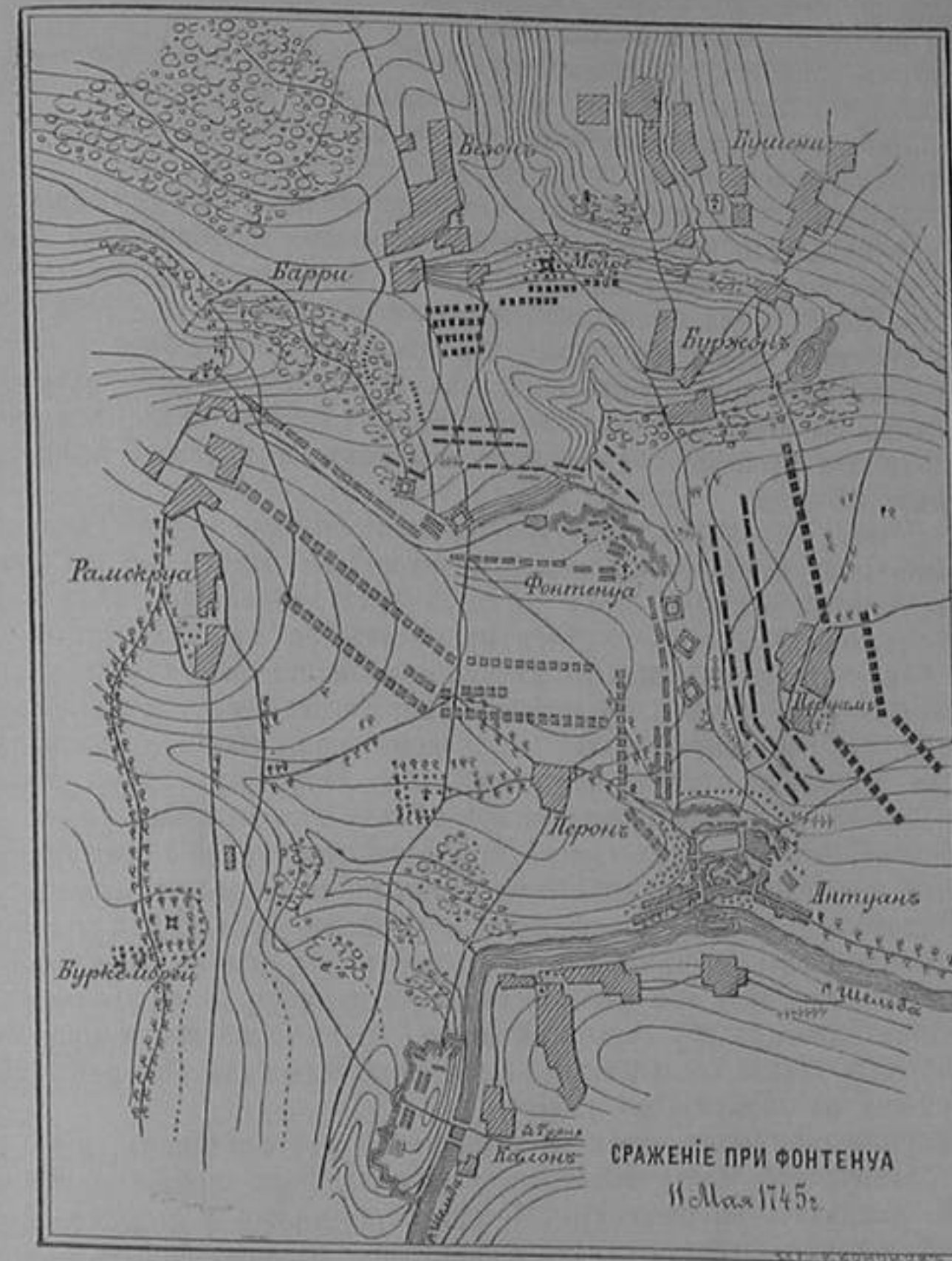
Первая линія.—Пьемонтская бригада съ 2 бат. бригады Криллона занимали Антуанъ; остальные 2 бат. этой бригады были расположены между послѣдней деревней и близлежащимъ оврагомъ. Далѣе стали 4 п. драгунъ. Фонтенуа было занято пѣхотными бригадами: Беттена, le Roi и Дофина; послѣдняя занимала Фонтенуа уже два дня и привела эту деревню въ оборонительное состояніе. Лѣвѣе Фонтенуа стала бригада Обтерра, еще лѣвѣе 6 бат. гвардіи, лѣвый флангъ которой доходилъ до праваго редута Баррійскаго лѣса. Ирландская бригада была расположена вдоль засѣки между редутами лѣса Барри. Въ каждомъ изъ послѣднихъ было по 1 бат. изъ полка д'Э. *)

Вторая линія.—Пѣхотныя бригады: Королевская и Короны стояли за бригадами Короля и Обтерра; лѣвѣе ихъ была расположена кавалерія, лѣвый флангъ которой приходился за таковымъ-же гвардіи.

Третья и четвертая линіи.—Эти линіи были образованы изъ 52 эскадроновъ кавалеріи.

*) Какъ были заняты три редута между Фонтенуа и Антуаномъ неизвѣстно.

Резервы.—Полкъ Royals—Vaisseaux сталъ за ирландцами; на его лѣвомъ флангѣ расположилась Нормандская бригада. Полкъ корсиканцевъ былъ поставленъ у наружной окраины лѣса Барри для обезпеченія подступовъ къ лѣвому редуту. Полки Френели и Ангума должны были стоять на лезскомъ шоссе: первый—при выходѣ изъ лѣса, а второй—въ затылокъ первому. Кавалерія Королевскаго дома, жандармы и караби-

неры расположились позади Ирландской бригады. Противъ центра стали бригады: Короля и Русильенъ; онѣ были скрыты покатою отъ взоровъ противника.

Сверхъ этого было назначено 7 бат. и 19 эск. для наблюденія пространства между лѣсомъ Брѣзъ и мостами черезъ Шельду, ниже Турнэ. Участокъ между лѣсомъ Брѣзъ и Шельдой, выше Турнэ, былъ наблюдаемъ гусарскимъ полкомъ; другой гусарскій полкъ былъ отряженъ къ Монъ-де-ла—Трините. Всѣ эти части въ сраженіи непосредственнаго участія не принимали.

Артиллерія въ числѣ до 100 орудій была расположена частями по всему фронту боеваго порядка и впереди 1-й линіи. Именно: по одной батарее *) было въ каждомъ изъ редутовъ Баррійскаго лѣса; одна батарея передъ фронтомъ бригады Обтерра, двѣ—по сторонамъ д. Фонтенуа, три—въ промежуткѣ между Фонтенуа и Антуаномъ и одна—на лѣскомъ шоссе. Кромѣ этого было поставлена батарея изъ шести 12 ф. пушекъ противъ Антуана на лѣвомъ берегу Шельды и нѣсколько орудій на высотахъ передъ д. Калонномъ.

Такимъ образомъ непосредственно въ бою должны были принять участіе около 60 бат. и 110 эск. Для продолженія дѣйствій подъ Турнэ было оставлено, подъ начальствомъ Брезе, 27 бат. 17 эск. и 1 батальонъ артиллеристовъ.

Около 2-хъ часовъ пополудни, 10-го мая, нѣсколько эскадроновъ голландской кавалеріи развернулись между Везономъ и дорогою изъ Конде въ Антуанъ, но они оставались въ одномъ и томъ-же положеніи весь день. Въ то-же время было замѣчено какое-то движеніе въ промежуткѣ между лѣсомъ Барри и Везономъ: это движеніе, замѣчаемое и ранѣе, совершенно основательно было объяснено присутствіемъ рабочихъ, работавшихъ пути для слѣдованія союзныхъ войскъ. Остальная часть дня 10-го мая прошелась въ легкихъ стычкахъ французской кавалеріи съ этимъ рабочими.

11-го мая, въ пятомъ часу утра, сраженіе началось четырьмя сигналами выстрѣлами со стороны союзниковъ. Въ отвѣтъ на это французскія батареи открыли огонь по голландской кавалеріи, развернувшейся еще наканунѣ. Огонь этотъ принудилъ ее къ отступленію, но этимъ она открыла на правомъ флангѣ союзниковъ гаубичную и пушечную батарею, которая продолжала дѣйствовать въ теченіи цѣлаго сраженія. Не сомнѣваясь болѣе въ общемъ наступленіи союзниковъ, маршалъ приказалъ всѣмъ батареямъ отъ Антуана до лѣса Барри открыть огонь по дебуширующимъ войскамъ. Батареи, дѣйствуя съ 5-ти часовъ утра, своимъ огнемъ сильно затрудняли наступленіе союзниковъ, такъ что англичане были принуждены выдвинуть въ голову своихъ колоннъ нѣсколько орудій, начавшихъ обстрѣливать правый изъ редутовъ Баррійскаго лѣса. Чтобы отвлечь этотъ огонь отъ редута, начальникъ артиллеріи выдвинулъ изъ резерва батарею, которая, взявъ противника во флангъ, наносила ему серьезный вредъ, но въ то же время привлекла и на себя весьма оживленный огонь неприятельскихъ батарей, дѣйствовавшихъ по упомянутому редуту.

Союзники наступали, имѣя на правомъ флангѣ англичанъ, а на лѣвомъ голландцевъ. Часть голландской пѣхоты, подъ прикрытіемъ кавалеріи, двинулась на Фонтенуа. Но она остановилась у сгорѣвшей части этой деревни, отбитая огнемъ французовъ, расположенныхъ въ уцѣлѣвшей части Фонтенуа; огонь этотъ принудилъ ее даже нѣсколько отступить. Другая колонна голландской пѣхоты наступала по дорогѣ изъ Конде на Антуанъ, прикрываясь живой изгородью, окаймлявшей ручей Везонъ. Лишь только она показалась, какъ тоже была остановлена огнемъ батарей, расположенныхъ впереди Антуана. Этимъ и ограничили дѣйствія голландцевъ противъ праваго фланга французской позиціи; послѣдній можно было считать обезпеченнымъ. Принцъ Вальдекъ, поддерживавшій эту атаку съ голландскою кавалеріею, былъ оттѣсненъ на

*) Число орудій въ батареяхъ неизвѣстно.

прежнее свое мѣсто огнемъ неприятельской артиллеріи и демонстраціями французской кавалеріи праваго крыла. Въ 10 ч. утра, видя безуспѣшность датчанъ противъ Фонтенуа, герцогъ Кумберлендскій выслалъ Ингольсби вправо и приказалъ ему овладѣть редутами у Баррійскаго лѣса. Ингольсби, войдя въ лѣсъ, встрѣтилъ тамъ часть легкихъ французскихъ войскъ и, предполагая что наткнулся на значительныя неприятельскія силы, возвратился къ герцогу Кумберлендскому съ просьбою дать ему артиллерію. Тогда герцогъ рѣшился пробиться между Фонтенуа и Баррійскимъ лѣсомъ, чтобы угрожать пути отступленія французовъ. Для этой атаки онъ собралъ три большія колонны (отъ 10 до 15 тыс. чел.) изъ англійской и ганноверской пѣхоты и сталъ наступать по дорогѣ изъ Монса. Правый флангъ колоннъ приходился противъ расположенія французской гвардіи, а лѣвый—противъ Фонтенуа; въ то же время, желая во что бы то ни стало обойти послѣднюю, правѣ этихъ трехъ колоннъ, въ промежутокъ между дорогою изъ Монса и лѣсомъ Барри, наступала четвертая колонна—кавалерійская. Эта кавалерійская масса векорѣ была принуждена къ отступленію огнемъ французскихъ батарей и показала снова лишь въ концѣ боя передъ общимъ отступленіемъ союзниковъ. Три пѣхотныя массы наступали подъ прикрытіемъ сильного огня своихъ мушкетеровъ. Огонь послѣднихъ принудилъ нѣкоторые французскіе батальоны осадить назадъ, а часть кавалеріи стала подъ защиту огня изъ редута. Получивъ нѣкоторую свободу въ наступленіи, союзная пѣхота построилась въ батальонныя каре и, продолжая наступленіе въ центрѣ, въ то же время стала охватывать какъ правый редутъ, такъ и деревню Фонтенуа. Такое излишнее удлиненіе союзниками фронта поставило ихъ въ довольно опасное положеніе. Замѣтивъ эту ошибку, маршалъ Саксонскій приказалъ войскамъ, стоящимъ около Фонтенуа привлечь на себя вниманіе неприятеля, а войскамъ, расположеннымъ лѣвѣе Фонтенуа, охватить правый флангъ противника, опираясь на одинъ изъ редутовъ лѣса Барри. Вслѣдствіе того, что охватъ этотъ обнаружился не сразу, огонь союзниковъ былъ направленъ главнымъ образомъ противъ Фонтенуа, гдѣ сильно разстроилъ французскія войска, но онъ не принесъ рѣшительнаго результата, ибо здѣсь были введены французами свѣжія части изъ резерва, а между тѣмъ противъ праваго фланга союзниковъ уже появился полкъ *Royals-Vaisseaux*, и огонь изъ редута уже началъ оказывать свое дѣйствіе. Тѣмъ не менѣе прошло еще около часа, въ теченіи котораго ни одна изъ сторонъ не имѣла рѣшительнаго перевѣса. Вообще съ 8 часовъ до 2 часовъ по-полудни бой имѣлъ нерѣшительный характеръ: нѣсколько разъ возобновляемая атака союзниковъ была отбита и Фонтенуа, ключъ позиціи, оставалось въ рукахъ французовъ.

Наконецъ маршалъ, истомленный неизвѣстностью, лично собираетъ поколебленные части пѣхоты и присоединяетъ ихъ къ Ирландской бригадѣ, которой совместно съ Нормандскою бригадою и полкомъ *Royals-Vaisseaux*, подъ общей командой Ловендала, приказываетъ ударить въ правый флангъ огромной неприятельской колонны. Французскія атакующія войска, построенныя въ колонны по-бригадно, бросились на неприятеля въ то время, какъ въ центрѣ, съ саблями на-голо, ударила на него кавалерія подъ начальствомъ герцога Ришелье (Королевскій домъ, жандармы и карабинеры). Ко времени этого рѣшительнаго удара, неуклюжая колонна союзниковъ была уже громима французскими орудіями, выдвинутыми изъ резерва и подготовившими своимъ огнемъ атаку пѣхоты и кавалеріи. Мысль такого употребленія резервныхъ орудій при-

писывают то маршалу, то герцогу Ришелье. Но один из документов франц. военного архива удостоверяет, что это было сделано по инициативе простого капитана из полка Турена, д'Иснара, который, имея в непосредственном распоряжении 4 орудия и еще 4 орудия, могшия быть быстро подвезенными, огнем этих 8 орудий взял неприятельскую колонну под анфиладный огонь и тем положил начало ее разстройству. Лишь только войска у Фонтенуа увидели атаку ирландцев и кавалерии, как они, в свою очередь, тоже двинулись в атаку и в одну минуту эта громадная колонна или каре была прорвана, опрокинута и обращена в бегство, оставив на поле сражения несколько орудий. Французы последовали за бегущими; но маршал Саксонский приказал прекратить преследование, в виду того, что голландцы оставались на своих прежних местах, а часть английской пехоты расположилась за забором д. Везонъ. Маршал приказал только полку Grassins направиться через лес Барри для затруднения отступления союзников. Эта кавалерия действительно заставила отступить союзную кавалерию, прикрывавшую их отступление. 12-го мая тот же полк, направленный за отступавшими, нашел значительное количество запасов, несколько пушек, покинутых союзниками, и 1200 раненых. В тот же день кавалерия, посланная къ Лезу, захватила до 3 т. пленных.

В сражении приняли участие: у союзников около 53 т., у французов около 40 т. Потери союзников доходили до 12—14 т. и 32 орудий; французы потеряли убитыми и ранеными 5161 чел., из них 389 офицеров.

Разматривая это сражение, слѣдуетъ замѣтить что пространство между Барри и Фонтенуа было несколько слабо укрѣплено; *) недостатокъ укрѣпленій легко пополнялся соответственнымъ расположениемъ за интерваломъ, для обороны его, достаточно сильнаго резерва; но это было довольно трудно осуществимо въ ту эпоху, когда войска не умѣли маневрировать на полѣ сраженія и были заключены въ деревянныя боевыя формы строя. Отсутствие резерва за редутомъ у Барри тоже представляло опасность, которая не обнаружилась практически только вследствие нерѣшительности Ингольсби; французы, обойденные съ фланга, могли быть отброшены къ Шельдѣ. Колонна англичинъ не знаменуетъ собою прогресса въ военномъ искусствѣ; это безобразное построение было принято совершенно случайно. Достаточно было несколько орудій и частныхъ атакъ, чтобы совершенно разстроить эту массу. Въ дѣйствіяхъ артиллеріи и кавалеріи Королевскаго военнаго дома видно значеніе, которое Морицъ придавалъ резерву. Преслѣдованія послѣ боя не было; на практикѣ, вопреки своимъ теоретически выраженнымъ мнѣніямъ, Морицъ слѣдовалъ предразсудку того времени, что отступающему «слѣдуетъ строить золотые мосты». Въмѣсто того чтобы доканать противника послѣ боя, французскій маршалъ обращается снова къ осаде Турна. Такимъ образомъ мы видимъ въ его дѣйствіяхъ отсутствие смѣлости и рѣшительности, т. е. черту характеристическую для всѣхъ почти операций эпохи современности смерти Тюрена.

Въ послѣдующіе два года войны Морицъ одерживаетъ еще двѣ побѣды: въ 1746 при Року и 1747 при Лауфельтѣ. Бездѣтельность и отсутствие преслѣдованія наводятъ даже на Морица подозрѣніе въ измѣнѣ интересамъ Франціи. Послѣ взятія Мострихта въ 1748 году

*) Это признаетъ самъ маршалъ.

начались переговоры, окончившіеся Ахенскимъ миромъ. Этимъ закончилась военная карьера Морица; послѣдніе годы своей жизни онъ занимался фантастическими проектами созданія Мадагаскарскаго королевства, основанія Израильскаго царства въ Америкѣ и т. п. Въ 1749 году онъ посѣтилъ Берлинъ, гдѣ былъ отлично принятъ Фридрихомъ Великимъ. «Я видѣлъ—писалъ король Вельтеру—героя Франціи, этого саксонца, этого Тюренна вѣка Людовика XV. Я поучался въ его рѣчахъ, конечно, не французскому языку, но военному искусству. Этотъ маршалъ могъ быть профессоромъ всѣхъ генераловъ Европы». 30 ноября 1750 г. Морицъ скончался.

Ознакомившись съ жизнью и дѣяніями маршала Саксонскаго, обратимся къ его сочиненію «Мечтанія» (Mes rêveres) *).

Во вступленіи онъ говоритъ, что: «до сихъ поръ военное дѣло есть наука, покрытая мракомъ, во мглѣ котораго не возможно слѣдовать увѣреннымъ шагомъ; рутина и предразсудки—естественное наслѣдіе незнанія—составляютъ основаніе этого искусства». Онъ замѣчаетъ, что, конечно, великіе люди за долго до него понимали основы военнаго дѣла, но не разъяснили ихъ и оставили потомству только образцы своихъ дѣйствій, которымъ и слѣдовали по рутинѣ. Морицъ вспоминаетъ и своего учителя Фолара, одобряетъ его попытки выйти изъ рутины, освободиться отъ предразсудковъ, но полагаетъ, что Фоларъ зашелъ слишкомъ далеко, часто заранѣе опредѣляетъ успѣхъ, «не взирая на то, что успѣхъ вообще зависитъ отъ безконечнаго числа случаевъ, предвидѣть которые человѣческое благоразуміе не въ силахъ». Другой упрекъ Фолару заключается въ томъ, что онъ всегда предполагаетъ людей одинаково храбрыми, не обращалъ вниманія на то, что это качество войскъ въ высшей степени *переменчиво*. Въ доказательство онъ приводитъ Фридрингенъ. Французская пѣхота побѣдоносно отразила имперцевъ и преслѣдовала ихъ черезъ лесъ и долину, какъ вдругъ послышался крикъ «насъ отрѣзали». Вдали показались два эскадрона, можетъ быть даже французскихъ, и вдругъ вся побѣдоносная пѣхота повернула назадъ и побѣжала въ беспорядкѣ. «И подобныхъ примѣровъ—говоритъ Морицъ—можно найти множество у всѣхъ народовъ, что достаточно свидѣтельствуетъ о *переменчивости человѣческаго сердца*». Такимъ образомъ, со времени возрожденія военнаго искусства, Морицъ Саксонскій первый поднялъ вопросъ о значеніи *человѣческаго сердца*, т. е. *нравственнаго элемента* на войнѣ. Разсказываютъ, что въ ранней своей молодости графъ Саксонскій пристрастился къ сочиненію платоника Онисандра **), до такой степени, что носилъ его всегда въ карманѣ. Особенность этого писателя заключается въ философскомъ наблюденіи *человѣческаго сердца* по отношенію къ военному искусству. Идеи маршала Саксонскаго по этому вопросу лучше всего можно выяснитъ выдержками изъ его сочиненія. Такъ онъ говоритъ: «допустимъ, что колонна атакуетъ укрѣпленіе и что голова ея находится уже у края рва; если въ это время въ сотнѣ шаговъ появится горсть людей, то безъ сомнѣнія голова колонны приостановится. Почему? *Это человѣческое сердце*». Относительно переправы черезъ рѣки Морицъ замѣчаетъ: «Не такъ легко какъ полагаютъ помѣшать противнику переправиться черезъ рѣку, и это онъ можетъ исполнить удобнѣе

*) Появились въ печати въ 1757 году, семь лѣтъ спустя послѣ смерти маршала.

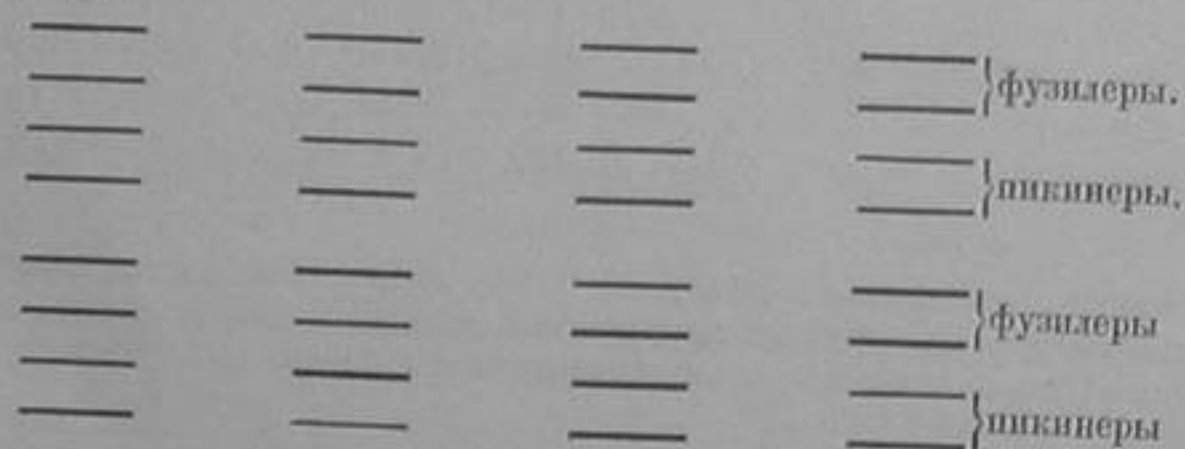
***) Имѣется русскій переводъ параллельно съ греческимъ текстомъ, подъ заглавіемъ: «Онисандра наставленіе военачальникамъ» перев. съ греческаго барона Федора Стурта. С.-Петербургъ 1828 г.

атакуя васъ нежеланно отступая передъ вами. Въ одномъ изъ этихъ случаевъ онъ показываетъ вамъ свою голову и поддерживаетъ ее сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ; а въ другомъ онъ показываетъ свой хвостъ, отступление котораго весьма трудно, тѣмъ болѣе, что все торопится и что подобныя распоряженія никогда не дѣлаются столь тщательно, какъ при атакѣ; при отступленіи все ощущаютъ какую то робость, а это приводитъ къ тому, что вы уже на половину разбиты. Трудно найти этому причину и надо искать ее въ *человѣческомъ сердцѣ*. Эти выписки даютъ руководящую нить для изученія сочиненія маршала Саксонскаго и подлежащей оцѣнки всѣхъ его предложеній и усовершенствованій въ военномъ дѣлѣ.

Придавая такое важное значеніе нравственному элементу войскъ, Морицъ Саксонскій съ негодованіемъ говоритъ о составѣ армій своего времени. «Какое зрѣлище — замѣчаетъ онъ — представляютъ намъ нынѣ націи. Мы видимъ богатыхъ, праздныхъ и сластолюбивыхъ людей, которые достигаютъ счастья на счетъ толпы лстящей ихъ страстямъ, и счастье это можетъ существовать только поддерживаемое новыми наслажденіями. Подобное собраніе людей угнетающихъ и угнетенныхъ составляетъ то, что называютъ обществомъ, и это общество собираетъ все что есть наиболѣе сквернаго, наиболѣе презрѣннаго и создаетъ изъ него солдатъ. Не съ такими правами и не такими руками римляне завоевали вселенную!»

Обратимся теперь къ построеніямъ, предположеннымъ Морицомъ.

Въ его время баталіонъ состоялъ изъ 600—800 человѣкъ и строился въ четыре шеренги, въ 150—200 рядовъ; во время кампаніи, при убыли людей, для означеннаго числа рядовъ баталіоны перестроивались въ 3 шеренги. Гренадерская рота помѣщалась на правомъ флангѣ, а *отборный пикетъ* на лѣвомъ. Баталіонъ дѣлился на 16 частей или отдѣленій. Морицъ порицаетъ этотъ строй, какъ слишкомъ длинный и находить его весьма неудобнымъ для движеній. Подобно другимъ авторамъ, изучавшимъ древнихъ, онъ предлагаетъ послѣдовать примѣру римлянъ и взять за образецъ легіонъ. Послѣдній у него состоитъ изъ 4 полковъ, каждый въ 4 баталіона (центуріи), полубаталіона легкой пѣхоты, полубаталіона (эскадронъ) кавалеріи, 2 орудій и 2 понтоновъ. Центуріи, численностью, съ офицерами, въ 184 человѣка, дѣлились на 10 ротъ (по 16 чел.). Сила всего легіона простиралась до 3582 чел. (въ томъ числѣ 280 чел. кавалеріи и 280 легкой пѣхоты). Центуріи строятся въ 4 шеренги, вооруженныя ружьями, но обѣ послѣднія шеренги носятъ ихъ на ремнѣ черезъ плечо и кромѣ того имѣютъ еще небольшія пики (пикеты) или партизаны въ 13 ф. длины. Центуріи отдѣлялись одна отъ другой интервалами ровными протяженію фронта или большими. Это давало возможность охватить равносильнаго противника, построеннаго въ сплошную линію изъ 4-хъ шеренгъ; для атаки двѣ линіи легіона смыкались и образовали строй въ 8 шеренгъ; противъ кавалеріи они могли перестроиться въ сплошную линію. Легкая пѣхота играла роль древнихъ велитовъ.

При построеніи легіона легкая пѣхота располагается впереди и строится по своему усмотрѣнію, затѣмъ—2 линіи центурій и, наконецъ, позади полкъ кавалеріи. Въ видахъ нравственной связи люди въ кавалерію и легкую пѣхоту выбираются изъ того же легіона.

Для вооруженія пѣхоты онъ предлагаетъ легкое ружье со штыкомъ, вложеннымъ въ дуло, въ родѣ шпаги. Морицъ рекомендуетъ также щиты. Тутъ-же онъ проводитъ мысль о необходимости *кадровъ*, неодобрительно отзываясь о новыхъ полкахъ. Старыхъ кавалеристовъ и старыхъ лошадей онъ считаетъ наилучшими, а относительно пѣхоты замѣчаетъ: «были-бы только головы (т. е. кадры), а хвосты пусть приставляютъ сколько угодно». Онъ не упускаетъ случая, чтобы возстать противъ увлеченія въ его время огнестрѣльнымъ оружіемъ, противъ пристрастія къ стрѣльбѣ, которую онъ называетъ трескотней (*la tirerie*).

Одной изъ плодотворнѣйшихъ и важнѣйшихъ его идей было требованіе *мѣрнаго шага*. Мѣрный шагъ Морица Саксонскаго былъ тотъ же самый, который принятъ и въ настоящее время во всѣхъ европейскихъ арміяхъ; онъ заключалъ въ себѣ три условія однообразія или равенства: *мѣры, быстроты и движенія*. Подобный шагъ былъ извѣстенъ и древнимъ, хотя значительныя дистанціи между шеренгами не дѣлали его тогда обязательнымъ. Шагъ этотъ исчезъ въ средніе вѣка. Впослѣдствіи, когда музыка была снова введена для облегченія движеній въ войска, принятъ былъ шагъ, заключавшій въ себѣ условія ровной *мѣры* и *скорости*; что-же касается движенія въ ногу, то необходимость его еще была заявлена въ 1675 г. Ла-Фонтеномъ, который требовалъ чтобы движеніе началось съ лѣвой ноги. Но только благодаря Морицу шагъ этотъ былъ принятъ. «Невозможно—говоритъ онъ—вести баталіонъ, построенный только въ 4 шеренги, въ атаку, чтобы не произошло того, о чемъ я упомянулъ (колебанія, разрывъ фронта); если только не двигаются муравьинымъ шагомъ, то подойдуть къ противнику съ разомкнутыми шеренгами: какой громадный недостатокъ! Это источникъ трескотни (*tirerie*), ибо, чтобы атаковать иначе, надо идти быстро и въ совокупности, а это (имѣя 18 дюймовъ пространства на солдата) возможно только при движеніи *съ тактѣмъ*». «Невозможно, прибавляетъ онъ, чтобы римляне и македоняне ходили не въ тактъ или не мѣрнымъ шагомъ, потому что они располагались въ глубокомъ и сомкнутомъ строѣ. Все говорили объ этомъ строѣ, но никто, мнѣ кажется, не проникъ въ его тайну». Отсюда видно между прочимъ, что пѣкоторые исключительные приверженцы тонкаго строя напрасно ссылались на маршала, какъ на авторитетъ благопріятствующій ихъ мнѣніямъ. Онъ находилъ колонну Фолара тяжелой и малонадежной, но при этомъ онъ имѣлъ въ виду неумѣнье войскъ ходить въ ногу и указывалъ на мѣрный шагъ, какъ на единственное средство, могущее придать *колоннѣ* быстроту и правильность въ дѣйствіяхъ.

Не упуская изъ виду ничего, что можетъ вліять на психическую и нравственную сторону человѣка, Морицъ затрогиваетъ вопросъ и о военной музыкѣ. Обычай игры музыки во время движенія войскъ долженъ былъ исчезнуть въ средневѣковыхъ арміяхъ, когда только кавалерія составляла ихъ силу и славу. Презираемая рыцарствомъ пѣхота обыкновенно бѣжала за кавалеріей какъ могла, а при этомъ музыка, какъ регуляторъ движенія, была бесполезна, и въ войскахъ оставались въ употребленіи лишь сигналы для сбора и т. п. Фоларъ рассказываетъ, что швейцарцы употребляли охотничьи рога для указанія эволюцій и рекомендуетъ это средство; но требованія Морица шли дальше и онъ

желалъ правильныхъ маршей. Въ доказательство разумности своихъ требований онъ привелъ примѣръ 16 мужчинъ или женщинъ одинаковой силы, изъ которыхъ 8 протанцовали часть ночи безъ музыки, а 8 съ музыкой; первые обезсилены уже въ то время, когда послѣдніе сохраняютъ еще бодрость и силу. Онъ напоминаетъ также, что Лизандръ, съ 3 т. лакедемонцевъ, разрушилъ Пирейскій мостъ подъ звуки флейты въ теченіе 6-ти часовъ и т. п.

Морицъ Саксонскій коснулся и *обмундированія* и первый совѣтовалъ принять чистоплотный, здоровый и удобный обычай стричь волосы. Въ этихъ вопросахъ нынѣ повторяются только идеи маршала и признается наконецъ, что опредѣленіе всѣхъ подробностей обмундированія принадлежитъ опыту боевыхъ людей и знаніямъ врачей, а не должно подчиняться капризамъ моды, искусству живописцевъ и декораторовъ, какъ это часто бывало.

Какъ *кавалерійскій* генералъ Морицъ обращаетъ въ своемъ сочиненіи вниманіе на этотъ родъ оружія. Изъ его предложеній упомянемъ о *капюшѣ*, вмѣсто мундштука. Съ принятіемъ его лошадь могла-бы пасть въ всякое время и не было-бы надобности, какъ теперь, разнуздывать ее для этого. На аванпостахъ опасеніе появленія и дѣйствій противника не могло бы заставить держать, въ теченіи продолжительнаго времени, взнузданными и голодными этихъ животныхъ, которыя нуждаются въ частомъ кормѣ и падаютъ быстро отъ истощенія или отъ излишества послѣ воздержанія.

Относительно *обученія* кавалеріи онъ рекомендуетъ втягиваніе въ работу посредствомъ дальнихъ экспедицій; требуетъ обученія движенію галопомъ и карьеромъ на значительныя разстоянія. Кавалерія для боя должна, по его мнѣнію, быть 2-хъ родовъ: тяжелая и драгуны; первая— для боя въ совокупности; вооруженіе ея: пикв, шпаги и карабины. На 40—50-тысячную армію такой кавалеріи должно быть 5 т.; драгунъ— вдвое болѣе. Послѣдніе, вооруженные ружьемъ, должны знать пѣхотную службу въ совершенствѣ. Морицъ требуетъ для кавалеріи предохранительнаго оружія и полагаетъ, что оно выведено изъ употребленія вслѣдствіе упадка дисциплины и отъ разившейся изнѣженности. Онъ думаетъ, что кавалерія, такимъ образомъ вооруженная, заставитъ непріятельскую прибѣгнуть къ огнестрѣльному бою, т. е. къ медленности и самому дурному способу дѣйствій; при этомъ онъ упускаетъ изъ виду, что, обременивъ свою кавалерію предохранительнымъ вооруженіемъ, онъ самъ уменьшаетъ ее подвижность.

При атакахъ кавалеріи онъ требуетъ сохраненія ею *смысленности*. «Эскадронъ, который не можетъ атаковать на 2 т. шаговъ не разрываясь, не годится для войны». Морицъ былъ противникомъ большихъ армій; онъ говоритъ, что не желалъ бы арміи, составленной иначе какъ изъ 10 легіоновъ, 8 полковъ кавалеріи и 16 драгунскихъ, всего 46 т. человекъ. Съ подобною арміею можно остановить, по его мнѣнію, 100 т. человекъ. Большія арміи тяжелы: то что онѣ выигрываютъ въ числѣ, теряютъ въ маневрированіи, въ отсутствіи единства управленія, въ затрудненіяхъ по продовольствію и т. п. Онъ не отрицаетъ необходимости имѣть *резервы*, но собственно боевая часть войскъ не должна превосходить указанной цифры.

По примѣру большей части военныхъ писателей маршалъ Саксонскій представляетъ *планъ войны*, избравъ театромъ дѣйствій Польшу; причѣмъ предполагаетъ не легкое вторженіе, но прочное завоеваніе. Другіе писатели въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно ограничивались

болѣе или менѣе подробными топографическими данными, изложеніемъ стратегическихъ взглядовъ и положеній; не упуская изъ виду всѣхъ этихъ вопросовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, по свойству своего генія, Морицъ касается также нравовъ, обычаевъ народа, общественнаго управленія, характера націи и т. п., т. е. сторонъ, имѣющихъ весьма значительное вліяніе на исходъ военныхъ операцій. Говоря тамъ же объ укрѣпленіяхъ, онъ совѣтуетъ строить ихъ изъ земли и дерева и располагаетъ таковыя вблизи и, въ особенности, при слияніи рѣкъ.

Не касаясь многихъ другихъ вопросовъ, затронутыхъ геніальнымъ авторомъ, мы упомянемъ о качествахъ, которыхъ онъ требуетъ отъ полководца. Первымъ изъ нихъ онъ считаетъ *храбрость*, безъ которой всѣ прочія ничего не стоятъ, будучи уже бесполезными; второе—*умъ*; полководецъ долженъ быть смѣль и плодовитъ (находчивъ) въ средствахъ; третье—*здоровье*. Слѣдующими словами Морицъ очерчиваетъ портретъ главнокомандующаго въ день сраженія: «Въ день сраженія главнокомандующій не долженъ ничего дѣлать; онъ тогда все лучше увидитъ, сохранить свободу въ сужденіяхъ и лучше воспользуется обстоятельствами, и когда онъ увидитъ свою возлюбленную (т. е. представляющуюся случай), то долженъ вонзить шпоры лошади, понестись къ опасному пункту, взять первыя попавшіяся войска, двинуть ихъ быстро впередъ и принести себя въ жертву. Этимъ то выигрываютъ и рѣшаютъ сраженія... Я не говорю ни гдѣ, ни какъ это должно произойти, ибо все зависитъ отъ разнообразныхъ условій мѣстности, позиціи, поля сраженія... Затѣмъ онъ говоритъ о томъ, что болѣею частью дѣлается на практикѣ: «Многіе главнокомандующіе занимались въ день боя только тѣмъ, что направляли движенія войскъ, наблюдали за сохраненіемъ дистанцій, отвѣчали на вопросы, дѣлаемые адъютантами, разсылали ихъ повсюду и бросались сами безпрестанно взадъ и впередъ, наконецъ, желали дѣлать сами все, вслѣдствіе чего не дѣлали ничего! Я смотрю на нихъ, какъ на людей, у которыхъ кружится голова и которые ничего не видятъ, которые умѣютъ дѣлать лишь то, что они дѣлали всю жизнь, т. е. методически водить войска. Отчего это происходитъ? Оттого, что мало людей занимаются высшею частью войны, что офицеры проводятъ жизнь въ обученіи войскъ и думаютъ, что военное искусство только въ этомъ и заключается; когда они достигаютъ командованія арміями, имъ это дѣло кажется совершенно новымъ и, *при неумѣнн дѣлать то что слѣдуетъ, они дѣлаютъ то что знаютъ*». Далѣе Морицъ Саксонскій высказываетъ свой взглядъ на веденіе войны, взглядъ для эпохи послѣ Наполеона, конечно, несообразный, но вполне понятный во время Морица и столь отвѣчавшій дѣйствіямъ его самого.

«Я вовсе не сторонникъ рѣшительныхъ сраженій, въ особенности въ началѣ кампаніи, и я убѣжденъ, что разумный полководецъ можетъ всю жизнь вести ее и не быть принужденнымъ къ сраженіямъ... Необходимо давать частные бои и, такъ сказать, разрушать непріятеля по немножку, послѣ чего онъ принужденъ будетъ скрыться. Этимъ я не хочу сказать, что если-бы представился случай раздавить противника, то чтобы и тогда не атаковать его и чтобы не пользоваться его ошибками, но я хочу только замѣтить, что можно вести войну ничего не предоставляя случаю, что и составляетъ высшую способность полководца». Чтобы понять послѣднее, вспомнимъ, что авторъ видитъ въ храбрости войскъ— этой рѣшительницѣ боевъ— качество случайное, измѣнчивое. Далѣе авторъ высказываетъ положеніе, которому онъ какъ полководецъ никогда не слѣдовалъ; а именно о необходимости умѣть извлекать всю

пользу изъ победы и въ особенности не довольствоваться выиграннымъ полемъ сраженія, какъ это было въ обычаѣ. «Обыкновенно слѣдуютъ пословицѣ, гласящей, что необходимо устраивать золотой мостъ неприятелю; но это ложно, а наоборотъ—слѣдуетъ его тѣснить и гнать съ блага свѣта... При этомъ 10,000 человекъ уничтожить 100,000 армію, которая бѣжитъ».

Мы познакомились съ Морицемъ Саксонскимъ какъ съ человекомъ, воинномъ, полководцемъ и, наконецъ, какъ съ авторомъ трактата по военному искусству.

Авантюризмъ въ жизни, на войнѣ онъ являлся выдающимся генераломъ, но только въ роли начальника *второстепеннаго*. Какъ полководецъ, и въ особенности въ высшей творческой части военного искусства, онъ не вышелъ изъ ряда генераловъ его эпохи и не переступилъ предѣловъ обычая войны своего времени: медленное веденіе кампаніи, страсть къ безконечнымъ и безчисленнымъ операціямъ у крѣпостей, нежеланіе въ рѣшительномъ бою исказить конца войны, отсутствіе преслѣдованія послѣ победы—вотъ характерныя черты его дѣйствій. Наполеонъ былъ того мнѣнія, что Морицъ какъ главнокомандующій былъ «un homme de peu d'esprit»—приговоръ можетъ быть слишкомъ суровый. Собственно въ тактическомъ отношеніи сраженіе при Фонтенуа показываетъ нѣсколько свѣжихъ мыслей у маршала. Но если Морицъ въ дѣлѣ войны старый человекъ, то въ теоретическомъ трактатѣ во многихъ отношеніяхъ явился новымъ. Онъ первый по возрожденіи военного искусства высказалъ рядъ мыслей и соображеній, предупредившихъ революціонную эпоху и дѣятельность Наполеона: принципъ общей повинности^{*}, кадры, возможная быстрота дѣйствій, безцѣльность тѣгетіе и важное значеніе штыка, доведеніе преслѣдованія до уничтоженія противника, значеніе колоннъ и введеніе мѣрнаго шага, требованіе выносливой, сомкнуто атакующей карьеромъ, а не занимающей стрѣльбою кавалеріи и проч. Наконецъ его заслуга и въ томъ, что онъ обратилъ вниманіе на рѣшительное значеніе *нравственнаго элемента*... Правда также, что и въ сочиненіи своемъ Морицъ не во всемъ вывободился изъ рутины своего вѣка (какъ напримѣръ, въ вопросѣ перемѣшиванія въ боевомъ порядкѣ различныхъ родовъ оружія). Замѣтимъ, кстати, что форма изложенія «Мечтаній» поражаетъ отрывочностью и безсвязностью въ содержаніи главъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

- (¹) *Rousset*: «Histoire de Louvois», t. III, p. 5.
 (²) *Dussieux*: «L'armée en France», Paris 1884, 2, p. 176.
 (³) *De la Barre Duparcq*: «Éléments d'art et d'histoire militaires», Paris 1858, p. 6.
 (⁴) *Chassignet*: «Essai historique sur les institutions militaires», Paris 1869, p. 307.
 (⁵) См. весьма основательный трудъ: «Histoire des milices provinciales (1688—1791)», par *Jacques Gebelin*, Paris 1882.
 (⁶) *De la Barre Duparcq*: «Histoire de l'art de la guerre», Paris 1864, par. II, p. 189—190.
 (⁷) *Corrion Nizas*, II, 68—70; *Рюстоль*: «Исторія пѣхоты», II, 113—119.
 (⁸) *Berneck*: «Geschichte der Kriegskunst», Berlin 1867, 154.
 (⁹) *Ibid.* 155.
 (¹⁰) *Meynert*: «Geschichte des Kriegswesens und der Heerverfassungen in Europa», Wien 1869, III; *De la Barre Duparcq*: «Études historiques et militaires sur la Prusse», Paris-Berlin 1854, t. I, pp. 179—185; *De la Chauvelays*: «De l'origine des armées permanents en Europe», Paris 1885, p. 60.
 (¹¹) *Meynert*, III.
 (¹²) *Renard*: «Notice historique sur l'organisation militaire de la Suède», Paris 1858.
 (¹³) *Berneck*, 161—162.
 (¹⁴) *Berneck*, 159.
 (¹⁵) *Лобко*: «Записки по военной администраціи для офицеровъ Николаевской академіи генеральнаго штаба», 109—111.
 (¹⁶) *Соловьевъ*: «Исторія Россіи», т. 13, стр. 80.
 (¹⁷) *Блляевъ*: «О русскомъ войскѣ», 15—16.
 (¹⁸) *Соловьевъ*: «Исторія Россіи», т. 13, стр. 79.
 (¹⁹) *Лобко*, 111—113.
 (²⁰) *Соловьевъ*, т. 13, стр. 82.
 (²¹) «Никоновская лѣтопись», 1444.
 (²²) *Блляевъ*: «О русскомъ войскѣ въ царствованіе Михаила Федоровича и послѣ него, до преобразованія, сдѣланныхъ Петромъ Великимъ», Москва 1816 г., стр. 45—47.
 (²³) *Карновъ*: «Военно-историческій обзоръ Сѣверной войны», С.-Петербургъ 1851 г., стр. 7.

* Осуществленный, впрочемъ, у насъ еще ранѣе Петромъ Великимъ.

- (²⁴) *Бяляевъ*: «О русскомъ войскѣ», 17—20.
 (²⁵) *Ibid.*, 69—70.
 (²⁶) *Ibid.*, 24—30.
 (²⁷) *Устряловъ*: «Исторія царствованія Петра Великаго», С.-Петербургъ 1858 г., т. I, стр. 179—180.
 (²⁸) *Котошихинъ*: «О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича», изд. 3-е, С.-Петербургъ 1859 г., стр. 110; *Карцовъ*: «Военно-историческій обзоръ Сѣверной войны», стр. II.
 (²⁹) *Бяляевъ*: «О русскомъ войскѣ», 30—31; *Котошихинъ*, 8—9.
 (³⁰) *Устряловъ*: «Исторія царствованія Петра Великаго», т. I, стр. 184—185.
 (³¹) *Бяляевъ*, 33—34.
 (³²) *Устряловъ*, т. I, 185.
 (³³) *Бяляевъ*, 35.
 (³⁴) *Бяляевъ*, 57—62; *Котошихинъ*, 109—110; *Соловьевъ*, т. 13, стр. 87.
 (³⁵) *Карцовъ*, 12.
 (³⁶) *Устряловъ*, т. I, 188.
 (³⁷) *Лобко*, 115—116.
 (³⁸) *А. Труворовъ*: «О времени учрежденія Преображенскаго и Семеновскаго полковъ», «Историческій Вѣстникъ» 1887 г., № 11. Авторъ основываетъ свои выводы на «Розмыслихъ дѣлахъ о Шакловитомъ и его сообщникахъ» и впервые достоверно устанавливаетъ годъ основанія упомянутыхъ полковъ.
 (³⁹) *Устряловъ*, т. II, стр. 262.
 (⁴⁰) *Лобко*, 116.
 (⁴¹) *Лобко*, 116—117.
 (⁴²) *Ibid.*, 116—125.
 (⁴³) «Архивъ юго-западной Россіи», т. I, ч. III. Вступительная статья *В. Антоновича*. *Хорошкинъ*: «Казачьи войска», С.-Петербургъ 1881 г., стр. 1—22.
 (⁴⁴) *Laurent-Chirlonchon*: «Historique du service subsistances militaires en France», Paris 1875, p. 5—6.
 (⁴⁵) См.: 1) «Histoire législative du corps de l'intendance militaire», par *Laurent-Chirlonchon*, Alger 1868, pp. 32—35, 38, 48, 59—61, 113, 146—150; 2) *Chassignet*: «Essai historique sur les institutions militaires», Paris 1869, pp. 304—305; 3) *Thomas*: «Les transformations de l'armée française», Paris 1887, t. II, p. 78; 4) *Carrion Nizas*, II, p. 32.
 (⁴⁶) *Рихтиофенъ*: «Военное хозяйство въ военномъ, политическомъ и экономическомъ отношеніяхъ», перев. Затлера, С.-Петербургъ 1866 г., ч. I, стр. 383.
 (⁴⁷) *Kirn*: «L'alimentation du soldat», Paris 1885, p. 9—10.
 (⁴⁸) *La Barre Duparcq*: «Histoire», p. 199.
 (⁴⁹) *Rocquancourt*: «Cours élémentaire d'art et d'histoire militaires», Bruxelles 1838, t. II, p. 52 и слѣд.; *Chassignet*, 332—333; *Quarré de Verneuil*, 187—188.
 (⁵⁰) *Rocquancourt*, II, 59.
 (⁵¹) *Dussieux*: «L'armée en France», Paris 1884, t. II, p. 66.
 (⁵²) *Rocquancourt*, 60.
 (⁵³) *Quarré de Verneuil*: «L'armée en France depuis Charles VII jusqu'à la révolution», Paris 1880, p. 179—180; *Chassignet*, 335.
 (⁵⁴) *Рихтиофенъ*, ч. I, стр. 270—295.
 (⁵⁵) *Бяляевъ*, 32—35, 49—52, 62.
 (⁵⁶) *Котошихинъ*, 113.
 (⁵⁷) *Ibid.*, 112—113.
 (⁵⁸) *Бяляевъ*, 94—99, 100—101, 117—118.
 (⁵⁹) *Гудимъ-Левковичъ*: «Историческое развитіе вооруженныхъ силъ въ Россіи до 1708 г.», С.-Петербургъ 1875 г., стр. 88.

- (⁶⁰) *Затлеръ*: «Записки о продовольствіи войскъ въ военное время», С.-Петербургъ 1860 г., ч. II, стр. 39—41.
 (⁶¹) *Бобровскій*: «Петръ Великій, какъ законодатель», «Военный Сборникъ» 1887 г., № 6.
 (⁶²) *Ibid.*
 (⁶³) *Рюстовъ*: «Исторія пѣхоты», т. 2, стр. 123—124; *Berneck*, 133—154; *Quarré de Verneuil*, 179—180; *Chassignet*, 335.
 (⁶⁴) *Laurent-Chirlonchon*: «Historique du service des hopitaux militaires en France», Paris 1876, p. 5—12; *Dussieux*, t. 2, p. 68.
 (⁶⁵) *Carrion Nizas*: «Essai sur l'histoire générale de l'art militaire», Paris 1824, II, p. 161.
 (⁶⁶) *La Barre Duparcq*: *Élém.*, p. 26.
 (⁶⁷) *Quarré de Verneuil*: «L'armée en France», p. 169—170.
 (⁶⁸) *Rocquancourt*, I, 214.
 (⁶⁹) *Ibid.*, 217.
 (⁷⁰) *La Barre Duparcq*, *Élém.*, p. 7—10.
 (⁷¹) *La Barre Duparcq*, *Hist.*, II, 250; *Rocquancourt*, I, p. 232.
 (⁷²) *Carrion Nizas*, II, 164; *La Barre Duparcq*, *Élém.*, 110.
 (⁷³) *Кн. Голицынъ*: «Очеркъ исторіи генеральнаго штаба въ Западной Европѣ и въ Россіи», С.-Петербургъ 1851 г., ч. I, стр. 69—102.
 (⁷⁴) *Бяляевъ*, стр. 73 и слѣд.
 (⁷⁵) *Ibid.*, стр. 105 и пр.; *Гудимъ-Левковичъ*, стр. 34—36.
 (⁷⁶) См. прекрасную статью *Г. Глиноецкаго* въ «Военномъ Сборникѣ» 1887 г., № 4: «Историческій очеркъ развитія офицерскихъ чиновъ и системы чиновпроизводства въ русской арміи».
 (⁷⁷) *Rocquancourt*, t. 2, p. 38.
 (⁷⁸) *Chassignet*, 339—340.
 (⁷⁹) *Роземеймъ*: «Очеркъ исторіи военно-судебныхъ учреждений въ Россіи до кончины Петра Великаго», С.-Петербургъ 1871 г., гл. 1—2.
 (⁸⁰) *Бобровскій*: «Петръ Великій, какъ законодатель», «Военный Сборникъ» 1887 г., № 5.
 (⁸¹) *Бобровскій*: «Переходъ Россіи къ регулярной арміи». С.-Петербургъ 1885 г., стр. 185—206. Г-ну Бобровскому принадлежитъ честь основательнаго выясненія источниковъ русскаго военнаго права.
 (⁸²) *Роземеймъ*, гл. III—V.
 (⁸³) *La Barre Duparcq*, *Élém.*, p. 23—25.
 (⁸⁴) *Le Capitaine I*: «L'école militaire avant la révolution», Paris 1880, p. 5—10; *Quarré de Verneuil*, p. 182—184; *Chassignet*, 346, 361—362.
 (⁸⁵) «Военно-энциклопедическій словарь», С.-Петербургъ 1854 г., т. 5, слово «знаки отличій».
 (⁸⁶) *Berneck*, 155, 157; *Рюстовъ*, 2, 150.
 (⁸⁷) *La Barre Duparcq*, *Élém.*, 15.
 (⁸⁸) *Рюстовъ*, 2, стр. 153—154.
 (⁸⁹) *Thomas*, II, 92.
 (⁹⁰) *Quarré de Verneuil*, 204.
 (⁹¹) *Рюстовъ*, т. 2, стр. 94.
 (⁹²) *Ibid.*, II, 87—88.
 (⁹³) *I. v. H(ardegg)*: «Anleitung zum Studium der Kriegsgeschichte», Darmstadt und Leipzig 1868, II, p. 275; *La Barre Duparcq*: *Élém.*, 13—14.
 (⁹⁴) *I. v. H.*, 2, p. 278.
 (⁹⁵) *Quarré de Verneuil*, 203—206, 210—211; *La Barre Duparcq*, *Élém.*, 12—17.
 (⁹⁶) *La Barre Duparcq*, *Élém.*, 23.

- (97) Ibid., I, p. 25—26.
 (98) *Рюстосъ*, 2, стр. 95, 161—164; *Berneck*, 154—155.
 (99) *Рюстосъ*, 2, стр. 85.
 (100) «Les devoirs militaires des officiers d'infanterie et de cavalerie», par *De la Fontaine*, 1673, p. 404.
 (101) *Rocquancourt*, I, 231; *Berneck*, 163.
 (102) «Art de la guerre par principes et par règles», éd. in 4e, t. I, p. 120.
 (103) *La Barre Duparcq*, *Elém.*, p. 36—37.
 (104) *Рюстосъ*, 2, стр. 91, 92.
 (105) *Berneck*, 163.
 (106) *Рюстосъ*, 2, стр. 153—154.
 (107) *Brix*: «Geschichte der alter russischen Heeres-Einrichtungen», Berlin 1867, стр. 247—252.
 (108) Ibid., 434.
 (109) *Родиславский*: «Стрѣльцы», стр. 21; *Brix*, 433—434.
 (110) *Brix*, 265.
 (111) Ibid., 290—291.
 (112) Ibid., 290—302.
 (113) «Учение и хитрость ротного строя» и пр., изд. 1647 г.
 (114) *Масловский*: «Строевая и полевая служба русскихъ войскъ временъ императора Петра Великаго и императрицы Елизаветы», Москва 1883 г., гл. II—III.
 (115) *Quarré de Verneuil*, 219.
 (116) *Choppin*: «Histoire général des dragons», Paris 1879, p. 135.
 (117) *Quarré de Verneuil*, 218.
 (118) *La Barre Duparcq*, *Elém.*, p. 17—19.
 (119) *Gay de Vernon*: «Essai historique sur l'organisation de la cavalerie légère» etc., Paris 1853, p. 30—31.
 (120) *I. v. H.*, 2, стр. 279.
 (121) «Die Entsatz von Wien am 12 September 1683», Berlin 1883, стр. 48—53.
 (122) Ibid., стр. 69—71.
 (123) *Mühlwerth-Gärtner*: «Beiträge zur Geschichte der österreichischen Kavallerie», Wien 1882, Anhang I, стр. 4 (сочинение основано на архивныхъ документахъ); *I. v. H.*, 2, стр. 278; *Berneck*, 155, 157.
 (124) *I. v. H.*, 2, стр. 278.
 (125) *Mühlwerth-Gärtner*, An. 6—7, 12.
 (126) Ibid., An. p. 6; *Berneck*, 155.
 (127) *Brix*, 173—174.
 (128) *Бяляевъ*, 5—10.
 (129) *Флетчеръ*: «О гоеударствѣ русскомъ» (заграничное издание), стр. 57.
 (130) *Brix*, 175.
 (131) *Бяляевъ*, 23.
 (132) *Brix*, 273—286.
 (133) *Ивановъ*: «Обозрѣніе состава и устройства регулярной русской кавалеріи», С.-Петербургъ 1864 г., стр. 13; *Brix*, 439—440.
 (134) *Ивановъ*, 15—31.
 (135) Ibid., 31—54.
 (136) *Кн. Голицынъ*: «Всеобщая военная исторія новыхъ временъ», С.-Петербургъ, ч. I и II, стр. 72—92; *Бопланъ*: «Описание Украйны», переводъ съ французскаго, С.-Петербургъ 1832 г., стр. 4—8, 10, 54, 60—69; *Зварницкій*: «Запорожье въ остаткахъ старины и преданьяхъ народа», С.-Петербургъ 1888 г., 21, ч. I-я, стр. 1—7; *Скальковский*: «Исторія Запорожской Сѣчи», изд. 3-е.
 (137) *Rocquancourt*, I, 227; *Berneck*, 163—164; *Mühlwerth-Gärtner*, An., p. 11—16.

- (138) *I. v. H.*, 2, стр. 452.
 (139) *Денисовъ*: «Исторія кавалеріи» (рукописный переводъ съ англійскаго).
 (140) *Марковъ*: «Исторія конницы», Тверь 1888 г., ч. 3, вып. 4, стр. 44—56. Описание сраженія при Рокруа составлено авторомъ по новѣйшему сочиненію гр. Орлеанскаго, дающему обстоятельную исторію принцевъ Конде.
 (141) *I. v. H.*, 2, стр. 279.
 (142) *Berneck*, 164.
 (143) *Quarré de Verneuil*, 224—225.
 (144) *La Barre Duparcq*, *Elém.*, 19—21.
 (145) *Бранденбургъ*: Историческій каталогъ С.-Петербургскаго артиллерійскаго музея», С.-Петербургъ 1877 г., 2 ч., ч. 2, стр. 163—164. Трудъ весьма замѣчательный по своимъ научнымъ достоинствамъ.
 (146) Ibid., ч. I.
 (147) *Флетчеръ*, стр. 60.
 (148) *Бранденбургъ*, ч. I, стр. 101 (свидѣтельство иностранца).
 (149) *Эриштромъ*: «Исторія артиллеріи» (литогр. записки).
 (150) *Бранденбургъ*, ч. 2-я.
 (151) *Эриштромъ*: «Записки».
 (152) *Бранденбургъ*: «Матеріалы для исторіи артиллерійскаго управленія въ Россіи», С.-Петербургъ 1876 г., стр. 3.
 (153) *Бранденбургъ*, «Историческій каталогъ», ч. 2.
 (154) *Гуппюсъ*: «Л.-гв. Бомбардирская рота въ царствованіе Петра Великаго», С.-Петербургъ 1883 г., стр. 129 и слѣд.
 (155) Ibid., 173—174.
 (156) *Бранденбургъ*: «Историческій каталогъ», ч. 2, стр. 29—33.
 (157) Ibid., ч. 1, 234—250.
 (158) Ibid., ч. 2, 64—73.
 (159) Ibid., ч. 1, 180—195.
 (160) Ibid., ч. 2, 73—76.
 (161) *Feldzüge des Prinzen Eugen*, II Serie, II Band, стр. 97, 98, сравн. *Marchal*: «Abrégé des guerres du règne de Louis XIV», Louvain 1872, p. 131.
 (162) *Duvivier*: «La guerre de la Succession d'Espagne», t. 2, p. 135—146; «Vie du maréchal duc de Villars», écrite par lui même, 4 v., Paris 1784, t. 2, p. 88—98; «Feldzüge u s. w.», II S., II B., p. 96—108; «Histoire de Jean Churchill duc de Marlborough», Paris 1808, t. 3, p. 106—140.
 (163) *Favé*: «Études sur le passé et l'avenir de l'artillerie», Paris 1862—1876, 6 v., t. IV; *Эриштромъ*: «Литогр. записки по исторіи артиллеріи».
 (164) *Carrion Nizas*, II, 46.
 (165) *Mühlwert-Gärtner*, An., p. 17.
 (166) *Рюстосъ*, т. 2, стр. 82; *La Barre Duparcq*, *Hist.*, II, 231—233.
 (167) *Рюстосъ*, 2, стр. 97—105.
 (168) *Duvivier*, t. I, p. 315—317; «Feldzüge», I Serie, VIII Band, стр. 374—381; «Histoire de J. Churchill» etc., t. 2, p. 154—170.
 (169) *Duhesme*: «Essai historique sur l'infanterie légère», 3 édition, Paris 1864, p. 237—252.
 (170) *Mühlwerth-Gärtner*, An., p. 17.
 (171) *Le C-te De Lort-Sérignan*: «Guillaume III. Étude historique sur la vie et les campagnes de ce prince», Paris 1880, p. 33—34.
 (172) *Duvivier*, t. I, p. 118—119; *Carrion Nizas*, 170—171.
 (173) *Carrion Nizas*, II, p. 116—125.
 (174) *Rocquancourt*, I, 272—273; сравн. *Marchal*, стр. 54—56.
 (175) *Mühlwerth-Gärtner*, 19.

- (176) *Thomas*, II, 252—256.
 (177) *Mühlwerth-Gärtner*, 19—20.
 (178) *Карцовъ*: «Военно-историческій обзоръ Сѣверной войны», стр. 17—18.
 (179) *Масловскій*, стр. 39—48. Идея обезпеченія фланговъ вѣхотныхъ линій гренадерами не принадлежитъ Петру Великому; она была и въ теоріи и на практикѣ развита ранѣе Монтекукули, что у насъ въ то время было извѣстно.
 (180) *Масловскій*, 49—63.
 (181) *Ibid.*, 18—19.
 (182) *La Barre Duparcq*, *Élémt.*, 21.
 (183) *I. v. H.*, 2, стр. 463—464.
 (184) *Миллеръ*: «Исторія крѣпостной войны со времени введенія огнестрѣльнаго оружія до 1880 года», переводъ съ нѣмецкаго Модраха, С.-Петербургъ 1880 г., стр. 35—36. Сочиненіе замѣчательно по богатству выводовъ.
 (185) *La Barre Duparcq*, *Hist.*, II, p. 240.
 (186) *I. v. H.*, 2, 464.
 (187) *La Barre Duparcq*, *Hist.*, II, 216—217.
 (188) *I. v. H.*, 2, 464.
 (189) *Ласковскій*: «Матеріалы для исторіи инженернаго искусства въ Россіи», С.-Петербургъ 1858 г., ч. I. Обширный трудъ, цѣнный замѣчательнымъ обиліемъ фактическаго матеріала.
 (190) *Флетчеръ*, 59—60.
 (191) *Ласковскій*, ч. I.
 (192) *Ibid.*, ч. II.
 (193) *Ibid.*, ч. III.
 (194) *Ibid.*, ч. II. Считаемо необходимымъ замѣтить, что мы нѣсколько иначе освѣщаемъ этотъ вопросъ, нежели цитируемый авторъ.
 (195) «*Mes Réveries*». «Maurice S-te de Saxe», изданіе 1757 г.; новѣйшее сокращенное изданіе появилось въ 1877 г. Наша цитата относится къ стр. 129—132 послѣдняго изданія.
 (196) *Рюстова*, 2, стр. 183—184, 188—190.
 (197) *Dussieux*, 2, стр. 300, 302, 305, 309.
 (198) *Розенгеймъ*, 207—217.
 (199) *Рюстова*, т. 2, стр. 124—147, 193—209.
 (200) *Mühlwerth-Gärtner*, 22—23.
 (201) «Кожуховскій походъ» и примѣчанія къ описанію его г. Семевскаго, «Военный Сборникъ» 1860 г.
 (202) *Устрляовъ*, т. 2, стр. 135—140.
 (203) *Чичеринъ*: «Исторія л.-гв. Преображенскаго полка», т. 2, стр. 466.
 (204) *Carrion Nizas*, II, 83.
 (205) *I. v. H.*, II, 279—282.
 (206) *Carrion Nizas*, II, 149.
 (207) *Ibid.*, II, 153.
 (208) *I. v. H.*, II, 273—274.
 (209) *Ibid.*, II, 284—292.
 (210) *Hermann Pastenaci*: «Die Schlacht bei Enzheim»; составляетъ 13-ю тетрадь дройзеневскихъ: «Hallesche Abhandlungen zur Neueren Geschichte», Halle 1880. Обращаемъ вниманіе военныхъ историковъ на это превосходное изданіе, заключающее въ себѣ рядъ научно обработанныхъ монографій по новой исторіи, причемъ перѣдко труды эти касаются специально военныхъ событій, какъ, напримеръ, въ данномъ случаѣ. Помимо документально разработаннаго описанія сраженія, авторъ дѣлаетъ достойную вниманія критическую оцѣнку основныхъ источниковъ.

- (211) *Rocquancourt*, I, 271.
 (212) *Наполеонъ*: «Записки о походахъ Тюренна и Фридриха Великаго», Москва 1836 г., стр. 164—183.
 (213) *Carrion Nizas*, II, 149—151.
 (214) *Paul Lämke*: «Turennes letzter Feldzug 1675», Halle 1883, составл. 13-ю тетрадь въ дройзеневскихъ: «Hallesche Abhandlungen zur Neueren Geschichte». По научнымъ достоинствамъ почти не уступаетъ вышеупомянутому труду Пастенаци.
 (215) *Наполеонъ*: «Записки о походахъ Тюренна и Фридриха Великаго», стр. 184—192.
 (216) *Rocquancourt*: I, 290.
 (217) *Ducivier*, I, 180.
 (218) *I. v. H.*, II, 331.
 (219) *Ibid.*, II, 333.
 (220) *Ibid.*, II, 334—337.
 (221) *Ibid.*, II, 338—343.
 (222) *Ibid.*, II, 346—360.
 (223) *Chambray*: «Des changements survenus dans l'art de la guerre, depuis 1700 jusqu'en 1815», Paris 1830, p. 15.
 (224) *Ibid.*, 34—35.
 (225) *Renard*: «Histoire militaire», Bruxelles-Paris 1878, p. 79.
 (226) «Очеркъ кампаній 1701, 1702 и 1706 гг.» составленъ главнымъ образомъ по слѣдующимъ двумъ сочиненіямъ: 1) «Feldzüge des Prinzen Eugen», и 2) *Ducivier*: «La guerre de la Succession».
 (227) *Ducivier*, t. II, p. 308.
 (228) *Carrion Nizas*, II, 180—182; *Rocquancourt*, I, 238.
 (229) *Ducivier*, II, 302—315, 323—347; «*Vie du maréchal duc de Villars*», II, p. 196—246; *De Vogüe*: «Villars d'après sa correspondance et documents inédits», Paris 1888, t. II.
 (230) «*Mémoires de Napoléon*», t. III, p. 90.
 (231) *Король Оскаръ II*: «Карлъ XII». Извлеченіе изъ этого сочиненія помѣщено въ «Военномъ Сборникѣ» 1880 г., № 8 и 9. Недавно брошюра короля переведена и издана на русскомъ языкѣ въ полномъ ея объемѣ.
 (232) *Карцовъ*, стр. 67—77.
 (233) *Леръ*: «Петръ Великій, какъ полководецъ», «Военный Сборникъ» 1865 г., т. XLII.
 (234) *Карцовъ*, стр. 64—66.
 (235) *Ibid.*, стр. 78—87; *Гудима-Левковичъ*, стр. 117—118.
 (236) *Гудима-Левковичъ*, 120—132.
 (237) *Карцовъ*, 87—94.
 (238) *Гудима-Левковичъ*, 166—170, 176.
 (239) *Карцовъ*, 98—102.
 (240) *Книга Марсова*, 2-е изд. 1766 г., стр. 67—80; *Бутурлинъ*: «Военная исторія походовъ Россіянъ въ XVIII столѣтіи», С.-Петербургъ 1820 г., ч. I, т. II, стр. 274—312; *Карцовъ*, 103—118.
 (241) *Rocquancourt*, t. I, p. 297.
 (242) *Ibid.*, 297.

ОПЕЧАТКИ.

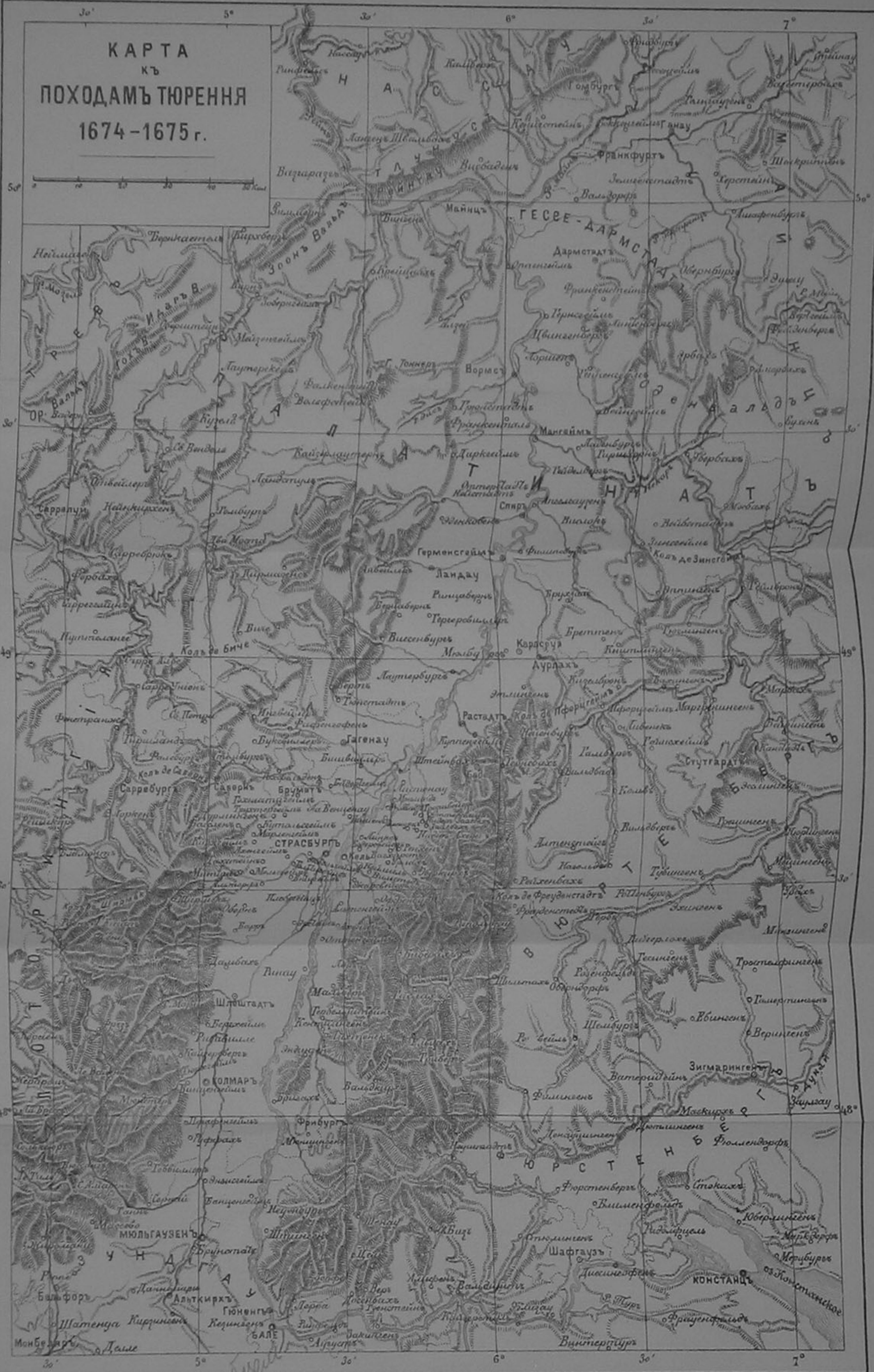
Страница.	Строка.	Напечатано	Слѣдуетъ.
4	16 снизу	рекрутъ.	рекрутъ (3).
12	14 >	(16)	(16)
23	8 >	казаки	казаки (21)
35	22 >	войной.	войной (22)
69	5 сверху	(24)	(24)
85	1 снизу	90 к.	90 к. (123)
89	13 >	арміи (126)	арміи.
108	планъ	при Мальплакѣ	при Мальплаке
>	>	Линьерской	Ланьерскій
115	16 снизу	баталіонъ.	баталіонъ (167).
173	планъ	р. Фехъ	р. Фехта
177	планъ	Урафенъ	Урлофенъ
184	2 сверху	организаторомъ	огранизаторомъ (218)
187	планъ	Оберъ Глаубенъ	Оберъ Глаугеймъ
>	>	Уитеръ Глаубенъ	Уитеръ Глаугеймъ
>	>	Бленгеймъ	Блиндгеймъ
>	>	Эйсбергъ	Эйхбергъ
10	1 сверху	года.	года (228).
244	планъ	С. Викторія	С. Виторія.

ПЛАНЪ ДЕНЕНСКИХЪ УКРѢПЛЕНІЙ И АТАКА ИХЪ 24 ІЮЛЯ 1712 ГОДА.

А. Фр артиллерія обстр. Дененскихъ укрѣпленія. В. Фр арт. обстр. непр. кавалеріи (А), вышедшую изъ укрѣпленій, и пѣхоту (С) спускающуюся съ моста (Г) который обрушивается подъ напорами оboзoвъ и пр. В. остатки австр. батал. спускающіяся черезъ мостъ (В). Н. Редуты въ рѣчищажаментахъ, прикрывающій голову моста.

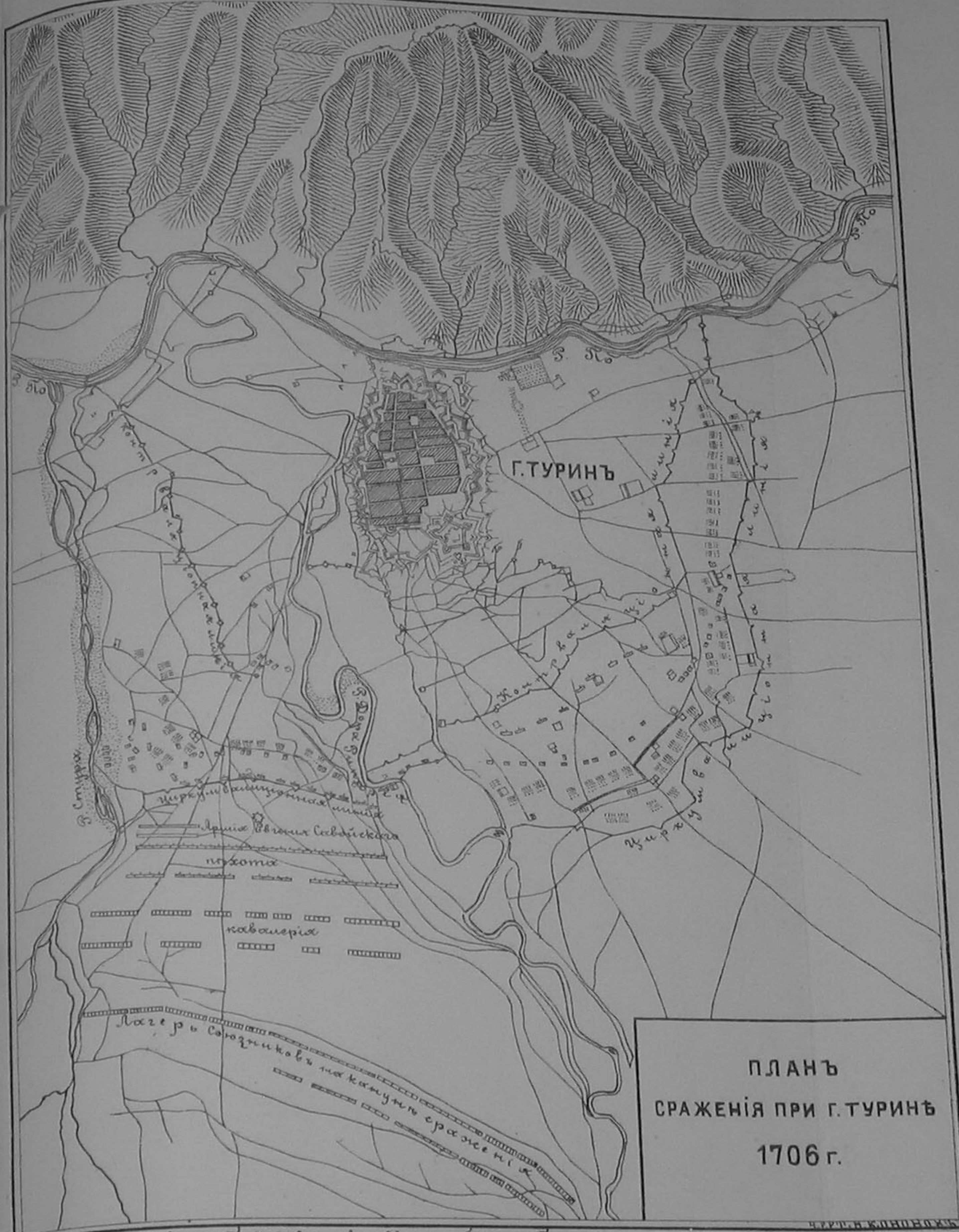
КАРТА
КЪ
ПОХОДАМЪ ТЮРЕННЯ
1674-1675 г.

КАРТА ПОХОДА 1706 г.

Расположение Имперцев по р. Этто
Французов
Маршевые линии Французов
Позиции Французов
Длинные разрывы Имперской армии
авангарда Импер арм.
Маршевые линии перед Импер кавалер отряд
Имперских войск.

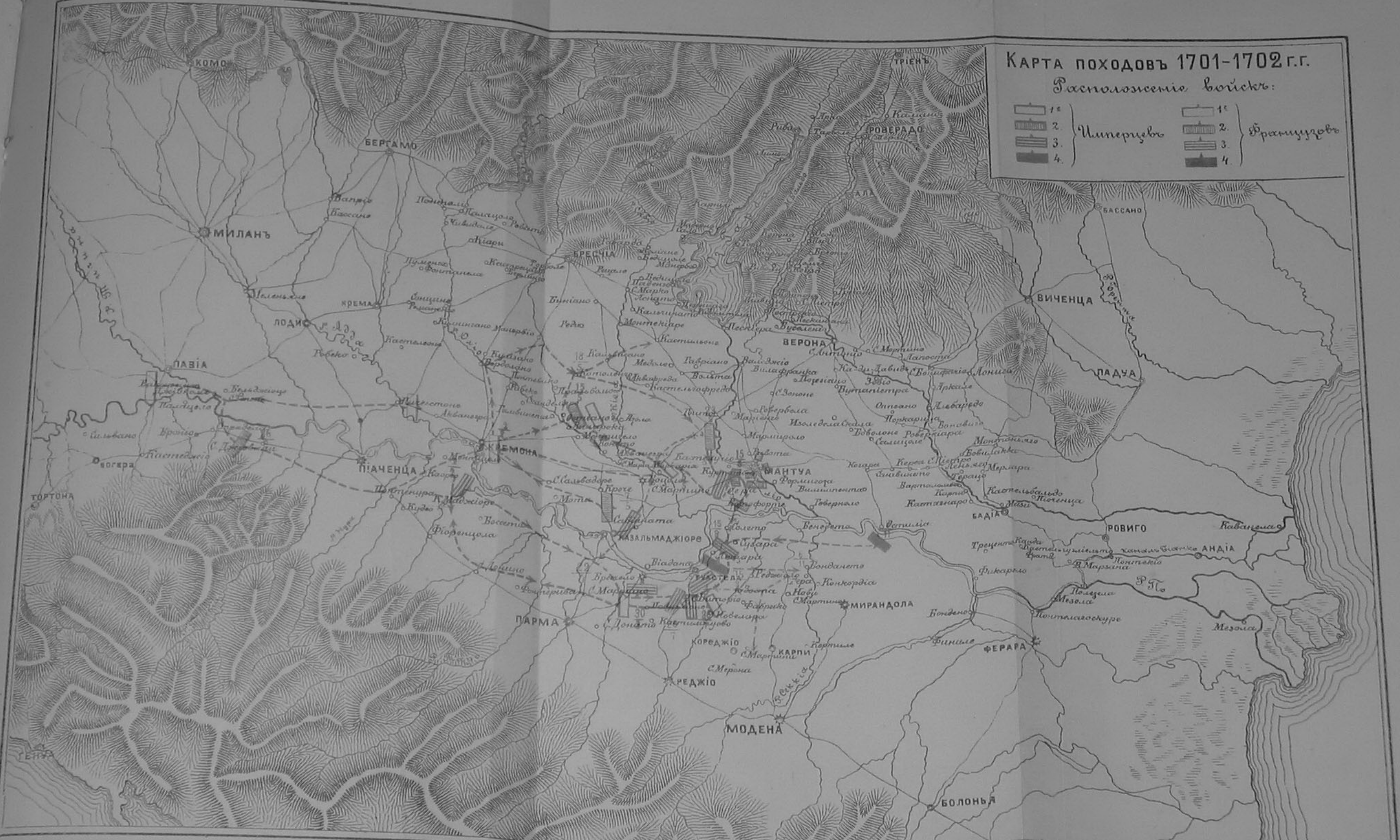
ПЛАНЪ
СРАЖЕНІЯ ПРИ Г.ТУРИНЪ
1706 г.

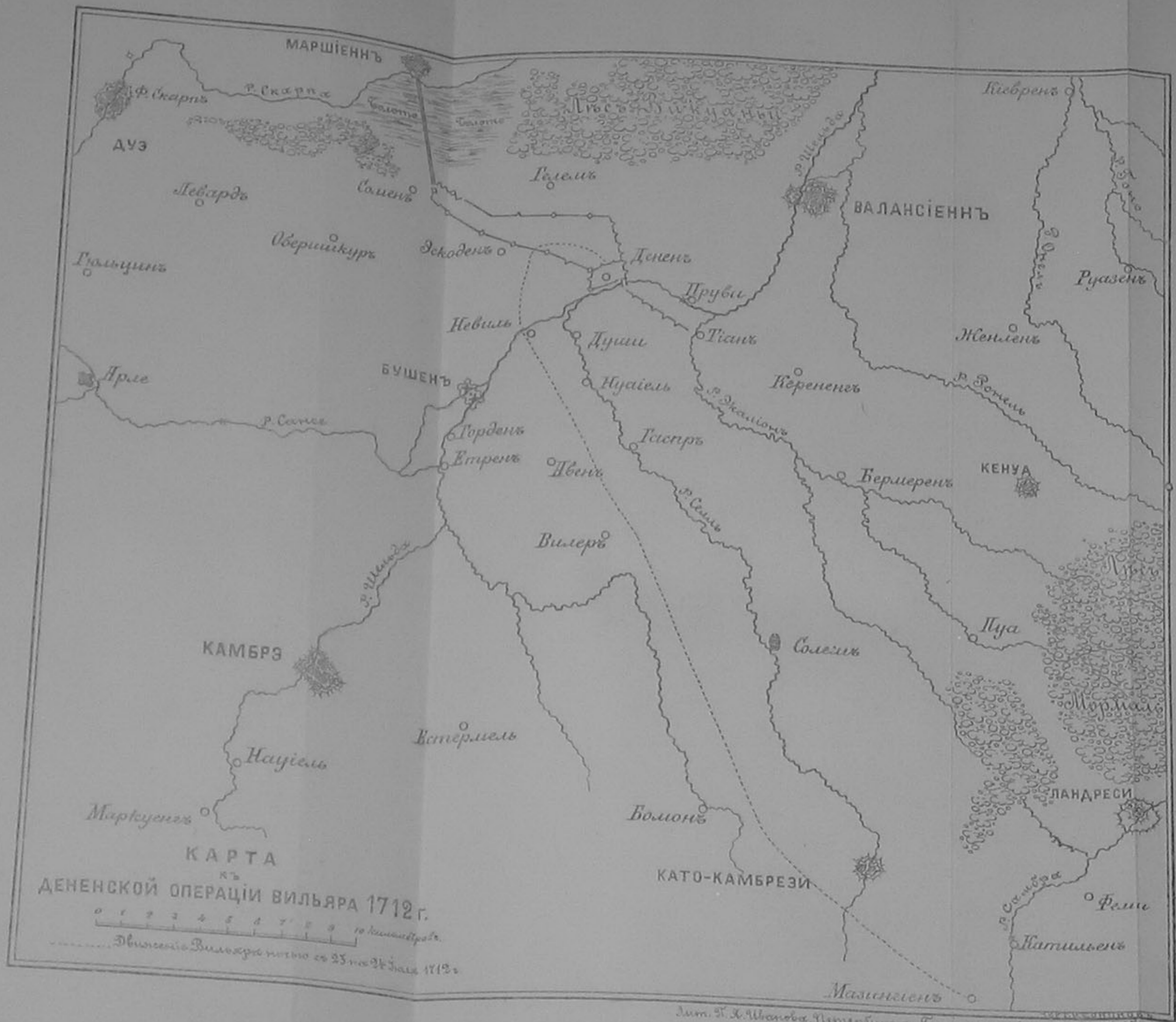
Лит. П. Я. Иванова, Петербургъ, Варшавская ул. Д. № 35.

КАРТА ПОХОДОВЪ 1701-1702 г.г.

Расположеніе войскъ:

	1	} Имперцевъ		1	} Французевъ
	2			2	
	3			3	
	4			4	

КАРТА
 КЪ
 ДЕНЕНСКОЙ ОПЕРАЦИИ ВИЛЬЯРА 1712 Г.

0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 километровъ.

..... Позиція Вильяра ночью съ 25 на 26 Июля 1712 г.